В.В.
Капнист

I

В.В. Капнист

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

В. В. Капнист

BK

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

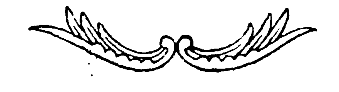
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(*Пушкинский Дом*)

В. В. КАПНИСТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВУХ ТОМАХ

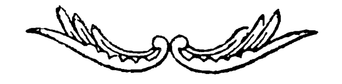


ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1960

В. В. КАПНИСТ

ТОМ ПЕРВЫЙ

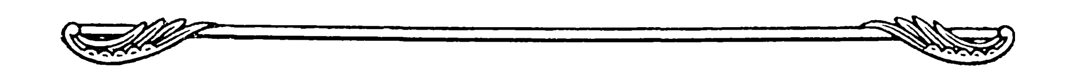
СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЬЕСЫ



РЕДАКЦИЯ
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Д. С. БАБКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1960

В. В. Капнист.



ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Жизнь и творчество В. В. Капниста до сих пор еще недостаточно изучены. Собрания его сочинений издавались очень редко. При жизни поэта были напечатаны всего лишь два сборника его стихотворений: «Сочинения Василия Капниста» (1796) и «Лирические сочинения Василия Капниста» (1806). Отдельной книгой была издана в 1798 году комедия «Ябеда».

В 1814—1823 годах Капнист готовил к печати полное собрание своих сочинений, но за недостатком средств оно не было напечатано. Многие неизданные произведения Капниста долгое время хранились у его сыновей, которые не решались издавать их. Такая осторожность объяснялась, очевидно, тем, что в рукописях поэта имелось немало острых в политическом отношении замечаний. Об элементах острой политической сатиры, рассыпанных в письмах Капниста, писала его правнучка Ина Петровна Капнист. «У нас имеются письма его к жене и друзьям, — писала она. — В них нужно еще разобраться. Василий Васильевич был человек независимый и не стеснялся в саркастических выражениях, относительно даже видных его современников».[1]

После смерти Капниста сборник его сочинений был издан А. Ф. Смирдиным в 1849 году. В этот сборник вошли ранее напечатанные произведения: комедия «Ябеда», стихотворения, оды горацианские и анакреонтические (переводы и подражания), четыре статьи и семь писем к А. А. Прокоповичу-Антонскому. А. Ф. Смирдин не ограничился перепечаткой произведений, вышедших в свет при жизни Капниста. Он присоединил к ним две пьесы: комедию «Сганарев» и трагедию «Антигона» (вторую редакцию), которые до того времени не были напечатаны.

Однако в издании А. Ф. Смирдина цензура не разрешила напечатать «Оду на рабство» и стихотворение «Славолюбие».

---

[1] «Одесские новости», 1898, № 445.

Не вошли в это издание многие произведения и письма Капниста, которые хранились в рукописях у его сыновей. Но, несмотря на эти свои недостатки, издание А. Ф. Смирдина до настоящего времени являлось самым полным собранием сочинений Капниста.

Некоторая часть стихотворений Капниста была перепечатана в I томе «Русской поэзии» (1897) С. А. Венгеровым. В 1907 году в издании И. Глазунова под редакцией А. Н. Чудинова был напечатан сборник «Избранных сочинений» Капниста. Этот сборник не содержал ничего нового по сравнению с прежними изданиями сочинений Капниста.

Несколько раз была переиздана отдельными выпусками комедия «Ябеда» (четыре раза А. С. Сувориным в серии «Дешевая библиотека» — в 1884, 1887, 1889 и 1902 годах — и в 1893 году в киевском издательстве Ф. А. Иогансона).

В 1869—1871 годах академик Я. К. Грот опубликовал в V и VI томах «Сочинений» Державина ряд писем из переписки Капниста с Г. Р. Державиным и Н. И. Гнедичем. Затем небольшая часть переписки Капниста была опубликована в различных изданиях.[2]

Отдельные публикации произведений Капниста были сделаны в начале XX века. А. А. Веселовский в статье «Капнист и Гораций» напечатал предисловие Капниста «К переводам и подражаниям Горациевых од».[3] Он же опубликовал поэму Капниста «Видение плачущего над Москвою россиянина 1812 года».[4] Одновременно с А. А. Веселовским напечатал эту поэму Н. А. Каноныкин.[5]

В 1941 году в серии «Библиотека поэта» был издан сборник «Избранных сочинений» Капниста под редакцией Б. И. Коплана. В этом сборнике впервые напечатано более двадцати стихотворений Капниста.

В 1950 году нами был опубликован перевод Капниста с его обширными комментариями «Слова о полку Игореве».[6]

---

[2] Отчеты Публичной библиотеки в Петербурге за 1892 и 1895 годы; «Русский архив», 1892, № 8; А. Лазаревский. Частная переписка И. Р. Мартоса. Киев, 1898; И. Ф. Павловский. 1) К биографии В. В. Капниста. «Труды Полтавской ученой архивной комиссии», вып. XIII, 1915; 2) Из прошлого Полтавщины. Полтава, 1918; Б. И. Коплан. Из литературных изысканий конца XVIII—начала XIX в. Тверь, 1928.

[3] «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XV, 1910, кн. 1.

[4] «Русский библиофил», 1912, № 5.

[5] «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XVII, 1912, кн. 4.

[6] Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под редак-

После того, как настоящее издание было утверждено Институтом к печати, Государственное издательство художественной литературы выпустило в свет однотомник избранных произведений Капниста.[7]

Перечисленные нами сборники и отдельные публикации сочинений Капниста не содержат в себе всего его литературного наследства. Многие произведения Капниста и бóльшая часть его эпистолярного наследия не были опубликованы, что крайне затрудняло работу исследователей и одновременно вело к умалению значения творчества поэта и его роли в истории литературы и русской общественной мысли.

Настоящее издание предпринято в ознаменование исполнившегося 200-летия со дня рождения В. В. Капниста. Оно ставит своей целью дать полный свод сохранившихся произведений поэта и наиболее ценных его писем. Издание подготовлено на основе архивных разысканий разнообразного литературного наследия Капниста. В нем впервые публикуется более ста различных произведений Капниста и около двухсот пятидесяти его писем. Использование неизданных произведений и писем Капниста позволит исправить старые, неправильные представления о нем и полнее осветить связи его творчества с основными общественными и художественными проблемами его времени.

Настоящее издание состоит из двух томов. В первый том входят все сохранившиеся стихотворения и пьесы Капниста; во второй — переводы Капниста, его литературно-критические статьи и письма.

Внутри каждого раздела обоих томов произведения и письма расположены в хронологическом порядке.

Многие произведения Капниста имеются в нескольких редакциях. Капнист был взыскательным поэтом, чувствовавшим большую ответственность перед читателем. При переиздании своих произведений он вносил в них многочисленные поправки и изменения.

При наличии двух или трех редакций того или иного произведения текст воспроизводится нами, как правило, по последней редакции. Но мы не механически следуем этому правилу, зная, что последняя редакция произведения не всегда является более совершенной. Для решения проблемы выбора текста необходимо было изучить особенности каждой редакции произведения, проследить, чем были обусловлены имеющиеся изменения в тексте.

цией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.

[7] В. В. Капнист, Сочинения, Вступительная статья Д. Д. Благого, подготовка текста и примечания Ю. Д. Иванова. М., 1959.

Анализ текстов произведений Капниста показывает, что в ряде случаев не последняя, а первая редакция произведения является наиболее полным и свободным выражением мыслей, чувств и настроений поэта.

Произведения Капниста, попадая в печать, часто искажались цензурой. Ярким примером такого искажения является текст комедии «Ябеда» издания 1798 года. В этом издании отсутствуют некоторые сцены, вычеркнутые в рукописи цензором Михаилом Туманским. Всего цензором было вычеркнуто из текста комедии более трехсот стихов.

Существенным изменениям подверглась во второй и третьей редакциях «Ода на смерть моего сына». В частности, в третьем издании этой оды была вычеркнута XXI строфа, в которой содержатся следующие обличительные стихи:

Возможно ль, зря коварство злое,
Ведуще правость в смертну сеть,
Порок, достоинство прямое
Хулою ищущий сотреть,
Зря стыд поправшую кичливость,
Держащу скиптр несправедливость,
У ног вельмож ползущу лесть,
Возможно ль, ими не гнушаясь,
От вида их не содрогаясь,
Их мерзости и злобу снесть?

Приведенные примеры показывают, что при издании сочинений Капниста нельзя безоговорочно брать за основу последние печатные редакции текста. Основной недостаток изданий сочинений Капниста, выпущенных А. Ф. Смирдиным, а также вышедших под редакцией А. Н. Чудинова и Б. И. Коплана, заключается в том, что в них были взяты за основу тексты последних печатных редакций без приведения имеющихся вариантов к ним. Это привело в конечном счете к тому, что самые сильные в идейном отношении места в произведениях Капниста, не попавшие в печать по цензурным соображениям, остались не известными читателям.

В настоящем издании учитываются все сохранившиеся редакции каждого произведения. Небольшие разночтения, имеющиеся в повторных печатных редакциях, приводятся нами в разделе вариантов. Для облегчения понимания каждого этапа работы Капниста над тем или иным произведением варианты текста даются раздельно по каждой редакции.

Вычерки цензора, сделанные в рукописях Капниста, приводятся отдельно. По ним можно судить о том, какие места в произведениях Капниста считались с точки зрения царской цензуры политически наиболее острыми.

В том случае, если текст того или иного произведения во второй редакции существенно отличается, в настоящем издании печатаются обе редакции произведения: одна из них помещается в основном корпусе тома, другая — в разделе «Другие редакции». Так, например, «Ода на рабство» печатается нами в двух редакциях: первая относится к 1783 году, вторая — к 1805 году. В двух редакциях печатаются комедия «Ябеда», трагедия «Антигона» и некоторые другие произведения. Соединение в одном произведении различных редакций его текста нами не допускается. Мы считаем, что такое соединение, как бы оно ни было обоснованно, представляло бы собою своеобразный редакторский монтаж, а не самостоятельное произведение писателя.

Орфография Капниста неустойчива. Одно и то же слово он дает в различных написаниях. Например: «истина» и «истинна», «хоровод» и «коровод», «алтарь» и «олтарь», «феатр» и «театр», «кстате» вместо «кстати», «ночь» и «нощь» и т. п. В написании ряда слов сказались особенности произношения украинского языка, который Капнист очень любил. Например: «грывня» вместо «гривна», «лышний» вместо «лишний», «стыхия» вместо «стихия», «стых» вместо «стих» и т. п.

В настоящем издании орфография принята современная; сохраняются только те особенности капнистовских написаний, которые могут свидетельствовать о своеобразии его произношения или употребления грамматических форм. Устранены без всяких оговорок явные опечатки, описки или несообразности пунктуации, искажающие смысл текста Капниста.

Варианты даются к тексту, печатаемому в основном корпусе тома. Варианты к приложениям, к разделу «Другие редакции» не приводятся.

Цифры на полях текста стихотворений и пьес дают счет стихов в пределах каждого произведения. Если стихотворения разделены на строфы, то цифры на полях обозначают счет строф; если разделения на строфы нет, то дается порядковый счет стихам: 10, 20, 30 и т. д. В отдельных циклах мелких стихотворений — «Встречные мысли» и «Случайные мысли» — даются порядковые номера стихотворений.

В ломаные скобки < > заключены окончания сокращенных у Капниста слов, а также заглавия произведений и отдельные слова, введенные нами.

В конце каждого тома печатаются примечания к произведениям и письмам Капниста, в которых содержатся необходимые сведения текстологического, библиографического и справочно-фактического характера. Мы стремились ввести в эти примечания максимальное число новых данных, извлеченных нами из

архивов и неопубликованной переписки Капниста с друзьями и родственниками. Эти данные касаются обстоятельств работы Капниста, откликов современников на его произведения, цензурных гонений на некоторые из них. При комментировании произведений были использованы отдельные примечания, составленные самим Капнистом.

Некоторые произведения Капниста не сохранились или находятся в недоступных нам коллекциях частных лиц. Нам не удалось разыскать следующие стихотворения, которые Капнист перечисляет как ненапечатанные в одной из своих записок: «Руссо», «Совет молодым», «Толстому», «Хрущеву», «Ревность Сафо», «Сократ и солнце» и «Старому другу Трохимовскому».[8]

Не удалось разыскать рукопись трагедии «Гиневра», о которой Капнист пишет в своих письмах. Неизвестно, где находится рукопись оды «На меч моего отца», о которой упоминает правнучка поэта И. П. Капнист.[9] Не сохранилась пьеса Капниста «Филимон и Бавкида», которая, как указывает М. И. Гоголь в своих воспоминаниях, ставилась на сцене в имении Д. П. Трощинского.[10] Не удалось разыскать либретто оперы «Эфир».[11]

Не включены в настоящее издание произведения, приписываемые Капнисту без достаточных на то оснований. В рукописном сборнике середины 1820-х годов А. В. Сильванова, хранящемся в Институте русской литературы,[12] Капнисту приписано сатирическое произведение под названием «Беспристрастный зритель нынешнего века». Однако, как установила Г. В. Битнер, данное стихотворение принадлежит кн. Д. П. Горчакову.[13]

Б. И. Коплан высказал предположение о том, что Капнисту принадлежит перевод двух песен (XII и XVI) «Илиады» Гомера.[14] Переводы указанных песен «Илиады» имеются в писарских копиях среди бумаг Капниста,[15] но ему не принадле-

---

[8] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (в дальнейшем: ИРЛИ), ф. 122, № 37.

[9] П. И. Капнист. Сочинения, т. 1, М., 1901, стр. XV.

[10] «Современник», 1913, апрель, стр. 250.

[11] На принадлежность Капнисту текста оперы «Эфир» указал М. Н. Лонгинов на экземпляре смирдинского издания сочинений Капниста, хранящемся в библиотеке Пушкинского Дома.

[12] Шифр: 9642/VII 6. 2.

[13] Эта сатира впервые была напечатана под названием «Письмо к приятелю или беспристрастный зритель» в альманахе «Памятник отечественных муз» (СПб., 1828), где автором ее назван Д. П. Горчаков. Затем эта сатира была перепечатана внучкой Горчакова Е. С. Горчаковой в «Сочинениях князя Д. П. Горчакова» (М., 1890).

[14] В. В. Капнист. Избранные сочинения, 1941, стр. XI.

[15] Копии хранятся в ИРЛИ, ф. 122, №№ 50 и 52.

жат. Из письма Капниста к гр. А. К. Разумовскому от 16 августа 1810 года видно, что перевод этих песен «Илиады» принадлежит Н. И. Гнедичу.

Б. И. Коплан указал, что Капнисту якобы принадлежит стихотворение «Recitatif».[16] Стихотворение это в действительности принадлежит сыну В. В. Капниста, Семену Васильевичу.

П. Нечаенко полагал, что Капнисту принадлежит стихотворное послание «На новый год кн. А. Б. Куракину».[17] Автограф этого послания до сих пор не найден, оно сохранилось лишь в нескольких списках начала XIX века. Нам не удалось найти каких-либо сведений, подтверждающих принадлежность этого послания Капнисту. В литературе послание «На новый год кн. А. Б. Куракину» приписывается И. П. Котляревскому.[18]

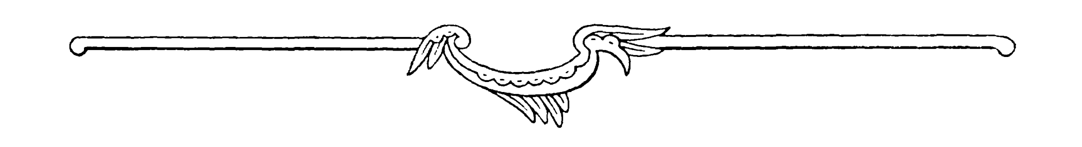
Для выявления новых материалов Капниста нами были обследованы рукописные фонды ряда центральных, республиканских и областных архивов нашей страны: Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного архива литературы и искусства, Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, Государственной публичной библиотеки УССР в Киеве, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и Государственной театральной библиотеки им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Большое число неизданных рукописей Капниста предоставила для настоящего издания Государственная публичная библиотека УССР в Киеве, за что приношу сердечную благодарность директору этой библиотеки В. С. Дончаку, зав. рукописным отделом Н. П. Визирю, сотрудникам библиотеки А. Г. Адаменко, Р. И. Черкасовой, И. Д. Лысоченко и И. В. Шубинскому. За помощь, оказанную мне в работе, выражаю благодарность Ф. М. Быковой.

---

[16] В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941, стр. 303.

[17] Прокофий Нечаенко. Леонтий Карпович. Русский проповедник 1615 года. «Маяк», 1843, т. XI, стр. 23.

[18] См.: Іван Петрович Котляревський. Повне зібрання творів, т. I, Київ, 1952, стр. 299—305.



В. В. КАПНИСТ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1

Капнист принадлежит к плеяде прогрессивных русских писателей конца XVIII — начала XIX века. Его творчество ценно для нас тем, что в нем отразились освободительные стремления двух братских народов — русского и украинского.

Василий Васильевич Капнист родился 23 февраля (12 февраля по старому стилю) 1758 года в селе Обуховке Миргородского повета Полтавской губернии (ныне село Великая Обуховка Миргородского района Полтавской области Украинской ССР).[1]

Отец поэта, бригадир Василий Петрович Капнист, происходил из греков, мать его, София Андреевна Дунина-Борковская, была украинка.

Капнисты, или Капнисос, были выходцами из Греции, с острова Занте. Дед поэта, Петр Христофорович, являлся одним из активных борцов против турецкого ига. Преследуемый турками, он бежал с сыном Василием в 1711 году из Греции в Россию под покровительство Петра I. Отец поэта вступил здесь в военную службу и начал именоваться Капнистом. Это был умный и мужественный офицер, отличившийся в ряде крупных сражений. В качестве полковника Миргородского полка он участвовал в 1737 году во взятии Очакова. За его военные

---

[1] До последнего времени относительно даты рождения В. В. Капниста в литературе существуют весьма противоречивые сведения. В одних статьях говорится о том, что поэт родился в 1757 году, в других называется годом его рождения 1756 год. Указанная здесь дата его рождения установлена нами на основании показаний самого В. В. Капниста, которые содержались в его неизданных рукописях и письмах (см. об этом нашу статью: К биографии В. В. Капниста. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1957, т. XVI, вып. 6).

заслуги императрица Елизавета Петровна подарила ему имение Обуховку и богатые земли на Украине.[2]

Жизнь Василия Васильевича Капниста сложилась очень своеобразно. Он не знал своего отца. В. П. Капнист пал геройской смертью в сражении при деревне Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 года, почти за полгода до рождения Василия Васильевича. Жизнь без отца наложила тяжелый отпечаток на юность поэта. У бригадира В. П. Капниста осталось пять сыновей, не считая родившегося уже после его смерти Василия Васильевича: Даниил, Николай, Петр, Андрей и Ананий. Между братьями возникла борьба за наследство. По-видимому, Василию Васильевичу, как родившемуся после смерти своего отца, пришлось отстаивать свои права на наследство. Он глухо упоминает о том, что в ранней юности у него были большие горести. В «Оде на смерть сына моего» он пишет:

О сын мой, если б ты судьбою,
Как твой отец, был искушен...
Когда б, как он, ты в юны леты
Всех бедствий горести вкусил,
Когда б дражайшие предметы,
Твою жизнь коим ты вручил,
Тебе внезапну изменили:
Сии любовь твою забыли,
Те верность дружбы твоея;
Толь горьку ощутя измену,
Тогда восчувствовал бы цену
Ты жизни скорбныя сея.

О своих юношеских горестях Капнист упоминает и в стихотворении «Милой Паше»:

С тоской я с юных лет спознался.
И горьку чашу пил.[3]

Детские годы поэта прошли в селе Обуховке. Он рос в окружении сельских жителей и казаков из украинских слободских полков, находившихся ранее под начальством его отца. Обуховку посещали учителя и переводчики, жившие в нежинском Греческом братстве. Бригадир В. П. Капнист часто принимал их у себя в доме и беседовал с ними.

В. П. Капнист был образованным человеком. Он интересовался науками и литературой. Им были составлены совместно с французским инженер-полковником де-Боксетом планы и карты Заднепровских земель. Он стремился дать своим детям

---

[2] Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 2. СПб., 1847, стр. 53.

[3] Здесь и далее все стихотворения Капниста цитируются по тексту настоящего издания.

хорошее образование. Его старшие сыновья, Петр и Николай, хорошо знали иностранные языки и изучали философию. Культурная традиция в семье поддерживалась и после его смерти. Жена его, София Андреевна, по-видимому, не жалела средств на обучение своего младшего сына. В Обуховке начали обучать Василия Васильевича Капниста, как он сам указывает в черновой рукописи «Отрывок бреда на досуге», французскому и немецкому языкам.[4]

До тринадцати лет В. В. Капнист жил в Обуховке. В конце 1770 года его отправили в Петербург определиться на военную службу. В его формулярном списке о службе имеется следующая запись: «В службу вступил лейб-гвардии в Измайловский полк капралом 1771 года в генваре».[5] Капрал — по тогдашнему времени первый унтер-офицерский чин. Строевой службы Капнист не проходил, а сразу же был определен в военную школу Измайловского полка, которая была открыта по инициативе премьер-майора этого полка А. И. Бибикова для малолетних унтер-офицеров из дворян.[6] В школе Измайловского полка Капнист, по-видимому, проявил хорошие способности к наукам и быстро начал повышаться в званиях. В сентябре того же 1771 года он был произведен в подпрапорщики, а еще через пятнадцать месяцев — в сержанты.[7]

В январе 1773 года Капнист был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. Это обстоятельство имело весьма важное значение для развития его поэтического таланта. В Преображенском полку служил тогда поэт Г. Р. Державин. Державин пробыл в Преображенском полку десять лет рядовым солдатом. Только за год до поступления сюда Капниста он получил первый офицерский чин — прапорщика. Капнист, очевидно, быстро подружился с Державиным. Точных данных о их первой встрече не сохранилось, но из писем Капниста видно, что дружба между поэтами завязалась в Преображенском полку. В письме к Д. А. Державиной от 22 августа 1816 года Капнист, выражая горечь по поводу смерти Державина, пишет: «Мне напоминает он, что скоро увижусь и я с сороколетным лутчим и любезным другом моим».[8]

---

[4] Д. С. Бабкин. К биографии В. В. Капниста, стр. 542.

[5] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем: ЦГИАЛ). Департамент народного просвещения, ф. 733, оп. 86, № 437, лл. 26—27.

[6] Русский биографический словарь. Бетанкур—Бякстер. СПб., 1908, стр. 18.

[7] Указанный формулярный список о службе.

[8] Источники писем Капниста, цитируемых здесь и в дальнейшем, указаны во II томе настоящего издания.

До нас не дошли ранние стихи Капниста, но, по-видимому, он начал писать их еще до встречи с Державиным. Эта встреча могла развить в нем больший интерес к поэзии. Державин, живя в солдатской казарме, писал любовные и сатирические стихи и читал их своим сослуживцам.

В декабре 1773 года Державин был зачислен в штат генерала А. И. Бибикова и отправлен в Поволжье для подавления пугачевского восстания. Но через несколько лет поэты вновь встретились и дружба их упрочилась надолго.

В 1774 году, будучи еще сержантом Преображенского полка, Капнист написал патриотическую оду на французском языке на случай мира между Россией и Турцией (Оттоманскою Портою). В 1775 году эта ода была издана отдельной брошюрой. Это было первое печатное выступление Капниста. 10 июля 1775 года он уволился из Преображенского полка с намерением полностью отдаться литературной деятельности.

2

Во второй половине 1770-х годов Капнист завязывает тесную дружбу с группой молодых поэтов, смело пробивавших себе путь к большой жизни в искусстве. Среди них следует прежде всего назвать талантливого баснописца Ивана Ивановича Хемницера и Николая Александровича Львова — человека разносторонних дарований, поэта, художника, архитектора. В течение ряда лет Капнист с помощью петербургских друзей занимается усовершенствованием своих знаний в области иностранных языков и литературы.

В небольшом поэтическом кружке, составившемся в конце 1770-х годов из Державина, Хемницера, Львова и Капниста, Львов играл видную роль как критик. Из сохранившихся рукописей этих поэтов видно, что они очень часто помогали друг другу советами и взаимной правкой стихов. В одной из литературных тетрадей Львова конца 1770—начала 1780-х годов имеются поправки стихов, сделанные рукою Капниста.[9] Но роль Львова в кружке поэтов была несравненно выше, чем других. «Сей человек, — писал Державин о Львове после его смерти, — принадлежал к отличным и немногим людям, потому что одарен был решительною чувствительностию к той изящности, которая, с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и для многих непонятным чувством, он был исполнен ума и знаний, любил науки и художества и отличался тонким и возвышенным вкусом,

---

[9] Эта тетрадь Н. А. Львова хранится в ИРЛИ, шифр: 16470/CIV6.20.

по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло. Люди, словесностью, разными художествами и даже мастерствами занимавшиеся, часто прибегали к нему на совещание и часто приговор его превращали себе в закон».[10]

Содружество этих поэтов оказалось весьма плодотворным. Они не повторяли друг друга, в творчестве каждого из них сохранялось индивидуальное своеобразие, но при всем этом у них было и много общего. Это общее, как правильно отметил П. Н. Берков, заключалось в «своеобразной форме литературного протеста против екатерининской эпохи».[11]

Первым значительным произведением Капниста явилась «Сатира I», написанная в конце 1770-х годов. Эта сатира, начинающаяся словами «Кто сколько ни сердись, а я начну браниться», свидетельствует о глубоком волнении поэта, потрясенного моральным разложением помещичье-чиновничьего класса. В ней изображена целая галерея порочных типов, заклейменных условными выразительными именами Бредоретов, Надутовых, Завистовых, Вредовых, Чудновых, Злохватовых и Драчей. Слог ее сжат и ясен; видно, что поэт превосходно овладел жанром сатиры.

В этом произведении Капнист бросил резкий упрек некоторым писателям, наполнявшим литературу пустыми, бессодержательными стихами, и призвал их

...без смыслу не греметь
И веру теплую к рассудку возыметь.

Среди пустых «рифмачей» были названы в сатире А. О. Аблесимов, Н. П. Николев и М. И. Веревкин, которые вошли в историю русской литературы главным образом как авторы комедий. Что касается их стихов, то они не имеют никакого литературного значения.

Наиболее резко Капнист обрушился на поэта Василия Рубана (названного в сатире Рубовым) за то, что он «ставил на подряд за деньги гнусные оды». Рубан действительно превратил писание стихов в доходное ремесло. Во многих его стихах откровенно звучат мотивы попрошайничества и вымогательства. Так, например, в послании к богачу Яковлеву он пишет:

---

[10] Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные, ч. 1, СПб., 1834, стр. 60.

[11] П. Н. Берков. В. В. Капнист как явление русской культуры XVIII века. «XVIII век», сборник 4, 1959, стр. 259.

Коль, Яковлев, тебе хвала для дочки люба,
Потщися, чтоб была мне тепленькая шуба,
Которую уже ты мне и обещал,
До сочинения еще ее похвал.[12]

В «Сатире I» Капнист продолжал традиции сатирической литературы конца 1760—начала 1770-х годов. Один из критиков, писавший тогда об этой сатире, отметил в ней связь с сатирами Сумарокова и Фонвизина, в частности с фонвизинским «Посланием к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке».

«Вы сказали, — пишет критик в письме к Капнисту, —

Где с кем я ни сойдусь, с кем речь ни начинаю,
Или невежество, или порок встречаю.
(Сатира I, ст. 5, 6).

По-видимому, наслышались от Ваньки, который говорит:

Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
И всякой, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.

Смотри Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке, стихи 50, 58, 60».[13]

«Сатира I» быстро создала Капнисту широкую известность. Многие современники, узнавшие в ней собственные изображения, обвиняли поэта в резкости тона, в больших преувеличениях. Капнист прослыл «дерзким ругателем». Некоторые знакомые стали отворачиваться от него. «Вот как твои теперь злодеи рассуждают», — писал Хемницер в послании к Капнисту по поводу откликов на его сатиру:

И о тебе вот как они все заключают:
Он хитрый человек, опасной, вредной, злой,
И бегают тебя, как язвы моровой.[14]

На стороне критиков, ополчившихся против Капниста, оказалась на некоторое время мать горячо любимой им девушки, его невесты, Александры Алексеевны Дьяковой. Она полагала, что Капнист вращается в дурной среде, и решительно запретила своей дочери встречаться с ним. Она перестала принимать у себя в доме также и друга Капниста, Н. А. Львова, который считал себя женихом второй ее дочери, Марии Алексеевны.

Чуждой и почти враждебной представилась Капнисту жизнь столицы. Молодой поэт посещал некоторые петербургские салоны и, как казалось ему сначала, имел в них благодаря своему таланту многих поклонников и поклонниц. Его принимал

---

[12] Лидия Гинзбург. Неизданные стихотворения Рубана. «XVIII век. Сборник статей и материалов», под редакцией академика А. С. Орлова, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 421.

[13] «Санктпетербургский вестник», 1780, сентябрь, стр. 236.

[14] ИРЛИ, шифр: 15.942/XCVIII б. 13.

у себя видный писатель-масон, организатор масонских лож в России, И. П. Елагин. «Вчера обедали у г-на Елагина», — сообщает Капнист А. А. Дьяковой в одном из своих писем.[15] Однако Елагину не удалось вовлечь поэта в масонскую организацию. Идеология масонства оказалась чуждой Капнисту. Не увлекли его и великосветские салоны, где принимали его, как он вскоре заметил, лишь ради забавы. «В молодости бредил я, — пишет он в черновой рукописи «Второй отрывок бреда на досуге», — что был любезен и даже любим красавицами, тогда как только забавлял их, как гаир, и служил вместо меледы, препровождением медленно текущего времени в отсутствии их любовников. Написав одну сатиру и оду, бредил, что двери храма муз для меня навстежь растворилися и что Аполлон посадил уже меня между Боало и Горация».[16]

В конце 1780 года Капнист покидает столицу и вместе со своим другом Хемницером едет в Обуховку. Обуховка — живописнейшее село, расположенное на берегу реки Псел. Кругом нее пестрели зеленые холмы, сады, поля. «Местоположение Обуховки и окрестные виды самые прекрасные, — писал историк А. И. Ермолаев, посетивший Капниста в Обуховке в начале XIX века. — Меня, как северного жителя, чрезвычайно занимают здешние сады. Куда ни посмотрю, везде или дуб от 12-ти до 15-ти саженей вышиною и в три мои обхвата толщиною, или вяз, или клен, или яблоня или грушевое дерево в $1/2$ аршина в диаметре, или сливы разных родов, осыпанные плодами, или греческие ореховые деревья, или шелковицы».[17]

И. И. Хемницер написал в Обуховке стихотворение «Письмо к другу», в котором выразил настроения, одинаково характерные как для него, так и для Капниста. Это «Письмо» сохранилось в получерновом виде, но в нем достаточно ясно выражен тот дух литературного протеста против власти екатерининских вельмож, который существовал в кружке Львова:

Блаженством сельским я теперь увеселяюсь
И дружеством ко мне Капниста наслаждаюсь;
И счастия не льщусь такого находить,
Чтоб беспокойствия, нашед его, нажить,
Чтоб пред боярами большими пресмыкаться
И думать, как в своем бы месте удержаться.[18]

Неудовлетворенность тогдашней действительностью Капнист выразил в незаконченной поэме «Искатель», написанной

[15] См. письмо № 3 во II томе настоящего издания.
[16] ИРЛИ, ф. 122, № 48, л. 10.
[17] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 211, № 3623-2.
[18] ИРЛИ, шифр: 15942/XCVIIIб.13.

им в 1781 году. Эта поэма символическая и в ка́кой-то мере автобиографическая. Автор рассказывает в ней о том, как он, покинув родных и друзей, пустился в бурный океан искать счастливую страну. Он верит, что такая страна где-то существует:

Но ежели ж, благой наставленный судьбою,
Как счастливый Коломб, и я страну открою,
До коей смертного не досягла нога,
То славу восприйму, нашедши берега,
Не тем подобные, которые вселенной
В дар дали с тьмою язв металл нам драгоценной,
Но те, где счастие невинных ждет сердец,
А злобой дышущих терновый зла венец.

Зимой 1781 года Капнист вернулся вместе с Хемницером в Петербург и женился на Александре Алексеевне Дьяковой. Почти одновременно он помог своему другу Н. А. Львову тайно обвенчаться с ее сестрой Марией Алексеевной.

3

В сентябре 1782 года благодаря протекции гр. А. А. Безбородко Капнист определился в Петербурге в Главное почтовое правление в качестве контролера, но через восемь месяцев после этого, в мае следующего года, он бросил эту службу и уехал на родину. Этот поступок официально ничем не мотивирован, но едва ли он был случайным. По-видимому, он являлся протестом поэта против закрепощения Екатериной II крестьян Украины. Выход Капниста в отставку по времени совпадает с известным указом Екатерины от 3 мая 1783 года, в силу которого все ранее свободные крестьяне Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств объявлялись крепостными людьми тех помещиков, на чьих землях застал их новый закон.

По выходе в отставку в 1783 году Капнист написал «Оду на рабство».[19] В этой оде он сосредоточил основное внимание на изображении страданий народа. Его интересуют те внутренние переживания, которые рождались в сердцах порабощенных людей.

Народ в цепях — таков зрительный образ, проходящий через все это произведение («И раздается звук цепей»); крестьяне изнывают от непосильного крепостного труда («Потоками льют

---

[19] Эта ода дошла до нас в двух редакциях. Первоначальная ее редакция, распространявшаяся в XVIII веке в рукописных списках, впервые публикуется нами в настоящем издании (см. раздел «Другие редакции»). Вторая редакция этой оды впервые вышла в свет в 1806 году Поскольку в тексте первоначальной редакции оды имеются существенные отличия, то при изучении ее приходится каждый раз оговаривать их.

пот кровавый»); они лишены всех радостей жизни, на которые имели права:

Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи:
Веселых песней глас утих.

В деревнях и селах, — пишет поэт в первоначальной редакции оды, —

Не песни слышны — вопль и стон.

Крестьяне запуганы помещичьим террором:

От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
Роптать против своих оков.

Поэт показывает глубочайшую трагедию народа. Главное в «Оде на рабство» — отражение трагической сущности российской действительности. Такое изображение народа в оде могло развиться лишь на конкретной исторической основе. Оно отражало реальную жизнь закрепощенного крестьянства в годы, непосредственно следовавшие за разгромом пугачевского восстания. В конце 70—начале 80-х годов XVIII века всякая инициатива народной деятельности была подавлена. В селах стояли правительственные карательные отряды. Народ в эти годы, терпеливо снося свой ярем, набирал силы для новой борьбы с поработителями.

«Ода на рабство» была создана в знак протеста против указа, изданного Екатериной II 3 мая 1783 года, о закрепощении крестьян Украины, но, будучи написана по конкретному случаю, она по своей идейной направленности имела более широкое общественное значение. В этой оде Капнист осудил не только закрепощение Украины, но и крепостничество в целом. В первоначальной редакции оды он говорит о пагубности крепостного рабства для всех народов:

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет дражайшия свободы,
Где раздается звук цепей —
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий горьку чашу пьют;
Под игом тяжкия работы
Ручьями льют кровавы поты
И злее смерти жизнь влекут.

Всю вину за страдания народа Капнист возлагал на Екатерину II. Он обличает ее в том, что она по отношению к закрепощенному ею народу полностью попрала принципы христиан-

ской морали, которые когда-то сама же провозглашала в своем «Наказе». Имея в виду ее высказывания в «Наказе» о христианской морали, Капнист пишет в этой оде:

А вы, цари, на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Образ Екатерины нарисован в оде по контрасту с образом народа. Поэт указывает, что хотя народ и унижен, но он незлобив; он велик даже в своем страдании. Екатерина изображена жестокой, лишенной элементарного милосердия к своим подданным. Такое контрастное сопоставление царицы и народа особенно ярко в картине, изображающей выход народа из своих жилищ на праздник по случаю дня восшествия Екатерины на престол:

Ты зришь, царица! се ликует
Стенящий в узах твой народ...
Из мысли бедство истребя;
А ты его обременяешь!
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя!

Из отдельных картин оды, изображающих Екатерину II, выделяется следующее сетование на мать — мотив, очень часто встречающийся в народных причитаниях и использованный Капнистом:

Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающеесь к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей;
Улыбке и слезам не внемлет;
В свирепстве от сосцей отъемлет
Невинный, благостный свой плод;
В страданьи с ним не сострадает;
И прежде сиротства ввергает
Его в злосчастие сирот.

Обличения Капниста особенно резко звучали на фоне тех похвал Екатерине, которые были ей рассыпаны в оде Державина «К Фелице». Державин абстрагировал образ царицы, оторвал его от реальной крепостнической действительности, возвысил до идеала. Он говорит ей:

Блаженство смертным проливаешь.

Капнист видел другую, реальную сторону действительности. Он указывал Екатерине:

Ты цепь на руки налагаешь.

«Ода на рабство» явно подрывала авторитет Екатерины. При таком контрастном сопоставлении правительницы России с ее подданными образ царицы мельчал, а иллюзия величия и славы, которою упивалась Екатерина, начинала меркнуть перед страданиями ни в чем не повинных людей.

В «Оде на рабство» поэт критикует крепостное право с позиций просветительства. Он указывает, что крепостное рабство вело страну к истощению:

Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

В художественном изображении закрепощенных масс Капнист сделал значительный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками в русской литературе. Все поэты, начиная с Кантемира, Сумарокова и кончая Поповым и Николевым, писавшие о тяготах жизни крепостных крестьян, видели зло лишь в действиях отдельных помещиков, а не в крепостнической системе в целом.

Искренний протест против крепостного права, выраженный в «Оде на рабство», ставит ее в ряд выдающихся произведений антикрепостнической поэзии XVIII века. Ода была написана почти одновременно с радищевской одой «Вольность», созданной в конце 1780-х годов. В. П. Семенников, производивший текстологические сопоставления «Оды на рабство» Капниста с одой Радищева «Вольность», указал, что между этими произведениями существует идейная близость. «Полагаем, — писал он, — что эти сопоставления указывают на несомненное соответствие отдельных мест этих двух од».[20] Наличие таких соответствий в «Оде на рабство» и оде «Вольность» давно уже поставило перед исследователями задачу выяснения идейных и творческих связей Капниста с писателем-революционером Радищевым.

Капниста и Радищева сближало их отрицательное отношение к крепостному рабству. Сама тогдашняя жизнь направляла чуткого, гуманного поэта Капниста к тем общественным проблемам, которые Радищев ставил перед русской литературой. Наши архивные разыскания последнего времени показывают, что Капнист был лично знаком с Радищевым. Он называл его «ста-

---

[20] В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пгр., 1923, стр. 448.

рым знакомцем». В Петербурге Капнист и Радищев более или менее постоянно вращались в одной среде, у них были общие друзья и знакомые: гр. А. Р. Воронцов, Е. Р. Дашкова, Н. А. Львов, О. П. Козодавлев и др. Капнист резко осуждал высокомерное отношение царских временщиков к писателю-революционеру. В годы александровской реакции, когда никто из критиков не решался высказать открыто свою солидарность с автором «Путешествия из Петербурга в Москву», Капнист дал высокую, принципиальную оценку его творчества. «Нет, я не гордец-вельможа и не временщик: — встреча с старым знакомцем всегда мне приятна, — писал он о Радищеве в 1815 году в письме к С. С. Уварову «О эксаметрах». — Признаюсь, мысли сего просвещенного человека во многих частях достойны уважения...»[21]

4

На Украине Капнист занимал ряд выборных должностей. В январе 1785 года он был избран предводителем дворянства Киевской губернии. В январе 1802 года его избрали генеральным судьею Полтавской губернии. В июле того же года малороссийский генерал-губернатор А. Б. Куракин назначил Капниста директором народных училищ Полтавской губернии. В 1812 году Капнист был избран кандидатом губернского маршала дворянства Полтавской губернии. В 1817 году он был избран маршалом дворянства этой губернии; эту должность исполнял до 1822 года. Почти вся деятельность Капниста протекала на Украине. Он рассматривал свою деятельность как общественную обязанность, как труд на пользу общества. Такой взгляд соответствовал его идеалу человека-гражданина, который он пропагандировал в своих произведениях. Свое согласие служить без жалованья директором народных училищ Капнист объяснял в письме к А. Б. Куракину от 11 июля 1802 года следующим образом: «Выбор вашего сиятельства в возложении на меня звания директора народных училищ сей губернии весьма ласкательно для моего самолюбия, как по отличию, которым вы удостаивать изволите слабые мои дарования, так и по вверяемому способу употребить оные на общую пользу».

О стремлении Капниста служить общественному благу говорит и А. Б. Куракин. «По известности мне о прямом и бескорыстном усердии к пользам общественным полтавского генерального судьи Василия Васильевича Капниста, — пишет он в письме

[21] См. нашу публикацию «А. Н. Радищев в оценке В. В. Капниста» («Русская литература», 1958, № 1, стр. 232).

к полтавскому губернатору А. Б. Солнцеву от 16 июня 1802 года, — склонив его просьбою моею принять на себя звание директора народных училищ сей губернии, дабы тем не только доставить улучшение училищ по опытному и известному просвещению особы, на то избираемой, но и возникающим заведениям приказа общественного призрения при недостатке сумм, сохраняя в пользу оного от звания директора училищ жалованье остающееся, преподать помощь ощутительную».[22]

Капнист разработал и представил Куракину план организации дворянского училища. Замысел Капниста по организации училищ, по-видимому, был направлен к далеко идущим целям. Капнист стремился к тому, чтобы создать училища не только для дворян, но и для народа. Этими замыслами он делился с украинским общественным деятелем, врачом М. Я. Трохимовским. Трохимовский ему на это ответил: «Вы, сострадание и человеколюбие к бедным и неимущим взымая, может быть, в общественном смысле удивляетесь моему жестокосердию и простираетесь даже до благородных дел Приказа общественного призрения. Я ж имею предметом бедность и скудость одних дворян, которые по миру не ходят и не просят милостыни».[23]

Особенно напряженной жизнью Капнист жил в период 1780—1790-х годов. В эти годы поэт проводил свое время в непрерывных путешествиях.

Особенно часто он ездил в Петербург, который он называл «ужасным лабиринтом». Этот не любимый им город имел в то же время для него большую притягательную силу. В Петербурге печатались его произведения, решались все общественные и его личные дела, в этом городе жили его лучшие друзья.

Какую цель преследовали путешествия Капниста и какое они имели значение для его творчества? Некоторым его обуховским друзьям они казались беспричинными. То, что он называл причиной, им казалось искусственной отговоркой, за которой скрывалось что-то другое, непонятное им. «Желали бы в точности ведать, зачем вы так медлите в столице? — писал Капнисту врач М. Я. Трохимовский, лечивший его детей в Обуховке. — Такие мы простаки, нам кажется, что пустяки и по сей час держат в столице вас; а право и с нами бы можно пить и кислы щи и квас, а порою запили бы водою».[24]

---

[22] И. Ф. Павловский. К биографии В. В. Капниста. Из переписки малороссийского генерал-губернатора князя А. Б. Куракина с В. В. Капнистом. Полтава, 1915, стр. 4—5.

[23] Государственная Публичная библиотека УССР в Киеве (в дальнейшем: БУАН), шифр: III.23783. (Письмо без даты).

[24] БУАН, шифр: III.23782. (Письмо от 26 июня 1793 года).

Капнист, вероятно, и сам не всегда мог дать точный ответ на вопрос, что побуждало его к постоянным странствиям. Среди причин были различные обстоятельства общественного, сугубо личного и литературного характера, и отделить их друг от друга не представляется возможным.

Частые поездки в Киев были связаны с его деятельностью предводителя дворянства Киевской губернии. В 1786—1787 годах у него много сил отняла подготовка к приему Екатерины II, путешествовавшей со своею свитой по югу России. Он как предводитель дворянства должен был выступить перед нею с приветственной речью. В письмах к жене он жаловался на то, что эта подготовка привязывала его к Киеву. «Как только дорога станет хоть сколько-нибудь сносною, — писал он А. А. Капнист в письме от 14 ноября 1786 года из Киева, — сяду в кибитку и приеду повидаться с тобою, хотя дела и приготовления к приему ее величества и требуют моего присутствия здесь. Ах, милый друг мой, как тягостны мне возложенные на меня обязанности! Сколь был бы счастлив, ежели мог бы от них отделаться и неразлучно жить с тобою».

Одно из длительных путешествий Капниста в Петербург было связано с его проектом о формировании добровольческих полков из украинских казаков. Этот проект был составлен им в начале 1788 года, в тяжелый для России момент, когда на южные ее границы наступали войска Турции, а с Балтийского моря угрожал Петербургу мощный шведский флот. Проект Капниста назывался: «Положение, на каком может быть набрано и содержано войско охочих казаков». В украинских губерниях насчитывалось тогда около полмиллиона казаков. Большинство казаков имело хорошую военную подготовку. В их среде сохранялись боевые патриотические традиции Запорожской Сечи. Екатерина II, несправедливо подозревавшая наличие среди них сепаратистских настроений, ликвидировала в 1775 году Запорожскую Сечь. С тех пор украинские казаки не использовались в качестве отдельных войсковых частей. Капнист предлагал сформировать из них полки для борьбы с турками. Его проект был передан Екатерине II. «О сем прошу мне доложить завтра и прочесть сей проект предо мною, — писала она гр. А. А. Безбородко, — чтоб можно было дать Капнисту решительный ответ».[25]

---

[25] Николай Григорович. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. «Сборник Русского исторического общества», т. 29, СПб., 1881, стр. 7. — Вокруг проекта Капниста о формировании добровольческих полков из украинских казаков до сих пор ведутся в печати споры. Некоторые буржуазные украинские историки пытались доказать, что Капнист, составляя этот проект, якобы имел тайное

Капнист, вступая на поприще общественной деятельности, мечтал, как он сам об этом пишет в одной черновой рукописи, что «слабые к пользе общественной подвиги доставят мне отличие и приобретут друзей».[26] Но он скоро увидел, что ошибся в своих надеждах. Его проект о формировании добровольческих полков из казаков не был принят. Проект послали на окончательное утверждение кн. Г. А. Потемкину, в бумагах которого он и затерялся.

Одной из важнейших тем творчества Капниста была тема крепостного права. После «Оды на рабство» он написал «Оду на истребление в России звания раба», в которой представил все выгоды, могущие произойти от уничтожения крепостничества:

Обилие рекой польется
И ризу позлатит полей.
Глас громких песней разнесется,
Где раздавался звук цепей.

«Ода на истребление в России звания раба» была написана по случаю издания Екатериной II указа 15 февраля 1786 года, которым повелевалось подписываться на официальных просьбах не «раб», а «верноподданный». Этот указ нисколько не облегчал положения крепостного крестьянства. Капнист, однако, использовал его как повод, чтобы доказать монархине, что рабство несовместимо с тем величием и славой, которые Россия завоевала среди мировых держав. Он говорит в этой оде:

С времен, в забвении лежащих,
Наш род был славен на земли.
Везде с молвой побед гремящих
Российски лавры возросли...
Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла.
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков.

намерение освободить с помощью казацких полков всю Украину от русской власти и передать ее под протекторат Пруссии [см.: Михайло Антонович (Бресляв). Козацький проект Василя Капниста. Сьогочасне й Минуле. — «Вісник украïнознавства видає наукове товариство ім. Шевченка у Львові», 1939, № 2]. Цель, с которою был написан названный проект, и патриотизм Капниста, проявившийся во всех его произведениях и письмах, не дают никаких оснований подозревать его в каких-либо тайных сепаратистских замыслах.

[26] ИРЛИ, ф. 122, № 48, л. 10.

Протест Капниста против крепостного права не имел никакого влияния на правительство. Екатерина II ответила на эту оду грубым окриком. Прочитав «Оду на истребление в России звания раба», она, как свидетельствует об этом В. Н. Каразин, приказала передать Капнисту следующее: «Вы де хотите <уничтожения рабства> на деле. Зась! Довольно и слова».[27]

Самые важные предложения Капниста, направленные на благо народа и государства, встречали непонимание или явное противодействие. У поэта постепенно усиливалось недовольство дворянским обществом. В письме к своей жене от 17 декабря 1785 года из Киева он пишет: «... все окружающее чуждо мне, делаю над собой усилие, чтобы разговаривать с людьми, с коими вынужден видеться и встречаться».[28]

В письме к жене от 26 сентября 1786 года из Киева он еще раз говорит о своем недовольстве той средой, в которой проходила его общественная деятельность. «Ах, друг мой! — восклицает он в этом письме, — сколь я несчастлив; в одиночестве, равнодушный ко всему, обремененный делами, чуждыми моему сердцу, я вынужден к тому же пребывать в жесточайшей неуверенности касательно твоей судьбы и лишен утешения услышать от тебя хоть одно словечко!»

Подобные настроения Капнист выразил в ряде лирических стихотворений, созданных им в 1780—1790-е годы. Чувство трагической отчужденности от окружающей среды с особенной силой было выражено им в «Оде на уныние», где он восклицает:

О когда б я мог мгновенно
В дикий пренестись предел,
Где бы лес дремучий, темной
Ввек людских следов не зрел;
Где б не стлался дым жилищный,
Ловчих клик не слышен был;
Где б лишь зверь скитался хищный
И в пещерах с бурей выл!

Жизненные наблюдения Капниста имели огромное значение для его творчества. Они копились годами. Капнист хорошо знал жизнь всех тогдашних сословий, начиная с сельского жителя и кончая богатым вельможей. Темы некоторых его произведений находятся в непосредственной связи с его живыми впечатлениями. Хорошее знание жизни помогло ему создать правдивые, острые, злободневные произведения.

---

[27] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 178, папка 3, ед. хр. 16. *Зась* — по-украински «не смей».

[28] Разрядка наша, — *Д. Б.*

5

Капнист прошел длинный и сложный путь идейно-художественного развития. Дарование его проявилось во многих жанрах. Основное место в его творчестве занимают лирика и драматические жанры.

Современники Капниста ставили его имя среди первых русских лириков. А. Писарев относил стихотворения Капниста к разряду философской лирики. Отметив, что талант Капниста уступает таланту Ломоносова и Державина, он писал: «Капнист не изумляет, но привлекает читателя; он действует не вдруг, но оставляет впечатление продолжительное; узнавши его, нельзя не полюбить, полюбивши, невозможно изгладить из памяти; блестящие соперники могут отвлечь от него человека, избалованного счастием, но при первом обороте судьбы Капнист предстанет ему как друг давнишний, всегда верный, постигающий его утраты, сострадающий его печалям и готовый вместе с ним проливать утешительные слезы. Так, глубокое душевное чувство и неизъяснимо прелестная унылость, соединенная с чистейшей философией, составляют отличительный характер лирических стихотворений Капниста. Они господствуют в его одах: К надежде, На смерть сына, На дружество, На уныние, Мотылек, Приют сердца и проч.».[29]

Писарев в основном правильно уловил отличительные свойства лирики Капниста. Державин и Капнист, каждый в соответствии с характером своей лирики, изложили свои понятия о лирическом поэте. В представлении Державина истинным лириком является тот, кто дерзостно возносится ввысь, кто в поэтическом вдохновении созидает города, состязается с «самим богом». В стихотворении «Лирик» Державин так говорит о поэте:

Трубит — и глас его несется
С Невы до Лены берегов.
Летит — и дол под ним смеется,
Как эхом тысячи громов.
Пятою черны бездны давит,
Челом касается звездам;
Дивит кого, страшит иль славит, —
Комета, метеор векам.
Возносит персть богов к престолу
И вержет истуканов долу.[30]

Капнистовское понятие о лирическом поэте связано с более простыми радостями и печалями. Капнист не стремится к внеш-

[29] А. Писарев. Похвальное слово В. В. Капнисту. «Атеней», 1828, ч. 2, № 5, стр. 67.

[30] Державин, Сочинения, т. 3, СПб., 1870, стр. 411.

нему эффекту, к созданию пестрых феерических картин, вызывающих у читателей восторженное удивление. Он сравнивает свою лирику с искусством трудолюбивой пчелы. В оде «Ломоносов» он пишет:

С такою дерзостью чудесной,
Изведав неусталость крыл,
Верх облак в синеве небесной
Российский сей орел парил.
Но я, как пчелка над землею,
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею;
Высокий страшен мне полет.

Главным настроением лирики Капниста является сострадание. На эту особенность его лирики указывал В. Г. Белинский. «Стих его отличался необыкновенною легкостью и гладкостью для своего времени, — писал Белинский о Капнисте. — В элегических одах его слышится душа и сердце».[31]

В лирике Капниста, особенно раннего периода, сильно развиты мотивы скорби и страдания. Капнист сравнивал свою поэзию с цветком, на котором слезы отложили всю горечь его сердца. Сильнее всего мотивы скорби им были выражены в стихотворениях, касающихся трагических событий личной жизни дорогих ему существ, родных или друзей. К числу таких стихотворений относятся оды на смерть сына, Плениры (поэтическое название жены Державина Екатерины Яковлевны), дочери Юлии, Львова и Державина.

При первом чтении лирических стихотворений Капниста создается впечатление, что поэт слишком замкнулся в круг личных переживаний. Но он неоднократно указывал, что предметами его скорби в одинаковой степени являются как личное, так и общественное горе. В «Оде на смерть сына моего» он говорит:

Драгих мне стран порабощенье
И друга верного лишенье
Оплакивал недавно я.
Се вновь жестокая судьбина
Велит мне смерть оплакать сына,
Предмет злой скорби моея.

Свою лирику Капнист называл «голосом соучастия». В стихотворении «Различность дарований» он пишет о себе:

Счастлив, коль голос мой унылой
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу...

---

[31] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 121.

Основными мотивами лирики Капниста являются жизнь и смерть, любовь и счастье, красота и дружба. В «Оде на смерть Плениры» он пишет:

Но что жизнь? — в родах — мученье;
В детстве — раболепства гнет;
В юности — страстей волненье;
В мужестве — труды сует.

Счастье, «пружину всех страстей», он сравнивает с хрупким стеклом:

Беды над миром непрестанно
Висят, как огустевша мгла;
В нем зло, как злато, постоянно,
А счастье бреннее стекла.
(«Ода на смерть сына моего»).

Красоту он называет недолговечной, сравнивая ее с солнечным лучом, сверкающим в каплях росы («Бренность красоты»). Он пишет о дружбе, схожей, как он говорит в «Оде на дружество», с огоньком, который светит издалека путнику, сбившемуся с пути в диком и темном лесу жизни.

Для выражения печали и страдания Капнист пользуется более или менее постоянными сравнениями и образами. Объекты сравнений он берет большей частью из природы. Природа используется в его лирике в различных аспектах. Она как бы сострадает человеку:

Не эхи лишь одни, вселенна
Со мною, кажется, скорбит.
Поблекшим злаком покровенна,
Земля являет томный вид.
Над лесом буря уж завыла.
Туман, простерший влажны крыла,
Лежавший мрак на лоне рек
Возлег на тучные лощины
И злачные луга, долины
В печально вретище облек.
(«Ода на смерть сына моего»).

Но природа бывает нема и безучастна:

Но мой вопль напрасно, повторен сторицей,
К другу в гроб стремится:
Все в природе немо; травка над гробницей
Не пошевелится.
(«На смерть друга моего»).

Часто в стихах используется образ леса. Лес — любимый сын природы («Обуховка»). Лес — место уединения мятущегося в печали человека («Ода на надежду»).

Поэт, потрясенный известием о сожжении французами Москвы, уходит в лес. Мрак леса усиливает его скорбь:

Постылы дня лучи мне стали,
Везде разящие предметы зря печали,
От света отвращал я зрак.
Делящих скорбь друзей, детей, жены чуждаясь,
Как вран ночный в лесах скитаясь,
Душевный в них сугубил мрак.
(«Видение плачущего над Москвою россиянина»).

Образ леса выступает в различных вариациях. В условиях мирных, безмятежных дней лес изображается местом «сладкого покоя» и «священных вдохновений» («Обуховка»).

Природу Капнист изображает большей частью конкретную, ту, среди которой он жил. Он часто упоминает в своих стихах реку Псел, на берегу которой стояла его деревня Обуховка.

На берег Псла, волной ярящейся подмытый,
Под явор, мхом седым покрытый,
Тоскою утомлен, возлег я отдохнуть.
(«Видение плачущего над Москвою россиянина»).

Лес, рощи, поля и луга поэтом были перенесены в стихи главным образом из обуховского пейзажа. «Каждому мил уголок свой, и каждый желает заставить других пленяться тем, что ему приятно», — пишет Капнист о своем пристрастии к обуховскому пейзажу в письме к А. А. Прокоповичу-Антонскому от 5 апреля 1820 года.

С особенной любовью Капнист изобразил обуховский пейзаж в стихотворениях «Обуховка» и «В память береста». В последнем он наделяет любимое им дерево индивидуальными чертами и оплакивает его гибель как потерю близкого друга.

В качестве объектов сравнений и образов Капнист часто берет луну и солнце. Луна в его стихах предстает как символ печали:

Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!
(«На смерть Юлии»).

Особенно много образных ассоциаций связано в лирике Капниста с солнцем. С ним поэт связывает легенды, сложившиеся еще в античном мире. Зрительное восприятие солнца Капнист изображает в поэме «Искатель»:

...из волн румяная заря
Выводит уж коней, везущих дней царя,
Предшествуя ему, она стыдясь краснеет,

Затем, что деве долг несвойственный имеет
Сего любовника с одра царицы вод
Из неги страстных игр весть на небесный свод;
В присутствии ее все оживляться стало:
Ночь, сняв блестящее звездами покрывало,
Отбегла к западу, за нею сны ушли,
Открылась тьма картин освещенной земли;
Полей зеленая косматая попона,
Луга, убежища, где Флора и Помона
Бросали не скупясь сокровища свои;
По золотому дну кристальные ручьи,
Стремящиесь из гор поить брега прекрасны,
Дыханье ветерков и хоры птиц согласны —
Природы радостной все изъявляло вид.

С солнцем ассоциируется античный миф об идеальном царстве гиперборейцев. В 1790-х годах Капнистом была написана статья «Краткое изыскание о гипербореанах», в которой он дал новое толкование этого мифа. Гиперборейцы — веселый, счастливый народ, живший в отдаленные времена в благодатном солнечном крае с хорошим климатом, на плодородной земле, которая дважды в год давала богатые урожаи. Общество их не знало никогда никаких войн, никаких распрей и болезней. Смерть приходила там только от пресыщения жизнью. Больше всех у жителей этого царства почитался бог солнца Аполлон. Ежегодно они прославляли этого бога в бесконечных гимнах и плясках.

Местожительство гиперборейцев мыслится в античных источниках очень неопределенно. По одним сообщениям, гиперборейцы жили где-то далеко на севере от Греции, по другим — на северо-западе, в пределах Северной Франции или в Британии, по третьим — в некоторых местностях, непосредственно прилегавших к Греции. Гиперборейцам отводили места и в самой Греции, например Делос и Дельфы, где сильнее всего был развит культ Аполлона.

Капнист популяризировал в русской литературе античный миф о солнечном царстве гиперборейцев. Он полагал, что гиперборейцы являлись древнейшими предками русского народа и жили в северной части территории современной России.

Наряду с такими произведениями, преобладающим настроением которых является скорбь, в лирике Капниста имеются иные, где настроения печали уступают место чувству радости или торжества. К числу таких произведений относятся ранняя его патриотическая ода на заключение мира между Россией и Турцией, оды «На отъезд в Италию графа Суворова-Рымникского», «На победы Росса в Италии», «В память столетия победы под Полтавою», «Петру Первому», «На всерадостное известие о покорении Парижа» и др.

Большой лирический энтузиазм вызвал у Капниста переход русских войск через Альпы. В оде «На победы Росса в Италии» поэт восклицает:

Сбылось предсказанное мною,
Сбылось — и российский Геркулес
На Гидру наступил пятою,
Чрез Альпы ногу лишь занес.

Однако оды, написанные Капнистом по случаю тех или иных торжественных празднеств, значительно слабее в художественном отношении его элегических стихотворений. В торжественных одах Капнист шел по дороге, как он сам отмечал, проторенной Ломоносовым и Державиным, уступая им в поэтической силе выражения мыслей. Изобразительные средства для своих торжественных од Капнист черпал главным образом из античной мифологии, которая не могла, как и всякая другая мифология, изображать природу и социальную жизнь в их конкретном виде. Так, например, Суворова Капнист сравнивает с Марсом, богом войны:

Как быстра молния сверкает
Средь туч и мрачной темноты...
Так гневный российский Марс стремится
С кровопролитна боя в бой.
(«На победы Росса в Италии»).

Французские войска, против которых Суворов был послан в Италию, Капнист сравнивает с титанами, ведшими борьбу против Зевса:

Сыны Титеи вновь родились,
Против небес вооружились.
Тифон и буйный Енкелад...
(«На отъезд в Италию графа
Суворова-Рымникского»).

Для характеристики Петра I Капнист также берет образы из мифологии античного мира. В стихотворении «Петру Первому» Петр сравнивается с древнегреческим героем Гераклом (Алкидом). Расправа Петра с боярской оппозицией, действия его в подавлении стрелецкого бунта у Капниста ассоциируются с легендой о том, как Геракл задушил Лернейского змея. Вся эта сложная цепь ассоциаций передается двумя стихами:

В младенческих летах коварные измены,
Второй Алкид, как змей, трикрат он задушил.

Капнист много занимался переводами. Он перевел ряд произведений классика римской литературы Горация и во многих своих стихотворениях подражал ему. Он стремился сбли-

зить русскую поэзию с античной классикой. Задачи, которые ставил Капнист в своих переводах, он сам указал в предисловии к переводам од Горация. «Желая по возможности содействовать к пользе отечественных муз и быв преисполнен уважения к первому римскому лирику, — пишет он в этом предисловии, — принял я смелость перевесть, большею частию подражательно, несколько од его и поместил оные в последнем издании моих сочинений. Они удостоились лестного благосклонных читателей одобрения. Успех сей побудил меня к продолжению подвига моего».

Капнист перевел ряд произведений и других авторов. Им были переведены поэма французского писателя Делиля «Сады», поэма Оссиана «Картон» и др. Особую ценность представляет собою его перевод «Слова о полку Игореве», в котором он предстает перед читателем как один из первых выдающихся истолкователей замечательного памятника древнерусской литературы.

Подлинная поэтическая сила и своеобразие таланта Капниста проявились в сатирическом обличении самодержавно-крепостнического общества. Сатира занимает в его творчестве большое место. Во втором издании «Сатиры I» Капнист заявил, что он в дальнейшем отказывается писать сатиры. Однако сатирическое обличение осталось навсегда присущим его творчеству. Даже в таком сугубо личном сюжете, как в «Оде на смерть сына моего», поэт не может воздержаться, чтобы лишний раз не обличить «коварство злое» и «у ног вельмож ползущу лесть».

Сатира в творчестве Капниста представлена в разных формах: здесь и гневное обличительное стихотворение, и колючая эпиграмма, и пародия, и комедия. Капнист написал несколько автоэпиграмм, в которых не пощадил некоторых собственных произведений.

Основную задачу писателя своего времени он видел в обличении пороков, социального зла и неправды. В «Оде на пиитическую лесть» он сказал:

Велик, в позднейши прейдет роды
Любимый Музами пиит,
Что чувства, мысль, красу природы
В стихах своих животворит;
Но больший тот, чья звонка лира,
Изобличая злобу мира,
Гремит лишь правдой в слух царей.[32]

Не из чувства злобы к миру Капнист иногда хмурил брови и читал «мораль», в чем упрекали его современники, задетые его «Сатирой I». Капнист пришел к сатире от любви к чело-

---

[32] Разрядка наша, — *Д. Б.*

веку, от горячего желания блага своей стране. Он стремился оружием обличительной сатиры заставить людей стыдиться своих пороков. В одной из своих эпиграмм он пишет:

Порокам лучшая узда
Есть ада страх и страх стыда.

6

Наибольшей силы обличительный голос Капниста достигает в его знаменитой комедии «Ябеда». «Это произведение, — писал о ней В. Г. Белинский, — было благородным порывом негодования против одной из возмутительнейших сторон современной ему действительности и за это долго пользовалось оно огромною славою...»[33]

О комедии «Ябеда» имеется большая литература. Ей посвящено больше статей и книг, чем какому-либо другому произведению Капниста. Особенно ценный анализ этой пьесы дан в работах советских литературоведов.[34] Однако следует отметить, что вновь найденные материалы позволяют продолжить изучение этой комедии.

Капнист не случайно выбрал жанр обличительной сатирической комедии. Выбор комедийного жанра был подготовлен, можно сказать, всей его поэтической практикой, его взглядами на задачи литературы.

Комедия «Ябеда» отличается острой политической направленностью. Большая сила ее заключается не только в обличении корыстолюбия и плутовства судейских чиновников, как полагали ранее некоторые литературоведы. Нельзя свести содержание комедии к изображению только одного чиновничье-судейского мира. В «Ябеде» Капнист нарисовал весьма широкую картину тогдашних общественных нравов в России. В пьесе содержатся неоднократные указания на преступления, которые совершались за пределами изображенного в ней круга чиновников Гражданской палаты.

Вот преступления помещика Праволова, которые перечисляет повытчик Добров:

Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.

---

[33] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, 1954, стр. 528.

[34] Комедия «Ябеда» рассматривается в статье Г. В. Битнер о Капнисте, напечатанной в IV томе академического издания десятитомной «Истории русской литературы»; в «Истории русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого. Специальному рассмотрению комедии «Ябеда» посвящены работа П. Н. Беркова «В. В. Капнист» (Л.—М., 1950) и монография А. И. Мацая «„Ябеда“ В. В. Капниста» (Киев, 1958).

В комедии рассказывается и о других помещиках, которые занимались так же, как и Праволов, грабежами. Повытчик Добров, перечисляя пострадавших от таких грабежей, докладывает председателю Гражданской палаты Кривосудову:

...вот у этого последнею землею
Грабительски его соседи завладели
И дом сожгли...
А этот, наконец, за поземельный спор
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился,
И в три дни отдал дух.

Секретарь Гражданской палаты Кохтин рассказывает о преступлениях, которые совершали помещики Тяпкин и Чужпродав:

По делу Тяпкина я более боюся,
Чтоб нам какой-нибудь не вышло кутерьмы.[35]

На широком фоне помещичьих преступлений, показанном в «Ябеде», действия группы судейских чиновников в комедии не кажутся чем-то исключительным. И это вполне понимает жена председателя Гражданской палаты Фекла. Когда стало известно, что Сенат отдает Кривосудова и других членов Гражданской палаты под суд, Фекла восклицает:

Да что! что он Сенат? Да что, что сенаторы?
В палатах разве лишь одних засели воры? [36]

Комедия «Ябеда» не была оторвана от традиций русской сатирической литературы предшествующего периода, обличавшей бюрократию, взяточничество и судебные непорядки. Обличение взяточничества и произвола судейских чиновников имелось в народных песнях и сказках. Тема о дурных подьячих занимала значительное место в творчестве Кантемира, Сумарокова, Фонвизина и в сатирических журналах 60—70-х годов XVIII века. Обличение взяточничества и неправосудия имелось в повести Михаила Чулкова «Пригожая повариха» и в русской драматургии 1770—1780-х годов: в комедиях «Лихоимец» В. И. Бибикова, «Подьяческая пирушка» А. О. Аблесимова, «Так и должно» М. И. Веревкина и «Судейские именины» И. Соколова. Однако комедия «Ябеда» значительно выделяется из всей предшествующей ей литературы о судьях-взяточниках. Капнист в своей пьесе объединил две темы: тему о судьях-взяточниках и тему о преступных помещиках-крепостниках. И не слу-

---

[35] Этот рассказ Кохтина содержится в тексте последней редакции комедии «Ябеда», который печатается в настоящем томе.

[36] Эти строки содержатся в первоначальной редакции комедии «Ябеда» (см. раздел «Другие редакции»).

чайно то, что главным отрицательным персонажем пьесы он изобразил помещика. Этот персонаж, помещик Праволов, в первоначальной редакции пьесы назывался Ябединым. Пьеса называлась «Ябедник». На образе помещика Праволова держится весь сюжет комедии. Праволов, задумав отнять имение подполковника Прямикова, подает в суд иск на Прямикова. Дело поступает в Гражданскую палату. Иск Праволова явно несправедливый, противозаконный. Это понимают все члены суда. Хитрый и осторожный председатель Гражданской палаты Кривосудов не сразу берется решать дело в пользу Праволова. Вот диалог, который происходит у Кривосудова с его женой Феклой в девятом явлении первого действия пьесы:

Фекла

Как он ‹т. е. Праволов› со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.

Кривосудов

А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.

Фекла

Однако ж, милый мой, ты должен пособить,
Ведь вспомни, как он нам...

Кривосудов

Да помню так, как должно;
Но памятью одной тут пособить не можно.
Тут надобен указ, иль право, иль закон.

Фекла

Законов столько!

Кривосудов

Так.

Фекла

Указов миллион!

Кривосудов

И это истинно.

Фекла

Прав целая громада.

Кривосудов

Все неоспоримо.

Фекла

Ну, так чего же надо?

Кривосудов

Безумна! надобно такой закон прибрать,
Чем виноватого могли бы оправдать.

Кривосудов стремится соблюсти видимость правосудия. Делает он это не из уважения к государственным законам, а исключительно из боязни попасть в Уголовную палату. В прошлом он немало подписал несправедливых решений. Пронесся слух о том, что в Сенат поступили на него жалобы. На протяжении всего действия пьесы страх перед возмездием не покидает Кривосудова. В седьмом явлении четвертого действия он говорит Фекле:

Жена, довольна ль ты? смотри, я подаюсь;
Но истину сказать, я, ей же ей, боюсь.

Фекла

Ты все-таки одно: привык всего пугаться.
Ведь не ходить и в лес, когда волков бояться.

Кривосудов

Хоть не боялся я до сей поры волков,
Но чем ведь дальше в лес, тем боле найдешь дров;
Ино, чтоб не зайтить в таку глухую пущу.

Что касается помещика Праволова, то он показан в пьесе более предприимчивым и хищным, чем судья Кривосудов. Праволов не знает никаких колебаний, он, попирая все права и законы, идет напролом к своей цели. В мире зла он действует как опытный дирижер: раздает судейским чиновникам взятки, спаивает их вином и этим склоняет их на свою сторону. Целый «гостиный двор» ценных подарков он посылает в дом Кривосудова, чем приводит в неописуемый восторг его жену Феклу. «Какой хабар!» — восклицает она, глядя на его подарки. Праволов обещает Кривосудовым жениться на их дочери Софье. Окончательно он склоняет Кривосудова на свою сторону тем, что дает ему деньги на покупку крепостной деревни:

А! кстати: слышал я, назад тому дней пять,
Что вздумали и вы деревню покупать;
И с выгодой притом?..

Кривосудов

Я б рад; да ежели мне нечем заплатить?

Праволов

Уж это не должно тревожить вашу думу.
Я вам могу служить: я точно эту сумму
Имею, и ее мне некуда девать.

Предложение Праволова купить деревню явилось для Кривосудова самым большим соблазном. Ни подарки, ни обещание

Праволова жениться на Софье, ничто другое так не помутило его осторожного рассудка, как перспектива стать владельцем собственных земель и крепостных крестьян. До этого момента на все уговоры Праволова Кривосудов отвечал одной фразой: «Да, дело плоховато!» При получении же денег на покупку деревни он в волнении встал с кресла и кинулся целовать Праволова, говоря ему: «Да быть так, уж добро...»

На следующий день Гражданская палата вынесла «согласное решение» отдать спорное имение подполковника Прямикова помещику Праволову, и только вмешательство Сената воспрепятствовало привести это решение в исполнение.

В комедии «Ябеда» Капнист ярко показал развращающее влияние крепостного права на судебную систему тогдашней России. Тип помещика Праволова, очерченный в этой комедии, очень близок к образам помещиков-рабовладельцев, нарисованных Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Антикрепостнический характер комедии «Ябеда» роднит ее с радищевской книгой. Комедия была задумана вскоре после издания Радищевым «Путешествия». Первоначальный план своей комедии Капнист составил в 1791 году.

До сих пор мы недостаточно знали историю создания этой комедии. В обстоятельной монографии А. И. Мацая о «Ябеде» так сказано о времени ее написания: «Вернулся Капнист из Петербурга в Обуховку в начале декабря 1793 г., „по первому санному пути". Здесь, раздосадованный бесполезностью долгого своего пребывания в столице, он и написал в 1794 г. знаменитую свою комедию».[37]

Но, как выясняется из неопубликованных материалов, Капнист закончил первую редакцию комедии еще до своей поездки в Петербург, о которой говорит А. И. Мацай.

В Петербург Капнист выехал из Обуховки в конце ноября 1792 года. В письме к А. А. Капнист от 10 декабря того же года он сообщает о том, что 8 декабря благополучно прибыл в Москву. «Пожелай мне доброго пути, — пишет он ей в указанном письме, — да уж буду в Петербурге, когда ты получишь сие письмо». Из дальнейших писем Капниста к жене видно, что он пробыл в Петербурге до конца ноября 1793 года. Что же касается комедии «Ябеда», то о ее существовании было известно на Украине некоторым лицам еще в конце 1792 года. Врач Михаил Яковлевич Трохимовский в письме к Капнисту из Сорочинцев от 26 июня 1793 года сетовал поэту за то, что он не дал ему прочитать эту комедию до своего отъезда в Петербург. «Наконец и вы меня удостоили письмом, — писал он Кап-

---

[37] А. И. Мацай. «Ябеда» В. В. Капниста. Киев, 1958, стр. 83.

нисту, — с приобщением оды, которую я читал с удовольствием, и хотя она в два дни на свет произведена, но может равняться с сочинениями, долговременностью рожденными. Но где ваша Ябеда? Для чего она скрывается и на свет не показывается? Разве для нее особливых театров не надобно, неужели она, хотя с небольшими оттенками, играется в правосудных приказах? С какою жадностию я ее прочитать хотел! Вы меня лишили сего удовольствия!»[38]

Из приведенного письма М. Я. Трохимовского можно заключить, что Капнист, не давший ему в Обуховке прочитать комедию, увез рукопись с собой в Петербург для показа в театре. Из переписки Капниста выясняется еще одна важная деталь. В 1793 году поэт оставил рукопись комедии в Петербурге своим друзьям для издания. Но дело это оказалось необычайно сложным.

После шумной истории с запрещением радищевского «Путешествия» обличительную комедию Капниста трудно было издать. Г. Р. Державин, Н. А. Львов и Ф. П. Львов обратились за помощью к тому же самому типографу, Иоганну Шнору, который продал Радищеву для напечатания «Путешествия» необходимый шрифт и печатный станок. После долгих уговоров Шнор согласился напечатать комедию, но цензура решительно запретила ее. Екатерининская цензура, напуганная французской и польской революциями, усмотрела в комедии Капниста разрушительный дух революционной Франции и Польши. О препятствиях, не позволивших издать в 1793—1794 годах комедию «Ябеда», рассказал брат жены Капниста, Г. А. Дьяков. В письме к Капнисту от 13 мая 1794 года он писал: «Федор <Петрович Львов> остался в <Петербурге> для отпечатания твоей комедии с Шнором, который весьма карачится. Не знаю, как он кончит... Комедию никак высвободить <из цензуры> Гаврила Романович <Державин> не мог, а мне и поготова. Теперь же в Польше началась комедь, так о нашей не хотят и слышать».[39]

Приведенные нами материалы показывают, что комедия «Ябеда» была написана немногим более чем через полтора года после выхода в свет радищевского «Путешествия». Основное сближение комедии с радищевским «Путешествием» следует искать не только в совпадении типов помещиков, очерченных в этих произведениях, но и в методе художественного изображения действительности.

Для творческого метода Радищева характерен показ желаемого, идеального в противоречии с действительным. В его по-

---

[38] БУАН, шифр: III.23782.
[39] БУАН, шифр: III.23624.

вести «Житие Федора Васильевича Ушакова» идеализированному представлению неопытного юноши Ушакова о своем будущем месте в аппарате самодержавно-крепостнического государства противопоставлен действительный мир государственных чиновников. «Ты поместишься в число таких людей, — говорится в этой повести, — кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почесться могут...»[40]

В резком противоречии с действительностью показаны Радищевым желания монарха, изображенного им в главе «Спасская Полесть». Этот монарх был уверен в том, что по его велению хранитель государственных законов объявит заключенным в тюрьмах царское милосердие. Но когда Истина-врач сняла с его глаз бельмы, то он увидел, что желание его было бесплодным. «Веление мое, — говорит прозревший царь, — или было совсем нарушено, обращаяся не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным оного толкованием и медленным исполнением. Милосердие мое сделалося торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом».[41]

Аналогичный метод изображения действительности наблюдается в комедии Капниста «Ябеда». Лейтмотивом звучат в комедии слова повытчика Доброва: «законы святы, но исполнители лихие супостаты».

Естественно, «лихим» исполнителям противопоставляется не идеальный мир законов вообще, а идеализированная воля монархини. И здесь вопрос сложнее, чем в главе «Спасская Полесть» радищевского «Путешествия». Радищев рисует отвлеченный образ идеального правителя, у Капниста же в первой редакции комедии речь идет о современной ему правительнице России, Екатерине II:

Она желает нам прямого всем добра,
Но мы хоть все из одного ребра,
Но не равно к добру мы все расположенны.
Свободу нам дает ее закон священный,
Дает он право нам самых себя судить;
Божествен суд ее, но где судей найтить?

Капнист в первой редакции комедии в какой-то степени идеализировал Екатерину II. Следует, однако, указать, что эта

---

[40] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 158.
[41] Там же, стр. 255.

идеализация связана не только с искренними или нарочито подчеркнутыми политическими иллюзиями писателя. Такая идеализация является также и элементом художественного метода.

С наибольшей художественной силой изображен контраст между желаемым и действительным в центральной сцене третьего действия комедии, в которой дочь Кривосудова Софья исполняет перед помещиком Праволовым и пьяными чиновниками похвальную песнь Екатерине II:

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы;
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

Последние слова этой песни пьяные чиновники цинично подхватывали следующим припевом:

Помути, господь, народ,
Да накорми воевод.

Характерно, что в последней редакции комедии идеализированный образ Екатерины II заменяется в песне Софьи поэтическим восславлением общественной добродетели, которая служит народному благу:

Хоть весь мир кто завоюет,
Счастливых не сыщет дней:
Средь победы звук цепей
Беспокойный дух волнует.[42]
Счастлив истинно лишь тот,
С правдой кто в миру живет.

Отличие редакций комедии говорит об известном рассеивании политических иллюзий в сознании автора, но меняет ли оно существенно художественный метод пьесы? Здесь по-прежнему противопоставлены желаемое и действительное. Обобщенная картина народного блага, заменившая идеализированный образ современной правительницы, привнесла в последнюю редакцию песни Софьи черты монументальности:

Клад свой Крез напрасно множит,
День над ним не спит, ни ночь:
Как его себе ни прочь,
Злой случай похитить может.
В свете всех богаче тот,
Кто лишь правдою живет.

---

[42] Разрядка наша, — *Д. Б.*

Комедия «Ябеда» знаменует собою важный этап в творчестве Капниста. Ею завершается первый период его творческих исканий. После головокружительного успеха, который принесла ему эта комедия, Капнист на некоторое время остановился. Современники ждали от него новых, не менее значительных произведений, а он молчал. «Мне живо жаль, что вы не судья, что вы с ябедою и вообще с неправдами дела более не имеете, — писал Капнисту протоиерей Киево-Софийского собора И. В. Леванда в письме от 23 января 1804 года, — они пищали в ваших руках, и им легче, свободясь от вас, а зато невинность стенать начнет. Не довольно ль вы награждались свидетельством совести, богом и благословлявшими имя ваше и сердце подсудимыми? Кажется мне, пока любить вас буду, — а не любить вас не можно, — что вы все вырываетесь у бога нашего из рук, сколь он ни ловит вас, коль ни прижимает отечески вас к себе. На что ж он вложил в душу вашу сей великий дар — не терпеть неправды? Чем же займетесь теперь? Крымом? Знаю, верю, жду, что новое, хорошее, полезное о Крыме будет; — но меньшей цены, нежели сокрушение ябед, утеснений и перелом насилий, что делал в эпоху свою бесценный мой Василий <Капнист>, произведенный на свет для сих отрад человечества».[43]

Леванда, спрашивая Капниста, чем же он займется теперь, поедет ли писать безобидный очерк о Крыме или по-прежнему будет сражаться с неправдами, очевидно, не подозревал о том, какую большую трагедию переживал в это время поэт в связи с вторичным запрещением комедии «Ябеда». После многолетних хлопот Капнисту наконец удалось в 1798 году поставить комедию на сцене и издать ее отдельной книжечкой. Но после четырех спектаклей на сцене Каменного театра в Петербурге комедия по указу Павла I была запрещена, а все экземпляры книги были изъяты из типографии. Однако этим мероприятием дело не ограничивается. Монарх не забывает о Капнисте. Указом Павла I от 31 октября 1799 года поэт был повышен в чине, «всемилостивейше пожалован» из надворных советников в коллежские советники и определен на службу в дирекцию императорских театров.[44] Обязанности Капниста должны были состоять, как об этом сказано в записке директора театров А. Л. Нарышкина от 9 ноября 1799 года, «в рассматривании всех пиес

[43] Киево-Софийский протоиерей Иоан Васильевич Леванда. Киев, 1879, стр. 271.

[44] ЦГИАЛ, ф. 497, 1799—1800 гг., оп. 97/2121, д. № 22 об определении в дирекцию чиновников и служителей. Выдержки из этого дела были напечатаны в «Архиве дирекции императорских театров», вып. 1 (1746—1801 гг.), отд. 2, СПб., 1892, стр. 552.

и переправлении оных, как человека совершенно сию часть знающего. . .»[45]

С одной стороны, Капнист официально был признан как выдающийся драматург, «как человек совершенно сию часть знающий», с другой — его комедия «Ябеда» оставалась под запретом. Такое двуликое, противоречивое отношение Павла I к поэту не было единичным фактом в его политике. Аналогичным образом Павел поступил и с Радищевым. Он одним указом разрешил вернуть Радищева из глухого Илимска в Россию, другим — приказал установить за ним ежедневное наблюдение.

История отношения Павла I к автору комедии «Ябеда» до сих пор остается не раскрытой. Существует легенда о том, что Павел I под влиянием доноса на Капниста якобы приказал не только изъять из типографии все экземпляры его комедии, но и сослать поэта в Сибирь. Однако Павел почувствовал некоторое сомнение в справедливости столь быстро принятого решения и, желая лично оценить комедию, велел представить ее в тот же вечер для него одного в Эрмитажном театре. Комедия ему понравилась, и перед концом спектакля он послал адъютанта вернуть Капниста с дороги. Достоверность этого рассказа пока не подтверждена документами, но и не отвергнута.[46]

После смерти Павла I Капнист при первой же возможности постарался уволиться из театральной дирекции. Однако пути дальнейшего творчества не были для него еще ясны. Из стихотворений, написанных поэтом в начале 1800-х годов, видно, что он напряженно искал новые формы сатиры. В начале 1800-х годов он создал сатирическую песню «Венерин остров», но из-за политической остроты содержания не мог напечатать ее. В этой песне он противопоставил тяжелой российской действительности жизнь воображаемую. Жизнь на воображаемом острове Венеры хороша тем, что там нет никаких притеснений, никаких насилий над людьми. «О, коль прекрасные места на острове Венеры», — воскицает поэт:

Там нет судилищ, ни судей;
Не властны царски лицы;
Надутых спесью нет людей. . .

Ни тяжб, ни ябед нету там,
Чрез знать не успевают.

От тюрем и заточенья
Нет там страждущих людей.

Война там смертных кровь не льет,
Нет подданных, неволи.

---

[45] Архив дирекции императорских театров, вып. 1 (1746—1801 гг.), отд. 2, стр. 552.

[46] См. об этой легенде в книге А. И. Мацая: «Ябеда» В. В. Капниста, стр. 167—170.

В конце 1790-х—начале 1800-х годов Капнист создает целый цикл переложений псалмов. Эти переложения довольно отчетливо передают его душевное состояние в эти годы. Они являются своеобразной формой его протеста против тяжелых условий жизни. В переложении псалма первого Капнист пишет:

Блажен, в совет кто нечестивых
Нейдет, на грешных путь не стал,
И на седалище кичливых
Губителей не восседал.

После тяжелого удара, перенесенного в связи с вторичным запрещением комедии «Ябеда», Капнист уже никогда более не возвращается к жанру комедии. В дальнейшем он испытывает свои силы в жанре трагедии. В письме к Н. И. Гнедичу от 29 сентября 1809 года из Обуховки он пишет: «О себе сказать вам ничего не могу, кроме, что видя все вещи в мрачном виде, я сделался из комедиеписателей плачевным трагиком. Всему на свете череда. Я довольно на нем посмеялся и посмешил; приходит пора дать над собою посмеяться».

В конце 1809 года Капнист завершает трагедию под названием «Гиневра». В конце 1811 года он закончил вторую свою трагедию «Антигона».

При создании трагедий Капнист опирался на творчество В. А. Озерова. Последний выступил в драматургии как представитель сентиментализма в тот период, когда старая театральная система классицизма уже утрачивала свое значение в глазах нового зрителя. Если трагедия классического репертуара стремилась восхищать зрителя героическими подвигами легендарных персонажей, то Озеров в своих трагедиях ставил задачу возбуждать сострадание к гонимому, несчастному человеку.

Капнист присутствовал в ноябре 1804 года на первой постановке в Петербурге трагедии Озерова «Эдип в Афинах» и пришел в восторг от нее. Он откликнулся на эту постановку стихотворным посланием к Озерову, в котором указал на главные достоинства трагедии:

Благодарю тебя, чувствительный певец!
В душе твоей сыскав волшебный ключ сердец
И жалость возбудя к чете, гонимой роком,
Ты дал почувствовать отрадным слез потоком,
Который из очей всех зрителей извлек,
Что к сердцу близок нам несчастный человек.

(«Владиславу Александровичу Озерову»).

В предисловии к трагедии «Антигона» Капнист прямо называет себя последователем В. А. Озерова. «Читатели приметят, конечно, — пишет он в этом предисловии, — что в трагедии моей много почерпнуто из сочинений г-на Озерова; в сем явном

похищении я отнюдь не извиняюсь, ибо принужден к тому был невольным наизусть вытвержением прекрасных его стихов, которые неприметно втеснились между моих и сделали меня вором без всякого предположительного умысла обкрадывать столь богатый образец».

В трагедиях Капниста на первый план поставлена тема несчастного человека. Основную задачу трагедии Капнист видел в том, чтобы возбудить глубокое внимание к невинно гонимому и заставить зрителя оплакать тяжелую судьбу страдальца. Теоретическое обоснование постановки такой темы Капнист дал в письме к императрице Марии Федоровне от 4 ноября 1814 года. «Трагическое зрелище наше старается обыкновенно трогать нас страстями, изнеживающими сердца,— писал он ей в этом письме, — редко возбуждает оно сострадание к угнетаемой злополучием добродетели. Я осмелился представить Антигону, разительный в древности образец всех нравственных доблестей, а наипаче дочерней и братской любви».

Насколько успешно поэт решал эту задачу в трагедии «Гиневра», мы не можем представить полностью, так как эта пьеса пока еще не найдена. Сохранился в бумагах Капниста лишь общий план ее.

Сюжет трагедии «Гиневра» Капнист заимствовал, как он сам пишет об этом в письме к А. Л. Нарышкину от 15 декабря 1809 года, из рыцарской поэмы итальянского писателя Людовика Ариосто «Неистовый Роланд». В песнях IV—VI поэмы Ариосто рыцарь Ринальд узнает о том, что дочери шотландского короля Гиневре (Джиневре) грозит смертельная опасность. Рыцарь по имени Луркен, повинуясь слепой ненависти, обвиняет ее перед королем, отцом ее, в том, что среди ночи она якобы ввела любовника во дворец. Строгие и суровые законы этого королевства присуждают всякую женщину, какого бы она ни была происхождения, к казни огнем, если через месяц не явится рыцарь, который бы сразился с ее обвинителем и доказал ее невинность.

Гиневра не совершала преступления, в котором обвиняет ее Луркен. Рыцарь Ринальд случайно встречает за городом служанку Гиневры Далинду и узнает от нее, что это она, переодевшись в платье принцессы, принимала ночью на балконе королевского дворца своего любовника, герцога Альбанского. Переоделась она в платье принцессы потому, что этого требовал от нее герцог Альбанский, который хотел оклеветать Гиневру за то, что она отвергла его любовь и предпочла ему храброго и честного итальянского рыцаря Ариоданта.

Оклеветанная, ни в чем не повинная Гиневра готовится к смертной казни. Король, оплакивая ее участь, приказал объя-

вить по городам и замкам, что рыцарь, вставший на ее защиту и разрушивший клевету, получит руку принцессы и богатое приданое.

Наступает последний день. Не находится никого, кто бы выступил против сильного Луркена в защиту Гиневры. Злодей торжествует. Только в самые последние минуты в поединок с Луркеном вступает жених Гиневры, Ариодант, который с горя бросался в море, но чудом спасся и вернулся в замок. Вслед за ним приезжает рыцарь Ринальд и окончательно спасает Гиневру от казни.

Трагедия «Гиневра» начиналась металогом, разговором двух зрителей у театрального подъезда. Хотя этот металог написан в шутливом, характерном для капнистовских автоэпиграмм тоне, но из него мы узнаем, что трагедия вызывала у зрителей слезы. Один из персонажей металога, Шутин, рассматривая театральную афишу, говорит:

Вот на! Трагедию опять
Нам нову захотели дать!
Гиневра! — эко имя чудно!
И даже выговорить трудно.
А все в театр бегут, бегут!
Я истинно не понимаю,
Что за забава людям тут?
О том, кого в глаза не знаю,
Как о родном своем, тужить,
О небылице разливаться
И понапрасну слезы лить...
Комедия — другое дело.
Покажется ль судьишка вор,
Смеюся я над плутом смело,
Над верхолетом, над скупцом
Или над барином глупцом.
Там рубль мой за потеху трачу,
А тут плачу за то, что плачу!

Судя по отзыву И. М. Муравьева-Апостола, отца декабристов, трагедия «Гиневра» представляла собою замечательное произведение. «Поздравляю вас! — писал он Капнисту по прочтении ее. — Я раз десять принимался читать 2-е явл<ение> 5-го д<ействия> и всякой раз плакал. Если актеры будут хоть сносны, то отвечаю вам, что партер будет рыдать. Прекрасно! прекрасно! и прекрасно!»[47]

Трагедии Капниста по своему содержанию не имели прямой связи с жизнью России. Однако поэт продолжал решать в них актуальные вопросы своего времени. Идея сострадания угнетенным и несчастным была широко развита Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». Эта идея в условиях алек-

---

[47] ИРЛИ, ф. 122, № 41, л. 2.

сандровской реакции являлась не менее прогрессивной. Слезы, вызванные трагедиями Капниста, не ослабляли воли к борьбе с тогдашней реакцией, а лишь усиливали гнев против тирании.

Трагедия «Антигона» сохранилась в двух редакциях. В первой редакции царь Креон терпит поражение от восставшего против него народа. Такая концовка ассоциируется с картиной суда народа над царем-злодеем, нарисованной в оде Радищева «Вольность». Мотив восстания народа в трагедии Капниста аналогичен мотиву радищевской оды «Вольность» — освобождение страны от власти монарха-тирана.

Антигона в трагедии Капниста горячо приветствует победу восставшего народа. Узнав от старого своего слуги Элфенора о том, что царь Креон свергнут народом, она восклицает:

Благословляю вас, о боги справедливы!
Что от тирана вы освободили Фивы...

Содержание понятия «народ» у Капниста не было устойчивым. В «Оде на рабство» он понимает под народом закрепощенное крестьянство:

Где благо, счастие народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь, —

пишет он в этой оде.

В ряде других произведений Капнист понимает под народом как сельское, так и городское трудящееся население. В трагедии «Антигона» он называет народом всех граждан Фив.

Но какое бы содержание Капнист ни вкладывал в понятие «народ» в своей трагедии «Антигона», самый факт оправдания в ней народного восстания против царя заслуживает должного внимания.

Капнист раскрыл более или менее подробно идейный замысел своей трагедии «Антигона» в письме к драматургу Владиславу Александровичу Озерову, написанном в марте 1812 года. В этом письме он говорит: «Я рассудил за благо убить Креона для того, дабы в трагедии моей не одна невинность страдала, но и зло наказано было. Признаюсь вам, что не могу извинить Софокла и Расина за оставление жизни сему извергу. Мы лучше с вами сделали, что убили тирана; и счастье для многих царств было бы, если б мы сыскали многих подражателей».[48]

Капнист учитывал в этой трагедии психологию массового театрального зрителя, ненавидевшего тиранов. Он считал, что

---

[48] Разрядка наша, — *Д. Б.*

никакие раскаяния тиранов в трагедиях никого из зрителей не интересуют. «Ни один покаянный монолог тирана никого не тронул, — пишет он в том же письме к В. А. Озерову. — Все зрители разъезжаются при начале оного; а если кто-нибудь и остается, так единственно в ожидании, что авось либо бревно занавеси, опустившись, похоронит его на месте».

Капнист, как это видно из названного письма его к В. А. Озерову, порицает Софокла и Расина за то, что они в своих трагедиях, первый в «Антигоне», а второй в «Фиваиде», не убили царя-тирана Креона. Но, говоря о покаянных монологах тиранов, он, очевидно, имеет в виду не только названные произведения. Такие монологи тиранов имелись в трагедиях и русских драматургов XVIII века. В частности, это имело место в произведениях Николая Николева. В 1784 году Николев написал тираноборческую трагедию «Сорена и Замир». Тираном в его трагедии изображается вымышленный персонаж — царь Мстислав. После многих злодеяний Мстислав вдруг совершенно неожиданно раскаивается и припадает к ногам побежденного им половецкого князя Замира.

Основной конфликт в трагедии Капниста «Антигона» развертывается между правдолюбивой дочерью царя Эдипа Антигоной и новым правителем Фив Креоном. Однако Капнист для разрешения этого конфликта включил в действие народ. Народ незримо присутствует во всем действии тригедии. У Антигоны нет другого защитника, кроме народа. И сам тиран Креон все время испытывает страх перед народом. Задумывая казнить Антигону, он одновременно изыскивает средства, как бы не навлечь этой казнью на себя гнев народа. Он говорит своему наперснику Эвриалу:

Но явно сей удар страшуся я нанесть,
Народа за нее вооружу тем месть.

Страшась народного восстания, Креон не спит ночей. Перед утром он говорит:

Что медлит Эвриял? уже заря блестит,
А успокоить он меня еще коснит!
Казалось, в граде шум раздался и мгновенно
Утих. Или мятеж вновь вспыхнул дерзновенный?
Но нет. Спокойно все — лишь не в душе моей!

Восстание народа — высшая точка в развитии трагедии. Восстанием народа, а не усилиями одного какого-либо героя, в трагедии Капниста наказывается зло.

Вторая редакция «Антигоны» значительно отличается от первой. Во второй редакции трагедии Антигона умирает неотомщенной. Конец трагедии глубоко пессимистичен. Антигона, не желая

попасть в руки воинов Креона, пришедших за ней, чтоб увести ее на казнь, закалывает себя кинжалом, говоря при этом:

Последний долг свершу...
Теперь меня влеките.

После ее смерти на сцену вбегает вооруженный народ, и начинается сражение. Однако сын Креона, Эмон, выступавший до этого в защиту своей возлюбленной Антигоны, вдруг останавливает восставших и говорит им:

Постойте, дерзкие! .. что мыслите свершить?
И ваш ли долг дела монарши здесь судить?
Он вышнего, а вы его рабы закона.
Когда не человек, свята для вас корона.

Эмон, спасая от народной мести своего жестокого отца, под конец сам закалывается. Трагедия кончается раскаянием Креона. Потрясенный смертью Антигоны и своего сына Эмона, он говорит сыну:

...Я сам всему виной.
Свирепством ископал я пропасть под тобой,
И может быть, тебя б с царевной ненавидел,
Плачевной вашей коль кончины б сей не видел.
Не уноси с собой вражду во гроб мою.
(*С величайшей чувствительностью*)
Прости меня... вину я чувствую свою.

Вторая редакция «Антигоны» была написана Капнистом после того, как первая редакция этой трагедии по политическим мотивам была исключена из театрального репертуара. Здесь Капнист явно пошел на уступки цензуре. Но и во второй редакции трагедии он достаточно ясно выразил свою мысль о том, что царский трон являлся источником многих злодеяний. При издании второй редакции трагедии царская цензура вычеркнула следующий текст из речи Антигоны в третьем явлении первого действия:

О, трон! О блещущий, но тягостный венец!
Чтоб вами обладать, коль много забывают!
Рассудок кроют тьмой и совесть заглушают,
Степеньми мертвых тел достичь стремятся вас.
Но если бы цари, в порфиру облачась,
Все с нею бремена спряженны воспримали,
Далеко б все они владычества бежали.

8

Сложный комплекс мыслей и переживаний вызвала у Капниста Отечественная война 1812 года. На разорения, какие принесла России эта война, Капнист откликнулся поэмой «Видение плачущего над Москвою россиянина». В этой поэме он показал, что причиной всех бед и страданий русского народа являлись

не столько внешние враги, сколько правящие сословия: кичливое дворянство, мздоимное чиновничество и духовенство. Это они, по его мнению, жившие в вечной праздности и роскоши и не заботившиеся об общем благе народа, довели свою страну до такого ужасного военного бедствия.

В роли обличителя выступает в поэме старец Гермоген, патриарх московский, известный своей энергичной деятельностью в борьбе с самозванцами, замученный польскими интервентами в 1612 году. Автор поэмы видит его во сне и ведет с ним разговор о сожженной древней русской столице. Гермоген изображен в поэме как пламенный патриот и защитник обездоленных и угнетенных масс. Показывая перстом на дымящиеся казенные здания сожженной Москвы, Гермоген говорит:

Но обратим наш взор — тут пал чертог суда;
Оплачь его; — но в нем весы держала мзда;
Неправдою закон гнетился подавленный,
Как бледны жесткие повапленные стены,
Так челы зрелися бессовестных судей.
Там истина вопи, невинность слезы лей;

Не слышат и не зрят; заткнуты златом уши;
Взор ослеплен сребром; — растлены лихвой души;
Не могут истинны вещанию внимать.
Там злу судья — злодей; возмездник татю — тать.
Крепило приговор ехидно ябед жало...

Гермоген нисколько не жалеет дворянской Москвы. Приведенную речь он заканчивает следующими словами:

И пламя мстительно вертеп неправд пожрало.
Над падшими ли здесь чертогами скорбишь?

Не жалеет он и сожженных храмов, в которых представители духовенства

Не о спасеньи душ, о мзде своей радели,
Порока в знатности изобличать не смели.

Такую же гневную характеристику он дает московской знати. Показывая на богатые дворцы, он говорит:

Иль гнезд тлетворныя в них роскоши не зришь —
В убогих хижинах похитя хлеб насущный,
Питала там она сластями жертвы тучны.

Вседневны пиршества, веселый хоровод
Сзывали к окнам их толпящийся народ,
В мраз лютый холодом и голодом томимый
И с наглостью от сих позорищ прочь гонимый.

В 1814—1815 годах Капнист создал два интересных цикла стихотворений-миниатюр, озаглавленных «Встречные мысли» и «Случайные мысли», которые складывались на протяжении мно-

гих лет его жизни. Более ста таких стихотворений входит в эти циклы. Все они представляют собою как бы своеобразные дневниковые записи. На это указывает подзаголовок к одному из циклов: «Из опыта жизни».

По своему содержанию эти стихотворения охватывают широкий круг морально-философских, общественно-политических, религиозных и семейных вопросов. Большая часть их носит сатирический, обличительный характер. Темы некоторых стихотворений, особенно тех, где обличается неправосудие, аналогичны с темой комедии «Ябеда»:

Разбойника, что жизнь свою
В сем часто ремесле и смерти подвергает,
Закон кнутом карает;
Да чем же будем сечь разбойника — судью?

В ряде стихотворений Капнист говорит о пагубном влиянии роскоши:

Из бед всех роскошь нам лютейшая беда:
На лучшей лошади ездку нужна узда,
Чтоб как он хочет, так ходила.
От роскоши слабеет сила
И крепнет от труда.

Главная цель обоих этих циклов стихотворений заключается в том, чтобы показать воздействие самодержавно-крепостнического общества на человека. Это общество, как указывает поэт, уродует человека, вынуждает его часто к лицемерию и равнодушию:

Всяк любит искренность; всяк говорит: будь прям;
А скажешь правду — по зубам.
Что ж делать? — Возносить моленье:
О боже! положи устам моим храненье!

В этих стихотворениях имеются элементы дидактики. Поэт дает в них советы и приводит примеры, которым должно следовать или которых надлежит избегать. Ярче всего в них звучит совет не стремиться к богатству, ибо

Не тот богат,
кто клад
все больше накопляет,
Но тот, кто больше не желает.

Капнист высоко ценил эти мелкие стихотворения. Он называет их зеркалом, в котором отразилась «суета» жизни современного ему общества. В одном из этих стихотворений он пишет своим детям:

Вот, дети! Вам отец в наследье оставляет,
Что он из опыта с трудом почерпнуть мог.
Не все тут сведенья вам нужны сообщает
К познанью жизни сей излучистых дорог:

Не все он истощил советы,
Как злые отразить наветы;
Не показал всего здесь в зеркале сует,
Чтоб преждевременно не опостыл вам свет.

В 1815—1820 годах Капнист написал несколько лирических посланий своим друзьям: «Милой Паше» (П. Н. Львовой), И. В. Нарышкину, Ф. П. Львову, А. Н. Оленину и др. В них он снова возвращается к основным мотивам ранней своей философской лирики. Большое место в его лирических посланиях занимает тема счастья. В послании к А. Н. Оленину он пишет:

Души великой цель прямая
Стремиться к счастию людей.

В произведениях Капниста последнего периода нет уже того пессимизма, которым окрашены его ранние стихи о счастье. Капнист уже не сравнивает счастье со стеклом и не говорит, что «счастье бреннее стекла». Теперь каждый объект сравнения наполнен более конкретным содержанием, в результате чего понятие счастья становится многогранным и фактически неисчерпаемым.

Счастье для земледельца — это труд, щедрые дары земли:

Поспешайте в копны сено
И снопы златые класть,
Дождь пока коснит мгновенно
Ливнем на долины пасть;
Ветр покуда не засеял
Градом ваших нив, лугов
И по терну не развеял
Дорогих земли даров.
(«Приближение грозы»).

Счастье — это весна, молодость. Весной седой дед выйдет на зеленый луг посмотреть «дев игривых хороводы»:

Поспеши ж, Весна! и чистой
Луг цветочками покрой;
Я из них венок душистой
Дряхлою сплетя рукой,
Той, чьи взоры мила друга
Дней напомнят мне зарю,
Той, из хороводна круга,
Я венок сей подарю.
(«Способ помолодеть»).

Счастье — это семья, дружба:

Лучше жить с другом, милая Хлоя!
Чем золотой все клад копить:
Можно ль с сим кладом сладость покоя,
Можно ли дружбы клад сравнить?
(«Дружеский совет»).

Счастье — борьба за общее благо:

Святой восторг благотворенья!
Что в мире сладостней тебя?
Благого образ провиденья:
В других зреть счастливым себя,
Добру все посвятить мгновенья,
Несчастных, как родных, любя.
(«Гимн благотворению»).

Иногда поэт образно сравнивает счастье с золотом. В стихотворении «Убийство» он пишет:

С веками гибло самоедство,
Казалось, гиб с ним корень зла;
Но в пагубно ему наследство
Вдруг алчность злата возросла.
О, злато! в день и час проклятой
Из мрачных ада недр изъято,
Колико принесло ты бед!
Ты вновь неистовства родило
И кровью смертных обагрило
И древний весь и новый свет.

Славу Капнист называет в стихотворении «Славолюбие» пустым звуком:

...звук взгремел,
Но шумным воплем заглушенной,
Вблизи раздавшись, онемел.

Исключение делается для сла́вы поэтической и для тех, кто заслужил славу в борьбе за свободу.

9

В последние годы своей жизни Капнист возвратился к антикрепостнической теме, поднятой им в 1780-х годах. В 1817 году он составил проект уничтожения в России звания крестьянина. В этом проекте он указал, что освобождение крестьян от крепостной зависимости по-прежнему является неотложным государственным делом. Посылая проект к министру народного просвещения князю А. Н. Голицыну при письме от 4 марта 1817 года для представления его Александру I, Капнист писал: «Знаки вашего ко мне благорасположения побуждают меня отнестись к вам о деле, давно у меня на сердце лежащем».

И далее: «Россия возведена мудрыми монархами на высшую степень величия между знаменитейшими державами в Европе; образование ее достигает до благотворительной цели; мгла невежества, веками над ней сгущенная, рассеивается. — Дворянское сословие высочайше дарованными преимуществами облагорожено; — купечество и гражданство получило свойственные ему права; уничижительное вообще всех звание раба истреблено; но

еще уничижительнейшее звание крестьянина, присвоенное общеполезнейшей части народа, оставляет память постыдного рабства нашего под игом неверных. — Не пора ли истребить наименование сие, непристойное в устах христианина ко означению брата его по Христе, провидением к служению ему определенного?»

За уничтожением звания крестьянина, по мнению Капниста, должно было последовать полное уничтожение рабства. «Скажут иные, — пишет Капнист в названном проекте, — что перемена имени не послужит к пользе, когда вредная сущность остается. — Трудно поверить таковому заключению; всему есть степени и пора. Истребление названия раба многим обнаружило, что рабство ненавистно верховной власти; — и многие стараются сообразоваться столь благонамеренному внушению правительства. — Луч блеснул, — и мало по малу мрак исчезает. — Да исчезнет и название крестьянства, постыдное в нынешнем значении его для каждого правоверного и просвещенного россиянина. Оно ввелося во время порабощения отечества нашего татарами. Варвары сии признавали нас рабами своими, и название христианин сделалось у них однозначительно с рабом... Память владычества татар погибла с шумом, а древнейший памятник господствования их над нами еще и поныне существует! Повторяю, не пора ли истребить оный в царствование над Россиею освободителя Европы?»

Капнист критикует здесь крепостное право с позиций евангельской морали. В «Оде на рабство» он обличал Екатерину II за то, что она нарушила божественный принцип любви к своим подданным:

А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?

В капнистовской критике крепостного права отразился крестьянский взгляд на вещи.

По мнению сторонников крепостнической системы, не было никакого преступления в том, что помещик заставлял крестьянина, «брата своего во Христе», работать на себя. При таком понимании вопроса освобождение крестьянина от помещичьей власти не могло являться темой для поэта. Угрожающий отзыв Екатерины II об «Оде на истребление в России звания раба» достаточно ясно говорит о том, что императрица запрещала поэту браться за такие темы. С точки зрения крестьянина, крепостное право — это глубочайшая несправедливость. Не случайно Пуга-

чев в своих манифестах уличал помещиков в том, что они нарушали заветы христианского равноправия.

В начале 1790-х годов в России нелегально распространялась анонимная декларация прав народа. Не известные нам ее составители, доказывая несправедливость помещичьей власти, писали: «Прежде от воплощения господа и спаса нашего Исуса Христа принявшие закон христианской, по оному поступали, не было звания в народе дворянского, ни крестьянского (как в евангелии и поныне значит); после как стали христиане удаляться от заповедей Нового завета, то господь бог, наказывая народ, стал допускать, что люди людьми себе подобными стали владеть яко скотами в многих государствах, что и в России от четырех веков сие появилось таким образом».[49]

В проекте царской присяги, приложенном к этой декларации прав народа, составители ее пишут: «Аз, Павел первый, император и самодержец всея Великия и Малыя и Белыя России и царь всех народов славянских, клянуся господу богу... в том, что повеленное и назначенное мне от господа бога непостижимого творца, народ весь российской и славянской из крепостей освободить, дворянство уничтожить, весь народ поровнять по заповедям божиим...»[50]

Перед Капнистом неизбежно вставал вопрос о путях уничтожения крепостного права. Он некоторое время надеялся, что это сделает царь. В «Оде на рабство» он просил царя снять с отчизны «вериг постыдно бремя». Точно так же он поступил и в проекте уничтожения в России звания крестьянина. Но он задумывался и над проблемой социальной революции. По его письмам 1790-х годов видно, что он внимательно следил за развитием событий в революционной Франции. Тогда его испугал революционный террор во Франции. В 1793 году он осуждал французских революционеров за то, что они казнили короля Людовика XVI. В то время Капнист был еще далек от идеи восстания народов против царей-тиранов, которую он воплотил позднее в первой редакции трагедии «Антигона». У Капниста не было последовательного взгляда на народную революцию. В «Антигоне» он одобрял расправу народа главным образом лишь над теми царями, которые показали себя как деспоты. В 1814—1815 годах Капнист переживал глубокий духовный кри-

---

[49] Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем: ЦГАДА), фонд Государственного архива, разр. VII, д. 2849, 1795 г., ч. 1, л. 32. Краткие сведения об этом документе впервые были сообщены А. Беликом и Ю. Кононовым в статье «Новый документ по истории русской общественной мысли конца XVIII века» («Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 100—105).

[50] Там же, л. 34.

зис. В одном из стихотворений цикла «Встречные мысли», созданном в эти годы, он записал тягчайший для себя вывод:

К свободе Русь не подросла: —
Не гни холодного стекла.

В последний год своей жизни он желал и, очевидно, ожидал резких исторических перемен. В стихотворении «Убийство», написанном в декабре 1822 года, поэт взывает к богу с просьбой покарать носителей зла:

Восстани, боже! и высоку
Простри длань мщенья на убийц;
Их кровью утоли жестоку
Злоносну жажду кровопийц;
Исторгни корень душегубства,
Тщеславия и златолюбства,
Враждебный раздроби кумир...

В примечаниях к этому стихотворению Капнист разъясняет свою основную мысль. «А как же прекратить убийство, — пишет он, — как не истреблением закоренелых в оном? Примеры Содома Гомора свидетельствуют, как бог истребляет порочных. — Примеры этому многочисленны в священном писании. — Во втором пришествии то же учинится — и мир мирови дарован будет на тысячу лет. — Повторяю, что об этом молю, хотя сам, конечно, не доживу...»

«Знаю, впрочем, — пишет он в другом месте этих примечаний, — что от моей оды, как бы она хороша и убедительна ни была, убийство не прекратится. — Для того-то и молю в конце о втором пришествии, после которого Христос будет царствовать тысячу лет с миром. А там опять-таки ералаш затеется».[51]

Поэт, горячо убеждавший ранее Екатерину II и Александра I уничтожить в России крепостное рабство, под конец своей жизни понял, что средствами одного убеждения невозможно было ликвидировать закоренелое социальное зло. Такой перелом в сознании Капниста произошел в период нового общественного подъема в России, завершившегося восстанием декабристов. Этот перелом не был случаен, он подготовлялся значительно раньше и логически вытекал из всего творчества Капниста.

Тема народного восстания нашла отражение в стихотворениях Капниста «Воззвание на помощь Греции» и «К восставшему греческому народу», написанных в 1822 году, в разгар национально-освободительной борьбы греков против турецкого ига.

Восстание в Греции являлось существенным звеном в общей цепи народных движений, охвативших в 1818—1822 годах ряд южноевропейских стран (революции в Испании, Неаполе, Порту-

---

[51] См. примечания к стихотворению «Убийство».

галии). Это восстание встретило в передовой части русского общества большое сочувствие. В декабристских кругах ходили слухи о том, что генерал А. П. Ермолов пойдет с русскими войсками на помощь грекам. Рылеев в послании к А. П. Ермолову писал:

Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! поспеши спасать сынов Эллады.

Пушкин в стихотворении «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем» называл освободительную борьбу греческого народа «великим, святым делом».

Капнист, дед которого еще в начале XVIII века активно выступал против многовекового турецкого ига, всем сердцем был на стороне восставших греков. В стихотворении «Воззвание на помощь Греции» он так оправдывает их восстание:

Се Греция, бессильна боле
Сносить ее дручащий гнет,
Бессильна в горестной неволе
Претерпевать всю лютость бед,
Против злочестного тирана,
К ней лютым зверством обуянна,
Защиты обнажила меч...

В стихотворении «К восставшему греческому народу» Капнист говорит борцам:

Друзья, пускай ваш острый меч
Тиранов кровью обагрится.
Тому отрадно в землю лечь,
Кто за свободу ополчится.

10

Последней составной частью литературного наследия Капниста являются его проза и письма. К прозе относятся его статьи, в которых он высказывает соображения относительно принципов художественного перевода древнегреческих эпических поэм на русский язык, о композиции «Одиссеи» и по другим вопросам.

В письмах к родным, особенно в письмах к жене, Александре Алексеевне, Капнист с большой откровенностью рассказал о своих жизненных впечатлениях. В них содержатся весьма ценные сведения, относящиеся к его биографии.

Ряд статей Капнист посвятил проблемам русского стихосложения. В этих статьях он стремился так или иначе осмыслить тот поэтический опыт, который у него накопился в течение нескольких десятилетий.

Капнист внес значительный вклад в русское стихосложение. Он наряду с Державиным, Карамзиным и Дмитриевым способ-

ствовал усовершенствованию звуковых и метрических форм стиха, развитию поэтического языка в целом. Капнист большое значение придавал мелодической, музыкальной стороне стиха. Он считал, что музыкальность — одно из непременных свойств лирической поэзии. Во втором письме к С. С. Уварову «О эксаметрах» он называет музыку сестрой поэзии. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии», в главе о «сладкозвучии», приводит в качестве примера следующие стихи Капниста из стихотворения «Неверность»:

Поля, леса густые,
Спокойствия удел,
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел.

Державин называет эти стихи образцом легкого слога, который «удобен к положению на музыку».[52] В примечании к этим стихам он указывает, что осмелился отменить только одну резкую букву — «р», «делающую некоторую громкость, поместя, вместо *предел*, — удел».[53]

Примеры такого благозвучия имеются во многих стихотворениях Капниста. П. Н. Берков указывает на следующую строфу из стихотворения «Обуховка», где все построено на звуке «л»:

Всхожу на холм; — луна златая
На легком облаке всплыла
И верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.[54]

Капнист умело использует звук при описании явлений природы. В стихотворении «Приближение грозы» он так передает предгрозовое состояние в природе:

Быть грозе: — уж буря воет;
Всколебавшись, лес шумит;
Вихрь порывный жатву роет;
Грозный гул вдали гремит.

Было бы неправильно утверждать, что Капнист подбирает для своих стихов лишь плавные, мягкие звуки. Для выражения гнева он использует часто резкий звук «р». Так, например, на звуке «р» построены следующие стихи, в которых осуждается лесть поэтов:

Да громом раздробится лира,
Что в честь кичащегось кумира
Хвалебны гимны возгремит!

(«Ода на пиитическую лесть»).

---

[52] Державин, Сочинения, т. 7, СПб., 1872, стр. 572.
[53] Там же.
[54] П. Н. Берков. В. В. Капнист как явление русской культуры XVIII века, стр. 259.

Звукопись Капниста выполняет в стихе определенную функцию. Капнист создает такую музыкальность стиха, которая была бы согласна с его мыслью и настроением, с содержанием стихотворения в целом. С этой же целью он стремится к разнообразию метрических форм стиха. Этим разнообразием отличается, например, его перевод поэмы Оссиана «Картон». Перевод этой поэмы, как правильно отметила Г. В. Битнер, выполнен «сложными и постоянно меняющимися метрическими формами, в том числе — размером русских „простонародных“ песен».[55] Сложный метрический рисунок стиха применен Капнистом в стихотворении «На смерть друга моего». Каждая строфа этого стихотворения состоит из четырех стихов. Первый и третий стихи удлиненные, второй и четвертый укороченные. Стих, подобно волне, то поднимается, то падает. Благодаря умелому подбору протяжных звуков «о», «и», «ю», «у» стихи текут мягко и свободно:

Томны отголоски! песнь мою печальну
    Холмам отнесите;
Вниз потока быстра, сквозь дубраву дальну,
    В рощах повторите.

Подобное построение стиха Капнист обосновывал следующим образом: «Сама природа, кажется, руководствует к употреблению в повествовательной поэме разномерных стихов: ибо возможно ли равным и одинаким стопосложением изобразить прилично и брачный пир с хороводной песнию и пляской; — и погребальные обряды с унылыми жалобами вдовицы; — и в грозную бурю крушенье корабля, и тишину весенней ночи?» [56]

Капнист внимательно следил за развитием русской поэзии. Он присматривался к опыту поэтов — своих современников и лучшие их достижения в области стихосложения старался использовать в своих произведениях. Он указал, что большое значение имели для него опыты Я. Б. Княжнина и В. А. Озерова по использованию в стихах элементов живой разговорной речи. «...Если бы почтенный г-н Княжнин, — пишет Капнист в предисловии к трагедии «Антигона», — в прекрасном „Хвастуне“ всем не доказал на опыте возможность писать комедии в стихах простым, разговорным наречием, то я бы не осмелился приняться за „Ябеду“. Равномерно, ежели бы друг мой Владислав Александрович Озеров не удостоверил разительными примерами в „Эдипе“, „Фингале“, „Дмитрии Донском“, а наипаче в „Полик-

---

[55] Г. В. Битнер. Капнист. — В книге: История русской литературы, т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 495.

[56] Второе письмо к С. С. Уварову «О эксаметрах» (см. во втором томе настоящего издания).

сине", что есть средство сочинять трагедии очищенным от славянщизны слогом, то я б никогда не задумал писать „Антигону", хотя мне оставалось только подражать пленительному оной изображению в „Эдипе"».

Капнист стремился связать книжную поэзию с народной песней. Он выражал уверенность в том, что русская поэзия может успешно продолжать свое развитие лишь на основе могучей традиции народной песни. В полемике с С. С. Уваровым по проблемам русского стихосложения он рекомендовал искать основу метрической системы в народном поэтическом творчестве. «...Признаюсь, — пишет он в первом письме к С. С. Уварову «О эксаметрах», — что желал бы побудить любителей словесности нашей, более меня в оной искусившихся, к изысканию в размере народных наших песней метрического, свойственного языку нашему, стихосложения. — Весьма давно уверился уже я, что мы имеем богатую оного отечественную руду, в презрении несправедливо оставляемую, для разработки которой не сыскался только до сих пор истинно ревностный и от предрассудков освобожденный ископатель».

В 1780-х годах Капнист в доме своего друга Н. А. Львова участвовал в хоровом исполнении народных песен. Затем он тщательно изучал русское и украинское народное поэтическое творчество. В его бумагах сохранились записи старинных украинских народных песен: «Болит моя головонька видь со мого чола», «Як по сей день у нас, братцы! через темный лис» и др. Он делал стихотворные переложения русских народных сказок: «Жил царь», «Повесть об уходе из плена одного славянского воина». В рукописи своего перевода поэмы Оссиана «Картон» Капнист перечислил ряд русских народных песен, размеры которых он использовал для этого перевода. В числе этих песен он называет следующие: «Как бывало у нас, братцы, через темной лес»; «Кровать моя кроватушка, кровать тесовая»; «Ах! почто было, ах! к чему было по горам ходить»; «У соловушки, у голубчика одна песенка»; «Уж как вниз было по Волге, Волге матушке реке».

Во втором письме к С. С. Уварову «О эксаметрах» Капнист указывает, что первоначально его познакомил с размером русских народных песен Н. А. Львов. Однако в этом же письме он сближает свои теоретические суждения по вопросам русского стихосложения более со взглядами Радищева, а не Львова. Имея в виду рассуждение Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Тверь») об усовершенствовании метрической системы русского стиха, Капнист пишет: «... я думаю, что они более служат к утверждению моих заключений». И далее в этом же письме к Уварову он говорит: «... я уверен, что чело-

век столь самомыслящий, как почтенный г-н Р<адищев>, одобрил бы старание мое облагородить оный (т. е. русский народный стих, — *Д. Б.*) и, выведя из презрительного состояния, водворить в кругу изящной словесности нашей».

11

Глубокий интерес к общественным и художественным проблемам Капнист сохранил до конца своих дней. Это придавало его творчеству особую остроту. Вокруг его произведений постоянно шла борьба, носившая явно выраженный политический характер. Большим нападкам со стороны реакционной критики подвергались не только его «Сатира I» и комедия «Ябеда», но и другие его произведения. Так, например, в сентябрьской книжке журнала «Сын отечества» за 1814 год была напечатана тенденциозная анонимная рецензия на постановку его трагедии «Антигона». В начале рецензии сказано, что «трагедия не могла возбудить соучастия», а в конце ее сообщается о том, что «зрители были в очаровании» от нее. Рецензент не в силах был скрыть известный успех «Антигоны» у зрителей, но он отнес этот успех главным образом за счет игры талантливой актрисы Е. С. Семеновой. Тенденциозный характер рецензии отметил Г. Р. Державин. «Сожалею, — писал он в письме к сыну Капниста, С. В. Капнисту, от 8 октября 1814 года, — что рецензия в журнале „Сын отечества“ на его Антигону не весьма ему одобрительна. Этого было должно ждать по известной партии».[57] После названной рецензии трагедия «Антигона» была снята с театрального репертуара и уже никогда более не ставилась в театре. Капнист ходатайствовал перед императрицей Марией Федоровной о том, чтобы ему разрешили напечатать эту трагедию, но его ходатайство успеха не имело. Так трагедия «Антигона» и осталась лежать в рукописи. Приведенные факты свидетельствуют о том, что общественная сила творчества Капниста признавалась так или иначе теми, против кого его произведения были направлены.

Творчество Капниста находило глубокое одобрение среди его современников. Биограф Капниста Д. Н. Бантыш-Каменский рассказывает следующий случай, свидетелем которого явился он сам: «Сочинитель этой биографии, — пишет он, — в молодых летах был свидетелем, как в одном губернском городе во время представления „Ябеды“, когда Хватайко запел:

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать?

---

[57] Державин, Сочинения, т. 6, СПб., 1871, стр. 302.

Зрители начали рукоплескать, и многие из них, обратясь к чиновнику, занимавшему соответственное место Хватайке, произнесли в один голос, называя его: „Это вы! это вы!“ — Вот лучшая похвала Капнисту, который, как искусный живописец, срисовал с натуры переданные нам портреты».[58]

Об огромном успехе комедии «Ябеда» у зрителей рассказывается в рецензии, напечатанной в «Русском вестнике». «Раек, партер и даже ложи (которые редко бывают заняты в русском представлении) — все было наполнено, — пишет рецензент. — Без сомнения, зрители стекаются не только для забавы, но и для пользы. Всякое слово, изъявляющее гнусность неправоты, ябеды и пронырства приказного, сопровождалось рукоплесканием. Хор, в котором сочинитель говорит, что руки даны нам природою для того, чтоб *брать и брать*, повторен был несколько раз».[59]

Капнист пользовался большой популярностью у некоторых дворянских революционеров. Его «Ода на рабство» еще до появления ее в печати имелась в списках у ряда лиц, выступавших против самодержавия. Один из таких списков ее был обнаружен в 1794 году полицией среди революционных произведений Василия Васильевича Пассека.[60] Ода Капниста «На смерть сына моего» распространялась в рукописных списках среди дворовых людей. Один из списков ее сохранился среди антикрепостнических стихотворений в бумагах крепостного крестьянина, принадлежавшего князю И. П. Салтыкову, Владимира Александровича Маевского.[61]

С большим уважением относились к Капнисту декабристы. Виднейшие деятели Южного тайного общества, С. И. Муравьев-Апостол и П. И. Пестель, навещали его в Обуховке. С. И. Муравьев-Апостол, приезжая в Хомутец, имение своего отца, находившееся в двадцати километрах от Обуховки, всегда старался встретиться с Капнистом. «Посвятив первые дни приезда моему <сыновнему> долгу, — пишет он в одном из писем Капнисту, — я приятнейшею обязанностию себе поставляю приехать в Обуховку, дабы лично засвидетельствовать вам, милостивый государь, истинное мое почитание».[62]

В начале 1820-х годов дом Капниста в Обуховке был местом, где собиралась для горячих диспутов передовая дворянская мо-

---

[58] Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 2, стр. 67.

[59] «Русский вестник», 1808, № 1, стр. 115—116.

[60] ЦГАДА, фонд Государственного архива, разр. VII, № 2846, 1794 год. Дело о майоре Василии Пассеке или Паскове.

[61] ИРЛИ, ф. 378, оп. 1, № 2, лл. 8—11. В списке ода приписана А. Н. Радищеву.

[62] БУАН, шифр: III.24285.

лодежь, охваченная преддекабристскими настроениями. Из семьи поэта вышли два декабриста: сын Капниста Алексей Васильевич и воспитанник Капнистов — Николай Иванович Лорер. Декабрист Н. И. Лорер, вспоминая о В. В. Капнисте и его брате Петре Васильевиче, пишет в своих записках: «Если я чего-нибудь стою, этим я обязан прежде всего моему воспитанию и тем примерам правды, простоты и чести, которыми я был окружен с моего появления в мир до моего вступления в свет. Я обязан моим благодетелям более, чем существованием».[63]

Дело, за которое боролись декабристы, Капнисту было близко. В послании к отцу декабриста Пестеля, И. Б. Пестелю, поэт благословляет молодых борцов на тяжелый, но благородный подвиг. В этом послании он пишет:

Безмездный труд весы правдивы обретет
<В чертогах> доброго владыки;
Кто долг свой <исполнял> великий,
Наградой <вечной> превзойдет.

Капнист умер от воспаления легких 28 октября 1823 года. Похоронен он в родной ему Обуховке, на берегу реки Псел. При его смерти и на похоронах его был декабрист С. И. Муравьев-Апостол.[64]

Капнист сыграл значительную роль в развитии русской литературы. Н. В. Гоголь, оценивая в исторической перспективе роль Капниста в русской поэзии, поставил его в ряд ближайших предшественников Пушкина. «Последние звуки Державина умолкнули, — писал он в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», — как умолкают последние звуки церковного органа, и поэзия наша, по выходе из церкви, очутилась вдруг на бале. От одного только Капниста послышался аромат истинно душевного чувства и какая-то особенная антологическая прелесть, дотоле незнакомая».[65]

Капниста высоко ценили революционные демократы за то, что он умел, по выражению Н. А. Добролюбова, «затрагивать живые общественные вопросы».[66] Обличительный пафос произведений Капниста нашел свое развитие в творчестве позднейших русских сатириков XIX века. Не случайно Н. Г. Чернышевский

---

[63] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 218, № 59/16, л. 56.

[64] В. Н. Орлов. Из литературных отношений С. И. Муравьева-Апостола. «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, 1956, стр. 536.

[65] Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 375—376.

[66] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1950, стр. 88.

уловил внутреннее сходство комедии «Ябеда» с «Губернскими очерками» Салтыкова-Щедрина. «Губернские очерки» Салтыкова, как писал он Н. А. Некрасову 24 сентября 1856 года, «замечательны содержанием, вроде Капнистовой „Ябеды“».[67]

К. Маркс называет имя Капниста в ряду выдающихся русских писателей, выражавших протест против крепостнического гнета и бюрократических порядков царской России.[68] Художественные произведения, статьи и письма, печатаемые в настоящем издании, имеют большую ценность для изучения русской литературы и общественной мысли конца XVIII — начала XIX века.

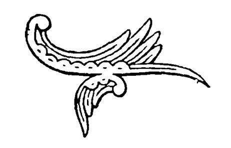
Д. Бабкин.

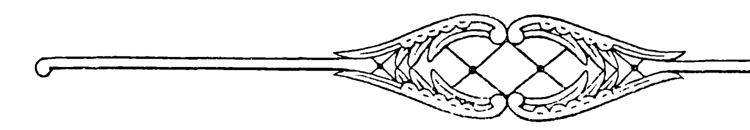
---

[67] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, Гослитиздат, М., 1949, стр. 313.

[68] См. Архив Маркса и Энгельса, т. XI, 1948, стр. 52.

Стихотворения





САТИРА I

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться:
С бездельством, с глупостью людской мне не ужиться.
Везде предерзостный беспутство кажет вид,
Бесчестие в чести, из моды вышел стыд.
Где с кем я ни сойдусь, с кем речь ни начинаю —
Или невежество, или порок встречаю.
Куда ни кинь, так клин: тот честен, так глупец,
Другой умен, так плут, ханжа, обманщик, льстец;
А разум с честностью так редко виден в свете,
Как умный, гладкий стих в покойном Бредорете.
В приказе некогда расправы я искал,
В котором Бестолков судьею заседал.
Бесспорно, Бестолков был честен, благороден,
Ни правых обвинить, ни взятки брать не сроден,
Был доброй человек и мне служить хотел,
Но сделать мне добра, к несчастью, не умел.
Жена его умна и мне б помочь умела,
Но я был не по ней, могла, да не хотела.
Вот таково-то жить, и вот таков-то свет!
Иль глупость в нем, или бездельство верх берет.
Надутов в знать вошел, — так всех пренебрегает;
Завистов чином мал, — так знатных презирает
И хочет, предприяв ничьих заслуг не чтить,
Иль всем равнять себя, иль всех с собой сравнить.
Казну обворовав, обворовав соседов
И вором на суде изобличенный Вредов,
По милости людей, которых обокрал,
Избавился столба и ссылки миновал;
Теперь боярам брат, деревни покупает
И тех каретою своею в грязь толкает,
Которых по миру таскаться он пустил.
А я, чтоб я таких уродов не журил?

Чтоб, видя глупости одних, других пороки,
Я стал молчать? нет, нет; скоряй отсрочив сроки,
Не станет ростовщик на росты росты драть,
Скоряй подъячие не станут взятки брать,
Скоряй по-людски жить и мыслить Чуднов станет,
Чем правдой мой язык их уличать устанет.
Послушай каждого: всяк скажет про себя,
Что добродетель он и истину любя,
Все, так как и другой, достоинства имеет,
Вредить, обманывать, лукавить не умеет;
Хоть доброй славой нищ, да честностью богат,
И словом, верь ему, он наших дней Сократ.
Но сколько тягостно быть честным, каждый знает:
Долг добродетели нас часто принуждает,
Корысть свою забыв, пожертвовать другим
Покоем, временем, имением своим,
Что часто нам самим напасть иль вред наводит;
Так в том иной своих расчетов не находит;
Но чтоб своих другим пороков не казать,
За добродетель их умеет выдавать.
И все на свете сем, как в вольном маскераде,
Не в обычайном им, не в свойственном наряде,
Закрывшись масками, не свой нам кажут вид,
Пока еще не весь в них истребился стыд.
«Ах! здравствуй, душенька! ну! как ты поживаешь?
Я так тебя люблю, а ты нас покидаешь!
Да что-то грустен ты? Скажи, любезной друг,
Скажи мне, что могу я для твоих услуг?
Я всем готов... Постой, твой кошелек в кончине,
Я еду выиграть, так если в половине
Ты хочешь быть со мной, то я тебе божусь,
Что сотнею, другой с тобою поделюсь».
Вот так Щечилов мне усердно предлагает,
Обворовать меня он дружески желает,
Затем меня игрой продать другим плутам,
Чтоб с ними разделить мой вексель пополам.
Учености надев личину дерзновенно,
Самхвалов хочет всех насильно, неотменно
Уверить о своем и знанье и цене;
Он качества свои хваля наедине,
Упорно в том себя нередко уверяет,
Что он и то, о чем в свой век не слышал, знает;
Но пухлым слогом вздор стараясь заглушить,
Принудил дураков себя премудрым чтить.
Пиитом Чуднов быть взяв на себя обузу,

Неволею свою летать заставил Музу,
Свой мелкомысленный славенско-русский бред
За образец ума и вкуса выдает;
Но он бы с Рубовым современем сравнялся,
За пышной мыслию когда бы не гонялся
И не старался бы, желая вверх парить,
В стихах своих луну зубами ухватить.
Ну что ж? пускай его никто не понимает,
Читатель ничего иль мало в том теряет;
Его несносный бред, прельщающий глупца,
Не столько пагубен, как сладка речь льстеца.
Злохват бежит ко мне, целует, обнимает
И благодетелем и другом называет,
Клянется, что он всем пожертвовать мне рад,
И клятвами острит коварной злобы яд;
Он рвется, мучится, отчаяньем мятется,
Пока конца моей напасти не дождется.
Драч ставит совесть всем свою за образец,
А Драч так истцов драл, как алчный волк овец;
Он был моим судьей и другом быть мне клялся,
Я взятки дать ему, не знав его, боялся;
Соперник мой его и знал и сам был плут,
Разграбив весь мой дом, позвал меня на суд.
Напрасно брал себе закон я в оборону:
Драч правдой покривить умел и по закону;
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота;
Меня ж разграбили, меня ж и обвинили
И вору заплатить бесчестье осудили.
Я не окончил бы, когда б хотел я счесть
Пути, которыми людей проводит лесть.
Сей трусит предо мной, а за глаза поносит;
Тот друга моего затем лишь имя носит,
Чтоб как при случае меня обворовать;
Другой затем, что я могу ему достать
Тот чин, которого добиться он желает;
Иной министр меня лишь для того ласкает,
Что в нем дела мои и разум почтены;
Другой не для того, но для моей жены.
Тот от меня занять, тот поживиться хочет,
И всяк на счет чужой лишь про себя хлопочет.
Теперь не так уж глуп, как в старину был свет;
Предубеждения и нравы древних лет
Из моды вывелись, равно как их наряды;
Друг другу услужить, помочь друг другу рады,

Бывало, праотцы теперешних отцов
(С свечою поискать теперь таких глупцов),
Во все сердца уже проникло просвещенье;
В том славу полагать, в чем было поношенье,
Бесчестье и порок согнать с лица земли,
Быть правыми во всем два средства мы нашли:
Одно — людской молвы себя превыше ставить;
Другое — всяко зло в хороши толки плавить.
Тот всеми по делам бездельником почтен,
Напрасно, говорит, я светом осужден;
Молву людскую я и толки презираю,
Довольно, что я сам себя честным считаю.
От общепринятых тот правил отступив
И философии свой разум посвятив,
Отечеством своим вселенну всю считает,
А порознь каждого щечит и обирает.
Хотя уже теперь, рачительной рукой
Восстановя в своем владении покой,
Екатерина путь к нестройствам заградила,
Злодеям суд творя, злу жало притупила,
Дает нам способы друг другу помогать
И цену каждого достоинств отличать;
Со всем тем, сколь она о благе ни печется,
Злодейство рушится, а глупость остается.
Монархиня легко могла попрать Луну,
Монархов примирить, искоренить войну,
И легче б силою вселенну покорила,
Чем из числа людей глупцов искоренила.
Она науками России жизнь дает,
Чрез воспитание распространяя свет,
Под сению своей художества покоит,
Искусству, разуму покровы, храмы строит,
И мрак невежества, и дерзость — корень зла —
Из всех подвластных ей пределов прогнала;
Счастливит нас, хранит, покоит, просвещает,
А глупости ничто, никак не истребляет;
Науки возросли, художества цветут,
Родятся авторы, а глупость тут как тут.
Как в ниве, многими удобренной трудами,
Проникнув, плевелы промежду колосами,
Неспелой повредив, глушат созрелый плод;
Так, вольной в свет себе глупцы позволив вход,
Не быв посеяны, растут и созревают,
Дают худой пример и знанья затмевают;
Иные, чтоб себя пред светом отличить,

Усердием своим стремятся помрачить
Дела монархини, воспев их недостойно
Нелепым голосом и низко и нестройно.
Я сам, моложе быв, их смелостью польщен
И дерзким сделаться примером поощрен,
Желая поместить себя в их вздорном лике,
Стихами слабыми и на чужом языке
Екатеринины пел славные дела;
Тогда как их уже давно перевела
Не на один, на все земных племен языки
Молва, гласящая царей дела велики.
И так, без спросу Муз я славить то желал,
О чем весь свет греметь насилу успевал.
О! если бы тогда какой наставник строгий
Внушил мне, сколько дух и разум мой убоги
Ко прославлению великих дел ея,
Что всуе глас крепить усердьем тщился я;
Что мне ее дела и имя в свете славить
Так кстати, как бы горсть воды в Неву прибавить;
О! сколь бы я его теперь благодарил!
Он из числа глупцов меня бы искупил.
Но если б вздумало правление уставом
Глупцов принудить быть всегда в рассудке здравом,
То, верно б, я и весь ослиной их собор
Совсем сошли с ума, ему наперекор.
Закон преграда злым, спокойство утверждает,
От сильного руки бессильных защищает;
Злодейство может он карать, искоренить,
Но глупостей людских не в силах истребить.
Так что ж? Не должно ли изыскивать стараться,
Чем с глупостью глупцов принудить бы расстаться,
Пиитов научить без смыслу не греметь
И веру теплую к рассудку возыметь?
Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Аполлоном?
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить кастильских чистых вод?
Котельский, Никошев, Впарикин, Флезиновский,
Обвесимов, Храстов, Весевкин, Кампаровский
И все семейство их, не убоясь судов,
Напутав кое-как и прозы и стихов,
В свет могут их пустить без пошлин, без окладу,
Читателям, уму и Музам на досаду.
Злодеям казнь грозит и строгости суда;
Презрение и стыд бездельникам — узда;

А делать глупости всяк может без препоны.
Когда ж духовные и светские законы
Не могут правами власть глупости унять,
Так что ж осталося? — ей зеркало казать,
В которое взглянув, себя бы устыдилась.
Сатира, кажется, на то лишь и родилась,
Чтоб в лицах с глупостью порок изображать
И корень их и власть во нравах истреблять,
Колючей шуткой ум и сердце исправляя.
И так, когда глупцы, стихи сии читая,
Похожими себя в иных местах найдут,
Да не винят меня за беспристрастный суд:
Я правдою внушен, пишу ее уставы.
Глупцы, бездельники, свои испортя нравы,
Не должны на меня за то одно восстать,
Что я пороки их старался истреблять;
Я им добра желал; а если и восстанут
И, рассердясь, меня ругать за правду станут,
То, презря с твердостью неправедный их гнев
И снисхождением их буйство одолев,
За наглую их брань не стану я сердиться;
Я не с людьми хочу, с пороками браниться.

СКАЗАВШЕМУ ОБО МНЕ: В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА

Не грубостью твоей меня ты огорчаешь;
Но ласки, Стиховраль, несносны мне твои:
За что меня в твое семейство ты вмещаешь!
Ну, пусть я и урод, да не твоей семьи.

Недавно вздумалось Героду
В две строфы сделать оду;
    И только лишь о том
    Герод наш суетится,
Чтобы своим ее наполнить всю умом;
    Посетуйте о нем:
    Бедняжка разорится.

Напрасно Стихобред сказал,
Что братом уж давно осла я почитал.
    Я право побожуся,
Что в жизнь осла и не видал,
А в правде сей пошлюся
    На Стихобреда самого:
Пускай он скажет сам, где видел я его.

ОДА НА ДРУЖЕСТВО

1 В полнощи, в темноте ненастной,
В пустыне дикой и глухой,
Своратясь с пути, пришлец несчастной
Ступает трепетной ногой.
Преследуем, ведомый страхом,
Встречает он пред каждым шагом
Потоки, терн, стремнины, рвы;
Вокруг зверей вой слышит гладный.
Власы подъемлет ужас хладный,
И хладный пот катит с главы.

2 В толиком бедстве изнуренный,
Отверзтый видя смерти зев,
Какой отрадой восхищенный,
Зрит некий свет он меж дерев!
Летит к нему чрез страх, чрез бездны
И в радости льет токи слезны,
К любезну Фаросу достиг.
Тут зрит селенья знаки милы.
С плечей стрясает страх унылый
И бедства забывает вмиг.

3 Лучом огня, лучом надежды
Живит и чувства он и дух;
Дождем проникнуты одежды
Развешивает, стелет вкруг.
Сухие ветви собирает,
Отрадно огнище питает;
И гладным в страх зверям кругом
Спешит зажечь костры огромны;
Средь их возлегши, члены томны
Живительным покоит сном.

4 Такой отрадою сердечной,
Таким восторгом оживет,
Кто в жизни скорбной, скоротечной
Прямого друга обретет.
Друг истинный, нелицемерный,
В распутиях сей жизни верный
Покажет нам ко счастью путь;
Поддержит в бедствии падущих;
Противу зол, на нас текущих,
Незыблему подставит грудь.

5 О дружество, союз священный!
О сладостных отрад венец!
И рок не двигнет разъяренный
Тобой двух связанных сердец.
Они, равно деля напасти,
Утехи, страх, надежду, страсти,
И мысль, и даже бытие,
В едину две души сливают;
Взаимным счастьем удвояют
И жизнь и счастие свое.

6 Но где, в каком краю забвенном,
О дружество! твой взор блестит?
В сем мире, злобой развращенном,
Лишь имя нам твое звучит;
И имя уж сие святое
В орудие коварства злое
Пороками обращено:
Личиной, взору смертных милой,
Оно корысти вид постылой
И лесть скрывать принуждено.

7 В честь дружбы многи возвышают
Тьму пышных храмов, олтарей;
Но фимиамы воскуряют
Лишь гнусной выгоде своей.
Усилием друзей достигнув
Манящей цели и воздвигнув
Их дланьми столб желанных благ,
Презреть любовь их не стыдятся;
От вида скорби их странятся,
Холодный отвращая зрак.

8 Широкий так поток в долине
Влачит ленивые струи,
Совокупя в сухой вершине
Ключ свежий, чистые ручьи;
Теперь богат, течет без рева,
И если камень, корень древа
Ток слабый от него делят,
Он все спокойно протекает.
Гнилой лишь в бреге ил питает,
Презренный злак и вредный гад.

9 Куда, Оресты! вы сокрылись?
Пилладов где теперь найти?
И вас, друзья! что жизнь стремились *
Друг другу в жертву принести?
Вы злость мучителя пленили;
Бессильны страхи смерти были
Ваш узел дружества сотреть,
Вас дверь не разлучила б ада.
Вам счастье все и вся отрада:
Жить с другом, с другом умереть.

10 Так два источника с вершины,
Сливаяся один с другим,
Катятся чрез скалы, стремнины;
Встречающиесь камни им
Взаимной силой низвергают;
В долу ток ясный проливают
По чистому песчану дну;
И странника изнеможенна,
С пути журчаньем привлеченна,
Ко сладкому склоняют сну.

11 Се образ дружбы предков Росса.
Но яд, о роскошь! сладкий твой
Ослабил твердый дух колосса.
Исчезли с древней простотой
Восторги дружества священна.
Земля за злобу осужденна
Измен лишь зреть ехидный плод;
И дружбы луч, любви сердечной
Утешить не прийдет уж вечно
Осиротевший смертных род.

12 Сердца их так оледенели,
Как север, снег родящ и хлад,
Куда ни раз не долетели
Денницы блеск, ни солнца взгляд.
Там мрачна ночь сном вечным дремлет,
Хотя ж в жестокий мраз объемлет
Покров ее багровый луч;

---

* Повесть о двух истинных друзьях Пифии и Дамоне, смягчивших великодушным друг за друга жертвованием свирепство Дионисия, тирана Сиракузского, известна каждому любопытствующему о происшествиях, делающих честь роду человеческому.

То крововидное сиянье
Есть страшно смертным предвещанье
Иль язвы, иль военных туч.

13 Но неужель во всей вселенной
И искры дружбы нет прямой?
Никак; — от пышных удаленно
Палат, темницы золотой,
Скитаясь во изгнаньи строгом,
В пастушьем шалаше убогом
Склонилось дружество почить;
Там верностью и простотою
Прията, с сей драгой четою
В безмолвии осталось жить.

14 О сколь тот край уединенный
Мне мил, где в юности, мой друг!
Взаимным чувством привлеченный,
Пленился дружеством наш дух!
Где, резвыми крепясь играми.
Росло оно, мужало с нами,
Пока, до зрелости дошед,
Явилось, искушенно роком
В превратe случаев жестоком,
Превыше счастия и бед.

15 Сколь крат ты смерти предавался,
Жизнь друга твоего храня!
Последних хлеба крох лишался,
Взводя из нищеты меня.
Презрев спокойствие, забавы,
Моих лишь алчешь выгод, славы;
Моей надежды ждешь плодов;
Моими горестьми томишься;
На страх, на смерть со мной стремишься;
Вознесть меня иль пасть готов.

16 Что ж в том? — здоровье, дар бесценный,
Тончащуюся жизни нить,
На жертву дружбе принесенны,
Ты можешь токмо оживить
Под чуждым, кротким небосклоном.
Жестокия судьбы законом
Оставить должен ты меня.
Оставь; — теки; — мой друг любезной!

Столь горькой, но тебе полезной
Разлуке не противлюсь я.

17 Оставь — но на кого в разлуке
Меня оставишь ты? мой друг!
В унылой погруженный скуке,
Ни в томном сердце, ни вокруг,
Во всей обширности вселенной,
В глазах моих опустошенной,
Отрад, спокойства не найду:
Драгою окружен семьею,
Как странник, я осиротею
И скорбью удручен паду.

18 Кто бальзам мне подаст сердечной,
Стенящему наедине?
Кто в мрак сходящу ночи вечной
Закроет томны вежды мне?
Кто без тебя супруги страстной,
Тогда вдовы моей несчастной,
Отчаянных сирот моих
Отцом останется, подпорой?
Кто помощи рукою скорой
Осушит слезны токи их?

19 А ты, мой друг! средь шумна круга
Не будешь ли уединен?
Где верного ты сыщешь друга?
Предел дней наших сокровен;
Но сколь жизнь ни кратка, ни бренна,
Приятность дружества священна
Ее длить может во сто раз.
Чувствительное сердце знает,
Что жизнь должайшу заменяет
Один веселый с другом час.

20 Итак, да не разлучит вечно
Черта нас жизни ни одна!
Пожнем плоды любви сердечной.
Пускай отеческа страна,
Котора нас на свет приял,
Взлелеяла и воспитала,
Восприймет в недро нас свое.
Лежавшие в одной утробе,
Спряжем, в одном возлегши гробе,
И в смерти наше бытие.

21 Предел, где общий прах наш тленной
От смертных будет сокровен,
Чете, любовию возженной,
Навек останется священ.
А скрытый враг, друг лицемерной
Коснутися рукой неверной
Гробнице нашей не дерзнут:
Злой совести жестоки пени,
Грозящие отмщеньем тени
Оттоль их с страхом отженут.

22 Но если верностью плененны
Прийдут на гроб наш два друзья,
Тут клятвы подтвердишь священны
Нелестной дружбы своея;
Взаимной их любови пламень,
Проникши хладный гроба камень,
Мгновенно оживит наш прах;
И наши тени вознесутся,
Над их главами обоймутся
И возыграют в облаках.

ОДА НА НАДЕЖДУ

1 Леса, влекущие к покою!
Чертог любви и тихих дней!
Куда вы с прежней красотою
Сокрылись от моих очей?
Вас та же зелень украшает;
Но мне того уж не являет,
Чем дух бывал прельщаем мой.
Везде меня тягчат печали;
Везде, где прежде восхищали
Утехи, счастье и покой.

2 О рок! о судия жестокий!
Неумолимый царь времен!
Доколе буду слез потоки
Я лить, тобою осужден?
Доколе, в сердце скорби кроя,
Я буду прежнего покоя
Искать, в злосчастии стеня?
Иль бед моих окончи время,
Или уж всех напастей бремя,
Собрав, повергни на меня.

3 В терпеньи мудрый познаваем,
Несчастьем испытуем он;
Но где сверх меры мы страдаем,
Там тщетен мудрости закон:
Рожденная надежда с нами
Доколь хоть тихими стопами
К концу напастей нас ведет,
Еще рассудок помогает;
А в ком надежда исчезает,
Под косу смерти тот течет.

4 С юнейших лет жестокой власти
Уже я бремя ощущал
И начал чувствовать напасти,
Как скоро чувствовать я стал;
Но днесь они прешли пределы.
Сбери, о рок, острейши стрелы,
Стремись мне ими грудь пронзать;
Не убоюсь грозы напрасной:
Сразив меня рукою властной,
Ты слаб мой дух поколебать.

5 Ты слаб! ах! нет; сей мысли верить
Есть ложной льстить себя мечтой.
Я мог душою лицемерить
Пред всеми, но не пред собой.
Я мог страстей таить волненье,
Скрывать на сердце огорченье
И скорбь в груди запечатлеть;
Но душу скрыть от всех умея
И ею вне себя владея,
Внутри себя не мог владеть.

6 Страдал; — и скорби остро жало,
Таящеесь в груди моей,
Тем глубже сердце уязвляло,
Чем больше крылось от очей.
Печаль, являюща отраду,
Подобна пагубному яду,
Который в лестном виде сна
Коварну смерть уготовляет.
Конец терпенья предваряет
Души притворна тишина.

7 Ручей, который с гор стремится,
Сверкает, пенится, ревет,

Сквозь дебри роется, мутится
И камни быстриной несет,
Не столько в ярости опасен,
Как ток, который тих, безгласен,
Подмывши брег, притворно спит;
Он бездну тишиной скрывает:
Тот рвенье чувств изображает,
А сей отчаяния вид.

8 Еще не свершены печали
И луч надежды не исчез,
Пока стенанья не престали
И ток не осушился слез;
Но коль и сих отрад лишенно,
Несчастьем сердце удрученно
Таит в себе жестокость бед, —
Се час ужасный наступает:
Унынье душу омрачает,
А вслед отчаянье течет.

9 Но, внемля истины уставам,
В печалях должно ль унывать
И должно ль счастия отравам
Свое спокойствие вверять?
Надежды должно ль нам лишаться,
Томить себя, стенать, терзаться,
Когда преходит все как прах;
Когда для нас и горесть люта,
И час, и каждая минута
К блаженству будущему шаг?

10 Почто ж, коль в свете все пременно,
Почто печальми дух тягчить?
Быть может, что судьбой смягченной
Мне суждено и в счастье жить;
Быть может, что спешит уж время,
Когда напастей тяжко бремя
Она, отторгнув от меня,
На место их, щедрот рукою
Устроит дни мои к покою,
В блаженство горесть пременя.

11 Надежда, смертных утешитель!
Ты будь моих подпорой сил:
В тебе единой вседержитель

Спокойство наше утвердил.
Твой глас несчастных уверяет,
Что рок те бедствия скончает,
Которых бремя их тягчит;
А в счастии ты в том порука,
Что никогда уж с ним разлука
К напастям нас не возвратит.

12 А вы, леса! где грусть я крою,
Простите мне, что я посмел
Теснящею меня тоскою
Встревожить тихий ваш предел.
Несчастье вы мое внимали.
Когда же рок, прогнав печали,
В которых дух мятется мой,
Пошлет мне прежне благоденство,
Тогда прийду к вам петь блаженство
И тем ваш усладить покой.

‹ИСКАТЕЛЬ›

Песнь 1-я

Я смертному потщусь в сих песнях возвестить,
Как может скрытую он истину найтить,
Из уст ее познать себя, природу, бога
И где в храм счастия лежит ему дорога.

Млад и надмен собой, я в утлом челноке,
С одной надеждою пускаюсь налегке,
Пременным случаям предав мою судьбину,
В неведомую всем бездонную пучину
Пускаюсь; и уже отважным багром
Я отвалил себя от брега с челноком,
Уже на сильный ветр мой парус распускаю,
Уж обращаю руль и брег из глаз теряю.

Прости, дом отческий, в котором я рожден,
Я, может быть, с тобой на веки разлучен;
Простите, о места! где в детстве веселился,
Я с вами, может быть, в последний раз простился,
Простите; я теку, оставя вас, искать
Земель, куда никто еще не мог пристать;
Об них предание древнейших лет вещает,

Но гибель к ним и ход и приступ воспрещает;
Я поспешаю к ним и льщу себя лишь тем,
Что если в подвиге погибну дерзком сем,
То соравнюсь судьбой с тем юношей надменным,
Который захотел полетом дерзновенным
Взнестись к превыспренним богов жилищам, пал
И имя тем себе бессмертное сыскал;
Но ежели ж, благой наставленный судьбою,
Как счастливый Коломб, и я страну открою,
До коей смертного не досягла нога,
То славу восприйму, нашедши берега,
Не тем подобные, которые вселенной
В дар дали с тьмою язв металл нам драгоценной,
Но те, где счастие невынных ждет сердец,
А злобой дышущих терновый зла венец.

Но ветр час от часу порывистее дует,
Поверхность гладких вод <...> зыблет и волнует;
И вмиг плывущими горами понт покрыл;
Занесши тучами небесных блеск светил,
Из рук моих исторг и парус и кормило;
Внезапу над главой моей завыв уныло,
Спустился и, до дна пучину разодрав,
В разверсту хлябь ее несет меня стремглав.

Кто днесь из смертных мне в напасти сей поможет,
Кто из друзей моих меня спасти возможет?
Кто из моих родных, за шумом бездны вод,
За ревом зыблющих пучину непогод,
И выхров, в ярости столбами влагу вьющих,
И дерзких волн, брега утесисты биющих,
Кто вопль услышит мой и, зря мою напасть,
Десницу помощи чрез море мне подаст?
Нет, нет, спасения от них не ожидаю.
А ты! которого повсюду обретаю,
О боже! днесь к тебе прибегнуть должен я,
Все в мире суть дела десницы твоея:
Ты небо, как намет, раскинул над звездами,
Ты земли сотворил и их наполнил тьмами
Животных, в коих жизнь и души ты вселил,
Ты стыхиям разрыв и связь узаконил;
Ты дхнешь, вселенная мгновенно оживится,
Сдержишь дыхание, и смертью потребится;
К тебе я вопию: волненье глубины
В долину преврати безмолвной тишины,

Ветр бурный обуздай, вели зефирам мирным
Челнок мой провождать по пропастям обширным
И в вожделенное пристанище принесть;
За то воздам тебе я божескую честь:
В чувствительных сердцах воздвигну вечны храмы
И в жертву принесу хвалений фимиамы.

Внял воплю моему зиждитель всеблагий,
И се уже жезлом — мирителем стихий,
Коснувшися волнам, гнев укротил пучины;
Поднявшиесь ее до облаков стремнины,
Обрушась и одна другую раздавив,
Как поле гладкое, сравнили бездн разлив;
Перед лицом творца дух буря притаила,
Отбегли облака и дали блеск светила;
Уж стал мне веять в путь прохладный ветерок,
И тихая волна лобзает мой челнок.
Избавившись от бездн, хвалу принесши богу,
Забыв минувшую опасность и тревогу,
Судьбу мою и жизнь творцу препоручив
И душу лестною надеждой напоив,
Спешу, приемлю руль и парус напрягаю,
Хватаю ветр в него и путь мой продолжаю.

Ночь медлила еще снять мрачный свой покров
С лица земли; Морфей — бог животворных снов,
Вкруг аспидной ее летая колесницы,
Любимцев счастия еще смыкал зеницы;
В берлоге зверь молчал, и птицы на кустах,
И ветр в закрытых сном зефировых устах,
Все предавалося приятному покою;
Один лишь Авилон, недремлемой тоскою
Терзаемый, не спал; на берегу крутом,
Где камень, дерзостным гордящийся хребтом,
Ярящейся волной и временем подмытый,
Горящей молнией опаленный, изрытый,
Грозящий в море пасть, над ним уже висел,
Там Авилон, свой взор потупя вниз, сидел,
На правую чело склоня печально руку,
Он немо изъявлял терпимую им муку:
Ни вздохов, спершихся в груди, не испускал,
Ни жалоб не творил, ни слез не проливал;
Недвижим, всей душой в печаль свою вперился,
Казалося, что сам он в камень превратился.
Но между тем из волн румяная заря

Выводит уж коней, везущих дней царя,
Предшествуя ему, она стыдясь краснеет,
Затем, что деве долг несвойственный имеет
Сего любовника с одра царицы вод
Из неги страстных игр весть на небесный свод;
В присутствии ее все оживляться стало:
Ночь, сняв блестящее звездами покрывало,
Отбегла к западу, за нею сны ушли,
Открылась тьма картин освещенной земли;
Полей зеленая косматая попона,
Луга, убежища, где Флора и Помона
Бросали не скупясь сокровища свои;
По золотому дну кристальные ручьи,
Стремящиесь из гор поить брега прекрасны,
Дыханье ветерков и хоры птиц согласны —
Природы радостной все изъявляло вид.
Но Авилон еще в унынии сидит,
Угрюм, оцепенен и аки бездыханный,
Ни голос соловья, ни ветр благоуханный,
Ни цветом радуги сверкающа струя,
Ни вся земля пред ним во всей красе ея
Не возмогли его извлечь из дум печальных;
Когда же, поспеша от врат востока дальных,
Бог света протекал уж над его главой,
Тогда, возбужденный лучом, носящим зной,
Как будто бы от сна внезапу он проснулся,
Поднявши томный взор, на море оглянулся,
И пристально его трекратно обозрев,
О рок! — он возопил, — твой ненавистный гнев,
Лиша меня всего, еще мне жизнь оставил,
Но дара твоего принять я не хочу
И бедствия мои мгновенно прекрачу.
Сказал, и яростью слепою восхищенный,
Подвигнут горестью, отчаяньем смятенный,
Он бросился и, вмиг на верх горы взбежав,
Вздохнул и в глубину низвергнулся стремглав.

НЕВЕРНОСТЬ

1 Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел.
Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:

Лизетину измену
И верность к ней мою.

2 В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ее пылал.
Но взор младой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

3 Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид
И самы нежны взоры,
Все в ней притворно льстит.
Но все в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

4 Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое!
Напомни мне драгую,
Я все люблю ее.
Ее неверность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пеняю;
А все ее люблю.

СОВЕТ АВТОРУ

Писанья и ты свои прилежно вычищай:
Уж из чистилища приходят в рай.

ОДА НА РАБСТВО

1 Приемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою;
И соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной:

Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

2 А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою не лестну речь;
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъемлют
Тобою им врученный меч.

3 В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь
На холм древами осененный;
В густую рощу уклонюсь;
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный все являет вид:
Ручей там с ревом гору роет;
Унывно ветр меж сосен воет;
Летя с древ, томно лист шумит.

4 Куда ни обращу зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

5 Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастие народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

6 Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал.
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

7 Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей;
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полну чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И зляе смерти жизнь влекут.

8 Насилия властей страшатся;
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать,
В веригах рабства унывают;
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их;
От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
Роптать против оков своих.

9 Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренной, свободной,
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К творцу своих молений глас?

10 Ты зришь, царица! се ликует
Стенящий в узах твой народ.

Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя;
А ты его обременяешь!
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя!

11 Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя ласкающеесь к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей;
Улыбке и слезам не внемлет,
В свирепстве от сосцей отъемлет
Невинный, бедственный страждущий свой плод;
В страданьях с ним не сострадает
И прежде сиротства ввергает
Его в злосчастие сирот.

12 Но ты, которыя щедроты
Подвластные боготворят!
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопреступника щадят,
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых:
Так что же? — благ не скрыла ль новых
Под мнимым гнетом бедствий сих?

13 Когда, пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит,
От громкого перунов треска
И молнии горящей блеска
Мятется трепетна земля;
Но солнце страх сей отгоняет
И град сгущенный растопляет,
Дождем проливши на поля.

14 Так ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою

Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь;
И к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

15 Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моея драгой.
Тогда, о лестно упованье!
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий
И с счастьем вольность процветет.

16 Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы,
Твое я имя воспою.

ОДА НА СМЕРТЬ СЫНА МОЕГО

1 Доколе рок свирепый станет
Меня бичом напастей гнать;
И по частям когда престанет
Мое он сердце раздирать?
Драгих мне стран порабощенье
И друга верного лишенье
Оплакивал недавно я.
Се вновь жестокая судьбина
Велит мне смерть оплакать сына,
Предмет злой скорби моея.

2 О Музы! вас не призываю,
Мне помощь ваша не нужна:

Гласить скорбь, кою ощущаю,
Меня научит скорбь одна
И лиру мне настроит томно.
Не песнь воспеть хочу огромно;
Я славы не ищу венца;
Уж лавры льстить меня престали,
Хочу смягчить мои печали,
Пролив их в нежные сердца.

3 Отцы и матери несчастны!
Моею тронуты тоской,
Придете, ваши души страстны
Да сострадают днесь со мной.
Слезами стих сей оросите
И горести моей простите,
Коль раны ваши растравит:
Изнеможен средь волн ревущих,
За подругов схватясь плывущих,
Спастися гиблющий спешит.

4 А вы, родители счастливы!
Внемлите скорбну песнь сию;
Коль души в вас чадолюбивы,
Восчувствуйте печаль мою.
Взглянув на ваших чад любезных,
Не пожалейте токов слезных
Над плачущим отцом пролить.
Да бог вас не лишит отрады;
Да возмогут вас ваши чады
До смерти вашей веселить.

5 Мое веселие прервалось,
И сына моего уж нет.
О сердце! кое им прельщалось,
Претерпевай всю лютость бед.
Вы! веселившиесь им очи!
Покройтеся завесой ночи
Или в источник горьких слез
Неиссякающ превратитесь,
Приятством света уж не льститесь:
Луч радости моей исчез.

6 Исчез и навсегда сокрылся
Во гробе сына моего.
Увы! навеки я лишился,

Вовеки не узрю его.
О сын мой! Ты, как нежна роза,
Свирепством раннего мороза
Поражена, поблек, увял;
Как цвет, листов не распустивший,
Одну зарю лишь только живший,
Иссох и полдня не дождал.

7 Уже ты на меня не взглянешь,
Улыбкой нежной осклабясь,
И рук умильно не протянешь,
В объятия мои просясь.
Не будешь, мать свою лобзая
Или невинно с ней играя,
Мое ты имя затвержать;
Не будешь, сидя между нами,
Твоими нежными руками
Ты наши выи съединять.

8 Покрытому мне сединою
Подпорою не будешь ты.
Согбенный старости рукою,
Несносны жизни тяготы
Я буду должен сам носити
И до земли хребет клонити,
Лишенный помощи жезла.
Тогда, печалью изнуренный,
Паду, в бедах изнеможенный,
Под игом лет, скорбей и зла.

9 Паду, как ветхая обитель,
На столб опершая чело,
На коего, всего рушитель,
С косою время налегло
И сильной мышцею сломало.
Пал столб, и зданье затрещало;
Потрясши дряхлою главой,
Обрушилося, развалилось,
С лицом земли уже сравнилось
И скоро зарастет травой.

10 Безумен, кто себя на бренный
Надежды якорь обопрет;
Десницу посох изощренный,
На нем крепящусь, прободет.

Так нам надежда изменяет.
О сын мой! над тобой рыдает
Отец твой, льстившийся лишь тем,
Что ты сомкнешь его зеницу,
Что хладную его гробницу
Омоешь теплых слез ручьем.

11 Но я твои закрыл днесь очи;
Я твой последний вздох приял
И в кров сходяща вечной ночи
Тебя слезами омывал.
Я заступ движущей насилу
Рукой изрыл тебе могилу
И хладный прах твой в ней покрыл
Землей, смешанною с слезами;
Усыпал я ее цветами
И кипарис в ней посадил.

12 Как древо то, так я, несчастный,
К гробнице пригвожден твоей.
Светильник дня и звезды ясны,
Лампады спутницы ночей,
Меня зрят у твоей могилы.
Там жалобы мои унылы,
Мой сын! тебя ко мне зовут;
Но ты молчишь, о тень драгая!
Одни лишь эхи, сострадая
Со мною, вопль мой раздают.

13 Не эхи лишь одни, вселенна
Со мною, кажется, скорбит.
Поблекшим злаком покровенна
Земля являет томный вид.
Над лесом буря уж завыла.
Туман, простерший влажны крыла,
Лежавший мрак на лоне рек
Возлег на тучные лощины
И злачные луга, долины
В печально вретище облек.

14 В свирепом вихре север бурный
Разносят осень по земли.
Уже Олимпа свод лазурный
Седые тучи облегли;
Зефир озябший улетает,

Одежды нежны Эвр срывает
С цветов, за ним гоняясь вслед.
Убранств своих земля лишилась,
Природа с нею обнажилась
И все в уныньи смерти ждет.

15 Я сладку чувствую отраду
Во общем сетованьи сем.
Воззря на мрачных туч громаду,
Разящих твердым злак дождем,
На ветр, листы с древес носящий,
На мраз, растения мертвящий,
На ток, одевшийся корой,
Я тем в печалях утешаюсь,
Что не один лишь я лишаюсь,
Что всех сражает жребий мой.

16 Но участь их не столь ужасна.
Хоть осень днесь мертвит цветы,
Но скоро им весна прекрасна
Отдаст все прежни красоты.
Древа вновь листьем облекутся,
Потоки из пелен прорвутся,
Все вдруг с весною оживет.
Мое несчастье невозвратно:
Смерть сына моего обратно
Не может уж привесть на свет.

17 Я не узрю его, доколе
Прядется Паркой жизнь моя.
Увы! не возвращает боле
Добычи вечность своея
И гласу лиры уж не внемлет.
О сын мой! смерть тебя отъемлет
От томныя груди моей,
Не дав тебе познать утехи;
Познав забавы, радость, смехи,
Вкусить приятства жизни сей.

18 Приятства? — нет, о сын любезный!
Мой глас прельстить тебя хотел.
В судьбине смертных скорбной, слезной
Никто прямых приятств не зрел.
Всяк должен дань платить печали.
Где смертны счастия искали,

Там встретило их ждуще зло.
Блаженство твердое, прямое,
До сребрянных веков златое
С собою время унесло.

19 Беды над миром непрестанно
Висят, как огустевша мгла.
В нем зло, как злато, постоянно,
А счастье бреннее стекла;
В нем свет соединен со тьмою,
О сын мой! если б ты судьбою,
Как твой отец, был искушен,
Коль крат плывя к брегам счастливым,
Поверяся зефирам льстивым,
Он ими в пропасть был внесен!

20 Когда б, как он, ты в юны леты
Всех бедствий горести вкусил,
Когда б дражайшие предметы,
Твою жизнь коим ты вручил,
Тебе внезапну изменили:
Сии любовь твою забыли,
Те верность дружбы твоея;
Толь горьку ощутя измену,
Тогда восчувствовал бы цену
Ты жизни скорбныя сея.

21 Возможно ль, зря коварство злое,
Ведуще правость в смертну сеть,
Порок, достоинство прямое
Хулою ищущий сотреть,
Зря стыд поправшую кичливость,
Держащу скиптр несправедливость,
У ног вельмож ползущу лесть,
Возможно ль, ими не гнушаясь,
От вида их не содрогаясь,
Их мерзости и злобу снесть?

22 Но если б ты себя противу
Их сонма явно ополчил,
Ты жизнь стяжал бы несчастливу.
Соединеньем общих сил
Твои дни грызла бы их злоба;
От ней тебя ни двери гроба
Не возмогли бы защитить.

Змеею зависть ядовитой
И прах твой, в мрачной урне скрытой,
Не преставала б шевелить.

23 Так ты, мой сын! благополучен,
Что жил времен один лишь миг;
Что жизни скорбью не размучен
До тихой пристани достиг,
Поспешным пренесен Зефиром.
Покойся днесь, покойся с миром,
Любезная, дражайша тень.
Завидую твоей я доле,
Скорбя, что не в моих рук воле
Приближить мой последний день.

24 Но о твоей, мой сын! разлуке
Уже я боле не скорблю;
Не предаюся горькой скуке,
Терпенья меры не гублю.
С отрадою жду тех мгновений,
Когда рок, цепь моих мучений
В источник благ переменя,
Из бедствий жизнь мою искупит,
Когда с тобою совокупит
На лоне вечности меня.

25 Теперь уж я твою гробницу
Не возмущу моей тоской
И, сев на ней, мою зеницу
Потщусь не омывать слезой;
Но солнцу, ставшу над горами,
Я поспешу твой гроб цветами
Устлать и миром оросить.
Творцу на месте сем священном
Я буду в сердце восхищенном
Хвалений жертву приносить.

26 Тут часто ночь меня застанет
При свете бледныя луны:
Мой дух там воскрыляться станет
К пределам вечной тишины
И в мыслях созерцать вселенну,
Душой всесильной оживленну.
Там, может статься, тень твоя
Мне будет меж древес мечтаться,
И там я буду научаться
Познать цель жизни моея.

НА ЗАВОЕВАНИЕ ТАВРИДЫ

Приятная весна обратно к нам спешит,
И птичек, и цветы, и голос мой живит.
Какую ж новопеснь на лире я настрою?
Но что, когда земля, толь долгою тоскою
Томима, отдохнув, веселый кажет взгляд,
Когда в полях, в лугах, в лесах вся тварь проснулась,
Надеждой, счастием, любовью улыбнулась,
Пускай иной кто в прах низвергнет гордый град,
Победу средь торжеств облекши в багряницу,
На громоносную возводит колесницу,
Атридов чашею дрожащу длань багрит
Иль сонму витязей храм славы отверзает...

‹СЛУЧАЙ НА ВЫБОРАХ›

Вы помните, я вам сказал,
Что вопперек моей дороги,
Чтоб на скоку мне путать ноги,
Случай на четвереньках стал
И вечно тако становится,
Куда мой конь ни разбежится.
А чтоб теперь вам доказать
На самом деле чисто, ясно,
Что не был я намерен лгать,
Прошу вас только беспристрастно
Грядущи строки прочитать.

На бреге горда Бористена,
Где прежде на пустых полях
Скрывался алчный волк в кустах,
Где серна лишь уединенна
Покоилась, отвергши страх,
Где хищный рысь и люты вепри
Густые населяли дебри,
Где диких коней сотни стад
Паслися на степях бесплодных,
Где на буграх, холмах безводных
Плодился ядовитый гад
И тощи устилал стремнины,
Там, славою Екатерины
Гордяся, град чело вознес
Превыше облак, до небес.
По слову северной богини

Покрылась жатвами земля,
Реками напились пустыни,
Стадами устланы поля.
Из сел, упитанных покоем,
Народ во град стекался роем
Закону мудрому внимать
Наперсницы бессмертной славы,
Из рук ее в сердца приять
Божественны права, уставы
И праведных судей избрать.

С народным сонмом поспешая,
И я в сей славный прибыл град.
Пред мною шла молва благая..
Сообщник каждый и собрат,
На мя воззревый, был мне рад.
Признаюсь, это мне польстило;
Еще ж ласкательнее было
Под повелением служить
Наместника великодушна,
Кому сама судьба послушна;
Кто дар имел остановить
Случай, — случай тот несговорной,
Всегда мне и во всем упорной.
Но чтоб беседы не плодить,
Скажу вам: выборы настали,
И двести семьдесят голов
В сто девяносто голосов
Меня своей главой избрали.
Казалось, я торжествовал.
Но вопорек моей дороги,
Чтоб мне и тут запутать ноги,
Случай на четвереньках стал.

Есть некто Кумбурлей; он малой,
В поповской школе побывалой.
Одним сим я уж все сказал:
Заслуги по сему предмету
Всему известны белу свету,
Градоначальника стяжал
Он тем любовь и уваженье.
Лишь эполет, служа, он снял
И мне в соперники предстал,
Восстало сильное волненье:
Интриги, кабала, подбор,

7*

Забеги, ласки и прещенье,
И всей политики собор
Против меня во ополченье
Восстал. — Но сильной тут отпор
Дворяне дать ему посмели:
Насилу торгачи успели
Сто пятьдесят шаров собрать,
Чтоб с ними мне противустать.
На сорок голосов имел я перевесу.
Казалось, дело шло на стать;
Казалось, что и Геркулесу
Не можно было б помешать
Мне первенство над ним стяжать.
Но иначе свершилось дело:
Градоначальник, осердясь
На твердую дворянства связь,
Решился, что б оно ни пело,
Сердечна друга утвердить
И им главою быть как быть.

Вот так все дело распадалось.
Как рак я на мели торчу.
Потом что было, умолчу:
Как все дворянство разбежалось,
Главизну зря не по плечу;
Как в знак сердечна огорченья
Брело оно из града вон;
И как, досадою возжен,
Градоначальник делал вздоры;
Скажу лишь: не вступая в споры,
Дворян благодаря собор,
Я скромну сделал ретираду,
И только лишь хочу в награду
За понесенный весь позор,
Чтоб наш наместник знаменитый
Отверг завистников моих
Навет, гонением неситый;
И без участья в злобе их,
Стесненного сокрытым ковом,
Меня вниманья не лишил
И под незыблемым покровом
Глас общества во мне почтил.

ОДА НА ИСТРЕБЛЕНИЕ В РОССИИ ЗВАНИЯ РАБА ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ В 15 ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ 1786 ГОДА

1 Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай;
В порфиру светлу облекися;
Веселья муром умастися.
Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радостью вселенну:
Тебе свободу драгоценну
Екатерина днесь дарит.

2 О дар божественныя длани!
Дар истинных богоцарей!
Достойных вечной сердца дани,
Достойных мира олтарей!
Российские сыны! теките,
Усердья жертвы принесите:
Мы с ними той к стопам падем,
Чья нас десница восставляет,
Оковы с наших рук снимает
И с вый невольничий ярем.

3 С времен, в забвении лежащих,
Наш род был славен на земли.
Везде с молвой побед гремящих
Российски лавры возросли.
Не там лишь, где восшедша Феба,
Текущего по своду неба
И в понт сходяща, виден свет;
Но там, где бог сей не сияет,
Завесы звездной не вскрывает,
Где вечно мрачна ночь живет.

4 Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла,
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков;
Но раболепными руками
Упадших пред ее ногами
Царей брала под свой покров.

5 Теперь, о радость несказанна!
О, день, светляе дня побед!
Царица, небом ниспосланна,
Неволи тяжки узы рвет;
Россия! ты свободна ныне! —
Ликуй: — вовек в Екатерине
Ты благость бога зреть должна:
Она тебе вновь жизнь дарует
И счастье с вольностью связует
На все грядущи времена.

6 Обилие рекой польется
И ризу позлатит полей.
Глас громких песней разнесется,
Где раздавался звук цепей.
Девиц и юнош хороводы
Выводят уж вослед свободы
Забавы в рощи за собой;
И старость, игом лет согбенна,
Пред гробом зрится восхищенна,
С свободой встретя век златой.

7 Развязанными днесь крылами
Орел российский воспарит
Над гордыми его врагами;
С высот их выи поразит;
Обвившись пламенем перуна,
В Эвксине из руки Нептуна
Трезубый жезл исторгнет он;
В дальнейшие врагов пределы
Пошлет молниеносны стрелы
И раздробит сарматский трон.

8 Лети, пернатых царь! взносися,
Главой касайся небесам;
Над кровом вечности спустися;
Внеси в ее священный храм
Священный лик Екатерины.
Бессмертных дел ее картины
Там изваянны на стенах;
Да узрят веки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текут в подвластных ей странах.

9 А ты, которая свободу,
Как животворный свет, даришь!

Знай, что российскому народу
Ты вечну цепь принять велишь:
Мы прежде власти покорялись,
В плену днесь кротости остались
И стали пленнее стократ:
Твои щедроты бесконечны,
Сии сердец оковы вечны,
И дух свободы покорят.

10 В потомстве благодарны россы,
Наследники времен златых,
Воздвигнут в честь твою колоссы,
Блестящи славой дел твоих.
В них кроткий образ изваянный,
Рукою правды увенчанный,
Святиться будет в род и род:
И время, кое все сражает,
Бессмертну косу изломает
Об памятник твоих щедрот.

ОДА НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ ПОРТОЮ РОССИИ 1787 ГОДА АВГУСТА 5 ДНЯ

1 Какие страшны звуки внемлю?
Перун Беллоны грянул вдруг;
И прах и дым покрыли землю!
Се двигнулся на Север Юг.
Се Росским враг орлом попранный,
На раны навлекая раны,
Убийственну подъемлет длань.
Вознесши буйства рог кичливый,
Он мирные исторг оливы:
Отрыгнул ярость, месть и брань.

2 Доколь, облекшися в гордыню,
Он будет нагло возбуждать
Полнощи кроткую богиню
Гром казни на него метать?
Давно ли, устремленный к бою,
Под мстящею ее ногою
Он брег дунайский покрывал!
Так в мрачны пропасти Ереба
Тифон с лазурных сводов неба,
Низринутый Зевесом, пал.

3 Так сын Еола, осужденный
На верх крутой горы катать
Во аде камни раскаленны,
Стремящиеся к долу вспять,
Напрасно мышцы напрягает
И пот кровавый проливает;
Трудам не видит он конца! —
Толь строго боги справедливы
Карают мысли горделивы
И буйством дышущи сердца!

4 Срацин! избегни злого рока,
Уже испытанна тобой.
Хоть в брани Россов грудь жестока,
Но умягчается мольбой.
Прийди, пади, прийми прощенье.
Но вящей ярости волненье
Мне кажет твой угрюмый вид:
Вращает вкруг свирепы взоры,
И гнев, к пролитью крови скорый,
Сильней в груди твоей кипит.

5 Теки же, роком злым гонимый!
Паденье ускоряй твое.
А ты, о Росс непобедимый!
Прийми гром, меч и копие;
Но броню, щит и шлем отрини:
Тебе на пагубу гордыни
Сонм горных сил предъидет в бой.
Хоть ада встретится стремнина,
Дерзай: — тебя Екатерина
Ведет, и бог поборник твой.

6 Как Геллеспонта волны чисты,
Так днесь Евксин познал твой флаг.
Нептун твой переплыл кремнистый
И шумный Бористена праг.
На Тавр, до неба восходящий,
Взлетел орел твой, месть носящий.
Оружьем враг объят кругом.
Лишь только меч ко брани двинешь,
Ты горду рать его низринешь.
Рассыплешь в прах, лишь бросишь гром.

7 Мне Музы тайну открывают
С завесой будущих времен.

Перуны орли там сверкают
И гордый рог Луны сотрен.
Я вижу там престолы новы.
Там рабств расторгнуты оковы.
Храм славы зрю на небесах:
На лаврах там блестят трофеи,
И имя Росския Астреи
Во звездных светится кругах.

СТИХИ НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ г. КОСТРОВЫМ

Седмь знатных городов Европы и Асии
Стязались, кто из них Гомера в свет родил?
Костров их спор решил:
Он днесь в стихах своих России
Отца стихов усыновил.

ОТВЕТ РАФАЕЛА ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Прекрасное изображение Фелицы, сочинение Гавриила Романовича Державина, дало мне повод к написанию ответа Рафаела, в котором весь пятой куплет заимствован из следующих трех прекрасных строф его:

Престол ее на Скандинавских,
Камчатских и златых горах,
От стран Таймурских до Кубанских,
Поставь на сорок двух столбах.
Как зеркал восемь бы, стояли
Ее великие моря.
С полнеба звезды освещали,
Вокруг багряная заря.

Строфа 8.

На сребро-лунно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железно-каменное царство
Брось молньи и поставь вверх дном.
Орел царевнин бы ногою
Вверху рога луны сгибал,
Тогда ж бы на земле другою
У льва голодный зев сжимал.

Строфа 47.

Представь, чтоб глас сей светодарный,
Как луч с небес, проник сердца,
Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха и отца
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

Строфа 26.

ОТВЕТ РАФАЕЛА ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

1 Рафаел Санкцио Урбинской,
За Стикс отшедший на покой,
Мурзе Орды Киргизской, Крымской,
Каракалпацкой, Золотой,
А подлинно какой, не знает;
Здоровья и всех благ желает.
Сие же пишет во ответ
На то посланье длинновато,
Которое Эрмий крылатый
Ему на сей доставил свет.

2 Мурза! сто тридцать повелений,
Тобой предписанные мне,
Признаться, удивили тени,
Живущи праздно в сей стране:
Им показалось очень странно,
Что так слегка и столь пространной
Ты вздумал мне урок задать;
Над коего и третьей долей
Со всей моею доброй волей
Я в пень был принужденным стать.

3 Ты видно думал, что не диво
Изобразившим вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество;
Что как воображенью слово,
Так и художество готово
Для взора мысль образовать;
И сколь ума паренья смелы,
Столь кисти широки пределы,
И чувствам образ можно дать.

4 Но нет, Мурза! не так не трудно,
Как то себе мечтаешь ты,
Всех прелестей согласье чудно
Собрать и слить в одни черты;
Чтоб душу ангела небесна
Представила краса телесна.
Лик солнца виден каждый день;
Однако вся искусства сила
Изобразить сего светила
Одну лишь слабу может тень.

5 Не так легко «над полвселенной
«На сорок токмо двух столбах
«Престол поставить вознесенной,
«В осьми смотрящийся морях;
«Так лапы распростерть орлины,
«Чтоб сжал одною зев он львиный,
«Другой рога Луны сгибал,
«И написать, чрез вымысл вящший,
«Чтобы Перун, в руках горящий,
«Гремел из уст, но не сражал».

6 А ты хотел, чтоб я все дива,
Которы нам ты возвестил,
Из полного черпнув архива,
В одну картину поместил!
Хоть знал я тщетное желанье,
Но все употребил старанье
Тебе сколь можно угодить;
И так пустяся на удачу,
Чтобы решить твою задачу,
Я предприял ее дробить.

7 Сперва, созвав в совет согласной
Весь живописный наш синклит,
Фелицы твоея прекрасной
Решился я представить вид;
А чтоб исполнить, чудно дело,
Юноны сановитой тело
Миневриной главой свершил,
И прелестьми трех граций нежных
Покрыв, о чреслах белоснежных
Кипридин пояс обложил.

8 И восхищался... Как пред мною
Предстал Мурза каких-то орд,
Под шапкой бритою главою
И длинными усами горд:
Спросил, кого изображаю?
Фелицу. «Как, ее? я чаю,
«Что ты несешь и пишешь бред.
«Брось кисть, мой друг! и труд напрасный.
«Нет, не ее то лик прекрасный,
«А разве токмо — силуэт».

9 Сказал и с гневом удалился.
Приветством удивлен таким,

Я речь завесть поторопился
О чудной сей Фелице с ним.
Догнав его, «Мурза почтенный! —
«Сказал, — оставим несравненный
«Фелицын лик, позволь спросить
«Совета, как бы кисть счастлива
«Могла сего осьмого дива
«Хоть подвиги изобразить?»

10 «Хоть подвиги? — не трудно дело
«Затеял ты в уме своем! —
«Хоть сто бы вас над ним сидело
«Век целый, встали б вы ни с чем.
«Для рам обширной толь картины
«Мал лес всей здешней Палестины;
«А где взять красок и кистей?
«Опомнися, тебе ль пристало
«Явить нам ясное зерцало
«Великих дел царевны сей?

11 «Над всеми царствами вселенной
«Она возносится, как кедр
«Над тростью гибкой, униженной,
«Чуть из земных возникшей недр.
«Державный скипетр простирает,
«На царства там граждан венчает;
«В подданство царствы здесь берет;
«Стязующиеся державы
«Неволит ток пресечь кровавый,
«И суд и мир им подает.

12 «Се гром и треск ее Перуна,
«Страшилища владык земли,
«С полнощи грянув, дом Нептуна
«В Средьземном понте потрясли.
«Там гидр она в волнах сжигала;
«Луну надменну затмевала
«Крылами своего орла;
«И царств не возмутя покою,
«В предел свой сильною рукою
«Пространно море вовлекла.

13 «Чтоб хищность обуздать кичливу.
«Заставить чтить права людей,
«Она зеленую оливу

«Простерла над лицом морей.
«Под сенью ветви сей священной
«Не смеет буйство дерзновенно
«Судам свободный ход препнуть;
«Хоть люты брани вкруг рыкают,
«Они среди их протекают
«Бесстрашно предприятый путь.

14 «Но кая может слова сила
«Явить в величии своем,
«Как мрак полнощи просветила
«Она премудрости лучом?
«Как подданных рвала оковы,
«В них души поселяла новы;
«И где, к их счастью устремлен,
«Судьба ей подвиг препинала...
«Она блаженства засевала
«Для жатвы будущих племен?

15 «Но что! по всей вселенной ныне
«Гремят дела ее одной;
«И на пространной сей холстине
«Насилу кистию златой
«Писать их слава успевает:
«То как рука твоя дерзает
«Подъять толь непомерный труд?
«Оставь, мой друг! не суетися;
«Кому дивится свет — дивися:
«А кисть и краски спрячь под спуд».

16 Премудрого сего совета,
Мурза! отнюдь не презрю я.
И так Фелицына портрета,
Ниже картины дел ея
Тебе доставить не намерен.
Когда ж ты в способах уверен
Те чуда живо написать,
То кисть и краски пред тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что столь красно умел сказать.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПЕСНЬ НА ПРАЗДНОВАНИЕ МИРА

Псалом 45

Господь сил с нами, бог богов,
Защита Россов и покров!

1 Бог нам прибежище и сила,
Помощник скорый в сонме бед.
Не содрогнем, хотя б светила
Померкли, весь потрясся свет
И в понт вершины низложились;
Хотя б моря и бурей спор
Хребты подвигли твердых гор
И в бездну сринуть устремились.
Господь сил с нами, бог богов,
Защита Россов и покров!

2 Петрополь красят мирны реки;
В нем вышний освятил свой трон.
Бог в нем; не двигнется во веки;
Оплот ему, твердыня он.
В языцех вью дерзновенну
Возносит буйный сонм людей.
Священный пал престол царей.
Месть неба удивит вселенну!
Господь сил с нами, бог богов,
Защита Россов и покров!

3 Прийдите, да чудесну славу
Творца побед вселенна зрит:
Он укротил здесь брань кроваву,
Он сжег и меч, и лук, и щит.
Внемлите, все концы земные!
Речет господь: аз Россов бог.
В языцех вознесу мой рог:
Престол мой вознесу в России.
Господь сил с нами, бог богов,
Защита Россов и покров!

ДРУЗЬЯМ МОИМ

1 Тринадцать лет уже прошло,
Как чувство дружбы вас связало.
Хоть быстро время и текло,
Но счастие при вас стояло;
И, легки крылушки прижав,

Любовь при вас же оставалась:
Цепями вас она сковав,
Сама к вам ими приковалась.

2 Останься ж тут навек, любовь!
Ты где б и сколько б ни летала,
Толь милого приюту вновь
Себе нигде бы не сыскала.
А время! ты лети быстрей:
Хоть все ты унося ничтожишь,
Но счастия моих друзей
С собою унести не можешь.

ВРЕМЯ

1 Неприметно утекают
Воскрыленные лета.
Старости не удаляют
Ум, ни сердца правота;
И прогнать не могут мимо
Смерти ввек неумолимой.

2 Хоть молебны кто всяк день
Петь о многолетстве станет,
Смерть, привязчива как тень,
На минуту не отстанет.
Все, и раб и царь с венцом,
Спустимся в подземный дом.

3 Тщетно кровью обагренных
Будем убегать полей;
Волн беречься разъяренных
И зараз осенних дней:
К предкам должно преселиться,
Праху с прахом съединиться.

4 Должно все оставить здесь:
Дом, роскошную услугу,
Нежную с детьми супругу;
И из саженных древес
Ельник лишь один постылый
Нас проводит до могилы.

5 Все мы так, как тень, пройдем;
А наследник наш богатый,

Цельным капским тороватый,
Век нетронутым вином,
Закутя пиры и балы,
Через край нальет бокалы.

ОДА НА СЧАСТИЕ

1 Весна приятна возвратилась;
Блестящу росу пьют поля;
Зеленым бархатом покрылась
И тысячми цветов земля;
Оделись листием дубравы;
Кусты и благовонны травы
Шлют в воздух нежный аромат;
С гор зеркальны струи катятся,
И в рощах хоры птиц гнездятся,
Поющи новых тьму отрад.

2 Взойду на холм — мой взор веселый
Везде довольство, негу зрит:
В долу спокойно бык дебелый
Близ крав пасущихся лежит.
Там бодрый конь, поднявши гриву,
И хвост, и выю горделиву,
Играет вкруг своих подруг.
Тут козы брань ведут, резвяся;
Там, паствой овцы насладяся,
Блеяньем наполняют луг.

3 Везде, и в воздухе сем чистом,
По всей поверхности земли,
В полях, лугах, в лесу тенистом
Зефиры радость разнесли.
Весны влияния отрадны
И звери ощутя зложадны,
Питают нежный жар в крови,
Приятным чувством умягченной;
И все, что в мире оживленно,
Дань платит счастью и любви.

4 Все дань любви и счастью платит!
Лишь человек из тварей всех
Часы в угрюмой скуке тратит,
От общих уклонясь утех.
Ненасытимых полн желаний,

Событием пустых мечтаний
Он занимает ночь и день;
Простых, природных благ чуждаясь,
Сует в Дедале пресмыкаясь,
Хватает счастья токмо тень.

5 Сей плуг наследный оставляет
И хижину своих отцов;
В меч острый рало превращает
И в буйстве ищет лишь — врагов?
Обманут гласом ложной славы,
Собратий ток лиет кровавый,
Вдов, старцев и сирот разит;
И льстится, обагряя длани,
Что кровь пиюще поле брани
Ему лавр вечный возрастит!

6 Другой, стада продавши тучны
И дом рожденья своего,
Где с детством игры неразлучны
Всю жизнь лелеяли его;
Жену оставя безотрадну,
Чтобы корысть насытить жадну,
Изменным вверился зыбям;
Он плач родных сухим зрит оком,
И вот в волнении жестоком
Лишь злато льстит его очам.

7 Иной во пиршествах, в забавах
Все счастье света заключив
И неги в сладостных отравах
Здоровье, душу истощив,
В вихрь роскоши себя ввергает,
И средства лишь изобретает
От самого себя уйтить.
Летяще невозвратно время
Он силится, как тяжко бремя,
Тщетою праздной потребить.

8 Но на различных сих дорогах
Страстьми влекомый человек,
По кратковременных тревогах
Златый обресть мечтая век,
В отрадном, в истинном покое
Возможет ли сыскать прямое

Блаженство жизни своея?
Ах, нет! — чем к цели он скорее
Течет, тем от него быстрее
Цель удаляется сия.

9 С какими бедствами, трудами
Сокровищ ищет он драгих!
Скопляются они веками:
Единый миг уносит их.
Честей и знатности степени
Как легки исчезают тени;
Кто возрастит их, мглу пожнет.
Прельщенна видами пустыми,
Душа не насладится ими;
Прямого счастия в них нет.

10 О счастье! всех страстей пружина!
Всех мыслей, чаяний, трудов,
Желаний всех о цель едина!
Приди, поведай, где твой кров?
Скажи нам, где ты обитаешь?
На троне ли в венце сияешь,
Иль поселилось в шалашах;
Или, оставя человека,
На крылиях златого века
Взлетев, живешь на небесах?

11 Обремененный нищетою,
Презреньем общим посрамлен,
Раб ропщет: для чего судьбою
Рабом он в свет произведен?
Вельможей пышностью прельщаясь,
«Блажен, гласит, кто, наслаждаясь
«Богатством, счастьем дней своих
«Число, числом забав счисляет!
«Он век моих утех вмещает
«В один своих веселий миг!»

12 «Я властью вознесен и славой,
«Речет монарх: я смертных бог.
«Я сильною моей державой
«Моих врагов стер гордый рог.
«В забавах, в неге утопаю;
«Но счастия не обретаю
«Ни средь побед, ни средь пиров

«Спокойство от меня уходит;
«Спокойство в хижине находит
«Последний раб моих рабов!»

13 Когда ж своею в свете частью
Никто не удовлетворен,
Так неужель нам путь ко счастью
Стеною вечной прегражден?
На то ль от бога жизнь прияли,
Чтоб, жертвой будучи печали,
Кляли мы жизни каждый час? —
Никак! — Источник совершенства,
Бог сотворил нас для блаженства,
Блаженство сотворил для нас.

14 Виновны мы, что, льстясь мечтами
И блеском призраков пустых,
Живущее блаженство с нами
Стяжать желаем от других;
Что вечно токмо в чуждой доле,
То в хижине, то на престоле,
Обресть надеемся покой;
И, ослепленные пристрастьем,
Весь век свой гонимся за счастьем,
Нося его всегда с собой.

15 Познай, о человек! сколь смежно
С тобою благ струя течет,
И как сама десницей нежной
Своих питомцев к ней ведет
Премудра, щедрая природа;
Что совесть чистая, свобода,
Здоровье и насущный хлеб
Довлеют к твоему покою —
Будь с ними счастлив сам собою
И дар благослови судеб!

16 А если бог, чтоб безмятежну
Украсить жизнь венцом отрад,
Пошлет тебе супругу нежну,
Правдива друга, добрых чад,
О счастлив, счастлив ты нелестно!
Для чувств любови сердце тесно
Ты в недра дружества пролей;
И чужд мирских сует, наветов,

Блаженством сих драгих предметов
Удвой твоих блаженство дней.

17 Удвой — но, ах! с усугубленьем
Сих счастия узлов драгих,
Сугубо горестным явленьем
Коварно жало скорбей злых
Грозит, о смертный! нам всечасно!
Какое сердце толь бесстрастно,
Толь твердо, жестко может быть,
Чтоб близких так души залогов
Болезнь, терзания — без вздохов,
Без ропота могло сносить?

18 Возможно ль током капель слезных
Не омочить унылых вежд,
Воззрев на прах детей любезных,
На гроб приятнейших надежд?
Не орося слезой зеницу,
Воссесть на хладную гробницу
Иль друга, иль драгой жены;
И не восплакать над могилой,
Где жизни, уж навек постылой,
Все радости погребены?

19 Несчастный! — в скорби сей сердечной
Приди — дай руку мне — пойдем,
Пред троном благ, любви предвечной
С повиновением падем;
И из-под праха глас умильной
Возвысим: — да рукой всесильной
Стесненно сердце укрепит!
Печалей да смягчит грызенья;
И сопротив скорбей стремленья
Да ниспошлет нам веры щит!

20 О вера! глас творца вселенной,
Святейший луч его лучей!
Отрада жизни угнетенной!
Душевна здравия елей!
Оставь небесную обитель:
Сниди, — будь вождь нам, просветитель;
Наставь нас, что доколе мы
Вериг не сбросим тела страстна,
Не можем света, нам причастна,
От сродной нам отторгнуть тьмы;

21 Что жизни в дебри сей терновой
Мы странствовать во мгле должны;
Что там, — за ней, — день светит новой;
Что кои уж преселены
В то обиталище святое,
Вкушают счастие прямое
И радость полной чашей пьют;
От смерти к вечности избранны,
Венцом нетленным увенчанны,
Небесной жизнию живут.

22 Но здесь одна лишь добродетель
Источник неисчерпных благ,
Отрад незыблемых содетель
В болезнях, в нищете, в бедах;
Она печали услаждает
И равномерно сочетает
Себя с владыкой и с рабом.
Ни тать, ни враг, стихии злобны
Ее похитить не удобны;
В сердцах она свой зиждет дом.

23 Воззрим на мужа благотворна:
Что сладостней его отрад?
Улыбка нежна, не притворна
Им воскормленных отрочат;
Признательна слеза вдовицы;
Исторгнутых из рук убийцы
Благословение сирот
И вздох отрадный старца нища:
Какая сердцу сладка пища!
Какой утех бессмертный плод!

24 Возмогут ли болезнь, гоненья,
Печаль и сонм напастей злых
Средь толь приятна восхищенья
Не притупить всех жал своих
И на стезях колючих, тесных
Лишить его утех небесных,
Восторга нежного сердец,
Когда за жизнью скоротечной
Ему священна вера вечной
Готовит радости венец?

25 О вера! сладкие уроки
Твои дух слабый мой крепят;

С тобою и судьбы жестоки
Меня теперь уж не сразят.
Напасть, болезнь, и скорбь, и бедство,
Как человечества наследство,
С терпеньем буду принимать;
И в тишине, средь мала круга
Любезных чад, жены и друга,
Блаженство временно вкушать.

26 А если б хоть на миг судьбину
Несчастных мог я усладить;
Хоть вздох, хотя слезу едину
Скорбящего остановить
Иль мокру осушить зеницу:
О сколь всещедрую десницу
Творца благословил бы я!
С какой отрадою сердечной
У прага жизни бесконечной
Предел бы жизни зрел сея.

27 Приди ж, весна! как ты цветами
Пестришь поверхности полей,
Так дружества, любви венками
Я путь моих усыплю дней.
В тенистых рощах заблуждаясь,
Природы красотой пленяясь,
Невидимых небес красу
В ней, как в зерцале, зреть я стану
И льститься, что, хоть здесь увяну,
Плод в вечности произнесу.

ОДА НА ВСЕРАДОСТНОЕ ОБРУЧЕНИЕ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, СОВЕРШИВШЕЕСЯ 1793 ГОДА, МАЯ В 10 ДЕНЬ

1 Воздев блестящу багряницу,
Уже стыдливая заря
Ведет янтарну колесницу
Дней светоносного царя.
На праг востока он взъезжает,
Златые вожжи потрясает
И огненным бичом коней
Стремит на свод небес лазурных;
Блеск сыплется от грив их бурных
И пламя пышет из ноздрей.

2 Но что? — он, путь свой пременяя,
К Петрополю склоняет бег.
Весна приятна, поспешая
За ним, с полей согнала снег.
В те дни, как хладны здесь погоды
Обыкли вид мрачить природы,
Она одела листьем лес;
Пестрит поля дарами Флоры
И нежны птиц сзывает хоры
Воспеть любовь в тени древес.

3 Что ж так весну и светла Феба
Влечет поспешно в Росский край;
И под чертою хладной неба
Их заставляет зиждить рай?
Не божество ли уж какое,
Жилище небрежа святое,
Сошло с превыспренних кругов;
И смертною пленясь красою,
Ведет торжественно с собою
И лик отрад и сонм богов?

4 Так точно; — взору изумленну
Небесный предстоит предмет.
Се некую чету священну
Ефирный озаряет свет.
Се дева, как любовь прекрасна,
На юношу взирает страстно
С улыбкой, полною утех.
Так роза нежна, на лилею
Восклоньшися, красой своею
Влечет, пленяет взоры всех.

5 Чета божественна, прелестна!
Румянец роз на их щеках,
В глазах блестит лазурь небесна,
Лежат кораллы на устах,
На лицах кротость обитает:
Сей доблесть, мужество являет;
Та нежный и любящий дух.
Залогом счастия вселенной
В ней виден ангел воплощенной,
В нем ангел, человеков друг.

6 То не Амур ли и Психея
Вновь смертных предстоят очам;

И не божественна ль Астрея
Предводит их в священный храм?
Но нет: — сам бог любви, над ними
Летя, стрелами золотыми
Пронзает нежны их сердца;
На них свой пламенник склоняет
И взор их блеском привлекает
Из мирт сплетенного венца.

7 И се восторг сынов Российских,
Се песней восхищенный лик,
Гром, звук орудий Мусикийских
И радостный народа клик
Чету священну именуют;
Порфиру, руки их целуют;
Цветами усыпают путь:
Все взоры к ним лишь обращенны;
Все жаждут, рвеньем воспаленны,
Взглянуть на них — еще взглянуть.

8 Предтечей счастливой судьбины
Да будет днешне торжество!
Да будет внук Екатерины
И им любимо божество
Блаженства нашего залогом!
Союз их всемогущим богом
Да будет ввек благословен!
Да Павлов дом, как лавр цветущий,
Во все пребудет дни грядущи
На нем со славой утвержден!

9 Лишь только громкий слух раздался
О счастливом союзе сем;
Сармат в подданство нам отдался,
Пленен любовью, не мечом,
Се племя Россkия державы,
Прельстяся громом нашей славы,
Под кров отечествен течет.
Сим ясно рок предвозвещает,
Каких потомство ожидает
От них торжеств, оград, побед.

10 Красуйся, о чета священна!
Нежнейшей страстию пылай:
В тебе Россия восхищенна
Зрит новонасажденный рай.

Ты, чуждый цвет! — Елисавета!
Краса будь наша, радость света!
А ты, прекраснейший жених!
Горд именем россиянина,
Премудр будь, как Екатерина,
И, как она, как Петр, велик.

ОДА НА СМЕРТЬ ПЛЕНИРЫ

1 Где от горести унылой,
Где спастись от лютых бед?
Нет в живых Плениры милой!
Милой друг! тебя уж нет!
Где от скорби ни скрываюсь,
Все в мечтах с тобой встречаюсь:
В смертну погруженный сень,
Зрю твой гроб, вопль слышу слезный.
Все в глазах твой вид любезный
Носится, дражайша тень!

2 Тень дражайшая! смягчися;
Возвратись хотя на час;
Хоть на миг остановися
И подай в последний раз
Белизной блестящу снежной
Руку, что с улыбкой нежной
Простирала к другу ты.
Но, увы! ты отлетаешь,
Дух мой в горесть погружаешь,
В мрак унылой пустоты.

3 Тщетно слез струя катится,
Не смягчает скорби злой.
В сердце кровь остановится,
Как лишь гроб представлю твой.
В душу мне он ужас сеет.
Все в глазах моих мертвеет.
Каждый милый мне предмет
В виде кажется увялом.
Смерть надгробным покрывалом
От меня скрывает свет.

4 В рощу ль скроюся густую,
Осень уж ее мертвит.

На жену ль взгляну драгую,
Смертный одр пред ней стоит.
На детей воззрю ли милых,
Вижу в них сирот унылых.
Сам, скитаясь меж гробов,
Мрачной, кажется, стезею,
Тенью предводим твоею,
Опускаюсь в смертный ров.

Вслед за скорбной сей мечтою
Скорбная летит мечта:
Вижу духом пред собою
Те печальные места,
Где теперь супруг твой страстной,
Удручен судьбой злосчастной,
Медленны часы влачит;
Где, от всех уединенный,
Мрачной мыслью отягченный,
С горестью один сидит.

6 Там он зрит перед собою
Скорбный вид мгновений тех,
Как, взмахнувши смерть косою,
Вкруг твоей постели всех
Ближних и друзей стеснила;
Как, прощаясь, ты вперила
На него померкший зрак;
К небу взведши взор, вздохнула
И глаза навек сомкнула
На драгих тебе руках.

7 О, почто же всем любезный,
Всех любящий человек,
Ближним, обществу полезный,
Кончит быстротечный век?
А злодей, как ястреб гладный,
Только крови ближних жадный,
В нечестивый путь течет
Средь утех, увеселений;
Без забот и огорчений
Сладкий, долгий век живет?

8 Но что жизнь? — в родах — мученье;
В детстве — раболепства гнет;
В юности — страстей волненье;

В мужестве — труды сует.
Старость — возвращает в детство;
Смерть — рождения наследство.
Вот что жизнь! — се нива зол:
Сеет смерть и пожинает,
Землю в гроб преобращает,
Гроб — во мрачный свой престол

9 Что ж скорбим, что в свет отселе
Спешно перешел наш друг?
Здесь в ее прекрасном теле
Обитал небесный дух,
Сердце верою дышало.
Каждо чуждой скорби жало
И ее пронзало грудь.
Дружество с любовью нежной
В дебри жизни сей мятежной
Ей прокладывали путь.

10 Верь, мой друг! и скорбь отрыни;
Верь, что слез твоих предмет
Из сей мрачныя пустыни
В вечный преселилась свет;
Что теперь твоя супруга
Верх земного темна круга,
На лиющих свет кругах,
В радость облачась, играет
И с отрадою взирает
На лежащий в гробе прах.

11 Верь, что миг тот нам плачевный,
Как померк в ней свет очес,
Очи ей открыл душевны
Зреть незримый свет небес;
В ров как гроб ее спускали,
На воздушных поднимали
Ангелы ее крылах;
Персть как с заступа ссыпалась,
Благодать преизливалась
На нее в златых лучах.

12 Верь и не скорби душою
О потере дорогой.
Радуйся: — небес стезею
Уж она вошла в покой

В радужном венце победы.
Но от горния беседы,
Как взойдет на холм луна,
В ризы скрывшися нетленны,
Прийдет в час уединенный
Утешать тебя она.

13 О, сниди, мой друг небесной!
Влей отраду в томну грудь.
К хижине моей безвестной
Ты легко приметишь путь:
Изваянный лик твой милой
Я поставлю над могилой,
Скрывшей прах отца, детей.
Там, сим видом привлеченна,
Снийдешь друга зреть смущенна,
И мелькнешь в душе моей.

14 Гроб, где прежде взор мой бренный
Лишь пустыню находил,
Днесь мне зрится населенный
Сонмами небесных сил.
В них мне будешь ты мечтаться
И пред всеми отличаться
Лунновидной белизной,
Как сияла между нами
Нежных прелестей чертами
И душевной красотой.

ОДА НА ВОСПОМИНАНИЕ ПЛЕНИРИНОЙ КОНЧИНЫ

1 Уже златыми полосами,
Лишь солнце из-за гор взошло,
Рассекло тучи и лучами
Багряны их бока зажгло.
Умытая росой природа
Ликует час его восхода
И им любуется в струях;
Цветы ему благоухают
И хоры птиц его встречают,
Парящего на небесах.

2 Благословлю тебя, священный
И купно безотрадный день!
Гони печали мрак сгущенный,

Е. Я. Державина (Пленира).

Барельеф на могильном памятнике в Александро-Невской лавре в Ленинграде.

Как ночи разогнал ты тень.
Уж солнце года круг свершило
С часа, как горестью унылой
Томит меня Плениры смерть.
Но ни летяще быстро время,
Ни злоключений новых бремя
Не могут лютой скорби стерть.

3 Вотще весна, прогнавши хлады,
Природе нову жизнь дает;
Для новых ей красот, отрады
Из недр земли цветы зовет;
Вотще, — и ей не внемлют гробы!
Вовек из недр земной утробы,
Для новой жизни здесь, твой прах
Не встанет, милая Пленира!
Твой дух на крылиях эфира
Парит во светлых облаках.

4 Ликуй же средь безмрачна круга,
В небесном сонме веселись;
Но иногда на верна друга
С приятным чувством оглянись,
Воззри, как с ревностью сердечной
Твою любезну память вечно,
Твой образ он в душе хранит.
Воззри, как день твоей разлуки —
Источник горький слез и муки —
С благоговеньем он святит.

5 Над милыми детей гробами,
Над сим убежищем святым,
Из незабудков с васильками
Сплетенным именем твоим
Простой тебе олтарь украшу.
Там горсть пшеницы, меду чашу
В дар памяти твоей драгой
Поставлю; фимиам возжется
И теплых слез поток прольется
С усердной к небесам мольбой.

6 Приими сей дар, о тень драгая!
Приими; с превыспренних спустись
И, в легком ветерке летая,
Горячей сей груди коснись:

Пролей в нее покой, отраду;
И верна дружества в награду,
Когда у олтаря сего
Склонюсь почить в уединеньи,
Прийди хотя во сновиденьи
Утешить друга твоего.

ОДА НА УНЫНИЕ

1 Дни отрадны! где сокрылись
Ваша светлость и красы?
Мраком скорби осенились
Прежни ясные часы.
Все в глазах моих унылой,
Томный принимает вид.
Горесть скукою постылой
Все, что мило мне, мертвит.

2 Как приятно расцветало
Утро юных, светлых дней!
В полдень облако застлало
Жизни горизонт моей.
Мрак вокруг меня сгустился;
Туча двигнулась с грозой;
С бурей вихрь свирепый свился;
Гром сверкает над главой.

3 Смертных жизнь! о сколь ужасен
Зол прилив твой и отлив!
В счастьи вздремлешь безопасен,
А проснешься несчастлив.
Так, средь нег, среди покою,
Пасть и мне открылась бед.
Горесть острою косою
Дней моих посекла цвет.

4 Луг весенний украшая,
На заре цветок расцвел;
Ароматами дыхая,
Лакомых манит он пчел.
Мотылек на нем садится,
С бабочкой резвясь драгой;
И прохожий веселится
Раннею его красой.

5 Но внезапно червь презренный
Подъедает корешок:
Вянет стебль и лист зеленый;
Клонит голову цветок,
Блекнет, сохнет и мертвеет.
Странник изумленный стал,
Удивляется, жалеет:
«Как толь рано он увял?»

6 Так и я в тоске томлюся;
Душу скорбь, как червь, грызет;
Но куда ни оглянуся,
Сострадающего нет;
И любовью сердце жадно
К чьей груди ни приложу,
Всюду токмо чувство хладно
Иль измену нахожу.

7 О когда б я мог мгновенно
В дикий пренестись предел,
Где бы лес дремучий, темной
Ввек людских следов не зрел;
Где б не стлался дым жилищный,
Ловчих клик не слышен был;
Где б лишь зверь скитался хищный
И в пещерах с бурей выл.

8 Тамо на скале кремнистой,
Ударяемой волной,
Сев под сосной мрачной, мшистой,
Я бы глас унылый мой,
Вопль, стенанье безотрадно
С стоном бури съединял;
И бесчувственностью хладной
Никого не упрекал.

9 Но куда б ни тщился скрыться,
Скорбь везде пойдет во след.
Где ж возможно защититься
От грызенья лютых бед?
Где, как не в земной утробе?
Мир есть горести престол.
В тесном токмо, в мрачном гробе
Мы избавимся от зол.

10 Поспеши ж, о смерть отрадна!
Тронься горестью моей;
Пусть твоя десница хладна
Очи мне смежит скорей.
Мать земля! и ты смягчися;
Попусти мне в вечность шаг.
Лоно мрака! расступися
И от скорой скрой мой прах.

ОДА НА ТВЕРДОСТЬ ДУХА

1 Как в устье пристани глубокой,
Вознесшись к облакам, скала
Стоит — и бури рев жестокой,
Сверканье молний вкруг чела
И волны презирает яры;
Перуна пламенны удары
Изрыли весь ее хребет;
Но опаленну грудь громами
Она, уперши в понт, волнами
Тревожить пристань не дает.

2 Так муж, судьбой определенный
Отечества оградой быть,
Враждою ковы сплетенны
Как слабую терзает нить.
Душой неколебим в гоненьи,
О злобе, зависти, о мщеньи,
О самой смерти небрежет.
Грудь тверду злобе представляя
И жизнь всем бедствам подвергая,
Хранит Отечество от бед.

3 Бесплодно подлость, лесть, измены,
Ехидны спутницы вельмож,
Как смертоносные сирены,
Сплетают ядовиту ложь;
Враги открыты тщетно злятся,
На пагубу его стремятся;
И всуе рок его разит:
Он тех, как червь, ногами давит;
Сим крепость мышц противу ставит;
Судьбе — терпенья твердый щит.

4 Кому Отечество вручило
Весы суда, защиты меч
Или правления кормило,
Тот должен путь опасный течь,
О личной пользе не радея;
В враге лишь общества злодея
Он должен видеть своего.
В душе того, кто долгу жертва,
Как собственность, так личность мертва;
Народно благо — жизнь его.

5 Он щит судьбою утесненных,
Покров безгласных вдов, сирот;
Рукой неправды угнетенных
Подпора тверда и оплот.
Против врагов, идущих боем,
Отечеству с драгим покоем
Именье, жизнь свою дарит.
Падет ли средь кровавой рати,
И мертв в сердцах своих собратий
Любовь к отечеству живит.

6 Такие в сонме Россов были
Пожарской, Минин, Филарет.
Ярем Сарматский сокрушили
Они под лаврами побед.
Но те, что за отчизну пали,
Не вяще ль благо назидали? —
Хоть Курций жертвой Риму был,
Но Регула неколебима
Пример его к спасенью Рима
На остры гвозди положил.

1 Теки ж — и ты, поставлен роком
В столпы Отечества! крепись.
Орел! в парении высоком
Спуститься долу берегись.
Продерзкий рог сломи строптивых;
И знай, что на путях правдивых
Коль муж великий и падет,
Он в памяти потомства встанет.
Лавр славы в смерти не увянет,
Но ввек на гробе процветет.

8 Муж, доблестьми превознесенной,
Из пепла вновь себя родит.

Как злато, в горне искушенно,
Лучом сугубым возблестит.
И ни вражда, что царства гложет,
Ни ржа времен изгрызть не может
Не тлеющих его доброт.
В сердцах он памятник воздвигнет,
Что края вечности достигнет,
Священ потомству в род и род.

Пожарский, Минин, Филарет. — Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, стольник и полковник, с помощью купца Козьмы Минина, собрав охотное войско в Нижнем Новгороде, освободил Москву от поляков, отразил шведов и, очистя Россию от насилия сих внешних врагов и внутренних мятежных самозванцев, наиболее споспешествовал возведению на престол Михайла Федоровича Романова, которого отец, митрополит Филарет, в темнице поляками до чрезмерности угнетаемый, никак не согласился утвердить избрание в цари польского королевича Владислава, учиненное некоторыми российскими вельможами, коих имена, к отраде их потомства и отечества, да пребудут вечно неизвестными.

М. Курций. — В Риме на площади расселась земля и открылась пропасть. Устрашенному народу прорицатели отвечали, что она не закроется, пока не ввержено в нее будет то, что всего драгоценнее в Риме.

М. Курций, римский кавалер, заключа, что прорицание знаменовало тем римского гражданина, самопроизвольно бросился в оную пропасть; которая, как предание удостоверяет, в тот же самый час и закрылась.

М. Атилий Регул. — Консул римский, в первую Пуническую войну взятый Карфагенцами в плен, был от них послан в Рим для увещания соотечественников своих к размену пленных, с угрожением, что предан будет мучительнейшей смерти, ежели в таковом препоручении не успеет. По прибытии в Рим убедил он Сенат, желающий для освобождения его от неволи и смерти исполнить предлагаемый размен, дабы отвержен был оный. И так не взирая на просьбу Сената, моление народа и слезы жены и детей, возвратился в Карфагену; где по повелению раздраженного Сената и народа мучен был долговременно в ящике, железными гвоздями набитом; а наконец распят на кресте и предан смерти.

ЧИЖИК

1 Милый чижик желтобокой!
Кверху, друг мой! не взлетай,
Не клади гнезда высоко,
Но в густой траве свивай.
Ты взгляни, как ястреб гладный
Над тобой уже парит,
Как, твоей он крови жадный,
Когти на тебя острит.

2 Вырос илем над горою;
Но там, зной ли дышит, — жжет,
Буря ль налетит с грозою, —
Ломит ветви, листья рвет.

А в долине ива мшиста,
Бури не боясь, стоит.
Там струя, катяся, чиста
В жарки дни ее поит.

3 Так зачем и мне крушиться,
Что вельможей не рожден?
Тот пусть ищет век томиться,
Кто тщеславием вскружен.
Я же низменной стезею
От мирских сует уйду.
Труд деля с драгой семьею,
Счастье в бедности найду.

НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

1 Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина,
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

2 У хладной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезной
Навеки осужден.

3 Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела;
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне все была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать.
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

4 Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:

Слезами омоченной
Немеет лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильняй теснится дух;
Прийди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

РАЗЛУКА

1 Ясна ночь: небес светила
Ярко в синеве блестят;
Лишь одна луна уныла
Полсокрытый кажет взгляд.
Что ж, луна! зачем закрыла
Полкрасы ты своея?
«Ненавистна тень затмила
Солнце, кем сияю я».

2 Игр веселость оживила
Дев прекрасных коровод;
Сашенька одна уныла
Горьких слез потоки льет.
Сашенька! зачем же скукой
Ты томишь свой нежный дух?
«Скорбной удален разлукой,
Кем живу, мой милой друг»

3 Не навеки заграждает
Тень сиянью солнца путь:
И луна уж поспешает
Полным к нам лицом взглянуть.
Сашенька! не будь уныла,
Не томи твой нежный дух;
Ведь не смерть вас разлучила;
Возвратится милой друг.

СТАРОСТЬ И МЛАДОСТЬ

1 Хвалят старое вино:
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга:
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

2 Может быть, за правду эту
Свет и насмеется мне:
Да вольно ж смеяться свету.
Что приятно в старине,
Тем отнюдь я не гнушаюсь:
Скуку и печаль стараюсь
В старом утопить вине;
С старым другом вечно буду
Душу отводить душой;
А с подругой молодой
Свет весь и себя забуду.

3 Хвалят старое вино:
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга;
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

МОТЫЛЕК

1 Кверху жаворонок вьется;
Над горой летит сокол;
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел.
Но летает над землею,
С мягкой травки на цветок,
Нежной пылью золотою
Отягченный мотылек.

2 Так и мне судьбою вечно
Низкий положен предел.
В урне роковой, конечно,
Жребий мой отяжелел.
Случай как ни потрясает
Урну, все успеха нет;
Как жезлом в ней ни мешает,
Жребий мой на низ падет.

3 Так и быть; — пусть на вершине
Гордые дубы стоят:
Ветры бурные в долине
Низким лозам не вредят.
Если ж рок и тут озлится,
Что осталося? — терпеть!
Боле счастливый боится,
Чем несчастный, умереть.

НА ПЕРЕВОД МОЙ КОМЕДИИ МОЛЬЕРОВОЙ СГАНАРЕВА ИЛИ МНИМОГО РОГОНОСЦА

Никто не мог узнать из целого партера,
Кто в Сганареве смел так осрамить Мольера.
Но общий и согласный свист
Всем показал, что то Капнист.

‹НА СБОРНИК «СОЧИНЕНИЙ»›

Капниста я прочел и сердцем сокрушился:
Зачем читать учился.

КРАСАВИЦЕ

Зачем, как мотылек
С цветочка на цветок,
Анакреонт беспечно
Весь век свой пролетал?
Такой, как ты, конечно,
Он розы не сыскал.

Отец мой здесь лежит, пришлец! остановися
И помолися,
Чтоб богом так любим он был,
Как ближних он любил!

Титовой прах лежит в могиле хладной сей,
Чувствительну красу, приятность с добротою
Посекла смерть косою,
Прервавши нежну нить ее цветущих дней.
Любовь! вздохни о ней.

НАДГРОБИЕ ЯЗЫЧНИКУ, ОТ ЯЗВЫ, НА ЯЗЫКЕ ПРИКЛЮЧИВШЕЙСЯ, УМЕРШЕМУ

Язычник здесь лежит. — Языком сотворил
Он множество чудес: языком он чернил,
Языком правду в ложь, а ложь он в правду плавил,
Языком грызть умел, и жалить, и рубить,
Языком, наконец, и сам себя управил.
Прохожий! берегись, чтоб как не наступить.

НА НОВЫЙ 1797 ГОД

Как дождевая капля в море,
Так в вечность канул прошлый год;
Умчал и радости и горе;
Но, улетев, отверзтый вход
Оставил в мир им за собою.
Почто ж могучею рукою
Не затворил он тех дверей,
Чрез кои горесть к нам втекает?
Никак: он вход им заграждает,
Оставя Павла у дверей.

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ СТРОГАНОВУ

1 Приятно утро расцветает;
Заря златит лазурный свод;
Вздремал Зефир и не лобзает
Поверхности хрустальной вод;
Спокойна роща в ней глядится;
Хор птичек слышен лишь в глуши:
Везде в местах сих образ зрится
Спокойствия твоей души.

2 Оно доброт твоих награда;
Вкушай ее должайши дни.
Как в знойный день сладка прохлада
Прохожим здесь в твоей тени,
Так жизни сей в Дедалах тесных
Приятно да течет твой век!
Вот дань тебе от уст нелестных,
Любезный, добрый человек!

ВЕСНА

1 Уж юный Май в весенней неге
Спешит, прогнавши зимний хлад;
Суда, осохшие на бреге,
На волны с крутизны скользят.
К загону стадо не теснится,
Не жмется к огоньку пастух,
И инеем не серебрится
Покрывшийся травою луг.

2 При лунном в рощице сияньи
Сзывает Ладо юных дев.
В прозрачном льняном одеяньи
Они под плясовый напев,
Сплетяся белыми руками,
Летают, чуть клоня траву,
И мерно легкими стопами
Атласят мягку мураву.

3 Вот время первые цветочки
С блестящею росой срывать
И, свив душистые веночки,
Власы красавиц увенчать.
Вот время влюбчивому Лелю,
На место жертвенника, в честь
Из мягких роз постлать постелю,
А в жертву — горлицу принесть.

4 Мой друг! тебя днесь рок ласкает,
Но бледно тоща смерть ногой
Равно в златую дверь толкает,
Как в двери хижины простой.
Превратна жизнь и скоротечна
Претит достичь нам дальних мет:
За нею ночь нас встретит вечна,
И хлябь земная всех пожрет.

5 Там злато, знатность напыщенна
Не развлекут твоих очей.
Приятство дружества священна
Души не упоит твоей.
Не будешь виночерпной чашей
В пирах любовь ты воспалять;
В объятьях неги с милой Дашей
Сладчайший всех нектар вкушать.

6 Спеши ж — в кругу отрад, веселий
Крылатый миг останови;
Брегись, чтоб с ним не улетели
Восторги первыя любви.
Лишь раз ее очарованье
Нас может в жизни усладить:
Увы! прелестно сна мечтанье,
Проснувшись, льзя ли возвратить?

ОДА НА ОТЪЕЗД В ИТАЛИЮ ГРАФА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО, 1799го ГОДА

1 Неизмеримую вселенну
Обтекши, колесо времен
Взвело веками поглощенну
Чреду ужасных перемен:
Сыны Титеи вновь родились,
Против небес вооружились.
Тифон и буйный Енкелад,
Вращая исступленны взоры,
На горы возметают горы
И срынуть трон богов грозят.

2 Неистовы сии Титаны
Среди Европы восстают;
Как раскаленные волканы,
Пылая, ось земли трясут;
Кипящу лаву извергают;
Под пеплом грады погребают.
И кто горящего жерла
Потушит пагубны пожары?
Молва гласит, как громы яры:
«Крыло полнощного орла».

3 Лети ж, орел! как вихрь с снегами,
Россиян бранный дух! лети;
Орла вечернего с птенцами,
Европу страждущу спасти.
Пари — и в молненном полете
Яви того, кто в полном свете
Блестящую луну затмил;
Низверг твердыни сопостатов
И наглой вольности Сарматов
Рога строптивы сокрушил.

4 Взносись, — и грозные Титаны
Твоим перуном да падут.
Восстанови закон попранный;
Реки цареубийцам суд;
Креста не дай дробить на части;
И буйств против законной власти
Неистову прерви борьбу.
Всевышний небо преклоняет,
Весы тебе и меч вручает:
Царей и царств реши судьбу.

ОТ СТАРОСТЫ ПАРНАССКА ЦЕХА

Сей час
Я получил приказ,
И хоть всю прошлу ночь сомкнуть не мог я глаз
(Зане от зависти сну сделалась помеха),
Но если лиры бог
Поможет с высоты небесной,
То свадебный спеку пирог:
Боюсь лишь, чтоб он не был пресной.
Иной, кто маслену провел с подругой ночь,
Легко поведат в точь
Любовны, брачные потехи;
Но мне,
Которому случилися помехи
Их видеть и во сне,
Возможно ли успеть,
Чего лишаюсь, то воспеть?

ОДА НА ПОБЕДЫ РОССА В ИТАЛИИ 1799го ГОДА

1 Сбылось предсказанное мною;
Сбылось; и Росский Геркулес
На гидру наступил пятою,
Чрез Альпы ногу лишь занес.
Сразя чудовище Секваны,
Воспламененны им волканы
Его он кровью потушил;
И отсеченными главами
Меж неприступными скалами
Широкий путь свой уравнил.

2 Стократно Гидры сей паденьем
Взволнован был ревущий Пад
И страшным с гор ко дну стремленьем
Ее скрывающих оград.
Стократно, лишь земли касалась,
Она внезапно оживлялась,
Как лютый в древности Антей.
Но чары вновь Алкид разрушит:
Он Гидру над гнездом задушит
Десницей сильною своей.

3 Се час уже приспел несыты
Убивством зубы сокрушить
И, стерши жала ядовиты,

Рога строптивые сломить.
Лишь адску пасть она раскрыла,
Страны дыханьем заразила:
Тут, кровью храмы обагря,
Закон она попрала, веру;
Там превзошла неистовств меру,
На плахе умертвив царя.

4 Везде расширя сеть крамолы,
Влекла народы смерти в дань.
Низвергнув мирные престолы,
Воздвигла на вселенну брань.
Свободой буйство обольщала;
Как яростный Прокраст, равняла
В правах подвластных и царей;
Европы кровью упоилась
И мир весь обратить стремилась
В гнездо пустынных лютых змей.

5 Подобно року Геркуланы,
Когда из пламенна жерла
Вдруг хлынули потоки рдяны
Горящей меди и стекла:
Трясутся зданья, сверглись в кучи;
Надвиглись пепельные тучи;
Окаменелый сыплют град
И с стогнами равняют стены.
Под лавой в живе погребенны
Падут народы в мрачный ад.

6 Европа так изнеможенна
От ран, иссякших кровь ея,
Змеями в сердце уязвленна,
На бреге пропасти стоя,
Колена преклонив дрожащи,
На Фар, средь севера светящий,
Возводит томный взор с мольбой:
«Избавь от гибельныя брани;
«Воздвигни исполински длани
«И мир эгидою покрой».

7 Монарх, к защите правды скорый,
На злобу яростью вскипел
И царств судьбу стрегущи взоры
На Марса Росского низвел.

Простерши скипетр свой державный
К пределам, где Титан стоглавный
Престолы, олтари трясет,
Он громы витязю вручает;
В нем орлю юность обновляет;
Стремит в обычный путь побед.

8 Герой, воспламененный гневом,
Лишь двигнулся, — и буря вдруг
Со льдистых гор Рифейских с ревом
На знойный устремилась юг:
Трескучий мраз, снега, метели,
Свиваясь с вихрями, летели
На крыльях лютых непогод,
И льдами быстрый Пад стеснили;
Странам крамольным возвестили
Героя северна приход.

9 Герой стремится, — и быстрея,
Чем дневного светила бег,
С весною от жилищ Борея
Ступил на средиземный брег.
Страны мятежны! трепещите:
Вы грозного героя зрите,
Готового на вас извлечь
В потоках крови закаленный
И тьмами битв не притупленный,
Отъятый у победы меч.

10 Смирите ваши выи горды,
Познав вождя геройских сил.
Се тот, кто кровожадны орды
В горах Тавриды поразил.
Там змий, восток и юг гнетящий,
Златой луны рога носящий,
Простерт под ним лежал стократ.
Тут гидр он поразя крамольных,
Исторг из сонма сфер престольных
Державу буйную Сармат.

11 Теперь, вступя в страну трофеев,
Сугубым мужеством горит:
Он тени Кесарей, Помпеев,
Камиллов, Сципионов зрит;
Следы кровавых видит боев

И, воздухом дыша героев,
Как лютый лев, стремится в брань.
О Галлы! рок ваш отвратите:
К стопам упадши, удержите
Подъяту смертоносну длань.

12 Но буйства наглость ослепленна
Против перуна смеет стать!
Я зрю героя раздраженна:
На дерзку устремленный рать,
Летит как вихрь; одной рукою
Мечом, как смертною косою,
Несчетные полки разит;
Другою тверды рушит грады;
И с трупами смеся громады,
Струи кровавых рек теснит.

13 Как быстра молния сверкает
Средь туч и мрачной темноты;
Летящий взор не успевает
Во след излучистой черты.
Иль как пущенная из лука
Пернастая стрела без звука
Скрывает в небе свой полет,
За хищной птицей устремленна,
Пока с добычей обагренна,
Вращаясь клубом, вниз падет.

14 Так гневный Росский Марс стремится
С кровопролитна боя в бой.
Где враг лишь встанет, — там валится;
Бежит в вертепы, — но герой
Там пред челом иль за спиною.
Он молнию над всей страною
Мечом блестящим очертил;
С землей, с водой, со зноем споря,
От моря прешагнув до моря,
Царям два царства возвратил.

15 Но се уж гидра изъязвленна,
Главы кровавые влача,
Бежит и, страхом пораженна,
От грозна кроется меча
В стесненны меж стремнин проходы;
За каменный, рукой природы

Взнесенный к небесам оплот.
Но Росс хребты его низрынет,
Альпийские скалы раздвинет
И в сердце гор откроет ход.

16 Бог сил во грудь геройску силы
Вдыхает на пути побед.
Меж страшных всем Харибды, Скиллы
Безвредна он его ведет.
Падут пред ним на брег Секваны
Пиющи Галла кровь тираны
И буйной вольности кумир.
Монархам возвратит он троны,
Народам веру и законы
И мирови дарует мир.

17 Дерзай, о Росский Марс! — оливу
С бессмертным лавром сплесть теки.
Подобна жизнь твоя разливу
С горы стремящейся реки:
В брегах далеких извиваясь
И в синем море простираясь,
Сребрится быстрый ток ея;
Так в вечности, покрытой мглою,
Блестящей, пламенной струею
Светиться будет жизнь твоя.

18 Трубою славы восхищенной,
Побед твоих промчится слух,
Доколе над лицом вселенной
Носиться будет жизни дух.
Престанешь быть ты чудом мира
Тогда лишь, как в странах эфира
Навек угаснет солнца свет;
И сквозь померкши круги звездны
В пустынные хаоса бездны
С луною шар земный падет.

УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

1 Не вечно ливнем дождь стремится
На пестрое лицо полей;
Не вечно бурями мутится
Поверхность зеркальна морей.
Не ежедневно в круге года

Тягчит верхи рифейски лед;
В дубравах воет непогода
И вихрь с деревьев листья рвет.

2 А томный вопль твой мила друга
Не престает из гроба звать!
Светило дня с сафирна круга
Спешит ли в море бег скончать;
Вослед ли золотой денницы
Течет оно на свод небес;
Ступень бесчувственной гробницы
Ты током орошаешь слез.

3 Но старец, век тройной проживший,
По Антилохе дорогом
Не век стенал, ток слез проливши,
Не вечно сетовал о нем.
Не вечно юного Троила,
Как пал он в мрачный ада зев,
Кропилась хладная могила
Росою слез троянских дев.

4 Прерви ж стенанья малодушны,
Прерви, и вместе воспоем
С десницей Росса неразлучны
Победы, новой славы гром:
Как быстрый Пад пред ним смирился.
И алчна гидра вспять бежит;
Хребет Альпийский преклонился,
И Галл в ущельях гор дрожит.

‹НА МНИМУЮ СМЕРТЬ КАРАМЗИНА›

Нескромна пронеслась молва,
Что сетующая Москва
Карамзина навек лишилась;
Но ложь сама собой открылась:
Как лавр вовек не увядал,
Любимец муз не умирал.

ОДА, ПАМЯТЬ НОЯБРЯ 6-го ДНЯ 1796го ГОДА

1 Се день плачевный возвратился;
Пролей вновь токи слез, о Росс!
В сей день незапно сокрушился

Величественный твой колосс,
Вознесший скипетр твой, державу,
Наследную от предков славу
Поверх чела всех царств земных.
Полвека он, как фар, сияя,
Стоял, всю полночь озаряя;
Но пал, — погас в единый миг.

2 Стекайтесь, Россы! и воззрите
На тлен сиявшего венца.
Печали мраком осените
Унылы, скорбные сердца;
И падши на ступень гробницы,
Омойте слез ручьем зеницы.
Теперь сих слез, похвал сих дар
Уж не почтется данью лести:
Признательность к бездушной персти
Явит лишь душ усердный жар.

3 Воспомним днесь Екатерины
Бессмертны, доблестны дела.
Их слава вечности пучины
Как молний рассечет стрела.
Любви, трудов ее предметы
Усердьем пламенным согреты,
Возможем ли мы их забыть?
Потомство поздно не забудет;
Но успевать чуть мыслью будет
В след громких подвигов парить.

4 Там наглы, кровожадны орды,
Что нас в позорный плен вели,
России древним рабством горды,
Исчезли уж с лица земли.
Срацин лежит попран двукраты.
Кичливы, буйные сарматы
Престол свой раздробленный зрят.
Горами, морем отделенный,
Пал перс, в степях своих сраженный;
В волнах срацин и Готф горят.

5 С времен Елены, где российский
И чолн не плавал, там наш флаг
Покрыл весь бурный понт Эвксинский,
Агарянам нанося страх.

Здесь Тавр, Кавказ пред ней склонился,
Там Днестр у ног ее извился.
Но что? найдется ли предел
И брег морей толь отдаленных,
Где лавров, где б олив зеленых
Не насадил ее орел?

6 Страны, на кои мощны длани
И Петр лишь в мыслях налагал,
Теперь уже несут ей дани;
Свершила все, что он внушал.
Но если меч им изощренный
Был ею часто обнаженный
И дух, трофеями прельщен,
Победам коль не клал границы,
Россия! дух твой царицы
Твоей был славой воскрылен.

7 Но днесь прогнав печальны мысли,
Забыв омытый лавр в крови,
Коль можешь, благости исчисли,
Плоды ее к тебе любви.
С юнейших лет твоей державы
Она закон, и дух, и нравы
Стремилась в сердце вкоренить;
Страны природной отчуждилась
И в дщерь России превратилась,
Чтоб нежной матерью ей быть.

8 Прияла скиптр, — пресекла брани;
Наук распространила свет;
И к сиротам простерши длани,
Их жизнь покоит, бережет.
Враждебны потрясая троны,
Дарует кротки нам законы:
С собой в судилище сидеть
Священно право уделяет;
И имя рабства истребляет,
Душами славясь лишь владеть.

9 При ней мы собственность познали,
Стяжаний цель и мзды печать;
И крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вещать.
Тут ею казнь смягчилась строга;

Легчит она там гнет налога,
Щедроты на народ лия.
Не данники, мы дети были;
И самовластный жезл забыли
Под кротким посохом ея.

10 Но ах! Где матерь и царица?
О скорбь, несносная сердцам!
Увы! уже мертва десница,
Блаженство зиждившая нам.
Уж в пепел сердце перетлело,
Что к нам любовию горело.
Злый рок драгую нить пресек,
С которой наше счастье длилось!
За мрачны тучи закатилось
Российско солнце уж навек.

11 Прийди ж, о Росс! на гроб сей хладный,
Призвавши тень ее, пролей
С мольбою слезы безотрадны;
И поклянемся там пред ней:
Коль благости ее забудем
И памяти святить не будем,
Да меч наш, устремленный в бой,
Как трость, в деснице сокрушится:
Как бич, Ординец возвратится,
Лежавший под ее пятой.

12 А ты, облекшийся в сиянье,
Ликуй теперь, небесный дух!
Не аки северно блистанье,
Как царь лучей, вселенной круг
Согрев, ты к западу склонился
И в звездном храме водворился.
Ликуй там до конца времян,
Хоть червь снедать твой гроб захочет,
Бессмертна лавра не проточит:
Живешь в сердцах ты Россиян.

ПЕСНЯ. ВЕНЕРИН ОСТРОВ

Подражание Грекуру

1 О, коль прекрасные места
На острове Венеры,
Чтоб ехать, милая, туда,
Возьмем мы наши меры.

Там станем веселиться
И во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

2 Там податей, налогов нет;
К спасенью нет затеев.
Но в сладостях вся жизнь течет;
А пост для Фалалеев,
Не смеющих решиться,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

3 И именных указов нет
У барыни Венеры:
Один у всех в виду предмет;
Другой совсем нет веры,
Как только насладиться
И во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

4 Там нет судилищ, ни судей;
Не властны царски лицы;
Надутых спесью нет людей;
Тебя возьмут в царицы,
Умей лишь отличиться,
Как во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

5 Ни тяжб, ни ябед нету там,
Чрез знать не успевают;
Одно решенье всем делам,
Все прибыль получают,
И дело тем вершится,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

6 Ни сысков за долги там нет.
Дают все без возврату:
Что ж частной у того возьмет,
Которой на расплату

Лишь только тем снабдится,
Чем во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

7 От тюрем и заточенья
Нет там страждущих людей.
Есть тюрьма для услажденья,
Но другое имя ей.
Ей должно раствориться,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

8 Пальба из медных челюстей
В Эфире не клокочет.
Не строют тамо крепостей,
Любися где кто хочет;
Место ж каждое годится,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

9 Война там смертных кровь не льет
Нет подданных, неволи.
Сперва в любви хоть кровь пойдет
Немножко, но без боли.
Тем всяк лишь ободрится,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

10 Морозов, бурей остров чужд,
Ручьи не замерзают;
Мехами греться нету нужд:
Одну где покрывают,
Другой тут горячится,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

11 Унылость, скорбь там не разит.
Аптекой врач не губит:
На том больных приметен вид,
Кто слишком перелюбит.

Все ж довольны тем лечиться,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

12 За резвость брань у дочерей
Сердец не уязвляет.
Там их отцов и матерей
Лишь роскошь занимает.
В уме у всех вертится,
Чтоб во всю мочь
Всю ночь
И в день любиться.

Конец

БОГАТСТВО УБОГОГО

1 Кто счастья ищет в свете,
Тщеславие любя,
Тот ввек имей в предмете
Лишь одного себя.
Но я лишь рад покою,
Гордыне не служу;
В сей хижине с тобою
Я счастье нахожу.

2 Купцы в моря глубоки
За златом пусть плывут;
Цари пусть крови токи
За шаг границы льют;
Но я, не алча кровью
Купить вселенной всей,
Твоей одной любовью
Богаче всех царей.

3 Хоть хижина убога,
С тобой она мне храм;
Я в ней прошу от бога
Спокойства только нам.
Но века чтоб прибавить,
О том я не молюсь:
Тебя, мой друг! оставить
И пережить боюсь.

ПОТЕРЯ ДНЯ

1 Солнце за горою село;
Лес зеленый потемнел.
С Лизой день не видясь целой,
В горести Милон сидел.
Стадо, вдруг его стесненно,
На густой траве легло;
Он, печалью отягченной,
Гнать его забыл в село.

2 Шорох каждого листочка
Радостно тревожил слух,
И дыханье ветерочка
В трепет приводило дух.
Но уж тень кругом сгустилась;
Ветр листка не шевельнет;
В мраке и надежда скрылась:
«Нет; уж Лиза не прийдет!»

3 «Солнце! ты зачем светило? —
Воздохнув, Милон сказал: —
Я не видел Лизы милой;
Этот в жизни день пропал.
Рощица! моя отрада,
Как в тени гулял я с ней;
Без нее твоя прохлада
Хлад несет душе моей.

4 Рощица! пора проститься,
Стадо милое! пойдем;
Поспешай ты насладиться
От меня бегущим сном.
Окропился уж росою
Луг, где с Лизой я гулял,
А горючею слезою
Место, где напрасно ждал».

ВЗДОХ

1 С Миленой позднею порою,
Под тенью скромного леска,
Мы видели, как меж собою
Два разыгрались голубка.
Любовь моя воспламенилась;

Душа на языке была,
Но полна страстью грудь стеснилась,
И речь со вздохом умерла.

2 Увы! — почто ж уста немели,
И тайны я открыть не мог?
Но если б разуметь хотели,
Не все ль сказал уж этот вздох?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви в поруки брать?
Глаза в душе все видеть должны
И сердце сердцу весть давать.

ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

1 Доколе музами любим,
Тревоги все, заботы, горе
За ветрами пущу я в море,
Счастливый путь! — примолвя им.

2 Пусть Галл Европой потрясает,
Британец всех на море бьет,
От рая Пий ключи теряет;
Да мне до них и нужды нет.

3 Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым, — жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

4 О Муза! друг холмов тенистых,
Любящая Кастальский ток!
Певцу Фелицы свей венок
Из лавров, из цветов душистых.

5 Я слаб ему хвалу греметь:
Тебе, сестрам твоим пристойно
Возвысить звонку лиру стройно
И Фебова любимца петь.

НА БОГДАНОВИЧА

Душа его одной любовью занималась,
Любовь и Душеньку он живо написал.
Далеко кисть его за ними не гонялась,
В своем он сердце их сыскал.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО

1 Томны отголоски! песнь мою печальну
Холмам отнесите;
Вниз потока быстра, сквозь дубраву дальну,
В рощах повторите.

2 Ах! почто любезна друга, рок постылой!
Ты меня лишаешь?
С кем делилось сердце, хладной с тем могилой
Вечно разделяешь.

3 Все, в чем смертный, сладку полюбя отраву,
Верх утех поставил,
Все — богатство, роскошь, знатность, громку славу
Я тебе оставил.

4 Не гонясь за теньми скользкою дорогой,
В лестной счастья службе,
Уголок берег я в хижине убогой
Лишь любви и дружбе.

5 Ты просторным сделал уголок сей тесной:
И любви подруга
Сослана тобою в край нам безызвестной
Из семейна круга.

6 К чьей груди осталось приложить мне ныне
Грудь осиротелу?
Ах! средь людства буду, как в глухой пустыне,
Жизнь влачить я целу.

7 Томны отголоски! песнь мою печальну
Холмам отнесите;
«Нет уж друга мила!» — сквозь дубраву дальну
В рощах повторите.

8 Ах! почто ж ты, друг мой, в жертву жизни краткой
Роком осужденный,
Пал, как лавр ветвистый, средь долины гладкой
Громом пораженный!

9 Ежедневно новы с верными друзьями
Ты делил утехи;
Вслед тебе гонялись резвыми толпами
Радость, игры, смехи.

10 Вслед тебе отныне лишь любовь уныла
Гроб твой посещает:
Там твой прах пожравша хладная могила
Слезы пожирает.

11 Где ж ты? друг мой милый! Хоть в мечте мгновенной
К другу возвратися;
С сердцем, что с тобою было съединенно,
Ты еще простися.

12 Но мой вопль напрасно, повторен сторицей,
К другу в гроб стремится:
Все в природе немо; травка над гробницей
Не пошевелится.

13 Томны отголоски! вы хоть отвечайте
На мой вопль унылой.
Сквозь дубраву дальну в рощах повторяйте:
«Ах! прости, друг милой!»

НАГРАДА ПРАВЕДНОГО

Псалом 1

1 Блажен, в совет кто нечестивых
Нейдет, на грешных путь не стал
И на седалище кичливых
Губителей не восседал.

2 Но всею волей покорится
Закону бога своего,
И днем и ночью поучится
В заветах праведных его.

3 Как древо будет насажденно,
Что при истоках вод растет,
Плодом во время отягченно,
И лист его не отпадет.

4 Во всем, что ни творит, успеет.
Не тако грешные, не так:
Но яко прах, что ветр возвеет
С лица земли в пустых степях.

5 На суд не встанут нечестивы,
Ни грешны к праведным в совет;
Господь бо весть пути правдивы,
А злых в пути погибель ждет.

ТЩЕТА КРАМОЛЫ ПРОТИВУ ПОМАЗАННИКА БОЖИЯ

Псалом 2

1 Почто смущаются языки,
Текут в след буйства своего?
Земные восстают владыки
На бога и Христа его.

2 Рекли: «Заветы их отрынем,
Железны узы разорвем
И, презря власть их, с выи скинем
Несносный, тяжкий их ярем».

3 Но их безумству посмеется
Живый на небесах; — речет...
И сонм их страхом потрясется;
Господня ярость их смятет.

4 Я царь, Сиона обладатель;
Творца я волю возвестил.
Ты сын мой, рек ко мне создатель:
Мой сын! я днесь тебя родил.

5 Проси: тебе я в поднебесной
Языки дам всех стран земных.
Твой скиптр их упасет железной
И, как скудель, сотрет он их.

6 И ныне, о цари! внемлите,
И миру судии всему!
Творцу со трепетом служите,
Со страхом радуйтесь ему.

7 Приймите глас святых заветов,
Да гнев его не воскипит
И вас, средь пагубных советов,
В путях коварных потребит.

8 Но он блистает уж громами
Во гневе с трона своего.
Блаженны правые сердцами
В надежде твердой на него!

НАДЕЖДА ПРАВЕДНИКА

Псалом 3

1 Сколь многие враги восстали
И мне, о боже! ищут бед!
Рекли душе моей в печали:
«Ему спасенья в боге нет».

2 Но ты, о боже! в дни толь злыя
Заступник мой, взносяй мой рог!
Воззвал к нему, — и от святыя
Горы меня услышал бог.

3 Засну я в мире и проснуся,
Зане господь покрыл щитом.
От тмы врагов не ужаснуся,
Нападших на меня кругом.

4 Воскресни, боже! и всечасно
Спасай меня; — се ты сразил
Творящих злая мне напрасно
И зубы грешных сокрушил.

5 Твое, владыка мой! спасенье
Мы зрим во всех концах земных,
И вечное благословенье
На людях, господи! твоих.

ПРИЗЫВАНИЕ ПОМОЩИ

Псалом 6

1 Не обличи меня ты яростью твоею,
О боже! гневом не карай,
Но кротко пощади; я в немощах слабею:
Помилуй, призри, исцеляй.
Уже вся сила сокрушилась
В груди, стесненной скорбью злой;
И вся душа моя смутилась:
А ты, что медлишь? боже мой!

2 Восстань, и душу днесь не дай на жертву злобе;
Избавь для славы твоея;
Зане кто о тебе воспомнит в аде, в гробе?
От вздохов утрудился я;
На всяку ночь постель омыю,
Слезами ложе омочу;

Перед врагом склоняя выю,
В напастях скорбну жизнь влачу.

3 Бегите от меня, все мыслящие злобно!
Господь моим стенаньям внял.
Услышал он мое моление прискорбно,
И теплую мольбу приял.
Да возмятутся, постыдятся
Все мне желающие злых;
Да вскоре тощи возвратятся,
И студ везде да встретит их.

ОБЛИЧЕНИЕ БЕЗБОЖНОГО

Псалом 13

1 Рече безумный в исступленьи
В душе своей: «Нет бога; нет».
Земля погрязла в согрешеньи,
Во злобе обуял весь свет.

2 Господь с небесного чертога
На земнородных чад приник,
Чтоб зреть, взыскуяй, знаяй бога,
Обрящется ли кто из них?

3 Но нет; все вкупе развратились
И уклонились от него;
С пути благого совратились;
Нет правых; нет ни одного.

4 Иль все в безумстве утопают,
Творящи зло и грех и студ?
Людей моих, как хлеб, снедают:
Но господа не призовут!

5 Где страха нет, там трепетали;
Зане лишь правых бог крепит;
Советы нища посрамляли,
Ему же сам всевышний щит.

6 Кто даст от гор святых спасенье?
Когда нас бог освободит,
С израилем отрадно пенье
Иакова возвеселит.

СПОКОЙСТВИЕ ПРАВЕДНОГО

Псалом 22

1 Господь мой пастырь; не страшусь;
Вовек отрады не лишусь.
На пажитях обильных, злачных,
При токах тихих и прозрачных
Меня к покою он вселит;
Смятенну душу возвратит
И на пути наставит правы,
Для имени его и славы.

2 Хотя во смертну сень пойду,
Не убоюсь: тебя найду.
Жезлом и палицей святою
Меня утешив, предо мною
Готовишь ты в виду врагов
Трапезу всех благих даров;
Главу мне муром умащаешь
И полну чашу наливаешь.

3 Вся жизнь исполнится моя
Щедрот твоих и благостыни;
И в храме твоея святыни
До смерти водворюся я.

ВОЗНОШЕНИЕ ДУШИ К БОГУ

Псалом 41

1 С каким в полдневный зной стремленьем
Летит елень на брег ручья,
С таким, о боже! нетерпеньем
Парит к тебе душа моя.

2 Душа моя стремится к богу,
К живому, к сильному творцу:
Но жизни сей прошед дорогу,
Когда явлюсь его лицу?

3 О скорбна мысль! почто мгновенно
Нельзя, веселый множа сонм,
Со гласом песни восхищенной
Войти, ликуя, в божий дом?

4 Мне слезы были в снедь всю ночь и день печали,
Моя беседа — томный вздох,

Когда враги мне повторяли:
«Скажи нам, ныне где твой бог?»

5 Почто, душа моя! уныла,
Почто меня ты возмутила?
На бога уповай: он вознесет твой рог;
Хвалы моей услышит пенье;
Зане единый взор его — мое спасенье:
Он мой защитник, он мой бог.

6 Хоть зрит мой дух, печали полный,
Что бездна бездну зол зовет;
Что всех на мне напастей волны
Прешли одна другой во след;

7 Но если мне господь спасенье
Явит во дни, в ночи ему
Похвальное воскликну пенье
С мольбою к богу моему.

8 Творцу, что в бедствах щит мне твердый,
Почто забыл меня? — скажу:
Когда вознесся враг злосердый,
Почто я сетуя хожу?

9 Мне в грудь был острый меч во дни моей печали,
Моя беседа — томный вздох,
Когда враги мне повторяли:
«Скажи нам, ныне где твой бог?»

10 Почто, душа моя! уныла,
Почто меня ты возмутила?
На бога уповай: он вознесет твой рог;
Хвалы моей услышит пенье;
Зане единый взор его — мое спасенье;
Он мой защитник, он мой бог.

ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ И ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

Псалом 138

1 Творец миров и человека!
Ты испытал меня, узнал;
И сокровенны издалека
Мои ты мысли угадал.

2 Все подвиги мои ты знаешь,
Пути мои все видишь ты;
И каждый шаг мой назираешь
Недремно с горней высоты.

3 В уме рожденное лишь слово,
Известно сердцу одному,
Из уст лететь едва готово,
Дошло уж к слуху твоему.

4 Везде твоя мне зрится сила,
Куда ни обращаюсь я;
И верх главы моей покрыла
Стрегущая рука твоя.

5 Высокой столь и столь чудесной,
Творец! премудрости твоей
Постичь не может ум мой тесной;
Но исступлен дивится ей.

6 Где скрыться от тебя, не знаю;
Взнесусь над звездны высоты:
На троне там тебя встречаю;
Спущусь во ад... и тамо ты.

7 Парю ли на крылах денницы
За крайний океана брег;
И тамо длань твоей десницы
Мой быстрый остановит бег.

8 Я рек: во тьме могу сокрыться;
Но взор твой освещает тень:
Пред ним не может мрак сгуститься
И воссияет ночь, как день.

9 Сколь чуден бог, меня создавый,
Сколь чуден ты в делах своих!
В них луч твоей блистает славы;
Душа моя гласит о них.

10 Когда еще я не зачался,
Меня уж ты образовал;
И ты, когда я оживлялся,
Из чрева матери приял.

11 Ты твари зрел не сотворенны,
Как будто б их давно создал;
И всей их жизни дни внесенны
Уж в книге вечности читал.

12 О сколь твоя премудрость дивна!
Сколь множество ее плодов!
Как время, цепь их непрерывна;
Число, как тма морских песков.

13 И ты ль, творец! всезрящим оком
Злодейства грешников не зришь;
И в гневе праведном, жестоком
Их смертию не поразишь?

14 Бегите ж, злые! уклонитесь;
Язык ваш остр, как жало змей:
Хулу гласить вы не страшитесь
На бога в буйности своей.

15 О боже мой! ты зришь и видел,
Как дерзостных врагов твоих
Я всей душой возненавидел;
И за врагов считал моих.

16 Изведай, крою ль в сердце злобу?
О господи! и вождь мне будь.
Смотри, мой путь ведет ли к гробу?
И к вечности скажи мне путь.

ПЛЕНЕНИЕ ИЗРАИЛЯ

Псалом 136

1 У Вавилонских рек мы сели и рыдали:
Прискорбно там святый Сион воспоминали.
Средь нас на ветвиях, под деревом сухим,
Псалтыри наши, струн лишенные, висели.
Там ведшие во плен нам стражи повелели,
Дабы воспели мы сионски песни им.

2 Как песнь господню петь в земли я чуждой буду?
Божественный Сион! коль я тебя забуду,
Забвенною навек моя десница будь;
К гортани моему прильпни язык мой вечно,
Когда я о тебе не поскорблю сердечно;
Не восхощу тебя с весельем помянуть.

3 Суди, о господи! ты в день Ерусалима
Эдом, которым зришь его теперь гонима.

Он рек: «Израильтян постиг день зол и слез;
До основания их грады разрывайте;
Несытым пламенем их села пожирайте;
Чтоб вихрь их пеплом рвы глубокие занес».

4 А ты, о люта дщерь надменна Вавилона,
Опустошающа обители Сиона!
Блажен, кто бремя всех терпимых нами бед
На возносящуюсь твою главу воздвигнет;
Блажен, кто чад твоих, как рок тебя постигнет,
Отторгнув от груди, о камень разобьет!

НА РАЗБИТИЕ ЕГИПТЯН

Пророчество Иеремия. Глава 46

1 Мечи и стрелы изострите;
Покройте броней рамена;
На чела шлемы возложите;
Развея ратны знамена,
На бурны кони восседайте;
Стесните твердый ряд полков;
Смертельны копья устремляйте;
Теките в стретенье врагов.

2 Но что? я зрю вас устрашенных
И обращающих хребет.
От воев кроясь разъяренных,
И вождь и ратник ваш течет,
Бежит, озреться не дерзает.
Летает алчна смерть в полках;
Всю землю кровью напояет.
Предводит вас и гонит страх.

3 Не унесут вас легки кони;
Железный не укроет щит;
Рассыплет меч литые брони
И шлемы ваши сокрушит.
При встрече грозна сопостата
От страха войски побегут;
Разбиты на брегах Ефрата,
Как стебли под косой, падут.

4 Кто сей, текущий в поле брани,
Реке подобен быстротой,

Котора, взяв потоков дани,
Надменна, брег преходит свой;
Пространны долы потопляет
И, гор верхи волной покрыв,
Твердыни, башни низвергает
В сравненный с морем свой разлив?

5 Египет, как река, стремится;
Как волны, сонм его полков;
Число их лишь с числом сравнится
Песчинок у морских брегов.
Он рек: «Пойду, покрою землю;
Низвергну град врагов моих;
Во гневе меч на них подъемлю;
И кто спасти возможет их?»

6 С восходом светлыя денницы,
Мавряне! ополчитесь в строй.
Восшед на ратны колесницы,
Теките, Ливияне! в бой;
И вы, о Лидяне! дерзайте;
Пока ваш лук не ослабел,
С высот противных поражайте
И тучею покройте стрел.

7 Сей день — день мщения господня;
Господь врагам своим отмстит:
Пожрет полки их преисподня;
Господень меч их поразит
И в сытость кровью их упьется.
Добыча вся, весь стан врага,
Днесь богу в жертву принесется
На вас, ефратски берега.

8 Теки ты к Галааду ныне,
Строптивая Египта дщерь!
Там в горестной твоей судьбине
Целенья не найдешь теперь.
Чарами бедству не поможешь:
Главу твою покроет струп;
Беснуясь, длань свою изгложешь,
А враны растерзают труп.

9 Народы зрят твои печали;
Всю землю вопль наполнил твой;
Главами люди покивали

И поругалися тобой.
Твой враг попрал твою гордыню;
Он славы рог твоей сломил;
Страну преобратил в пустыню
И град твой пепелом покрыл.

МЫСЛЬ О БОГЕ

О! если б я возмог
Постичь того, кого мы называем бог?
Что есть он, в истине я сей на миг не сумневаюсь:
В созданьи зримая премудрость с красотой
В том убеждает ум простой.
Но что бог? — В мысли сей, как в море, погружаюсь.
Гласят: Всемирный он творец,
Всего начало
И конец.
Согласен; но сего к его познанью мало;
Не могши постигать творению конца,
Могу ль постигнуть я творца?
Твердят нам: Бог душа вселенной.
Премудро; но когда нельзя мне совершенно
Познать души моей,
То можно ль душу мне постичь вселенной всей?
Хотя, в состав мой вникнув, знаю,
Что истинно душой моей
Я мыслю, чувствую, желаю,
Но что душа? — не понимаю.
Смирися ж, гордый ум! Смирися, человек!
Непостижимого ты не постигнешь ввек;
Но если злу добро предпочитать умеешь
И, свойства коль познав души,
К познанью божества приближиться ты смеешь,
То скромну мысль внуши;
И верь, что бог, непостижимый
Умами смертных в род и род,
Есть дух, в благих сердцах восторгом ощутимый,
Вседействующий дух доброт.

‹И. В. ЛЕВАНДЕ›

О, мир, разврата полный мир!
Лукавство — бог твой, лесть — кумир.
Возможно ли в тебе нам ныне
Стыдливу истину сыскать,

Когда обман в священном чине
И пред олтарь дерзает стать?
Коль лесть везде распространилась,
Посеялась и вкоренилась,
Прозябла, пышно расцвела
И плод тлетворный принесла;
Коль лицемерство злонаветный
На правду вечно строит ков
И, сети кинув неприметны,
Ее свергает в мрачный ров...

БОГАТОМУ СОСЕДУ

1 Парчи и резьбы позлащенны
Не красят дома моего;
Столбы, в Караре иссеченны,
Преддверий не хранят его.
Алмазами в нем чаш блестящих
Не притекает зреть народ,
И до зари толпа просящих
Меня в сенях моих не ждет.

2 Но честность, лиры дар небесный,
В удел сей жизни рок мне дал.
Не знатен, знатным я известный
И нищ, богатым нужен стал.
От неба больше не желаю;
Рожден не алчным, не скупым,
Друзьям могущим не скучаю:
Доволен малым я своим.

3 Теснятся в вечность дни за днями,
Как в море за волной волна;
То светит полными лучами,
То умаляет круг луна;
А ты, как бледна стень склоняясь,
Гранит распиливать велишь;
Гробницею не занимаясь,
Палаты к небу громоздишь.

4 Владея целым брегом моря,
Расширить поле чтоб свое,
С несытою пучиной споря,
Теснишь плотинами ее.
Столбы сдвигая порубежны,

Соседов гонишь ты твоих;
И каждый день, чрез нивы смежны
Шагнув, захватываешь их.

5 Изгнанный старец, муж с женою,
Бежа из родины своей,
Уносят бедность за спиною,
А у груди нагих детей.
Богач! на что ж ты грабишь нища?
И подле груды золотой
Тебе вернее нет жилища,
Как под могилою сырой.

6 Земля всем смертным без разбора
Готова лоно растворить;
И ненасытной смерти взора
Не можно златом обольстить.
Богатых и счастливцев племя
Сечет она, как летний цвет,
И снять прийдет с несчастных бремя,
Хоть ими призвана, хоть нет.

ПРИЗЫВАНИЕ ВЕНЕРЫ

1 Царица Пафоса и Книда, о Венера!
Оставь любимый Кипр, прийди в смиренный храм,
Куда, возжегшая обильный фимиам,
Зовет тебя Глицера.

2 Да поспешит с тобой твой пламенный Эрот,
И с распущенными Хариты поясами,
Меркурий с Нимфами, и Молодость с цветами,
Лишенна без тебя красот.

ВОРОЖБА

1 Хлоя! не желай бесплодно,
Любопытствуя, открыть,
Долго ли богам угодно
Нашу жизнь еще продлить?

2 Ворожбой не занимайся
О предбудущей судьбе;
Принимать равно старайся
Все, что суждено тебе.

3 Хоть еще на свете много
Лет нам рок прожить велел;
Хоть с зимою сею строгой
Жизни положен предел;

4 Хлоя! жить спеши украдкой;
Смейся, пой, люби, играй;
И по мере жизни краткой
Цель надежды приближай.

5 Миг, в который молвим слово,
Улетел уже от нас:
Не считай на утро ново,
А лови летящий час.

КРАСОТА

1 Еще до сей поры пленяешь,
Влечешь к себе всех взоры ты;
И гордо сердце подкрепляешь
Цветущим блеском красоты.

2 Но скоро уж, когда с летами
Увянет нежная краса;
Спадет волнистыми шелками
Плеча покрывшая коса,

3 Когда черты, где свежи розы
Слились с лилейной белизной,
Свирепы ощутя морозы,
В морщинах блеск сокроют свой,

4 Тогда, с немой упрекой, грозно
В невинно зеркало взглянув,
Тогда-то, Хлоя! но уж поздно,
Ты скажешь, горестно вздохнув:

5 Зачем в приятной я судьбине,
Как ныне, мыслить не могла;
Или зачем не та я ныне,
Не та, — что в младости была!

БЕЗЗАБОТНОСТЬ

1 На что нам Галска исполина
Решить затеи наугад;
Иль ков Британца, с кем пучина
И чужды царства нас делят?
На что, покой тревожа сладкой,
В пустых заботах век кружить;
Льняную нитку жизни краткой
С кострицей жесткою сучить?

2 Уж пылкость, молодость отстали,
Ушли давно от нас бегом,
И наши седины прогнали
Любовь игриву с сладким сном.
Недолго свежими цветами
Любезна красится весна;
Не вечно полными лучами
Блестит пременчива луна.

3 Почто ж на замыслы надмерны,
Которых веком не свершить,
В заботах тратить час неверный,
Готовый всех нас пережить?
Не лучше ль на полянке чистой,
Под тополью роскошной сей
Или под липою тенистой,
Нам пить за здравие друзей?

4 Подайте ж вин; — из древня века
Всегда в чести было вино:
Твердят, что сердце человека
Невинно веселит оно.
Скорей шампанское несите,
Покуда пробок вверх не бьет;
И в ручейке прохолодите,
Что с шумом возле нас течет.

ДРУГУ МОЕМУ

1 Взгляни, как, снегом покровенны,
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны, инеем нагбенны,
И реки, льдом отягощенны,
В брегах оцепенев стоят.

2 Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина
Вели подать венгерски вина,
А прочее богам оставь.

3 Метели, бури и морозы,
Когда они хотят смирить,
Тогда ни липы, ни березы,
Ни гибки однолетны лозы
Не смеют веткой шевелить.

4 Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою;
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

5 Во младости несуетливой
Без пляски, игр не трать часа;
И плод вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

6 Теперь тебя зовут гулянья,
Театр, концерты, маскарад
И те условленны свиданья,
Где нежны вечерком шептанья
Украдкой о любви твердят;

7 Где смех невольный открывает
Красотку в темном уголке,
Что в фанты перстенек теряет
И слабо лишь обороняет
На сжатой с нежностью руке.

УМЕРЕННОСТЬ

1 Коль хочешь век прожить счастливо,
Не все в открыто море мчись;
Ни слишком к берегу трусливо
Меж камней с лодочкою жмись.

2 Кто счастья шумного тревоге
Средину скромну предпочтет,
Не в златоглавом тот чертоге,
Но и не в хижине живет.

3 На ель высоку вихрь стремится;
И башня, гордая челом,
С крутых высот скорей валится;
Вершины гор бьет чаще гром.

4 Надежду мудрый зрит в напасти,
На случай злый вооружен;
Но в льстивом бережется счастьи
Судьбы коварных перемен.

5 Не все зима нас удручает;
Весна за нею вслед спешит.
Сегодня горесть убивает,
А завтра радость оживит.

6 Не каждый раз Перун горящий
Грозит пожарами странам;
Но часто тучи, град носящи,
Прогнав, дарует вёдро нам.

7 Будь тверд в злосчастные минуты;
Но счастью тож не доверяй;
И ветром парусы надуты
Заблаговремя опущай.

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

1 Растаял снег, земля открылась,
Позеленела мурава;
Струя кристальна с гор скатилась;
Оделись листьями древа.

2 Возобновился вид природы,
Впадают реки в берега;
И дев веселы короводы
Уж топчут мягкие луга.

3 «Не льстись ничем ты вечным в свете» —
Твердит тебе тот год, и час,
И миг, что в молненном полете
Крыло времен несет от нас.

4 Весна морозы прогоняет,
Спешит за нею лето вслед;
С плодами осень поспешает
И зиму строгую ведет.

5 Но года круг непостоянный
Стократ возобновит луна;
А ты, в подземный дом изгнанный,
Век будешь прах и тень одна.

6 Кто весть, угодно ли судьбине
Прибавить к нашей жизни миг?
Что дашь себе, то вырвешь ныне
Из рук наследников скупых.

7 Когда умрешь, и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут;
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.

8 Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход, исхода нет.

СОВЕТ

1 В напастях, горести старайся
С великодушием терпеть;
А в счастии не забывайся.
Мой друг! ты должен умереть.

2 Умрешь, хотя печалься вечно;
Хоть в праздные, веселы дни
Вино ты прийдешь пить беспечно
В гостеприимной древ тени;

3 Сребриста тополь, ель высока
Где дружны ветви в свод плетут,
С журчаньем где струи потока,
Извившись, торопко текут.

4 Вели ж там вина, ароматы
И кратковечных роз принесть;
Пока нам счастье, дни крылаты
И младость позволяют цвесть.

5 Домы, сады распространенны
Покинешь ты, оставя свет;
И клад, годами накопленный,
Наследник алчный твой возьмет.

6 Хотя богат, породы знатной,
Хоть раб и в хижине живешь,
Хоть царь, но смерти беспощадной
Равно ты жертвою падешь.

7 Назначен всем предел нам равной;
Всяк жребий вынут наугад;
И в вечну ссылку, поздно ль, рано,
Нам Парки всем спешить велят.

НАБОЖНОСТЬ

1 Если утром ежеденно,
Как от сна ты восстаешь,
Руки к небесам смиренно
С теплою мольбой взнесешь;
Если в праздники ко храму,
С светлой, как душа, свечой,
Ты хоть горстку фимиаму
Скромной принесешь рукой;

2 Жертвы сей довольно богу;
Не страшись ни в чем вреда:
Ветр заразный в осень строгу
Пощадит твои стада;
Нивы саранча не тронет,
Ульи напитает мед;
Ветви сад к земле преклонит:
Каждый цвет в нем будет плод.

3 С дна морского похищенны
Бисеры, коралл, янтарь
Пышною рукой взнесенный
Украшают пусть олтарь;
Златом пусть он обольется,
Блеском звезд бразильских стран;
Пусть на нем всяк день возжется
Смирна и драгий ливан.

4 Но в дому олтарь твой скромный
Утварью простой одет;
И зачем ты в храм огромный
Пышный понесешь обет:
Коль невинна, хоть убога,
Длань коснется олтаря,
Легче умоляет бога,
Чем драгий обет царя.

ДРУГУ СЕРДЦА

1 Я знаю, друг мой! что за мною
На край бы света ты летел;
Со мной бестрепетной ногою
Гиркански дебри ты б прошел;
И ссылочной Сибири холод,
И средь песков ливийских зной,
Меж лютых кафров жажду, голод
Охотно б претерпел со мной.

2 Но дай бог, чтоб на бреге Псола,
Где липы мне шалаш плетут,
В тени зеленого раздола
Был старости моей приют!
Дай бог, чтоб счастье там прильнуло
К груди, усталой от забот,
И томно сердце отдохнуло
От бурных жизни непогод!

3 Но ежели свирепством рока
Удела милого лишусь,
На тучный брег Салдайска тока,
В Тавриду древню преселюсь,
Где овцы, пеленой обвиты,
Красу сребристых нежат рун;
Отколь в кумирах знаменитый
Владимиром сражен Перун.

4 Земли тот уголок счастливый
Всех боле мест манит мой взор:
Средь леса зреют там оливы,
Мед каплет из ущелья гор.
Там долго ветр весенний веет,
Гнетет недолго зимний хлад;
В долинах, как янтарь, желтеет
Токайский сладкий виноград.

5 Вот там-то, в рощице тенистой,
Устланной мягкой муравой,
Близ тока, из скалы кремнистой
Жемчужной льющегось струей,
Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны съединим сердца.
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.

ОДА, ЛОМОНОСОВ

1 Кто росску Пиндару желает
В восторгах пылких подражать,
Вослед Икара тот дерзает
На крыльях восковых летать:
Взнесется к облакам, — но вскоре,
Лишь солнца силу ощутит,
Низринется стремглав, и море
Безумца имя возвестит.

2 Как быстрый ток струи скопленны
Стремит с крутой вершины гор,
Кристаллы льет на брег зеленый,
Дремучий будит шумом бор;
Так звучной лирой Ломоносов,
Сопровождая громкий стих,
Пленяет слух и души россов,
И усладит потомство их.

3 Творца глаголы повторяя,
На суд ли смертного с ним звал?
«Он, гласом громы прерывая,
Словами небо колебал.
С покрытыя пучины мглою
Хаосный, леностный туман
Разгнал всесильною рукою
И с суши сдвинул Океан».

4 Поет ли, как восход денницы,
Минервы шествие на трон, —
Коль важно подвиг сей царицы,
Коль громко возглашает он!
«Сам бог ведет; и кто противу?
Кто ход его остановит?
И океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?»

5 Любви ль предел изображает, —
Как кисть его оживлена!
Какою прелестью пленяет
Волшебна, райская страна!
«Там мир в полях и над водами;
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Меж бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

6 Древа листами помавают
И, нежну ощущая власть,
Друг друга ветвьми обнимают;
В бездушных там любовна страсть.
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись, меж собой журчат».

7 За Марсом ли вослед дерзая,
Сражений представляет вид, —
«С трофея на трофей ступая,
Российско воинство спешит.
Орлам сим воды, лес, стремнины,
Глухие степи — равен путь:
Нося перун, полки орлины
Парят, где ветр лишь может дуть».

8 С такою дерзостью чудесной,
Изведав неусталость крыл,
Верх облак в синеве небесной
Российский сей орел парил.
Но я, как пчелка над землею,
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет.

9 Державин! ты на лире звонкой
Воспой великие дела
Царицы, что победой громкой
Моря и суши потрясла.
Воспой богов сей дар бесценной,
Дороже коего они
Не могут ниспослать вселенной,
Хоть возвратят златые дни.

10 Воспой тот день, трикрат счастливой,
Когда на жертвенник побед
Зеленый лавр, обвит оливой,
Она в знак мира вознесет.
Тогда и я, в толпе народа
Участник общего добра,
Во время пышна к храму хода
С восторгом возглашу: ура!

11 С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжешь пред мирным божеством.
Чертог твой, яркими звездами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.

12 А я, помост усыпав храма
Взращенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама
С белейшею лилей свечой
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела,
За мой о ней надзор прилежной,
С избытком в дар мне принесла.

ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

1 Чего пиит от неба просит,
Когда в путь новый год течет;
Или когда во храм приносит
Он в день рожденья свой обет?
Не жатва льстит его богата;
Не мягка волна тучных стад,
Не кучи серебра и злата,
Не пышность мраморных палат.

2 Пусть пьет нектар кокосов сочных
Тот, кто нашел златое дно;
Пускай из кристалей восточных
Вкушает капское вино.
Наперсник счастья он любимый,
Проснувшись, руку лишь прострет,
Земля, моря неукротимы
И мир весь дань ему несет.

3 Но я, я сыт укругом хлеба,
Доволен кружкой кислых щей
И больше не прошу от неба,
Как чтобы в бедности моей
Хранило мне здоровье цело,
Ум свежий и душевный мир;
И век пресекло б престарелой,
Бесчувственный ко звуку лир.

КАМЕЛЕК

1 Вчера я в тереме Эльвиры
Один у камелька сидел
И на струнах ей милой лиры
Горациевы песни пел.

2 Давал совет он Левконое
О будущем не ворожить;
В веселости, в любви, в покое
Лишь настоящим часом жить.

3 Но между тем как я распелся
И позабыл летящий час,
Без дров, покуда осмотрелся,
Тихохонько огонь погас.

4 Эльвира! скрыв на сердце рану,
Давно горю любовью я:
Когда один гореть я стану,
Погаснет скоро жизнь моя.

ОСЕНЬ

1 В дубраве грозна буря воет,
Крутится вихрем дождь и град,
С горы стремясь, долину роет
Ревущий быстрый водопад.
Во мраке молния лишь блещет;
Не видно в туче светлых звезд.
Вдруг грянул гром: и бор трепещет;
Не сыщут робки звери мест.

2 Почто ж так осень свирепеет
И градом томну землю бьет?
Природа без того мертвеет:
Давно увял уж розы цвет;
Давно деревья обнаженны,
Склонивши ветвия, стоят,
И птицы, гнезд своих лишенны,
Без крова сносят лютый хлад.

3 Прийди ж, зима! и скорбь природы
В одно мгновение прерви:
Оцепени растенья, воды
И всю природу умертви.

Как лед, твоя десница хладна
От бурь ей сладкий отдых даст:
Увы! бесчувственность отрадна,
Где тяжка нас томит напасть.

4 Когда в печалях сердце ноет,
А рок еще его гнетет;
И глубже ров несчастным роет
Несносных, неизбежных бед;
Тогда спокойство нам доставить
Одна лишь может хладна смерть:
От чувства горести избавить
И скорби остро жало стерть.

ЗИМА

1 Лютая зима! доколе
Землю будешь ты томить,
Реки быстрые в неволе
Льдистым гнетом бременить?
Долго ль быть твоей нам жертвой
И сносить жестокий хлад?
Все уныло, пусто, мертво,
Все, куда ни кинем взгляд.

2 Ах, когда ж весна природу
Оживить опять прийдет;
Милую ручьям свободу,
Жизнь древам, цветам вдохнет?
Скоро ль, в рощах безмятежных
Птичек поселяя вновь,
К ним на крыльях горлиц нежных
Принесет она любовь?

3 Подождем; — не все стремится
Буря из полнощных недр;
Время колесом вертится:
Скоро дунет южный ветр;
Животворной теплотою
Льды распустит и снега
И роскошною рукою
Облечет в цветы луга.

4 Скоро ласточки на воле
Будут к облакам взлетать;
Скоро станем в чистом поле

Чистым воздухом дышать.
Подождем: — как после тени
Солнца луч ясней блестит,
После скорбных угнетений
Так нас радость оживит.

НЕОСТОРОЖНЫЙ МОТЫЛЕК

1 В прохладный летний вечер темной,
Озябши, легкий мотылек
В чертог Темирин освещенной
Летел на ясной огонек.
Там роза на окне стояла,
С зарею чуть лишь расцвела,
Румянцем, свежестью пленяла
И мотылька к себе звала.

2 Влекомый запахом приятным,
На розу мотылек взлетел;
Питаясь соком ароматным,
В забвенье сладостном сидел.
Но вдруг, прельщенный ярким светом,
Помчался с розы мотылек;
Беспечным вкруг огня полетом
Порхал и крылушко прижег.

3 Еще есть время, мотылечек!
Пока совсем ты не сгоришь,
Душистый ждет тебя цветочек;
Лети; — но ты в огонь летишь!
О сердце! равной с ним напасти
Чтоб и тебе не потерпеть,
Беги от милой, пылкой страсти,
Не то — придет и нам сгореть.

НЕВОЛЬНАЯ РАЗЛУКА

1 Что вы, милые цветки!
Так поблекли, приуныли;
Ваши томные листки
Вниз печально опустили?
Ах! что вижу, ручеек,
Кем ваш корень освежался,
Кинув вас, другой лужок
Напоять вдали помчался.

2 Лиза, друг мой! что же ты
Так печальна, приуныла;
Блеск прелестной красоты
Током слезным помрачила?
Неужель пастух драгой,
Кем твой дух воспламенялся,
Новою пленясь красой,
Навсегда с тобой расстался?

3 Но, цветки! на ручеек
Не ропщите вы напрасно:
Камень, с гор катясь, поток
Отвратил от вас прекрасной.
Посмотрите ж, как ревет,
Как он, пенясь, землю роет;
Скоро камень унесет
И ваш берег вновь омоет.

4 Лиза! в горести стеня
И терпя несносну муку,
Не ропщи ты на меня
За невольную разлуку:
Скоро, брошенный судьбой,
Тяжки цепи я разрушу,
Скоро обоймусь с тобой
И солью с душою душу.

НАПРАСНЫЕ СЛЕЗЫ

1 Когда на розу взглянешь,
Себя к ней примени;
Пчелу на ней застанешь,
О мне воспомяни:

2 Она не жалит розы,
Лишь сладкий мед сосет:
К чему ж твой стон и слезы?
И я б сосал лишь мед.

СИЛУЭТ

1 Твой образ в сердце врезан ясно;
На что ж мне тень его даришь?
На то ль, что жар любови страстной
Ты дружбой заменить велишь?

Но льзя ль веленью покориться:
Из сердца рвать стрелу любви?
Лишь смертью может потушиться
Текущий с жизнью огнь в крови.

2 Возьми ж обратно дар напрасной;
Ах! нет; оставь его, оставь.
В судьбине горестной, злосчастной
Еще быть счастливым заставь;
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милые черты,
Что как твоя в них тень хранится,
Хоть тень любви хранишь и ты.

ПРИЮТ СЕРДЦА

1 Тяжко сердцу и минуту
В сиротстве печальном жить;
Не иметь с кем горесть люту,
С кем веселый час делить.
В одиночестве постылом,
В круге людства тяжко мне;
В сердце сжатом и унылом
Скорби лишь носить одне.

2 Помню время золотое,
Пролетевше, как Зефир,
С милою когда нас двое
Составляли весь наш мир.
Как молчанье было внятно!
Речь стремилась к сердцу льнуть!
Вместе было как приятно
Улыбнуться иль вздохнуть!

3 Но мечты, что дух пленяли!
Ах! на что мне помнить вас?
Рок послал мне век печали
За короткий счастья час.
Стану ж смертную минуту
Я с отрадой ожидать,
В хладном гробе лишь приюту
Сердцу страстному искать.

ВЛАДИСЛАВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОЗЕРОВУ

Эдипа видел я; — и чувство состраданья
Поднесь в растроганной душе моей хранит
Гонимого слепца прискорбный, томный вид.
Еще мне слышатся несчастного стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы глас,
Что ужасом мой дух встревоженный потряс,
Еще в ушах моих печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца луч скрывала мрачна ночь,
А я все зрю еще, как нежну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отец благословляет
И небо, кажется, над нею преклоняет.
Благодарю тебя, чувствительный певец!
В душе твоей сыскав волшебный ключ сердец
И жалость возбудя к чете, гонимой роком,
Ты дал почувствовать отрадным слез потоком,
Который из очей всех зрителей извлек,
Что к сердцу близок нам несчастный человек.
О как искусно ты умел страстей движеньи
В изгибах душ открыть и взору показать:
Тут скорбного отца в невольном преступленьи,
Там сына злобного раскаяньем терзать;
Велику душу здесь, там мщенья дух кичливый;
От гнева к жалости стремительны порывы,
Нежнейшей дочери уныние явить
И в души наши все их чувства перелить.
Теки ж, любимец муз. — Во храме Мельпомены,
К которому взошел по скользкой ты горе,
Неувядаемый, рукой ее сплетенный,
Лавровый ждет тебя венок на олтаре.
Теки, и, презря яд зоилов злоязычный,
В опасном поприще ты бег свой простирай;
Внемли плесканью рук и ввек не забывай,
Что зависть спутница одних даров отличных;
Что ярким озарен сиянием предмет
Мрачнейшу за собой на землю тень кладет.

‹ПОСВЯЩЕНИЕ СБОРНИКА «ЛИРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ» АЛЕКСАНДРУ I›

Государю императору
Александру Первому.

Гремяща славой в целом мире
Екатерина кроткий слух
В отрадный от забот досуг
К моей склоняла скромной лире.
Ты кроток, как душа ее,
Ты любишь муз нельстивых пенье:
Прийми ж усердное мое
К тебе и к ней благоговенье;
Прийми: — и скудный фимиам
Приятен был самим богам.

Верноподданный
Василий Капнист.

М. В. ХРАПОВИЦКОМУ

Напрасно вы ко мне пристали,
Чтоб я вам написал стихи.
За стихотворчески грехи
Ухабы мозг мой растолкали,
И сколько лоб ни тру —
Насилу рифму приберу;
А смысла с нею
Связать, ей-богу, не умею.
И так, прошу простить
Во мне пиита недостаток
И дружбы к вам моей в задаток
Прошу меня любить.

1808 года, марта 5 дня.

‹НА ПОСЫЛКУ ТРАГЕДИИ «ГИНЕВРА» А. Н. ОЛЕНИНУ›

Ничуть не в шутки: вот она.
Ты верно скажешь: «Вот те на!
Клориды это, знать, сестрица».
Какая ж, братец, небылица!
Догадка вовсе невпопад:
Та все лишь пела, эта плачет;
Здесь ни один баран не скачет,
Не ходит так, как рак, назад;
При быстром ручейке пастушки

Здесь не вертятся, как вертушки.
Но тут за важны пустяки,
Надев железны шишаки,
Друг друга рыцари пихают,
Мечами по носам щелкают,
Бесщадно рубят, режут, бьют,
При том и плакать не дают...

Когда меня вы ободрите,
То и вперед того же ждите.
И если в следующий год
Мой винокуренный завод
Весь до подошвы развалится,
То много новых вам хлопот
Из сих развалин накопится.

‹НА ПОСЫЛКУ ТРАГЕДИИ «ГИНЕВРА» А. Л. НАРЫШКИНУ›

Бессмертному Расину,
Как карлик исполину,
Я подражать хотел:
Он ябеды надел личину,
И я ее надел.
Потом широкими вратами
В храм славы с Федрой он вошел,
И я с Гиневрой подоспел.
Но что-то будет тут уж с нами? —
Ну, если воротами
Не захотят нас ввесть? —
То можно, как ни есть...
Под ворота пролезть...

Давно известно нам,
Что многие в сей лазят храм
На четвереньках по ночам,
Как будто оборотни;
И что уж весь
Лавровый лес
Пошел на... подворотни.

‹НА СБОРНИК «ЛИРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ»›

Капнист, приняв отвагу
Читать стихи свои, херить их не жалел.
Но лучше б он еще успел,
Оставя чистую бумагу.

‹НА ИЗОБРАЖЕНИЕ В. А. БАКУНИНОЙ›

Мне кажется, ее лицо
Бело и кругло, как яйцо.
Косы волнистой черный волос
Длиннее, чем высокий колос.
Не слишком выпукло чело
Так чисто, гладко, как стекло.
Собольи брови и ресницы,
Глаз круглых черные зеницы,
Как темных два зерна гранат,
В больших жемчужинах блестят.
Нос — тонкой, хоть и не причудной,
Но к описанью очень трудной.
Румяны маленьки уста,
Как свежей розы два листа;
Меж ними, на черте полкруга,
В коралле два ряда жемчуга.
На млеко-розовых щеках,
Не знаю для чего и как,
Чтоб разве спесь их не надула,
Любовь две ямочки вогнула.
Но что сказать о бороде?
К сравненью не сыщу нигде,
Что было б хоть немного схоже
С округлостью ее пригожей...
Хотела б дерзкая рука
Изобразить хотя слегка
Белейшу алебастра шею...
Но дале все же не посмею
Моей картины продолжать...
И так не лучше ль окончать
И, кисть оставя осторожно,
Просить тебя, чтоб, если можно,
Красы изобразил ты нам,
Которых часто видишь сам.

‹В ПАМЯТЬ СТОЛЕТИЯ ПОБЕДЫ ПОД ПОЛТАВОЮ›

Хор

1 Красуйся и ликуй, Полтава!
Вий лавр и розы вкруг чела:
Твоя днесь обновилась слава,
Как юность древнего орла.

2 Ты зрела, как здесь лев полнощной
Кровь чад твоих рекою лил;
И как десницею всемощной
Его Самсон наш поразил.

Красуйся…

3 Наследника петровой славы
Теперь ты зришь, как он течет
В победные поля Полтавы
Из поля собственных побед.

Красуйся…

4 Что Петр десятилетней бранью
В полях полтавских заложил,
То Александр могучей дланью
В последний века год свершил.

Красуйся…

5 Столетие победы россов
Грядет торжествовать здесь царь.
Ты, вместо мраморных колоссов,
В сердцах поставь ему олтарь.

Красуйся…

6 Взнеси моление усердно
К источнику благих щедрот,
Чтоб царство кротко, милосердно
Продлил он с славой в род и род.

Красуйся…

ПЕТРУ ПЕРВОМУ

В младенческих летах коварные измены,
Второй Алкид, как змей, трекрат он задушил.
Чтоб мрак невежества, вокруг его сгущенный,
Рассеять, — рубищем порфиры блеск прикрыл;
И прешагнув моря, к работе низкой руки
Простер, чтоб водворить в отечестве науки.
Сам рать образовал, сам строил корабли.
Он рек: — и реки в Белт из Каспа потекли;
Иссунул меч: — и Готф, на высотах Полтавы,
К ногам могущего с трофеев гордых пал;
Коснулся лишь пера: — и суд безмездный, правый

Из-под развалины нестройств главу поднял.
Сей муж тьмой подвигов, потомством не забытых,
Вселенной доказал, что в поприще владык
Великий вырод был в мужах он именитых,
Ни счастьем, ни венцом, но сам собой — велик.

ОДА НА СМЕРТЬ ГРАФА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА СТРОГАНОВА

Под мой покров уединенный,
Увы! какой печальный слух,
Как звон надгробный удаленный,
Проник и поразил мой дух?
Пал столп российския державы!
Петрополь в велелепьи славы
Уныл, струит потоки слез.
Вокруг по стогнам вопль раздался,
Со стоном вдов, сирот смешался
И спешно всходит до небес.
О Строганов! о друг несчастных!
Безмездный добрых дел творец!
Судей зерцало беспристрастных!
Гонимых, страждущих отец!
Увы, почто неумолима,
Слепою яростью водима,
Пресекла смерть твой мирный век?
Хоть долгий век, но скоротечен!
Почто не мог быть днями вечен
Добром бессмертный человек?

Благочестивый веры чтитель,
Ты в ней путь жизни проводил;
И слов заветных исполнитель,
В убогих — бога возлюбил.
Враг лести, хитрости, притворства,
Ты чаши с ядом царедворства
К устам твоим не преклонял,
Твой долг творил нелицемерно;
Служил пяти монархам верно
И правду с твердостью вещал.
Гостеприимству посвященный,
Для всех отверст был твой чертог;
В нем каждый день, неистощенный,
Полн зрелся <из>обилья рог.
Приятность скромныя свободы

Там игр живила хороводы,
Там даже скорбные сердца
Отрадным воздухом дышали:
Где лишь защитника искали,
Встречали друга иль отца.

Но днесь, увы! твой дом печальный
Жилища скорбей вид приял:
Покров там темный погребальный
Одел чертоги, пол устлал
И пышной лестницы ступени.
В толпу теснятся черны тени;
Лишь бледны лица мрак пестрят.
Там слышен стон и вопль рыданий;
Сгустились облака вздыханий
И долу капли слез дождят.
Зрю гроб! .. Но ах, ток слез катится
И застилает скорбный вид;
В очах дрожайщий свет темнится;
Все чувства горесть цепенит.
Дай, Горесть! дай отдохновенье;
Позволь хоть на одно мгновенье
Мне видеть праведника смерть.
Сокройтесь, ужасы могильны!
С чела его уже бессильны
Печать бессмертия вы стерть.

Желанье тщетно! — Скорбь сердечна
Отраде места не дает;
Надгробный отклик: «Память вечна»!
Разит мой слух и сердце рвет;
Прости, прости, благотворитель!
Хотя небесная обитель
Тебя сокрыла уж от нас,
Но дух любви соединяет;
Но горесть живо вспоминает
И каждый день и каждый час.

И днесь, едва лишь отвращаю
От твоего чертога взор,
Художеств храм уж созерцаю,
Даров изящных где собор,
Твоим покровом ободренный,
Как маткой рой одушевленный,
В трудах являл уж плод драгой;

Теперь там зрю лишь скорби жертвы:
Резец, и кисть, и краски мертвы;
Не стало матки, гибнет рой.

Вотще, дабы тоску смягчали
Воспоминания мечты,
Они предмета их печали
Стремятся изразить черты.
Увы, что кисть ни означает,
Горячая слеза смывает;
Резец скользит во след ея
По мрамору, как гроб твой, хладну;
Живую горесть безотрадну
Лишь живопишет слез струя.
А ты скрепись, чета любезна!
Подобна в вере будь отцу:
Не лий без меры тока слезна;
Пожертвуй горестью творцу.
В нем жив ваш друг, ваш друг небесный;
За смерти праг, к возврату тесный,
Он благотворну жизнь простер:
Не весь, не весь тот умирает,
Добро кто в гробе назидает...
Оставя смертным свой пример.

ВИДЕНИЕ ПЛАЧУЩЕГО НАД МОСКВОЮ РОССИЯНИНА

1812 года октября 28 дня

Как грохот грома удаленна,
Несется горестна молва:
«Среди развалин погребенна,
Покрылась пепелом Москва!
Дымятся теремы, святыни,
До облак взорванны твердыни,
Ниспадши, грудами лежат,
И кровью обагрились реки.
Погиб, увы! погиб на веки
Первопрестольный Россов град!»
Уже под низменный мой кров уединенный
Домчался сей плачевный слух.
Он поразил меня, как в сердце нож вонзенный,
И ужасом потряс мой дух.
Застыла кровь; чело подернул пот холодный.
Как древоточный червь голодный,
Неутолима скорбь проникла в томну грудь.

Унынье душу омрачило,
На перси жернов навалило
И пересекло вздохам путь.

С поры той, с той поры злосчастной
Повсюду горесть лишь мне спутницей была,
И пред очами ежечасно
Картину бедств и слез и ужасов несла.
Постылы дня лучи мне стали,
Везде разящие предметы зря печали,
От света отвращал я зрак.
Делящих скорбь друзей, детей, жены чуждаясь,
Как вран ночный, в лесах скитаясь,
Душевный в них сугубил мрак.
В едину ночь, когда свирепо ветр ревущий
Клонил над мной высокий лес
И вихрь, ряд черных туч от севера несущий,
Обвесил мраком свод небес;
На берег Псла, волной ярящейся подмытый,
Под явор, мхом седым покрытый,
Тоскою утомлен, возлег я отдохнуть.
Тут в горести едва забылся,
Внезапу легкий сон спустился
И вежды мне спешил сомкнуть!
Мечты предстали вдруг: — казалося, средь нощи
Сидел я на краю огнем пожранной рощи;
Вблизи развалины пустого града зрел:
Там храма пышного разбитый свод горел;
Под пеплом тлелися огромные чертоги.
Тут стен обломками завалены дороги;
Медяны башень там, свалясь, верхи лежат
И кровы к облакам взносившихся палат.
Падущих зданий тут зубчаты видны стены;
Здесь теремы к земле поникли разгромленны.
Могилы жупела и пепла кажут там,
Обитель иноков и их смиренный храм.
Нагие горны здесь до облаков касались,
Как сонм недвижимых гигантов, представлялись,
Которых опалял молниеносный гром;
На остовы их там слякался гордый дом;
Тут кровля на шалаш низринулась железна;
Хранилища, куда промышленность полезна,
Любостяжанья дщерь, а трудолюбья мать,
Избытки дальних стран обыкла собирать,
Стоят опалыя, отверсты, опустелы.

Голодны гложут псы здесь кости обгорелы,
На части бледный труп терзают там; а тут
Запекшуюся кровь на алтарях грызут.
Из окон, из дверей луч света не мелькает;
Под пеплом вспыхнув, огнь мгновенно потухает.
Над зданьем тлеющим куряся, только дым
Окрестность заражал зловонием своим.
И кучи сих костров, развалин сих громада
Гробницу пышного лишь представляли града.
Не слышался нигде народный вопль, ни клик;
Лишь вой привратных псов и хищных вранов крик
В сей мертвой юдоли молчанье прерывали
И слабый жизни в ней остаток возвещали.
Толь страшным горестным позорищем смущен,
Я сам сидел, как мертв, недвижим, изумлен.
Власы от ужаса на голове вздымались,
И вздохи тяжкие в груди моей спирались.
Безмолвну тишину потряс вдруг громкий треск
И яркий озарил мои зеницы блеск.
Пристрашен, с трепетом к нему я обратился
И зрю: — чертога кров до облак возносился.
Как вихрь из адского исторгся пламень дна,
И развалившаясь гранитная стена
Открыла кремленски соборы златоглавы,
Столь памятные мне в дни торжества и славы!
О! какая горесть грудь мою пронзила,
Лишь узнал я древне-русскую столицу!
Что главу над всеми царствами взносила
И, простря со скиптром мощную десницу,
Жребий стран решала сильных, отдаленных.
Как ее узнал я, предо мной лежащу
На громаде пепла среди сел сожженных.
Горесть ту несносу, сердце мне разящу,
Смертному не можно выразить словами.
Бледен, бездыханен я упал на землю,
Слезы полилися быстрыми ручьями,
В исступленьи руки к небесам подъемлю
И, собрав остаток истощенной силы,
Боже всемогущий! возопил я гласно:
Ах! почто не сшел я в мрак сырой могилы
Прежде сей минуты пагубной, злосчастной!
Где твоя пощада, боже милосердный?
Где уставы правды? где любви залоги?
Как возмог ты град сей, в чистой вере твердый,
Осудить жестоко жребий несть толь строгий?

Едва в неистовстве упрек
Хулу на промысл я изрек,
Гора под мною потряслася;
Гром грянул, молний луч сверкнул,
Завыла буря, пыль взвилася;
Внутри холмов раздался гул.
Подвигнулись корнями рощи;
Разверзлась хлябь передо мной.
И се из недр земли сырой
Поднялся призрак бледный, тощий;
Покрыв высоки рамена,
Первосвященническа риза,
Богато преиспещрена
От верха бисером до низа,
В алмазах, в яхонтах горя,
На нем блистала, как заря.
Чело покрыто митрой было;
Брада струилася до чресл.
Потупя долу взор унылой,
На пастырский склоняся жезл,
Стоял сей призрак сановитый.
Печалью вид его покрытый,
На коем слезный ток блистал,
Глубокое души страданье,
Упреки и негодованье,
Смешенны с кротостью, казал.
Виденьем грозным пораженный,
Едва я очи мог сомкнуть;
Как мертвы, цепенели члены,
Трепещуща хладнела грудь,
Дыханье слабо в ней спирая,
Лежал я, страхом одержим.
Вдруг призрак, жезл ко мне склоняя,
Вещал так гласом гробовым:
«Продерзкий! как ты смел хулу изречь на бога?
Карающая нас его десница строга
Правдивые весы над миром держит сим
И гневом не тягчит безвинно нас своим.
Ты слезны токи льешь над падшей сей столицей;
И я скорблю с тобой, увы, скорблю сторицей.
В другий я вижу раз столь строгий суд над ней:
Два века к вечности уж протекли с тех дней,
Как в пепле зрел ее, Сарматами попранну;
И чтоб уврачевать толь смертоносну рану,
Из бездны зол и бедств отечество известь,

На жертву не жалел и жизни я принесть.
Исполнил долг любви. — Но и тогда, как ныне,
Не столь о гибельной жалел ея судьбине,
Как горько сетовал и слезы лил о том,
Что праведным она наказана судом.
Дерзай! пред правдой дай ответ о современных:
Падение они сих алтарей священных
Оплакивают все и горестно скорбят,
Что оскверненными, пустыми днесь их зрят;
Но часто ли они их сами посещали?
Не в сходьбища ль кощунств дом божий превращали,
Соблазн беседою, неверием скверня?
Служители его, обету изменя,
Не о спасеньи душ, о мзде своей радели,
Порока в знатности изобличать не смели;
И превратили, дав собой к тому пример,
В зло подражание, терпенье чуждых вер;
Молитвы, праздник, пост — теперь уж все химеры,
И с внешности начав, зерно иссякло веры.
На что ж безверному священны алтари?
Правдивый Судия рек пламеню: Пожри! —
И пламень их пожрал. И днесь, дымяся, храмы
Зловерию курят зловонны фимиамы.
Но обратим наш взор: — тут пал чертог суда;
Оплачь его; — но в нем весы держала мзда.
Неправдою закон гнетился подавленный,
Как бледны жесткие повапленные стены,
Там челы зрелися бессовестных судей;
Там истина вопи, невинность слезы лей;
Не слышат и не зрят; заткнуты златом уши;
Взор ослеплен сребром; растлены лихвой души;
Не могут истины вещанию внимать.
Там злу судья — злодей; возмездник татю — тать.
Крепило приговор ехидно ябед жало,
И пламя мстительно вертеп неправд пожрало.
Над падшими ли здесь чертогами скорбишь?
Иль гнезд тлетворныя в них роскоши не зришь?
В убогих хижинах похитя хлеб насущный,
Питала там она сластями жертвы тучны.
Вседневны пиршества, веселий хоровод
Сзывали к окнам их толпящийся народ,
В мраз лютый холодом и голодом томимый
И с наглостью от сих позорищ прочь гонимый.
Когда, на ложе нег лежа, Сарданапал
В преизобилии богатства утопал

И, сладострастия испивши чашу полну,
На мягкий пух склонясь, облекшись в мягку волну,
Под звуком нежных арф вкушал спокойный сон,
О старце, о вдове заботился ли он?
Хоть пенязь отдал ли, хоть лепту он едину,
Чтоб в скорби облегчить их строгую судьбину?
Призрел ли нищего, от трапезы крохой
Он поделился ли с голодной сиротой?
Нет. В недоступном сем для бедного чертоге
Не помнил он об них; и позабыл о боге,
Который с тем ему вручил талант сребром,
Чтобы, деля его, умножил мзду — добром.
Но он на роскошь лишь менял дары богаты,
И в пепле падшие их погребли палаты.
Зри в слабых сих чертах развратные сердца
И справедливым чти над ними суд творца.
Не в граде сем одном развраты коренились —
Нет, нет, во все концы России расселились.
И от источника пролившееся зло
Ручьями быстрыми повсюду потекло.
Как в сердце остроты недужные скопленны
Влияньем пагубным все заражают члены,
Повсюду и порок и слабости равны;
И души и умы равно отравлены;
Забыты доблести и предков строги нравы;
Алканье истинной отечественной славы;
Похвальны образцы наследственных доброт —
В презрение, в посмех уж ставит поздний род.
Мудрейший меж царей, потомок Филарета,
Сей выслод из умов и удивленье света,
Невинно ввел меж вас толь пагубный разврат;
Целебный сок по нем преобратился в яд.
Российски просветить умы желая темны,
Переселял он к вам науки чужеземны;
Но слепо чтившие пути бессмертных дел,
Презрев разборчивость благоискусных пчел,
Широкие врата новизнам отворили
И чуждой роскошью все царство отравили.
Вельможи по ее злопагубным следам,
Смесясь с языками, навыкли их делам
И, язвой заразя тлетворную столицу,
Как мулы, впрягли<ся> под чужду колесницу,
На выи вздев свои прельщающий ярем.
За то карает бог Москву чужим бичом.
Но ободрись! Господь сей казнью укротился

И в гневе не в конец на вас ожесточился.
Восстань, и отложа тебя объявший страх,
Мой сын! судьбу врагов читай на небесах!»
Тогда, подняв меня он сильною рукою,
На ноги трепетны поставил пред собою.
Едва смущенный взор я к облакам возвел,
Внезапу дивное явление узрел.
Носимый облаком на юге
В златом пернатом шишаке,
В чешуйной сребряной кольчуге,
В блистающим мечом в руке,
Мне некий витязь представлялся.
Свирепым вид его казался.
Ярчее молнии лучей
Сверкало пламя из очей.
Налегши тягостию тела
На черну тучу, он летел.
Пред ним вдруг буря заревела,
Сгущенный вихрем снег белел.
Вдали его предупреждали
Два призрака, из них один
Как некий зрелся исполин,
Змеи в руках его зияли,
Взор грозный наносил всем страх.
Другий же бледностью в чертах
Страдальца вид казал смягченна,
Болезнью, гладом изнуренна.
Они сокрылись в мрак густой.
Там слышались победны клики,
Сражающейся рати крики,
И томный раздавался вой.
«Ты зришь, мне с кротостью вещало привиденье,
России торжество, врагов ее паденье.
Но щит отечества, его военный дух —
Пожарский, ревностный сотрудник мой и друг,
Летит вслед извергов, оставивших столицу.
Он мстительну на них уже вознес десницу.
Пред ним свирепый мраз, страх бледный, тощий глад
На истребление враждебных сил спешат.
Уж в бегстве гибельном, их лютостью томимый
И гневом божиим невидимо гонимый,
Неистовый гордец, забыв позор и стыд,
Окровавленной им дорогой вспять бежит;
На каждом он шагу народну месть встречает.
Рать сильна рать его толпами низлагает,

И кровью буйного упьется русский меч,
От острия его не может он утечь.
Тогда в свою чреду сей мира нарушитель,
Сей бич вселенныя, Москвы опустошитель
Покажет царствам всем, простерт у наших ног,
Сколь в гневе праведном велик Российский бог.
Сколь истинен в судах над нами справедливых
Отец раскаянных, каратель злочестивых».
Так рек, и пастырска надвершием жезла
Коснувшись моего пристрашного чела,
Исчез. Внезапу гром по небу прокатился.
Объятый трепетом, от сна я пробудился
И Гермогена в сем видении познал.
Надеждой скорбному он сердцу отдых дал.
Утих бурливый ветр; луна над мной блистала,
В дрожащих Псла струях себя изображала.
Восхитилася мысль и вспламенился дух,
Казалось, старца речь еще разила слух,
Еще по воздуху слова его носились.
Неволею тогда уста мои открылись;
Воображением я в будущем парил
И в полноте души с восторгом возопил:

Дерзайте, Россы! гнет печали
С унылых свергните сердец;
Враги пред нами в бегстве пали,
Победный нам отдав венец.
Рассыпаны строптивых силы!
Воззрите на сии могилы,
Устлавшие бегущих след;
На обагренны кровью реки,
Над ними поздни узрят веки
Трофей наш мщенья и побед!
Неправды спеющих дорогой,
Творец нас гневом посетил,
Но бич — орудье казни строгой,
Над нашей выей сокрушил.
На суд ли вышнего возропщем?
Никак! Но в умиленьи общем
Благодаренье воздадим
За милосердную пощаду!
Что яростному не дал аду
Нас зевом поглотить своим.
Теперь, несчастьем наученны,

Отвергнем иноземный яд,
Да злы беседы отравленны
Благих обычаев не тлят;
И на стезю склоняся праву,
Лишь в доблести прямую славу,
Существенну поставим честь!
Престанем чуждым ослепленьям,
Развратам и предупрежденьям
Подобострастно дани несть.
Отечество ждет нашей дани;
Притоптаны врагом поля;
Прострем к убогой братьи длани,
Избыток с нею наш деля;
Взнесем верхи церквей сожженных,
Да алтарей опустошенных
С весной не порастит трава;
Пожаров след да истребится,
И, аки феникс, возродится
Из пепла своего Москва!

АННЕ АНДРЕЕВНЕ КУМБУРЛЕЕВОЙ

1 Красотою наделила
Щедро мать любви тебя;
Чтоб утехи ты вкусила,
Быв любима и любя.

2 Нежного дала супруга,
Граций двух, отрад залог;
И среди любезна круга
Полна изобилья рог.

3 Счастие, к тебе ласкаясь,
Блеск отличий шлет драгих,
Чтоб ты, ими украшаясь,
Красила собою их.

4 В сей твоей завидной части,
Презря гордости мечту,
Ты, рассудка внемля власти,
Скромности хранишь черту.

5 Доблести стезей простою
Не преткнувшися идешь

И душевной добротою
Всех сердца к себе влечешь.

6 Что ж еще желать осталось?
Ах, боюсь тебе сказать:
Но мне грустно б показалось,
Если б перестал желать.

ОДА НА ВСЕРАДОСТНОЕ ИЗВЕСТИЕ О ПОКОРЕНИИ ПАРИЖА

1 Раздался гром из жерл медяных,
По стогнам льется шумный клик:
«Велик наш царь меж глав венчанных!
Победа! — Русский бог велик!
Возвысил рог он нашей славы;
Потрясшей целый мир державы
Сломил кичливый, дерзкий рог.
Победа! — Александр десницу
Вознес, — и Галлов зрит столицу,
Простерту, как рабу, у ног».

2 О радость! о восторг сердечный!
И слава нашему царю!
Титана в стыд облек он вечный,
Последню тмит его зарю.
Кого страшилася вселенна,
С престола, буйством вознесенна,
Низверг он, — изверга, — стремглав;
Крамолу поразил строптиву
И мирную вознес оливу
К спасенью всех земных держав.

3 Средь страха и среди сомненья
Пав к александровым стопам,
Ждала столица Галлов мщенья
За бедства, нанесенны нам;
Но в нем зрит милость воплощенну,
К прощенью, к жалости склоненну
Покорством пленницы своей;
Зрит руку, в бранну непогоду
От давних, тяжких уз свободу
Дарующу с пощадой ей.

4 Примера доблести толикой
Не зрел в веках протекших свет;

Великого царя — великой
Душе не лестен лавр побед;
Перуном он сразил Антея,
Но кровь и сопостат жалея,
Простер к ним милующу длань.
О, кротости всемощна сила!
Без битв она врагов пленила
И их любви приемлет дань.

5 Не для победы он кровавой,
Не для стяжанья лавров тек:
Гнушаясь громкой бранной славой,
Он на престоле — человек.
От буйств покров — его порфира:
Не хочет покорять он мира,
Но мир завоевать хотел;
Хотел, чтобы во всей вселенной,
Гордыней наглой потрясенной,
Подобно крину он процвел.

6 Орел полночный! возносися,
Ликуй, победоносный Росс!
Отцом твоим — царем гордися:
Светящий миру он колосс.
Низринуты восставит троны,
Преобратит на радость стоны,
Изгладит бедств народных след,
На путь добра привесть злодеев
Ему приятней всех трофеев
И плод достойнейший побед!

СТИХИ НА СЛУЧАЙ МИМОХОДНОГО ДОЖДЯ В САМОЕ ВРЕМЯ ОСВЯЩЕНИЯ ЗНАМЕН ДЛЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ, В ДЕНЬ ВОСПОМИНАНИЯ ЗНАМЕНИТОЙ ПОБЕДЫ ПОД КУЛЬМОМ

Когда для Кульмских храбрых воев,
Полтавы и Петра наследственных героев,
Хоругви Александр святил, —
С высот небесных сам бог сил
Святой водой их окропил.

НА НОВЫЙ БЮСТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ПОСТАВЛЕННЫЙ В ЗАЛЕ БЛАГОРОДНОГО СОБРАНИЯ, В МОСКВЕ

Кого из кесарей, дворянство, в древней тоге
Ты образ вознесло забав твоих в чертоге?
«Се Август счастием, победами Траян,
А сердцем Тит!» — ответ раздался Россиян.

РУССКИМ ВОИНАМ

1 Труба уж ратная взгремела
И Росса вновь на брань зовет:
Ура! — дерзай, дружина смела!
В знакомо поприще побед;
Дерзай — и гидру, пощаженну
Великодушною рукой,
Вновь жаждой крови воспаленну,
Под мстящей задуши пятой.

2 Готова фурия геенны
Свергать вновь троны, веру тлить;
Насилие, разбой, измены
В законно право освятить.
Дерзай, о Росс! рази кичливость,
Сломи возникший буйства рог:
Тебе подпора — справедливость,
С тобой — Европа, царь твой — бог!

3 Дерзай; — тебя приосеняет
Всевышнего отца покров;
И к сыну вера мать взывает:
«Теки против моих врагов,
Против злодейства ополчися
За родину, за божий дом
И в дом отеческ возвратися
Иль на щите, — иль со щитом».

4 Москвы воспомянув пожары,
О Росс! воспламени твой гнев,
Залей враждебной кровью ярый
Вспылавший Энкелада зев;
Возжегши стрелы громометны,
Богопротивника рази
И верх твердейшей новой Этны
Оливу вечну водрузи.

‹СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ ХОРА›

1-я часть.

Возносите Россов славу,
Вновь текущих в брань кроваву.

2-я часть.

Не страшатся вражьих сил:
Бог им сам покровом;
С славой верх небесных крыл
В подвиге сем новом
Их взнесет владыка сил.

Повторение 1-й части

Возносите Россов славу,
Вновь текущих в брань кроваву.

Трио мольное.

За отчизну кровь пролить
Россы все готовы:
Грудью божий дом покрыть,
За родимы кровы
Головы свои сложить.

Трио. Вторая часть.

Не страшатся вражьих сил:
Бог им сам покровом;
Сохранит под сенью крыл
В подвиге сем новом;

Переход.

В подвиге сем новом ...

Повторение. Трио мольное.

За отчизну кровь пролить
Россы все готовы;
Грудью божий дом покрыть;
За родимы кровы
Головы свои сложить.

Повторение окончательное 1-ой части.

Возносите Россов славу,
Вновь текущих в брань кроваву.

ПОДРАЖАНИЕ 90 ПСАЛМУ

1 В покрове вышнего живущий,
Вступя в святый его чертог,
Речет: «Врагов моих борющий,
Ты мой защитник, ты мой бог!»
Правдив глагол: господь во брани,
Взнеся к его защите длани,
Плечьми своими осенил;
Крамолы крепку сеть терзая,
Оружьем правды окружая,
Крылом его своим покрыл.

2 Душою правый не боялся
Напастей средь нощной тени;
В надежде тверд, не уклонялся
От стрел, летающих во дни;
С свирепым князем тьмы сражаясь,
Бронею веры ограждаясь,
Он гибель нес врагу сему;
Хоть тысящи ошуйю пали
И одесную тьмы лежали;
Но смерть не ближилась к нему.

3 Достойно буйству воздаянье
Своими он очами зрел;
Зане чрез твердо упованье
Прибежище в Творце обрел.
Среди кровава поля бранна
Коснуться не дерзнула рана
Бестрепетной его груди:
Всевышний, благостью водимый,
Велел, да ангелы незримы
От зол хранят его пути.

4 Вняв ангелы веленью строгу,
Подъяли на руках его,
Да не преткнет о камень ногу
Среди теченья своего.
В стезю, где смерть грозила близка,
На аспида и василиска
Он смелою пятой ступал;
Под кровом благости святыя
Геенной дышащего змия
И яростного льва попрал.

5 На бога уповал, и сильный
Его избавил и покрыл;
Восслал к творцу мольбы умильны, —
И слух к нему господь склонил;
Был в скорби с ним и не оставил;
Изъял от лютых бед, — прославил;
Простря над ним небесный щит,
Десницею вознес святою;
И дней исполня долготою,
Спасенье миру — им явит.

ПРОТИВ ЗЛАТОЛЮБИЯ

1 Державин! враг сокрытых кладов
И руд драгих в земле скупой!
Сребро не привлекает взглядов
Своим ни цветом, ни красой;
Встречает лишь одно презренье
И не завидно никому,
Умеренно употребленье
Коль блеска не придаст ему.

2 Живут, и вечно будут живы,
Пожарский, Минин, честь граждан,
Которых рвеньем враг кичливый
Из царства русского изгнан.
Они к спасению державы
И жизнь и злато в дар несли:
Их имена на крыльях славы
Промчатся до концов земли.

3 Кто алчность обуздать умеет
Несытых прихотей своих,
Тот более богатств имеет,
Чем царь индийских недр златых;
Чем новый, хищностью водимый
Атилла, если б покорил
И Волгой берега поимы,
И быстрый Таг, и тучный Нил.

4 Недугом водяным кто страждет,
В лечении не строг к себе,
Чем больше пьет, тем больше жаждет,
В противной с Танталом судьбе;
С дня на день в нем дебелость вредна

С болезнью тяжкою растет;
Пока из тела мертво-бледна
Он злых острот не изженет.

5 Пускай, кто славу счастьем числит,
Как Галлов вождь, похитит трон;
Различно мудрый с чернью мыслит:
Счастливца в нем не видит он;
И мненье, чтимое народом,
Исправя, лавр тому дает,
На кучи злата мимоходом
И оком кто не поведет.

СТАРОМУ ДРУГУ МОЕМУ АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ

Русской, друг мой! уроженец ты, хоть немного эксаметрствуешь.
Русскими тебя я виршами поздравляю с днем рождения.
В коловрате шумной жизни сей, пожелав тебе несчетно лет,
В мире доброго житья-бытья, счастий всех с семьей любезною,
Пожелаю, чтоб остался ты, русски навыки старинны чтя,
Добрым другом друга старого, друга юных, молодецких лет.
Старое вино, твердят нам все, нового вина задачнее:
Дай же руку; будь, как прежде был; а я друг тебе по смерть мою.

21 ноября 1814 года.

ГОРЕСТЬ

1 Сокрой, о солнце! луч постылой,
Тони скорей в морских волнах;
С душой сообразясь унылой,
Да тьма возляжет в сих местах.
Печалью отягченны очи
Устали уж взирать на свет:
Пускай завеса мрачной ночи
Везде пустынну тень прострет.

2 Все скрылось, — все недвижно, — мертво.
Один я во вселенной всей,
Один остался скорби жертвой
В беседе с горестью моей!
И ночь с подругой сей жестокой
Меня не может разлучить!

Она со мной, — чтоб гроб глубокой
Рукою медленной мне рыть.

3 Но стон мой по лесам раздался
И тишину поколебал;
С восставшим шумом волн смешался
И с дна морского смерть воззвал.
Пойдем; — почто влачить мученье?
К покою мне остался шаг:
Утесист брег... одно мгновенье...
И с скорбью разлучусь в волнах.

ГОРЕСТЬ РАЗЛУКИ

1 Удален от Лизы милой
В роковой разлуке сей,
Без нее в стране постылой
С горестью живу моей
И влеку в тоске унылой
Тяжко бремя скорбных дней.

2 Лиза! друг твой нежной, страстной,
Ах! почто забыт тобой?
В мрачных чувствах повсечасно
Сердце он крушит тоской.
Возвратись; — иль друг несчастной
Будет жертвой скорби злой.

3 Поздно Лизу сострраданье
К милу другу приведет;
На вопрос о нем — молчанье
Даст унылый ей ответ;
Лишь надгробно надписанье
Скажет: «мила друга нет!».

СУДЬБА

1 Пока вслед буйного ученья
Я слепо в мраке заблуждал,
Богам не часто долг почтенья
И не усердно воздавал.

2 Теперь я принужден кормою
Назад мой челн поворотить
И в путь, давно забытый мною,
Невольно со стыдом вступить.

3 Зевес, на небесах пространных
Обыкший облака сгущать,
Чтоб молнией из туч раздранных
Вселенной гнев свой возвещать;

4 Теперь, прияв перун в десницу
И в ясный вознесясь зенит,
Без туч гремящу колесницу
С летящими коньми стремит.

5 Земля трепещет, быстры реки
И Стикс, клонящий к аду бег,
Атлантские хребты далеки
И страшного Тенара брег.

6 Бог может низменность смиренну
В высоку гору превратить;
Унизя знатность напыщенну,
Что в тьме коснеет, осветить.

7 Фортуна колесом вращает
Ей свыше подчиненный свет:
Тут с треском острый верх срывает,
Где хочет, там его кладет.

СТИХИ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ САФЫ НА АНТИКЕ В ПЕРСТНЕ, НАЙДЕННОМ В ГЕРКУЛАНЕ, НА КОТОРОМ ХУДОЖНИК ВЫРЕЗАЛ ВНИЗУ ЛИРУ И ПЧЕЛКУ, В УПОДОБЛЕНИЕ СЛАДОСТИ ПЕНИЯ САФЫ НА ЛИРЕ С СЛАДОСТЬЮ МЕДА, СОБИРАЕМОГО ПЧЕЛОЮ

1 С розы собранный, с тимьяна,
Сладок, пчелка! нам твой мед:
Сафо, миртой увенчанна,
Слаще о любви поет!

2 Мило нам твое жужжанье,
Как с весной летишь ты в луг:
Лирных струн ее бряцанье
Нежит более наш слух.

3 Грации ужалить руку
В гневе свойственно тебе:

Сафо стрел любовных муку
Ощутила лишь в себе.

4 Часто лакомством манима,
В сладких тонешь ты сотах.
Сафо, ревностью гонима,
В ярых погреблась волнах.

‹ЖИЛ ЦАРЬ

Отрывок русской народной сказки, переложенной стихами›

Жил царь, и прижил он с царицей три сына и три дочери;
Две старшие, красавицы, каких и под небесью нет:
Одна из них — орлиной нос, глаза, как угль, и бровь дугой;
Другая — розов цвет с лилеей, и ряд зубов, — как бисерки;
А третья дочь — мала, смугла, с горбом, уродом родилась.
Два старши сыновья — красавцы, удалы, добры молодцы;
А последний — карло ростом, ножки в пядь, башка с котел.
Любовалася царица красотою дочерей;
Сыновьями-молодцами величался доброй царь.
Приходили с сватовством к ним юные царевичи,
Из дальних стран могучие, славные богатыри;
Насмехалися над ними гордые красой царевны;
Никого себе достойным не считали быть они;
И какой-нибудь противный в каждом видели порок:
Тот умен и храбр отлично, да невежлив, неуклюж;
Другой пригож и, мил и ловок, но зато головкой плох.
С гневом и стыдом съезжали все с двора широкого;
Опустел он многи лета без ожиданных гостей.
Царь с царицей все ласкались видеть лучших женихов;
Ждать пождать они царевнам суженых: — но ах! — уже
Протекает год за годом, а сватов как нет, так нет.
В одиночестве скучают гордые красавицы;
А добрый царь с царицею, то видячи, грустят, скорбят;
И кличем женихов скликают уже из отдаленных стран;
Бессчетно серебра и злата сулят в придано дочерям:
Драгова жемчуга, камений и всяких узорочий тьму;
Но ни один жених не едет на широкий царский двор.
Часто царь грустит с царицей; часто думу думают,
Как бы им к мужьям пристроить постарелых дочерей?
Наконец зовут на терем старших двух своих сынов:
Посылать хотят их в царства, во страны далекие,
Чтоб царевнам обыскали там достойных женихов.

‹ПЕСНИ АОНИД›

В рощице слушал я песни их: Сын Афродиты, любви бог! —
Тако воспел хор муз и по роще неслися слова их. —
В мире тебе все подвластны: все жертвы приносят тебе в дар,
Дий сам, Дий громомет, днесь сердце тебе покоряет.
Смертных отец, бог, грозным единым бровей помизаньем
Зыблющий вдруг свод неба и мир, днесь к богу любови,
Юною девой прельстясь, длань с кроткою взносит мольбою:
Милый Эрот! воспали страсть в нежной...

ПОВЕСТЬ ОБ УХОДЕ ИЗ ПЛЕНА ОДНОГО СЛАВЯНСКОГО ВОИНА

‹Отрывок›

Уж едет он дней несколько трудною дорогой;
Проезжает степи дики и пески сыпучие,
Топкие болоты, дебри, горы неприступные.
Вдруг, минувши лес, встречает наводненную реку:
Бурею на ней, как холмы, волны пóдымалися;
Берега везде подмыты разъяренною струей.
Там не видит он ни брода, ни стружка, ни лодочки,
Ни лодочки рыбачия, ни дощечки тонкой,
Коей мог бы, в лютом бедстве, жизнь несчастну вверить.
Что же делать? — Как спастися? — стал он, призадумался:
Вплавь пуститься бы? — но борзый конь не вынесет его:
Обоим в водах глубоких гибель неизбежная;
А погоня настыгает; — топот слышится вблизи!
Тут решается он: — в волю предается божию:
Тяжко вздохнувши, сходит с неусталого коня;
Закидает на блестящу гриву повод шелковый:
«Оставайся, говорит он, ты, мой добрый конь!
Исполать тебе за службу, — службу верную.
Не увидишь господина своего уж ввек:
Бурны волны поглотят его в струях своих,
Отнесут они труп мертвый в море синее!» —
Так сказавши, он в ревущу низвергается реку;
Покрывается волнами и, как кляч, на дно идет;
Там ударившись о камень, быстринею взносится;
Выныряет, как лучина, верх клубящихся валов.
Конь ретивый со крутого брега в воду мечется.
За конец густыя грывы ухватился витязь мой.
Конь плывет и крепкой грудью режет волны ярые;
Волны ярые свободный открывают путь ему;
И уже он приплывает к берегу отлогому.

НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТРАГЕДИИ «АНТИГОНА»

Любезну Антигону,
Которой прелестьми нас Озеров пленил,
Капнист, чтоб угодить Креону,
В трагедии своей — убил!

НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТРАГЕДИИ, В КОТОРОЙ СОЧИНИТЕЛЬ СЛИШКОМ ЧАСТО УПОМИНАЕТ О ПРИВРАТНЫХ ПСАХ И ВРАНАХ

Сколь горька участь Антигоны!
Давно убил ее Креон;
А к похоронам вновь Капнист со всех сторон
Накликал миллионы
И псов привратных и ворон.

ПРИМЕНЕНИЕ К ТРАГЕДИИ «АНТИГОНЕ» ИЗВЕСТНОЙ ЭПИГРАММЫ НА ПЕРЕВОД МОЛЬЕРОВОЙ КОМЕДИИ «СГАНАРЕВА»

Хотя б никто не знал из целого партера,
Кем в Антигоне нам
Представлена в урок лирическим певцам
Одна холодная, трагическа химера,
То б общий и согласный свист
Всем доказал, что то Капнист.

ВСТРЕЧНЫЕ МЫСЛИ

1

Не должно ль показаться чудно,
Что на Руси метать без мотовил не трудно?

2

Все в виде колеса,
Земля и небеса.
Кружатся;
Чему же многие дивятся,
Что на миру земном
Кой-что становится верх дном?

3

Знал благодетелей на свете я довольно,
Но благодарных им не мог я много счесть;

Подумаешь, так сердцу больно:
И тут, знать, легче класть, чем несть!

4

Пред большими не унижайся,
А с меньшими равняйся;
Дай бедному взаймы, подчас и богачу;
То будешь всем ты по плечу.

5

Детям

Войдешь ли в дом чужой, ласкай ребят, старух,
То будешь всем и мил и друг.

6

Скупец прямой домашний вор:
На крюк заперши дом и двор,
Когда наседкою при сундуке ни сядет,
Из-под себя яичко крадет.

7

Кто ест для сытости, — недолго будет сыт,
Скорее отощает,
Чем тот, что пищею лишь голод утоляет:
Скупец всю жизнь казну копит,
А все копить желает!

8

Когда добро взаймы даешь,
Процентов даже не сберешь.

9

Вельможа! ведай, что не тот
Лишь благороден впрямь, кто рожден
дворянином;
Ведь благороден всяк, кто только не урод;
Благой душой, — благий ты докажи свой род:
Иной бесчинен — с знатным чином.

10

Из бед всех роскошь нам лютейшая беда:
На лучшей лошади ездку нужна узда,
Чтоб как он хочет, так ходила.
От роскоши слабеет сила
И крепнет от труда.

11

Чтоб всех на мысль твою привлечь,
Старайся рассуждать, но не противуречь.

12

Бесчувственны сердца чувствительность возносят;
Но пусть о ней, увы! ее страдальцев спросят;
Иным своя лишь скорбь, как громовой удар:
Кручина обо всех — чувствительности дар.

13

Любви ты страстной берегись:
Желая греться — не сожгись.

14

Вода была где, там и будет;
А кто любовь забыл, уже навек забудет.

15

Ревнивая любовь — болезнь неизлечима:
Любимого душой
Душа терзается любима;
И в счастии — прости покой!

16

Когда лишь не блажна,
То лучший друг жена.

17

С богатой вступишь в брак женой,
Наденешь цепь златую;
С убогою — любовь зимой
Согреешь ли нагую? —
Но добрую возьми, с ней скудно <нрзб> клад,
И будешь счастием богат.

18

Семейства добра мать
Хоть Анной назовись, — прямая благодать.

19

С добрейшею женой
Не льстися не иметь досады никакой:
Хоть угождать себе всяк и готов и волен,
Но часто сам собой бываешь недоволен.

20

Ты под ручной заклад
Ссужаешь, милый сват!
Друзей твоих деньгами:
Возьми жену мою, а дай мне сто рублей.
Я в срок, как водится меж добрыми друзьями,
Тебе их заплачу, ей, ей;
И неустойкой ты меня не опорочишь. —
Нет, братец! — отвечает друг: —
Ну! Если да просрочишь,
Как сбыть ручной заклад твой с рук?

21

Пред дверью гробовой зачем дрожишь, пришлец?
Все в мире кругло, как венец;
Ступай же, не страшись нимало:
Творец
всему начало,
С началом съединен конец.

22

Вот, дети!, вам отец в наследье оставляет,
Что он из опыта с трудом почерпнуть мог.
Не все тут сведенья вам нужны сообщает
К познанью жизни сей излучистых дорог;
Не все он истощил советы,
Как злые отразить наветы;
Не показал всего здесь в зеркале сует,
Чтоб преждевременно не опостыл вам свет.

23

Да будет ко всему, о дети!
Началом воля вам творца!
Да не препнут вас вражьи сети
Вестися ею до конца!
Вот заповедь моя; ее храните вечно;
Вы тем исполните желание сердечно
И друга вашего и нежного отца.

24

Всяк любит искренность; всяк говорит: будь прям:
А скажешь правду — по зубам.
Что ж делать? — Возносить моленье:
О боже! положи устам моим храненье!

25

Союз сердец, в любви до исступленья страстный,
Бывает в браке пренесчастный;
Супругов видел я таких:
Казалося, восторг им был стихией сладкой,
Но пламенна горячка их
Окончилася — лихорадкой.

26

Помажь колеса — не скрыпят:
Заткни рот судьям — не съедят.

27

Лей в лейку — проливает.
Дай моту — промотает.

28

Дай другу: а взаймы когда его ссужаешь,
На должника меняешь.

29

Коль любишь ты детей сирот, живи вдовцом:
Всеобщим трудно быть отцом.

30

Детей своих отец
Пусть любит так, лелеет,
Как тварь свою творец;
Но пусть и тут он <не> жалеет,
Что дети своего отца
Так любят лишь, как тварь творца.

31

Работа чтоб твоя во всех частях успела,
Не делай никогда ты вполовину дела.

32

Орел,
презрев долину,
взлетел
ты на вершину.
Смотри, глядят со всех сторон;
Далековидимым для всех ты стал предметом;
Пари же, но твоим полетом
Не насмеши ворон.

33

Любви вкушал кто услажденья,
А не сносил мученья,
Восторга тот еще ее не ощутил
Иль вовсе не любил.

34

В любви разлука —
Любить наука.

35

Чтоб быть ученым, пропотел
Иной охотой долго в школе:
Как врач мольеров Сганарел,
Я стал ученым — поневоле.

36

Любились Федька с Феклой
Так жарко, как никто друг друга не любил;
Женились; год прошел: — «Поп врет, не в аде пекло», —
Наш Федька всем твердил.

37

Чем чорт не шутит? — Дама там
По райским золотым ключам
К святым отцам
‹Пришлася›.
Другая, Феникс из старух,
Новейших Академий двух
Тут президентом нареклася;
Жан Дарк фельдмаршалом была
И на престол царя взвела;
Там царство женское, победами их громки,
Установили амазонки;
А сколько было в свете жен,
На мужниных сидевших тронах!
Так чудно ль, что женой Клим в юбку наряжен.
А климиха в его гуляет панталонах?

38

Несносней гордеца творенья в свете нет;
Павлин прямой его портрет: —
Высокий рост, на лбу уборная Эгрета.

Златосапфирна грудь, хребет
От солнечных лучей, пременчивого цвета
Блистающий убор,
И радужный хвоста пленит тебя узор;
Но загляни, откуда
Выходят перья те, кругами изумруда,
Отливом яхонта прельщающие взор?
Послушай, как певец хрыпучий,
На грубый лад скрипучий,
Воронью арию поет;
И скажешь: — гордеца несносней твари нет.

39

Пороков строгою ты казнью не исправишь;
Надзором их убавишь.
Но легче во сто раз
Сыскать хорошую дубину,
Французску даже гильотину,
Чем пару беспристрастных глаз.

40

Пороки нравственность лишь может уменьшить;
Но нравов простоту как трудно возвратить.

41

Порокам лучшая узда
Есть ада страх и страх стыда.

42

Наука хороша;
Но мнимо просвещенье,
Безверье, алчность барыша,
В стесненных городах умов излишне тренье,
Чувствительности утонченье
И роскошь наконец — вот сущий нравов яд;
И казни строгие его не истребят!

43

Когда кто нравственность желает
В народе развращенном ввесть,
Тот верой совесть исправляет,
Стыдом казнь строгу заменяет,
Отличьем вышним ставит честь.

44

Зачем, как доблестям, порокам по заслуге
Отличья знаков не дают?
Отрешенный судья, разжалованный плут,
Признанный ябедник, все даже в знатном круге,
Когда звездами не блестят,
Инкогнито хранят,
Ничем от сограждан не отличаясь честных,
Но им присвоенный наряд
Полезней был бы во сто крат
Отличий разнокрестных:
Людей не столько почесть льстит,
Как явный срам страшит.

45

Зачем для мотов, наглецов,
Для лихоимцов и лжецов,
Для многомужних, многоженных
Не сшить отличными эмблемами снабженных
Иль шапок, иль чепцов?

46

Мне не дали креста; его не заслужил, —
Достойный говорил.
«Так, хорошо; а нам зачем же отказали?» —
Незаслужившие кричали.

47

Досадно, у меня по сию пору Анна
На шее не висит, —
Один старик ворчит.
Твоя печаль мне странна,
Я истинно дивлюсь, —
Молодчик отвечал. — На шею сами Анны,
И бриллиянтами убранны,
Повисли мне: от них ей, ей не отобьюсь!

48

Зачем в России нет судей,
Хотя сословия их сами избирают?
Затем, что долг секретарей
Они лишь исправляют.

49

Зачем же нету в ней
И предводителей дворянства,

Тож избираемых собратией своей?
Затем, что служат хоть из чванства,
Но часто из одних кичливых прихотей.
Чиновник наставляет
Им голову промеж мечей;
Предводят же таких людей,
Которых он не заставляет
Водить волов иль лошадей.

50

Хотя злословят часто власть
И правды угнетенье
На счет ее привыкли класть,
Но я по совести дать должен увереньe,
Что с правдою нагой
Одолевал всегда я сильных ополченье,
Идя стезей прямой.

51

Свободным всяк
быть хочет,
и так
и сяк
хлопочет,
Чтоб лишь не на цепи ходить
И не носить колоды;
А своеволья от свободы
Едва ль кто может отличить.

52

К свободе Русь не подросла:
Не гни холодного стекла.

53

Все подати теперь уравнивать хотят;
А службой дорогой дворян не дорожат.

54

Купец для своего лишь барыша живет;
И завсегда твердит, что деньги любят счет;
А дворянин прямой для общих польз из рвенья
И жизни не щадит, не только что именья.
Так оба сходную и подать могут взнесть.
Отечеству служить велит дворянам честь:

Наука, воспитанье
И чувств образованье
Предназначаемых детей
К толь важной службе сей,
При скудных оные окладах и ничтожных,
Издержек требуют едва ли всем возможных.
Так должно ли еще их податьми стеснять,
К промышленности дух высокий унижать?

55

Чем больше податей у нас казна сбирает,
Тем более свои расходы умножает.

56

Все злато и сребро повывели бумажки,
Осталась медь одна: побереги ее
И к вывозу жидам не подавай поблажки
На дневно прожитье.
Набей нам чугуну, медь выменяй на злато
И береги, пока клад покопишь богатой.
Тогда бумажки все сбери,
В кусочки подери
И все сожги, как злое зелье,
И, сплавя весь чугун на нужное изделье,
Сребро, и <золото>, и медь за них отдай;
А денег тряпочных вперед не затевай.

57

Вот трудный оборот! — ты скажешь мне, — не чудно;
Но камень, брошенный в реку, ведь вынять трудно.

58

Британец — царь, купец; и царь он самовластный;
Купец наш раб его безгласный;
И лондонский пострел
Рублевик тряпочный унизил, как хотел.
Что делать с сим пострелом?
Займись умелым делом:
Старайся роскошь истребить,
Чтоб в рабстве у купцов не жить.

59

Сенные двери на Руси,
На старый образец, ты сверху покоси,

Чтоб затворялись сами,
Устанешь притворять руками.

60

Разлука с ближними, с семьей
Хоть несказанно мучит,
Но познавать нас учит
Жен верных и друзей.

61

Разбойника, что жизнь свою
В сем часто ремесле и смерти подвергает,
Закон кнутом карает;
Да чем же будем сечь разбойника — судью?

СЛУЧАЙНЫЕ МЫСЛИ

Из опыта жизни

1

Добром
или умом
Ты хочешь отличаться?
Готовься с завистью сражаться:
По гроб она тебя не перестанет гнать;
За гробом — будет прославлять.

2

Слепые люди называют
Случай слепым;
Того не знают,
Что он от бога послан им,
или для искушений;
Чтоб, видя плод сердец движений,
Себя судили по делам;
Или же для благотворений,
Которые внушая нам,
Содействует в них сам.

3

Философ

«Творец, создавши свет,
С тех пор все отдыхает,

И с тех пор в свете все само собой идет», —
Философ не один так мудро рассуждает!
Как видит, так и толк дает:
а сам, посеяв семя,
Плода в известно время
Ждет!
Что, если б червяки нас понимать умели?
И если б червяку сказал я: — «Червячок!
Чрез две иль три недели
Ты будешь мотылек;
вот, так сказать, без перьев птичка.
Теперь ты чуть ползешь,
листочки лишь грызешь,
но скоро ты уснешь,
потом, как из яичка,
Из кожи ты своей вдруг вылезешь, вспорхнешь,
И новой жизнью заживешь».
На это что в ответ мне б червячок сказал? —
«Когда б философ был... то б что? — захохотал».

4

Коль сделаешь добро, не смей желать признаться:
знай, бог
тебе помог;
ты не украл лишь подаянья.
Но сделав зло,
Добром воздать старайся;
не то — так опасайся,
Чтоб за тобой не побрело,
что от диявола пришло.

5

Людей я видел много,
что гнев судьбины строгой
легко сносить могли;
а счастья не снесли!

6

Коль глупость сделаешь, советую признаться;
Но чтобы кой-как оправдаться,
Не говори: — Я думал... всяк
подумает, что ты — не наобум дурак.

7

Одним языком нас владыка,
Двумя ушами одарил;

«Зачем?» — Догадка невелика:
Чтоб больше слушал ты, а меньше говорил.

8

Сказавши глупость, бойся речь
пресечь;
Чтоб самому себе напрасно не осетить,
Но остроумие ее старайся длить:
Чтоб не заметил тот, кто мог бы не заметить;
Заметивший чтоб мог забыть.

9

Не нужны сильному похвалки;
Не говоря: — Побью, — ведь два конца у палки.

10

И слабый враг
спихнет в овраг;
А сколько надобно иметь друзей в ту пору,
Чтобы подняться в гору!

11

Немного надо, чтоб прожить;
Но много — чтобы жизнь сносить!

12

Влас умер с голода, Карп с роскоши скончался;
Поп долго не решался,
Над кем из них поставить крест,
Над кем — вязовый шест?

13

Нужнее ничего нет золота на свете, —
Скупые говорят.
Я им поверить рад,
Смотрю, как стражами при золотой монете
проводят ночи, дни,
во всем нуждаются они.

14

Не тот богат,
кто клад
все больше накопляет;
Но тот, кто больше не желает.

15

Когда ни загляну в мирской я маскерад,
Святошин кажется мне всех страшней наряд.

16

Коль сшутит умной — улыбнися;
Дурак — хоть со смеха валися:
Он будет рад и не смекнет,
Кто смеха твоего предмет.

17

Зачем собака эта лает,
Как вздумает кусать? —
Ее природа научает
Прохожего остерегать.
А ты, когда Зоил ругает,
Не осердись: — тебя он лишь остерегает.

18

Встань позади;
Что ж, нужды нет:
Быть может выведут вперед;
А что, как встанешь впереди,
Да вдруг поставят позади?

19

Проси, где можешь приказать:
Не нужно будет повторять.

20

Черпай, да не перечерпай:
Нальет хозяин через край.

21

Насмейся остро над собой,
Никто не осердится;
И враг, боясь иной
Шутить тупее над собой,
От шутки удержится.

22

От женщин, как на свете жить,
Старайся научиться:
Никто, — могу в том поручиться. —
Не может лучше проучить.

23

Терпеж зовут ослиным свойством:
Так слабость надо звать геройством? —
Но разница в терпеньях есть:
Тот терпит все; герой привык с терпеньем несть,
Что нужда, долг велит и честь.

24

За правду с сильными сражаться
Решится каждый правды друг;
Пред ними, как падут, — смиряться
Великий только может дух.

25

Нерона юного портрет
Чрез несколько лишь лет
Испортился и изменился:
Сократов неизменен лик! —
«Чему ж ты удивился?
Одно, мой друг! пастель, другое — мозаик».

26

Иной как дело закутит,
   То уж его вертит
И сзади, спереди, с того, с другого боку;
   И так перемудрит,
Что век не попадает в строку:
   Скорее наугад
   Строчил бы он впопад.

27

«Одно грабеж и воровство,
   другое плутовство;
Совсем иное взятки, —
   Подъячий говорит. —
Конечно, разные ухватки
Дают различный делу вид».

28

Каких-то двух секретарей,
   Что вместе проживали,
Еще искуснейши воришки обокрали;
Кричат секретари: — эй! эй!

Полиция! сюда; скорей:
Вот нас обворовали.
Два челобитчика, чтоб прислужиться им,
Вопили голосом одним:
Эй! эй! сюда; нас обокрали.
На их ужасный крик
Сбежалось множество народа; и втупик
все стали:
Кто обокрадены, и воры кто? — не знали.
Но наугад, секретарей
Схватя, ведут перед судей;
Приведши, дело рассказали. —
«А судьи что
на то?» —
Взглянулись,
Улыбнулись;
Потом
о деле том
Почтенный председатель,
Секретарей образователь,
Приказ колодникам сим дал
Составить и скрепить журнал.

29

Святоше кто поверит?
Он и с богами лицемерит.

30

По малому судить
О большем берегися:
Подымешь пальцем пуд; пяти, хоть надорвися,
Пятью нельзя пошевелить.

31

Покажется иному чудно,
Как станешь уверять,
Что на Руси мотать
Хоть не всегда легко, но никогда не трудно.

32

Что ни начнет, во всем
Коль нечестивый спеет,
Без зависти — жалей о нем:
Уж бог забыл его, — и к пагубе он зреет.

33

Тот, кто подслушивать привык,
Всем перешепчет все, что слышал меж друзьями:
С короткими ушами
Бывает длинный сплошь язык.

34

Есть недоверчивых премного,
Но легковерней их людей на свете нет:
Бракуют очень строго,
А как до выбора дойдет,
В доверенные плут наверно попадет;
Один душою завладеет,
Потом продаст за что успеет.

35

Опасны шайки меж людей:
Взаимную друг другу
Чтоб оказать услугу,
Живут большою сплошь семьей
Иль глупости или пороки;
Но доблести всегда бывают одиноки.

36

Сноси друзей, какие есть:
Прямых и двух в веку не счесть.

37

Где меньше нужно службы,
Там больше светской дружбы.

38

Миряся с ябедою, ты
Хоть несколько и разоришься,
Но вдвое тем обогатишься:
Бездонны ведь суды.

39

Когда рабом не хочешь быть,
Спеши от роскоши уйтить.

40

Ты стар, чахоткою хвораешь;
А деньги все еще сбираешь:
Пора же, чтоб не растерять,
Велеть уж их в твой гроб складать.

41

Все хвалят просвещенье;
Спроси их: — «Что оно такое?» — Редко кто
Умеет дать ответ на то;
Иль скажет: — «Знание, ученье». —
Так; — это ложно мненье,
К несчастью, всеми принято:
Но, люди добрые! иль вы забыли древо,
Ощипанное Евой?

42

Увы! несчастлив вовсе ты,
Когда не льстят уж и мечты!

43

О многословии в молитве не пекися;
Душей лишь умилися:
Услышит бог
И вздох.

Клит все печатает — и все, как мыслит, кстати;
А не увидит век того,
Что лишь невежества его
Печать выходит из печати.

При переводе с чужих языков должно
Нам поступать всегда с разбором, осторожно,
Чтоб тут не вышел вздор и галиматия;
Ведь о слепом сказать лишь можно,
Что ищет он руки ея.

---

1 Мы чем богаты, рады тем вам.
Осень холодна — гибель цветам.
Мы от мороза прятали их,
Чтоб нам гостей чем встретить драгих.

2 Вы их приймите в дар небольшой,
Вам принесенны с доброй душой.
Сделайте честь вы нашим дарам:
Мы чем богаты, рады тем вам.

Нередко от блинков, что вы уж мне пекли,
Ей, ей, я чуть не подавился;
Но все еще не проучился;

И хоть боюсь, чтоб не прошли
Мне даром новые блиночки,
Но быть так, без отсрочки
Еще на них пущусь;
Когда ж и сей раз подавлюсь,
То более блинков не буду есть на свете,
За душу же мою вы будете в ответе.

‹ПРИДАНОЕ›

На гладкокожей и румяной
Деньгами и вещьми большое взяв придано,
Пахом
Женился,
Потом чрез месяц в путь пустился.
Меж тем вдруг оспа к ней пришла,
И так уж не поберегла,
Что исцарапала всю кожу
И сделала ее на решето похожу.
Пахом,
С дороги воротяся в дом,
В жене чужую видя рожу,
Ее не познает.
С насмешкой тут к нему приятели пристали
И с харей развестись совет
Усердно предлагали.
Нет, он им отвечал, любезные друзья!
Хоть у жены, не спорю я,
Испортилось лицо и кое-где погнуто,
Однак от оспы лютой
Ведь не испортилась вся движимость ея.

Друга нового ищи;
Старого не просвищи.

Покоем у славян иль сном
Кончину смертных почитали;
Покойником они в наречии простом,
Или усопшими умерших называли.
Так усомниться нам не можно ни на миг,
Что жизнь бессмертную они в виду имели
И отдыху в гробах или пробудку их
Хоть безызвестный срок предполагать уж смели.

МЕЧТА

1 Мечта, последний луч отрад!
И ты мне изменяешь!
И ты уж твой прелестный взгляд
От скорби отвращаешь!

2 Люблю; — и искренно любя,
Взаимностью ласкался;
И счастья призраком себя
Я обольщать старался.

3 Но ты уносишь призрак сей
В страну пустынну, дальну,
Оставя в горести моей
Лишь истину печальну,

4 Лишь истину, — что за любовь
Холодность мне заплата;
И что не должен ждать я вновь
Счастливых дней возврата.

5 Увы! — почто же скорби злой
Влачить часы постылы,
Когда осталися со мной
Лишь горести унылы!

6 В душе той гроба пустота
Уж мрак свой расстилает,
Котору даже и мечта
На миг не обольщает.

---

1 Для душ чувствительных, любящих
Сей день приятнее тех дней,
Что в свет победами гремящих
Родили витязей, царей.
Чтоб сплесть венец им пышной славы,
В пределах мира меч кровавый
Нередко лавры обагрил.
Сей день рожденье зрел доброты
. . . .
И дух небесный воплотил.

2 О ты, что сердцем и душою
Союз со правотой сплела
И добродетели стезею
Всю жизнь не преткновенно шла!

Вкушай сладчайшую награду:
Спокойной совести отраду.
Твой век не в суете исчез:
С любовью ты спрягала
И проливать не заставляла
Окроме благодарных слез.

3 Случай встречая коловратный
С слепой покорностью судьбе,
Находишь отдых в нем отрадный:
Все счастие твое в тебе.
Хоть солнце туча заслоняет,
Но луч его равно блистает,
Не ото всех очей он скрыт
И в западном хоть тонет море,
На праге врат восточных вскоре
Еще светлее возблестит.

Жду тебя, но если здесь напрасной
Мечтою льщусь, надежду всю губя,
То в той стране, где для любови страстной
Разлуки нет, — мой друг! Я жду тебя.

---

1 Мне сказали: жизни радость
Можно лишь в любви сыскать;
Что ее восторгов сладость
Ни сказать, ни описать.
Сей любви, что все хвалили,
В дар я сердце принесла:
Но увы! где рай сулили,
Там я лютый ад нашла.

2 Красотой моей плененный,
Век божась меня любить,
С клятвами сплетал измены,
Чтоб несчастну обольстить.
Я поверила; — не можно
Усомниться мне было:
В нем, казалося, неложно
Сердце клятву изрекло.

3 Но увы! к каким страданьям
Сей привел меня обет!
Не было конца терзаньям;
Изъяснить их слова нет.

Горесть сердце раздирала,
Скорбью угнетался дух;
Смерть я в помощь призывала...
Но пришел на помощь друг.

4 Дружество! признаньем вечным
Буду я тебе должна:
Состраданием сердечным
Скорбь моя облегчена.
В дар тебе теперь клянуся
Жизнь и чувства посвятить.
Нет; — уж больше не влюблюся,
Друга буду лишь любить.

ПОСЛАНИЕ К ПРЕКРАСНОЙ

Возможно ли? средь шумна круга,
Где Музы, Грации, Эрот,
Где рой потешных лишь забот
И вся веселости прислуга,
Вокруг красавиц, в хоровод
Тесняся торопко, друг друга
Толкают, упреждают, жмут
И об отлучных ‹и досуга›
Минутно вспомнить не дают;
Возможно ль, повторю я, статься,
Чтоб в край пустой издалека
Успели мыслью вы промчаться
Для стихотворца-старика?
Нет, этому нельзя поверить!
Чтоб хоть мечтой меня польстить,
Решилась дружба лицемерить
И скорбну истину прикрыть
Обмана милою личиной...
Загнанным строгою судьбиной
В страну далеку от драгих,
Чтоб в памяти воскреснуть их,
Одна надежда остается:
Что сердцу сердце отзовется!..
Но кстати ль мне о том мечтать.
И сей взаимностью отрадной,
Сколь сердце оною ни жадно,
Старик — могу ль себя ласкать?..
Что ж делать, чтобы в пень не стать?
К старинному со мной союзу
Решился б пригласить опять

Сговорчивую прежде Музу;
Но Муза не придет на зов
Уж поседелого пиита, —
Пиит хоть тот же волокита
И пламенный из стариков, —
Со всем тем, средства нет другова:
И так, собравшись в трудный путь,
По топтанной тропинке, снова
Отважусь стариной тряхнуть,
У Музы попрошу покрова,
Чтоб в вашей памяти мелькнуть.

1816 года
января 23 дня
Обуховка.

ОДА НА ПИИТИЧЕСКУЮ ЛЕСТЬ

1 Велик, в позднейши прейдет роды
Любимый Музами пиит,
Что чувства, мысль, красу природы
В стихах своих животворит;
Но больший тот, чья звонка лира,
Изобличая злобу мира,
Гремит лишь правдой в слух царей:
Гордыня гласу внять страшится,
И ей прислужна лесть стыдится
Личины гнусныя своей.

2 Внемлите, свыше вдохновенный
Как царь-пиит к царям зовет:
«Почто ко истине заткненны
Отверзли уши для клевет?
Не соблюдя закона свято,
Мздоимное почто вы злато
Кладете на весы судов?
Почто, средь мира сея брани
И отягчая бремя дани,
Пиете пот и кровь рабов?

3 Я видел, — в славе нечестивый
Взносился, как ливанский кедр,
Что к небу высит верх кичливый,
До адских вкореняся недр;
Прошел я, — и его не стало,
Взыскал, — и место то пропало,
Где буйства возвышался рог.

Цари надменны! трепещите;
Что смертны вы, воспомяните:
Противится гордыне бог».

4 Так царь-пророк земным владыкам
Священнейший их долг твердил
И раболепной лести кликам
И лжехвалам внимать претил.
Занятий сельских назидатель,
Омира скромный состязатель,
Бессмертный Гезиод царям
Так пел отважны поученья;
И яростью небесна мщенья
Грозил взносящимся главам.

5 Не столь мечом, как громом лиры
Алкей тиранов устрашал;
Всевластия потряс кумиры
И жертвою свободы пал.
Скрижали древнего закона
Резцом священным Аполлона
Начертаны для ахеан.
На лире, Музой оструненной,
Солоны песнью вдохновенной
Вдыхали доблести в граждан.

6 И Флакк, изоблича пороки,
Расслабившие сильный Рим,
Пел смело резкие уроки
Соотчественникам своим.
Но, о преврат! — любимец Феба
Унизил дар бесценный неба,
Хваля распутные сердца;
И в знаменитом сем пиите
Ползущего в большом синклите
Мы зрим Октавова льстеца!

7 О стыд! и злобу что исправит,
Священный коль язык богов
Коварство, месть, убийцу славит
И человечества врагов?
Кем доблесть воспоется строга,
Могущество и благость бога,
Богоподобные цари,
Коль глас поэзии священной

Торжественно велит вселенной
Воздвигнуть буйству олтари?

8 Безмездным рвением водимый,
Кто цепь расторг родимых стран;
Отвергши прелесть диядимы,
На степень стал простых граждан;
И под убогий кров наследный
Венцы, трофеи скрыл победны,
Хвалой не посрамится ль лир,
Которыми разбой, крамола
Иль хищник царского престола
Преобращается в кумир?

9 Достойны ль петь они владыку,
Что сам из мрака лишь исшел,
Вдруг область просветивши дику,
На сферу славных царств возвел;
Как из земли, вновь войски ставил;
Как из-под вод — вдруг флоты плавил
В Белт, в Касп и в льдистые моря;
В ком, новым чудом изумленна,
В герое видела вселенна
Слугу державы и царя?

10 Бессмертие дарует слава
И к подвигам благим стремит;
Но лесть в устах ее отрава,
Что доблесть в семенах мертвит:
Возмогут ли на труд великий
Хвалебные подвигнуть клики,
Лавровый нас польстить венок,
Когда весь мир тому свидетель,
Что им, равно как добродетель.
Приосеняется порок?

11 Да гнев небес запечатлеет
Те ядом дышущи уста,
Которые отверзть посмеет
Коварна лесть иль подла мзда!
Да громом раздробится лира,
Что в честь кичащегось кумира
Хвалебны гимны возгремит!
И да познают все владыки,
Что те лишь их дела велики,
Хвале которых правда щит!

НА КОНЧИНУ ГАВРИИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА

Державин умер! .. слух идет;
И все молве сей доверяют,
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают.

18 августа 1816 г.
Обуховка.

ОДА НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА

Вовеки лирой будет славен
Анакреон и Флакк и Пиндар наш —
Державин.

1 «Уж нет его!» — в унылом стоне
Печальных муз мне слышен глас:
«Уж нет его! — на Геликоне
Российский светлый фар погас!
Певец любви, победы, бога
Чрез праг Плутонова чертога
В подземный Элизей грядет.
На круге звездного эфира
Затмилася небесна лира:
И, ах! Державина уж нет!»

2 Что слышу я? о весть жестока!
Удар сей душу мне пронзил;
И гнев непримирима рока
Вновь чашу зол над мной излил:
Вновь верного лишает друга.
Там плачет нежная супруга,
Толпа тут бедных и сирот.
Неумолимая судьбина
Отъемлет у России — сына
У мира — образец доброт.

3 О скорбь! — и скорби безотрадной
Мы в горьких не смягчим слезах:
Рыдаем, — а в могиле хладной
Бессмертного уж тлеет прах;
Уста, что гимнами гремели,
И сердце, в коем пламенели
Любовь к добру, — ко злобе гнев,
Уже холодный червь снедает.
Увы! все в мире поглощает
Ненасытимый смерти зев.

4 О смерть! и царь и раб презренный —
Подданство все равно твое;
И все, как жертвы обреченны,
Падут на остро лезвие.
Равно сражая скорбь и радость,
И ветхость, и красу, и младость
Непритупленною косой,
Трофей ты пеплом посыпаешь
И славны царства поращаешь
Пустынным терном и травой.

5 Как быстрая река в долине,
Через кремнистый рея праг,
Коснувшися морской пучины,
Теряется в ее зыбях;
Древа, взращенные веками,
И зданья, сринуты волнами,
Мелькнув мгновенно, тонут в ней;
Так вся мирская скоротечность,
Через тебя вливаясь в вечность,
В глубокой гибнет бездне сей.

6 Но нет; — муж, Фебом увенчанный,
Под общий не идет закон:
Как остров близнеца Дианы,
Из бездн морских возникнет он;
На корне лавра утвердяся,
Угрюмой бури не страшася,
Священное чело взнесет
Поверх пучины разъяренной;
И Аполлонов лес зеленой
Там для венков его взрастет.

7 Или подобно водопаду,
Что с гор высоких в даль стремит
Хрустальну быстрых вод громаду
И громом грома звук глушит,
В алмазах солнца луч играет
И радугу изображает
В поднявшейся от брызгов мгле.
Жемчуг клубами в пене льется,
И мрачный бор сырой трясется,
Низвесясь на его челе.

8 Но вдруг зима, дохнувши мразом,
Падущи леденит ручьи:

Блестящи яхонтом, алмазом,
Оцепенев, висят струи;
По них сверкает луч игривый;
И разноцветные отливы
Еще ярчее взор разят:
Ловец приблизиться страшится
И в изумленьи лишь дивится,
Что не гремит уж водопад!

9 Но ты под гробовой доскою,
Державин! гимнами гремишь;
И поздний род твоей трубою,
Цевницей, лютнею пленишь.
Где сыщется в пространном мире,
Кто б так, как ты, на звонкой лире
Воспел величество творца,
Победы Росса знамениты,
Волшебны прелести Хариты
И блеск Фелицына венца?

10 Поборник правды, ты святую
Всем гласно истину вещал;
Разил коварство, хищность злую,
Гордыни буйство унижал.
В картинах резких иль игривых
Представил страсти душ строптивых
И счастья льстивого мечты.
Вождей и грозных память боев,
Монархов мудрых и героев
И славу обессмертил ты.

11 Пока сиять Россия будет
В торжественных венках побед,
Тебя потомство не забудет
И имя Барда вознесет.
Злый Хрон, все в мире истребляя,
Твой памятник истнить желая,
Преткнется о ступень его;
И вечною покрытый тьмою
Плутон забвения рекою
Не смоет лавра твоего.

12 Пергам трава уж зарастила;
Ограды снес морской разлив;
Но, славу сохраня Ахилла,
Омир средь нас доныне жив.

Так ты, хотя б леса, пустыни
Покрыли росские твердыни,
Как лавр священный, процветешь
Над падшею во прах державой:
Державин! Ты своею славой
И славу Росса преживешь.

13 Почто же слабыми стихами
Дерзнул бессмертного я петь?
Омывши памятник слезами,
В молчаньи должно б мне скорбеть.
Увы! — прости мне, друг любезный!
Что с томной жалобою слезный
Из сердца проливаю ток:
Прости; — и песнь сию унылу
Прими, о друг мой! на могилу,
Как скорбью брошенный цветок.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ НА МОГИЛУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ

Друзьям Державина

И вы его любили
У дружества слезой
Вы прах его почтили;
Вам стих печальный мой
Я посвятить желаю;
В нем чувства моего
Я тень изображаю —
Приймите вы его.

1 Где ты! — Муж, богом вдохновенный,
О добрый благодетель мой!
Державин! — ты ли пал сраженный
Под лютой роковой косой?
И над твоею ли могилой
Звук лиры моея унылой
Печально вторит скорбь мою?
Увы! — Удар уже свершился!
Державин в вечность преселился,
И я над прахом слезы лью.

2 Петь радости... легко, отрадно,
Петь горесть... лиры звон молчит.
Сколь в мире счастие превратно,
И сколь его пременчив вид!

Державин! я вчера с тобою
Добра пленялся красотою,
Тебе внимая, — счастлив был...
Но радость смежна со слезами:
Сегодня Волхова струями
Тебя к могиле проводил.

3 Ничто судьбы не избегает,
Всему здесь положен предел;
Не вечно счастье нас ласкает,
Увы! — и я осиротел!..
Цветок, растущий на долине,
Недолго в счастливой судьбине
Красой и запахом пленял...
Луч солнца к югу уклонился,
Ветр дунул, льдами ток стеснился,
И где ж цветок? — Цветок увял.

4 Но солнце снова воссияет,
Цветок, быть может, оживет;
Лишь мне надежда изменяет,
Мое лишь солнце не взойдет.
Сокрылся луч, меня хранящий!
За часом час, вослед летящий,
Лишь хлад душе моей несет;
Мне в сердце горесть поселилась,
Мысль мрачным облаком покрылась,
И смерть во гроб меня зовет.

5 О смерть! последняя отрада!
Скажи: — почто щадишь меня?
Скажи: — ты казнь или награда?
Тебя достойна ль жертва я?
Скажи... коль смертным знать то можно,
Желать иль трепетать нам должно
Прихода твоего часа?..
Но ты молчишь — и пожинаешь!
Ты тайну в вечности скрываешь,
И всем грозит твоя коса.

6 Молчишь... Но сердца глас вещает,
Что ты одним злодеям страх;
Что муж благий тебя желает,
Что рай его лишь в небесах.
Путь жизни сей — путь испытаний;
Чрез цепь всех зол, чрез цепь страданий

Он к светлой вечности ведет.
Державин смерти не страшился;
Он смертью к славе возродился,
Его прельщал лишь вечный свет.

7 Кто мыслью с богом съединился,
Дерзнув непостижимость петь;
Кто с самых юных дней учился,
Покорствуя судьбе, — терпеть;
Кто с скорбным слезы проливает,
Сирот лелеет и питает,
Несчастному отраду льет,
Всяк час добро творить стремится, —
Тот смерти верно не страшится
И вечно смертью не умрет.

8 Ликуй! дражайша тень! — в чертоге
Творца и бога твоего;
Ты мыслить здесь дерзал о боге,
А там — ты пред лицом его.
Но мы во тьме блуждать остались
И в прахе, где по днесь скитались,
Не сыщем места отдохнуть;
Пока, оконча путь страданий,
Испивши чашу слез, рыданий,
Мы удостоимся заснуть.

9 Но ты заснул... и всем ли можно
Тебе подобно кончить век?
Блажен, блажен стократ неложно,
Кто так, как ты, свой путь протек.
Ты жизнь небесную вкушаешь,
Ты жив, — ты с нами обитаешь!
Тобой в сей миг внушенный я
Твой стих здесь повторить дерзаю;
В востооге чувства восклицаю:
«Жив бог — жива душа твоя!»

НА ТЛЕННОСТЬ

1 «Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается

Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы».

2 Так лебедь, Пиндар пел российский,
Когда готовился уж час,
В полете быстром к гробу близкий,
Взззвенеть ему последний раз;
И в миг, как хладною рукою
Уж лиру смерть рвала из рук,
Так громкой он издал струною
Пленительный, — последний звук.

3 Из века в век сей звук прольется.
Державин! — нет; — всежруща тлень
К венкам твоим не прикоснется,
Пока светящий смертным день
Чредиться будет с ночью звездной;
Пока ось мира не падет, —
Времен над реющею бездной
Венок твой с лирою всплывет

1816 года, сентября 22 дня.
Обуховка.

БРЕННОСТЬ КРАСОТЫ

1 Увы! что в мире красота?
Воздушный огнь, — в ночи светящий;
Приятна сердцу сна мечта,
Луч солнечный, в росе блестящий.

2 Мгновенье — нет Авроры слез;
Мгновенье — льстить мечта престала;
Мгновенье — метеор исчез;
Мгновенье — и краса увяла!

3 Эльвира! в легких сих чертах
Твою я повесть представляю;
Давно ли прелесть? — ныне прах;
И вид твой — лишь в душе встречаю.

4 Но где ты днесь? о сердца друг!
Останок твой здесь персть покрыла;
Но персти не причастен дух,
И не пожрет его могила.

5 Ты там, где вечен цвет красы,
Которая в тебе мелькнула;
Отрадой меря где часы,
От зол — доброта отдохнула.

6 Небесную отверзла дверь
Тебе — над смертию победа;
И радость ангелов теперь
Твоя сладчайшая беседа.

7 Моя ж беседа — грусть; — и нет,
Нет сил прогнать тоску унылу;
Она всяк день меня ведет
На хладную твою могилу.

8 Сойди ж и ты, о друг мой! к ней;
Зри скорбью грудь мою раздранну;
Пролив в нее отрад елей,
Ты облегчи сердечну рану.

9 Дай сил ждать смертного часа,
Что съединит меня с тобою;
А здесь пусть дряхлость и краса
Покроются одной доскою.

17 сентября 1817 г.

МИЛОЙ ПАШЕ

Напрасно, Паша! ты желаешь
Стихи мои читать,
Сим чтеньем, может быть, мечтаешь
Задумчивость прогнать.

Но как ты, друг мой, ошибешься!
Совсем не то найдешь.
Весьма не часто улыбнешься,
Частехенько вздохнешь.

С тоской я с юных лет спознался
И горьку чашу пил;
За миг, что в радости промчался,
Годами скук платил.

И ныне, жизнь влача унылу,
По тернам лишь брожу;
Почти всех милых снес в могилу
И сам уж в гроб гляжу.

Милой Пашѣ.

Напрасно, Паша! ты желаешь
Стихи мои читать:
Симъ чтеньемъ моремъ былъ мечтаешь
Задумчивость прогнать.

Но какъ ты, другъ мой, ошибешся!
Совсемъ не то найдешь:
Весьма не часто улыбнешся,
Частехонько вздохнешь.

Съ тоской я въ юныхъ дняхъ познался,
И горьку чашу пилъ,
За мигъ, что въ радости промчался,
Годами скукъ платилъ.

И нынѣ, жизнь влача уныло,
По тернамъ лишь брожу:
Почти всѣхъ милыхъ снесъ въ могилу,
И самъ ужъ въ гробъ гляжу.

Милой Паше. Фотокопия автографа стихотворения В. В. Капниста, посвященного П. Н. Львовой.

Из собрания И. А. Пиккиева.

#

И тамъ, не радостныхъ мечтаній
увидишь здѣсь черты,
увидишь скорбь, — и лишь стенаній
услышишь эхо ты.

#

Почто же чтеньемъ симъ печальнымъ
взверзать на сердце гнетъ?
Почто покровомъ погребальнымъ
мрачить веселья цвѣтъ?

#

Но требуешь,... ахъ! другъ мой милой!
и ты ужъ можетъ быть
извѣдала что въ часъ унылой
отрадно слезы лить.

#

Прими жъ мой даръ. — Когда читая
печальной стихъ, — вздохнешь,
о старикѣ, Паша дорогая!
симъ вздохомъ вспомянешь.

1816. года
Сентября 10 дня.

Василій Капнистъ

Продолжение автографа стихотворения «Милой Паше».

И так, не радостных мечтаний
Увидишь здесь черты,
Увидишь скорбь, — и лишь стенаний
Услышишь эхо ты.

Почто же чтеньем сим печальным
Взвергать на сердце гнет?
Почто покровом погребальным
Мрачить веселья цвет?

Но требуешь, — ах! друг мой милой,
И ты уж, может быть,
Изведала, что в час унылой
Отрадно слезы лить.

Прийми ж мой дар, — когда, читая
Печальный стих, вздохнешь, —
О старце, Паша дорогая!
Сим вздохом вспомянешь.

СПОСОБ ПОМОЛОДЕТЬ

1 Поспеши, весна прекрасна!
Бархатом покрой луга;
Пусть кристальна струйка ясна
Вновь омоет берега.
Липы, тополи ветвисты
Пусть на дерне тень прострут,
И фиалочки душисты
В воздух аромат прольют.

2 Дев игривы хороводы
Выйдут в рощи за тобой;
Суету забыв и годы,
Подойдет к ним дед седой;
Чтоб, под дуб с своею Саррой
Сев, на игры поглядеть;
Вспоминаньем — в век свой старой
Хоть на миг помолодеть.

3 Впрямь, зачем всяк день крушиться,
Вспоминая, что прошло?
То, чему не воротиться,
Будь, — как будто не было.
Что скучать все старосельем,
Лет доживши до зимы?
Вот ребята, — их весельем
Веселиться можем мы.

4 Поспеши ж, весна! и чистой
Луг цветочками покрой;
Я из них венок душистой
Дряхлою сплетя рукой,
Той, — чьи взоры мила друга
Дней напомнят мне зарю,
Той, — из хороводна круга,
Я венок сей подарю.

ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ НАРЫШКИНУ

1 Под счастливой звездой рожденный,
Нарышкин школьных бредней враг;
Трекрестный капитан несменный,
И камер-юнкер, и козак.
В свойстве хоть дальнем с кровью царской,
Причетник обер-секретарской!
Ты видел все, везде прошел;
Скажи ж мне, как в пути сем трудном,
В развратном мире и причудном
Ты демокритов путь нашел?

2 Иной, все видя в черной краске,
Над миром панихиду пел.
В обманчивой зря злобу маске,
Добру и верить не хотел.
Не тешася кровавой дракой,
Считал героя забиякой,
Согрету в дружбе зрел змею;
Не раз обманут филантропом,
Чтил яростным его циклопом,
Неправд откупщиком — судью.

3 А ты, людей судья нестрогой,
Заблудших не винишь слепцов;
В напичканных наукой многой
Индийских видишь петухов.
Лишь родом знатна господина
Ты почитаешь за павлина,
Цветным гордящимся хвостом;
Судью коварна — рыболовом,
А рыцаря в венце лавровом —
Отечества опекуном.

4 Как сам душой не лицемеришь
И презираешь подлу лесть,
То изредка и дружбе веришь,
Добру же платишь должну честь.
Хоть филантропии не чтитель,
Но если где благотворитель
Простред к сиротке щедру длань,
То, в лепте видя <нрзб> злата,
Ему, как за родного брата,
Несешь признательности дань.

5 Где встретишь зло, там очи жмуришь;
На доблесть пялишь их остро;
Портрет разврата <нрзб>...
И пишешь во весь рост добро.
Над глупостью глупцов смеешься,
И лбом об стену не бьешься,
Когда пойдет что вопорек.
Без примеси здесь благ не ищешь,
Как в черствой драме в скуке свищешь
И смотришь на людей в раек.

6 С бездельем дело так мешая,
Живи, как жил ты без забот;
Заднее позабывая,
Все подвизайся лишь вперед.
Над вздором смейся на досуге,
Смейся в малом, милом круге
Драгой жены, детей, друзей;
Вкушай плоды любви и счастья;
И знай, мой друг, что без ненастья
Цены б не знал ты ясных дней.

ОТВЕТ ФЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ЛЬВОВУ

1 Хорошо тому о счастье,
Друг любезный! говорить,
Кто в житейском мог ненастье
Голову плащом прикрыть,
Тем, в котором мудрость скромна,
Из дворца ушед огромна,
Любит в шалаши ходить!

2 В море кто мирском бурливом
Мог, попутный ветерок

В парус уловя, заливом
К пристани привесть челнок,
Чтоб там груз свой непричудный,
Мир, любовь, — снести хоть в скудный,
Но защитный уголок.

3 Там он, вне толпы мятежной,
И сует и прихотей,
С милою подругой нежной,
Роем окружен детей,
Видит в сине море дально
Льющийся струей кристальной
Ручеек веселых дней.

4 От вельможеских затейных
Убегает он пиров;
Но навстречу игр семейных,
Как дитя, бежать готов;
Дружбу в гости приглашает
И тишком с ней подстригает
Крылья счастливых часов.

5 Там он может на досуге
Звонку лютню острунять
И, о старом вспомня друге,
Песнь игриву напевать;
Может, с чванства сняв личину,
Счастья скромного картину
Всем на зависть представлять.

6 Так зачем, мой друг, хлопочешь
Легку песнь давать на суд?
Счастье петь свое ты хочешь?
Пой! — судья не нужен тут:
С чувством рифма дружно ляжет,
И сказать, что сердце скажет,
Не большой счастливцу труд!

Ноября 29-го, 1817 г.

БАТЮШКОВУ

1 Скажи мне, Батюшков любезный!
Дай дружбе искренний ответ:
Зачем нельстивый и полезный
Ты пренебрег ее совет?

2 Зачем великолепно Тасса
Решился вновь похоронить,
Когда средь русского Парнаса
Его ты мог бы воскресить?

3 На то ль он краски бесподобны
И кисть свою тебе вручил,
Чтоб в память ты его надгробный
Лишь кипарис изобразил?

4 Нет, нет; — признательнейшей дани
Он ждал за дар свой: — он хотел,
Чтоб прелести, любовь и брани
На лире ты его воспел.

5 Ты пел уж их: и восхищенный
С вершин Парнаса Тасс внимал,
Когда, самим им вдохновенный,
Его ты песни повторял;

6 Когда на славном Невском бреге
Гремел его струнами ты
И в хладном севере на снеге
Растил сорентские цветы.

7 Но ты замолк; и тщетно гласа
Знакомого бессмертный ждет;
И тщетно ждем мы: лира Тасса
И звука уж не издает.

8 Почто ж замолк ты? — Дружбы пени
Прими без ропота, мой друг!
Почто, предавшись томной лени,
Паривший усыпил ты дух?

9 Проснись: ударь по сладкогласным
Струнам; — и славных дел певец
С Торкватовым венцом прекрасным
Прекрасный свой сплетешь венец.

1817 года, октября 20 дня.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ГРОЗЫ

1 В тучу солнце закатилось,
Черну, как сгущенный дым;
Небо светлое покрылось
Мрачным саваном ночным.
Быть грозе: — уж буря воет;
Всколебавшись, лес шумит;
Вихрь порывный жатву роет;
Грозный гул вдали гремит.

2 Поспешайте в копны сено
И снопы златые класть,
Дождь пока коснит мгновенно
Ливнем на долины пасть;
Ветр покуда не засеял
Градом ваших нив, лугов
И по терну не развеял
Дорогих земли даров.

3 Поздно будет вам, уж поздно
Помогать от лютых бед,
Дождь когда из тучи грозной
Реки на поля прольет.
Детушек тогда придется
Уносить в село бегом;
Счастлив, кто и там спасется!
Слышите ль? — уж грянул гром!

1818 года, августа... Обуховка.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

1 Тщетно желаешь, милая Хлоя!
Золота кучи в клад копить:
Можно ль с сим кладом сладость покоя,
Можно ли дружбы клад сравнить?

2 Тщетно, и ночью льготы не зная,
Будешь кружиться средь сует:
Алчное сердце, боле алкая,
Хочет достичь лишь дальных мет.

3 Лучше ж, оставя труд, попеченье,
Жить, поживать летящим днем;
Есть и у бедных, есть провиденье:
Мать и отца ты сыщешь в нем.

4 Лучше жить с другом, милая Хлоя!
Чем золотой все клад копить:
Можно ль с сим кладом сладость покоя,
Можно ли дружбы клад сравнить?

1818 года, октября 4 дня.
Обуховка.

СКРОМНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

1 Ах! пойду, рассею скуку
По лесочкам, по лугам;
Тайную сердечну муку
Эхам томным передам.

2 Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою:
Другу милому скажите,
Что по нем здесь слезы лью.

3 Пусть хотя чрез вас узнает
То, чего сказать нет сил:
Что по нем душа страдает;
Без него и свет не мил.

4 Эхи, пристально внимайте:
Если милый мой вздохнет,
Вздох скорей мне передайте!
Сердце лишь ответа ждет.

ОБУХОВКА

Non ebur, neque aureum
Mea renidet in domo lacunar.
Гораций, кн. II, ода XVIII.

1 В миру с соседями, с родными,
В согласьи с совестью моей,
В любви с любезною семьей,
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

2 Приютный дом мой под соломой,
По мне, — ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок;
А к двери, знатным не знакомой,
Забыла лень прибить замок.

3 Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальный луг глядит;
А Псел, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

4 Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес
Различных купами древес,
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес.

5 Пред ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым буграм,
Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм.

6 Умеренность, о друг небесный!
Будь вечно спутницей моей!
Ты к счастию ведешь людей;
Но твой олтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

7 Ты с юных дней меня учила
Честей и злата не искать;
Без крыльев — кверху не летать
И в светлом червячке — светила
На диво миру не казать.

8 С тобой — милейшим мне на свете
Моим уделом дорожу;
С тобой, куда не погляжу,
Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу.

9 Сойду ль с горы, — древес густою
Покрытый тенью теремок,
Сквозь наклоненный в свод лесок,
Усталого зовет к покою
И смотрится в кристальный ток.

10 Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум;
А тихий, безумолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон средь сладких дум.

11 Там двадцать вдруг колес вертятся;
За кругом поспешает круг;
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся;
Под ними клубом бьет жемчуг.

12 Так призрак счастья движет страсти;
Кружится ими целый свет.
Догадлив, кто от них уйдет;
Они все давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

13 Пойдем, пока не вечереет,
На ближний остров отдохнуть;
К нему ведет покрытый путь,
Куда и солнца луч не смеет
Сквозь темны листья проскользнуть.

14 Там сяду я под берест мшистый,
Опершись на дебелой пень.
Увы! недолго, в жаркий день,
Здесь будет верх его ветвистый
Мне стлать гостеприимну тень.

15 Уж он склонил чело на воду,
Подмывши брега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.

16 Так в мире времени струями
Все рушится, средь вечной при;
Так пали древни олтари;
Так, с их престольными столпами,
И царства пали и цари.

17 Но скорбну чтоб рассеять думу,
Отлогою стезей пойдем
На окруженный лесом холм,
Где отражает тень угрюму
С зенита ярким Феб лучом.

18 Я вижу скромную равнину
С оградой пурпурных кустов:
Там Флора, нежна мать лугов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов.

19 Там дале, в области Помоны,
Плоды деревья тяготят;
За ними Вакхов вертоград,
Где, сока нектарного полны,
Янтарны гроздия блестят.

20 Но можно ль все красы картинны,
Всю прелесть их изобразить?
Там дальность с небокругом слить,
Стадами тут устлав долины,
Златою жатвой опушить?

21 Нет, нет; оставим труд напрасный,
Уж солнце скрылось за горой;
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

22 Пора к семейству возвратиться,
Под мой беседочный намет,
Где, зря оно померкший свет,
Уж скукой начало томиться
И моего возврата ждет.

23 Всхожу на холм; — луна златая
На легком облаке всплыла
И верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

24 О как сие мне место мило,
Когда, во всей красе своей,
Приходит спутница ночей
Сливать с мечтой души унылой
Воспоминанье светлых дней!

25 Вдали зрю смесь полянок чистых
И рощ, покрывших гор хребты;
Пред мною нежных роз кусты;
А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, — белые кресты.

26 Благоговенье! — молчалива,
Витийственна предметов речь
Гласит: — «ты зришь твоих предтеч;
Священна се господня нива;
Ты должен сам на ней возлечь».

27 Так; — здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей
Сырою я покрыл землей;
Близ них дерновый круг зеленый —
Знак вечной храмины моей.

28 Мир вам, друзья! — ваш друг унылый
Свиданья с вами скоро ждет;
Уж скоро! .. Кто сюда прийдет,
Над свежей скромною могилой
В чертах сих жизнь мою прочтет:

29 «Капнист сей глыбою покрылся;
Друг Муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

РАЗЛИЧНОСТЬ ДАРОВАНИЙ

1 В странах полнощных Ломоносов
На лире первый возгремел;
Высоки гимны вслух он Россов
В божественном восторге пел:
Равно велик, бессмертно славен,
Внушенный Музами Державин
В златые струны ударял;
И переходом в тон из тона
Горация, Анакреона
И Пиндара нам воскрешал.

2 Кто исполинам сим знакомо
Посмеет поприще протечь?
Ползуще в прахе несекомо
Не устрашится ль грозных встреч?
С холма на холм они ступали,
Широки реки прешагали;
Круг мира — был их небокруг;
Верх облак глас их раздавался,
С перунами перекликался,
Пленял и поражал наш слух.

3 А мне судьба скупой рукою
Коль скудный уделила дар,
Я горней не помчусь стезею,

Как дерзкий в древности Икар;
Но подвиг соразмеря с силой,
Как мотылек сей легкокрылой,
Порхать лишь буду по цветам;
Без смелого стихов искусства
Простые, к сердцу близки чувства
В простых напевах передам.

4 Счастлив, коль голос мой унылой
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу;
Коль мной печальный убедится,
Что скорби нить не вечно длится,
Что здесь надеждам нет конца.
Счастлив, гнетомого тоскою
Коль сладкой мыслью успокою,
Что есть — чувствительны сердца.

1818 года, июля 13 дня.

‹К ДОЧЕРИ›

1818 года, ноября 24 дня.

С днем ангела, любезна дочь!
Тебя от сердца поздравляю,
Чем сердце вновь благословляю.
Пусть добрый ангел гонит прочь
От сердца твоего печали!
Чтоб радости лучи блистали
Во все к тебе летящи дни
И счастьем чтоб твоим они
Мятежный век мой услаждали.

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЕВОЙ ОДЕ

1 Пловец морской спокойства просит
Во время бури у богов,
Когда корабль до облаков
Свирепою волной заносит.
Вздымая с ревом глубину,
Огромны мачты ветр ломает;
И мрак сгущенный затмевает
Блестящи звезды и луну.

2 Спокойства ищут мамелюки,
Что, презря страх, и зной, и труд,
Песчаным морем в брань текут,
Тягча водой верблюжьи вьюки;
И Росс, рожденный на снегах,
Кому на Тавр с Кавказа шаг,
Чей штык сквозь Алпы проникает,
И Росс спокойствия желает.

3 Спокойствия, что нам дарить
Не могут камни драгоценны,
Которого нельзя купить
За груды злата накопленны;
И стражи скорбям не претят
Вкрадаться в грудь земного бога;
Заботы стаями летят
Гнездиться внутрь его чертога.

4 Убогая семья стократ
Счастливей жизнь свою проводит;
Печаль средь мирных их отрад
Изредка мимо лишь проходит.
Из блюд наследных за столом
Они простую снедь вкушают;
И скорби их не пробуждают,
Успокоенных легким сном.

5 Почто же в жизни сей мгновенной
Кружиться слепо за мечтой
И, в путь дерзая преткновенной,
Без нужды жертвовать собой?
Почто с трудом, с бедой и с стоном
Семьи чуждаться и друзей
И новых солнечных лучей
Искать под чуждым небосклоном?

6 Уйдет ли путник от себя,
Коль из отчизны удалится
И средь военна корабля
С ним страсть порочная садится.
На бурном ли коне летит,
Забота вслед его спешит;
Быстрей еленей, в дол бежащих,
Быстрее ветров, пыль крутящих.

7 Когда ты в радости сей день,
О завтрашнем не суетися;
Коль грустен, разогнать потщися
Лучом надежды скорби тень.
Нет в мире блага совершенна:
Тот славен, — век короткий жил;
Другого, старостью согбенна,
Безвестным рок прожить судил.

8 В показанных тебе судьбою
Дождусь я, может быть, отрад.
Тучнятся шелковой травою
Там сто твоих рычащих стад;
Здесь кони ржут и пыль взвевают
В твоей упряжке золотой;
Парчою ты одет драгой,
И слуги в серебре блистают.

9 Меня ж хотя правдивый рок
Осыпать златом отказался,
Но искрою огня возжег,
Гораций коим оживлялся.
Поместьем малым я снабжен,
Но духом твердым одарен,
Что ложной славы не желает
И злобу черни презирает.

НА СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ СТЕПАНОВИЧА ТОМАРЫ

1 Еще удар! еще разлука!
Разлука с другом, — и навек!
Увы! нужна ль мне вновь наука,
Что скорби жертва человек?
Вся жизнь — лишь опыт претерпений;
В ней счастье — метеор во мгле;
Пред мною — призрак утешений,
А радости — в сырой земле.

2 Сырой землей и ты покрылся,
Томара, доблестный мой друг!
И с кругом вечности уж слился
Твоей здесь срочной жизни круг.
Уж гроба мрачная пещера
Тебя прияла, мира гость!
И дружба, добродетель, вера
Оставили лишь персти горсть.

3 Но нет; — хоть персть осталась тленна,
Эфирных быстротою крыл
Ты, выше всесозданья бренна,
В чертог нетленный воспарил,
Где царь миров, воссев на звездный
Престол, как судия, отец,
Взложил уж на тебя возмездный
Бессмертных радостей венец.

4 Ликуй же средь блаженна круга
Усыновленных чад небес;
А я на гроб любезна друга
Приду, — не ток лить горьких слез,
Приду в безмолвьи поучаться,
Как путь мой в вечность пролагать;
Твоим примером наставляться,
Как жить, терпеть и — умирать.

1819 года, апреля 5 дня.
Обуховка.

ГИМН БЛАГОТВОРЕНИЮ

1 Святой восторг благотворенья!
Что в мире сладостней тебя?
Благого образ провиденья:
В других зреть счастливым себя,
Добру все посвятить мгновенья,
Несчастных как родных любя.

2 Кто благо обще назидает,
Достоин тот любви сердец;
Но он признанья не алкает,
Не льстит его наград венец:
Награду в сердце обретает
Сердечно чувствие, не льстец.

3 Героев славила вселенна;
Но славы глас замолк в веках;
Хвала, на камне иссеченна,
И обелиски — пали в прах:
Благотворенья мзда нетленна,
Она нас ждет на небесах. —
Святой восторг благотворенья!

ЗАВИСТЬ ПИИТА ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ И РАЗВАЛИН ДОМА ГОРАЦИЕВА

Tibur, Argeo positum colono,
Sit meae sedes utinam senectae!
Sit modus lasso maris et viarum militiaque!

Гораций, кн. II, ода VI.

1 Что пальма, что венец лавровый,
И обелиск, и мавзолей?
Дробит их в прахе Хрон суровый
Под сильною пятой своей.
Как метеор в зыбях эфира,
Так слава исчезает мира
В туманной дальности времен!
И что сиять в ней может вечно?
Кто свяжет время быстротечно
И воскрылит к бессмертью тлен?

2 Лишь Феба дар и лирны струны
С потомством нас соединят:
Как резки эхи, как перуны,
Немолчно звуки их гремят.
Давно безвестная могила
Гнетет в пустыне прах Ахилла,
Но в песнях он Омира жив.
Без лиры скрылся б след героев
И память знаменитых боев
В развалинах стовратных Фив.

3 Сомнительну Энея славу
Виргилий лирой обновил
И вечный памятник Октаву
На почве лести утвердил;
Как он, любимец Муз и Граций,
Веселый любомудр, Гораций
Поднесь нас учит скромно жить,
Страшиться роскоши, разврата
И друга Флакка, Мецената,
Как друга нашего, любить.

4 Давно певцов сих нет на свете,
Но слава их в веках живет;
И время в молнийном полете
С собой ее не унесет:
Их нет; — но песнью их плененны,

Спешим в тот край опустошенный,
Где раздавался глас их лир,
Где луг был топтан их стопою,
И восхищенною мечтою
Переселяемся в их мир.

5 Но, ах! почто воспоминаю
О счастливых любимцах Муз?
Лишь в сердце зависть возрождаю:
Я тяжких не расторгну уз,
Которыми судьба строптива,
К ним щедра мать, чадолюбива,
Мой скудный оковала дар.
Все должен в тине я влачиться,
И даже тем не смею льститься,
Чтоб пасть, — как дерзкий пал Икар.

6 Вотще звучу на томной лире.
Когда окончу жизни путь,
Из всех, оставленных мной в мире,
Никто не прийдет и взглянуть
На ветхий тот шалаш, убогий,
Где, скрыт от шумныя тревоги,
На безызвестных Псла брегах,
Протек мой век уединенный,
Как скромной рощей осененный
Ручей, извившийся в лугах.

ХОРЫ, ПЕТЫЕ ПРИ ОТКРЫТИИ В ПОЛТАВЕ ИНСТИТУТА ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ, 12 ДЕКАБРЯ 1818 ГОДА

Благослови, творец!
Монархов образец:
Он наш отец;
Он наш отец и царь;
На верности алтарь
Ему несем мы в дар
Любовь сердец.

Народных благ творец,
Обрек им свой венец
Наш царь-отец;
Воздвигнув правде трон,
Сиянью всех корон
Предпочитает он
Любовь сердец.

С конца земли в конец
Оливный свил венец
Наш царь-отец;
Гордыню он попрал,
Без мести побеждал
И от врагов стяжал
Любовь сердец.

Любовью всех сердец
Украсил свой венец
Наш царь-отец;
И в счастьи верных чад
Вкушая тьму отрад,
Чтит выше всех наград
Любовь сердец.

Благослови, творец!
Монархов образец,
Он наш отец;
Он наш отец и царь.
На верности алтарь
Ему несем мы в дар
Любовь сердец.

К НЕСЧАСТНОМУ

1 О ты, кто б ни был ты, — несчастный!
В страданиях сподвижник мой;
Чьи дни все пасмурны, ненастны
Мрачатся скукой и тоской,
Внуши мой голос незнакомый!
Судьбой по терниям влекомый,
Как ты, я токи слезны лью;
Как ты, под гнетом бед стенаю,
Внемли ж мне: — я развлечь желаю
Моею скорбью скорбь твою.

2 Пускай счастливцы веселятся,
Отрад сладчайши чаши пьют,
Блаженством жизни пресытятся
И на возглавьи нег уснут:
Коль с завистью на радость взглянем,
Сравненьем — лишь несчастней станем!
Так лучше дружно съединим
Взаимные печали наши

И, горьки разделяя чаши,
Слезой участья усладим.

3 Мы страждем часто неповинно;
Но бог наш, но творец наш благ:
Рачит о тварях благостынно,
И мзда их — на его весах.
Коль милость вечно с ним пребудет,
Отец ли чад своих забудет,
С рожденья их — его сирот?..
Нет, нет; — но в миг, как жизнь прервется
И дух в бессмертность облечется,
Ущедрит чад отец щедрот.

4 Мы страждем; — но се жребий тлени;
В огне так чистится крутец.
Страданья — к радости степени:
Начало те — сия венец.
Чем с большей трудностью, стараньем,
Чем с тягостнейшим ожиданьем
Желанных достигаем благ,
Тем чувствуем мы их живее:
Меж туч звезда блестит ярчее
И светоч сквозь сгущенный мрак.

5 Каким напастям подвергался
Коломб, обретший Новый Свет!
С пучиной, с бурями сражался,
Дерзал на встречу явных бед:
Не мог ни гнев стихий ужасных,
Ни страх Харибд и Скилл опасных
Остановить героя бег;
Но что с восторгом тем в сравненьи,
Когда узрел он в отдаленьи
Желаний цель — безвестный брег!

6 Так целью вам да будет вечность!
Вся наша жизнь — к ней трудный путь;
Но мера жизни — скоротечность;
И в круге времени мелькнуть
Едва должайший век успеет,
Земля, как злак ее, истлеет,
Сонм звезд, и солнце, и луна
Затмятся, след их истребится:
Но вечность — в боге утвердится;
Безмерный век его — она.

7 И дверь к ней — гроб! — В пыли презренный
Влачится червь не весь свой век:
Уснет: — во сне преображенный,
Уж златокрылый мотылек
С цветочка на цветок порхает.
Такой нас жребий ожидает
За бренной гробовой доской.
Житейско преплывая море,
Встречаем лишь труды и горе,
За гробом — нову жизнь, покой.

8 Счастливцы смерти пусть страшатся;
Им дорог жизни быстрый миг:
При двери гроба разлучатся
Они с стяжаньем всех благих;
Оставят роскоши приятство,
Оставят почести, богатство
И беззаботный круг утех;
И томны вежди закрывая,
Скорбят, надежды луч теряя
Найти приятнейший им брег.

9 А мы, что в жизни сей теряем?
Убожество, печаль, труды;
В могиле с нами погребаем
Заботы, горести, беды;
Когда их с тленью в гробе сбросим,
С собою все свое уносим:
Надежду лестну вечных благ.
Под гробовой мы зрим доскою
Отверзтые врата к покою:
Нам шаг в могилу — в вечность шаг.

10 Несчастный! жизни сей мятежной
Преплывши трудный, краткий путь,
Достигнешь пристани надежной,
Где ты возможешь отдохнуть.
Дерзай же! — с бедствами сражайся,
Противу горестей мужайся
И, гроба близкий зря порог,
Теки чрез легкие преграды
В храм вечности: — с венком отрады
Там ждет тебя отец твой — бог.

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ

1 Не тот счастлив, кто кучи злата
Имеет в крепких сундуках;
Кому фортуна торовата
В удел дает блестящий прах;
В чертог чей пышный и огромный
Несчастных не доходят стоны,
Встречая стражу при вратах.

2 Но тот, кто, скорбным сострадая,
Творил добро по мере сил;
Свои кто пользы забывая,
Лишь ближнему полезен был,
Для блага общего трудился,
Во счастии — не возгордился,
Несчастья — с твердостью сносил.

3 В семействе кто нашел отраду
И утешенье средь друзей;
Кто добрых дел своих награду
Находит в совести своей,
Тот жизни сей в путях опасных
Идет средь пропастей ужасных
Ко счастью истинной стезей.

4 Хотя судьба к нему озлится,
Он духом тверд, неколебим;
Удара грома не страшится;
От всех почтен, от всех любим,
Спокойно на грозу взирает;
Как дуб, что бурю презирает,
Тверд основанием своим.

5 Оленин! се изображенье
Достоинств и доброт твоих.
Не лести низкое внушенье
Вещает днесь в стихах моих;
В них нет витийственна искусства,
Но сердца благодарны чувства
И правды глас — источник их.

6 Теки ж — и, путь свой совершая,
С стези не совратись своей;

Души великой цель прямая
Стремиться к счастию людей.
Живи же им во утешенье;
И от небес благословенье
Прольется над главой твоей.

‹ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ I ПЕРЕВОДОВ ОД ГОРАЦИЯ›

Государю императору
Александру Первому

Полсвета Август покорил;
Полсвету ты даришь свободу;
Лирическу он лесть любил,
Ты льстиву презираешь оду,
Сердечных алча лишь похвал.
Горациевой лиры струны,
На коих бранные перуны
Он в честь Октава прославлял,
Я осмотрительно понизил
И лад с тем чувством сердца сблизил,
С которым сладкогласный стих
Ему иль истинна внушала,
Когда пороки обличала,
Стремясь исторгнуть корень их,
Иль Музы, в час затей игривых
Желавшие развеселить
Забавной песнью Парк строптивых,
Чтоб смертных жизни тонку нить
Они, заслушавшися, длили
И остры ножницы забыли.
Сих песней отголоски нынь
Тебе я посвятить дерзаю.
О! если б мог я, как желаю,
Прядущих жизнь твою богинь,
Двух младших оными забавя
И неусыпно прясть заставя
Толь драгоценну россам нить,
Одну Атропу — усыпить.

---

1 О, дружество, прямых источник благ
И божество для мудрого почтенно!
Небесный огнь неугасим в сердцах!
О, дружество! будь вечно мне священно.

2 Лишь доблестью одной олтарь твой чтим;
Любви тебя наш ум предпочитает;
Любовь наш взор покровом тмит своим,
Но дружество ведет нас, просвещает.
3 Стареет вмиг любовь и на крылах
Мелькающих поспешно улетает;
Но дружество, всегда в младых летах
Оставшись, — нас жалеет, утешает.

НА СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

1 Высокомерный дух, смирися!
Склони взнесенный буйства рог!
Внемли прещенью и страшися:
«Противится гордыне бог».
Игралище всемощна рока,
Не мни: — нет власти, счастью срока.
Се меч над выей уж висит,
Се край отверзся небосклона!
Зри в даль: там прах Наполеона
В пустыне каменистой скрыт.

2 Пришлец, — свободныя державы
Главой он был, пленив сердца.
Почто ж чрез умыслы лукавы
Искал он царского венца.
Почто, воздев злату порфиру,
Всеобщим самовластьем миру
Безумно угрожать хотел?
Се казнь; — и жрец всеалчной страсти,
Предела не познавший власти,
Ничтожества познал предел.

3 Так с юга вихрь поднявшись бурный,
Погибель наносил странам;
Застлавши прахом свод лазурный,
Размчал он жатвы по полям;
Коснулся зданий — зданья пали;
Ударил в лес — древа трещали,
И ниц полег дремучий лес:
Все буйным он громил стремленьем;
Но вдруг, с сильнейшим разъяреньем,
В столп взвился к небу — и исчез.

4 Исчез и славы метеора
Блестящий луч так в миг один!
Где верх торжеств, там верх позора;
И в узах — грозный властелин!
Какой преврат! — простой породы,
И всем безвестный, — юны годы
Едва средь браней протекли,
Уж равного не зрел он боле,
На велелепном сел престоле
И жезл приял судьи земли.

5 К подножью ног счастливца пали
Народы, царства и цари:
Цари от взора трепетали;
Мечом решая мир и при,
Он все подверг убийств законам;
Ступал по раздробленным тронам
И след трофеями устлал;
Но манье вышнего десницы...
И с громоносной колесницы
Строптивый победитель пал.

6 Давно ли на гиганта с страхом
Взирал весь изумленный мир? —
Престолы покрывались прахом
И вретищами блеск порфир.
Все рушила десница люта;
Но грозна сблизилась минута:
И тот, кто троны все потряс,
Преткнулся, шед в победном лике;
И роковой царей владыке
На севере ударил час.

7 Бежит он по снегам стезею,
Окровавленной им, — и Росс
Могучей дланею своею
Низринул страшный сей колосс.
Вотще отважная измена,
Надеждой буйной ослепленна,
Опять на трон его взвела;
Он пал, — судьба его свершилась,
И в трон тирана превратилась
Кремниста средь морей скала.

8 Куда ни обращал он очи,
Безбрежну зыбь везде встречал;

Постылы дни, бездремны ночи
В уныньи мрачном провождал;
Терзали дух воспоминанья;
Престол, победны восклицанья,
Все было, как призраки сна;
Пробудок — ссылочна пустыня,
И в ней смиренная гордыня
Жива навек погребена.

9 Теперь там труп Титана кроет
Лишь персти чужеземной горсть,
И в черепе останки роет
Презренный червь, гробницы гость;
А тень, блуждая вкруг могилы,
Лишь воплей слышит гул унылый
И клятвы жертв убийств, крамол;
Потомство клятв сих не забудет,
И в нем Наполеон пребудет
Бессмертен — слухом буйств и зол!..

10 Вожди надменны! вразумитесь!
Он был пример вам и глава;
Священны всем сердцам страшитесь
Насильством нарушать права.
Чем боле счастье вас ласкает,
Тем неприметней приближает
К стремнине, с коей должно пасть.
Судьба к неправде буйной строга:
Вам срочна власть дана от бога;
Его всевечну чтите власть.

СТАРИК, ОЖИДАЮЩИЙ ВЕСНЫ

1 Весна коснит, — и дни бегут
И нашу жизнь уносят;
Вот миг, — и Парки нить спрядут;
Вот миг, — и ножниц спросят.
Ах! сколько, старец, я друзей,
Друзей младых, любезных,
Покрыл уже сырой землей
И пролил токов слезных!

2 Им жить было, а мне зачем
Влачить век мрачный, скучный?
Хариты с ними ночью, днем
Бывали неразлучны:

Ко мне ж — болезнь, забота, скорбь
Приходит на беседу;
И все еще грузнее горб
Седому вьючат деду!

3 В дому ли — скук влачу часы, —
Дом пахнет уж пустыней;
Вот сад: — как старость мне власы,
Его так пудрит иней;
Там гнется вяз на утлом пне,
Как старца гнут уж годы;
И как под шубой кровь во мне,
Под льдом так стынут воды.

4 Но вот они опять с весной,
Как из пелен, прорвутся;
Деревья, с прежней красотой,
Вновь в зелень облекутся;
А мне — весна хоть придет вновь,
Не усладит печали:
Мне младость, резвость и любовь
Навек — «прости!» — сказали.

5 Но нет; — приди, весна! — цветы
На травку брось зелену;
Хотя спрямить не можешь ты
Мне спину, в крюк согбенну,
Хоть в свете счастьем мне своим
Нельзя уж наслаждаться,
Так вспомня прежнее, — чужим
Я буду утешаться.

В ПАМЯТЬ БЕРЕСТА

1 Здесь берест древний, величавый,
Тягча береговой утес,
Стоял, как патриарх древес;
Краса он был и честь дубравы,
Над коею чело вознес.

2 Перуном, бурей пощаженный,
Веками он свой век счислял,
Но бодрость важную казал;
И ветви распростря зелены,
Весь берег тенью устилал.

3 Ах! сколько крат в дни летня зноя,
Гнетомый скукой иль тоской,
Пришед под свод его густой,
Я сладкого искал покоя
И сладкий находил покой.

4 От бури, от дождя, от града
Он был надежный мой покров;
И мягче шелковых ковров
В тени, где стлалася прохлада,
Под ним ковер мне был готов.

5 Там, в час священных вдохновений,
Внимать я гласу Музы мнил;
Мечтой себя там часто льстил,
Что Флакка добродушный Гений
Над головой моей парил.

6 Мечты то были; — но мечтами
Не все ль златятся наши дни?
В гостеприимной там тени,
Под кровом береста, часами
Мне представлялися они.

7 Казалось, дряхлостью сляченна
Меня он, старца, преживет;
И в круге многих, многих лет
От своего чела взнесенна
Над правнуками тень прострет.

8 Но Псел скопленными струями,
Когда весенний таял снег,
Усиля свой упорный бег,
Меж преплетенными корнями
Под берестом смывает брег.

9 «Уж берест клонится на воду,
Подрывшу брега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину;
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринулся б ко дну.

10 Главой в реку б он погрузился
И, с илом там сгустя песок,
Свободный воспятил бы ток;
Об ветви б легкий челн разбился».
Пришел и твой, о берест! рок.

11 У корня уж лежит секира!
О скорбь! — Но чем переменить?
Злой рок решил тебя истнить,
Тебя, невинный житель мира,
И мне твоим убийцей быть!

12 Прости ж, прямой мой покровитель,
Теперь — лишь жалости предмет!
Прости; — и мой уж час грядет:
Твой гость, невольный твой губитель,
Тебя недолго преживет.

13 Но рок нас не разлучит вечно:
Ты часто мне дарил покой,
В тебе ж — и прах почиет мой;
Скончав путь жизни скоротечной,
Покроюся — твоей доской.

ЗАКАТ СОЛНЦА

1 Уж солнышко садится
За дальний неба круг,
И тень с горы ложится
На пестровидный луг.
Светильник дня прекрасный!
Ложись и ты; — почий:
С зарею новой ясны
Ты вновь прострешь лучи.

2 Не тот удел светилу
Дней смертного сужден:
Погас ли; в тьму унылу
Навек он погружен.
Так должно ль о беспрочной
Нам светочи жалеть,
Когда лишь краткосрочно
Назначено ей тлеть?

3 Пускай, кто счастье, радость
Мнит в жизни сей обресть,
Кто льстится тем, что младость
Не может вдруг отцвесть;
Пускай, пленясь мечтами,
Тот алчет долго жить
И обвивать цветами
Лишь паутинну нить.

4 А мне, кого печалью
Свирепый рок гнетет,
Почто пленяться далью,
Где терн один растет?
Светильник дня прекрасный,
Ложися ж, опочий,
Но от страдальца ясны
Сокрой навек лучи.

1822 г., 26 сентября.
Ромны.

СЛАВОЛЮБИЕ

1 О, славолюбие! какими
Чарами ты слепишь людей!
Державно властвуешь над ними
Среди простертых вкруг сетей;
Но меж твоих орудий лести
Из всех приманчивей — хвала.
Ах! сколько под личиной чести
Она юродства в мир ввела!

2 Не все ли, обольщенны славой,
Мечтают и по смерти жить
И лезвие косы нержавой
На мавзолеях притупить?
Хоть зрят старанья тщетны многих.
Но их пример сей не уймет:
Все верят, что от ножниц строгих
Легко нить славы ускользнет.

3 Тут шествует толпа героев,
Похвал приять алкая дань,
Стремится всяк из них средь боев
Омысь в крови убийства длань;
Там, горды скиптром, багряницей,
Цари, желая в слух веков
Греметь тяжелой колесницей,
Томят впряженных в ней рабов.

4 Не сим ли буйством лавры вечны
Гордец в венок свой может вплесть?
Лишь путь он кончит быстротечный,
Умолкнет вмиг хвалебна лесть.
С трубой пред чернью изумленной

Ее тут зрим мы; звук взгремел,
Но шумным воплем заглушенной,
Вблизи раздавшись, онемел.

5 А там зрим рубищем покрыта
По неутоптанным стезям
В соборе муз слепца-пиита
Текущего в бессмертья храм;
Героев он ведет с собою
И доблестных царей синклит
И им разборчивой рукою
Венки лавровые дарит.

6 Зачем же вслед сей на отвагу
И мне с пером не поспешить?
Чернило лучше на бумагу,
Чем кровь на поле бранном лить.
Быть может, если муз покровом
Пермесский прешагну поток,
Под лучезарным Феба кровом
Сорву из лавра — хоть листок.

1822 года,
октября 19 дня.
Ромен.

УБИЙСТВО

1 Убийство! кто твой первый чтитель?
Кто жизнь свою тебе обрек?
Не дебри кровожадный житель,
Не лев, не тигр, — но человек. —
О чудо! о преврат ужасной!
В деснице твари сей прекрасной,
Сего подобия творца,
Орудье смерти свирепело,
И первую убийство зрело
Свою в нем жертву и жреца.

2 Так, так; с первоначальна века
От смертных буйство возросло;
И вдруг с паденьем человека
Ниспало на вселенну зло: —
Все звери лютость ощутили;
Но гладны челюсти багрили
Лишь кровью разнородной им;

Союзы братства уважали
И сей завет преподавали
Поднесь исчадиям своим.

3 Но Каин, первый сын разврата,
Свирепой завистью возжен,
Убийства длань подъял на брата;
Увы, и Авель пал сражен;
Он пал у олтаря священна,
В знак благодарности взнесенна
Творцу, подателю всех благ.
С тех пор сие убийств начало
Примером всем потомкам стало;
И зло свершил — к злу первый шаг.

4 С тех пор, чтоб чрево прихотливо
Не овощми лишь пресыщать,
Отродье Евино строптиво
Животных приобыкло жрать;
И все, что в воздухе летает,
Что в поле, в дебрях обитает,
Что, кроясь, плавает в водах,
И даже труп ему подобных,
Лишенный почестей надгробных,
Обрел свой гроб в его устах.

5 С веками гибло самоедство,
Казалось, гиб с ним корень зла;
Но в пагубно ему наследство
Вдруг алчность злата возросла.
О, злато! в день и час проклятой
Из мрачных ада недр изъято,
Колико принесло ты бед!
Ты вновь неистовства родило
И кровью смертных обагрило
И древний весь и новый свет.

6 Чрез дальни, безызвестны воды
Плывут враждебны корабли
К брегам, где мирные народы
Селят златой хребет земли;
И гости златом обуяли;
У слабых с жизнью похищали
Светящегося горсть песка;
Пылают кущи, веси, грады,

И трупов и костей громады
Убийства вознесла рука.

7 Как Нил ревущими струями
Стремится из своих вершин
И потопляет меж горами
Пространство низменных равнин,
Так кровь невинных жертв струилась,
Страна вся ею напоилась;
Куда не обращался взор,
Встречал лишь казни, убиенья:
Столь наглого опустошенья
Не произвел бы глад и мор.

8 Но можно ли исчислить бедства,
На сей низвергшиясь предел?
Представить все мучений средства,
Которы смертный изобрел
Для хладнокровного терзанья
Себе подобного созданья?
Нет, нет; да замолчат уста,
Да ум и вера постыдятся,
Что в лютых кровопийцах зрятся
Слуга и ученик Христа!

9 Правдивы прекратя укоры,
Для зол толь слабые бразды,
Смущенны обратим днесь взоры
На новые убийств следы:
Уж копья, и мечи, и стрелы,
Которыми земли пределы
Опустошались долгий век,
Льют, мнилось, слабо крови токи,
И вновь орудия жестоки
Обрел для смерти человек.

10 Он страшны грома зрит удары;
И се, губительства клеврет,
Из медных жерл перуны яры
Сквозь дым и пламень в бранях шлет.
Уж трупы тьмами упадают,
Твердыни к облакам взлетают
И, свергшись, кроются землей;
И на пространстве всей вселенной
Убийство дланью разъяренной
Ужасный ставит свой трофей.

11 И буйство возрастало славы,
И лавры тот лишь пожинал,
Кто нагло чуждые державы
Под скиптр железный покорял;
Причислен к первенцам героев
Лишь тот, кто средь свирепых боев
Несчетно смертных умертвил;
Отцом отечества назвался,
Сынов кто кровью обагрялся
И лишь отцом убийства был.

12 Восстани, боже! и высоку
Простри длань мщенья на убийц;
Их кровью утоли жестоку,
Злоносну жажду кровопийц;
Исторгни корень душегубства,
Тщеславия и златолюбства,
Враждебный раздроби кумир;
Порывы укрощая бранны,
Смягчи в нас души обуянны
И миром умири весь мир.

К ЛИРЕ

О Лира, милая подруга!
Коль древ в тени, под час досуга̂,
Резвясь, я песни пел с тобой,
Прожив достойны год, другой;
Внуши мне новый стих латинский!
Герой и гражданин лесвийский
Всех прежде на тебе бряцал:
Во стане ль ратном изощрял
Оружье, бранна духа полный,
Иль, бурны одолевши волны,
Корабль свой в тиху пристань вел,
Он Вакха, Муз, Венеру пел,
Дитя с палящими стрелами,
И Лика с черными очами,
И черны Лика волоса.
О, Фебовых рамен краса,
Трапезы Дия услажденье,
В трудах приятно облегченье,
О Лира! коль зову с мольбой,
На голос откликайся мой!

ВОЗЗВАНИЕ НА ПОМОЩЬ ГРЕЦИИ

1 Какие громы раздаются
На полдне, с воплями смеясь?
Откуда дымные несутся
Столпы, до облаков клубясь? —
Там грозной брани слышны клики,
Убийц жестоких гласы дики
И жертв убийства томный стон;
Земля трясется от ударов;
И вспыхнул огнь; и от пожаров
Далекий рдеет небосклон.

2 Се Греция, бессильна боле
Сносить ее дручащий гнет,
Бессильна в горестной неволе
Претерпевать всю лютость бед,
Против злочестного тирана,
К ней лютым зверством обуянна,
Защиты обнажила меч;
Вокруг креста соединилась
И в славную стезю решилась
Ее преславных предков течь.

3 Но враг, три века кровь пиющий
Им угнетенной жертвы сей,
Собравши спиры, месть несущи,
Простер злодейску длань над ней;
Священны храмы оскверняет,
Причет невинный умерщвляет,
И жен и дев на студ влачит;
Сжигает веси, рушит грады
И трупы граждан всех в громады
Горой на стогнах громоздит.

4 Увы, — и льющась кровь реками
Не утоляет жажды злой,
Усеять хочет он главами,
Весь край, попран его стопой;
Он хочет, в месть своей гордыни,
Страны все обратить в пустыни;
И не поставя буйству мер,
На всех живущих смерть изрыгнуть,
Чтоб в лютой ярости воздвигнуть
Из Греции — один костер.

5 Везувий в гневе так пылает;
Так, пламенны открыв уста,
Горящи реки изрыгает
На все окрестные места:
Там палит жатвы, вертограды,
Тут жупелем заносит грады;
И многочисленный народ
Пожрав с пространною столицей,
Над сей всеобщею гробницей
Кремнистый возвышает свод.

6 Что ж, бедствам в жертву обреченна,
О, злополучная страна!
От лютых язв изнеможденна
И кровью чад обагрена,
Что в скорбной ты предпримешь доле?
Томиться ль в тяжкой вновь неволе,
Или ж, собрав остаток сил,
Чтоб свергнуть рабства цепь постылу,
Преобразишься ты в могилу
Средь круга вражеских могил?

7 Так, так; — ты твердо предприяла
Иль пасть, иль тяжко иго стерть;
И к чадам доблестным воззвала:
«Свобода, храбрые! иль смерть!»
И храбрые к мечам стремились;
Одним все духом млад и стар,
И жены, вспламенясь, ко брани
Отважные простерли длани:
И смертный отражен удар.

8 В пределах тех, где предки славны
Взрастили лавры на полях,
Где Ксеркса жезл самодержавный
И меч его поверглись в прах,
Где горды зрели Термопилы,
Как греков горсть все персов силы
В стремленьи воспятить могла;
И где, отечество спасая,
Ни шага вспять не отступая,
Дружина храбрая легла.

9 Там вновь отважная дружина
На поле ратное течет;
Против свирепа властелина

Вновь племя Спарты восстает:
В мечи перековав оковы,
Все в лютый бой лететь готовы
Без шлемов, броней и щитов;
Им шлем — священна правость брани;
Им броня — крепка грудь и длани;
А щит — всевышнего покров.

10 Дерзайте, доблестные чада!
Стесните правоверну рать;
Против креста все силы ада
Возмогут ли противостать?
Уже моря ваш флаг познали,
Где храбры предки потопляли
Несчетны перски корабли;
Уж меч ваш в тех полях сверкает
И ветр хоругвы возвевает,
Где их врагов полки легли.

11 А вы, могучие державы,
Поклявшиясь кресту служить!
Захочете ль бессмертной славы
Себя в сей брани отчуждить?
Возможно ль зреть вам терпеливо,
Чтоб враг попрал пятой кичливой
Единоверну вам страну;
Чтоб дланью лживого пророка
Повержен в прах был крест востока
И чтил царицу тьмы луну.

12 Дерзайте, — в бой взносите длани,
Да съединит всех веры глас.
И скоро роковой на брани
Ударит Магомету час.
Уже отверзты вам дороги;
Уж страх и мрачные тревоги
Срацина душу потрясли.
Дерзайте; — буйства рог сотрите
И громом мести истребите
Врагов креста с лица земли.

13 А ты, чьи громы уж готовы
На буйную гордыню пасть,
Обыкший чужды рвать оковы
И усмирять тиранов власть,
Спеши, и с грозной колесницы

Ударом сильныя десницы
Взнесенно размозжи чело;
Рази; разрушь гнездо злодеев
И узы тяжкие ахеев
Как бренно сокруши стекло.

14 Тебе назначено судьбою
Прийти, увидеть, победить
И троны спасшею рукою
Востока стан восстановить.
Сам бог на путь наставит правый;
Он знает, что не прелесть славы,
Не мзда предмет души твоей,
Что мир держав — твоя отрада,
Креста победа — твой трофей.

‹К ВОССТАВШЕМУ ГРЕЧЕСКОМУ НАРОДУ›

1 Неведомо, куда идут
Полки, испытанны во брани,
Против кого огонь несут
И меч прияли в мощны длани.

2 Не снова ль пленник средь зыбей
Европе рабством угрожает.
Не снова ль луч свободных дней,
Блеснув спартанцам, угасает.

3 Коль так, благословляю вас!
Тень Леонида, Мильтиада!
Возрадуйтесь, ударит час
И в прах падет деспот Царьграда.

4 Какой тиран возможет стать
Против стремления народа.
Там можно ль цепи налагать,
Где рабство — смерть, где жизнь — свобода.

5 Друзья, пускай ваш острый меч
Тиранов кровью обагрится.
Тому отрадно в землю лечь,
Кто за свободу ополчится.

‹Е. М. БАГРЕЕВОЙ›

Промемория

Любезная Елизавета!
В младых еще летах твоих
Ты видела превратность света.
Да с сей поры уж ни на миг
Она тебя не потревожит!
Да счастье, радости умножит,
Которые любовь дарит!
Снискав по сердцу верна друга,
Блаженствуй средь семейна круга;
Ему доброта верный щит:
Она стирает скорби жало;
Она всех прелестей милей;
В чертах твоих — ее зерцало,
А скромный храм — в душе твоей.

ИВАНУ БОРИСОВИЧУ ПЕСТЕЛЮ

Несчастен в мире сем, кто на себя опеку
Общественных навьючил благ:
От власти встретит лишь упреку,
И коль убог был, будет наг.
Но мзда его превыше многа
Пред праведным престолом бога.
Безмездный труд весы правдивы обретет
‹В чертогах› доброго владыки,
Кто долг свой исполнял великий,
Наградой ‹вечной› превзойдет.

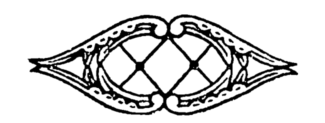
‹К ЮНОМУ ДРУГУ›

1 Уж дряхла старость осребрила
Мои иссохшие власы
И скукою отяготила
Текущи медленно часы;
Любовь игривая отстала,
Ушел забав беспечный рой;
Увы, и сонм друзей пожрала
Несыта хлябь земли сырой.

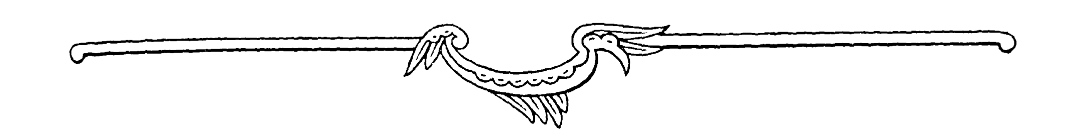
2 В сей сердца пустоте печальной,
Когда гнетила скорбь мой дух,
На стороне чужой и дальной

Простер мне руку юный друг.
Душа мгновенно оживилась
Приятнейшим отрад лучом;
Как орля юность, обновилась
Надежда в скорбном сердце сем.

3 О, добрый друг! За дар бесценный
Чем в силах я тебе воздать? —
Взаимным чувством восхищенный,
Могу я только пожелать,
Чтоб ты, среди веселий круга
Успев лета должайши цвесть,
В *дни, как я днесь,* <. . .> *друга*
К отраде сердца мог обресть.



Пьесы



ЯБЕДА

Комедия

‹ПРЕДИСЛОВИЕ В. В. КАПНИСТА К КОМЕДИИ «ЯБЕДА»›

Préface

En livrant de nouveau ma comédie La Chicane au jugement des lecteurs, je me fais un devoir de répondre à l'un des reproches qui m'ont été adressés par des personnes très dignes et des amateurs éclairés de la littérature russe. Ils ont pensé que, dans le dernier acte de ma comédie, en mettant sur la scène, bien que dans une maison particulière, la séance de la Chambre civile, j'avais déconsidéré par cela même l'autorité judiciaire qui doit être très respectée par tous. Obéissant à cette critique, j'ai représenté à présent des membres de la Chambre civile se rassemblant arbitrairement dans la maison du président et y tranchant par une procédure illégale un procès civil. Quand bien même cela ne serait jamais arrivé, il faudrait encore, ce me semble, pardonner à l'auteur, qui a voulu dépeindre les actions infâmes de certains juges, supposer même la possibilité d'une conduite aussi répréhensible, afin d'éveiller chez les spectateurs une plus grande aversion pour la chicane. En outre je trouve nécessaire, pour compléter ma justification, de remarquer que dans ma comédie j'ai représenté des membres d'une ancienne Chambre civile, dont la composition et les attributions, à cause de différents défauts, ont été il y a déjà longtemps changés par le pouvoir souverain. Les Chambres civiles étaient composées d'un président, de deux conseillers et d'un nombre égal d'assesseurs, tous nommés par le gouvernement, et ils avaient le droit de faire exécuter leurs décisions. Plus tard, ces tribunaux furent transformés en Chambres de jugement et d'exécution, dans lesquelles seuls le président et les deux conseillers sont nommés par le gouvernement, et il fut permis à la noblesse et à la bourgeoisie d'y adjoindre deux députés de leur choix. De cette façon,

en gratifiant les classes des justiciables du droit de désigner parmi elles des juges dignes de leur confiance, on a donné l'équilibre nécessaire à une bonne administration de la justice. En outre, afin de mieux garantir les propriétés et les droits de chacun, on n'a pas attribué à ce tribunal le privilège de faire exécuter ses arréts; ainsi reste ouverte pour chacun une voie pour obtenir justice en moyen d'un appel au Sénat dirigeant, sans être par anticipation privé de ses biens. J'espère que les lecteurs impartiaux, appréciant les explications que je viens de donner, ne m'accuseront plus à présent d'avoir exposé à la risée publique les agissements coupables des membres d'un tribunal qui a cessé d'exister, et qu'ils approuveront par leur propre indignation contre la chicane, ma tentative pour en peindre le masque horrible. Je termine en affirmant que, sachant tout le labeur, l'inquiétude et les grands sacrifices qui sont absolument inséparables de l'accomplissement consciencieux des fonctions d'un bon juge, personne plus que moi ne sent le respect qui est dû à un si digne serviteur de l'Empereur et de la patrie.

L'Auteur.

Перевод:

Предисловие

Вновь вынося мою комедию «Ябеда» на суд читателей, я почитаю своим долгом ответить на один из упреков, обращенных ко мне весьма достойными лицами и просвещенными любителями русской литературы. Они полагали, что в последнем действии моей комедии, изображая на сцене, хотя и в частном доме, заседание Гражданской палаты, я тем самым лишил уважения судебную власть, которая должна быть уважаема всеми. Послушавшись этой критики, я теперь изобразил членов Гражданской палаты, собравшихся самовольно в доме председателя и решающих там гражданский процесс в порядке незаконной процедуры. Если бы это даже никогда не могло случиться, надо было бы все же, мне кажется, простить автору, который хотел изобразить бесчестные действия некоторых судей, допуская даже возможность поведения, столь достойного порицания, для того, чтобы возбудить у зрителей еще большее отвращение к ябеде. Кроме того, я почитаю необходимым заметить для полноты своего оправдания, что в своей комедии я вывел членов старой Гражданской палаты, состав и полномочия которой ввиду различных недостатков были изменены уже давно верховной властью. Гражданские палаты состояли из председателя, двух советников и равного числа заседателей. Все эти лица назначались правительством и имели право приводить в исполнение свои постановления. Позже эти суды были преобразованы в судебные и исполнительные па-

латы, в которых лишь председатель и два советника назначаются правительством, и было позволено дворянству и купечеству ввести туда двух выбранных ими депутатов. Таким образом, пожалование сословиям подсудных лиц права назначать из своей среды судей, достойных их доверия, придало равновесие, необходимое для хорошего управления судопроизводством. Кроме того, с целью лучше обеспечить собственность и права каждого, этому суду не предоставили привилегии приводить в исполнение свои приговоры. Таким образом, для каждого открыта возможность добиться справедливости путем обращения в Правительствующий сенат, не будучи заранее лишенным своего имущества. Я надеюсь, что беспристрастные читатели, учтя объяснения, которые я только что привел, теперь уже не осудят меня за то, что я выставил на общественное осмеяние преступные действия членов суда, более не существующего, и что они поддержат своим собственным негодованием против ябеды мою попытку изобразить ее отвратительное обличье. Я заканчиваю уверением, что, отлично зная весь труд, все беспокойство и великие жертвы, совершенно неотделимые от добросовестного исполнения обязанностей хорошего судьи, я больше, чем кто бы то ни был, чувствую уважение, должное в отношении столь достойного слуги государя и отечества.

Автор

‹ПОСВЯЩЕНИЕ КОМЕДИИ «ЯБЕДА» ПАВЛУ I›

Его императорскому величеству, государю императору, Павлу Первому

Монарх! приняв венец, ты правду на престоле
С собою воцарил: вельможа в пышной доле
И раб, в поту лица ядущий хлеб дневный,
Как перед богом, так перед тобой равны.
Нелицемерного ты образ нам закона:
Перуном власти там, с превознесенна трона,
Злодейство, клевету, пристрастие разишь;
Тут скипетром щедрот невинность ты бодришь,
Возводишь истинну, заслуги награждаешь
И тем в сотрудники всех россов привлекаешь.
Прости, монарх! что я, усердием горя,
Мой труд, как каплю вод, в глубоки лью моря.
Ты знаешь разные людей строптивых нравы:
Иным не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Талии порок изобразил;
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажил
И отдаю теперь на посмеянье света.

Не мстительна от них страшуся я навета:
Под Павловым щитом почию невредим;
Но быв по мере сил споспешником твоим,
Сей слабый труд тебе я посвятить дерзаю,
Да именем твоим успех его венчаю.

Верноподданный
Василий Капнист.

ЯБЕДА

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Лица:

Праволов, отставной асессор.
Кривосудов, председатель Гражданской палаты.
Фекла, жена его.
София, дочь его.
Прямиков, подполковник служащий.
Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин — Члены Гражданской палаты.
Хватайко, прокурор.
Кохтин, секретарь Гражданской палаты.
Добров, повытчик.
Анна, служанка Софии.
Наумыч, поверенный Праволова.
Архип, слуга Праволова.

Действие происходит в доме Кривосудова. В углу комнаты стоит стол, красным сукном покрытый. В комнате три двери.

Действие I

ЯВЛЕНИЕ 1

Прямиков и Добров

Прямиков

Я рад, мой друг, что мы с тобою здесь столкнулись.

Добров

Да вы, сударь, зачем в дом этот завернулись?
Неужли за грехи какая вас напасть
Иль тяжба, бог храни, втащила в эту пасть?

Прямиков

Так именно: процесс на шею навязался;
Я от него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступал, но потерял весь труд.
И так уездный уж и верхний земский суд
Прошед, где моему не льстили супостату,
Вступило дело к вам в Гражданскую палату.

Добров

Боюсь я, чтоб оно не оступилось здесь.
Да с кем же вы, сударь, имеете процесс?

Прямиков

Сосед мой Праволов не ведь с чего вцепился...

Добров

Кто? Праволов?

Прямиков

Да, он. Чему ж ты удивился?

Добров

Дивлюся, право, я, как с умной головой
Могли связаться вы с такой, сударь, чумой?

Прямиков

Сутяга хитрой он, однако ж не опасен.

Добров

Кто? Он?

Прямиков

Уж в двух судах был труд его напрасен.

Добров

Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другого в свете нет такого удальца.
Напрасен в двух судах! Да там лишь разбирают,
А ведь в Гражданской вдруг решат и исполняют.
Что за беда ему, что в тех его винят;
Лишь только для него в Палате был бы лад.
То он получит вдруг и право и именье.
Вам с Праволовым в суд? Какое дерзновенье!

Прямиков

Да чем же страшен так он мне? Прошу сказать.
Я, в армии служа, не мог соседей знать.
По замирении я в отпуск отпросился;
Лишь в дом, — он на меня с процессом и взвалился;
И тут-то я узнал уж не от одного,
Что он злой ябедник; да только и всего.

Добров

Да только и всего! Так этого и мало?
Вы добрый человек; мне жаль, сударь, вас стало!
Покойный ваш отец мне благодетель был;
Я милостей его отнюдь не позабыл:
Я помню, что его хлеб-соль едал довольно.
В сетях сих видеть вас мне, право, очень больно.
Коль нужен в чем, готов для ваших я услуг.

Прямиков

Чувствительно тебя благодарю, мой друг!
Я должен искренно теперь тебе признаться,
Что я не знаю, как за дело мне приняться.
Во-первых, мне скажи: чем так соперник мой
Мне страшен?

Добров

Господи! что за вопрос такой!
Он ябедник: вот все уж этим вам сказали.
Но чтоб его, сударь, получше вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу:
В делах, сударь, ему сам чорт не по плечу.
В Гражданской уж давно веду я протоколы;
Так видны все его тут шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представ, невинности явили в нем черты.
А сверх того еще, глас божий — глас народа,
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.
Там отмежована вдруг выросла земля;
Тут верхни мельницы все нижни потопили;
Там двести десятин два борова изрыли;
Здесь выморочных сел наследничек воскрес;
Там, на гумне, его дремучий срублен лес;
На брата иск за брань и за бесчестье взносит,
А пожилых с того и за умерших просит;
Там люди пойманы его на воровстве

Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ пересказать не можно:
Довольно и того, что вам слегка сказал.
Притом, как знает он всех стряпчих наповал!
Как регламент нагнуть, как вывернуть указы!
Как все подьячески он ведает пролазы!
Как забежать к судье, с которого крыльца;
Кому бумажек пук, кому пуд сребреца;
Шестерку проиграть, четверку где иль тройку;
Как залучить кого в пирушку, на попойку;
И словом: дивное он знает ремесло
Неправду мрачную так чистить, как стекло.
Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться?

Прямиков

И подлинно, его мне должно опасаться.
Но дело ведь мое так право, ясно так!..

Добров

Как солнце ясно будь, то будет аки мрак.

Прямиков

Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяин здешний?..

Добров (*осматривается кругом*)

Ах! Боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышит нас никто.
Извольте ж про себя, сударь, вы ведать то,
Что дому господин, гражданский председатель,
Есть сущей истины Иуда и предатель,
Что и ошибкой он дел прямо не вершил;
Что с кривды пошлиной карманы начинил;
Что он законами лишь беззаконье удит
И без наличного довода дел не судит.
Однако хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет:
Съестное, питьецо — пред нею нет чужаго;
И только что твердит: даянье всяко благо.

Прямиков

Вот на! Возможно ль быть? А члены?

Добров

Все одно:
У них все на один салтык заведено.
Один член вечно пьян, и протрезвленья нету;
Так тут какому быть уж путному совету?
Товарищ же его до травли русаков
Охотник страстной: с ним со сворой добрых псов
И сшедшую с небес доехать правду можно.

Прямиков

А заседатели?

Добров

Когда сказать не ложно,
В одном из них души хотя немножко знать;
Так что ж? Лих та беда, что не горазд читать,
Писать и поготовь, а на словах заика;
И так, хотя б и рад, помеха лих велика.
Другой себя к игре так страстно пристрастил,
Что душу бы свою на карту посадил.
В суде по чермному с ним фараон гуляет,
И у журнало́в он углы лишь загибает.

Прямиков

А прокурор? Ужли и он...

Добров

О! прокурор,
Чтоб в рифму мне сказать, существеннейший вор.
Вот прямо в точности всевидящее око:
Где плохо что лежит, там зетит он далеко.
Не цапнет лишь того, чего не досягнет.
За праведный донос, за ложный он берет;
Щечит за пропуск дел, за голос, предложенья,
За нерешение решимого сомненья,
За поздний в суд приход, за пропущенный срок,
И даже он дерет с колодников оброк.

Прямиков

А о секретаре?..

Добров

Дурак, кто слово тратит.
Хоть гол будь, как ладонь, он что-нибудь да схватит.
Указы знает все, как пальцев пять своих.

Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить смело,
Иль стибрить документ — его все это дело;
И с Праволовым он запазушны друзья.
Он вам накаверзит, весьма уверен я.
И дельцо, знать, к себе он прибрал по секрету;
По крайности, его в моем повытье нету.

Прямиков

Изрядно мне ты эту шайку описал!
Какая сволочь!

Добров

Я вам истину сказал:
Но, бога ради...

Прямиков

Будь, пожалуй, будь спокоен.
Но чем же мне начать? Я, право, так расстроен...

Добров

Из слов, сударь, моих могли вы то понять,
Что нечем тут начать, как тем, что дать и дать.

Прямиков (*дает ему кошелек*)

Изволь, тебе, мой друг! Так, как знакомцу древню...

Добров (*не принимая*)

Никак: благодарю. — Давно бы я деревню
Купил, когда б так брал, как многие берут,
Впредь, до решенья дел, за предлежащий труд.
Таких неправедных нажитков я чуждаюсь;
С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь.
А если правое чье дело верх берет
И правый мне за труд в признательность дает,
То, признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет:
Я принимаю дар, бездельник вынуждает.
И не из прибыли я вам служить хотел;
Я уж сказал, сударь, я вашу хлеб-соль ел.

Прямиков

Ну, как же ты, мой друг, совет мне предлагаешь,
Которого ты сам исполнить не желаешь?
Ты бедной человек, имеешь малой чин;
Породы ты простой, не князь, не дворянин;

Ты дому моему уже служил довольно;
Но ты не взял, что я хотел дать добровольно.
А мне советуешь, чтоб я пошел дарить,
Кого ж? Мне равного! Как может это быть!
И как мне сметь его унизить, уничтожить!

Добров

Не должно это вас, поверьте мне, тревожить.
До рода, до чинов какая нужда тут?
Давайте тем, сударь, которые берут.
А чтоб предохранить их от уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтоб чина пред другим вам не уничтожать,
То по чинам лишь им извольте прибавлять.

Прямиков

Но оставляя их, о мне бы что сказали,
Когда б меня одни лишь деньги оправдали?
Не вправе ли тогда б и мой соперник был
Сказать, что в кошельке я совесть задушил?

Добров

Пусть врал бы он тогда, что на язык попало;
Не переделалось тем дело бы нимало.
И вы б сказать могли, что право в деле сем
Вы были подкрепить должны не только тем,
Что требовал Закон, но и закона руки.

Прямиков

Нет, нет, не сроден я на эдакие штуки.
Пускай подарками мой враг марает руки.
Я мыслю, что мою тем правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Добров

Вы слишком песенку поете нам высоку;
А на Руси твердят: не всяко лыко в строку.

Прямиков

Но я все правдою привык, мой друг, строчить,
Имений могут всех они меня лишить,
Но не принудят ввек на подлость и пронырства.

Добров

Что ж вам от этого прибудет богатырства?

Прямиков

Честь

Добров

Честь, сударь, не в честь, как нечего с ней есть!
Но надобно же вам подумать, как ни есть...

Прямиков

Я думаю, я прав.

Добров

И неужель стоите
Упрямо в том?..

Прямиков

Стою.

Добров

И им вы не дадите?

Прямиков

Ни шеляга не дам.

Добров

Однако истец ваш,
Я думаю, прислал тяжелый свой багаж
И под фортецию суда подкоп уж роет.

Прямиков

Пусть.

Добров

Ну, а как он залп из кошелька откроет,
То праву вашему на воздухе гулять.

Прямиков

Ну, что ж? Хоть здесь они изволят сплутовать,
То я наместнику на них подам прошенье.

Добров (*подняв плечи*)

О боже! положи устам моим храненье!
Но хоть подумайте, — и это, ей, не вздор, —
Что исполняется палатской приговор
И что ощиплют вас, как коршуны синицу;
А с апелляцией уж голой дуй в столицу.

Прямиков

Нет, права моего ничто не помрачит.
Я не боюсь: закон подпора мне и щит.

Добров

Ах! Добрый господин, ей-ей! законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты.
Закон желает нам прямого всем добра;
Но мы хотя и все из одного ребра,
Но не равно мы все к добру расположенны.
В Зерцало взглянь судов: Петра черты священны
Безмездно там велят по истине судить;
Божествен суд таков! Да где судей найтить?
Закон старается вселить в нас души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко бескорыстию желание вперить
И с правдою судей сколь можно примирить;
Наградою их льстит и казнью угрожает;
Но против ябеды ничто не помогает.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза,
И чтоб насущного вам хлеба не лишиться,
То должны с ябедой как ни на есть сойтиться.

Прямиков

Все так, мой друг, но я из правил уж моих
Ни для каких причин не выйду ни на миг.
И я решился раз; что скажешь, все пустое.

Добров

Но...

Прямиков

Перестань, прошу. Да это что такое?
Судейской красной стол, мой друг, я вижу здесь!

Добров

Не знаю, как сказать: иль ангел, или бес,
Вняв челобитчиков умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженью;
А как домов таких нельзя здесь вдруг найтить,
Где выгодно суды могли бы поместить,
То председатель наш в свой дом вместил палату,
С казны себе за то приобретая плату.

Прямиков

Так мы нечаянно в святыню забрели?

Добров

Но святость, знать, в ней спит; а день уж на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйска именинна
И для сговора...

Прямиков

Чей сговор?

Добров

У них едина
Лишь дочь. Я слышал вскользь, — таят.

Прямиков

Да за кого?

Добров

Не знаю истинно. Да вам что до того?

Прямиков

Как что? Но на тебя могу ль я положиться?

Добров

Я предан вам, сударь! Нет нужды и божиться,
Уж после всех тех тайн, что вам...

Прямиков

Так знай, мой друг,
Что страстью нежною пылает к ней мой дух.
В Москве у тетки, где она и воспиталась,
Увиделся я с ней; она мне показалась,
Влюбился; был ей мил. Но сколько ни влюблен,
Я на войну спешить был честью принужден.
Простились горестно. Она мне поклялася
Любить меня по смерть. Потом война зажглася.
Я дрался, отличен; и сведал, наконец,
Что в город сей велел ее привезть отец.
Спешил сюда; в дому процессом задержался;
Приехал, к ней иду, с тобою повстречался,
И слышу, — боже мой! Но может ли то быть?
Возможно ль клятву ей так скоро позабыть?
Да за кого?

Добров

Таят, сударь, к чему-та.
Да вот ее идет служанка к нам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Прямиков, Добров и Анна

Прямиков

Анюта!
Ах! как я рад тебе!..

Анна

И я вам. Да отколь
Принес вас бог?

Прямиков

Постой, и прежде мне позволь
Спросить, правдив ли слух по городу несется,
Что барышня твоя уж замуж отдается?

Анна

Что отдается, в том, наверное, вам лгут;
Но то не солгано, сударь, что отдают.

Прямиков

Скажи мне искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня в печали оставляешь?
Хоть словом успокой, Анютушка! меня.

Анна

Нет; я всегда, сударь, желала вам добра.
Но вспомнить бы о нас давно, давно пора.
Как в воду канули; где сгибли вы, пропали?
По этот день, сударь, ведь вовсе мы не знали.

Прямиков

Как, вы ведь знаете, что я был на войне.
Но средь опасностей, и между пуль, в огне,
Любезный образ той, котору обожаю,
Преследовал меня; я к ней писал, и чаю,
Сто писем; но представь, от ней ни на одно
Мне ни полстрочкою ответа не дано.
Я был в отчаяньи, в отчаяньи и ныне.
Анюта, пожалей ты о моей судьбине;
Хоть словом услади жестокости ея.

Анна

Да что мне вам сказать?

Прямиков

Скажи, любим ли я?

Изъ книгъ
Мих. и Алекс. Иван.
Семевскихъ

ЯБЕДА,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Под. Н. В. Я—инъ
1858го г. Сентяб. 15го

Съ дозволенія Санктпетербургской Ценсуры.

ВЪ Санктпетербургѣ, 1798.

Печатано вЪ Императорской Типографіи.

Иждивеніемъ Г. *Крутицкого.*

Титульный лист первого издания комедии В. В. Капниста «Ябеда».

Анна

Хотя и не совсем, сударь, вы правы сами;
Но правды потаить я не хочу пред вами.
Вас любят; но беда, что принуждают нас
Женою быть того, кто не похож на вас...
Вот это плод, сударь, походов да сражений,
А больше не могу я дать вам объяснений.

Прямиков

За перву весть тебя я рад поцеловать,
И сердце несколько уж стало отдыхать.
Пожалуйста поди, скажи ты ей, Анюта.

Анна

Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ 3

Софья, Прямиков, Анна и Добров

Прямиков

Счастливая минута!
Я вижу вас опять, с восторгом вижу вас.

Софья

Ах, да откуда вы?

Прямиков

Я в город лишь сейчас
Приехал и мое желание сердечно...

Софья

Вы позабыли нас!

Прямиков

Ах! нет, я помнил вечно
И вечно и в уме и в сердце вас носил
Но вам я?..

Софья

Признаюсь, ты мне всегда был мил.
Ах! что сказала я?

Аллегорическое изображение неправосудия.
Гравюра неизвестного художника. Фронтиспис издания комедии В. В. Капниста «Ябеда» 1798 г.

Прямиков

Что вдруг все те печали,
Которые мой дух доселе отягчали,
Разбило и меня в миг драгоценный сей
Счастливейшим из всех соделало людей.

(Целует ее руки)

Софья

Где был ты долго так? Ах! друг мой! ты не знаешь
Несчастья нашего, всего, что ты теряешь.

Прямиков

Ах! нет. Уж я узнал, что нежну нашу страсть
Стремится разорвать родительская власть;
Но льщусь надеждою, когда они узнают,
Что горесть вам одну лишь тем приготовляют,
То переменят мысль и отдадут тому,
Кого вы избрали по сердцу своему.

Софья

Желаю, чтобы ты тем не напрасно льстился.

Прямиков

Открыться им во всем теперь же я решился.
О деле разговор подаст к тому мне след.
Но кто счастливой тот?

Софья

Вот батюшка идет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и Кривосудов

Прямиков *(к Кривосудову)*

Позвольте вам, сударь, отдать мое почтенье.
Я Прямиков. Процесс мой к вам на рассмотренье
Вступил. Я в правости на ваш надеюсь суд.

Кривосудов

А! Знаю...
(к Софии)
А ты что, чего зеваешь тут?..
Поди в уборную: ты видишь, челобитчик.

София и Анна уходят

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов, Прямиков и Добров

Прямиков

Осмелюсь вам сказать...

‹Кривосудов›

А! господин повытчик!

Добров

С днем ангела, сударь, я поздравляю вас,
Желаю новых благ на всякий день и час.

Кривосудов

Благодарю, дружок!

Прямиков

Я смелость принимаю...
О деле вам моем...

Кривосудов

Да я сказал, что знаю.
Надолго ль в город к нам?

Прямиков

То должно вам решить.

Кривосудов

Мы рады гостю.

Прямиков

И... без тяжбы здесь прожить
Я несколько хотел. Позвольте мне о деле...

Кривосудов

Рассмотрим мы его на этой же неделе.

Прямиков

Но я хотел, сударь, вам прежде изъяснить...

Кривосудов

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дело на письме увидеть можем ясно;
И предуведомлять хотите вы напрасно.

Прямиков

Однако я прошу...

Кривосудов

Вам не о чем просить:
Мы по законам все должны дела вершить.
Без просьбы оправдим, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дело плоховато...

Прямиков

Не о потачке я упрашивать хотел;
Бесчестьем вам и мне такую б просьбу счел.
Но дело в сторону; я к вам имею нужду,
Процесса всякого и всякой тяжбы чужду,
Важнейшую всего на свете для меня.
Простите мне, что вам откроюсь прямо я.
Вам дом известен мой, порода и поместья:
Я льщусь, сударь, что вам не сделаю бесчестья
И искренность моих поступков докажу,
Когда вам, как отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою
Пленен смертельно я; что счастливой судьбою
Почту я сыном вам, а ей супругом быть.

Кривосудов

Дочь! Как? — Где вы ее успели полюбить?

Прямиков

В столице, как она у тетушки бывала,
Имел я счастие...

Кривосудов

И тетка это знала?

Прямиков

Я страсти перед ней не думал и скрывать.

Кривосудов

Она с ума сошла! Да как же так спущать?

Прямиков

Мне странно: неужель я этим вас обижу?

Кривосудов

Никак, но в первый раз я вас сегодня вижу,
Она же молода; у ней же есть и мать.
Прошу за честь сию спасибо вас принять;
Однако же нельзя так скоро нам решиться.

Прямиков

Я только лишь хотел об этом изъясниться;
Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?

Кривосудов

На сей седмице вас потщимся мы решить.

Прямиков

Так вы даете мне надежду, что я буду? ..

Кривосудов

Надейтесь, вашего я дела не забуду.

Прямиков

Я с восхищеньем вас, сударь, благодарю.

Кривосудов

Добро; явитеся лишь вы к секретарю.

Прямиков

Зачем к секретарю?

Кривосудов

Он силу в деле знает.
Да, ба! Повытчик тут с делами ожидает:
Мне резолюцию на них потребно дать.

(*Берет бумаги*)

Прямиков

Позволите ль мне честь к вам и вперед бывать?

Кривосудов

Добро пожаловать. — Я ваш слуга покорной.

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов и Добров

Кривосудов

Вот на! Какой востряк! о! да дакой проворной!
Лишь только на порог — и к дочке уж успел!
Да как сестра моя? .. кто ей на шею сел?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

Добров

Да может быть, сударь, что женишка такова
Хотела приласкать. Ведь с тысячью-то душ
Красавец эдакой хоть бы кому так муж.
Чин подполковничий; через четыре года
Полк тысячный; а бог коли не даст похода,
То с сих двух тысяч душ! — Позвольте мне сказать,
Преданнейшу слуге, чем он и вам не зять!

Кривосудов

Вот эти молодцы все ветер лишь гоняют;
И родовых наследств беречь они не знают;
А что и говорить о благонажитых!
Кто первый захотел, тот и ощиплет их.
Не знают, что за зверь экстракт и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы
С своими ж русскими на площади, везде
Лепечут; а язык прильпе их на суде.
Ты знаешь, нажил я ведь лишь трудом да потом,
Ну, так не жаль ли, брат! как в прах пойдет все мотом?
Такого зятя я хочу себе найтить,
Который бы умел к нажитому нажить.
Да у меня и есть уж некто на примете.

(*Кладет бумаги на стол*)

Добров (*берет бумаги и подносит ему*)

Три дела тут, сударь, которы, по помете,
Уж более трех лет не решены лежат:
Пора бы кончить их...

Кривосудов

Да кто же виноват?
Лежат! — вот на! затем, что николи не ходят
Просители ко мне.

Добров

Да чай они и бродят
Под окнами, сударь, но чтоб сюда прийтить,
Так не с чем им.

Кривосудов

Так что ж? За ними мне ходить
Прикажешь?

Добров

Нет, сударь, но я за них таскаюсь,
Их прав иск: я нашел...

Кривосудов

Так я и не мешаюсь,
Когда ты что нашел; находка пред тобой.

Добров

Да вот у этого последнею землей
Грабительски его соседи завладели
И дом его сожгли.

Кривосудов

Хозяина, знать, грели.

Добров

А бедных сих дворян в подушный всех оклад
Помещик записал.

Кривосудов

Я был бы очень рад,
Когд б в крестьянску чернь, чтоб носа не взносили,
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

Добров

А этот, наконец, за поземельный спор,
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился
И в три дни отдал дух.

Кривосудов

Знать дурно он лечился.

Добров (*в сторону*)

Ну! вот и приговор!

(*Вслух*)

Да что ж хоть первым двум?..

Кривосудов

Да дела не могу решить я наобум:
Кто прав, кто виноват, мне это видеть должно.

Добров

Из дела...

Кривосудов

Ничего увидеть невозможно.

Добров

Но внятно говорит тут письменный довод.

Кривосудов

Потребен — слышишь ли? — изустный перевод.

Добров

Но дело на письме гласит довольно ясно.

Кривосудов (*вырывает бумаги, бьет об стол и бросает*)

Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.
Да полно пустошью мне голову ломать;
Поди: к обедне мне пора уж поспешать.

Добров (*поднявши бумаги*)

Хоть взгляньте...

Кривосудов

Ах! поди, не говори мне боле.

Добров

При белом их, сударь, принес я протоколе;
Лишь подписать.

Кривосудов

Поди.

Добров

Для ангела!

Кривосудов

Поди!

Добров

Для праздника!

Кривосудов

Поди, поди и пропади!

(*Выталкивает вон*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов

Кривосудов

Тьфу! Бешеный какой! чуть к горлу не придрался,
И с челобитчиком скорея б развязался!

(*Передразнивает*)

Лишь только подписать, готов и протокол;
Нет, друг мой! да и я ведь также не осел.
Когда все наголо подписывать я буду,
То скоро работать и челюстьми забуду.
Перо, и то в себя чернилы ведь берет:
Так мне ли одному сидеть разиня рот
И, видя под носом летящих куропаток,
Из сотни не схватить одну или десяток?
Прост был бы я и впрямь!

ЯВЛЕНИЕ 8

Кривосудов, Фекла, Наумыч и Архип с подарками

Фекла

Вот, милой муженек!
К нам Праволов прислал Наумыча.

Кривосудов (*надевая перстни, шпагу и проч.*)

Дружок!
Здорово. Господин каков твой?

Наумыч

Вас проздравить
Велел с днем ангела, и сим...

(*Показывает подарки*)

Фекла (*слуге*)

Изволь поставить.

Наумыч

Поклон вам отдает.

Кривосудов

Благодари его;
Но много так на что?

Наумыч

И, сударь, ничего!

Кривосудов

Но, право, совестно.

Наумыч

Домашне все ведь это.

Фекла

А нам бы все платить наличною монетой.

Наумыч

Неуж, сударыня?

Кривосудов

Но будет ли он к нам
На дружеской обед?

Наумыч

Когда угодно вам.

Кривосудов

Пожалуй, попроси.

Фекла

Мы будем дорогова
Ждать гостя.

Наумыч

Я скажу. О деле я два слова
Хотел промолвить вам. Соперник прибыл наш.

Кривосудов

Он был уж у меня.

Наумыч (*Фекле, рассматривающей подарки*)

В бутылках эрмитаж.

Кривосудов

Но я его оттер. О деле он рассказы
Занес было; но я замял речь.

Наумыч (*Фекле*)

Тут колбасы.

Кривосудов

И с рук сжил.

Наумыч

Сколько ж вам мой господин, сударь,
Обязан!

(*Фекле*)

На роброн атлас.

Фекла

Какой хабар!

Кривосудов

Но как он намекнул, то дело плоховато!

Наумыч

Все ложно.

(*Фекле*)

На кафтан тут бархатец косматой.

(*Кривосудову*)

И вы словам, сударь, не верьте.

Кривосудов

Ну, добро;
Посмотрим.

Наумыч (*Фекле*)

Флер цветной невесте на фуро.

(*Кривосудову, указывая на подарки*)

На деле мы, сударь, доказываем ясно.

Кривосудов

Добро, добро.

Наумыч (*Фекле*)

За нас словцо. — Шампанско красно.

Кривосудов

Ужо посмотрим.

Фекла

Да, мой милой, посмотри;
Одной провизии не съесть недели в три.

Кривосудов (*смотря на подарки*)

Ба, ба! что вижу впрямь! да это двор гостиной!

Наумыч

Изволите шутить.

Фекла (*Наумычу*)

Обернуто холстиной?

Наумыч (*Фекле*)

Швейцарской сыр...

(*Кривосудову*)

Так мы надеемся на вас?

Кривосулов

Ну, кланяйся; добро.

Фекла

Обед наш ровно в час.

Наумыч

Наверно будет.

Фекла

Ну, спасиба!

Кривосудов

Ну, спасиба.

Фекла (*провожая Наумыча*)

Спасиба!

Наумыч (*возвратясь, Фекле*)

Там в сенях, в кульке провесна рыба.

(*Уходит с Архипом*)

Слуга выносит подарки

ЯВЛЕНИЕ 9

Кривосудов и Фекла

Фекла

Какой же умница Наумыч!

Кривосудов

Не дурак!

Фекла

И Праволов какой досужий.

Кривосудов

Не простяк!

Фекла

Как любит он наш дом и как не оставляет!

Кривосудов

Зато и делать уж чего не заставляет!

Фекла

Вот друг, каких теперь в диковинку сыскать!
Все знает наперед, что думаешь сказать;
Все памятует дни: крестины, именины,
Родины...

Кривосудов

Плохо лишь он помнит день кончины!

Фекла

Им живы, кормит нас, и дом наш, и весь скот;
И словом: им живем без нужды, без хлопот.

Кривосудов

Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не добиться.
Уж стал он несколько тяжел мне становиться:
Я слышу, на него отвсюду вопиют.
Лишь утушим одно, другое дело в суд;
И сделал для него уж я таких премного,
Из коих и одно б могло, судить коль строго,
Во уголовный суд меня препроводить,
Чтоб лакомством его оскомы не набить!

Фекла

Пустое: ты дела ведь все вершишь гладенько.

Кривосудов

Что черно, как ни гладь, а будет все черненько.

Фекла

Пустое: мы ль одни? Всех не переведут.

Кривосудов

А как по жеребью прийдет отведать тут?..

Фекла

Пустое: знать, с утра ты левой встал ногою,
Что голову набил такою чепухою.
Ты только посмотри, как оборотлив он:
В столице у него, ты знаешь, есть патрон;
И сверх того еще приятелей имеет.
Куда ни кинется, везде уж он поспеет.
Так ты, пожалуйста, пустого не страшись
И на него в делах его ты положись.

Кривосудов

Что делать!

Фекла

Ах, на ум теперь пришло мне кстате,
На Прямикова иск в Гражданской ведь палате.

Кривосудов

Так точно.

Фекла

Он о нем давно мне говорил.

Кривосудов

А мне не так давно.

Фекла

Как он со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.

Кривосудов

А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.

Фекла

Однако ж, милый мой, ты должен пособить,
Ведь вспомни, как он нам...

Кривосудов

Да помню так, как должно;
Но памятью одной тут пособить не можно.
Тут надобен указ, иль право, иль закон.

Фекла

Законов столько!

Кривосудов

Так.

Фекла

Указов миллион!

Кривосудов

И это истинно.

Фекла

Прав целая громада!

Кривосудов

Все неоспоримо.

Фекла

Ну, так чего же надо?

Кривосудов

Безумна! надобно такой закон прибрать,
Чем виноватого могли бы оправдать.

Фекла

Да ведь закон прибрать — секретарево дело,
А ваше лишь решить; и я ручаюсь смело,
Что секретарь прибрал закон уж для него:
Из пропасти такой не выбрать одного?

Кривосудов

Да я же не один: ведь у меня есть члены.

Фекла

Вот на еще! да им и море по колены:
Так много ль надобно их уломать труда!

Кривосудов

Ин быть так; если он спроворит до суда
Всех членов наклонить; то вот-те слово свято,
Что уж и я пущусь... хоть дело плоховато!

Фекла

Притом для дочери он не жених, а клад:
А свой ведь своему и поневоле брат.

Кривосудов

Ба! я и позабыл сказать тебе, что снова
Господь нам женишка дарует и другова.
Как на голову снег сегодни...

Фекла

Кто таков?

Кривосудов

Он подполковник; дай мне вспомнить... Прямиков.

Фекла

Что с Праволовым?..

Кривосудов

Да, тот самый.

Фекла

И на эгу
Весть не дал ты ему ответа прямо?

Кривосудов

Нету.

Фекла (*с жаром*)

Как! хочешь нам его на шею навязать?

Кривосудов

Никак; я лишь хотел тебе сказать.

Фекла

Я слышать не хочу, чтоб не было и духу
Его у нас в дому.

Кривосудов

Он нашу дочь-воструху
В Москве уж знал.

Фекла

Как знал?

Кривосудов

Знал у сестры в дому.

Фекла

Возможно ль быть?.. Да я.. Да я ей!.. я ему!..

Кривосудов

Спокойся же, мой друг! ведь отказать нам можно.

Фекла

Не только отказать, но заказать тут должно,
Чтоб к нам он ни ногой. — Он хочет забежать
И сватовством тебя к себе лишь привязать,
Чтоб в деле ты ему помочь не отказался.
Но не на олухов молодчик расскакался.
Нам Праволов давно знаком; а старый друг,
И по пословице, ведь лучше новых двух.
Не правда ль, миленькой? ась?

Кривосудов

Правда присносущна.
Но, кажется, к нему дочь очень равнодушна.
Ей что-та Праволов не по нутру.

Фекла

Так что ж?
Так на нее смотреть? что стар он, не пригож,
Не финтоват, не враль, так дуре и не нравен;
Но ум его уж зрел и кошелек исправен,
Полюбятся они, как лет пять поживут.
Не так ли?

Кривосудов

Точно так. Что за сомненье тут?

Фекла

Ну! так оставивши пустые, вздорны бредни,
Пойдем; чтоб эдак нам не проболтать обедни.

Действие II

ЯВЛЕНИЕ 1

Праволов и Наумыч

Праволов

Ну! все ль исправно ты спроворил по наказу?

Наумыч

Исполнил все, сударь, по вашему приказу.

Праволов

Подарки всем судьям из глаза ты на глаз
С поклоном от меня препоручил?

Наумыч

Как раз

Праволов

И что они тебе на это отвечали?

Наумыч

Что по-судейски им обыкновенно: — взяли.

Праволов

Наведался ли, где пристал наш Прямиков?

Наумыч

В трактире.

Праволов

Хорошо; подъячим там пиров
Приятельских давать нельзя ему: народа,
И день и целу ночь, там тьма без перевода.
Но для запаса ты приставил ли дозор?

Наумыч

За пятьдесят алтын за ним следит весь двор.

Праволов

Кто стряпчим у него?

Наумыч

Кто стряпчим? нет ни духа.

Праволов

Не может это быть.

Наумыч

Отрежьте мне пол-уха,
Коли я лгу. Но я в советники ему
Уж подпустил стишка Ловилова Козьму.
Вы знаете, сударь, как он всем в душу вьется:
А я ему шепнул, что если подберется
Он к молодцу и нам откроет в деле что,
То перейдет в карман ему полтинок сто.

Праволов

Добро. К секретарю отнес ли ты бумагу?

Наумыч

Отнес; и вейновых чернил большую флягу.

Праволов

Проворит ли он нам, как честно слово дал?

Наумыч

Проворит; о! да как! — вовеки не видал
Такого я дельца: в экстракте это дело
Он скомкал так, сударь, что я ручаюсь смело,
Кто б ни прочел его, хоть лоб будь пядей в пять,
Не может слова в нем ни одного понять.
Ответну речь смешал он так уловкой дивной,
Что смысл изо всего является противной
Всему тому, себя чем оправдает он.
Законов в пользу нам подвел он миллион;
Но этим всем еще не удовлетворился
И вновь с вчерашня дня в архиву он зарылся.

Праволов

Так ладно все. Теперь и я тебе скажу,
Что около судей удачно ворожу:
Настроил всех под мой гудок; и труд великий
Лишь был мне около проклятого заики:
Все душу перегнуть боится сей провал;
Но, с божьей помощью, я чорта уломал.
Другим, как насказал указов, регламентов,
Да сунул в Банковой тисненных документов,
Так и явился чист; а с ним весь бился день:
Как заикнется, ну, так тут и станет в пень;
И этого сломать дрянного асессора
Труднее стало, чем весь суд и прокурора.
Почти что вчетверо вот этот лишь пострел

Противу всех других мой кошелек заел.
Теперь остался мне один лишь наш хозяин;
Ну, как да не возьмет он?

Наумыч

Кто? кто? этот каин?
Лишь в полный вес.

Праволов

И так уж солон мне... Как быть?

Наумыч

Вы знаете, когда похлебки не солить...

Праволов

Конечно. Между тем ты не забыл искусно
Промеж листов вклеить то показанье устно,
Что мы с покойника?..

Наумыч

Спроворено уж все.

Праволов

А те свидетели, которых налицо
Нет, уж подставлены ль?

Наумыч

Уж все, сударь, готовы.

Праволов

Да твердо ль внушены? и все ли однословы?

Наумыч

Не разобьются уж они в словах, сударь!

Праволов

А те указики, что дал я, секретарь?..

Наумыч

Все к делу поместил.

Праволов

Итак, уж ладно дело?

Наумыч

Извольте приступать, сударь, к суду вы смело.

Праволов

Благодаря творца, удачно здесь клеим.
Но чтоб в Саратове по стареньким моим
Делам не вышло мне...

Наумыч

А что же вам опасно?

Праволов

Я письма получил: еще не видно ясно...

Наумыч

С которой стороны?

Праволов

Ты помнишь спор за лес?

Наумыч

Ну!

Праволов

И убитой?

Наумыч

Что ж? неужель он воскрес?

Праволов

Никак; но дело-то умерше воскресает.

Наумыч

Вздор: кто войдет?

Праволов

Да чорт горами ведь качает.

Наумыч

Нет ни наследничка...

Праволов

Отколь, не знаю, зло;
Но до наместника уж дело-то дошло.

Наумыч

Да у наместника...

Праволов

Приятелей имею;
Но я на них весьма надеяться не смею.
Ведь та беда; теперь не так, как в старину:
Бывало, кто уж раз возьмет твою казну
В замену совести, то уж солгать стыдится;
Теперь хоть от тебя, как прежде, всяк щечится,
Хоть всяк обеими по старине берет,
Но если дело где доходит до хлопот
И ежель туго где прийдет стоять за другом,
То он и с кошельком вильнет направо кругом.
Но что о будущем, о настоящем мне
Здесь нужно хлопотать: с отцом наедине
Я постараюся условиться о деле,
Чтоб скомкать нам его на этой же неделе.
Он тем охотнее решится мне помочь,
Что выдать за меня свою желает дочь.

Наумыч

Но неужель и впрямь, сударь, на ней жениться?..

Праволов

Я б должен наперед с ума сойти, взбеситься.
Возможно ль дурочку, в столице лет с шести
Преизбалованну почти до двадцати,
Которая приход с расходом свесть не знает,
Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает,
Да по-французски врет, как сущий попугай,
А по природному ни здравствуй, ни прощай.
Возможно ли в жену такую взять мне дуру!
С ней разве запереть себя навек в конуру.
Нет, тешатся пускай мать ею да отец;
А я слуга ее, лишь делу бы конец.
Но до того манить мне их женитьбой нада.
Вот на! забыл: сюда, чай, членов всех громада
На именинный пир изволит навалить,
Я всех их наповал хочу перепоить.
А чтобы не довесть хозяев до убытков,
Ступай, и разного запаса и напитков,
Как за обед пойдем, сюда ты принеси;
И сам секретаря усильно попроси,
Чтоб был он за меня с хозяином картежить;
А проигрыш его не должен уж тревожить,
Поди, да вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Праволов, Кохтин и Наумыч

Праволов

Здорово, милой друг!

Кохтин

Я вас ища, сударь, обегал город вкруг:
И в уголовной был; там в нижнюю расправу;
На миг к колодничью я забежал приставу;
Оттоль к межевщику, оттуда в магистрат,
Оттоль в смирительной, оттоль сюда; и рад,
Что вас хоть здесь застал. Я радостну новинку...

Праволов

Какую?

Кохтин (*протягивая руку*)

Тьфу, забыл...

Праволов (*дает денег синюю ассигнацию*)

Вот, друг мой, на вспоминку.

Кохтин

Да, да; поймал: она. — Да сколько же трудов,
Пока дорылся! Дни...

Праволов

Ну! без обиняков.
Скажи ее.

Кохтин

Дни три, поверьте, без засыпу...
Ведь надо было мне бумаг огромну кипу...

Праволов

Я верю; но скажи.

Кохтин

Но прежде чем сказать,
Я должен вам...

Праволов (*дает еще денег*)

Тебе я должен, можешь взять.
Да только лишь скажи.

Кохтин

Как вы нетерпеливы!
Так я скажу, сударь, что вы весьма счастливы;
И что моим трудом, вдруг после тьмы забот,
Ваш иск возьмет, сударь, хороший оборот, —
А что? не рады ль вы?..

(*Наумычу*)

А ты что не хохочешь?

Праволов (*дает ему еще денег*)

Скажи лишь прямо все; я рад дать, что ты хочешь.

Кохтин

Ну так, скажите ж мне, как при крещеньи зван
Был друг наш Прямиков?

Праволов

На что?

Кохтин

Да как?

Праволов

Богдан.

Кохтин

Зовите ж вечно вы меня Искариотом,
Когда он искони не окрещен Федотом.

Праволов

Какой вздор!

Кохтин

Нет, не вздор: духовной доведу.

Праволов

Да если б он был так и назван на роду,
То много ль из того корысти бы мне было?

Кохтин

Что вдруг ваш ум, сударь, так тупо притупило?
Нет нужды знать, зачем он имя пременил;
Поныне он Богдан; а я вам доложил,
Что Прямикова сын в свое, сударь, крещенье
Федотом назван был: то малое ль сомненье
Тут предстоит, что сей Богдан не тот Федот,
О чьем наследии ваш иск, сударь, идет?

Праволов (*обнимая его*)

Ах, друг ты мой! дружок! Ах, друг ты мой сердечной!
Я благодарностью тебе обязан вечной.
Ну! как же удружил ты этой новизной!

Наумыч (*в сторону*)

Тьфу, эк он вывернул! — бесовской сын прямой!

Кохтин

Я вам сказал, что вы обрадуетесь сильно.

Праволов

Да как в делах твое проворство изобильно!
В духовной?

Кохтин

В ней, сударь!

Праволов

Его отца?

Кохтин

Отца.

Праволов

Доеду ж этого теперь я молодца!

Кохтин

В согласье важного такого документа,
Я тотчас поспешил, не тратя ни момента,
К прошенью вашему прибавку учинить,
Для вас потребно где экстракт перечернить;
И к завтрашнему дню все будет уж готово.
А как и дело все прияло образ новой,
То новенькие я законы приискал
И с делом, кажется, гладенько сочетал.
Но если и еще чего тут недостанет,
То этот все, сударь, указик вам натянет.
(*Подает ему бумагу*)

Праволов

Подай, мой друг! Ну, так одно к другому льнет...
Теперь он от меня уже не ускользнет!
Ах, милой ты мой друг! как я тебе обязан!

Кохтин

Готов служить вперед: я к вам душой привязан.

Праволов

Спасибо; верю я, но вот на этот раз
Прийми, мой друг, еще, пожалуй, за указ.

(Он хотел дать несколько рублей секретарю, но Анна вбежала и услышала последний стих, и деньги остались у него в руках)

ЯВЛЕНИЕ 3

Праволов, Кохтин, Наумыч и Анна

Анна

Казалось, господа приехали.

Праволов

Анюта!
Здорово! Не дичись; сторонних нет ведь тута.
Как барышня спала, скажи мне, ночью сей?

Анна

Нехорошо.

Праволов

А что?

Анна

Все чудились вы ей.

Праволов

Мне лестно, что меня она и сонна видит;
Знак, что и наяву меня не ненавидит,
За эту весть хочу Анюту в первый раз
Я подарить.

(Дает ей те рубли, что у него остались)

Анна

Да ведь весть эта не указ;
И я не знаю их.

Кохтин *(представляя, будто что кладет в карман)*

Ты знаешь Уложенье.

П р а в о л о в

Пожалуй же прийми, за доброе хотенье.

А н н а

Из доброй воли вам хочу желать добра.

К о х т и н (*тихо к Праволову*)

Вы видите, она не падка до сребра;
Пожалуйте лишь мне, я золотцом подброшу.
(*Берет деньги*)

А н н а (*в сторону*)

Ах, как я лавержет тебе, срамец, взъерошу!
(*Вслух*)

Карету слышу я, их надо встретить мне.
(*Уходит*)

П р а в о л о в (*Кохтину*)

Оставь с хозяином меня наедине.

Наумыч берет за руку Кохтина, и уходят в другие двери

ЯВЛЕНИЕ 4

Кривосудов, Фекла, Праволов и Анна

П р а в о л о в

Усердно с праздником, сударь, вас поздравляю.

К р и в о с у д о в

Благодарю весьма; здоровья вам желаю.

П р а в о л о в (*к Фекле*)

И вас, сударыня!

Ф е к л а

Мы вдвое должны вас
Благодарить: с утра вы не забыли нас.

К р и в о с у д о в

Мне, право, совестно, что вы...

П р а в о л о в

Как вам не стыдно?

Фекла

Так много уж для нас...

Праволов

Вот это мне обидно.

Кривосудов

Нет, это слишком уж...

Праволов

Нельзя ль не вспоминать?

Фекла

Вы разоряетесь...

Праволов

Прошу же перестать.

Кривосудов

Но я вперед прошу...

Праволов

Хоть мало пощадите.

Фекла

Так много...

Праволов

Иль меня вы выжить вон хотите?

Фекла

Никак: вы дорогой и милой гость у нас;
И сердцем рады мы вас видеть каждый час.
Но на один лишь миг... чтобы разоблачиться.
(*Уходит, а за нею и Анна*)

Праволов

Прошу, сударыня, со мною не чиниться.

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов и Праволов

Во время сего действия Фекла почасту выглядывает из дверей и показывает Праволову, что она дает ему время переговорить с ее мужем. А как тот берет деньги, то она радостные знаки делает и проч.

Кривосудов

Прошу ж, друг милой, сесть.

Праволов

Мне совестно в такой,
Как ныне, день скучать...

Кривосудов

Приятель дорогой!
Пожалуй, говори с душою мне открытой.

Праволов

О деле я моем, чтоб лишней волокитой
Не изнурять себя, желал вам говорить.
Соперник мой уж здесь; он станет яму рыть.

Кривосудов

Ну, да коли не прав, так сам падет во ону.

Праволов

Но, может быть, иной поверит ветрогону
И станет иначе о деле уж судить;
Потребно мнениям не дать, сударь, простыть,
Тем паче, что мое так в деле право свято...

Кривосудов

Нет, между нас сказать, так дело плоховато!

Праволов

Вы шутите, сударь, извольте лишь войтить,
Вы ясно в деле сем изволите найтить,
И не наследник он... наследному именью;
Что несомненному подвержено сомненью
Свидетельство, что дал ему уездный суд,
Что хоть соседы все и присягнули тут,
Но документы где и ясные бумаги,
Не должно там отнюдь уже давать присяги;
И вы б увидели, что с стороны его
Он правится ничем; а напротив того
Нашли бы, что мой иск, по купчей, мною взятой...

Кривосудов

Ну, что ни говори, а дело плоховато!
А как велик ваш иск?

Праволов

Да только лишь село,
От коего земли уж много отошло.
Да маленькие три при оном деревеньки;
Угодья хороши, да мужички бедненьки.
С осьмью поставами плотина на реке;
Притом и сенокос и лес в особняке.

Кривосудов

Я слышал, конской есть заводец там богатой?

Праволов

Я мог бы услужить...

Кривосудов

Да! Дело плоховато!
Притом?

Праволов

Три пустоши, хоть меры и большой,
Да только кряж земли уж тут пришел другой.
Еще два озерка да пруд.

Кривосудов

А скот рогатой?

Праволов

Имеется; я б мог...

Кривосудов

Да! Дело плоховато!

Праволов

А! кстати: слышал я, назад тому дней пять,
Что вздумали и вы деревню покупать;
И с выгодой притом?

Кривосудов

Да, так; была затея;
Отстал.

Праволов

Что ж?

Кривосудов

В долг купить, так заболит и шея;
Наличных же даст бог.

Праволов

Когда сия одна
Причина, то... а как последняя цена?

Кривосудов

Три тысячи.

Праволов

Всего? Да это даровое.
Я почитал, сударь, по крайней мере вдвое.
Поверьте мне: я вам советую купить.

Кривосудов

Я б рад; да ежели мне нечем заплатить?

Праволов

Уж это не должно тревожить вашу думу.
Я вам могу служить: я точно эту сумму
Имею, и ее мне некуда девать.

Кривосудов

Нет; я вас не хочу отнюдь обременять.

Праволов

Напротив, вы меня чрез это облегчите;
И неужель меня обидеть захотите?
Вы знаете, я вам друг не с вчерашня дня.
Притом же я почти уже вам и родня:
Вы за меня отдать ведь дочь согласны вашу?

Кривосудов

Но, милой! не вошли еще вы в семью нашу;
А деньги любят счет; и брать на срок взаймы.

Праволов

Да в этом дружески сойдемся с вами мы:
Вы отдадите мне, как лишние случатся.

Кривосудов

Нет, нет.

Праволов

Да у меня они ведь залежатся.
Позвольте ими вам из дружбы услужить.
Вот все тут.

(*Дает пакет*)

Кривосудов

О, нет, нет.

Праволов

Итак, вы оскорбить
Намерены меня? когда, сударь, от друга
Вам не угодна уж и малая услуга.

Кривосудов

Да как?

Праволов

Не тратьте слов.

Кривосудов

Нельзя вам отказать;
Но, ей-ей, совестно...

(*Берет пакет*)

Праволов

Опять-таки, опять!

Кривосудов (*поднимаясь*)

Я вам расписочку...

Праволов

Мы с вами так уж близки;
И меж друзей, сударь, какие тут расписки?

Кривосудов

Вы вяжете меня доверенностью сей,
Мой милой друг, сильней, чем строгость векселей.

(*Цалует его*)

Праволов

Ни в малой для сего не будьте вы тревоге.
Но эта, чаю, мне деревня по дороге;
Я б завернул в нее, чтоб распорядок дать
И обстоятельно вам отрепортовать,
Когда б скорей меня отправили отселе.

Кривосудов

Да быть так, уж добро: на этой же неделе.

Праволов

Мне дела на словах нельзя так изъяснить,
Но на бумаге все изволите найтить.

Кривосудов

Ин на бумаге мы увидим все, как должно.

Праволов

Итак, надеяться уже, сударь, мне можно?

Кривосудов

Да прочих членов тож вам должно попросить.

Праволов

Они наклонны все мне право присудить;
Лишь вам, сударь!..

Кривосудов

Когда уж все они согласны;
Ин уж добро; по мне вы будьте безопасны.
Да слышу, вот валят все гуртом к нам они.

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Фекла, София. Члены входят, Фекла с дочерью с другой стороны

Бульбулькин

Хозяину поклон; счастливы, долги дни.

Атуев

Желаю здравствовать; усердно поздравляю.

Хватайко

Здоровы с праздником.

Паролькин

Я счастья вам желаю.

Радбын

И-и я по-по-здра-здра-здра-здравляю вас.

Кохтин

Да ниспошлет господь тьму благ на всяк вам час!

Кривосудов

Благодарю, друзья! Жена, проси садиться.

Фекла

Покорнейше прошу.

(*К Анне*)

Вели ж поторопиться
И стулья нам подать.

Бульбулькин

А, а, и милой друг
Наш, Праволов, здесь!

Атуев (*к Праволову*)

Что, здорово ль?

Праволов

Для услуг.

Паролькин

Да что-то не весел?

Хватайко

Ведь наш он челобитчик.

Бульбулькин

Ну! проповедь! — Прямой поп этот всех обидчик:
Не жди конца, когда о взятках он начнет.

Фекла

А сам ведь и с живых и с мертвых он дерет.

Кривосудов

Родись, крестись, женись, умри, греши или кайся,
А кошельком за все с ним начисто квитайся.

Паролькин

Да ведь питает он себя от олтаря.

Хватайко

Мы ж из насущного лишь служим у царя.

Радбын

Но пра-прав-право он не без при-при-чи-чины...

Бульбулькин

Другая проповедь!

Атуев

А тут не жди кончины.

Радбын

До-до-до-води-дит и-и-ино-ногда
Нас пра-пра-правдою до-до-до сты-стыда.

Праволов (*к Бульбулькину тихо*)

Венгерский антал как?

Бульбулькин

Зелён и хлебом пахнет.

Праволов (*к Атуеву тихо*)

Те своры крымских?

Атуев

Ну, уж, брат! хоть кто, так ахнет!

Праволов (*к Хватайку тихо*)

Карета какова, любезный прокурор?

Хватайко

Так гибких в жизнь мою я не видал рессор.

Праволов (*к Паролькину*)

Те с межчугом часы?..

Паролькин

Прекрасно репетуют:

Кривосудов

А что же нового по городу толкуют?

Паролькин

Не знаю, правда ли; а громко говорят,
Что губернатором к нам будет...

Бульбулькин

Кто же, брат?
Слышно, что Правдолюб.

Кривосудов

О, упаси владыко!
Вот тут-то, милые, уж в строку каждо лыко!
Правдив, как страшный суд, безмезден, копотун
И человечества он общий опекун;
Во всяку входит дрянь, кто б с просьбой ни втесался.

Атуев

Да, право б, я его нимало не боялся:
Пусть губернатор он; что ж? нам он не судья:
Не дую в ус ему, сидя в Гражданской я.

Бульбулькин

Да он как дунет в ус, так, слышь, и с места сдует.
Ведь как в Сенат кого вчерне он обрисует,
Так по кормежной вмиг герольдия пашпорт...

Атуев

Да без суда меня, хотя б он сам был чорт,
Не может осудить.

Бульбулькин

Однако как рассудит
За благо выгнать вон, то выйти вон принудит.

Кривосудов (*Атуеву*)

Ведь трудно, милой мой, нам прать против рожна!

Хватайко

Послушайте: вот вам другая новизна:
За взятки, говорят, уж велено...

Паролькин

Простите,
Что речь вам перебью. Для бога вразумите,
Как можно взятками попасть в беду? ведь тут
Один для давшего и для принявших суд.
Так чорт ли понесет кого-нибудь с доносом?

Хватайко

Ты огорошил нас заботливым вопросом.
Но кратко я на то скажу тебе в ответ.
Ты разве позабыл, что весь издревле свет
Все на авось-либо надежду полагает?

Кривосудов

А что? жена! гостей ведь водка ожидает.
Проси ж.

Фекла

Покорнейше...

Бульбулькин (*Атуеву*)

Ведите.

Атуев (*к Бульбулькину*)

Должно вам.

Кривосудов

Прошу же, милые мои, не по чинам.

Бульбулькин берет под руку Феклу, Хватайко — Кривосудова; Кохтин — Радбына, а Праволов — Софию, и уходят в боковые двери

Действие III

ЯВЛЕНИЕ 1

Наумыч и Архип вносят корзину с бутылками

Архип (*поставив корзину*)

Тьфу, пропасть! как устал! я думал, надорвуся,
Покуда с ношей сей на лестницу вздеруся.
В высоких так домах, на пагубу людей,
Сам чорт, знать, научил проклятых жить судей
И выдумал для них таки крутые крыльца.
Схватясь, чтоб не упасть, я вырвал два перильца.
Покуда барина они пооберут,
Проклятые, меня безвинно надорвут.
Уж лучше б в яме жить пиявкам сим годилось:
Чтоб с улицы пустил, само бы к ним вкатилось.

Наумыч

Ну, что ты вопишь, брат? о чем твоя тоска?
О если б стряпчим был ты хотя полгодка,

То б, верно, проклинать не стал твою судьбину.
Когда б был принужден нагнуть сто раз в день спину;
Верст тридцать обежать по городу пешком
В дождь, слякоть иль мороз и зной бумаг с мешком;
Под солнцем на поклон не опоздать до члена;
Ждать часик у ворот, хоть грязь и по колена;
И как ни гнали б прочь, а доступ получить;
Указов наизусть сто сотен затвердить;
Иль просидеть с пером тут ночи без засыпу,
А до удушья там в архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душой нельзя терпеть;
От всякого сносить, ко всякому поспеть;
А что несноснее: так целы дни поститься
И всех перепоить, а самому трезвиться!
Со всем тем, после всех докук, трудов, хлопот,
Как дело иногда бывает в черный год,
В непользу барина свихнется сатаною,
То прийдет тут еще отдуться и спиною.
Вот жизнь! так ты, мой друг, Архипушка, молчи;
Поди и около теленков хлопочи.

Архип уходит

ЯВЛЕНИЕ 2

Софья, Анна и Наумыч расставливает бутылки

Анна

Что так, сударыня, бежите торопливо?

Софья

Так, делать нечего.

Анна

Да гости, неучтиво.

Софья

Вот. А они ко мне учтивы ли?

Анна

Как быть?
Вы <пол>хозяйка; вам их должно угостить.

Софья

Мне их? И впрямь! Они такие грубияны!

Анна

Что делать!

Софья

Не хочу; они такие пьяны!
У тетушки у нас ввек не был пьян никто.

Анна

Да то у тетушки; а здеся все не то.

Софья

Я вижу очень.

Анна

Так вам должно применяться.

Софья

Поди ты. Не хочу. Как эдак напиваться!

Анна

Не вам, сударыня, советую я пить,
Но пьяных здесь гостей по крайности сносить
При матушке.
(*Увидя вина и корзину*)
Да ба! и это ново!
Вино к десерту, знать, иль полднику готово.
(*К Наумычу*)
А вы зачем?

Наумыч

Зачем, не спрашивай; а с чем!
Запасец этот я своим принес плечем.
Зато б меня, когда б была не столько люта,
Ты подарить должна, бесценная Анюта!

Анна

Мне нечем подарить.

Наумыч

Хоть малый поцелуй.

Анна

Тьфу, эдакой наглец!

Наумыч

Пожалуй же не плюй
В колодец: может быть, испить ведь доведется.
(*Хочет ее обнять*)

Анна (*отпихивая его*)

Поди же, отвяжись.

Наумыч

Ну! кто слегка так бьется?
Коли ж скупишься ты... так я тебе дарю...
(*Хочет ее поцеловать*)

Анна (*поцеловав свою руку, дает ему оплеушину*)

Ин, вот мой поцелуй тебе.

Наумыч

Благодарю.

ЯВЛЕНИЕ 3

Фекла, Анна и Наумыч

Фекла (*входя, видит, как Анна Наумычу оплеушину дала*)

Что вижу, бестия! (*К Анне*) Кто больно так дерется?

Анна

Да он, сударыня, не ведь куда несется...
За вашу же я честь, — не вытерпя, — с сердца...
Чтоб он с переднего не заходил крыльца
С подарками (*указывая на бутылки*).

Наумыч (*к Фекле*)

Теперь ее измеря пяди,
Я буду заходить, сударыня, уж сзади.

Фекла (*к Анне*)

Но, дура! не давай ты воли-та рукам.

(*К Наумычу*)

А ты, мой милый друг, Наумыч, ведь и впрямь,
Что прямо лезешь так, то делаешь не гоже;
Иному с стороны покажется похоже
На нечто странное, и весть господь на что!

Между этим Анна ставит столик с картами

Спасибо; но поди, чтоб не увидел кто.
Как из-за столика они десертна встанут
И на простор сюда гуртом уж все нагрянут,
То приходи и ты.

Наумыч уходит

ЯВЛЕНИЕ 4

Фекла, Софья и Анна устанавливает столики, и стулья, и карты, и марки

Фекла

А ты жеманна, дочь!
Зачем оставила гостей и вышла прочь?
У вас неужли то так на Москве ведется;
Невеста прочь, жених один и остается?

Софья

У нас в Москве отнюдь, божусь вам, женихов
Мы не видели.

Фекла

Добро. А Прямиков?..
Я знаю ведь уж все; да я не помирволю,
Не тетушкину, слышь, а делай нашу волю.
Мы Праволова уж давно тебе сулим,
Упрямься или нет, а быть тебе за ним.
И так, голубушка! Смотри не зазнавайся,
И нравиться ему как можно ты старайся.

Софья (*падая на колена*)

Ах, матушка! Прошу вас на коленях я,
Избавьте от него, избавьте вы меня.
Я нравиться ему уж не могу; божуся;
Что не люблю его, и в том вам признаюся.
Избавьте вы меня; он мне несносен так!..
Но если упросить вас не могу никак
И у себя меня держать вы не хотите,
То к тетушке меня, прошу вас, отошлите.
Не буду в тягость ей. Я сколько с ней жила,
Божуся, лишнею отнюдь ей не была.

Фекла

Встань, дура! и молчи; про тетушку ни слова,
Там прежни шашни с ней вы заведете снова.
Не льстись, голубушка! Я раз сказала уж,
Что Праволов тебе наверно будет муж.
А ежели ему ты согрубишь хоть мало,
Молись, чтоб моего терпения достало!
Да вот все.

Анна (*в сторону*)

Пьяные.

Ф е к л а (*услышав и замахнувшись, Анне*)

Знать, хочешь ты румян?

ЯВЛЕНИЕ 5

Фекла, София, Анна, Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Наумыч выходят все пьяные

Х в а т а й к о

Ну, стол, уж прямо стол! — Всё вместе: сыт и пьян.

П а р о л ь к и н

Десерт!

Б у л ь б у л ь к и н

Напиточки!

А т у е в

Откудова что взято!

К р и в о с у д о в

Нет; что-то повар наш сегодня плоховаго...

Ф е к л а

Немного запился.

Б у л ь б у л ь к и н

Да празднику кто рад,
Тот до света уж пьян.
(*К Хватайку*)
А что? не правда ль, брат?

Х в а т а й к о

Пословица не лжет.

П р а в о л о в

А тот, кто время тратит,
Она ж ведь говорит, что дорого заплатит.

Х в а т а й к о

К чему словцо?

П р а в о л о в (*указывая на карты*)

К тому, что множество червей
В колодах сих давно свободы ждут своей.

Паролькин (*к Кривосудову*)

Он прав: пора пустить их по зелену полю.
Ну, прокурор! реши колодничью неволю;
Тебе вступиться долг.

Кривосудов

Изволь, мой друг, изволь!
Кто как?

Праволов (*берет и раздает карты*)

Мы наберем; я с вами в рокамболь,
Советник в помощь вам.
(*Указывая на Бульбулькина, который берет карту*)

Паролькин

А кто ж в заповедную?
Я банка не мечу.

Праволов

Добро; и вас обдую:
Я делаю вам банк. Наумыч! ты мечи;
(*дает ему деньги*)
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Фекла

А кто ж со мной в пикет?

Праволов

Сударыня, простите;
Вы нашу партию ведь окончать хотите.
Я к вам.
(*Кривосудову*)
А за себя, чтоб вас не разлучить,
Позвольте моего мне друга посадить.
(*Указывая на Кохтина*)

Кривосудов

По мне вы как хотя.

Бульбулькин

А я и рад размену.

Кривосудов

Какую ж нашей мы игре поставим цену?

Праволов

Я по пяти рублей; а меньше николи.

(*К Кохтину*)

Садись, мой друг, но лишь, пожалуй, не соли.

Бульбулькин

Да годовой оклад с нас эдак сбрить изволишь
В три пули, ежели да нам не помирволишь.

Кривосудов

Не горячись: а то и впрямь как раз бобыль.

Бульбулькин

Я рад бы; но когда пожалует шпадиль,
Она не документ, не выбросишь из дела.

Все садятся; посредине в ломбер играющие. На одной стороне Фекла с Праволовым, а на другой играющие в банк. Близ Феклы на канапе София, которая потом, сыскав тут меледу, ею занимается

Наумыч

Да что же на столе наличного нет мела?

Хватайко

А много ль в банке-та наличных?

Наумыч

Сотни три.

Праволов

Наумыч, не ударь ты в грязь лицом, смотри!

Паролькин

Как ни смотри, ни зги в две талии не взвидит.

Атуев

А я боюсь, что он вельми нас всех обидит.

Хватайко

Снимайте: полно вам пороть-та дребедень.

Фекла

А мы по старине, по четверце поэнь.

Праволов

Когда угодно вам.

Фекла

И также все с рефетом?

Праволов

На что, сударыня, и спрашивать об этом.

Кривосудов

Жена, рефетом ты не замори гостей.

Фекла

Ах! кстати ль! — Анна! Ну ж поди, почародей.
И пуншик изготовь.

Анна

Ну я ж вам подрадею.

Фекла

Да рому не щади. Для милых не жалею
Я ничего гостей.

Хватайко

Нет, дама не везет.
Так атанде; авось мне вывезет валет.
Тьфу пропасть! соника: и этот вон из кона!

Кривосудов

Вот штраф за то, что ты идешь против закона,
И в запрещенную игру...

Хватайко

Да, видно, нам
В нее играть судьба, с поры той, как Адам
В нее наследное все проиграл именье.

Бульбулькин

Ха, ха, ха, экой вздор! какое заключенье!
Вот в мнениях твоих всегда подобный вздор
Ты предлагаешь нам, почтенный прокурор!
Ну, от кого, скажи, наследие Адаму?

Хватайко

Да от кого-нибудь, а надобно ж...

Паролькин

Тьфу! даму
Я, слушая ваш вздор, как олух, прозевал.

Праволов

Позвольте, чтобы я за прокурора стал.
И я готов теперь представить вам урода,
Который без отца, без племени, без рода,
Наследие берет: а именно таков
Точь-в-точь соперник мой, молодчик Прямиков

Бульбулькин

Ну, докажи же нам; то быть так, всем собором
Пожалуем тебя мы нашим прокурором.

Атуев (*вполголоса*)

Эк он объехал след!

Паролькин (*вполголоса*)

Ей-ей, не без ума.

Хватайко (*вполголоса*)

Великий тут скачок, хоть линия пряма!

Радбын (*вполголоса*)

От Пря-Прямико-кова до-до Ада-дама?

Паролькин

Насилу, наконец, мне выиграла дама.

Праволов (*оборачивается к ним; а между тем Фекла подбирает карты*)

Охотно; и на ваш я посылаюсь суд.
Покойный Прямиков, и нет сомненья тут,
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Которого уж нет; скора была кончина.
Где точно умер он, вам не могу сказать;
Сколь ни желал, того не предуспел узнать,
Но звался он Федот; так вписан в родословной
И даже у отца так назван и в духовной.
Сей, напротив того, зовется уж Богдан;
И так вы видите, что явный тут обман:
И что чрез хищное, неправедное средство
Федотово к себе Богдан прибрал наследство.

Наумыч (*Хватайку*)

Вы лишний уголок...

Бульбулькин (*Праволову*)

Прямой ты прокурор!
Отдать я должен честь.

Хватайко

Кто я? Да я не вор.

Бульбулькин (*Хватайку*)

Льнет разве и к тебе?

Хватайко

Не гну и пальца даром.

Наумыч (*Хватайку*)

Берете шутку вы с таким, как правду, жаром.

Радбын

Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот?

Атуев

Ты видишь, тут сбылось: Федот-де, да не тот.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж и Прямиков

Праволов (*увидя входящего Прямикова*)

Что ж, он Богдан, то хоть у самого спросите.
Да кстати, вот он сам.

Хватайко

Чорт просит.

Прямиков

Извините,
Что дружескую я беседу помешал,
Я с праздником, сударь, поздравить вас желал,
И вас, сударыня, отдать мой долг.

Фекла

Садиться
Прошу.

Бульбулькин

А я б просил его скорей проститься.
Не в пору гость...

Кривосудов (*Прямикову*)

Как вас, сударь, зовут?

Прямиков

К чему вопрос? — Богдан.

Праволов (*вполголоса*)

Лгу ль я?

Хватайко (*вполголоса*)

Тут ясный суд.

Прямиков

А вижу... я было сперва и не приметил.
Здесь кстати моего соперника я встретил,
Мы можем на словах вам дело объяснить.

Кривосудов

Но мы словесных дел не можем ведь судить.

Прямиков

Я не суда прошу, а только рассужденья.

Бульбулькин

Да до суда нельзя открыть судейска мненья.

Прямиков

Но правду открывать вам не запрещено.

Кривосудов

Да не келейно так, в дому.

Прямиков

Не все ль одно,
Где вы ее, сударь, и как бы ни сыскали?
Но сверх того, когда б вы истину узнали,
То бы неправого могли бы устыдить
И с ним меня, сударь, без тяжбы примирить,
Я в правости моей на суд ваш полагаюсь.

Кривосудов

Но я, сударь, в дела чужие не мешаюсь:
На то ведь Совестный лишь установлен суд.
Мирить на свете всех ему лишь вверен труд.

Наумыч (*вполголоса*)

Мириться; стало быть, не прав.

Хватайко (*вполголоса*)

Не прав, конечно;
Кто за свое пойдет мириться?

Кривосудов

Я сердечно
Рад миру; но, сударь, я, право, вам не лгу:
В чужие я дела мешаться не могу.
Вы в Совестный бы суд пошли.

Прямиков

Я рад идтить;
Но милости его не мог уговорить.

Праволов

В суд Совестный, сударь, вы, знать, затем спешите,
Что снисхожденье в нем к себе сыскать хотите;
А я, безмездие и истину любя,
Так правым в иске сем, по чести, чту себя,
Что спорного всего наследства и именья
Достать я не хочу отнюдь из снисхожденья;
Но чтобы чистым мне пред целым светом быть,
Законом лишь его желаю получить.

Бульбулькин

Когда бы стали все судящиесь мириться,
На что б казне тогда другим судам платиться?
А плату брав, судить должны мы как ни есть,
Чтоб хлеба царского по пустякам не есть.

Прямиков

Когда же вы судить хотите непременно...

Праволов

Я прав, хотя судить пред целою вселенной.

Прямиков

То в кратких я словах...

Кривосудов

Да на бумаге мы...

Хватайко

Ах! Кто б избавил нас от этой кутерьмы?

Паролькин

Нелегко принесло!

Прямиков (*встав с места*)

Вам объясню все дело;
И если что не так, сказать он может смело.

Праволов (*встав*)

Но ябеде, сударь, отнюдь я не учен.
Что ж я неправедно имения лишен,
То мой поверенной законами вам теми...

Наумыч (*вскоча с места*)

Готов вам доказать пред каждым и пред всеми.

Прямиков (*к Праволову*)

Не с ним, а с вами я беседовать желал.

Праволов

Я неуч в ябедах. — Уже вам раз сказал.

Прямиков

Но изъясняться с ним и подло мне и низко;
Вам так же, как и мне, ведь ваше право близко.

Праволов

Вам ближе лих оно.

Прямиков

Мне ближе! мне? а как?

Праволов

А так, что в ваших все имение руках;
А с правом я моим лишь по судам таскаюсь.
Моим живете вы, — а я лишь разоряюсь.

Прямиков

Но я согласен вам теперь же все отдать.
Лишь право мне свое извольте доказать.

Праволов

Я вам твержу, сударь, что ябеды не знаю.

Прямиков (*несколько горячо*)

Я меньше вас ее увертки понимаю.
Не ябедничать я, а правду говорить...

Праволов

Я вижу, вы меня готовитесь бранить;
Но я вам уступлю из уваженья к дому.

Прямиков (*с горячностью*)

Не брань, а истину...

Фекла

Да этому содому,
Как вижу я, отнюдь не будет и конца.

(*К Прямикову*)

Дом отперт мой, сударь, ведь не для наглеца:
Я не стерплю, чтоб кто гостей в нем и словами...

Прямиков

Безвинно виноват, сударыня, пред вами,
Я почитаю вас и почитаю всех,
Но слов хочу ему сказать не больше трех,
И не о деле сем, поверьте мне, божуся.

(*Праволову, отведя в сторону*)

Послушайте!

Праволов

Ну, что? нимало не боюся.

Прямиков (*вполголоса*)

Бояться нечего: я то хочу сказать,
Что ябеды тебе не стану запрещать;
Как хочешь каверзи, вывертывай указы,
Стерплю и плутни все и ябеды пролазы;
Но если в доме сем дерзнешь ты дочь любить
И если вздумаешь ее ты мужем быть,
То я тебе божусь, что эту тяжбу нашу
Решу тем, что тебя как чорта окарнашу;
И по миру пущу без носа, без ушей.
Порука сабля в том; поверь, пожалуй, ей;
Она не шутит ведь. — Ну! помни ж.

Праволов

Не забуду.

Прямиков

Помехой пиршеству я вашему не буду.
Покорный всех слуга,
(*к Софии*)
а особливо ваш.
(*Уходит*)

Кривосудов

Слуга нижайший ваш.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те ж, выключая Прямикова

Бульбулькин

Какой же бешеный наглец!

Фекла

Какая блажь!

Хватайко (*Праволову*)

Да что тебе, мой друг, на память он оставил?

Праволов

Так ничего: просил, чтоб я себя избавил
От нарастающих и суетных хлопот.

Бульбулькин

Впрямь, видно, богом дан тебе, брат, сей Федот:
Хлопочет о тебе, как друг.

Праволов

Да вы шутите...

Кривосудов

Бет мой...

Кохтин

И этот ваш! для бога пощадите.
Я в пух ощипан.

Бульбулькин

А! чужой ведь щиплем пух.

Праволов

Да чаще каски-та хватай, сердечный друг!

Кохтин

Высокородный все грандиссимо хватает.

Паролькин (*Праволову*)

Душеприсяжный твой кругом нас обирает.

Праволов

Да так и надлежит.
(*К Наумычу*)
Но кстати ты бы встал.
(*Кривосудову*)
Позволите ль, чтоб он нам пуншик сработал?
Он мастер.

Кривосудов

Хорошо.

Бульбулькин

И впрямь; а то красотка
Нас как на водопой...

Наумыч (*вставши, к Анне*)

Вот там в корзине водка.

Фекла

Капот.

Праволов

Так истинно.

Кривосудов

Да кто ж?

Праволов

Да я капот.

Бульбулькин

Вот это сработал проклятый все Федот.

Радбын (*к Хватайку, который подсматривает карты*)

Что ты, ты кар-кар-кар...

Хватайко (*зажимая ему рот*)

Ну! полно же ты каркать.

Паролькин

Пора, Наумыч! слышь; покинь ты с ней балакать.

Кривосудов (*Софии*)

Ну что же, Софьюшка, ты так невесела?
Ты б к нам Давыдовы хоть гусли принесла,
Да нам запела бы.

Фекла (*Софии*)

Поди ж, поторопися.

Софья уходит. В предшедшем сем и последующем явлениях Анна подносит пунш и вино гостям по частым знакам Феклы; а гости постепенно пьянеют

Атуев

А, а! доехали!

Праволов

Что?

Паролькин

У него спросися.

Наумыч

Да что; беда, сударь, и я уже капот.

Праволов

Смелей; лови сикурс!
(*Бросает кошелек*)

Бульбулькин

Вот это все Федот.

Праволов

Да вам Федот лишь смех, а мне уж с сим Федотом...

Кривосудов

Ну что ж? коли и впрямь каким-нибудь комплотом
Богдан Федотово имение заел,
Так есть на это ведь закон.

Кохтин

Уж я велел
Прибрать и вынесть все.

Кривосудов

Я чаю в Уложеньи..

Кохтин

Есть множество, сударь!

Паролькин

И также в Учрежденьи? ..

Кохтин

Имеется.

Бульбулькин

Нельзя, чтоб не гласил указ...

Кохтин

Гласят и многие...

Хватайко

Ясней всего Наказ
Об этом говорит в статье той, где, где... об этом...

Атуев

Вот темна пароли.

Паролькин

Туз наряду с валетом.

Кривосудов

Ведь точно к этому закон идет и тот,
Где за поступок лжив...

Кохтин

Идет, сударь, идет...

Бульбулькин

И если Регламент да согласить с Наказом...

Кохтин

То сходно будет все с помянутым указом.

Хватайко

Ну! так чего ж? и вам весьма короткий суд.

Кривосудов

Федота в сторону; Богдан, конечно, плут;
И должно, отобрав Федотово именье,
Отдать кому есть след. Мое такое мненье.

Бульбулькин

И я то ж мню.

Атуев

И я.

Паролькин

И я.

Радбын

И-и-и я.

Хватайко

С столь общей мыслию согласна мысль моя.

Праволов

Благодарю вас всех.

Кривосудов

Законы все отчасти
Клеятся.

Анна (*вполголоса, сбирая брошенные карты*)

Станем же и мы клеить масть к масти.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те ж и София с арфой

Кривосудов

Запой же нам, мой друг!

София

Что батюшка велит?

Кривосудов

Что хочешь, милая!

Паролькин (*Атуеву*)

Послушай, как бренчит.

Атуев

Глух звук, не слышу я.

Хватайко

Хоть с длинными ушами.

Паролькин

Взглянь, как работает руками и ногами!

София (*играет и поет*)

Счастлив, кто на все на свете
Мог без зависти глядеть
И в кругу мечты иметь
Добродетель лишь в предмете.
В совести спокойной тот
Тьму прямых отрад найдет.

Клад свой Крез напрасно множит,
День над ним не спит, ни ночь:
Как его себе ни прочь,
Злой случай похитить может.
В свете всех богаче тот,
Кто лишь правдою живет.

Хоть весь мир кто завоюет,
Счастливых не сыщет дней:
Средь победы звук цепей
Беспокойный дух волнует.
Счастлив истинно лишь тот,
С правдой кто в миру живет.

Судьи (*все*)

Помути, господь, народ,
Да накорми воевод!

София

Счастлив истинно лишь тот,
С правдой кто в миру живет.

Судьи (*все*)

Помути, господь, народ,
Да накорми воевод.

Софья с арфой уходит

ЯВЛЕНИЕ 9

Те ж, без Софии

Кривосудов

Что ж, пуншу?

Фекла

Анна! что ж? проворней подноси,
И чаще, и кругом; да милости проси.

Бульбулькин

Мы скоро у нее уж милости попросим.

Кривосудов

Когда б кто песенку!

Паролькин

Да лучше карты бросим:
Не стала дама везть.

Атуев

Ты тяжело кладешь.

Кривосудов (*Хватайку*)

Любезный прокурор! Ты хорошо поешь?
Запой нам.

Хватайко

Рад душой; да голоса-то нету.

Кривосудов

Ну, как-нибудь.

Бульбулькин

Мы все пристанем для комплекту.

Хватайко (*поет*)

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

Все (*повторяют*)

Брать, брать, брать.

Наумыч

...и драть.

Кривосудов

Ей, браво! хорошо!

Хватайко

Ведь сам сложил словца.

Бульбулькин

Да по работе как уж не узнать творца?

Хватайко (*поет*)

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять,
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?
(*Размахивая руками*)

Все (*повторяют*)

Брать, брать, брать.

Наумыч

...и драть.

Хватайко

Ведь без указа нам не стать
Пословицы ломать,
Котора говорит, что взято,
То свято!

Все (*повторяют*)

Свято!

Кривосудов (*поет*)

Но нада, чтоб уйти прижимки
И чтоб не оплошать,
Перчатки-невидимки
На миг не скидавать.

Хватайко (*поет и все аккомпанируют*)

Бери, большой тут нет науки...

Кохтин

Но под шумок ат я без бета, как без шляпы.

Паролькин (*Наумычу*)

Да слышь, укороти вот эти хищны лапы;
Ты доберешься так и до последних крох;
Уж в проигрыше я почти что сот до трех.

Наумыч

Да наши деньги ведь из вашего кармана...

Бульбулькин

Вы вспомните лишь им Федота иль Богдана,
То счастие тотчас возьмет к вам оборот.

Паролькин

Поди с Федотом прочь: ему, слышь, не везет;
И хлап уж проиграл. Так к даме я пригнуся
Еще хоть раз.

Атуев

Постой: а я так уцеплюся
За хлапа.

Наумыч (*по знаку Праволова забрасывает карту*)

Хлапа я что хлопну, то убью.

Паролькин

Фальшива талия. Ну! заплати ж мою...

Атуев

Мои две пароли.

Хватайко

Мне за туза с транспортом.

Радбын

И ба-ба-банк чи-чист.

Паролькин

Насилу с этим чортом
Мы сладили.

Праволов

А что, сорвали?

Паролькин

Наконец.

Встают и попивают. Наумыч им подносит

Кохтин

Такой же и моей игре, сударь, венец.
Бессчетно проиграл.

Праволов

Итак, спустил я много!
Но как быть? не всегда щечиться из чужого.

Фекла

Не так-то много: вот почти и ничего.

Праволов

Да так, сударыня! четыреста всего.
(Встает он и Фекла)

Фекла *(к Анне)*

Да что же, Анна, ты на стены зазевалась?
Носи кругом; уж ты совсем избаловалась.

Бульбулькин

Насилу вот и мы последнее берем;
Конец.
(Встает)

Праволов

А сколько же считается на ком?

Бульбулькин

Почти что на тебе весь счетец остается:
Мне двадцать восемь приз.

Кривосудов

Мне сорок доведется.
(К Бульбулькину)
С вас восемь.

Бульбулькин

Так.

Праволов

Ну! Я довольно просолил.
(Платит Кривосудову и Бульбулькину)
Извольте ж проигрыш.

Кривосудов

Да я бы погодил.

Праволов

Нет, я люблю платить: ведь денежка счет любит.
(*К Бульбулькину, платя*)
Мой проигрыш никто, я чаю, не раструбит.

Бульбулькин

Никто, никто.
(*К Кривосудову*)
А с вас по старым сколько я?..

Кривосудов (*вынимая записную книжку*)

Сочтем тотчас: при мне записочка моя.

Праволов (*к Атуеву*)

Я в деле лишь на вас надежду неизменну...

Атуев (*почти падая с пьянства*)

Надейся на меня, как на Кремлевску стену.

Праволов (*к Паролькину*)

Могу ли в деле я на вас?..

Паролькин (*держа стакан и облив руку пуншем*)

Хоть согрешу,
Пусть высохнет рука, коли не подпишу.

Праволов (*к Радбыну*)

На вас надеяться я, как на друга, стану.

Радбын (*указывая на товарищей, пьющих и поющих «Бери...»*)

Уж от-от-от-от них я не от-от-от-стану.

Праволов (*к Бульбулькину*)

Позволите ль на вас надежду в деле класть?

Бульбулькин

Скажи секретарю. — А он что мне подаст...
(*Кохтин подает ему бокал, а он берет его*)
То я хоть этими обеими руками...

Праволов (*к Хватайку*)

Я вас меж лучшими моими чту друзьями
И вашей помощи всех более ищу.

Хватайко

Свахляют пусть они. — А я уж пропущу.
(*Выпивает стакан*)

Праволов (*к Кривосудову*)

На вас я в деле уж...

Кривосудов

Да дело-то худенько!
Ведь штраф пятьсот рублей: так надо беоежненько!..

Праволов

Когда случится что, я их плачу за вас;
Надежны будьте.

Кривосудов

Так: но лучше бы в запас...

Праволов

Так я их поутру пришлю в сохранность вашу.

Кривосудов (*указывая на членов, поющих: «Бери...»*)

Ин быть так: — с ними уж я не порозноглашу.

Праволов (*Кохтину*)

Уж всех теперь уж я настроил дело в лад.
Ты помощь окажи. — А это на! — в заклад.
(*Дает ассигнацию*)
Могу ль надеяться?

Кохтин (*подставляя карман*)

Извольте положить-ся.

Праволов (*ко всем*)

Однако не пора ль с хозяином проститься?

Бульбулькин

Пора; — покойна ночь!

Атуев

Прощайте; уж пора.

Хватайко

Слуга ваш.

Паролькин

Сладка сна!

Радбын

Пора-ра нас с двора.

Гости все уходят обнявшись и припевая: «Бери, бери...»; а Фекла и Анна под руки отводят Кривосудова

Действие IV

ЯВЛЕНИЕ 1

Софья в спальном платье и Анна

Анна

Зачем, сударыня, вы так раненько встали?

Софья

Я не могла всю ночь очей сомкнуть с печали!
Несносной Праволов всю ночь мечтался мне.
Покою от него мне нет уж и во сне!
Что делать с матушкой, что так она жестока?
Что так невинную страсть...

Анна

Эта страсть без прока,
Когда позволите мне правду говорить.

Софья

Да что же делать мне, и чем тут пособить?

Анна

Как чем? или умом, или упрямством вашим.
Во-первых, предложить родителям дражайшим,
Что если Праволов с которой стороны
Им мил, когда они в него так влюблены,
То могут счастливо они на нем жениться;
И что скорее вы согласны утопиться,
Чем быть когда-нибудь драгой его женой.
Вот вам, сударыня, совет последний мой.

Софья

Ах, нет, ввек этого сказать я не посмею.
К родителям любовь, почтение имею.
Хотя они меня и могут погубить,
Но я противу их не смею согрубить.

Анна

Ин так извольте их повиноваться воле.
Я не могу ничем вам пособить уж боле.
И радуюсь вперед, вообразя себе,
Как с Праволовым вы в завидной всем судьбе
Жить будете весь век; как с ним, с его друзьями,
С писцами, стряпчими или секретарями,
Обратаетесь вы; и тут уж без препон
Увидите со всех, сударыня, сторон
Чужое в руки к вам текущее богатство.
Какое для души раздолье и приятство!
Вдов видеть, стариков и нищенских сирот,
От вас свой бедный хлеб просящих у ворот.

Софья

Ах! не терзай меня, и так уже терзаюсь.
Но что ж, несчастная! куда ни обращаюсь,
Отрады ниотколь и помощи мне нет.

Анна (*видя входящего Прямикова*)

Однако некто вот на помощь к вам идет.

ЯВЛЕНИЕ 2

Софья, Прямиков и Анна

Прямиков

Не ждал я счастия так рано вас тут встретить.

Софья (*в сторону*)

Ах! если б слез моих он не успел приметить!

Прямиков

Да что! мне кажется, вы грустны! Вы в слезах!

Софья

Нет. Так, так, ничего.

Прямиков

А слезы на глазах!
Скрыть ваши от меня хотите вы печали!
Я вижу, вы меня любить уж перестали;
Другой счастливее...

Софья

Ах! не терзай меня;
Не думай, чтоб когда тебе я изменила
И, клятвы позабыв, другого полюбила.
Но ах! Судьба меня над меру отягчила.
Мне матушка велит навек тебя забыть,
А кто несносен, так того женою быть,
И угрожает мне всей строгостью своею,
Когда противиться я в этом ей посмею.
Что делать?

Прямиков

Что тебе любовь твоя велит.
Знай, что мне смерть с твоей разлукой предстоит.
Коль любишь ты меня, возможешь ли решиться
Убить меня, с моим врагом соединиться?
Пусть все имение отнимет, <владеет им>
Но сердце пусть твое оставит; им одним
Я счастлив буду; с ним напасти все забуду.
Люби меня, вот все...

(*Целует Софье руку*)

Софья

Люблю тебя и буду
Любить, приятно мне то повторять сто раз;
Но что ж в том, ежели они разлучат нас?

Прямиков

О мысль несносная! Но нет! Позволь мне льститься,
Что сердце может их еще перемениться.
Я в силах оказать услугу важну им;
И с тем пришел. Нельзя, чтоб я поступком сим
Не приобрел себе хоть малой их приязни;
Я сведал, что, меж тем как вовсе без боязни
И без опасности от всех они живут,
В Сенате им враги несчастие куют.

Софья

Ах! боже мой! Так им теперь же надо с вами
Поговорить. Пойдем. Да вот они и сами
Идут.

ЯВЛЕНИЕ 3

Кривосудов, Фекла, Прямиков, София и Анна

Прямиков

Простите мне, сударь, столь ранний мой приход.
Желанье вам служить меня сюда ведет.
Все ваше позабыв ко мне жестокосердье,
Я поспешаю вам нелестное усердье,
Привязанность мою на деле изъявить;
И хоть вас, может быть, могу и огорчить
Сей откровенностью; однако же решился
Сказать, что от друзей вчера я известился
О предстоящей вам опасности: Сенат,
По разным жалобам на вас, вошел в доклад;
И если вы, сударь, умедлите взять меры,
То нехорошего...

Фекла

Какие же химеры!
Какие пустяки! Отколь нанес вестей?
И кто к нам в дом просил непрошенных гостей?
Не ведь зачем, не ведь откудова ввернулся.
Служивой батюшка, иль ты ума рехнулся,
Что с вздором эдаким втесался ты в наш дом?
Отколь в головушку твою такой содом,
Сумбур и ералаш вселился, мой родимой!
Или нельзя ворот проехать наших мимо?
Иль на тебя нашел благой не в пору час?

Прямиков

За искренность мою не ожидал от вас...

Фекла

Да с искренностью сей тебя мы к нам не ждали.
С чего тебе об нас вдруг хлопоты припали?
Откудова, бог весть, зачем влетел в Сенат;
Отколь взял жалобы, куда вошел в доклад;
Какие меры брать, аршинны иль саженны?

Прямиков

Напрасно на меня вы столько раздраженны;
Я мнил...

Фекла

Пожалуй ты, сударь, что хочешь мни;
Но с дрянью к нам такой вперед не загляни.

Кривосудов (*к Фекле*)

Но, милый мой дружок, престань же горячиться
И дай порядочно без жару мне спроситься...

Фекла

О чем тут спрашивать? ведь тут один расспрос,
Один допрос: зачем в наш дом господь занес?

Прямиков

Для вашей пользы я...

Фекла

Трудился бесполезно

Прямиков

Любя ваш дом...

Фекла

Прошу так не любить любезно.

Кривосудов

Но дай. жена, хоть слов...

Фекла

Да что уж тут болтать?
Пожаловал к нам в дом затем, чтоб нас ругать.

Прямиков

Возможно ль мне ругать!

Фекла

Да как же не ругаешь?
И жалобами нам и всем нам попрекаешь.
Какие жалобы? и жаловался кто?
Когда, как, почему, кому, где и за что?

Прямиков

Когда изволите, я покажу вам ясно...

Фекла

Показывать ты мне изволишь тут напрасно,
Где нечего, хоть будь указка, показать.
Да что противу нас кто может доказать?
Кого мы без суда имения лишили?
Кого не по словам закона разорили?
Кого...

Кривосудов

Позволь, жена, мне только слова три...

Фекла

В дому лих я вольна; в суде ты, знай, смотри.

Прямиков

Но я...

Фекла

Но ты, кто ты, голубчик? я не знаю,
Не знала и вперед знать вечно не желаю.
Приехал клеветать!

София

Ай, нет; не клеветать
Он, матушка!..

Фекла

Что? что? тебе какая стать,
Безумная, в дела сторонние мешаться,
За незнакомого против меня вступаться?
Вот по-заморскому нам воспитали дур!
Ты б знала свой филе вязать, строчить тамбур,
Стучать на кляузах, иль гарпой утешаться,
А не туда, куда не ведаешь, мешаться.
Поди ж, безумная, в каморку уплетись;
И слышь, мне на глаза день целый не кажись.

София уходит

Анна (к *Фекле*)

Напрасно на нее...

Фекла

И ты туда ж, скотина?
Знать, около ушей свербит твоя личина.
Я всею пятерней ее пощекочу
И скверный твой язык тотчас укорочу.
Негодна! сгибни вмиг за барышней твоею;
Или, — ты слышала? — я всею пятернею...

Анна уходит бегом

Прямиков

Мне жаль, сударыня!..

Фекла

И мне, сударик, жаль,
Что в дом наш суется незвана всяка шаль,
Затем, чтоб эдаки нам причинять досады.

Прямиков

Так я оставлю вас.
(*Уходит*)

Фекла

Весьма мы будем рады.

ЯВЛЕНИЕ 4

Кривосудов и Фекла

Фекла

Насилу с рук сжила! какой же он востряк!
А на тебя, сударь, наехал, знать, столбняк.
Стоишь, как словно пень, не шевелишь языка;
Все стряпай за тебя, от мала до велика.

Кривосудов

Ну, хорошо же ты настряпала теперь:
По шее чуть его не вытолкнула в дверь.
Ну, было ли за что так сильно рассердиться?
Он, может быть, и впрямь хотел нам подслужиться,
А ты, не расспрося, откуда, кто таков?

Фекла

Вздор; я узнала ведь, что это Прямиков
И что он лишь затем в дом наш и завернулся,
Чтобы пустых его ты бредней ужаснулся
И Праволову бы в решеньи изменил.
На плохости твоей он умысл сочинил.
Проведал, видно, он, что ты трусливой роты.

Кривосудов

Хоть это и пустяк, однако без заботы
С делами нашими, жена, не можно жить:
Чему не должно бы, ино то может быть.
Ты знаешь ведь, у нас и заячие уши
Рогами назовут, то пойдут уши тпруши.

Фекла

Вот трусость ты свою сам назвал пустяком,
А в тот же самый миг явился русаком;
Но, старое дитя, скажи мне, как не стыдно
Вдруг трусить оттого, что ложно очевидно?
Отколь молодчику известен стал Сенат?
Откуда знать ему, что он вошел в доклад?
И как, не рассудя сперва, не рассмотряся,
Идтить докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чем, скажи, родной?
Дела твои текут своею чередой,
Как и везде; так тут о чем и доложиться?
Ведь всей святой Руси в доклад не поместиться;
И с этой стороны спокойся; так о чем
Еще? О взяточках? — так мы лих не берем,
А принимаем лишь, что нас принять неволят.

Кривосудов

Жена, я уж сказал: не вечно, слышь, мирволят.
Не все двуличную дает расправу суд;
Ино ведь взятками приемы назовут,
И так как...

Фекла

Ну добро, на все я соглашуся;
Но к речи начатой теперь я возвращуся.
Отколь молодчику дошел об этом слух,
Когда здесь ни один о том не знает дух!
От питерских друзей не слышим мы ни слова,
И это скрыться как могло от Праволова,
А обнаружиться сопернику его,
Который в сих делах не знает ничего;
И с саблею в руках за ветром лишь гонялся;
Земель, господь весть где, у турков добивался,
А собственны свои поместья прозевал?
С чего ему Сенат вдруг так знакомым стал?
Он познакомиться скорей бы мог с Султаном.
Поверь мне, что он лжет и хочет сим обманом
Лишь устрашить тебя и как-нибудь отвесть
От Праволова.

Кривосудов

Но, жена! как тут да есть.

Фекла

Нет, ничего: а что и есть, то все пустое.

Кривосудов

Что ни на есть...

Фекла

Ну, слышь, нет ничего.

Кривосудов

Такое...

Фекла

Такого ничего, слышь, нет.

Кривосудов

То будешь ты...

Фекла

Пока я буду что, а это пустоты.

Кривосудов

Виною...

Фекла

Ин быть так; но этой новизною,
Пустыми страхами и вздорной чепухою,
Пожалуй, перестань мне голову ломать,
Иль хочешь ты меня и с света уж согнать?

Кривосудов

Ну, ин добро, мой друг! не стану, успокойся!
Я лишь боюсь...

Фекла (*зажимая ему рот*)

Еще! Пожалуй же, не бойся
Того, что вертопрах нарочно с ветра врет.
Да вот Наумыч к нам с секретарем идет.
Пожалуй же, мой друг! для страха ты пустова
В их деле не скриви уж данного раз слова.
Припомни, что он друг, и как всегда он нам...

Кривосудов

Добро; ну!

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов, Фекла, Кохтин и Наумыч

Наумыч

Господин мой приказал мне вам
Поклон отдать, сударь, нижайший с сим пакетом.

Кривосудов (*распечатывает письмо: ассигнации падают. Фекла отпихивает всех и сама подбирает*)

Что это?

Наумыч

Он в письме сем пишет вам об этом.

Фекла

Знать, проигрыш?

Наумыч

Никак, сударыня, а штраф,
Когда не будет он в своем процессе прав.
Так в нем уверен он.

Кривосудов

Он пишет и о деле.
(*К Кохтину*)
А что же? Ведь на сей хотели мы неделе?
Я думаю, экстракт до этих пор готов?

Кохтин

Сегодня подписал его уж Прямиков.

Кривосудов

Прибавил что-нибудь?

Кохтин

Нет, он просил убавить;
Но я не захотел его тем позабавить.

Кривосудов

Законы?

Кохтин

Приискал и все поставил в ряд.

Кривосудов

Так, чтоб не волочить, уж можно и в доклад?

Наумыч

Нижайше просим мы без дальней проволочки...

Кривосудов (*к Кохтину*)

Добро; ты к слушанью сегодня ж без отсрочки
Представь. Лиха беда нам выслушать, а там
В минуту приговор.

Кохтин

Когда угодно вам,
Сударь, осмелюся нижайше доложиться,
Чтоб время выиграть и меньше вам трудиться,
Я предварительный журналец начернил;
С законами его и с делом согласил,
Найпаче же, сударь, с вчерашним общим мненьем.

Кривосудов

Торопишь дело ты уж с лишним поспешеньем.

Наумыч

Мы просим вас, сударь, не отлагать вдаль суд:
Железо ведь пока лишь горячо куют.

Кривосудов

Ну, да! добро; подай, увидим.
(*Читает громко*)
«Приказали...»
(*Читает тихо, а потом громко*)
«И Праволова иск формально оправдали;
В согласье для сего изданных точных прав».
(*К Кохтину*)
Их нет.

Кохтин

Я в протокол их всех впишу, собрав.

Кривосудов

Ин быть так, хорошо; возьми.
(*Подает бумаги Кохтину*)

Наумыч

Мы всенижайше
Благодарим, сударь, за изволенье ваше;
И барин мой вам ввек не может отслужить

Всего, чем вы его изволите должить.
Не смею ль я еще покорное прошенье...
(*к Кохтину*)
Не в гнев.
(*к Кривосудову*)
Тут малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилых.
Мы вправе требовать, по крайней мере, их.
Что мы убытчились в сем иске попремногу,
То ведомо, сударь, вам и всеведцу-богу.

Кривосудов (*Кохтину*)

Да что же? дело б впрямь уж сделать нам с концом.

Кохтин

Исправлю все, сударь, единым я словцом.
(*На спине Наумыча пишет и читает*)
«А как толь долго он, не пользовавшись оным»,
(*к Кривосудову*)
Именьем сиречь.

Кривосудов

Ну, прибавь еще, законным.

Кохтин (*пишет и читает*)

«Законным, многие убытки в сей процесс...»

Кривосудов

И незаконные...

Кохтин (*пишет и читает*)

«И незаконны нес;
То оные искать с Богдана Прямикова».

Кривосудов

Пиши — взыскать.

Кохтин (*пишет и читает*)

«Взыскать, или с его другова
Именья истцу сим предоставляет суд».
Законы подведу я после.

Кривосудов

И все тут.

Наумыч

Нижайше мы, сударь, благодарим.

Кривосудов (*Кохтину*)

Подите;
И это набело переписать велите.

Кохтин (*Наумычу*)

Ты регистратору отдай лишь моему,
Да чтоб не показал отнюдь он никому.

Наумыч

Как раз исполню все. — Слуга ваш всепокорный.
(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов, Фекла и Кохтин

Кривосудов (*к Кохтину*)

А ты! послушай-ка. Слух, может быть, и вздорный,
Пронесся, будто бы противу нас Сенат
Мудреный некакий недавно взнес доклад
О взятках, о делах, решенных здесь неправо.

Кохтин

Вот на! какой же дух на нас донес лукавой!

Кривосудов

Я этого всего не мог разведать вдруг.
Но ты поистине скажи мне, милой друг!
Какое дело мы оплошно так решили,
Чтоб внутренности всей наружностью не скрыли?
Я так ни одного припомнить не могу.

Кохтин (*потирая спину*)

Хоть исповедаться, не помню, не солгу.

Фекла

Да этому и быть не можно.

Кривосудов

Ах! помилуй,
Жена! оставь ты нас: мы лучше знаем силу
В делах, чем ты.

Фекла

Нет лих; не хуже знаю я.
Ведь что где, как принять, — забота лишь моя;
Но пусть на месте гнев господень покарает,
Когда десница весть, что шуица хватает.

Кривосудов (*Кохтину*)

Послушай-ка: теперь вспадает мне на ум.
Ты помнишь ли, какой великий вышел шум
О векселе, что я велел на обороте
Подчистить?

Кохтин

Ах, сударь! в напрасной вы заботе:
Подчистил я один. — Ответчик в спор вошел. —
На истца своего он подозренье взвел,
Что надпись он скоблил о вексельной уплате;
А по законам вы решили спор сей кстате,
К уничтожению сей вексель присудя.

Фекла (*Кривосудову*)

Так что ж? ты виноват тут столько ж, как и я.

Кохтин

Притом не вексель мы ведь, сударь, подскоблили;
Бумагу чистую.

Фекла

Так чем вы согрешили?
Бумагу чистую неужли грех скоблить?
Великая беда!

Кривосудов

Добро! ин так и быть.

Кохтин

Нет, это страх пустой, поверьте мне, божуся;
По делу Тяпкина я более боюся,
Чтоб нам какой-нибудь не вышло кутерьмы.
Из пасынка его в родного сына мы
Без дальних выправок в приказе превратили
И внуков истинных наследия лишили,
Все их имение ему приговоря.

Кривосудов

Нет, в этом деле нас, творца благодаря,
Закон сам от хлопот и от поклеп избавил; —
Ты помнишь ведь, мой друг, что Тяпкин в суд представил
От отчима письмо, в котором он его
Открыто признает за сына своего;
Возлюбленным его в нем сыном называет.

Фекла

Вот на! Так тут ваш страх лишь чепуха пустая,
Когда покойник сам уж сыном звал,
Так стало быть он сын, кто б как ни толковал.

Кривосудов

Притом же истинну тут что бы нам открыло?
С покойника допрос уж брать поздненько было.

Фекла

Вздор, милые мои! и суща чепуха.
Хоть человек всяк ложь, никто не без греха;
Но в этом правы вы, как ни суди кто строго,
И эдаких грехов, пожалуй, сыщешь много;
Но капитальнейших...

Кривосудов

Я истинно не лгу,
Что больше этого припомнить не могу.

Кохтин

Приходит нечто мне теперь на помышленье.
Вы тяжбу помните за Простина именье.
За кое Праволов, совсем сторонним быв
И имя Простина в процессе позабыв,
Условясь хитростно, искал на Чужпродава,
Который не имел тож никакого права
К сему имению. — А мы, не разобрав,
Чье спорное село без дальних всех расправ,
В отлучку Простина, тем сей процесс решили,
Что тяжущимся двум чужое присудили,
Которое они делят уж пополам.
Что Простин возгласит, не понимаю сам.

Кривосудов

Пускай он возгласит теперь уж что захочет.
Когда он о себе так мало сам хлопочет,
Так что за нужда нам о нем тут хлопотать?
Судьи мы. — Долг наш есть лишь только то и знать,
Что на бумаге нам представят на сужденье.
Как сметь нам знать самим, что спорное именье
Не тяжущимся двум, тебе принадлежит?
На это надобен какой-нибудь нам вид;
А без сего решим, без дальних всех рассказов,
Процесс меж двух сторон по строгости указов.
Когда же оба спор лишь о чужом вели,
Как быть?

Фекла

Зло сильно так возникло на земли,
Что спорит о чужом один, где два лишь спорят;
Так видно ли, когда два о чужом завздорят?

Кохтин

Какое диво тут?

Фекла

Да полно, все пустяк:
Ведь испугался он пустых насущных врак,
Которые ему дошли от Прямикова.

Кохтин

Как? Эта грозна весть от этого пустова
Враля к вам принеслась? Ну, уж правдива весть!
Но как вы эту ложь могли за правду счесть?
И как чрез этого пустого вертопраха
Могли себе и нам нагнать вы столько страха?
Пристало ль это вам? По вашему ль уму
Поверить болтуну нахальному сему?
За вас, сударь, за вас, мне право очень стыдно,
Ведь тут и самому простому глазу видно,
Что он хотел, сударь, вас только напугать,
Чтоб Праволову вы не смели помогать.

Кривосудов

Нет, этим он меня ничуть не запугает,
Но, всячина, мой друг, на свете ведь бывает.
Довольно простоты на кажда мудреца;
Умудряет бог иного и слепца.

Кохтин

Но этого, сударь, не умудрил, божуся.

Фекла

Да что ты, трус такой?

Кривосудов

Я, право, не боюся;
Ты видела, что я уж написать велел.
Делец, голубушка, познается от дел.

Фекла

А тут теперь без дел проходит только время...

Кохтин

На шее у меня дел целое беремя...
Когда вам нужды нет меня здесь удержать,
То я б пошел велеть скорей переписать.

Фекла (*Кривосудову*)

Пусти его, мой друг!

Кривосудов

Ох, как ты уж пристала!
Ну! ин поди. Но слышь, чтоб нам не ждать журнала.

Кохтин уходит

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов, Фекла

Кривосудов

Жена, довольна ль ты? смотри, я подаюсь;
Но истину сказать, я, ей же ей, боюсь.

Фекла

Ты все-таки одно: привык всего пугаться.
Ведь не ходить и в лес, когда волков бояться.

Кривосудов

Хоть не боялся я до сей поры волков,
Но чем ведь дальше в лес, тем боле найдешь дров;
Ино, чтоб не зайтить в таку глухую пущу.

Фекла

Сегодня ты с утра лишь пустошь мелешь сущу.
Похмелье, знать, еще в головушке шумит.
Пойдем-ка; гданская там водочка стоит
На шкафике моем близ твоего взголовья;
Так чарочку хлебни для доброго здоровья,
И чтоб из головы напрасной вышел страх.

Кривосудов

Пойдем; дела ломать впрямь трудно натощак.

Действие V

ЯВЛЕНИЕ 1

Анна и Добров

Добров (*видя разброшенные бутылки и прочее*)

Ба, ба! да это что? Что за трактирна стойка?
Как вижу, тут была изрядная попойка;
И не пирушечка, а полновесный пир.
Какой расстроенный бутылочный ранжир!
Знать речками везде текло вино и пиво,
И не оскудевал сей чан пуншеточивой.
Скажи, как клюковки все гости налились?

Анна

Что называется: до положенья риз.
По лестнице к крыльцу уж не сошли, спустились;
И чадом вейновым так сильно зарядились,
Что не опомнятся, я думаю, дня в три.

Добров

Не так оплошные они богатыри;
Верь, что хоть напролет всеночну пропуншуют,
Проспавшись, как ни в чем, вновь мертву чашу дуют;
И что не клюнувши и чарки, и другой,
В суд ни один из них не ступит и ногой.
Да, кажется, почти и время им сходиться.

Анна

Ахти! так надобно и мне поторопиться
Следы вчерашнего присутствия прикрыть
И бахусов кагал в судейску превратить.

(*Она поливает комнату, взяв стакан из стола*)

Добров

Напрасные труды! Не токмо, что простыя,
Но целый хоть ушат разлей воды святыя,
То ябедничьих здесь не смоешь ты проказ.
Послушай: окрещен кто уж в чернилах раз,
Тот черн останется, хоть мой во Иордане.

Анна

Да это не вода, остался пунш в стакане.
Пусть пьет судейское питье судейский пол.

Добров

Резон!

Анна

Прошу помочь поставить к месту стол.

Добров (*ставит с нею стол к стене*)

Охотно.

Анна

А куда девать бутылки?

Добров

Строем
Поставя их под стол, суконцем сим прикроем.
Ведь множество оно привыкло прикрывать
И не таких грехов!

Анна

А как? прошу сказать.

Добров

Вот как: когда судья желает, чтоб чье дело
Лет несколько на свет господний не глядело,
То он его кладет под красное сукно;
А там — спокойна ночь; лежи и прей оно.

Анна

Добро ж, поставим их под скромно покрывало·
Но лишь боюсь, чтоб все тут цело устояло.

Добров

То правда, что нельзя наверно утвердить:
Судейское чутье исправно.

Анна

Так и быть;
Хозяин будет сам сидеть на карауле;
Ведь видит с кресел он, что крадет кто на стуле?

Добров

Не завсегда: ино он смотрит лишь на то,
Не надзирает ли за ним со стула кто?

Анна

Мудрен свет! но мы все порядком учредили:
Когда б, как этот стол, так чисты судьи были!

Добров

Потише: берегись; вот к нам валит весь суд.

Анна (*уходя*)

Что вижу, правде мат они теперь дадут.

ЯВЛЕНИЕ 2

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радбын, Кохтин и Добров

Кривосудов

Прошу пожаловать.

Атуев

Нет; вам вперед довлеет:
Вы нам глава.

Бульбулькин

Ну, впрямь глава сия умеет
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путем кого захочет угостить;
Как я ни скромничал и как ни укреплялся,
Но ей, не помню, как с вчерашним днем расстался.

Кривосудов

Изволите шутить.

Паролькин

Подите с шуткой прочь.
Я из кареты вон не вылез целу ночь,
Так ноги спутал мне ваш этот пунш проклятой.

Кривосудов

Нет, нет! я угощал вас право плоховато;
И ужин позабыл.

Бульбулькин

Да можно ль было есть?
При винах эдаких уж ужина не в честь.

Радбын

Воль-но же вам не по-по-по-ви-но-но-ваться;
Я вам го-го-ворил, пора-ра убираться.

Кривосудов

Но, милые мои, не час ли заседать?
(*Садятся*)

Бульбулькин

Извольте, я готов теперь дела ломать.

Паролькин

Не поломаешь всех: скопилось их довольно.

Кривосудов

Повытчик! ну, возьми, читай реестр настольной.

Добров (*читает*)

«Корнета Скудова иск за наследный дом,
Отнятый у него секретарем Драчом».
(*Говорит*)
Уж третий год лежит в повытье это дело.

Кривосудов

О, мимо! Пусть лежит еще три года смело,
Авось-либо тогда решим его судьбу.
Он домом смел назвать пребедную избу.

Добров (*читает*)

«Иск вексельный Луки Ссудихина майора
На Володимира Хватайка прокурора».

Кривосудов

Ах! мимо; поскорей, скорей брось этот вздор!
Помилуй, нам всего важнее прокурор.

Добров (*читает*)

«Через опекуна прошенье Бедняковых,
О выкупе двух сел наследственных отцовых,
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину...»

Кривосудов (*Доброву*)

С делом сим я после призову.

(*Членам*)

Реченная, друзья, скажу меж нас, вдовица,
Наместнику она ведь внучатна сестрица.
Он жалует ее; так знаете — вперед!

Бульбулькин

Ну, береженого и бог ведь бережет.

Кривосудов (*Доброву*)

Ну!

Кохтин (*вырывает реестр у Доброва и читает, перевернув несколько листов*)

«Иск асессора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова».

Кривосудов

Вот это кстати бы сегодня разобрать.

Бульбулькин

Добро.

Радбын

Хо-хорошо.

Паролькин

И впрямь.

Атуев (*Кохтину*)

Вели подать.

Кохтин (*Доброву*)

Там это на столе лежит оно особно.

Кривосудов (*Доброву*)

Поближе; внятнее читай.

Добров (*читает*)

«Экстракт подробной.
Своею жалобой асессор Праволов
Изобразил: майор покойный Прямиков,
Скончавшись, все свое наследное именье,
Которому всему подробно означенье
Приложено при сем, ближайшему родне
Оставил по своей покойной же жене;
А именно, Фоме майору Чужпродаву.
Сей по наследственну и по законну праву
Именье оное все истцу уступил
И купчу на суде, как должно, утвердил.
Законный срок прошел, и спора не явилось.
Когда ж просителю за благо рассудилось
Во обладание имений тех войтить,
Чтоб с них законные доходы получить,
То некакой Богдан, названье Прямикова,
Не предъявя к тому предлога никакова,
Взяв, сыном сам себя родным его назвал
И истцу оных всех имений не давал...»

Между тем члены, нашед бутылки под столом, одну оттуда взяли и Бульбулькин не давал оной Атуеву

Кривосудов

Приметьте: не давал.

Бульбулькин (*прятая бутылку*)

Ну, не давал, вестимо.

Кривосудов

Как это зло могло законом быть терпимо?

(*к Доброву*)

Читай.

Добров (*читает*)

«Хотя ж тогда проситель этот спор
Разрушил, доказав, что Прямиков майор
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Федота, коего скора была кончина...
Затем, что оного нет более в живых;
Но не уважа суд доводов таковых,
Имение за сим Богданом же оставил
И нескольких дворян в том присягнуть заставил,
Что Прямикова сей Богдан законный сын
И всем имениям наследник лишь один.

Проситель, таковым обиженный решеньем,
С вторичным с жалобным на то вступил прошеньем.
Когда ж и тут ему суд в праве отказал,
То апелляцию до срока он прислал,
В которой, наконец, доказывает ясно,
Что Прямикова с ним духовная согласно
Федота одного за сына признает,
А о Богдане в ней ниже полслова нет,
Которым именем ответчик сей зовется;
В чем на свидетелей он беспристрастных шлется,
На подпись собственну по всем делам его,
На совесть чистую Богдана самого
И даже на его майорские патенты.
А как где письменны найдутся документы,
Там действовать уже присяги не должны...

Бульбулькин (*пьет из бутылки*)

Ин память вечная ему.

Паролькин (*пьет же*)

И в добрый час.

Атуев (*уроняет бутылку*)

Эк спрятали куда остаточный запас.

Паролькин

Пошарь-ка, нет ли карт, так мы б переметнули.

Бульбулькин

Будь сыт тем, что вчера с Наумыча вы сдули.

Паролькин

Да ты не видел ведь, как даму я пригнул:
Десятком рубликов за банк перешагнул.

Кривосудов

Постой-ка.

(*К членам*)

Кстати тут весьма приведены
Патенты штабские. Тут имя ведь прямое...
Так что он ни толкуй, уж, верно, все пустое.
Вот важный пункт!

Бульбулькин

И впрямь.

 25*

Кривосудов (*Доброву*)

Ну! дале.

Добров (*читает*)

«Не должны;
А как судом они неправедно даны,
То должно их почесть в сем деле за неважных;
А присягателей всех за кривоприсяжных;
Богдану ж с сей поры приказом запретить
Чужое прозвище бесправно впредь носить,
А Прямикова все имения и села
Отдать просителю».

Кривосудов

Тут явна правость дела.

Бульбулькин

Как солнце ясное.

Паролькин

Прав без обиняков.

Атуев

Да ведь на истину не много надо слов.

Кривосудов

Тут правда сущая во всех словах приметна.
Но что-то возвестит нам сторона ответна?

Добров (*читает*)

«А Прямиков Богдан перед судом сказал
На все сие: — Хотя проситель показал,
Что за кончиною майора Прямикова
И сына де его постигла смерть роднова,
Но утвердить сего он, истец, не успел
Ни чрез свидетелей, ниже из гласных дел.
Сколь совесть ни ломал, сколь в ябеде не рылся;
А напротив того, лишь только в суд явился,
То ясно доказал...»

Кохтин (*вырывая бумагу у Доброва*)

Но ты стал бурмотать.
Подай мне: слушай же и научись читать.

Кривосудов

И впрямь прочти-ко ты, а то он так невнятно...

Бульбулькин

Коли уж что читать, так должно аккуратно.

Кохтин (*читает без точек и запятых*)

«А Прямиков Богдан перед судом сказал;
На все сие хотя. Проситель показал,
Что за кончиною майора Прямикова
И сына де его постигла смерть роднова,
Но утвердить сего он истец не успел.
Ни чрез свидетелей ниже; из гласных дел
Сколь совесть ни ломал, сколь в ябеде ни рылся
А напротив того лишь только в суд явился
То ясно доказал он Прямиков Богдан
Присягой двадцати соседственных дворян
Что Прямикова он родной сын и законный
Что Чужпродав майор. Совсем ему сторонной
И матери его был токмо просто кум.
Что как ему отнюдь не вспало и на ум,
Чтоб кто-нибудь его мог продавать именья,
Когда он был в чужих краях для обученья
То ябед плутовских, уступок и бумаг.
Через поверенных, тем меньше, на словах
Оспорить он. Не мог за двести миль; и боле
Что возвратясь в свое отечество оттоле,
И с двух сторон нашед; зажженное войной
Он долгом счел служить; и жертвовать собой
По замиреньи ж. — В дом отцовской возвратяся
Узнал, что ябеда ему в родню вплелася
В число покойников: давно его причла
И точное его наследье; продала
Что тут презрев ее, все низкие ехидства
Крючки законностей, пролазы и бесстыдства
На правости: своей себя он утвердил,
И хищникам своих наследств не попустил.
В чем супротиву лжи и ябедничья кова
Священного себе законов ждет покрова».

Бульбулькин (*вышед на авансцену, вполголоса с Атуевым и Паролькиным*)

Ну, мастер, признаюсь, наш секретарь читать;
Хотя б послушал чорт, не мог бы разобрать.

Паролькин

Пусть мелет он, а мы подумаем о деле.
Из гвардьи отпускной сюда на сей неделе
Вельми молоденькой пожаловал барчук;
Пуста головушка, но с золотцом сундук.
Мы можем, приглася его в свою беседу...

Бульбулькин

А как да не пойдет на удочку?

Паролькин

Подъеду
К нему, поверь, с такой я ловкой стороны:
Уж змейки от меня к нему подпущены.
Лишь вы бы...

Атуев

Ба, да кто? не мой сосед ли это,
Что позлащенною всем хвастает каретой?

Паролькин

Тот самой.

Атуев

Ну. так всех сокровищ ты его
Не ведаешь?

Паролькин

Ужли? а именно чего?

Атуев

Красотка у него; да знаешь ли? прекрасна!

Паролькин

Поди прочь: знать душа уж к ней твоя пристрастна;
Я видел и не раз: ничуть не хороша.
Подденем кошелек, в нем больше барыша.

Бульбулькин

Ой! ой! вы молодежь! ну, долго ль вам проказить
И то за кошельком, то за красоткой лазить?
Пора бы вашу жизнь уж вам остепенить.

Паролькин

А что ж прикажешь ты начать нам делать?

Бульбулькин

Пить.

Кривосудов

Эк вздоры!

Паролькин

Дребедень!

Атуев

Сумбур!

Бульбулькин

А штиль надут!

Радбын

Ни мы-мы-мысли нет; ни смы-мы-мысла тут.

Кохтин

Ни ссылки на указ.

Кривосудов

Какие те указы?
Ты видишь, тут одни пустые лишь рассказы,
Запутанная речь и бранные слова.
Ей, у меня от них вскружилась голова.
Пусть лучше бы он врал по-чудьски иль богемски.

Кохтин

Однак, уездный суд и также верхний земский,
Решение на сих резонах утвердя
И спорное ему именье присудя,
Соперника его согласно обвинили.

Бульбулькин

Знать, пышные слова им головы вскружили.

Кривосудов

Но вы как мыслите о сем, мои друзья?

Бульбулькин

Коль правду вам сказать, так вот что мыслю я:
Что плут Богдан.

Атуев

Ей, так.

Кривосудов

И я такого ж мненья.

Радбын

То-точно так.

Паролькин

В том нет и малого сомненья.

Кривосудов

Так Праволова вы согласны оправдать?

Бульбулькин и Паролькин

Согласны.

Атуев

И весьма.

Радбын

Уж та-ки-ки-ки быть.

Кривосудов

Люблю я эдаку согласну мыслей встречу.
Так резолюцию в сей силе я отмечу?

Бульбулькин

Когда угодно вам.

Кривосудов (*написав, отдает бумагу Кохтину*)

Возьми же, да поди,
Все это поскорей как надо расплоди;
И принеси журнал, чтоб подписать успели.
(*Кохтин, а за ним Добров уходят*)

Бульбулькин

Ну, над проклятым сим мы делом попотели!

Кривосудов

Так можно отдохнуть.

Все встают

Паролькин (*смотря на свои часы*)

Двенадцатой уж час.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж и Хватайко

Хватайко

Желаю здравствовать. Не потревожу ль вас?

Кривосудов

Никак, любезный гость! спокойно ль ночевали?

Хватайко

Я думаю, как все: как улеглись — не знали.

(*Вполголоса*)

В передней Праволов своей судьбины ждет.
Вы не забыли ли его?

Кривосудов

Нет, милой, нет!
Уж дело все с концом: согласно мы решили.

Хватайко

Ай, да спасибо вам; вот прямо удружили!

Бульбулькин

Когда б скорей журнал...

Кривосудов

Да я ведь уж велел.

Паролькин

А вот и секретарь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и Кохтин с журналом

Кохтин (*отдавая бумагу Кривосудову*)

В минутную поспел.

Бульбулькин

Ну, впрямь спроворил вмиг.

Кривосудов (*подписывая*)

Итак, перекрестяся.

Бульбулькин (*подписав*)

Эк, живо подмахнул!

Атуев (*подписывая*)

И я благословяся.

Паролькин (*Радбыну, который, взяв, хочет читать бумагу*)

Да ну, пожалуй, нас читаньем не смеши:
Еже писах, писах.

Радбын (*подписав, Паролькину*)

Так на ж ты пи-пиши.

Паролькин (*подписав, отдает бумагу Кривосудову*)

Вот подчеркнул и я.

Кривосудов

Бумага и готова.
(*К Кохтину*)
Возьми.

Хватайко

Так можно уж позвать к вам Праволова?

Кривосудов (*Кохтину, которой отворяет дверь*)

Охотно, прикажи.

Хватайко

Ну, как же эта весть
Обрадует его! судя как ни на есть,
А дело тысяч в сто.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те ж и Праволов

Праволов

Слуга ваш всенижайший.

Кривосудов

И мы усердные.

Бульбулькин (*потрепав Праволова по плечу*)

И скромны слуги ваши.

Хватайко (*Праволову*)

Какой тебе, мой друг, сегодня снился сон?

Праволов

К чему вопрос такой?

Атуев

Ты знаешь ли, ведь он
Снотолкователем недавно учинился.

Хватайко

Вчерашним пуншевым ты чаном окатился
Во сне, наверное?

Праволов

А может быть и так.

Паролькин

А это, говорят, хороший будто знак.

Праволов

Я благодарен вам за доброе значенье.

Бульбулькин

За потерпенье ведь дает бог и спасенье.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж и Добров

Добров (*несет два пакета и отдает их Кривосудову*)

С почтамта лишь сейчас они принесены.

Кривосудов

Посмотрим, нет ли то какой в них новизны.
(*Распечатывает и отдает Хватайку*)
Судебно око ты: пожалуй, потрудися.

Хватайко

От «приказали» ведь?
(*Читает*)
«А как в Сенат стеклися
Из разных главных мест, правлений и судов
Репорты, коими асессор Праволов
В поносных ябедах, злодейственных беспутствах,
В разбоях, грабежах и даже душегубствах

Довольно приличен...»

(*К Праволову*)

Кой чорт! Смотри-ко, брат!
«Довольно приличен, то для того Сенат
Присутственным местам всем сим повелевает
Строжайший обыск...»

Праволов

Ох! кровь в жилах замерзает.

Хватайко

«О Праволове сем повсюду предписать;
И где найдется он, сковав, под стражу взять
И крепко содержать до нового указу».

Праволов

Погиб я!

Хватайко (*к Праволову*)

Вот те на! Какую же проказу?..

Праволов (*упадая на колена*)

Да что уж говорить, не погуби, спаси!

Хватайко

Да ты возможного, голубчик, лишь проси.
Ведь тож и у меня спина-та щекотлива.

Праволов

Пропал навеки я! О хищность нечестива!

(*Бежит вон*)

Хватайко (*бежит за ним*)

Куда? Постой, вернись! Чтоб он куда не сгиб.

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радбын, Кохтин и Добров

Атуев

Я вне себя!

Паролькин

Кой чорт!

Кривосудов

Меня как гром ушиб.

Бульбулькин

Мне кажется, я пьян.

Радбын

Эк-эк-эк-эко диво!

Кривосудов

Да как с ним эдак вдруг внезапно, несчастливо!
Я не сберусь с умом. Но дай-ко нам прочесть
И эту вещь. Очки! Тут что-нибудь да есть.
О чем Сенату к нам писать и столько много?

(*Читает*)

Вот на! «Гражданскую палату всю... и строго...»
Ахти, пропали мы!

(*Роняет из рук бумагу и падает в стул*)

Бульбулькин

За что? Перекрестись!

Атуев

Неужли впрямь?

Паролькин

Господь, господь с тобой, очнись.

Радбын

Эк-эко диво!

Кохтин

Ну, пришло и нам, знать, круто!

Подымают бумагу и все, сбежавшись, читают

Добров (*в сторону*)

Крутили ведь и вы!

Кривосудов

О скорбь! О горе люто!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те ж, Фекла и Анна

Фекла

Что за беда у вас? О чем так сильный крик?

Кривосудов

Пропали мы!

Фекла

Да как? Ну ж! поверни язык.

Кривосудов

Погибли, говорю; ну, сгибли, да пропали!

Фекла (*к Бульбулькину*)

Да как?

Бульбулькин

Погибли так, как ввек не погибали.

Фекла (*к Паролькину*)

За что?

Паролькин

За то, что нам пришел прямой уж мат!

Фекла (*к Атуеву*)

Взбешусь; скажи мне...

Атуев

Уж все сказал Сенат.

Фекла (*к Радбыну*)

Сенат! Ахти! и впрямь; да что же вам оттуда?

Радбын

Ввек эк-эк-экого не ждал я чу-чу-чуда!

Фекла (*к Кохтину*)

Хоть ты мне растолкуй.

Кохтин

Да толк тут недалек:
За бабушкин, знать, грех всех нас попутал бог.

Фекла (*к Доброву*)

Хоть ты...

Добров

О том вся скорбь, что вздумалось Сенату
Нас в уголовну всех препроводить палату.

Фекла

Ахти мне! Да за что?

Кривосудов

Да то-то и беда,
Что осудили нас без всякого суда.
Ну, льзя ли, по одним доносам лишь злословным,
Велеть нас всех судить порядком уголовным?
За взятки якобы, за толк кривой в делах
Законов будто...

Фекла

Как? Как? На пустых словах
Сенат уверился? Сенат нас обвиняет?
Да кто ж нам взятки дал? Кто нас изобличает?
Без права, без суда, честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, страмить нас, убивать!
Да что? Зачем ему мешаться в эти вздоры?
В одном лишь разве здесь суде засели воры?
И к нам не дьявол ли занес стол красный в дом?
Прочь с ним отсель; — я все поставлю кверху дном.

(Опрокидывает стол; все члены и Кохтин разбегаются; под столом, увидя бутылки, Фекла к Кривосудову)

А кто принес?

Кривосудов

Никто. Остатки, знать, вчерашни.

ЯВЛЕНИЕ 9

Кривосудов, Фекла, София, Анна и Добров

Фекла *(свернув руки, стоит)*

Ахти! беда! беда!

Кривосудов

Твои вот это шашни:
Через тебя и я, и весь мой дом погиб.

Фекла

Через меня? Да ты сидел в суде, как гриб,
Как истукан, как пень, как олух, как осел,
Как рохля; в жизнь твою ты двух концов не свел.

Кривосудов

Сведи же ты теперь.

Фекла

Сведи! еще бормочет;
И он же голову еще вскружить мне хочет!
Слышь, не дразни, а то...

Анна (*подносит стакан Фекле*)

Угодно ль вам воды
Стакан?

Фекла (*Анне*)

Я раздеру тебя.

Кривосудов

Да всей беды
Не знаешь.

Фекла

Что еще за горе ожидает?

Кривосудов

А то, что наш жених в остроге заседает.

Фекла

Кто?

Кривосудов

Праволов.

Фекла

Ахти! За что?

Кривосудов

Сенат велел
Сковать; и скован уж; так, стало, не без дел.

Фекла

Ахти! Пришла беда! ахти мне! умираю.
(*Падает в обморок; Софья и Анна бросаются ей помогать*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те ж и Прямиков

Прямиков

Простите мне, сударь, что смелость принимаю
Прийти к вам; ваше я несчастие узнал;

Жалея искренно, за первый долг считал
Спешить утешить вас и разделить печали.

(*К Фекле, пришедшей в себя*)

Хотя вы на меня немного пороптали,
Сударыня, но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступок мой,
Усердья моего почувствуете цену.

Кривосудов

Вы счастья нашего узнали перемену?

Прямиков

Но чувствований я моих не пременил
И вам готов помочь, колико будет сил.
Счастлив, когда б мои услуги предуспели
Склонить вас, чтобы вы с приятностью глядели
На нежну страсть мою.

Фекла

Вы много чести нам...
Я, право, вас стыжусь. Когда угодно вам...
С моей я стороны согласна всей душею.

(*К Кривосудову, с жаром*)

А ты что ж?

Кривосудов

Я, сударь, всегда согласен с нею:
Но в этом случае ее я упредил.

(*Обнимая Прямикова*)

Божусь, что ты всегда мне не противен был.

Прямиков (*целуя руки у Феклы*)

Какое счастие!

Анна

Какая перемена!

Кривосудов

Теперь моя печаль немного облегченна.

Анна

Авось-либо и все нам с рук сойдет слегка.

Добров

Впрямь: моет, говорят ведь, руку де рука;
А с Уголовною Гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живет за панибрата;
Не то, при торжестве уже каком ни есть,
Под милостивый вас поддвинут манифест.

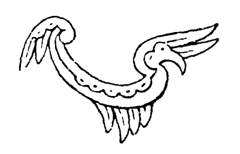
Кривосудов

Ну, что ни говорить, а дело плоховато!

Анна

Жить ябедой и тем, что взято, то и свято.

Конец



КЛОРИДА И МИЛОН

Пастушеская опера в одном действии

Действующие лица:

Клорида, пастушка.
Милон, Мелест, Дамет — пастухи.
Хор, Хоровод — пастухов и пастушек.

Действующие лица одеты по древнему греческому пастушечьему обычаю.

Действие происходит в Олимпийской долине.

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет луг, с одной стороны видна роща и скала, с которой льется водопад; с другой горы, кустарником покрытые. Прямо вдали виден храм среди осененных деревьями холмов

Клорида (*выходит в задумчивости*)

Ах! как быть нам, сердце страстно!
Уж и ты в разлад со мной!
От Милона я всечасно
Ухожу, — а он с тобой!
Но зараз любви боюся,
Не хочу ей воли дать:
Если так теперь крушуся,
То вперед чего мне ждать?
Летом в зной засохши розы
Частые дожди свежат;
А я как ни плачу, слезы
Пуще сердце лишь сушат.

Ах! как быть нам, сердце страстно!
Уж и ты в разлад со мной:
От Милона я всечасно
Ухожу, — а он с тобой!

(*Увидя идущего к ней пастуха*)

Но вот он. — Уйдем; ни с места;
Как прикована гвоздем.
Но, ах! нет; — не он! — Мелеста
Вижу в рощице. — Уйдем.

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Мелест

Солнце над горою стало,
А Милона не видать.
Время уж давно настало
Фебу праздник начинать.
Солнце над горою стало
А Милона не видать!

О любовь, любовь! сгубила
Беднова Милона ты;
Сердце страстью засушила
Так, как сушит зной цветы.
О любовь, любовь! сгубила
Беднова Милона ты!

Солнце над горою стало,
А Милона не видать!
Время уж давно настало
Фебу праздник начинать.
Солнце над горою стало,
А ни духа не видать!

Хор

пастухов и пастушек слышен вдали

Пойдем, друзья! пойдем;
Давно уж мы гуляем.
Пойдем, цветов нарвем
И Феба увенчаем.

ЯВЛЕНИЕ 3

Мелест, Дамет, хор и хоровод пастухов и пастушек

Пойдем, друзья! пойдем,
Давно уж мы гуляем.

Пойдем, цветов нарвем
И Феба увенчаем.
(*Под голос хора пляшет хоровод*)

Дамет

Он царь земли и бог,
Любящий лавр и лиру;
К одной лишь злобе строг,
Он свет и радость миру.

Хор

Он царь земли и бог,
Любящий лавр и лиру;
К одной лишь злобе строг,
Он свет и радость миру.

Дамет

Простря на звездный свод
В лучах злату порфиру,
В сей день ево восход
Дарует радость миру.

Хор

Простря на звездный свод
В лучах злату порфиру,
В сей день ево восход
Дарует радость миру.

Мелест

Ах, здравствуйте, друзья!
Пастушки миловиды!
Но здесь не вижу я
Милона и Клориды.
Ах! здравствуйте, друзья,
Пастушки миловиды.

Хор

Пойдем, друзья! пойдем!
Давно уж мы гуляем.
Пойдем, цветов нарвем
И Феба увенчаем.
(*Под голос хора пляшет хоровод*)

Мелест

Нет, милые! пойдем
Искать друзей в лесочке.
Там верно их найдсм
При быстром ручеечке.
Пойдем, друзья, пойдем,
Поищем их в лесочке.

Хор

Пойдем, друзья, пойдем,
Поищем их в лесочке;
Там верно их найдем
При быстром ручеечке.
Пойдем, друзья, пойдем,
Поищем их в лесочке.

(*Все уходят с пляскою*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Милон, а после его Мелест

Милон выходит по горам и садится на камне. Несколько овец видно близ ручья. Мелест возвращается, увидя Милона, и останавливается близ рощи, скрываясь от него

Милсн

Помутите, овцы милы,
Этот мне ручей постылый.
На вершине вечерком
Видел я, как долго в нем
Любовалася Клорида.
Он оттоль спокойно тек;
Но пастушки милой вида
Принести с собой не мог.
Помутите, овцы милы!
Этот мне ручей постылый.

Мелест

Ручей! между цветами
Ток зеркальный кати
И разными красами
Любуйся на пути.
С отрадой, струйки! мчитесь,
Вы счастливее нас:
Все, чем вы ни прельститесь,
На миг пленяет вас.

Милон

На камень упадает
По капле капля вод,
И камень пробивает;
А сердца жоскова, холоднова, как лед,
Ток слезный не смягчает.

(Тут Милон усматривает Мелеста)

Милон

В небесной вышине
Звезд тысячи сияют,
Но взора при луне
Они не привлекают.

Мелест

Неужли, как луна,
Пастушка здесь одна
Имеет право отличаться;
И ею все должны пленяться?

Милон

От малой искры бор
Зажжется и сгорает:
Сердца всех милой взор
Мгновенно заражает.

Мелест

Потушит искру лист сырой;
Она бы и сама погасла,
Когда б не раздувал иной
И не подлил на камень масла.

Милон

И море пламени любви
Не может потушить в крови;
В волнах Леандр* о том лишь стонет,
Что, не увидя милой, тонет.

Мелест

Ведь плыть тут было далеко,
А сине море глубоко;
Так должно ль, не спросяся броду,
О полночи бросаться в воду?

---

* Каждому известна повесть о Леандре, утонувшем, переплывая Геллеспонт для ночного свидания с любовницею своею Геро.

(*Дуэт*)

Милон	Мелест
И море пламени любви Не может потушить в крови: В волнах Леандр о том лишь стонет, Что, не увидя милой, тонет.	Ведь плыть тут было далеко, А сине море глубоко; Так должно ль, не спросяся броду, О полночи бросаться в воду?

В это самое время Клорида показывается из-за кустарника и подслушивает песни Милона и Мелеста

Милон

Готова бабочка сгореть,
Лишь бы в огне приятном тлеть.

Мелест

Кто ожоги не боится,
Тот с огнем пусть и дружится.

Милон

Муха к меду лишь прильнет,
Тут же сладко и умрет.

Мелест

Мухи пчелочка хитрее:
Где увидит луг пестрее,
Там, летя с цвета на цвет,
Собирает сладкий мед.

(*Дуэт*)

Милон	Мелест
Муха к меду лишь прильнет, Тут же сладко и умрет.	Пчелочка, с цвета на цвет Прилетя, сбирает мед.

ЯВЛЕНИЕ 5

Клорида, Милон и Мелест

Милон поспешно сходит с горы к Клориде

Клорида

Престаньте, пастухи прекрасны!
Пора вам кончить спор напрасный.
Мелест! как легкий ветерок,
Ты меж цветами пролетаешь
И только нравиться желаешь:
Вот розовый тебе пучок.

(*Милон с неудовольствием изъявляет зависть свою*)

А ты, Милон! престань томиться;
Любовью ты любовь привлек.
С тобой мне нечем расплатиться;
Будь мой, а я твоя навек.

(*Дает ему руку, которую он целует*)

Милон

Престану я теперь томиться:
Любовь любовью я привлек.
Готов душою разделиться:
Я твой, а ты моя навек.

Мелест (*в сторону*)

Пускай изволит веселиться
Любовью, кто любовь привлек!
Изрядной способ расплатиться —
Закабалить себя навек.

(*трио, все вместе*)

Клорида

Драгой Милон! престань томиться,
Любовью ты любовь привлек.
С тобой мне нечем расплатиться.
Будь мой, а я твоя навек.

Милон

Престану я теперь томиться,
Любовь любовью я привлек.
Готов душою расплатиться.
Я твой, а ты моя навек.

(*Становится на колени и целует руку Клориды*)

Мелест

Пускай изволит веселиться,
Любовью кто любовь привлек,
Изрядный способ расплатиться —
Закабалить себя навек!

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж и вдали хор и хоровод пастухов и пастушек

Хор

(*Издали*)

Пойдем, друзья! пойдем,
Не видно их в лесочке.

(*Ближе*)

Авось-либо найдем
При быстром ручеечке.

(*На театре*)

Авось-либо найдем
При быстром ручеечке.
Пойдем, друзья! пойдем,
Не видно их в лесочке;
Авось-либо найдем
При быстром ручеечке.

Мелест

К нам, милые друзья!
Пастушки миловиды!
Нашел Милона я
У ног его Клориды.
В час доброй вы пришли
И их застали вместе:
Поклон им до земли, —
За женихом невесте.

Клорида

Так, милые друзья!
Я счастлива с ним вечно:
Люблю его сердечно
И им любима я.

Милон

Так, милые друзья!
Теперь я счастлив вечно:
Любя ее сердечно,
Любим Клоридой я.

(*Дуэт*)

Клорида

Так, милые друзья!
Я счастлива с ним вечно:
Люблю его сердечно
И им любима я.

Милон

Так, милые друзья!
Я счастлив ею вечно:
Любя ее сердечно,
Любим Клоридой я.

Хор

Чета! пленяйся вечно
Восторгами любви:
И в радости сердечной
Век счастливо живи.

Хор пастухов

Мы в дар чете прекрасной
Из роз венки совьем.

Хор пастушек

С их радостью согласной
Мы хор им воспоем.
Пусть век в любови страстной
Покажется им днем.

Хор пастухов и пастушек

Пусть век в любови страстной
Покажется им днем.

Милон

Приятными цепями
Спеша нас съединить,
Любовь! живи ты с нами:
Я стану в то лишь жить,
Чтоб милую любить.

(*Вместе*)

Мелест (*в сторону*)

С руками и с ногами
Себя одной крепить!
Вольно с ума сходить.

Клорида, Милон и хор

Любовь! живи ты с нами;
Мы станем в то лишь жить,
Чтоб | милова
| милую
| милых нам | любить.

Клорида

Над страстными сердцами
Родясь царицей быть,
Любовь! живи ты с нами,
Я стану в то лишь жить,
Чтоб милова любить.

(*Вместе*)

Мелест (*в сторону*)

С руками и с ногами
Себя одной крепить!
Вольно с ума сходить.

Клорида, Милон и хор

Любовь! живи ты с нами;
Мы станем в то лишь жить,
Чтоб | милова
| милую
| милых нам | любить.

По знаку первой пастушки из хоровода хор останавливается, и все вслушиваются в песнь Мелеста

Мелест (*один продолжает*)

С руками и с ногами
Себя одной крепить!
Вольно с ума сходить.

Пастушки, услыша это, тормошат его и принуждают петь их песню

Мелест (*первые два стиха в сторону*)

Пришлось и мне с волками
Под тот же голос выть:
Любовь, живи ты с нами,
Я стану в то лишь жить,
Чтоб миленьких любить.
(*Пересчитывает по пальцам*)

Вместе

Клорида, Милон и Мелест

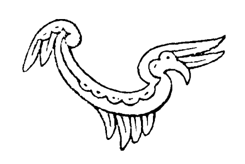
Любовь, живи ты с нами,
Я стану в то лишь жить,
Чтоб | милова / милую / миленьких | любить.

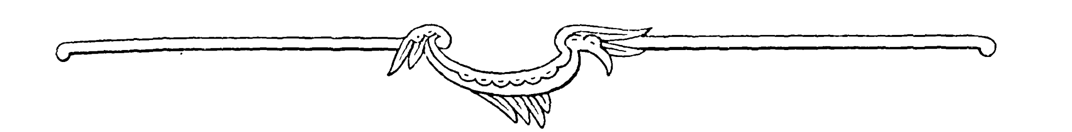
Хор

Любовь! живи ты с нами,
Мы станем в то лишь жить,
Чтоб милых нам любить.

Под голос последних трех хоров пастухи и пастушки пляшут, и общим хороводом оканчивают пьесу

Конец оперы





СГАНАРЕВ ИЛИ МНИМАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Комедия в трех действиях.

Сочинение г. Мольера,
переложено стихами В. Капнистом

Действующие лица:

Торговин, богатый купец.
Софья, дочь его.
Милет, офицер, любовник ее.
Сганарев, богатый мещанин.
Марфа, жена его.
Аршинин, купец.
Родняков, мещанин.
Настасья, служанка Софьи.
Евсей, слуга Милетов.
Действие на площади. С одной стороны дом Торговина, с другой Сганарева; оба с отворяющимися окнами и балконами.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 1

Торговин, Софья и Настасья

Софья (*выходя в смятении*)

Нет, батюшка, на то я ввек не соглашусь.

Торговин

Что, что бормочешь ты? Послушай: я взбешусь,
Когда ты мне еще хоть слово, хоть полслова
Осмелишься сказать. Тьфу пропасть! в жизнь такова
Упрямства вздорного не видел в людях я.

Ну, да кому из нас, мне ль слушаться тебя,
Или тебе меня, скажи, повеса, должно?
Мне кажется, отцу всегда знать лучше можно,
Где счастия искать для дочери своей.
Безумная, уймись, не вздорь: а то, ей-ей,
Ты до беды дойдешь упорностью твоею;
Я не люблю болтать, шутить я не умею.
Я положил уже, чтоб тот мне зятем был,
Которому в жену тебя я посулил.
Ты скажешь: «Нрав его мне вовсе неизвестен,
Не знаю, мил ли он, довольно ли прелестен».
Я знаю, что набит и туг карман его;
Так что же узнавать осталось сверх сего?
Имея тысяч сто крестовиков наличных,
Не должен ли иметь он прелестей отличных
В глазах твоих? — Пошла, с такою красотой
Кто б ни был и каков, — он малой дорогой!

Софья

Увы!

Торговин

Ну, что, увы! — скажи, что значит это?
К чему дурацкое «увы!» твое пропето?
Ну ежели меня еще ты подожжешь,
То не такие ты «увы!» еще споешь!
Вот прок беспрочный, прок беспрерывных чтений
Романов, песенок, любовных сочинений!
Их пустошью твоя набита голова,
Ты чаще их твердишь, чем божески слова.
Брось эти книги в печь: примеры их дурные
Все головы у нас вскружили молодые.
Нравоучительны ты книги выбирай,
О заблуждении и истине читай.
Душ тройственным путем к спасенью приближайся;
Иль утешением ты грешных утешайся.
Илиотропион, Терпенья щит, Цветник,
Златую книжицу заметь меж прочих книг.
Вот золото и впрямь. О! если б ты читала
Лишь это, то бы так противиться не стала.

Софья

Так вы Милета мне велите позабыть?
Когда б без вашего согласия любить
Его посмела я, была бы перед вами
Виновна; но вы нас соединили сами.

Торговин

Так, я соединил, и дела не таю,
Да я ж и разлучу, и в этом устою.
Милет собой пригож, но кошельком хворает,
А деньгам — деньгам все на свете уступает.
Знай, что они красу и харям придают,
Без них краса — урод, глуп — умный, честный — плут.
Аршинин, может быть, и не любим тобою,
Но верь, что сделавшись, как должно быть, женою,
Ты будешь, — я тебе могу поруку дать, —
Не только что любить его, но обожать...
Но я дурак, что с той пустился в рассужденья,
Которой моего довольно повеленья.
И так упрямство ты, голубка, отложи,
И вздохи и увы безумны удержи,
Жених твой будет к нам сегодня неотложно.
Ты не прими его так, как невесте должно,
Не встреть его таким лицом, как я хочу,
То я тебя!.. ну, ну! — я право не шучу.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 2

Софья и Настасья

Настасья

Как! вы, сударыня, то отказать хотите,
Что столь приятно? — Не стыдно ль вам, скажите,
На зов к супружеству слезами отвечать
И руку муженьку в владение отдать?
Меня — так нет — никто к супругу не пристроит,
Чтоб уговорить меня труда не стоит.
Не только б отдала я рученьку одну,
Лишь было б из чего, и обе протяну.
Дьячок, который здесь молитвенник читает
У вашей бабушки, разумно рассуждает.
Он мне вчера сказал: «Вы, женщины, мой свет,
Походите на хмель, который и цветет,
Покуда, к дереву прижавшись, плотно вьется,
А сохнет, от него как скоро оторвется».
Он прав, сударыня, он в этом прав весьма;
Я, грешная, собой узнала то сама.
Бог упокой навек покойного Ивана!
При животе его и я была румяна,
Была свежа, резва, как дикая коза;

А ныне сделалась как вялая лоза.
При нем крещенских я морозов не страшилась;
В нетопленной избе зимою спать ложилась,
Без одеяла ночь, бывало, пролежу:
Теперь в Петровки я под шубою дрожу.
Нет, барышня, ни с чем не может уж сравняться
Раздолье к доброму супругу приласкаться;
Хоть для того, чтобы сказать кому-нибудь:
А! здравствуйте! когда случится нам чихнуть.

Софья

Не ожидала я такого вдруг совета:
Урода полюбить, а позабыть Милета.

Настасья

По истине сказать, Милет ваш не умен,
Зачем так долго он отсюда удален?
А долгое его такое удаленье
К его неверности дает мне подозренье.

Софья

Ах, нет! не говори пророчеств мне таких.
Взглянь на черты его:
(*показывает ей миниатюрный портрет*)
скажи, судя по них,
Возможно ли его подозревать в измене?
Нет, нет; не сроден он к бесчестной перемене
И, верности ко мне всегда храня закон,
Как здесь черты его, так непременен он.

Настасья

То правда, что черты его приятны несказанно,
Такого бы и я любила постоянно...

Софья

Со всем тем должно мне... Но можно ли, увы!
(*Падает в обморок и роняет портрет*)

Настасья (*поддерживая ее*)

Что сделалось вам, сударыня, — что вы?
(*Оборачиваясь к своему дому*)
Подите, эй! — Кто там?

ЯВЛЕНИЕ 3

Софья, Настасья, Сганарев

Сганарев

Я здесь, что вы кричите?

Настасья

Ах! барышня моя скончалась, — помогите!

Сганарев

Так только-то? — Я счел, что провалился свет...
Но впрямь, посмотрим-ко. — Скончались вы иль нет,
Сударыня? — Она молчит.

Настасья

Просить вас смею,
Пока я позову слугу, останьтесь с нею.
(*Отдает ему Софью на руки и уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Софья, Сганарев и Марфа, стоящая у окна

Сганарев

Вся холоднехонька, — не умерла ль и впрямь?
(*Наклоняется к лицу*)
Посмотрим, дышет ли она? — не знаю сам.
Да полно, у нее не обморок ли модной?

Марфа (*взглянув в окно*)

Ахти! что вижу я? Мой муженек негодной
Целуется с другой! — Нет, этому не быть.
Злодея поспешу на деле улучить.
(*Отходит от окна*)

Сганарев

Но надобно мне с ней отсюдова убраться.
На тот свет право ей некстати отправляться.
Дурак, кто пустится в далекой этот путь:
Она годится здесь еще на что-нибудь.
(*Уносит Софью в дом ее*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Марфа (*одна*)

Он с нею убежать отсель поторопился!
Однако хоть теперь он от меня и скрылся,
Но вся неверность мне открылася его;
Для доказательства довольно и того,
Что я уж видела. — Теперь не удивляюсь,
Зачем горячности и ласк его лишаюсь:
Он ластится к другой, чуждаяся меня,
Для их-то масленица должна поститься я!
Вот так-то все мужья на свете поступают:
Что им позволено, так то и презирают;
Как скоро женятся, ласкают, нежат нас;
Ни шагу от жены, ни пяди ни на час;
Но несколько недель спустя уже простыли
И нашим уж добром сторонних угостили.
О! если б вздумалось правленью приказать,
Чтоб так, как башмаки, мужей переменять.
Я чаю, многие тогда б со мной явились,
Которые б приказ исполнить торопились...
Но это что лежит?.. Находка хороша.

(*Поднимает портрет*)

Я не надеялась такого барыша.
Посмотрим.

ЯВЛЕНИЕ 6

Марфа и Сганарев (не видя друг друга)

Сганарев

Нет теперь опасности нимало;
Минулся обморок, и ей уж легче стало.
Да вот жена моя.

Марфа

О! это — так... портрет,
Какой же молодец прекрасной!..

Сганарев

Что там врет
Она? — На чей портрет так пристально зевает?
Посмотрим; — это мне добра не предвещает.

(*Смотря через плечо Марфы*)

Я в подозрение, как во щи кур попал.

Марфа

Никто красавца ввек такого не видал!
И живопись сто раз прекраснее металла.
Как пахнет хорошо!

(*Нюхает портрет*)

Сганарев

И... и поцеловала!..
Ну, я теперь пропал!...

Марфа

По истинне сказать,
Приятно за таким красавцем помахать.
И если б вздумалось ему поволочиться,
То право, кажется, что можно б и пуститься.
Зачем мне не дал бог такого молодца
На место моего негодницы, срамца?..

Сганарев (*вырвав портрет*)

Ах, ты безумная! так ты мне изменяешь?
Достоинства мои и превосходства хаешь?
Или ты думаешь, беспутная змея,
Что рожи этакой твоей не стою я?
Ну, да какова же, мартышка неуклюжа,
Пригожее меня желать могла ты мужа?
В моей особе льзя ль похулить что-нибудь?
Мой богатырской стан, моя широка грудь,
Мое лицо, моя боярская осанка
Для тысячи красот прелестная приманка;
И словом, все мои приятства, красоты
Считаешь за ничто, безделкой ставишь ты?
И жадности твоей в любовную услугу
Пристроить хочешь ты наместника к супругу?

Марфа

Замашку я твою из сих узнала слов:
Ты этим думаешь...

Сганарев

Не путай пустяков.
Уж дело сделано: судьба моя известна,
И лбу-то моему она ничуть не лестна.

Марфа

Пожалуй ты меня еще не раздражай;
Иль разругаю я беспутного. — Отдай,
Отдай, я говорю, отдай мою находку,
Иль хочешь...

Сганарев

Прервать хочу тебе я глотку.
Когда бы подлинник, как копия сия,
Попался в руки мне!..

Марфа

Так что ж?

Сганарев

Душа моя!
Так, ничего... И впрямь поступок твой изряден,
Твоею чивостью теперь мой лоб наряден.
(*Рассматривает портрет*)
Так это милой тот красавец удалой,
Что около тебя вертится вкруг юлой,
Которой уж с тобой...

Марфа

Который что со мною?

Сганарев

Который уж с тобой... раздуло б вас горою.

Марфа

Да что за вздор такой городишь ты, урод?

Сганарев

Ты понимаешь все, ехидный женский род!
Так! — Сганаревым звать меня и перестанут:
А рогоносовым честить под титлом станут!
Постой же, за такой вельми казистой вид
Супружний и тебя кулак позаклеймит.

Марфа

И вздор такой нести, негодной! ты мне смеешь?

Сганарев

И так беспутствовать стыда ты не имеешь?

Марфа

Да как беспутствовать? Скажи мне напрямик.

Сганарев

Нет, что ничего: грех в этом не велик,
Наставя на меня оленью ты егрету,
Отличную на лбу мне сделала примету!

Марфа

И так, обидевши чувствительно меня,
Супружеской любви бесстыдно изменя,
Притворно ты теперь изволил рассердиться,
Затем, чтоб от упрек моих освободиться.
Такой поступок нов, и всех он удивит.
Он сам же виноват, да сам же и бранит!

Сганарев

Смотря на вид ее, таящий адску злобу,
Кто б не почел ее за честную особу?

Марфа

Поди, любовниц ты своих не покидай;
Клянись их век любить, целуй их, обнимай,
Но дай мне мой портрет и не юродствуй боле.
(*Вырывает портрет и уходит*)

Сганарев

Я у тебя возьму его и поневоле.
(*Гонится за ней и уходит*)

Конец первого действия.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ 1

Милет и Евсей

Евсей

Ну, наконец, сударь, мы кончили наш путь;
Позвольте же мне вас спросить о чем-нибудь.

Милет

Спроси.

Евсей

Не бесы ль вам в дороге помогали
Переносить труды? Мы день и ночь скакали
Как полоумные. Держась на облучке,
Я ждал без головы при каждом быть толчке.

Провал бы эте взял прокляты кибитчонки!
Они мне легкое отбили и печонки!
Не говоря уже о прочем ни о чем,
Я так, сударь, помят, как в ступе толкачом.
Со всем тем, только лишь с повозки нашей встали,
Не евши ни куска, мы в город побежали.

Милет

Чему дивиться тут? Ты знаешь, слух идет,
Что замуж дочь свою Торговин отдает.
Ты знаешь, как ее люблю и обожаю.
Узнать свою судьбу скорее поспешаю.

Евсей

Так; но обед, моим поверьте вы словам:
В сем изыскании был нужен бы и вам;
Не худо пищею, сударь, вам укрепиться,
Чтобы с кручиною отважнее сразиться.
Я по себе сужу: малейшая беда,
Когда я не поем, согнет меня всегда.
Когда желудок мой патронами настрою,
Как рыцарь, стану я противу бед горою.
Покушайте, сударь, чтоб лучше отражать
Те горести, что вас готовятся встречать;
И если одолеть все бедствия хотите,
Бокалом ренского вы дух ваш укрепите.

Милет

Возможно ли мне есть?

Евсей

А я быка бы съел;
Но ваш обед, сударь, я чаю уж поспел.

Милет

Молчи же: я велю...

Евсей

Жестокое веленье!

Милет

Не пища у меня на мысли, но сомненье.

Евсей

А у меня, сударь, она с ума нейдет.
Простынет, бедненькой, горячий мой обед!

Милет

Дай волю мне о чем хочу сведомляться;
А ты ступай домой, прожора, объедаться.

Евсей

Не смею спорить я против господских слов.
(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Милет (*один*)

Нет, нет, напрасно я страшуся пустяков.
Отец мне слово дал, а дочь клялася страстно
Любить меня по смерть: — нет, я боюсь напрасно.

ЯВЛЕНИЕ 3

Милет и Сганарев

Снагарев (*рассматривает портрет, не видя Милета*)

Таки его отнял я у моей жены!
Дай рожу рассмотреть мне этой сатаны...
Но он мне не знаком!..

Милет (*в сторону*)

Ба! что мне показалось?
Портрет мой!.. точно мой!.. что думать мне осталось?

Сганарев (*все не видя Милета*)

О, бедный Сганарев! к чему ты осужден?
Под козерогом ты, конечно, в свет рожден!
И так уж...

Милет (*вглядываясь в портрет*)

Это он! но трудно догадаться,
Как от Торговиной он мог ему достаться?

Сганарев (*как и прежде*)

И так уж пальцами указывать с сих пор
Все станут на меня! на счет мой всякой вздор
Не перестануг врать и прозой и стихами,
И гроб украсят мой огромными рогами!

Милет (*продолжая рассматривать портрет*)

Да он ли?..

Сганарев (*все так же*)

Гадина! боишься ль бога ты
Неверностью своей вписать меня в скоты?
И будучи женой отличного красавца,
Зачем ты этого, негодная, мерзавца...

Милет

Так, это мой портрет! глаза мои не лгут.

Сганарев (*отворачиваясь от Милета*)

Он любопытен.

Милет (*все в сторону*)

Так; но я дивлюсь, как тут...

Сганарев (*в сторону*)

К кому он вяжется?

Милет

Вступлю с ним в разговоры.
(*К Сганареву*)
Могу ль... послушайте!..

Сганарев

Досуг мне слушать вздоры!

Милет

Могу ль узнать от вас, сударь, какой судьбой
Попался к вам портрет?

Сганарев (*про себя*)

К чему вопрос такой
Он сделал мне? — Постой!.. в лице я примечаю...

(*Сличает Милета с портретом*)

О! о! хлопот его теперь причину знаю;
И удивлять меня они уж не должны:
Вот благодетель мой, — не мой, — моей жены!

Милет

Решите вы меня, скажите, ради бога...

Сганарев

Мы знаем, отчего такая в вас тревога.
Портрет ваш, до меня дошедший, вас смутил:
В известны руки вам он вами отдан был;
И нам, извольте знать, ничуть не безызвестно,
Как были связаны вы с той особой тесно.
Не ведаю, знаком я вам, сударь, иль нет,
Но дружеский принять извольте мой совет
И перестаньте впредь за нею волочиться:
Такая мужу честь ... прошу вас не трудиться.
Вы знать, сударь, должны, что всяк с своей женой...

Милет

Как! та, от коей вы портрет достали мой...

Сганарев

Моя жена: я муж ее.

Милет

Вы муж?

Сганарев

Так; — верно.
И тем, что я узнал, я огорчен чрезмерно.
Ведь вам известно чем. — Теперь родне ея
Все рассказать иду.

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Милет (*один*)

О, Боже мой! что я
Теперь успел узнать! Так этот слух был верной!
Мне говорили все, что муж ее прескверной.
Ах, если б ты меня и не клялась любить,
То неужель тебя не мог остановить
Столь скаредной предмет? И можно ль думать было,
Чтоб для него твое мне сердце изменило?..
Неверная! ... что он богат! ... такой удар
Так срезал с ног меня, так сильно бросил в жар,
Что я весь вне себя... кровь в жилах цепенеет...
Кружится голова... и свет в глазах темнеет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Милет и Марфа

Марфа (*при входе не видя Милета*)

Он отнял у меня... Но что, сударь, вы? .. Ах!
Бледнеете и чуть стоите на ногах?

Милет

Не знаю, отчего мне вдруг так дурно стало.

Марфа

Здесь в обморок, сударь, упасть вам не пристало.
Пожалуйте в мой дом, покуда он пройдет.

Милет

На несколько минут приемлю ваш совет.
(*Входит с Марфою в дом Сганарева*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Сганарев и Родняков

Родняков

В сем случае мужьям простить заботу можно;
Но не видав огня, пожар — кричать не должно.
Все, что о ней ты мне изволил повестить,
В вине отнюдь ее не может уличить,
О преступлениях, мой зять, такого рода
Не должно говорить без явного довода.

Сганарев

Покуда ощупью до правды не дойдешь?
Не так ли?

Родняков

Часто мы берем за правду ложь,
Когда спешим судить. — Бог весть, как ей достался
Портрет, которого ты столько испугался.
Узнай же наперед и мне приди сказать,
Тогда-то за вину мы можем наказать.
(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Сганарев (*один*)

И в самом деле так; он рассудил прекрасно.
Некстати я вспылил: мне, может быть, напрасно
Дурная мысль на ум и суета пришла
Об участи моей и моего чела.
Портрет, которой так смутил меня чрезмерно,
Бесчестья моего не доказал наверно.
Пойду же я теперь...

(*Останавливается, увидя из своего дома выходящих Милета и Марфу*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Сганарев, Милет и Марфа

Сганарев

Что вижу? — Боже мой!
Так нужды в копии ей не было большой;
Со мной портрет, а с ней сам подлинник остался!
Тьфу чорт!..

Марфа (*не видя Сганарева*)

Ваш не совсем припадок миновался.
Когда вы выйдете, то, может быть, сейчас...

Милет

Нет, нет; благодарю чувствительнейше вас;
Мне, право, совестно вас больше беспокоить.

Марфа уходит в дом

Сганарев

Он вздумал ей еще и комплименты строить!

ЯВЛЕНИЕ 9

Сганарев, Милет и Софья (стоя у окна, видит проходящего Милета)

Сганарев

Увидел он меня и вот ко мне идет.

Милет (*увидя Сганарева*)

Мой дух смущается.. и этакой урод!..
Но утолить мою досаду мне должно ныне

И приписать мое несчастие судьбине.
Скорбеть осталось мне лишь на нее одну.

(*Проходя мимо Сганарева*)

Счастлив, имеет кто столь милую жену!

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Сганарев и Софья

Сганарев (*не видя входящей Софьи*)

Без всяких обиняков он ясно изъяснился.
Я вне себя от слов его так изумился,
Как будто на моем лбу явилось сто рогов!

(*Вслед к Милету*)

Ступайте! — мерзок мне поступок ваш таков.

Софья (*не видя Сганарева*)

Милет здесь был; — мой взор меня не обольщает.
Зачем он от меня приезд свой укрывает?

Сганарев (*не видя Софьи, передразнивая Милета*)

«Счастлив, имеет кто столь милую жену!» —
Нет, горе, горе мне, что эту сатану
В жену я получил, котора без причины
Произвела меня в рогатые скотины!
Но он ушел, покрыв бесчестьем честь мою!
А я, как истукан безрукой, здесь стою!
Я грязью закидать ему бы должен рожу
И горло разодрать, или на роже кожу;
Как вора, мужний клад укравшего, схватить
И, караул крича, на Съезжую тащить.

(*Встречается с Софьей*)

Софья

Давно ли вам знаком, пожалуйте скажите,
Тот, с кем стояли вы тут, где теперь стоите?

Сганарев

Кто? — этот?

Софья

Да.

Сганарев

Увы! сударыня, не мне
Знаком он, но моей негоднице-жене.

Софья

Да что вас так крушит, когда спросить я смею?

Сганарев

Крушиться, истинно, причину я имею.

Софья

Но отчего же вам пришла печаль сия?

Сганарев

Грущу, сударыня, не о безделке я.
И я не знаю, кто б в такой, как я, кручине
Так точно не вздыхал, как вздыхаю ныне.
Сударыня! — во мне, скажу вам наконец,
Мужей вы видите несчастных образец.
На честь мою, увы! злодеи наступили
И, сделав в ней ущерб, ее меня лишили.

Софья

Как?

Сганарев

Этот молодец рога мне приковал,
Сударыня, и я наверное узнал
Сегодня, а притом ничуть не стороною,
Бесчестну связь его с моей, увы! женою.

Софья

Как! тот, кто здесь...

Сганарев

Да, тот и моя жена,
Как он в нее влюблен, в него так влюблена.

Софья

Так точно, от меня он скрылся не напрасно,
И утая приезд, он доказал мне ясно
Свое злодейство. Так... не знаю отчего,
Но я ждала беды, увидевши его.

Сганарев

Вы слишком сжалились так много надо мною.
Не всяк рожден с такой душевной добротою:
Иные, коим я открыл мою напасть,
Меня же подняли на смех, разиня пасть.

Софья

Возможно ль с чем сравнить такое злодеянье?
И льзя ль сыскать ему достойно наказанье?
Как не стыдится он казаться меж людей,
Имея гнусное бездельство за душей?
Возможно ль?..

Сганарев

Точно так; нет ничего вернее.

Софья

Изменник! Есть ли кто тебя на свете злее?

Сганарев

Предобрая душа!

Софья

Неверный! Ад в себе
Не может изыскать достойных мук тебе!

Сганарев

Так точно!

Софья

Поразить столь злобно, столь ужасно
Невинность, искренность и сердце страстно!

Сганарев

Ай!

Софья

Сердце, коего любви невинный жар
Не заслужил, чтоб сей сразил его удар!

Сганарев

Ей так!

Софья

Которое... но я мятусь чрезмерно:
Измены этой я не пренесу наверно.

Сганарев

Но не сердитесь так, жалея об моей
Судьбе, сударыня!

Софья

Не мысли же, злодей!
Чтоб я упреками тебе одними мстила:
Нет, злоба бóльшее мне мщение внушила!

Я знаю, чем тебя мне должно наказать;
Пойду, ничто меня не может удержать!

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 11

Сганарев (*один*)

Пусть бог тебя за то вовек не оставляет!
Какая добрая! мстить за меня желает!
Да что же я могу? .. И пылкий гнев ея
Показывает мне, что должен делать я.
Впрямь этаких обид сносить никак не должно,
Не быв скотиною. — Пойду и неотложно,
Бродягу этого сыскав где ни на есть,
Отпотчую путем, отмщу за нашу честь.
О! я тебе, дружок! переломивши руки
И ноги, дам знать, как играть с мужьями штуки! ..
Потише. — Кажется, такой рогоковач
Ничуть не терпелив и несколько горяч;
Он может в руки взять увесисту дубину,
Как лоб мне наклеил, так наклеит и спину.
Я вовсе не люблю запальчивых людей,
И миролюбию привязан всей душей;
Я никого не бью, чтобы не быть мне биту,
И в нужном случае подставить рад ланиту.
Но честь за эту мне обиду мстить велит.
Пускай честь, пусть ее что хочет говорит,
Ее совет хорош, я право в том уверен,
Но слушаться его нимало не намерен.
Когда я похрабрюсь, то шпага, по ефес
Воткнувшись в грудь мою, живот распорет весь;
Когда в сем городе моя смерть гласна будет,
Скажи, честь, что тебе из этого прибудет?
В могиле тесно ведь, да и душненько жить.
Я ж не колдун, чтоб мог оттуда выходить.
И так я этого намерен придержаться,
Что лучше с рогом жить, чем от рогов скончаться.
И впрямь: великая ль беда носить рога?
Испортится ль от них стан, вид, рука, нога?
Провал бы взял того безумца, сумасброда,
Кем их считать за стыд принесена к нам мода,
Кто первый осудил мужей бесчестье несть
За то, во что́ жену легко чорт может ввесть!
Когда всяк за свои проступки отвечает,
То за жену зачем безвинно муж страдает?

Зачем на бедных нас не нашу класть вину?
Когда бес соблазнит бесчестную жену,
На мужа вся беда и вся хула кладется;
Та глупость сделает, тот глупым остается!
О, это пакостный обычай! и приказ
Призренья общего дать должен бы указ,
Дабы за жен мужьям никак не быть в ответе.
Не мало ли и так печалей нам на свете?
Гоненья, ябеды, болезни, жажды, глад
Довольно нашу жизнь во весь наш век тягчат.
На что же нам самим напасти наши множить,
О том кручиниться, что́ не должно тревожить?
Так плюнем мы на все такие пустяки,
Пускай грустят одни о вздорах дураки.
Жена грешит — она ж и кайся; а мне что?
Зачем грустить?.. рога ношу? — так я за то
Сыскал отличную, превыспреннюю честь —
И многих из бояр в товарищи причесть.
С кем шашни у жены, знать, не сказав ни слова,
Привычка у бояр самих ничуть не нова. —
И так зачем входить мне в драку или в спор
За сущи пустяки, за совершенный вздор? —
Мне станут, может быть, когда смолчу, смеяться?
Мне смех сходнее снесть, чем на беду метаться.

(*Положа руки на грудь*)

Но кровь волнуется и ярость тут кипит,
Она за честь мою вступиться мне велит:
Нет, полно трусить мне — пойду приосамлюся
И отомстить тотчас нахальнику потщуся;
Пойду и разглашу, позвав его на бой,
Что шашни у него давно с моей женой.

(*Уходит*)

Конец второго действия

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ 1

Торговин, Софья, Настасья

Софья

Теперь уж, батюшка, я не противлюсь боле,
Но следовать во всем готова вашей воле.
Женой Аршинина я соглашаюсь быть,

А прежнюю любовь из мысли истребить.
Я слабостям моим хочу сопротивляться,
И словом: слепо вам во всем повиноваться.

Торговин

Вот этаки меня ответы веселят!
Теперь, разумница моя, ну, право, так я рад,
Что ноги антраша мои бы прыгать стали,
Когда б сторонние на нас здесь не зевали.
Но дай себя сто раз, сто раз поцеловать,
За это нас никто, никто не станет осуждать.
Отец поцеловать дочь может без зазора
И даже посреди Вселенского Собора.
Ну, рад я! право рад; от радости, поверь,
Десяток лет я вдруг помолодел теперь.

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Софья, Настасья

Настасья

Поступок странен ваш!

Софья

А если я открою
Причину этого, то будешь ты со мною
Согласна.

Настасья

Может быть.

Софья

Милет мне изменил:
Он, тайно возвратясь, от нас здесь скрывшись жил.
Неверной!

Настасья

Вот и сам он к вам идет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Софья, Милет, Настасья

Милет

Покуда
Не удалюсь навек, сударыня, отсюда,
В отчаяньи моем осмелюсь попенять.

Софья

Как смеешь ты себя глазам моим казать?

Милет

Так, гнев ваш справедлив: я должен повиниться.
И вашим выбором вы можете хвалиться!
Живите, веселясь несчастием моим,
Сударыня, с своим супругом дорогим.

Софья

Да, я с ним жить хочу, изменника забуду:
Твоею горестью я веселиться буду.

Милет

Но чем против меня вы столь оскорблены?

Софья

Изменник! он своей не хочет знать вины!

ЯВЛЕНИЕ 4

Софья, Милет, Настасья, Сганарев (в кирасе, в большой шляпе, в ботфортах и с длинным палашом)

Сганарев (*не видя никого*)

Стреляй, коли, руби, режь этого бродягу,
Который чести нас лишить имел отвагу.

Софья (*показывает Милету Сганарева*)

Неверной! посмотри сюда: вот мой ответ.

Милет

Я вижу...

Софья

Сей тебя уж обличит предмет.

Милет

Ничуть; но вас краснеть он должен бы заставить.

Сганарев (*все не видя никого*)

Теперь бы то путем я мог его управить!
Гнев богатырскую мне храбрость придает,
И если встречусь с ним, то до беды дойдет:

Прощайся с жизнию; убить его клянуся,
Где б ни найду его, то там же и вцеплюся.

(*Увидя Милета, крадется к нему, вынув до половины палаш*)

Да вот он. — Двину в тыл злодею моему.

Милет (*оборотясь, к Сганареву*)

К кому вы пристаете?

Сганарев (*вдвинув палаш*)

Кто, я? — я ни к кому.

Милет

К чему же рыцарский наряд?

Сганарев

Я так оделся,
От слякоти.

(*В сторону*)

Когда б да он не осмотрелся,
Пырнул бы я ему меж ребр невзначай.

Милет

Что?

Сганарев (*бьет себя по щекам*)

Что? — ну, ничего. — Трус, олух, негодяй!

Софья (*Милету*)

Смущаешься при нем, я вижу, ненапрасно:
В твоей вине тебя изобличил он ясно.

Милет

В моей вине? никак; но он мне доказал,
Что тщетными себя я клятвами ласкал,
Что, положась на них, ошибся я чрезмерно.

Сганарев (*в сторону*)

Прямая баба я!

Софья

Ах, перестань, неверной,
Бесстыдно на себя брать непорочной вид.

Сганарев (*в сторону*)

Ты слышишь, как она за честь твою стоит.
Трусливый Сганарев! Да, ну ж, — ну, дружно, смело,
Ну сделай славное и богатырско дело
И рыцарски его резни украдкой в тыл...

Милет

И так, как страстный мой вам выговор не мил,
То должен я теперь упреки все оставить
И с этим счастливым вас выбором поздравить.

Софья

Да, выбор мой ничем не можно охуждать,
Сударь!

Милет

Не стыдно ли его вам защищать!

Сганарев (*Милету*)

Не стыдно, господин, и это ей пристало,
А вам, сударь, хвалы не делает нимало
Такой позор; когда б и я вспылить хотел,
То, право бы, дошло до кровопролитных дел.

Милет

Но что я сделал вам? Какая бы причина...

Сганарев

Подите! вам моя известна уж кручина;
Но от соблазна вы, сударь, себя храня,
Должны знать, что я взял жену лишь для меня
И что, кто на нее хоть малым посягает,
Чужую собственность тот прихватить желает.

Милет

Вас подла эта мысль тревожить не должна:
Как скоро я узнал, что вам она жена,
То истребил любовь, вы можете поверить.

Софья

Ах, как, изменник, ты умеешь лицемерить!

Милет

Как? неужель и вы хотите заключать,
Что мог бесчестну толь надежду я питать?
Скажите, было ль мне безделъство это сродно?

Софья

С ним изъяснись, когда тебе все знать угодно.

Сганарев (*Софье*)

Вы лучше за меня стоите, чем я сам,
Сударыня. — Сам бог за то отплатит вам!

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Марфа

Марфа (*к Софье*)

Хотя ревнивою могу вам показаться,
Сударыня, но мне нельзя не догадаться,
Что делается тут. Я не хочу вспылить,
Но ваших мне нельзя поступок похвалить:
Вы от меня отвлечь стараетесь напрасно
Того, кто лишь меня любить божился страстно.

Софья

Она ж и не таит бесчинства своего!

Сганарев

Никто не требовал прихода твоего,
Змея! что за меня стоит она, ты злишься;
Знать, милого дружка ты потерять боишься?

Софья (*к Марфе*)

Не бойтесь, это ввек не должно вас страшить.
(*к Милету*)
Ты видишь; — на это что можешь говорить?

Милет

Но что же на это?

Настасья

Нет, отгадать не можно,
Когда сумятице такой решиться должно.
Чем боле слушаю, тем менее мой ум

Доходит, от чего родился этот шум.
Как вижу, надо мне решить сию загадку.

(*Становится меж Софьей и Милетом*)

Прошу, ответствуйте мне, только по порядку.

(*К Милету*)

Вы барышню мою в чем можете винить?

Милет

Как в чем? в том, что она могла меня забыть
Так скоро; что когда, по слухам имоверным
О столь измене злой, с терзанием чрезмерным,
Гоним любовию, сюда я прискакал,
То вероломную уж замужем застал!

Настасья

Как замужем? — Кто ж муж?

Милет (*указывая на Сганарева*)

Вот он.

Настасья

Как, он?

Милет

Так точно.

Настасья

Да кто же вам сказал?

Милет (*указывая на Сганарева*)

Он сам.

Настасья (*к Сганареву*)

Ужли нарочно
Вы?...

Сганарев

Я сказал, что я... моей жене я муж.

Милет (*Сганареву*)

Но в ваших я руках портрет мой видел?

Сганарев

Ну ж,
Что далее? — вот он!

Милет

Вы сами говорили,
Что от своей жены его вы получили?

Сганарев

Так точно; из ее проклятых вырвал рук.
(*указывая на Марфу*)
И без того б не знал ее всех скверных штук.

Марфа

Какие штуки? вздор ты мелешь обычайно:
Портрет здесь на столе сыскала я случайно,
И этого когда я барина ввела
(*показывая на Милета*)
В наш дом, покудова болезнь его прошла,
Приметить не могла в нем сходства я с портретом.

Софья

Как вижу, я одна виновна в деле этом,
Портрет ваш уроня здесь в обмороке том,
(*к Сганареву*)
В котором вы меня перенесли в наш дом.

Настасья

Вот видите, мой ум и тут вам пригодился.
Сумбур ваш без меня вовеки б не решился.

Сганарев (*подумавши*)

Принять ли это мне все за наличный грош? . .
Но мой все еще, все ёжится, как ёж.

Марфа

Нет; не совсем еще прошла моя тревога;
Хотя наружность льстит, но я боюсь подлога.

Сганарев

Слышь! на что самим себе не доверять!
Я более тебя могу здесь потерять.
Быть так: мир! по рукам и доброю порою.

Марфа

Изволь, но береги висков, как что открою.

Софья

Ах, что я сделала в неведеньи моем!
Сочтя неверным вас, перед моим отцом
Теперь в замужество вступить я обещалась
С тем, от кого для вас так долго отрицалась!
Чем отразить удар, который нам грозит?
Уж батюшка... вот он!

Милет

Он в слове устоит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Торговин

Милет (*к Торговину*)

Привязан страстию, любовию чрезмерной
Я к вашей дочери: надеждой льющуся верной,
Что не откажетесь вы слова мне сдержать,
Чтобы судьбу ее с моею сочетать.

Торговин (*передразнивая его*)

Привязанному столь любовию чрезмерной
К любезной дочери и льстящемуся верной
Надеждою, что я... чтоб слово удержать,
Не откажуся двух судеб я сочетать.
Покорнейший слуга!

Милет

Что за отзыв суровой!
Иль так вы держите, сударь, честное слово?

Торговин

Так исполняю долг отца, и дочь моя
Согласна с волею родительской.

Софья

Кто, я?
Нет, батюшка, сударь, и ваше обещанье
Священно быть должно.

Торговин

Опять за бормотанье!
Как смеешь, дура ты, играть так нагло мной?
Недавно, перед сим, Аршинина женой
Желала быть... Да вот отец его, конечно,
Чтоб дело заключить, идет он.

ЯВЛЕНИЕ 7 И ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и Аршинин

Торговин (*к Аршинину*)

Рад сердечно,
Что вижу вас. — Зачем принес господь?

Аршинин

Мне жаль,
Что объявить, сударь, я должен вам печаль;
Но должен объявить. — Сговор наш разорвался:
Уж год тому, как сын мой тайно обвенчался;
А я теперь узнал.

Торговин

Вы не печальну весть,
Поверьте мне, сударь, изволили принесть.
Скажу, и это вам покажется тож ново,
Что милости его давно я дал уж слово
(*указывает на Милета*)
Принять в мою семью: он из полку сейчас
Лишь прибыл к нам.

Аршинин

Я рад и поздравляю вас!

Милет (*целуя руки Софьи*)

О, счастье! с чем восторг возможет мой сравняться?

Торговин

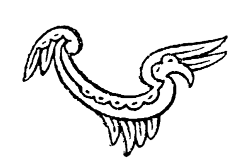
Пойдем к веселому пирку приготовляться.

Уходят все, кроме Сганарева

Сганарев (*один, долго подумавши*)

Кто ближе мог меня, казалось, быть к рогам?
Вот как обманут тот, поверил кто глазам!
(*к зрителям*)
Пример мой завсегда имейте на примете:
Все видя, ничему не верьте вы на свете.

Конец.



МЕТАЛОГ ТРАГЕДИИ «ГИНЕВРА»

Шутин и Слезников

Шутин (*один, рассматривая афишу*)

Вот на! Трагедию опять
Нам нову захотели дать!
Гиневра! — эко имя чудно!
И даже выговорить трудно.
А все в театр бегут, бегут!
Я истинно не понимаю,
Что за забава людям тут?
О том, кого в глаза не знаю,
Как о родном своем, тужить,
О небылице разливаться
И понапрасну слезы лить.
Хотел бы часто удержаться,
Да что ни делай, мочи нет.
Ну! как Семенова завоет,
Так сердце каменно заноет;
Невольно слезка потечет,
И волком сам завоешь с нею,
Хоть видишь сущу ахинею
И только вымышленный вздор.
Комедия, другое дело.
Покажется ль судьишка вор,
Смеюся я над плутом смело,
Над верхолетом, над скупцом
Или над барином глупцом.
Там рубль мой за потеху трачу,
А тут плачу за то, что плачу!
Нет, это дрянь. — А Слезников,
Любезный кум мой и приятель,
Трагедий страстный обожатель,
Глазеть на них весь день готов.

Прийдет его мне ждать до ночи,
Пока он выплачется там.
Как быть? — Да, ба, вот он сам.
Чему же изо всей он мочи
Теперь хохочет, как шальной?
Здорово, кум мой дорогой!
Чему, любезный, так смеешься?
Но берегися, надорвешься.

Слезников

Здорово, Шутин, ха-ха-ха.
Кажется, право чепуха!
(*Смеется*)

Шутин

Ну ж, перестань; промолви слово.
Смеяться эдак нездорово.

Слезников

Уф! удержаться силы нет.
Ну, впрямь трагической сюжет.

Шутин

Да что такое? — Ради бога,
Скажи, чему так рад, мой друг!

Слезников

Да дай же перевесть мне дух.
Гиневр на свете ведь немного.

Шутин

Гиневра? — Что ж смешного в ней?
Она трагическа пиеса.

Слезников

Такого, как Капнист, ей, ей,
Я ввек не видел куролеса!
Трагедия и впрямь! До слез
Мы все в театре хохотали;
Кишечки, право, надорвали.

Шутин

Да дай ответ мне на вопрос:
Что видели в ней смешнова?

Слезников

Послушай же; коли смогу,
Я все скажу и не солгу,
Божусь, ни слова, ни полслова. —
Трагедия сия чудна!

Начнется сказкою она
И повестью о маскараде,
Как в ночь в царевнином наряде
Печальна фрейлина одна,
Выглядывая из окна,
Любезна братца поджидает;
А сей, как новый Селадон,
К окну на цыпках подбегает,
Взлазит к сестрице на балкон
И с ней в царевнин терем входит;
Он тем в отчаянье приводит
Соперника, что в уголку,
Прижавшись неподалеку,
Высокой обветшалой башни,
Считает, что то все и впрямь
Царевнины любовны шашни;
И чтоб от всех сокрыть свой срам,
В ту ж ночь безвестно пропадает.
Тут повесть кончится; а там
Уж трагик к делу приступает.

Шутин

Пора и впрямь. — Тьфу! Экой вздор!
До сих, как видится мне, пор
Сюжет комедью представляет;
Что ж дале? — Рад я знать весьма.

Слезников

Лишь о побеге всяк узнает,
Пойдет ужасна кутерьма.
Обманом брата попрекая,
Сестрица бредит, как шальная;
Царевна также без ума;
Затем, что обе в дезертера
Влюблены по уши; теперь
Не знают где его квартера,
Или не съел ли дикой зверь.
Царевны батюшка суровой,
Не сведав дочерня греха,
Ей представляет жениха.
Вот тут сумбур начнется новой
И понесется чепуха.
Отказ, как шост; — и царь вздурится,
На дочь нахальную озлится,
Большой подымет крик и шум;
И чтоб ее навесть на ум,

К хорошему пристроить месту,
Он в желтый дом запрет невесту;
Затем, что дезертеров брат
О смерти брата известяся
И на невесту рассердяся,
Не к времени и невпопад
Расскажет сущу небылицу.
В окне он не познал сестрицу;
И чортом побожиться рад,
Что дочерь царску видел точно,
Как некто в темноте полночной
Взмостился на ее балкон.
А в том, что правду режет он,
Хотя царя тем обижает,
Охотника со всех сторон
На поединок вызывает.
Брат фрейлины хоть правду знает,
Но драться с ним затем идет,
Что братец дезертеров врет,
А фрейлина того не хочет
И только лишь о том хлопочет,
Как ей царевну оправдать.
Пришлося правду рассказать.
А чтоб в словах не ошибиться
Сказав, решилася убиться;
И точно совершила так.
Тут царь узнал, что за пустяк
В дом желтой посадил царевну,
Пред ним напрасно обвиненну.
Казалось, дело и с концом?

Шутин

С концом, любезный, все конечно.
Заботься еще о чем?
Уж все открыто мертвецом.

Слезников

Ошибся, брат! Мне жаль сердечно,
Но все пошло другим путем,
Чтоб пято действие составить.
Сердится дезертеров брат;
Ничто нейдет с упрямым в лад.
Он в дело слов не хочет ставить,
Что при успении своем
Сестра сказала пред царем;

И, не заботяся нимало
О всех советах, сей нахал
Желает драться наповал,
Во чтоб ему уж то ни стало,
И вздорную решить тем прю.
Что делать доброму царю,
Чтоб эту прекратить тревогу?...
С царевною молиться богу.
Пока он на молитве с ней
Стоит с поднятыми руками,
Соперники со всех плечей
Друг друга потчуют мечами.
Но тут, как будто чудесами,
Давно усопший дезертер
Себя в их поединок втер;
И брата фрейлинского с тылу
Хватя мечом, послал в могилу.
Потом, явяся пред царем,
Донес порядочно о том,
Как было, и его убили;
Но только лишь приколотили.
Обрадовался царь тому,
И за претерпенны побои,
Чем хвастают одни герои,
В жену царевну дал ему.
Конец; — и стихотворцу слава,
Что хоть в конце пиесы здрава
Героя вздумал показать;
И чтоб его нам не видать.
Ну, как же тут не хохотать?
Нет, право, мочи удержаться.
Нет мочи. Ха-ха-ха-ха-ха.
Смотри, какая чепуха.

(*Оба смеются*)

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Шутин

И впрямь нет мочи не смеяться.

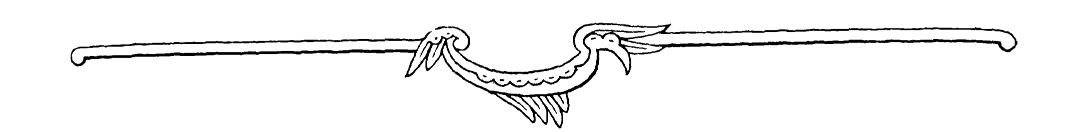
(*Оба хохочут*)

Слезников

Виват! Капнист в пиитах блажь!
Виват! Комико-трагик наш!

Оба вместе

Виват! Комико-трагик наш!



АНТИГОНА

Трагедия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Г-н Вольтер, почти при каждой из-под пера его выходящей трагедии, старался в предисловиях обнаруживать ошибки предшественников своих, яко то: Кребильона, Корнеля и даже бессмертного Расина. Г-н Вольтер был отличный писатель и великий человек. Не имея превосходных его дарований, не смел я подражать ему во всем; и признательно скажу, что если бы почтенный г-н Княжнин в прекрасном «Хвастуне» своем не доказал на опыте возможность писать комедию в стихах простым разговорным наречием, то я бы не осмелился приняться за «Ябеду». Равномерно, ежели бы друг Владислав Александрович Озеров не удостоверил разительными примерами в «Эдипе», «Фингале», «Дмитрии Донском», а наипаче в «Поликсене», что есть средство сочинять трагедии очищенным от славянщизны слогом, то я б никогда не задумал писать «Антигону», хотя мне оставалось только подражать пленительному оной изображению в «Эдипе». — Я уверен, что читателям и зрителям моим покажусь недостойным учеником превосходных моих наставников; но по крайней мере они увидят, что дерзкое соревнование не заставило меня унижать тех, которые по следам своим дорогу мне показали.

Читатели приметят, конечно, что в трагедии моей много почерпнуто из сочинений г-на Озерова; в сем явном похищении я отнюдь не извиняюсь, ибо принужден к тому был невольным наизусть вытвержением прекрасных его стихов, которые неприметно втеснились между моих и сделали меня вором, без всякого предположительного умысла обкрадывать столь богатый образец.

Примеченные мною похищения старался я сам обнаружить читателям моим; прочие, по причине отличной своей красоты, без сумнения от них не укроются.

Я не стыжусь признания сего, а сожалею только о том, что не мог у превосходного моего образца заимствовать еще более живности и естественности картин, высоких чувств и мыслей, чистоты и плавности неподражаемого слога.

Бессмертный Расин присваивал прекраснейшие места из Софокла, Эврипида и других знаменитых трагиков и, так сказать, обрасинил их для своих одноземцев. Участь его разнится от моей по мере слабости моих дарований. Древние пииты должны ему весьма обязаны быть за сообщение витийственных их красот позднейшему потомству; а я чрезмерно опасаюсь, что почтенный друг мой, чувствительный творец «Поликсены», не будет благодарен мне за то, что я окапнистил для наших зрителей и читателей изящные красоты его творений.

Со всем тем я уверен, что он простит дружеству такое невольное преступление; наипаче когда уважит общепринятое правило, что грешнее обкрадывать покойников, чем живых; и что последний образ стяжения нередко входит теперь даже в статьи благоприобретенных имений, которыми свободно каждому располагать по произволу.

Я отписываю все таковые присвоения мои зрителям и читателям «Антигоны» в вознаграждение за скуку, претерпенную ими при чтении или созерцании моих собственностей.

АНТИГОНА

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Креон, царь фивский.
Антигона, дочь Эдипа.
Исмена, сестра ее.
Гемон, сын Креона.
Элфенор, старый служитель Эдипа.
Эвриял, наперсник Креона.
Старейшины фивские, стража, вооруженные граждане.

Действие происходит в Фивах, в царском чертоге.

Действие I

ЯВЛЕНИЕ 1

Антигона, Исмена

Исмена

Несчастная сестра! уважь мольбу Исмены,
Умерь твою печаль и вопли исступленны;
Хотя на миг престань мне ими грудь разить.
Стыдись, Эдипа дочь! столь малодушной быть.

Антигона

Внимая воплям сим и горестному стону,
Сестра! не укоряй злосчастну Антигону
И скорби ей позволь пролить с потоком слез.

Исмена

Нам должно дух скрепить против судьбы угроз
И неизбежного с терпением ждать рока.

Антигона

С терпением!.. Увы! давно судьба жестока
К нему приобучить старалася меня.
Над горестным отцом в изгнании стеня,
Сносила долго я убожество, презренье,
Отчаянье его и сердца исступленье.
Отрынута от всех, в пустынях и лесах
Сносила долго я в день жажду, голод, страх;
А вечером, отца зря изнуренны силы,
С ночлегом для него искала я могилы.
Едва в Афинах он от бедствий опочил;
Последний вздох в моих объятьях испустил.
Отдав надгробну честь родителю любезну,
Спешила в Фивы я утешить матерь слезну,
Но здесь пришла платить напастям новым дань.
Меж братьев встретила возжегшуюся брань.
Изгнанного отца прельщены диадимой,
Друг к другу злобою дыша непримиримой,
Стремятся сами днесь, щадя союзну рать,
К престолу право их мечами оправдать;
И ненависти огнь, в сердцах их воспаленный,
Увы! лишь в их крови быть может потушенный.
А ты в сей час, когда единоборный бой
Решается меж них ужасною судьбой,
И, Этеокловой здесь власти покоренна,
В чертоге праотцев удержанная плена,
Я к братьям не могу в кровавый бой спешить,
Чтоб их мольбой моей иль грудью разлучить,
Ты в час сей роковой мне слезы воспрещаешь!

Исмена

Напрасно ты, сестра! надежду всю теряешь.
Умерь отчаянье: несчастна наша мать,
Котору не могла ни стража удержать,
Ни братняя любовь Креона и прошенья;
Стремится к поприщу ужасного сраженья.

Растрепаны власы, и вопль ее и стон
Мятут народ, со всех толпящийся сторон.
Все, горесть зря ее, с ней слезы проливают
И путь свободный ей ко стану очищают.
Она предупредит кровавый братьев бой.
Отчаяньем своим и нежною мольбой,
Слезами, воплями и матери любовью,
Смягча сердца сынов, взаимной жадных кровью,
Остановит меж них убийственный раздор.
Веленью моему внимая, Элфенор,
Сей дому нашему приверженный служитель,
Чью ревность отличал несчастный наш родитель,
Усердьем облегча тяжело бремя лет,
На поле ратное спешит царице вслед.
Он скоро будет к нам с побоища обратно.
И верно, принесет известие отрадно.

Антигона

О, боги! сжальтеся над горестной семьей.
В печалях, в бедствиях пошлите отдых ей
И, примиря вражду меж братьев смертоносну,
Остановите брань неистову, поносну;
Победу, пагубный венчающую бой,
И братния крови заплаченну ценой.
Внемлите моему, о сильны боги! стону,
Иль гром ваш да падет на скорбну Антигону.

Исмена

Сестра! к нам Элфенор идет.

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Исмена, Элфенор

Антигона (*к Элфенору*)

Ах! Поспеши,
О старец! Успокой смятение души.
Вещай..., но слезный ток и взоры потупленны
Предвозвещают нам...

Элфенор

Злосчастные царевны!..
Нет сил и слов... я зрел ужасный братьев бой...
В котором яростно... свирепою рукой...
Стремилися...

14. Годъ царствованія Импер: Александ: 1.

1814. Годъ Мѣсяцъ — Сентябрь

21.

На маломъ театрѣ. Росс: прид: Актер: дана буд:	въ пользу Актрисы Семеновой, б.
Антигона, Траг: въ 5-ти Д: въ стихахъ, соч: В: В: Капниста.	1-разъ.
Д: Лица:	
Креонъ, царь фивскій	Бобровъ
Антигона } дочери Эдипа, прежде	Семенова.
Исмена — } бывшаго царя фивскаго	Степанова
Гемонъ	Брянской
Эльфеноръ	Каменогор:
Эвріалъ	Толченовъ
Воины.	
Засимъ дана буд: Прасковья Борисовна Правдух: Драма въ 1-Д: Соч: В: М: Федорова.	
Д: Лица:	
Правдухина	Лисицына.
Модестъ	Самойловъ.
Софья	Петрова.
Пустельгинъ	Зловъ.
Савельичъ	Колпаковъ.
Лиза, дочь его	Сандунова
Яковъ, крестьянинъ	Соколовъ.
Гриша, Дурачекъ	Величкинъ.
Слуга правдухиной	Поляковъ, м.
Начало въ 6-часовъ	

Рукописная афиша спектакля трагедии В. В. Капниста «Антигона».

Государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина.

Исмена
Увы! Ужель?

Элфенор
Уж все свершилось...
И поле кровию бесценной обагрилось.

Антигона
О боги! ... Смерть! почто меня ты не разишь?

Исмена (*к Элфенору*)
Но победитель кто? О старец! ты молчишь?
Иль Этеокл погиб? и Полиник жестокий?..

Элфенор
С своею кровию он братней крови токи
Смешав, пал с ним же мертв. Взаимна ярость их
Спокоиться могла лишь смертью обоих.
Но вас разит еще плачевнейша утрата.
Увы! там братня кровь за кровь отмстила брата.
Но пролитая с ней... дражайшая для вас...

Антигона
Несчастный! чем еще ты нам грозишь?

Элфенор
Мой глас
Немеет на устах... и вести сей злосчастной...

Антигона
О боги!.. Но прерви молчание ужасно:
И громовым нас вдруг ударом поражай.

Исмена
Скажи, мучительно сомнение скончай.

Элфенор
Судьба удары все над вами истощила.
Вторично... и вконец вас днесь осиротила.

Антигона (*по весьма кратком горестном молчаньи*)
Жестокосердное Олимпа божество!
Вот лютости твоей достойно торжество!
Невинное отца карая преступленье,
На весь невинный род твое простерлось мщенье!
Почто ж еще в живых ты оставляешь нас?
Иль гром неправедный в твоей руке погас?

Иль, вдруг с родными пав в подземный дом Плутона,
Насытить мести сей не может Антигона,
Что в лютых горестях ты жизнь оставил ей,
Несноснейшу всех мук и тысящи смертей?

Исмена

О злополучна мать! — о Этеокл несчастный!
Но как над ними рок свершился сей ужасный?

Элфенор

На ратном поприще, делящем Фивский стан
От ополчения враждебных аргиан,
Сошлися вдруг они, как тигры разъяренны.
Щит сшибся со щитом, с свирепством устремленны,
Мечи вонзаются в открытые брони.
О ужас! кровью их омылися они,
И оба братья вдруг падут на землю мертвы,
Непримиримыя вражды плачевны жертвы!
Меж тем несчастная их матерь к ним спешит;
Притекши, обоих уж бездыханных зрит.
Для нежной матери какой предмет ужасный!
Бледна, трепещуща, упрекою безгласной,
Вознесши к небу длань, она виниг богов.
Но вдруг смущенный взор низведши на сынов,
Стремится к ним, мечи из ран их исторгает,
Кровавы острия на сердце направляет
И всею силою свергается на них.
На помощь к ней из войск толпятся обоих,
Но тщетно: смерть ее уже покрыла хладна.

Исмена

О боги!

Антигона

Поспеши ко мне, о смерть отрадна!
Бесщадно посеки мои несчастны дни
И с матерью меня, с родными съедини.
Но что мы медлим здесь? Здесь смерть нас не сражает;
Исмена! нас она у тела их ожидает.

(*Хочет идти*)

Элфенор

Усердье тщетное! Безжалостный Креон
Народною толпой уже взведен на трон.
Он возбраняет вам пути в кроваво поле.
И все покорствуют его строптивой воле.

Антигона

Ужель он так свиреп душою может быть,
Чтоб тело матери слезами оросить
Дочерней горести днесь воспретить решился
И оскорбить богов и смертных не страшился?

Элфенор

Пред сонмом всех вождей он сам идет в чертог.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креон, Антигона, Исмена, Гемон, Элфенор, Эвриял, фивские старейшины, стража

Антигона (*Креону*)

В злосчастьи, в кое нас низверг свирепый рок,
О милости одной тебя мы умоляем.
Для слез, которые с сестрою проливаем,
Позволь нам братьев зреть и злополучну мать,
Останкам скорбным их последний долг отдать.

Креон

Царевны! Я делю все скорби и печали,
Которые на вас судьбины ниспослали.
Тела уже велел я в царский несть чертог.
Идите им воздать любви последний долг.

(*Антигона и Исмена уходят*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Креон, Гемон, Эвриял, Элфенор, старейшины, стража

Креон

Фивяне! вы мне скиптр Лаиев вновь вручили,
Который двадцать лет преступники носили.
С тех пор как я его Эдипу уступил,
Когда от сфинкса он сей град свободил,
Отцеубийственной сразя его рукою,
И в гнусный брак вошел, — в брак с матерью родною!
Лаиев скипетр сей днесь обагрила вновь
Смешенна братьев двух и матери их кровь.
К престолу Фивскому владыки всей вселенной
Давно являются в вражде непримиренной.
Боясь на главу мою привлечь их месть,
Я с трепетом на нем решился вновь воссесть,
И лишь к молению склонясь страны родимой.
Лаиев страшный скиптр приемлю с диадимой.

Но чтоб им возвратить всю славу древних лет,
Пороков и злодейств на них изгладить след,
Чтоб святость обновить престола оскверненна
И примирить с ним гром Зевеса раздраженна,
Правдивый посадить хочу я суд на нем
И мстительным его вооружить бичом.
Примеры строгости нам кажут сами боги.
И к злодеяньям путь претят — лишь казни строги.
Хочу, чтоб в первый день шаг первый на престол
Ознаменился мной караньем крамол.
Коварный Полиник, насильственное право
Желая оправдать, войны сея кровавой
Причиной был один. — Аргийские страны
Противу Фив одним лишь им ополчены.
Мечами сих врагов рука его сурова
Вкруг стен сих кровь лила отечества драгова,
И Этеокл, ваш царь, его десницей пал.
Убийством сим на смерть свою он мать призвал.
И так, священные законы им попраны,
Злодейства, коими б мерзились и тираны,
О мщении ему, о казни вопиют
И смертных и богов днесь призывают суд.
Я суд сей изреку: — в казнь злобы и измены
Надгробной почести в отечестве лишенный,
Да гнусный труп его вне городских стражниц
Останется на снедь зверей и хищных птиц.
Пусть членами его псы гладные делятся,
И в сердце яростном пусть змеи возгнездятся.
Вкруг тела смрадного злодея бледна тень
Пусть бродит трепетна, стеная ночь и день
И отгоняема безжалостным Хароном.
Томится вечно пусть над мрачным Ахероном.
Вот казнь его; — и кто закон преступит сей,
Жив в землю погребен да будет тот злодей.
Идите. Строгий суд сей возвестите граду,
Да с трепетом всяк зрит достойну злым награду.

Элфенор и все старейшины уходят

ЯВЛЕНИЕ 5

Креон, Гемон, Эвриял, стража

Гемон

Родитель! Ужасом твой гнев меня потряс.
Прости, коль днесь Гемон к отцу несмелый глас
Простред к смягчению сей казни Полиника.
Брат матери его и Фивских стран владыка,

Возможешь ли в сей день, как лишь вступил на трон,
Изречь жестокий столь, безжалостный закон?
Несчастный Полиник, прости невольны стоны,
Был друг мне с лет младых и братом Антигоны,
Царевны, кою чтит за доблести весь свет.
Виновен Полиник, — смерть дни его сечет,
И в гневе, сколь к нему, ко Этеоклу строги,
Над ними уж в сей день свой суд свершили боги.
В сей казни праведна десница их видна.
Взаимна — равной мздой карается вина.
Почто же в строгостях ты превзойти их тщишься?
Народу не судьей, но мстителем явишься.
Возбудишь ропот лишь жестокостию сей
Союзников, сынов, отцов и матерей,
И сердце горестью ты поразишь царевны.
Ее отчаянье и вопль ее плачевный
Подвигнут к горести и к жалости весь град
И общую к тебе любовь охолодят.

Креон

Я дерзку речь твою, мой сын! тебе прощаю,
Твою неопытность и жалость извиняю.
Ты не узнал еще в твой краткий, юный век,
Что слаб монарх, коль он на троне — человек,
Что диадема вопль природы заглушает
И, как над чернью, нас над нею возвышает.
Страх должен воспящать кичливые сердца.
Ты положися в том на опытность отца.
Я Полинику мщу за смерть царя, не брата.
И строга казнь его злодейству лишь заплата.
Все вострепещут, зря толь праведную казнь,
И стражей будет мне вернейшею — боязнь.
Народы, как богам, так раболепны страху.
Но Иокасты днесь и Этеокла праху
Приличную царям воздать нам должно честь.
Вели достойную им тризну ты принесть.
Иди, во след тебе ко храму поспешаю.

Гемон, а за ним, по знаку Креона стража уходит

ЯВЛЕНИЕ 6

Креон, Эвриял

Креон

Желанной, наконец, я цели достигаю
И вновь на трон всхожу, любезный Эврият!
А сколько для него трудов я предпринял!

Но трон нетвердый сей еще под мной трясется,
И трудный мне еще днесь подвиг остается.

Эвриял

Какой же вновь тебя тревожит ныне страх,
Когда венец и скиптр уже в твоих руках?

Креон

Но сын, оставшийся от Этеокла в детстве?..

Эвриял

Кто вступит за него в спор тщетный о наследстве?

Креон

Опаснейший мне враг из прежних всех врагов,
Ты из Гемоновых его познал уж слов.
Не всех соперников я отдалил от трона,
И есть еще один — коварна Антигона.
Так, верный друг! Она — Эдипа хитра дщерь.
Вся Греция о ней молвой гремит теперь,
Все превозносят в ней к отцу любовь примерну
И кротость, твердость с ним в бедах неимоверну.
Эдипу чрез нее могущий царь Тезей
В Афинах дал покров, к спокойству скорбных дней.
Против меня и здесь он будет ей подпорой,
Когда не упрежу погибелью ей скорой.
Но явно сей удар страшуся я нанесть,
Народа за нее вооружу тем месть.
Погибнуть должно ей, но не рукой Креона,
Священный на нее я меч острю закона.
Ты знаешь, явно ль я врагов моих сражал.
Эдипу двадцать лет погибели искал.
Познав Лаиева убийства страшну тайну.
Зря медлен гнев богов карать вину случайну,
Врага на самого его вооружил
И собственным на казнь признаньем осудил.
Я мыслил, что, его плодом кровосмешенным
Мерзясь, граждане Фив пред родом посрамленным
Мне право прежнее к престолу отдадут.
Но кто предвидеть мог, чтоб их безумный суд,
Когда изгнал отца за страшно преступленье,
Сынам его вручил годичное правленье?
К коварствам новым я прибегнуть должен был.
Трон брату старшему в потомство утвердил
И, воспаля меж них войну сию кроваву,

Братоубийством лишь вновь приобрел державу.
Но Этеоклов сын еще остался жив,
И легковерность раз уж испытавши Фив,
На их любовь ко мне не смею положиться,
А боле прежних всех соперников страшиться
Сей Антигоны днесь я должен лишь одной.
Несчастьем, горестью, блестящей красотой
Прельстит она умы, — и если мне крамола
Одна открыть могла путь трудный до престола,
То хитрости ее, высокий предков род
Легко к ней привлекут строптивый сей народ;
Меня же, чуждую приявшего державу,
Принудят возвратить наследственному праву.
Эдипа дщерь на трон младенца возведет
И воцарится с ним.

Эвриял

Но чем сих новых бед
Ты отвратишь удар!

Креон

Чем? — Смертью Антигоны.
Против ее самой вооружу законы
И презирающу священную их власть
Я ввергну сам ее в сокрыту мною пасть.
Начат уж хитрый ков и льстит надежда мщенья.
Гражданам слышал ты строжайшие прещенья
И Полинику мной назначенную казнь.
Мне дух сестры его известен: ни боязнь,
Ни смертный приговор ее не поколеблет.
С бесстрашием она лишь гласу долга внемлет.
Ко брату сей сестры я испытал любовь
И к гибели ее днесь испытаю вновь;
Не могши потерпеть, моей чтоб в жертву мести
Труп Полиника был лишен надгробной чести,
Она преступит сей столь строгий всем закон.
Тогда над ней самой отяготится он,
Тогда мой будет долг, карая преступленье,
Мечом суда над ней мое исполнить мщенье.

Эвриял

Но о сестре ее ты мне не говоришь.
Иль нового врага в Исмене ты не зришь?

Креон

Исмена, Эврияд! Креону не опасна.
Она охотно мне останется подвластна,
И слабостью ее мой утвердится трон.
Познай все таинство: душой ее Гемон
Владеет. Страсть сию я сам возжечь решился.
Огнь тайныя любви от глаз моих не скрылся.
Союз сей твердую надежду мне дает,
Что скиптр Лаиев мне в наследство перейдет.
Один мне страшен враг — коварна Антигона.
Для твердости еще колеблющегось трона
Мне смерть ее нужна; она в моих руках.
Спеши и наблюдай царевны каждый шаг,
Да низведет он в гроб чрез казнь определенну
Эдипа хитру дщерь, мне в жертву осужденну!

Конец первого действия

Действие II

ЯВЛЕНИЕ 1

Антигона и Элфенор

Антигона

Что слышу? Небеса! возможно ль, чтоб Креон
Фивянам мог изречь жестокий толь закон?
Чтоб трона чуждого свирепый сей владыка
Смел мщение за гроб простерть на Полиника,
И стыд людей поправ, и страх забыв богов,
Труп брата моего оставил в пищу псов?..
Толь гнусно варварство дерзнет ли он?..

Элфенор

Тирана
Жестокость всех мятет. Коварствами изгнанна,
Не весь народ винил здесь брата твоего,
Жалели многие об участи его.
Одни любовь твою к несчастному делили,
Другие с ним союз Гемона дружбы чтили,
И все, с участием зря вашу скорбь о нем,
Готовились предстать с мольбою пред царем,
Чтоб строгость данного смягчил он приговора,
Но страх...

Антигона

И так, уже! от казни, от позора
Несчастного никто, никто не защитит!
Пред грозным варваром всяк рабствуя дрожит!
И месть неправедна исполнится!

Элфенор

Царевна!
Тирана власть страшна!

Антигона

Увы! Судьбина гневна!
Ты истощаешь днесь всю ярость надо мной.
То мало, что отца, гонимого тобой,
Лишася, видела, как братья разъяренны
На пагубу, на смерть взаимну устремленны,
В крови друг друга днесь их руки обагрив
За трон к Эдипу толь неблагодарных Фив,
Стязаясь буйственно, гордыни жертвой пали
И смертью их на смерть злосчастну мать призвали.
То мало, и еще престола Фивска тать
Претит мне брату долг, последний долг отдать!
Что говорю — претит! — Он яростью не сытой
Велит оставить псам труп, кровию омытой
И не оплаканный скорбящею сестрой!
Где ныне тень твоя, отец злосчастный мой!
Услышь из-за брегов пустынных Ахерона,
Услышь мой скорбный вопль на злобного Креона.
Подвигни мщение разгневанных небес,
Чтоб казнь, достойную злодейств, он в ад низнес.
Чтоб на главу его пал гром их, в страх тиранам,
И вместо брата труп его достался вранам.
Но ты не внемлешь мне. Увы! Я здесь одна
Осталась, помощи богов отчуждена,
Без сил и без подпор, вся месть моя — угрозы,
Оружье все мое — одни, одни лишь слезы!
Но ими возмогу ль тирана я смягчить?

Элфенор

Царевна! испытай, но бойся раздражить
Угрозой тщетною непримириму злобу.
Угроза путь тебе откроет лишь ко гробу.
Эдипа лютый враг, венчанный сей злодей,
Приявши скиптр, омыт в крови семьи твоей,

Чьей мести Полиник не избежал и мертвый,
Не пощадит тебя — своей последней жертвы.
Царевна! покорись пред лютою судьбой.
С Исменой поспеши слезами и мольбой
Тирана укротить. Душа его жестока,
Внушенна ль хитростью, иль благостию рока,
Пылая злобою на всю Эдипа кровь,
Являет нежную к Исмене лишь любовь.

Антигона (*с удивлением*)

К Исмене?

Элфенор

Здесь молва идет, что мысль Креона
Была соединить с сестрой твоей Гемона.

Антигона (*с возмущением*)

Что слышу?

Элфенор

Доблестей исполненный Гемон,
Прости мне искренность, к злодейству не рожден.
Добр, кроток, справедлив, великодушный воин,
Руки сестры твоей и трона он достоин.

Антигона (*со скрытою печалью*)

Довольно, Элфенор! усердный твой совет
Приемлю. Бременем отягощенна бед...
Потщуся кротостью смягчить тирана злобу.
Коль не успею, — путь не прегражден ко гробу.
Со всеми кровными меня там сближит смерть
И с сердца горести она лишь может стерть.
Умру и братнего не буду зреть позора.
Я жду Креона здесь, оставь меня — и взора
Тирана убегай, чтоб сей коварный враг
Не ведал, что мне друг остался в сих стенах.

Элфенор уходит

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона (*одна*)

О сердце! укрепись, рок злобу довершает
И на тебя все вдруг удары устремляет.
Внемли в бедах, внемли лишь долгу одному,
Всем, сердце скорбное, пожертвуй ты ему,
Пожертвуй страстию, которою сгораешь,

Которую, увы! лишь к горестям питаешь.
Коль изменник Гемон! Коль сладкие мечты
Исчезли. И его забудь, о, сердце, ты,
Заставь умолкнуть глас злосчастныя любови,
Чтоб он, когда ручьи дымятся братней крови
И матери еще не погашен костер,
Как братьев скорбных, двух не разделил сестер.
Один, увы! в снедь псам лежит на ратном поле:
Никто не вступится; все стонут в злой неволе.
Монархов кровь своих забыл строптивый град,
И на злодейства цепь спокойно боги зрят!
Оставленной от всех, мой долг лишь мне подпора,
И долг сей мне велит от гнусного позора,
От мщенья варвара днесь брата труп спасти,
Хотя б за то должна была я в гроб снити.
Но се Креона зрю. О, боги! помогите
И скорбию моей тирана грудь смягчите.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креон и Антигона, стража

Антигона

Прости мне, государь! Коль, в горести стеня,
Спрошу, правдив ли слух сражает днесь меня,
Что в гневе, гласу вняв несправедливой мести,
Ты брата моего лишил надгробной чести,
Что мертва гонишь ты несчастного сего
И в снедь зверям и псам оставил труп его?

Креон

Царевна! долг царя исполнил я — не мщенья
И, Полиниковы карая преступленья,
Лишь строгого суда ему назначил казнь,
Чтоб обновить в сердцах преступничьих боязнь,
Боязнь воспламенять междоусобны брани
И на отечество взносить кровавы длани.

Антигона

Увы! Судить моих я братьев не хочу,
Уж боги судят их — я плачу и молчу.
Ты знаешь, как всегда я их враждой терзалась,
Как тщетно мир меж них восстановить старалась,
Но злобы с их сердец не возмогла я стерть,
И примирила их взаимная лишь смерть.
Но, государь! позволь в защиту Полиника

Сказать, что брат его, с ним Фив чредный владыка,
Законы чтя, чрез год отдав ему престол,
Избавил бы его от буйства и крамол,
Которыми теперь его ты укоряешь.

Креон

Иль Фив последний ты закон позабываешь?
Сей град, насильственный нрав Полиника зря,
Не восхотел иметь толь злобного царя,
Страх общий оправдал твой в буйстве брат жестокий:
Отечества он лил бесщадно крови токи;
Везде зришь лютостей, злодейств его следы.
И извергу сему пощады просишь ты.
Нет, нет, пусть труп его, оставлен для позора,
Пребудет ужасом и омерзеньем взора
Вдов, матерей, сирот, отцов, лишенных чад,
И гладны на него пусть враны налетят.
И псы превратные и звери кровожадны,
Добычу их деля, труп растерзают смрадный.
И пусть злодеи зрят, как, не приемля лиц,
Карает нам закон отечества убийц!

Антигона

О, боги сильные! каким я клятвам внемлю!
Почто под мной ваш гром не разверзает землю?
Где я? Иль фурий клик мой робкий слух потряс?
Иль брата матери моей я слышу глас?

(*Немного смягчаясь*)

Жестокий! можешь ли, презрев мой плач и стоны,
Ругаться горестью злосчастной Антигоны?
О брате я тебя упрашивать пришла.
Покорство, слезы, скорбь, мольбы к тебе несла,
А ты, с какой меня ты яростью встречаешь!
Какими грозными словами поражаешь!
Но от мольбы моей еще не отстаю,
Еще к тебе ее с потоком слезным лью.
Молю: не будь в твоем ты гневе столь пристрастен.
Виновен Полиник. Но он, мой брат, — несчастен,
Он сын твоей сестры, сестры несчастной кровь.
На память приведи ее к тебе любовь.
И памяти сестры не посрамляй ты в сыне.
О бедственной ее помысли днесь судьбине.
До смерти гнал ее непримиримый рок.
Не будь ты более безжалостен, жесток,

Не дай ей в горести за брегом Ахерона
Бесплодно умолять угрюмого Харона,
Чтоб он позволил ей сыновню тень обнять,
Которого ты труп претишь огню предать,
Последней почести надгробныя лишаешь
И темной тени Стикс прейти не позволяешь.

(*Бросаясь на колени*)

Ах, сжалься, слезной сей моей мольбы внемли
И мщеньем не гневи богов, владык земли.

Креон (*поднимая Антигону*)

Восстань, царевна! Скорбь твою я ощущаю,
Любовь к преступнику, но к брату — извиняю.
Прости же мне и ты толь строгий долг царя,
Который, скиптр прияв, я днесь у олтаря
Хранить, доколе жив, торжественно поклялся.
Когда б твоей мольбой на миг поколебался,
Закона страж, у сам потряс бы сей закон,
На коем лишь одном основан царский трон,
Которого я раб, хоть подданных владыка.
Прости, смягчить нельзя мне казни Полиника.

(*Хочет уйти*)

Антигона

О, боги! Но, Креон! толь строгий приговор...

ЯВЛЕНИЕ 4

Креон, Антигона и Гемон

Гемон

Родитель! окружен народом царский двор,
К монарху своему текут они с мольбою
О сыне их царя, гонимом столь судьбою,
Чтоб строгу казнь его смягчить ты повелел
И трех не разлучил единокровных тел,
На общем их костре предав надгробной чести.

(*Смущен гневным видом Креона*)

Никто не смел тебе сей неприятной вести...

Антигона

О радость! Наконец мне боги...

Креон

Я иду
Мятежных казнью вес дать царскому суду.
Они увидят, как Креон карать умеет
Того, кто на закон, на власть роптать посмеет.

Антигона

Остановись, Креон! Еще в последний раз
Уважь молительный ты Антигоны глас.
Воззри, как все сердца со мною сострадают
И гласом их к тебе бессмертные взывают.
Не раздражай богов, не раздражай народ,
И общая любовь доброты будет плод.

Креон

Плоды строптивости, измены и коварства
Суть мерзостны богам и суть погибель царства.
Повиновения, покорства я хочу
И буйству строгою днесь казнью заплачу.

Антигона

Но ты покорство зришь несчастной Антигоны
И отвергаешь все мольбы ее и стоны!
Страшись жестокостью жестокость возбудить
И слабую еще расторгнуть рабства нить.
Страшись, наруша все права, сердцам священны,
Державы потрясти столпы не утвержденны.
Не возбуждай к себе ты ненависти Фив
И помни, что еще сын Этеокла жив.

Креон

Что слышу? Ты грозить дерзнула! Но угрозы
Я презрю, как мольбы и горьки презрел слезы.
Я извиняю их; угрозе ж тщетной сей
В ответ не снисхожу я расточать речей.
Иду смирить народ иль казнь исполнить строгу.
Гемон! Останься с ней, чтоб горесть и тревогу
Спокоить. Я хочу ей доказать тем вновь,
Что родственну храню к ней милость и любовь.

Креон и стража уходят

ЯВЛЕНИЕ 5

Антигона, Гемон

Антигона

О боги! сколь любовь его ко мне жестока!
Вот смертный приговор! — Как гнев свирепа рока
Я преклонить его мольбою не могла,
Бесплодно слезный ток у ног его лила.
Бесплодно! и моя судьба уже свершилась!

Гемон

Прости, царевна! мне, но как ты не страшилась
Угрозами царя ко гневу возжигать?
Припомни, что тебе сестра Креона мать,
Что нежную к нему любовь она питала.

Антигона

Ах! именем ее его я заклинала,
Чтоб строгий он смягчил над братом приговор,
Чтоб не был труп его оставлен на позор,
На казнь поносную и столь бесчеловечну.
Но внял ли моему страданью он сердечну?
К мольбам склонил ли свой ожесточенный слух?

Гемон

Твой стон разит меня и потрясает дух.
Но я молю тебя: смягчи стремленье гнева,
Негодования не воспаляй царева.
Не будь жесточее к себе, чем злобный рок.
В стремленьи чувств отец мой пылок и жесток.
Бессильна ты, а власть в руках его и сила.
Молю, коль ты меня когда-нибудь любила,
Коль искра той любви доныне в сердце сем...

Антигона

Остановись, Гемон! в отчаяньи моем
Не вспоминай любви. Стоя у двери гроба,
Куда сведет меня Креона люта злоба,
Не помню ничего я, кроме бед моих.
Довольно сердцу чувств, довольно скорбей сих.
Мой брат лежит в крови, повержен за стенами,
Иль, может быть, увы! уже растерзан псами!
Вот все, что помню я, что помнить лишь должна,
С ним вместе днесь на казнь, на смерть осуждена.
Но прежде чем мне гроб отчаянье изроет,

Пока отрадна смерть очей мне не закроет,
Пока еще в устах не онемел мой глас,
Внемли ему, Гемон! Внемли — в последний раз.
Постыла мне, увы! жизнь скорбная и слезна,
Но здесь останется по мне сестра любезна
И Этеоклов сын, без кровных, без друзей,
Кто помощь им подаст к отраде скорбных дней?
Кто призрит их? Увы! в их сиротстве печальном
В дому родителей, оставленном, опальном,
Под властию царя, гонившего их кровь.
Молю тебя, Гемон! продли ты к ним любовь.
Будь им защитником, подпорой твердой, другом,
Будь более, Гемон! — Исмене будь супругом.
Вот мой тебе завет, — прости, — и счастлив будь
И скорбью в гроб меня низринуту — забудь.

Гемон

Каким ты ужасом мне душу поразила!
Возможно ль, чтоб на смерть себя ты осудила?
Ты, в горестной моей, мучительной судьбе,
Ко мне жесточее, чем мой отец к тебе.
Возможно ли?...

ЯВЛЕНИЕ 6

Антигона, Исмена, Гемон

Исмена

Гемон! что время здесь теряешь?
Или опасности Креона ты не знаешь?
Спеши к родителю. Взволнованный народ
Стремится, как река, разрушивша оплот,
И града стогн толпы покрыли возмущенны.

Гемон (*к Антигоне*)

Царевна! иль...

Антигона (*с важностью*)

Иди исполнить долг священный,
Отцу в опасности дать помощь поспешай.
Прости, Гемон! и слов моих не забывай.

Гемон в смятении уходит

ЯВЛЕНИЕ 7

Антигона, Исмена

Исмена

Какой ужасный день! Любезна Антигона!
День смерти! Над главой она парит Гемона.
Что будет с ним?

Антигона

Сестра! смятение души
Сокрой и моего им сердца не круши.
Причиной мятежа, волнения и клика —
Народа жалость лишь о казни Полиника.
Но зная, что Гемон ему был верный друг,
На неповинного он не подымет рук.
Но мы одни. Пойдем от шумной сей тревоги,
Сестра! уклонимся во внутренни чертоги.
Не в силах бремени снесть горести своей,
Оставим днесь богам решить судьбу царей.

Конец второго действия

Действие III

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет ночь

Антигона (*одна, входя с лампадой, поставляет ее на треножник*)

Итак, решилось все, и торжествует злоба!
И двери мрачного отверзлися мне гроба!
Пойдем, свершим мой рок, долг строгий сохраня,
И постыдим богов, оставивших меня!
Эдип! Священна тень! хоть ты несчастной стона
Не призри, мой отец! коль скорбна Антигона
Тебя, оставленна от смертных и богов,
В пустынях ночью, днем во тьме густых лесов
Влачащего стопы, на миг не оставляла
И верною рукой к ночлегам провожала.
Веди ж и ты меня в сей темноте ночной
На поприще, где сын лежит несчастный твой,
Гонения судьбы, тирана мести жертва,
Которого злодей преследует и мертва.
Родитель! Помоги мне труп его обресть
И, презря варвара грозящую мне месть,
Сей слабою рукой, бед игом отягченной,
Исполнить долг любви, последний долг священной...

Надгробной почестью дать отдых тени сей
И узы разрешить, связующи с землей.
А ты, о мрачна ночь! Коль часто покрывало
Твое измены меч и нож убийц скрывало,
Сокрой идущую со трепетом сестру
Предать днесь брата труп возженному костру.
Увы! Но Элфенор ко мне не поспешает!
Ужель и старец сей мне ныне изменяет?
Ужели и его колеблет душу страх?
И в лютых я от всех оставлена бедах?
О, боги! что начать, куда идти, не знаю.
Иду и вам судьбу несчастной поручаю,
Всесильны боги вам. С небесной высоты
Призрите на меня. Завесу темноты
Пред трепетной моей стопою подымите
И к брату иль во гроб живую низведите.
Но Элфенора зрю — и оживаю вновь!

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона и Элфенор

Антигона

Почтенный Элфенор! за верность, за любовь,
Которую ко мне ты сохранил несчастной,
Да боги наградят тебя десницей властной!
Пойдем. Мой брат давно ждет помощи от нас.

Элфенор

Царевна! неужель любовь к нему в сей час
Тебя над собственной судьбою ослепила?
Увы! отверзта ждет тебя на казнь могила.
Помысли над собой, что предприемлешь ты?
Тирана бдящий взор, под кровом темноты,
Зрит все шаги твои и всем движеньем внемлет,
Над жертвою своей злодейство не воздремлет
И сети смертные вокруг тебя прострет.
Царевна! не ищи ты очевидных бед.
Креон, смиря мятеж присутством лишь Гемона,
Зря жалость Фив к тебе и ненависть вкруг трона,
В пасть гибельну тебя низвергнуть поспешит,
И от врага сего никто не защитит.

Антигона

Нет, мне в невинности щит будет суд бессмертных.
Покроет он меня от козней злонаветных.

Я злобы не страшусь, предавшися ему,
Страшуся изменить лишь долгу моему.
Пойдем, он будет нам в пути руководитель,
Невинность — верный страж, а небо — покровитель.

Элфенор

Да длань отца богов тебя приосенит!
Пойдем, но слышу шум. Кто встречу нам спешит?
Гемон — тирана сын! Увы! Судьбина гневна!

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Гемон, Элфенор

Гемон

Что вижу я? Куда, несчастная царевна!
Идешь ты, в темноте скрываяся ночной?
Увы! предвидел я злосчастный умысл твой.
Последние слова, унылой мрак печали
Отчаянный мне твой сей подвиг предвещали.
Но, ах! Куда спешишь? на стогнах у ворот
Повсюду стража бдит и твой усмотрит ход.
Не утаишь его и под завесой ночи.
Как в день, так зрят во тьме тебя стрегущи очи.
Остановись. Увы! в открытой гроба зев
Стремишься, и закон и царский презря гнев.

Антигона

Один стремишь меня ты в зев открытый гроба,
Преследуя сильней, чем мстительная злоба.
В надежде на богов от ней скрывалась я.
Но ты днесь сделался орудием ея!
Злодейства на меня ты меч остришь кровавый?
Стеречь мои шаги кто дал Гемону право?

Гемон

Любовь. Увы! прости отчаянью души.
Мольбу несчастного в последний раз внуши.
Не ускоряй свою злосчастную судьбину.
О строгости отца вещать прискорбно сыну,
Но непреклонный гнев его известен всем;
Закона он его вооружит мечем.
И казнь грозит тебе мучительна, ужасна.
Царевна! Не заставь Гемона ты несчастна
Пред тем, как твой позор и казнь твою узреть,

(*хочет пасть на колени*)

Любви, ах! Нет, твоей лишь жертвой умереть.

Антигона (*останавливая его*)

Престань, оставь меня, иль хочешь ты, жестокий,
Чтоб, братскую любовь и долг забывши строгий,
Позор наш зрела я с бесстыдностью чела
И мести — брата труп на жертву отдала?
Чтоб в челюстях зверей и псов спокойно зрела
Я члены братнего растерзанного тела
И вопиющу кровь о мщеньи к небесам
Еще дымящуюсь по свежим их следам?
Нет, нет, не потерплю: ни казнь, ни смерть жестока
Не совратят меня на гнусный путь порока
С пути, по коему мой долг меня ведет.
Иду, и гром небес да на главу падет
Виновника всех бед и гибели несчастной.

(*Хочет идти*)

Гемон

Помедли хоть на миг, о рок, о рок ужасный!
Решилась ты? и я решился умереть.
Нет, гибели твоей Гемон не может зреть.
К чему приведены мы гневною судьбою!

(*Видя Антигону хотящую идти*)

Идешь? Мой жребий пал, и я иду с тобою.
Злосчастну жизнь любви на жертву принесу.
Пойдем, с тобой умру или тебя спасу.

Антигона

Остановись, куда в безумии стремишься?
Иль Антигоны ты не знаешь? Тщетно льстишься,
Чтобы мой долг толь свято сохраня,
Позволила тебе погибнуть для меня,
Забыть твой собственный и сыну долг священный,
Чтоб одобрить могла против отца измены.
Нет. Научись меня ты больше почитать.
В глазах моих Креон — престола Фивска тать,
Несчастной всей семьи Эдиповой губитель
И брату моему несправедливый мститель.
Отечества тиран и враг мой, наконец,
Лютейший враг! Но он монарх твой и отец.
Твой долг — чтить суд его, хотя сей суд неправый,
Знай подданного долг, но больше долг знай сына.
Он брата осудил — осудит и меня.
Ты приговор сверши с покорностью, стеня.
Знай подданного долг и право властелина.

Оставь меня идти, куда влечет судьбина.
Над злополучною позволь свершиться ей
И слабостью — души не унижай своей.
Позволь, чтоб в гроб сходя, еще того я чтила,

(*берет его руку*)

Которого... прости... по смерть мою любила.

(*Хочет идти*)

Гемон (*останавливая ее*)

Остановись, увы! Жестокая!

Антигона (*с важностью*)

Гемон!
Последние слова идущей в гроб — закон.

(*Уходит с Элфенором*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Гемон (*вслед Антигоны*)

Жестокая! на смерть меня <...> осуждает!
Не слышит уж! Мой дух отчаянье сражает.
Что будет с ней? Нет сил, нет средства уж спасти.
Покрыты стражею все стогны, все пути.
Шаги все Эврияд блюдет ее прилежно,
И смерть ужасная грозит ей неизбежно.
Что делать?.. Что начать?.. О ты, отец богов!
Вы, боги! На нее простите ваш покров.

ЯВЛЕНИЕ 5

Исмена, Гемон, две рабыни со светильниками

Исмена

Тебя ли зрю? Гемон сестры моей несчастной
Ищу я здесь. Ее уныние ужасно
Хотела я смягчить беседою моей.
Но не могу нигде здесь повстречаться с ней.
Не знаю, где она от скорбныя Исмены
Ушла скрыть горести, никем не облегченны.
Ее отсутствие меня приводит в страх.
Ты здесь не зрел ее?

Гемон

Царевна! В сих местах
В ночи.. одной... нельзя сестре твоей... о боги (*в сторону*).

Исмена

В речах, в лице твоем, Гемон! какой тревоги
Являешь признак мне? Ты отвращаешь взор!
О страх! Иль новых бед? ..

Гемон

Царевна!... заговор...
Мятеж против царя... хоть утушен на время...
Все... на душе моей лежит, как тяжко бремя!...
Прости, мой долг велит... Спешу... Царю донесть.
(*В сторону*)
Но вот он сам — увы!

ЯВЛЕНИЕ 6

Креон, Исмена, Гемон, Эвриял и служители со светильниками

Креон (*Эврияду и страже*)

Перед царя привесть
Спешите дерзкую, коварну Антигону.

Эврияд и часть стражи со светильниками стремятся во внутренние чертоги

Гемон (*в сторону*)

О, боги!

Исмена

Государь! ..

Креон (*Гемону, посмотрев внимательно на обоих*)

Грозит измена трону.
Вожди мятежников признались предо мной,
Что Антигона — их продерзости виной,
Что ропот на меня за брата осужденна
Возжегши...

Исмена

Государь! Невинная Исмена
Дерзнет ли пред тобой на страшный сей извет?

Креон

Исмена? Царь за дочь тебя лишь признает.
Я знаю, что меня ты с юных лет любила
И долгу и любви твоей не изменила.
Любовью и тебе я заменяю мать
И от сестры твоей умею отличать.
Питая ненависть ко мне и мрачну злобу,

Она строптивостью ведет себя ко гробу,
А ты найдешь во мне нежнейшего отца.
С Гемоном — ваши мне преданные сердца
Да будут счастия вернейшие залоги.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же. Эвриял и стража, возвратившаяся из внутренних чертогов

Эвриял

Со стражей, государь! все внутренны чертоги,
Веление твое исполня, обозрел,
Но тщетно, и нигде царевны не обрел.

Креон

Возможно ль? ... Но вина ее там подтвердилась,
Улик преступная в злодействе устрашилась
И, скрывшись, избежать от строгой казни мнит
Или, изгнанницы приняв печальный вид,
Стремится вновь мятеж воздвигнуть и крамолу
И новой угрожать опасностью престолу.
Но ад не может скрыть ее от рук моих.
Спешите, воины! на стогнах городских,
В домах мятежников, у врат и за стенами,
Спешите...

Гемон

Государь! Нельстивыми устами,
С сыновнею к тебе покорностью, позволь
Сказать, что в умысле, в коварстве гнусном толь
Не можно, кажется, подозревать царевну.
Родитель! В мыслях жизнь пройди ее плачевну,
Найдешь ли в ней хоть след пороков иль измен?
Всех доблести пример...

Креон

Мой сын! — Я изумлен
И дерзостью твоей и легковерным духом.
О добродетелях ее ты ложным слухом
Мог быть ввлечен в обман, но как о ней ты смел
Противоречить мне? Постыдных, гнусных дел
Побег ее в ночи не верный ли свидетель?
Суди и оправдай высоку добродетель,
Иль лучше, слепоте своей не доверяй
И с стражей царское веленье исполняй.
Спеши преступницу искать.

Гемон (*медленно уходя с частью стражи*)

Уж все свершилось!

ЯВЛЕНИЕ 8

Креон, Исмена, Эвриял, стража

Исмена

Страх грудь мою потряс и сердце возмутилось.
Позволь мне, государь! несчастную сестру...

Креон

Суд с милостью сопречь я средство изберу.
Надейся, дочь моя! От шума и смятенья
В чертоге ты своем ищи успокоенья.
И верь, что нежную храня любовь к тебе,
Приятно мне всегда внимать твоей мольбе.

Исмена с рабынями своими уходят

ЯВЛЕНИЕ 9

Креон, Эвриял. По знаку Креона стража удаляется.
Только 4 раба со светильниками остаются вдали

Креон

Час мщения приспел, коварна Антигона
Уж скоро срынется в подземный дом Плутона.
Падет последний враг. Но верно ль, Эврияль?
Ты выход и шаги коварной назирал?

Эвриял

Какая тщетная мятет тебя тревога!
Спокойся, государь! У врат сего чертога
Во мраке скрывшися, я видел, как она,
Смущенна, трепетна, чуть дышуща, бледна,
Сопровождаема коварным Элфенором,
Чрез тайну башни дверь прошла. — Прилежным взором
Их в поле проводя, спешил тебе донесть.
Готова жертва: ты уготовляй ей месть.
В тени густых дубрав, вкруг Полиника тела,
Толпа моих друзей с оружием засела.
Нет средства избежать им от сетей моих.

Креон

Благодарю, мой друг! Но средь успехов сих
Одна тревожная меня вновь мысль смущает

И подозрение и страхи возбуждает.
Приметил ли твой взор, как мрачен и уныл
Мой сын Эдипа дочь оправдывать спешил?
Какое пылкое к коварной сожаленье!
Боюсь на нем мое остановить сумненье...
Но в мысль сию мой ум чем больше углублен...
Тем более страшусь здесь новых я измен
И бездны, предо мной врагом моим изрытой;
Пред сим Гемону здесь когда почти открыто
Исмены руку я к союзу предлагал,
Удержанным в груди он вздохом отвечал
И, отходя, не мог скрыть томныя печали
И слез, которые в глазах его сверкали.
Что значит этот вздох! Что значит скорбь его?
Иль в сыне должен зреть врага я моего?
Или преступницы он взором обольщенный...
Коль так, то обе вдруг я накажу измены
Коварной дочери Эдипа. Но, мой друг!
Меж тем, как мыслью сей тревожится мой дух,
Теряешь время ты. Спеши за град и жертву
Веди, чтоб живу в гроб ее я сверг иль мертву.

Конец третьего действия

Действие IV

ЯВЛЕНИЕ 1

Креон, Эврияд. Стража и служители со светильниками

Креон

Итак, преступница уже в моих руках?

Эврияд

Несущу с старцем труп на слабых раменах
Я зрел ее вдали, близ рощи той тенистой,
Котору Дирс поит своей струею чистой.
Там между гор, в одной из каменных пещер,
Мечтали скрыть они их гробовой костер.
Эдипа дочь, всех сил лишась, на землю пала
И хладный брата труп слезами омывала.
Сухие ветвия нес дряхлый Элфенор.
Вдрг с стражей я предстал. Царевна томный взор,
Увидя пагубу, на небо устремила,
Последний, мнилось, вздох в груди остановила
И, истощенных сил остаток весь собрав,

На тело мертвое в отчаяньи припав,
Прерывным голосом вещала нам: «Разите,
С несчастным братом днесь сестру соедините,
Как съединяла нас взаимная любовь,
И вашего царя последню лейте кровь».
Я признаюсь, слова и вид ее печали
Смягченных воинов сердца поколебали,
На царску дочь они взносить не смели рук.
Боясь измены сих толь слабых мщенья слуг,
Чтоб жертву уловить, вещал я ей: «Царевна!
Еще не решена судьба твоя плачевна,
Но ежели тебя не приведем к царю,
То зрели нашу мы последнюю зарю.
От роковых себя ты бедствий не избавишь,
Но жертвой нас твоей невинной быть заставишь,
И будет ли она угодна небесам?»
Смягченным хитростью она моим словам
С печальным, тронутым и важным видом внемлет,
Вздохнувши, брата труп в последний раз объемлет.
Встает с поспешностью, подходит и в ответ
Решительно свою мне руку подает.
Мы возвращаемся. Безмолвна и уныла,
Ни вздоха на пути она не испустила.
Вошедши в царский двор, я пленников твоих
Остановил. Теперь реши судьбу ты их.

Креон

Судьба их решена, и казнь уже готова.
Мой враг низринется в сень гробового крова,
И алчная моя свершится скоро месть.

(*К Эвриялу*)

Вели преступницу перед царя привесть,
Но прежде поспеши призвать ко мне Гемона.

(*Эвриял уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Креон, стража и прочие

Креон

Так жребий твой решен, коварна Антигона,
Ничто, ничто тебя днесь буйства на пути
От мщенья моего не может уж спасти.
Длань над тобой моя отяготится строга,
И ты уже стоишь у смертного порога.

Но сын мой...? Испытать его я должен страсть
И до конца ли он отцовску презрит власть.
Когда покорного я не найду в нем сына,
Когда, я трепещу, о лютая судьбина!
К чему злосчастного меня приводишь ты?
Я должен казнь... но нет, ужасные мечты
Потщимся удалить от сердца возмущенна.
Не обнаружилась еще ко мне измена
Гемоновой души. Быть может, жалость лишь...
О, сын мой! Как отца ты сердце днесь разишь!
Но вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креон, Гемон, стража

Креон

Прийди, мой сын! и если можно,
Сомнение отца ты успокой тревожно.
Скажи: врага ли я в тебе иль сына зрю?

Гемон

Храня любовь к отцу и строгий долг к царю,
Чем мог я возбудить обидное сомненье?

Креон

Перед отцом твое, перед царем киченье
Довольно знаешь ты, Гемон! Моих врагов
Не ты ль дерзнул под твой преступный взять покров?

Гемон

Перед царем за долг священный почитаю
Я правду говорить и долг сей исполняю.
Перед отцом — прости — мне сердца глас велит,
Чтоб я невинности предстатель был и щит.

Креон

Иль за невинность ты приемлешь днесь коварство,
Стремящеесь мое потрясть изменой царство?
Продерзкой дочери Эдипа как ты смел
Оправдывать пред мной цепь злопреступных дел,
Не зная, что она в ночи предпринимала?

Гемон

Все знал: лишь долг любви ко брату исполняла.

Креон

Что слышу? Как? Тогда уж ты известен был
О дерзости ее? О боги! дайте сил
Несчастному отцу удар сей снесть жестокий;
Зреть сына, впадшего в толь гнусные пороки.
Почто ж, намеренье противное мне знав
И долгу сына ты священному не вняв,
Исполнить попустил ей подвиг сей ужасный?

Гемон

Прости мне, изменить боялся я несчастной.

Креон (*с яростью*)

Но не боялся ей, презревшей царску власть,
Дать повод в гроб живой за преступленье пасть.
Готовься же в сей час зреть казнь ее свершенну
За буйные дела, строптивость и измену.

Гемон

О, боги, неужель над ней свершилась месть!

Креон (*стражам*)

Преступницу к царю велите, стражи, весть.
Некоторые стражи уходят

Гемон (*в сторону*)

Я трепещу.

Креон

Рука над нею вознесенна
Покорством лишь одним быть может отвращенна,
Но горе буйному, кто мне еще дерзнет...

ЯВЛЕНИЕ 4

Креон, Антигона, Гемон, Эвриял, стража

Креон

Прийди, преступница! и дай царю ответ,
Как, строгое презрев гражданам всем прещенье,
Дерзнула ты свершать ужасно преступленье,
За кое мздою смерть предположил закон?
Ответствуй.

Антигона

Мой ответ на что тебе, Креон?
Иль вопрошает жрец, пред тем как свержет мертву,
В закланье им самим предызбранную жертву?
Рази. Вот мой ответ.

Креон

О, наглость! но готов,
Готов уж под землей твой гробовой покров.
Сомкнутся там уста, упрек строптивых полны,
И погребутся вдруг все замыслы крамолны,
Которыми мой трон стремилась потрясать.

Антигона

На сей упрек, Креон! должна я отвечать.
Когда ты укорял меня любовью к брату,
Молчала я, и слов моих жалела трату
На доказательство тирану, что сестра
Священный брату долг, надгробну честь костра
Должна была воздать, вняв сердца лишь веленью,
Что соучастницей она была бы мщенью
Жестокого царя и лютости его,
Позволив псам терзать труп брата своего.
Но ты мятежницей поносишь Антигону.
За честь мою вступлюсь — нет, нет, изменой трону
Гнушалась я, Креон! Не умыслам измен,
Сей день был горестям одним лишь посвящен.
Измену тот ковал, кто Этеокла сына,
Которого в сей день злосчастная судьбина
Низвергла в сиротство, с престола праотцов
На низшую степень низвел своих рабов.
Но мщенье сих измен — богам я оставляла
И только долг сестры священный исполняла.
Готова казнь за то? На казнь готова я,
И не унизится пред ней душа моя.
Вот все, что отвечать имела Антигона.
Карай невинность ты, свирепый страж закона.

Гемон

Ах! Нет. Склонись, склонись на милость, государь,
Коль небожителей пример нам — кроткий царь,
Коль образ он живой богов всемилосердных,
Готовых облегчать судьбину скорбну смертных.
Воззри и ты, воззри с смягченною душей
На горесть дочери родной сестры твоей.

Прости отчаянью ты речь ее строптиву.
Из смертных видел ли кто больше терпеливу
Несчастнейшую дочь, несчастнейшу сестру?
Прости, коль скорбную в защиту я беру,
Коль правый гнев царя на жалость преклоняю.
Несчастный — горестям несчастных я внимаю.

(*Падая на колени*)

Прости, родитель! ей, у ног твоих молю,
Да не вотще к отцу мольбы и слезы лью!

Антигона

Не унижай, Гемон! злосчастной Антигоны
Мольбой о ней того, кому несчастных стоны
Так чужды, как богам к несчастным чужда месть.
Дай горести мои с отрадой в гроб мне снесть,
С отрадой, что никто, по Антигоне мертвой,
Не будет жалости о ней — невинной жертвой.

Креон

Довольно я молчал? Довольно я сносил?
Нет, более терпеть недостает мне сил.
Пора преступнице платить достойной мздою
И буйство воздержать днесь строгости браздою.
Гемон! Ты зришь ее неукротимый нрав,
Ты зришь, как власть царя, закона власть поправ,
У двери гроба дух возносится кичливый.
Упреки слышал ты толь едки и строптивы,
Вот плод, который ты, вняв жалости, собрал!
Пора, Гемон! чтоб ты природы гласу внял,
Чтобы за честь отца поруганну вступился
И к долгу твоему, хоть поздно, возвратился.
Иль можешь ты внимать с спокойною душей
Неистовству мне толь язвительных речей?
Иль предпочтешь отцу Эдипа дочь коварну,
Толь дерзкую ко мне — к тебе неблагодарну?
Нет, нет, коль ты мой сын, коль должная любви
Хоть искра тлеется еще в твоей крови,
С негодованьем зри мне тяжкую обиду.
Карай, мой сын! Карай толь злобну Эвмениду,
В темницу наглую преступницу влеки.

Гемон (*вставая*)

На царску дочь вознесть я не могу руки.

Креон

Что слышу? Дерзкий сын! Какое исступленье!
Какое наглое против отца киченье!
В заклеп стремитеся злодейку, стражи, влечь
Иль бойтеся на вас воздвигнуть казни меч.

(Стражи, побуждаемые Эвриялом взять Антигону, мятутся и отступают)

О, ярость!

Антигона

Видишь ли, что жалостью смущенны,
Не смеют мести внять и их сердца смягченны.
Но фивских пагубой не буду я граждан.
Довольно, что бичом ты им от неба дан
За хладну их любовь к родителю несчастну.
Сама к цепям иду, спешу на казнь ужасну.
Но истине, тиран! внемли в последний раз,
Есть боги мстители, и гром их не погас.

(Уходит с частью стражи)

ЯВЛЕНИЕ 5

Креон, Гемон, Эвриял, стража

Креон

Иди на казнь и в мрак низринься смертна крова,
Иди — живой тебе могила уж готова.
А ты, преступный сын! Чья слабая душа
Природы в сердце глас, глас долга заглуша,
Погрязла в тине днесь гнуснейшего порока,
Готова и твоим заслугам мзда жестока.
В тебе не признаю я сына моего.
В темницу, воины! Спешите влечь его.
Узнаешь скоро ты, как царь ожесточенный
Наказывает злость, кичливость и измены.

Гемон отходит со стражей

ЯВЛЕНИЕ 6

Креон, Эвриял

Креон

Не чаял встретить в нем я дерзости такой.
О, как разишь меня ты яростной рукой,
Свирепая судьба! Врага я вижу в сыне!
От сердца моего он отчуждился ныне,

К злодею лютому любовью прилеплен!
Прервем, прервем, мой друг! опасну цепь измен.
Но я страшуся Фив. Коварныя царевны
Смутить их может казнь, скорбь, вопль ее плачевный,
Возбудят ропот их за мщение мое.

(*По кратком размышлении*)

Так должно ков мой скрыть и погубить ее
Рукою, чтимою строптивым сим народом.
Гемона любит он. Не столь высоким родом,
Сколь видом доблести <его> он обольстил.
Какой-нибудь мне бог сам умысл сей внушил,
И совершить его подаст мне он же силу.
Спеши, мой верный друг! и, злобе в казнь, могилу
На стогне городском вели изрыть в ночи,
Вернейшу вкруг ее дружину ополчи.
И стражей огради преступницы темницу.
Когда всходящую увидишь ты денницу,
Гемона повели перед меня привесть,
Рукой его хочу мою исполнить месть.
Иди, тебе твой царь судьбу свою вверяет,
Врага днесь казнь — тебя награда ожидает.

Конец четвертого действия

Действие V

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет день
Креон, стража

Креон

Что медлит Эвриял? уже заря блестит,
А успокоить он меня еще коснит!
Казалось, в граде шум раздался и мгновенно
Утих. Или мятеж вновь вспыхнул дерзновенный?
Но нет. Спокойно все — лишь не в душе моей!
О, если бы сей день протек уже скорей
И смерть в свой мрачный кров Эдипа дщерь прияла.
Но мщенья близок час: я вижу Эврияла.

ЯВЛЕНИЕ 2

Креон, Эвриял, стража

Креон

Свершил ли данное веление царем?

Эвриял

Свершил, но злой мятеж гнездится в граде сем.
Грозит он, государь! опасностию трону.
На казнь позорную ты вывесть Антигону
Страшись. В предградии огнь возмущенья тлел,
И потушить его с трудом я предуспел.
Но снова, государь! он воспылает скоро.
Уж некие и мне, с язвительной укорой,
Осмелились за казнь царевны угрожать.
Страшися, государь! ты явно раздражать
Народ, в волнении своем неукротимый
И слепо чувствами сердечными водимый.

Креон

Я все предусмотрел. Любви народной жар
Оледенит один решительный удар.
Народ из жалости мстить сильному не смеет,
Коль пал любви предмет — и глас любви немеет;
Во гробе доблести позабывает мир,
И тучных жертв не зрит низверженный кумир.
Поверь мне, Эвриял! по смерти Антигоны,
Коль грозну длань взнесу, — одни услышишь стоны;
Ничтожны признаки ничтожныя любви.
В сей день омоюся в враждебной я крови,
В сей день я насыщу мое над нею мщенье
И смертью накажу строптивое киченье.

Эвриял

Исмена к нам идет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креон, Исмена, Эвриял, стража

Исмена

В смятении моем
Прости мне, коль, дерзнув предстать перед царем,
Осмелюся спросить: правдива ль весть ужасна,
Что днесь на казнь Гемон... сестра моя несчастна.

Креон

К всеобщей горести, слух оправдался сей.
Зловредны умыслы и ков сестры твоей,
И подвиг дерзостный, и заговор мятежный
К погибели ее приводят неизбежной.
Гемон, преступницы защитник буйной сей,
Приемлет должну мзду кичливости своей.

Исмена

Ах, сжалься! государь! Я в горести глубокой
И мысли не могу переносить жестокой
О казни днесь, увы! готовящейся им.

(*Падая на колени*)

Помилуй, государь! упав к ногам твоим,
Молю о жалости: яви к ним состраданье.
Зри слезы горькие, услышь мое стенанье.
Отчаянну меня ты не отрынь теперь
Иль гроба мрачного и мне отверзи дверь,
Да с ними вместе прах и горести сокрою.
Смягчись и надо мной, злосчастной сиротою.
Внемли молению, внемли в последний раз.

Креон (*поднимая ее*)

Исмена! Грудь мою твой потрясает глас.
Печалью, горестью твоей меня сражаешь
И сердце воплями на части раздираешь.
Но сострадающий с тобою днесь Креон
Обязан исполнять свой строгий долг-закон.

Исмена

Жестокий! ты мольбе, слезам моим не внемлешь
И меч на их главы несчастные подъемлешь!
Но, царь! отчаянье страшися раздражать
И преданных тебе в врагов преобращать.

(*Креон изъявляет знак негодования*)

Я вижу, что тебя мне умолить не можно,
Ко мщенью ты изрек закон твой непреложно.
Но долг — и мне закон священнейший твердит.
И небо слабым даст противу сильных щит.

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Креон, Эвриял, стража

Эвриял

Отчаянья сего смягчи...

Креон

Ее угрозы
Опасны столько ж мне, как стон ее и слезы.
Не страшен мне один бессильный мести глас

И не удержит он в решительный сей час,
Противу ставя мне вопль скорби исступленной,
На пагубу врага десницы вознесенной.
Вели Гемона ввесть и дочь Эдипа с ним.

Эвриял уходит

ЯВЛЕНИЕ 5

Креон, стража

Креон

Час близок роковой! Всем замыслом моим
Готовит он венец и всем надеждам лестным.
Но что? Каким мой дух движеньем безызвестным
Встревожен, скорбных чувств унылость ощутил?
Иль тщетный совести его днесь вопль смутил?
Иль страх случайности в сем подвиге столь смелом?
Молчи, ничтожный страх! В сем сердце затверделом
Ты места не сыскал, — не сыщешь места ты.
Исчезните, мой дух смущающи мечты!
И радостей моих и счастья не мрачите.

(*Видя входящих Антигону и Гемона*)

Но вот мой враг. Креон! сверши удар.

ЯВЛЕНИЕ 6

Креон, Антигона (в цепях), Гемон, стража

Креон

Прийдите,
Преступники! и ваш услышьте приговор.
Эдипа дочь! и казнь готова и позор,
Которые твоим ты буйством заслужила.
На стогне городском изрыта уж могила,
Где будешь ты жива засыпана землей.
А ты, Гемон! твой царь, в казнь дерзости твоей,
Из града вечное изгнанье назначает.
Так наказует царь... а твой отец — прощает.

Гемон (*желая упасть к ногам его*)

Родитель!

Креон (*поднимая его и снимая оковы*)

Так, мой сын! родитель нежный твой...

Гемон

Родитель!.. но страшусь тебя моей мольбой
На гнев подвигнуть вновь. Родитель! Антигона

Одна ль всей строгости жестокого закона
Злосчастной жертвою останется в сей день?
Надгробной почести ее лишенна тень
У Стикса к горестям лишь с братом съединится.
Я вижу гроб ее — народ вокруг толпится,
Зрит в ров сходящую — и скоро прах земли...
Увы! Нет сил снести. Родитель! ах! внемли

(*Падая на колени*)

У ног... в последний раз несчастного моленью,
Смягчи твой приговор.

Креон

Злодейки преступленью
Казнь смертна суждена — и нет спасенья ей.
Но внемля горести, мой сын! мольбе твоей,
Чтобы преступницу от гнусного позора,
От мук спасти, чтоб смерть решительна и скора,
Сразя ее теперь, могла позволить честь
Надгробного костра и тризны ей принесть,
На жалость и мою я душу преклоняю
И выбор смерти ей — тебе предоставляю.
Ты можешь казнь ее мучительну смягчить
И жизни слабую прервать мгновенно нить.
Вот нож: рази.

Гемон (*встав*)

Что зрю? Что слышу я, О, боги!

Антигона

Они являются к несчастной меньше строги,
Когда позволили во благости своей
Мои постылы дни прервать рукой твоей.
Спеши — и, сжалившись над участью плачевной,
Рази — благославлю удар судьбины гневной.

Гемон (*после краткого унылого молчания с решительностью. К Креону*)

Дай нож. Против судеб нельзя бороться мне,
Несчастных жеребий, увы! решат оне.
Нельзя избегнуть нам их приговора гневна!

(*Подходит к Антигоне*)

Прости... прости навек... злосчастная царевна!

(*К Креону*)

В последний раз царев исполню я закон.
Ты хочешь, чтоб разил! Вот как разит Гемон.

(*Убивает себя*)

Креон

Что сделал ты? Увы!

Гемон

Твое свершил веленье
И, сына пред тобой карая преступленье,
Достойный за вину нанес ему удар.
Я боле делаю: за скорбный жизни дар
Долг благодарности сыновней изъявляю...
И кровь отца... ему... охотно возвращаю.

Креон

О, рок! Я вне себя!

Гемон (*отдавая Антигоне нож*)

А ты, несчастный друг!
Сей драгоценный дар прими из верных рук.
Он страшен — счастливым, ужасен — только злобе.
Он благотворен нам... и съединит нас в гробе.
Прости... уж в сердце хлад... и меркнет слабый свет.
Прости. Гемон тебя в объятья скоро ждет.

(*Умирает и падает на руки воина*)

Креон (*страже с горестью*)

Сокройте от очей.

Стража уносит Гемона

Антигона

Тиран, убийств несытый!
В крови невинного и сына днесь омытый.
Мучитель! торжествуй, достойны зри плоды,
Которые собрал в путях злодейства ты.
Постигла и тебя днесь гневная судьбина.
За кровь семьи моей ты платишь кровью сына.
Рукой отца, рукой тирана пал он мертв.
Одна осталась я из всех злосчастных жертв,
Но не твоя над мной днесь торжествует злоба.
Не ты — Гемон отверз мне мрачны двери гроба.
Ты мыслью той себя не утешай, злодей!
Что жертвою паду я лютости твоей.
Гемон мне смерть судил.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Эвриял

Эвриял

Мятеж пылает лютый.
К спасенью, государь! днесь дороги минуты.
Зря Антигоны гроб, воздвигся весь народ,
И воздержать его слаб стражи был оплот.

Антигона

О радость! Месть гремит.

Эвриял

Вдруг, скорбью исступленна,
В смятеньи общем сем, коварная Исмена
Стремится в их толпы; отчаянна в слезах
И Этеоклова младенца на руках
Неся, им сироту в покров препоручает,
Спасти сестру, спасти Гемона умоляет.
Ее печальный вопль и трогательный вид,
Возжегши жалость их, к продерзости бодрит.
Они теснятся к ней: младого Леодама
Берут, на жертвенник несут священна храма,
И скопище сие, упав к ногам его,
Провозглашают в нем монарха своего.

Антигона

Свершися месть богов на злобу раздраженных.
С отрадой сниду в гроб.

Эвриял

Отвсюду окруженных
Я воев зрел твоих, оставивших мой след
И обращающих постыдно их хребет.
Беги, спасай себя от ярости народной.
Беги за град, еще остался путь свободной.

Креон

Пойдем явить врагам мою жестоку месть,
Кто руку на царя отважится вознесть?

Креон, Эвриял и стража уходят

ЯВЛЕНИЕ 8

Антигона (*одна*)
(*Вслед Креону*)

Теки востретенье Перуна раздраженна.
Но к смерти уж и я днесь роком осужденна.
Гемон! Вот нож — твой дар, омыт в твоей крови,
Единственный залог нежнейшия любви,
Да прекратит он вмиг лютейшее мученье!
Умру — и злой судьбы свершу определенье.
Не может лютости за гроб она простерть,
Как здесь любовь, — так в нем, — да съединит нас смерть!
(*Убивает себя, падает в кресло*)

ЯВЛЕНИЕ 9

Антигона, Исмена

Исмена (*вбегая, увидя Антигону*)

Гемон уж мертв! Увы! но где сестра? О, боги!
Что зрю? О сколь вы к нам, ко мне несчастной строги!
В час торжества настиг час горьких бед и слез!
О ярость лютая разгневанных небес!
Возможно ли, увы! Когда я, вас спасая...
Гемон! Сестра!
(*Падает к ногам Антигоны*)

Антигона

Богов десница всеблагая
Решила правый суд. Гемон, тобой любим,
Не мог, поверь, сестра! не мог уж быть твоим.
Судьба, щадя тебя, щадя меня, хотела,
Чтоб в Антигоне ты сестру лишь нежну зрела.
(*Берет руку Исмены и прижимает к сердцу*)

Исмена

Несчастная сестра!
(*Срывает с Антигоны оковы*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Антигона, Исмена, Элфенор, воины и граждане вооруженные

Элфенор (*вбегая*)

Победа! враг погиб.
Оправдан суд богов и отомщен Эдип.
(*Увидя умирающую Антигону, падает к ее ногам*)

Антигона (*стараясь стать на колени, поддерживаемая Исменою и Элфенором*)

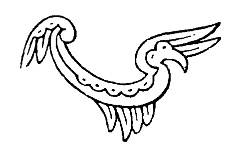
Благословляю вас, о боги справедливы!
Что от тирана вы освободили Фивы,
Что дали видеть мне столь праведную месть
И позволяете надгробну брату честь
Воздать рукой сестры, рукой Эдипа дщери!

(*Опускаясь в кресло*)

Прости, сестра! и мне во гроб отверзлись двери.
Прости и память ты несчастной почитай...
С Гемоном на костре меня не разлучай.

(*Умирает*)

Конец пятого действия в трагедии.



Приложения

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ОДА НА РАБСТВО

<Первоначальная редакция>

1 Забвенную приемлю лиру,
Спешу ей звук плачевной дать,
Дабы мои печали миру
На ней прискорбно возглашать;
Потоком слез ее омою,
И, согласясь с моей тоскою,
Увядшим листвием увью;
Венцом терновым увенчаю;
Оплакать я на ней желаю
Отчизну сирую мою.

2 Орфей! когда ты, Евридики
Лишась, на лире воздыхал,
Древа бездушны, звери дики
Ты к состраданью привлекал;
Внуши меня: к тебе взываю.
Не по супруге я вздыхаю,
Прав более имею я
Привесть и камни в сожаленье;
Я воспою порабощенье
Драгой отчизны моея.

3 А ты, которой обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета,
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестну речь,

Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъемлют
Тобою им врученный меч.

4 В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь
На холм, древами осененный,
В густую рощу уклонюсь;
Под мрачным кипарисом сяду. —
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный все являет вид;
Ручьи там с ревом землю роют,
Унывно аквилоны воют,
Летя с древ, томно лист шумит.

5 Куда не обращу зеницу,
Везде отчизну зрю мою,
Как сетующую вдовицу,
Являющую скорбь свою.
Исчезли сельские утехи,
Наморщились забавы, смехи,
Не песни слышны — вопль и стон.
Златые нивы сиротеют.
Поля, леса, луга пустеют,
Везде печаль свой ставит трон.

6 Везде, где вольность обитала,
Не зная скудости, ни бед,
Там тверды зиждет власть забрала
И узами в них вольность жмет.
Где благо, счастие народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день в мрачнейшу ночь.

7 Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал,
А вы, цари, на толь зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтоб вам в пределах вам подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,

Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

8 Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет дражайшия свободы,
Где раздается звук цепей —
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий горьку чашу пьют;
Под игом тяжкия работы
Ручьями льют кровавы поты
И злее смерти жизнь влекут.

9 Насилия властей страшатся;
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать;
В веригах рабства унывают,
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их;
От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
Роптать против оков своих.

10 Хотя ж свои напасти кроют,
Презрения и стыд терпят,
Но в горести их души ноют,
Отчаянья грызет их яд;
Снедаемы печальми злыми,
Дыша лишь вздохами одними,
В неиссякаемых слезах
Проводят жизни все мгновенья,
Не обретают облегченья
От бедствий, как лишь во гробах.

11 Се вижу их, они исходят —
Поспешно из жилищ своих,
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто в знак радости народной,
В забаве искренной, свободной
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К творцу своих молений глас?

12 Монарх, се для тебя ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход;
Твою жестокость кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя.
А ты его обременяешь,
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя.

13 Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающейся к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит от очей.
Улыбке и слезам не внемлет,
С свирепством от сосцов отъемлет
Невинной, бедственной свой плод;
В болезнях с ним не сострадает
И прежде сиротства ввергает
Его в злосчастие сирот.

14 Но ты, которого доброты
Подвластные боготворят,
Коль милости, твои щедроты
И злопреступников щадят,
Возможно ль статься, чтобы ныне
Ты радовался злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
Ты чувствований чужд суровых.
Так что ж? Не скрыл ли благ ты новых
Под тенью угнетений сих?

15 Когда, пары и мглу сгущая,
Свой солнце закрывает вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит,
От громного Перуна треска
И молнии горящей блеска
Мятется трепетно земля,
Но солнце страх сей отгоняет
И тучной влагой напояет
Томимы жаждою поля.

16 Так ты, возлюбленный судьбою
Царь преданных тебе сердец,

Венчанный вышнего рукою,
Народа твоего отец,
Грозу, висящую над нами,
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разженешь
И, к благу бедствия устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радость изольешь.

17 Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг позорно сложишь бремя
С отчизны моея драгой.
Тогда — о лестно упованье!
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет;
На место вздохов, плача, скуки
Там песней раздадутся звуки
И с счастьем вольность процветет.

18 Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою:
Тогда, во след правдивой славы,
С блаженством твоея державы
Твое я имя воспою.

ДРУЗЬЯМ МОИМ

‹Первоначальная редакция›

Тринадцать лет прошло,
Как небо вас связало,
Хоть время и текло,
Но счастие стояло;
И крылышки прижав,
Любовь при вас осталась:
Цепями вас сковав,
К вам ими приковалась.

Пребудь здесь в век, любовь!
Ты сколько б ни летала,

Себе приюту вновь
Такого б не сыскала.
А время! ты лети.
Хоть все ты в мире гложешь,
Но счастья унести
Друзей моих не можешь.

ОДА НА СМЕРТЬ ПЛЕНИРЫ

‹Первая редакция›

1 Где от горести унылой,
Где спастись от лютых бед?
Нет в живых Плениры милой.
Милой друг! тебя уж нет.
Но где в скорби ни скрываюсь,
Все с твоей мечтой встречаюсь.
В смертну погруженный сень
Зрю твой гроб, вопль слышу слезный.
Все в глазах твой вид любезный
Мчится, о дражайша тень!

2 Тень дражайшая! смягчися;
Возвратись хотя на час;
Хоть на миг остановися;
Дай лобзать в последний раз
Белизной блестящу снежной
Руку, в знак, что дружбы нежной
Простирала к другу ты.
Но, увы! ты отлетаешь;
Дух мой в горесть погружаешь,
В мраки мертвой пустоты.

3 Тщетно слезный ток лиется;
Не смягчает скорби злой.
Кровь на сердце запечется,
Как лишь гроб представлю твой.
В душу мне он ужас сеет.
Все в глазах моих мертвеет.
Каждый милый мне предмет
В виде кажется увялом.
Смерть надгробным покрывалом
Весь завешивает свет.

4 В рощу ль скроюся густую,
Осень уж ее мертвит.

На жену ль взгляну драгую,
Смертный одр пред ней стоит.
На детей возрю ли милых,
Вижу в них сирот унылых.
Сам, скитаясь меж гробов,
Мрачной, кажется, стезею,
Тенью предводим твоею,
Опускаюсь в смертный ров.

5 Вслед за скорбной сей мечтою
Скорбная летит мечта.
Вижу духом пред собою
Те печальные места,
Где теперь супруг твой страстной,
Удручен судьбой злощастной,
Горькие часы влачит;
Где, от всех уединенный,
Всей душой в твой гроб вперенный,
С горестью один сидит.

6 Мыслью зреть, делить стремлюся
Скорби друга твоего;
Но с ним встретиться боюся,
Тщетно — в живе зрю его.
В доме сем уединенном
На одре сидя плачевном,
К сердцу твой возглав он жмет,
Испуская вздох глубокий,
По ланитам скорбны токи
В горестном забвеньи льет.

7 Льет — и ложе орошает
Теплыми ручьями слез;
Радости воспоминает
И жестокость зрит небес.
На одре, где, страстью тая,
Сердце к сердцу прижимая,
Мила нежилась краса;
Где лилейну грудь сей Розы
Черны осеняли косы, . . .
Смерти там лежит коса.

8 В сем чертоге, испещренном
Хитрою ее рукой,
В храме, дружбе посвященном,
Где приятств веселый рой

Вслед за нею вел утехи;
Где забавы, резвость, смехи
Ночь преображали в день,
Там он в горести постылой,
При лучах луны унылой,
С страхом зрит свою лишь тень.

9 Сон смежит ли утомленны
Вежды, он драгую зрит;
Жмет в объятия влюбленны:
Но она от них бежит.
Он зовет ее, хватает;
Пробудясь не обретает,
И ... мечту познавши тут,
С страхом вспять на одр валится.
Хладный пот с него катится,
Дыбом волоса встают.

10 — И се зрит он пред собою
Скорбной вид мгновений тех,
Как, взмахнувши смерть косою
Вкруг ея постели, всех
Ближних и друзей стеснила;
Как, простясь, она вперила
На него померкший зрак;
К небу взор возвед, вздохнула
И в последний раз сомкнула
Очи на его руках.

11 О какой мороз ужасной
Сердце льдом его покрыл,
Как, к груди припадши страстной,
Хлад он смерти ощутил!
Как вдруг общий вопль разлился!
Мрак в глазах его сгустился.
Се бесчувствен он лежит.
Мук ему разверзлась бездна.
Но нет сил. — Завеса слезна
Горестный скрывает вид.

12 О почто же всем любезный,
Всех любящий человек,
Ближним, обществу полезный
Кончит быстротечный век?
А злодей, корыстьми гладный,

Чуждой чести, крови жадный,
Поприще вражды течет
Посреди утех несметных
И под сенью безнаветных
Дней должайший век живет?

13 Но что жизнь? — в родах — мученье;
В детстве — раболепства гнет;
В юности — страстей волненье;
В мужестве — труды сует;
Старость — возвращает в детство;
Смерть — рождения наследство.
Вот что жизнь! — се нива зол.
Сеет смерть и пожинает;
Землю в гроб преобращает,
Гроб во мрачный свой престол.

14 Истину сию печальну
Скорбный друг мой испытал;
Чтоб мету достигнуть дальну
Счастья, сколько протекал
Он путей и поприщ трудных!
Сколько стер клевет бесстудных;
Зависти, вражды, препон!
Но весь труд, все встречи злыя
Для отрад жены драгия
Превозмог и сгладил он.

15 Се достиг; — и без урона
Совести, души своей
Стал близ велелепна трона
На степень отлик, честей.
Общее почтенье, веру
Приобрев, он счастья меру
Вожделенну совершил;
И ее со мздой заслуги
Нес к ногам драгой супруги;
Нес, — и в гробе положил!

16 О превратъ! — рука судьбины
Для того ли нас ведет
К верху счастья, чтоб с вершины
Сринуть в бездну злейших бед?
Сил ли выспренних забава —
Зреть, как сладкая отрава

Горшей смертью нас разит?
И на то ль? — но, ум строптивый!
Не ропщи; — твой слух кичливый
Правды голос да внушит.

17 Мир сей, злу порабощенный,
Горн есть испытаний нам.
Скорбь, недуги отравленны,
Бедства, се стезя душам
Сквозь труды, боязнь, тревоги,
Сквозь печаль, лишенья многи,
Се стезя из тьмы земной,
Из сего страданий дола,
Пред небесный праг престола
Вечной блещуща зарей.

18 В храм небес прешла отселе
Краткою стезей наш друг.
Здесь в ее прекрасном теле
Уж витал небесный дух.
Сердце верою дышало,
Каждо чуждой скорби жало
Грызло жалостливу грудь.
Дружество с любовью нежной
В дебре жизни сей мятежной
Ей прокладывали путь.

19 Верь, мой друг! и скорбь отрини;
Верь, что слез твоих предмет
Из сей мрачныя пустыни
В вечный преселилась свет.
Что теперь твоя супруга
Верх земного темна круга,
На лиющих свет кругах,
В радость облачась, играет
И с отрадою взирает
На стлевающий свой прах.

20 Верь, что миг тот, нам плачевный,
Как померк в ней свет очес,
Очи ей открыл душевны
Зреть незримый свет небес.
В ров как гроб ее спускали,
На воздушных поднимали
Ангелы ее крылах.

Персть как с заступа ссыпалась,
Благодать преизливалась
На нее в златых лучах.

21 Верь — и не скорби душею
О потере дорогой.
Радуйся: — небес стезею
Уж она вошла в покой,
В радужном венце победы.
Но от горныя беседы,
Как взойдет на холм луна,
В ризы скрывшися нетленны,
Прийдет в час уединенный
Утешать тебя она.

22 О сниди, наш друг небесной!
Луч отрады в нас пролей;
Узел нашей дружбы тесной
Укрепи еще сильней.
О сниди, пребудь меж нами
И эфирными руками
Обойми нас, обласкай;
Отгони унылу скуку
И сносить твою разлуку
Верна друга научай.

23 Но, увы! суровым роком
Я от друга удален.
Во отчаяньи глубоком,
В коем днесь он погружен,
Мне нельзя с ним съединиться.
В разных мы местах томиться
Станем горестью одной.
Горесть нашу удвояет
Зла судьбина: разлучает
Нас друг с другом и с тобой.

24 Но судьба нас не разлучит:
Дружба с ним соединит;
Жить с тобой любовь научит
И разлуку заменит.
Изваянный лик твой милой
Я поставлю над могилой,
Скрывшей прах отца, детей.
Там, сим видом привлеченна,

Снидешь друга зреть смущенна
И мелькнешь в душе моей.

Гроб, где прежде взор мой бренный
Лишь пустыню находил,
Днесь мне зрится населенный
Сонмами небесных сил.
В них мне будешь ты мечтаться
И пред всеми отличаться
Лунновидной белизной,
Как сияла между нами
Нежных прелестей чертами
И душевной красотой.

ОДА НА СМЕРТЬ СЫНА

⟨Третья редакция⟩

1 Доколе рок свирепый станет
Меня бичом напастей гнать;
И по частям когда престанет
Мое он сердце раздирать?
С любезным братом разлученье
И друга верного лишенье
Едва оплакать я успел;
Се вновь жестокая судьбина
Велит мне смерть оплакать сына,
Что в гроб мою надежду свел.

2 Отцы и матери несчастны!
Моею тронуты тоской,
Прийдите, ваши души страстны
Да сострадают днесь со мной.
Слезами стих сей оросите
И горести моей простите,
Коль ваши раны обновит:
Лишенный сил средь волн ревущих,
За ближних ухватясь плывущих,
Спастися гиблющий спешит.

3 А вы, родители счастливы!
Внемлите скорбну песнь сию.
Коль души в вас чадолюбивы,
Восчувствуйте печаль мою.
Взглянув на ваших чад любезных...
Не пожалейте токов слезных

С рыдающим отцом пролить.
Да бог вас не лишит отрады!
И да возмогут ваши чады
До гроба вам весельем быть!

4 Мое веселие прервалось,
И сына моего уж нет.
О сердце! кое им прельщалось,
Претерпевай всю лютость бед.
А вы, утех лишенны очи!
Покройтеся завесой ночи;
Или в источник горьких слез
Неиссякающ превратитесь;
Надеждою отрад не льститесь:
Луч радости моей исчез.

5 Исчез; — и навсегда сокрылся
Во гробе сына моего.
Увы! навеки я лишился,
Вовек не узрю уж его.
О сын мой! — ты, как нежна роза,
Свирепством раннего мороза
Сраженная, поблек, увял;
Как цвет, листов не распустивший,
Одну зарю лишь только живший,
Иссох и полдня не видал.

6 Уже ты на меня не взглянешь,
Улыбкой нежной осклабясь;
И рук умильно не протянешь,
В объятья матери просясь;
Не будешь, нас ко всем ревнуя,
Играя с нею и целуя,
Мое ты имя затвержать;
Не будешь, сидя между нами,
Твоими нежными руками
Ты наши выи сопрягать.

7 И мне, покрыту сединою,
Подпорою не будешь ты.
Согбенный старости рукою,
Несносны жизни тяготы
Один я понесу, стоная;
К земле главу мою склоняя,

Преткнусь без помощи жезла.
Тогда, печалью изнуренный,
Паду, бедами удрученный,
Под игом лет, болезней, зла.

8 Паду, как ветхая обитель,
На столб опершая чело,
На кой, природы разрушитель,
С косою время налегло
И сильной мышцею сломало.
Пал столб, и зданье затрещало;
Потрясши дряхлою главой,
Обрушилося, развалилось,
С лицом земли уже сравнилось
И скоро порастет травой.

9 Безумен, кто себя на бренный
Надежды якорь обопрет!
Как жезл сей, сверху изощренный,
На нем возлегшу длань пробьет;
Так нам надежда изменяет.
О сын мой! над тобой рыдает
Отец твой, льстившийся лишь тем,
Что ты сомкнешь его зеницу,
Что хладную его гробницу
Омоешь теплых слез ручьем.

10 Но я твои закрыл днесь очи;
Я твой последний вздох приял;
Под кров сходяща вечной ночи,
Потоком слезным омывал.
Я заступ движущей насилу
Рукой изрыл тебе могилу
И хладный прах твой в ней покрыл
Землею, смешанной с слезами;
Усыпал я ее цветами
И дуб трилетний посадил.

11 Как древо то, так я, несчастной,
К гробнице приклонюсь твоей.
Заря, и дня светило ясно,
И звезды, спутницы ночей,
Меня найдут у сей могилы.
Там вопль мой горестный, унылый,

Мой сын! тебя ко мне зовет;
Но ты молчишь, о тень драгая!
Лишь ехо, стон мой повторяя,
Со мною томно вопиет.

12 Не узрю я тебя, доколе
Прядется паркой жизнь моя.
Увы! не возвращает боле
Нам гроб добычи своея
И гласу горести не внемлет.
О сын мой! смерть тебя отъемлет
От томныя груди моей,
Не дав тебе познать утехи;
И чрез забавы, игры, смехи,
Вкусить приятства жизни сей.

13 Приятства! — нет, — о сын любезной!
Я обольстить тебя хотел.
В судьбине смертных скорбной, слезной
Никто прямых приятств не зрел.
Всяк должен дань платить печали,
Где смертны счастия искали,
Там встретило их ждуще зло.
Блаженство твердое, прямое
В младенчестве земли златое
С собою время унесло.

14 Так ты, мой сын! Счастлив неложно,
Что жил времен один лишь миг;
Что, жизнью не томясь тревожной,
До тихой пристани достиг,
Поспешным пренесен Зефиром.
Покойся днесь, покойся с миром,
Любезная, дражайша тень!
Завидую твоей я доле,
Жалея, что не в смертных воле
Наш ускорить последний день.

15 Но о твоей, мой сын! разлуке
Уже я боле не грущу;
Не предаюся горькой скуке
И на судьбину не ропщу.
С отрадой жду я тех мгновений,
Когда рок, цепь моих мучений

В источник благ переменя,
Из бедствий жизнь мою искупит;
Когда с тобою совокупит
На лоне вечности меня.

16 Теперь уж я твою гробницу
Не возмущу моей тоской;
И сев на ней, мою зеницу
Потщусь не омочить слезой.
Но солнцу, ставшу над горами,
Я поспешу твой гроб цветами
Устлать и мvром оросить.
Творцу, на месте сем священном,
Я буду в сердце восхищенном
Хвалений жертву приносить.

17 Тут часто ночь меня застанет.
При свете бледныя луны
Мой дух там воскрылаться станет
К пределам вечной тишины
И в мыслях созерцать вселенну,
Душой всесильной оживленну.
Там, может статься, тень твоя
Мне будет меж дерев мечтаться;
И там я буду научаться
О цели жизни моея.

‹ ПОСВЯЩЕНИЕ КОМЕДИИ «ЯБЕДА» ЕКАТЕРИНЕ II ›

Что древле бог в своем обете
Российским Пиндаром предрек
Возлюбленной Елизавете,
То совершил в златый твой век.
Тобой поставил суд провдивый,
Тобой $\frac{\text{сотрет}}{\text{стер}}$ сердца кичливы,
Тобой с пощадой злость казнит,
Тобой заслугам мзду дарит.
Господствуй, утвержденна богом,
Став счастья нашего залогом.

ЯБЕДНИК

КОМЕДИЯ

⟨Первая редакция комедии «Ябеда»

Лица:

Ябедин, отставной асессор.
Судейкин, председатель Гражданской палаты.
Жена его.
Дочь его.
Девка дочери.
Правиков, подполковник служащий.
1 советник }
2 советник } Палаты
1 асессор }
2 асессор }
Прокурор губернской.
Секретарь палаты.
Поверенный Судягина ⟨Ябедина⟩.
Слуга Судягина ⟨Ябедина⟩.
Протоколист.

Действие происходит в доме Судейкина. В углу комнаты стол, красным сукном покрытый, и присутственное Зерцало. Два прямо и двое по сторонам.

Действие I

ЯВЛЕНИЕ 1

Прямиков и протоколист

Прямиков

Я рад, мой друг! что мы с тобою здесь столкнулись.

Протоколист

Да вы, сударь, зачем в дом этот завернулись?
Неужли за грехи невесть кака напасть
Иль тяжба, бог храни, ввели вас в эту пасть?

Прямиков

Так именно: процесс на шею навязался;
И от него уйтить я сколько ни старался,
Мирился, уступал, но потерял весь труд.
И так уездный уж и верхний земский суд
Прошед, где моему не льстили супостату,
Вступило дело к вам в Гражданскую палату.

Протоколист

Боюсь я, чтоб оно не оступилось здесь.
Да с кем же вы, сударь, имеете процесс?

Прямиков

Сосед мой! Ябедин невесть с чего вцепился...

Протоколист

Кто? Ябедин?

Прямиков

Да, он. Чему ж ты удивился?

Протоколист

Дивлюся я, дивлюсь, как с умной головой
Могли связаться вы с такой, сударь, чумой?

Прямиков

Сутяга хитрой он, однак не так опасен.

Протоколист

Кто? Он?

Прямиков

Уж в двух судах труд был его напрасен.

Протоколист

Не знаете, сударь, сего вы молодца!
Другого в свете нет такого удальца.
Напрасен в двух судах! Да в тех лишь разбирают,
А вить в Палате вдруг решат и исполняют.
Что нужды в том ему, что в тех его винят;
Лишь только для него в Палате был бы лад.
То он получит вдруг и право и именье.
Вам с Ябединым в суд? Какое дерзновенье!

Прямиков

Да чем же страшен так он мне? Прошу сказать.
Служа, не мог моих я всех соседов знать.
По замирении с полку я отпросился;
Лишь в дом, он на меня с процессом и взвалился;
И тут услышал я уж не от одного,
Что он преябедник, да только и всего.

Протоколист

Да только и всего! Так этого и мало!
Вы доброй человек; мне жаль, сударь, вас стало.
Покойный ваш отец мне благодетель был;
Я милостей его отнюдь не позабыл:
Я помню, что его хлеб-соль едал довольно.
В сетях сих видеть <вас>, сударь, весьма мне больно.
Коль нужен в чем, готов для ваших я услуг.

Прямиков

Чувствительно тебя благодарю, мой друг!
Я рад тебе, а тем и больше, что, признаться,
Не знаю, как бы здесь за дело мне приняться,
Во-первых, мне скажи: чем так соперник мой
Мне страшен?

Протоколист

Боже мой! что за вопрос такой?
Он ябедник: сим все одним уж вам сказали.
Но чтоб его, сударь, поближе вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу:
В процессах и сам черт ему не по плечу.
В Палате уж давно веду я протоколы:
Так некие его известны мне крамолы,
Которы, зеркалу палатной правоты
Представ, невинности явили в нем черты,
Да и сверх сих еще, глас божий — глас народа,
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.
Там отмежована вдруг выросла земля;
Тут верхни мельницы все нижни потопили;
Там ели две свиньи, сто десятин изрыли;
Здесь выморочных добр наследничок воскрес;
Там, на гумне, его дремучий срублен лес;
Тот давность пропустил, сам на кого иск взносит,
А пожилых с того и за умерших просит;
Там люди пойманы его на воровстве
Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ вам описать не можно,
Довольно и того, что вам слегка сказал.
Притом, как знает он всех стряпчих наповал!
Как помнит регламент, тьму тысячны указы!
Как все подьячески он ведает пролазы —

Как забежать к судье, с которого крыльца;
Кому бумажек лот, кому пуд сребреца;
Шестерку где пройграть, четверку, где тройку;
Как залучить кого в повальную попойку;
И словом: дивное он знает ремесло —
Неправду мрачную так чистить, как стекло.
Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться?

Прямиков

То правда, что его мне должно опасаться,
Но дело вить мое так право, ясно так! ...

Протоколист

Как солнце ясно будь, то будет аки мрак.

Прямиков

Но неужели нельзя на судей положиться?
Хозяин здешней? ...

Протоколист

Ах, боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышит нас никто,
Извольте ж про себя, сударь, вы ведать то,
Что дому господин, гражданский председатель,
Есть сущий истинны Иуда и предатель,
Что и ошибкой он дел право не вершил;
Что с кривды пошлиной карманы начинил;
Что он законами лишь беззаконье тешит
И без наличного довода дел не решит.
Однако, хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет:
Съестное, питьецо — пред нею нет чужаго,
И только что твердит: даянье всяко благо.

Прямиков

Однак, советники, я чаю...

Протоколист

Все одно:
У них все на один салтык заведено.
Один советник пьян, протрезвленья нету;
И так какому быть хмельному тут совету?
Другой же сверх того до травли русаков
Охотник страстной: с ним с сворой добрых псов
Хоть с неба сшедшую доехать правду можно.

Прямиков

А заседатели?

Протоколист

Когда сказать не ложно,
То с них в одном души хоть мало, да видать;
Так что ж? Лих та беда, что не учен читать,
Писать и поготовь, а на словах заика;
И так, хотя б и рад, помеха лих велика.
Другой себя к игре так сильно пристрастил,
Что душу бы свою на карту посадил.
В суде по чермному с ним фараон гуляет,
И у журналов он углы лишь загибает.

Прямиков

А прокурор? Ужли и он...

Протоколист

О! прокурор,
Чтоб в рифму мне сказать, существеннейший вор.
Вот прямо в точности всевидящее око:
Где плохо что лежит, вельми он зрит далеко.
Не цапнет лишь того, чего не досягнет.
За праведный донос, за ложный он берет;
Щечит за пропуск дел, за голос, предложенья,
За нерешение решимого сомненья,
За поздний в суд приход, за пропущенный срок.
И даже он дерет с колодников оброк.

Прямиков

А о секретаре?...

Протоколист

Дурак, кто слово тратит.
Хоть гол будь, как ладонь, он все что-нибудь схватит.
Указы знает все, как пальцев пять своих.
Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить целой,
Иль стибрить документ — его все это дело;
И с Ябединым он запазушны друзья.
Он вам накаверзит, весьма уверен я.
И дельцо, знать, к себе он прибрал по секрету;
По крайности, его в моем повытье нету.

Прямиков

Прекрасно ты, мой друг, мне всех их описал!
Какая сволочь!

Протоколист

Я вам истинну сказал,
Но, бога ради...

Прямиков

Будь, пожалуй, будь покоен.
Но чем же мне начать? Я мысльми так расстроен.

Протоколист

Из слов моих, сударь, могли вы примечать,
Что нечем вам начать, как тем, что дать да дать.

Прямиков (*хочет дать денег*)

Изволь, тебе, мой друг! Так, как знакомцу древню...

Протоколист

Никак: благодарю. Я, может быть, деревню
Нажил, когда бы брал, как многие берут,
Впредь, до решенья дел, за быть могущий труд,
Таких неправедных нажитков я чуждаюсь;
С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь.
А если правое чье дело верх берет
И правой с ласки мне за труд мой что дает,
То, признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет.
Я дар могу принять, бездельник вынуждает.
И вам не с прибыли я ‹по›служить хотел,
Я уж сказал, сударь, я вашу хлеб-соль ел.

Прямиков

Ну, как же ты, мой друг, совет мне предлагаешь,
Которого ты сам исполнить не желаешь?
Ты бедной человек, имеешь малой чин;
Породы ты простой, не князь, не дворянин;
Ты дому моему уже служил довольно;
Но ты не взял, что я хотел дать добровольно.
А мне советуешь, чтоб я пошел дарить
Моего равного! Как может это быть?
И как мне сметь его так низко уничтожить?

Протоколист

Не должно это вас, поверьте мне, тревожить.
До рода, до чинов какая нужда тут?

Давайте тем, сударь, которые берут.
А чтоб предохранить их от уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтоб чина пред другим вам не уничтожать,
То по чинам лишь им извольте умножать.

Прямиков

Но оставляя их, о мне чтоб говорили,
Когда бы деньги мне лишь правость присудили?
Не вправе ли тогда б и мой соперник был
Сказать, что в кошельке я совесть задушил?

Протоколист

Пусть он тогда бы врал, что на язык взлетело,
Не переделалось чрез то б уж ваше дело.
И вы б сказать могли, что право в деле сем
Вы были подкрепить должны не только тем,
Что требовал Закон, но и закона руки.

Прямиков

Не сроден я, мой друг, на эдакие штуки.
И мыслю, что мою тем правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Протоколист

Вы слышком песенку поете нам высоку;
Пословица твердит: не всяко лыко в строку.

Прямиков

Но я все правдою привык, мой друг, строчить,
Имения всего могут меня лишить,
Но не принудят ввек на подлые пронырства.

Протоколист

Что ж вам тогда с сего прибудет богатырства?

Прямиков

Честь.

Протоколист

Честь плоха, сударь, как нечего с ней есть!
Но надобно, сударь, подумать, как ни есть. . .

Прямиков

Я думаю, я прав.

Протоколист

И неужель стоите
Упрямо в том?...

Прямиков

Стою.

Протоколист

И им вы не дадите?

Прямиков

Ни шеляга не дам.

Протоколист

Однак соперник ваш,
Я думаю, прислал тяжелой свой багаж
И под фортецию суда подкоп уж вашу роет.

Прямиков

Пусть.

Протоколист

Но, когда пальбу он с кошелька откроет,
То праву вашему на воздухе гулять.

Прямиков

Ну, что ж? Хоть тут они изволят сплутовать,
То я могу на них подать в Сенат прошенье.

Протоколист (*подняв плечи*)

О боже! Положи устам моим храненье!
Но хоть подумайте, — и это, ей, не вздор, —
Что исполняется палатской приговор
И что ощиплют вас, как коршуны синицу;
А с апелляцией там голой дуй в столицу.*

Прямиков

Нет, права моего ничто не заглушит.
Я не боюсь, закон монархини мне щит.

Протоколист

Ах, доброй господин! Ее законы святы,
Но исполнители лихие супостаты.

---

* После этого стиха сделано в конце рукописи дополнение, начинающееся от слов: «Прямиков» до «Все так, мой друг, из правил я моих». — *Ред.*

Она желает нам прямого всем добра,
Но мы хотя <и> все из одного ребра,
Но не равно к добру мы все расположенны.
Свободу нам дает ее закон священный,
Дает он право нам самых себя судить;
Божествен суд ее, но где судей найтить?
Она старается вселить в нас души новы,
Навычки умягчить развратные, суровы,
Любовь к честным делам и к истинне вперять
И с совестью судей сколь можно примирять,
От грехопадства их крестами ограждать,
Но против ябеды и крест не помогает.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдет, побьет глаза;
И если без поста охоты нет поститься,
То должно с ябедой вам как ни есть сойтиться.

Прямиков

Все так, мой друг, однак из правил я моих
Ни для каких причин не выйду ни на миг.
Я уж решился раз; что скажешь, все пустое.

Протоколист

Но...

Прямиков

Перестань, мой друг. Да это что такое?
Зерцало вижу я присутственное здесь!

Протоколист

Не знаю, как сказать: иль ангел, или бес,
Вняв тяжущихся всех умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженью;
А как здесь в городе домов нельзя найтить,
Где б можно выгодно приказы поместить,
То председатель наш принял в свой дом Палату,
С казны за то себе приобретая плату.

Прямиков

Так мы нечаянно в святыню забрели?

Протоколист

Но святость, знать, в ней спит; а день уж на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйска именинна
И для сговора...

Прямиков

Чей сговор?

Протоколист

У них едина
Лишь дочь. Я слышал вскользь, — таят.

Прямиков

Да за кого?

Протоколист

Не знаю истинно. Да вам что до того?

Прямиков

Как что? Но на тебя могу ль я положиться?

Протоколист

Я предан вам, сударь! Нет нужды и божиться,
Уж после всех тех тайн, что я вам...

Прямиков

Знай, мой друг,
Что страстью нежною пылает к ней мой дух.
Еще в монастыре, в котором воспиталась,
Прекрасною она глазам моим казалась,
Влюбился страстно я в нее там, а потом,
Как вышла уж она оттоле к тетке в дом,
То я, узнав ее, и пуще заразился.
Признаться, счастлив был, и я ей полюбился.
Однак, как ни любил, как страстно ни влюблен,
Но на войну спешить был честью принужден.
Простились горестно; она мне поклялася
Любить меня по смерть. Потом война зажглася.
Я дрался, отличен; и сведал наконец,
Что в город сей ее велел привезть отец.
Спешил сюда; в дому процессом задержался;
Приехал, к ней иду, с тобою повстречался,
И слышу, — боже мой! но может ли то быть?
Возможно ль клятву ей так скоро позабыть?
Да за кого?

Протоколист

Я вам сказал, что тайна тута.
Да вот ее идет служанка к нам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те ж и служанка

Прямиков

Анюта!
Ах! как я рад тебе!..

Анна

И я вам. Да отколь
Принес вас бог?

Прямиков

Постой, и прежде мне позволь
Спросить, правдив ли слух по городу несется,
Что барышня твоя уж замуж отдается?

Анна

Что отдается, в том, наверное, вам лгут;
Но то не солгано, сударь, что отдают.

Прямиков

Скажи нескрытно мне, скажи все, что ты знаешь:
Или и ты меня, Анюта, оставляешь?

Анна

Нет; я всегда равно желаю вам добра,
Но вспомнить вам о нас давно бы уж пора.
Как в воду впали вы. Куда себя девали?
До сей поры, сударь, мы вовсе вить не знали.

Прямиков

Так знай, Анютушка, что был я на войне.
Но средь опасностей, промежду пуль, в огне,
Прекрасный образ той, котору обожаю,
Преследовал меня; я к ней писал, и чаю,
Сто писем; но представь, от ней ни на одно
Мне ни полстрочкою ответа не дано.
Я был в отчаяньи, в отчаяньи и ныне.
Смягчися, пожалей ты о моей судьбе;
Хоть словом услади жестокости ея.

Анна

Да что мне вам сказать?

Прямиков

Скажи, любим ли я?

Анна

Хотя вас не совсем, сударь, я извиняю,
Но правды укрывать пред вами не желаю.
Вас любят; но беда, что принуждают нас
Того женою быть, кто не похож на вас...
Вот это плод, сударь, походов и сражений,
А больше не могу я дать вам изъяснений.

Прямиков

За эту весть тебя я рад расцеловать,
И сердце несколько уж стало отдыхать.
Пожалуй же поди, скажи ты ей, Анюта.

Анна

Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ 3

Софья, Прямиков, Анна и Добров

Прямиков

О счастлива минута!
Я вижу вас опять, с восторгом вижу вас.

Софья

Ай, да откуда вы?

Прямиков

Я в город лишь сейчас
Приехал и мое желание сердечно...

Софья

Вы позабыли нас.

Прямиков

Ах, нет, я помнил вечно
И вечно и в душе и в сердце вас носил.
Но вам я?...

Софья

Признаюсь, ты все равно мне мил.
Ай! что сказала я?

Прямиков

Что вдруг все те печали,
Которые мой дух доселе угнетали,

Разбило и меня в миг драгоценный сей
Счастливейшим из всех соделало людей.

(*Целует ей руки*)

Софья

Где был ты долго так? Ах! сколько тем теряешь!
И всех твоих еще несчастий ты не знаешь.

Прямиков

Никак уж я узнал, что нежну нашу страсть
Стремится разорвать родительская власть;
Но льщусь надеждою, когда они узнают,
Что тем прискорбие лишь вам приготовляют,
То переменят мысль и предпочтут того,
Кого избрали вы для сердца своего.

Софья

Желаю, чтобы ты не тщетно этим льстился.

Прямиков

Открыться в этом им теперь же я решился.
О деле разговор подаст к тому мне след.
Но кто тот счастливой?

Софья

Молчите! Батюшка вот это к нам идет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и Судейкин

Прямиков

Я — Прямиков. С моим к вам поспешил почтеньем.
В Палате мой процесс под вашим рассмотреньем.
Я в правости моей на ваш надеюсь суд.

Судейкин

А, знаю... (*к дочери*)
А ты что, чего зеваешь тут!
Поди в уборную: ты видишь, челобитчик.

Они уходят

ЯВЛЕНИЕ 5

Прямиков

Я нужным нахожу...

Судейкин

А, господин повытчик!

Протоколист

С днем ангела, сударь, я поздравляю вас,
Желаю новых благ на всякий день и час.

Судейкин

Благодарю, дружок!

Прямиков

Я нужным почитаю
О деле вам моем...

Судейкин

Да я сказал, что знаю.
Надолго ль в город к нам?

Прямиков

От вас завишу я.

Судейкин

Мы рады гостю.

Прямиков

И без тяжбы моея
Я здесь хотел прожить. Позвольте мне о деле...

Судейкин

Рассмотрим мы его на этой же неделе.

Прямиков

Но я хотел, сударь, вам прежде изъяснить...

Судейкин

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дело на письме увидеть можем ясно;
И предуведомлять хотите вы напрасно.

Прямиков

Однако я прошу...

Судейкин

Вам не о чем просить:
Мы по законам лишь должны дела вершить.

Без просьбы оправдим, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дело плоховато...

Прямиков

Не о потачке я упрашивать хотел;
Бесчестьем вам и мне такую б просьбу счел.
Но дело в сторону; я к вам имею нужду,
Процесса каждого и каждой тяжбы чужду,
Важнейшую всего на свете для меня.
Простите мне, что вам откроюсь прямо я.
Вам дом известен мой, порода и поместья.
Я льщусь, сударь, что вам не сделаю бесчестья
И искренность моих поступков докажу,
Когда вам, как отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою
Пленен смертельно я; что счастливой судьбою
Почту вам сыном, ей супругом страстным быть.

Судейкин

Дочь! Как? — Где вы ее успели полюбить?

Прямиков

В столице, как она у тетки проживала,
Имел я счастие...

Судейкин

И тетка это знала?

Прямиков

Я страсти перед ней за долг счел не скрывать.

Судейкин

Она с ума сошла! Да как же так спущать?

Прямиков

Мне странно: неужель я этим вас обидел?

Судейкин

Никак, но впервой я сегодни вас увидел.
Она же молода: у ней же матерь есть...
Я вам благодарю за сделанную честь...
Однак еще нельзя так скоро нам решиться.

Прямиков

Я только лишь хотел об этом изъясниться;
Узнать, могу ль себя хотя надеждой льстить?...

Судейкин

На сей седмице вас потщимся мы решить.

Прямиков

Так вы даете мне надежду, что я буду?...

Судейкин

Надейтесь, вашего я дела не забуду.

Прямиков

Я с восхищеньем вас, сударь, благодарю.

Судейкин

Добро; явитеся лишь вы к секретарю.

Прямиков

Зачем к секретарю?

Судейкин

Он дело все сладнает.
Да, ба! Повытчик тут с делами ожидает.
Подай-ка, нужные тут приговоры есть.

Прямиков

К вам когда бывать позволите ль мне честь?

Судейкин

Добро пожаловать. Слуга я ваш покорной.
(*Прямиков уходит*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Судейкин и протоколист

Судейкин (*в шлафроке, а за ним слуга с платьем*)

Вот на! Какой востряк! Какой же малой вздорной!
Лишь в комнату, уже и к дочке на кровать.
Да как сестра моя могла так сплоховать?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

Протоколист

Да может быть, сударь, что женишка такова
Хотела приласкать. Ведь с тысячью-то душ
Красавец эдакой хоть бы кому так муж.
Чин подполковничий; через четыре года
Полк тысячный; а бог коли не даст похода,
То с сих двух тысяч душ!... Позвольте мне сказать
С одной преданности, чем он и вам не зять!

Судейкин

Вот эти молодцы все ветер лишь гоняют;
Наследных доброт они удержать не знают,
А что и говорить о благоприжитых!
Кто первой захотел, тот и ощиплет их.
Не знают, что за зверь экстракт и протоколы;
А токмо разными языки и глаголы
С своими ж русскими на площади, везде,
Как немцы, бормочат, а немы на суде.
Ты знаешь, я нажил вить лишь трудом и потом,
Так жаль, как будет то растрясено все мотом.
Я зятя такого хочу себе найтить,
Который бы умел к нажитому нажить.
И есть уж у меня молодчик на примете.
(*Кладет бумаги на стол*)

Протоколист (*их подает*)

Тут трое дел, сударь, которые в повете
Уж более трех лет не решены лежат:
Пора бы кончить их...

Судейкин

Да кто им виноват?
Лежат! — вот на! затем, что николи не ходят
Просители ко мне.

Протоколист

Да чай они и бродят
Под окошками, но чтоб сюда прийтить,
Так не с чем им.

Судейкин

За ними мне ходить
Прикажешь?

Протоколист

Нет, сударь! но я за них таскаюсь,
Их прав иск: я нашел...

Судейкин

Ну, я же не мешаюсь,
Когда ты что нашел: находка пред тобой.

Протоколист

Да вот у этого последнею землей
Грабительски его соседы завладели
И дом его сожгли.

Судейкин

Хозяина, знать, грели.

Протоколист

А бедных сих дворян в подушный всех оклад
Помещик записал.

Судейкин

Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа не взносили,
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

Протоколист

А этот, наконец, за поземельный спор
Зазван помещиком обманами на двор
И беспощадно обруган, окалечен;
<И> в три дни отдал дух.

Судейкин

Знать дурно был он лечен.

Протоколист (*в сторону*)

Вот те и приговор!
Но что ж хоть первым двум?

Судейкин

Да дела не могу решить я наобум:
Кто прав, кто виноват, мне вить увидеть должно.

Протоколист

Из дела...

Судейкин

Но внятно ничего увидеть невозможно.

Протоколист

Письменный. Довод.

Судейкин

Потребен — слышишь ли? — изустный перевод.

Протоколист

Но дело на письме гласит довольно ясно.

Судейкин

Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.
Да полно пустошью мне голову ломать;
Поди: к обедне мне пора уж поспешать.

Протоколист (*поднявши бумаги*)

Хоть взгляньте...

Судейкин

Ох! поди, не говори мне боле.

Протоколист

При белом их, сударь, принес я протоколе;
Лишь подписав.

Судейкин

Поди.

Протоколист

Для ангела!

Судейкин

Поди.

Протоколист

Для праздника!

Судейкин

Поди, поди и пропади!
(*Выталкивает*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Судейкин (*один*)

Тьфу! Бешеный какой! чуть к горлу не придрался,
И с челобитчиком скорея б развязался!
Лишь только подписать, готов и протокол.
Нет, друг мой! да и я ведь также не осел.
Когда все наголо подписывать я буду,
То скоро работать и челюстьми забуду.
Перо и то в себя чернилы ведь берет:
Так мне ли одному сидеть разиня рот
И, видя жареных летящих куропаток,
У носа не схватить из сотни хоть десяток!
Прост был бы я и впрямь!

(*Одевается*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Судейкин, жена и поверенный с подарками

Жена

Вот, милой муженек!
К нам Ябедин прислал Евстафьича.

Судейкин

Дружок!
Здорова. Господин каков твой?

Поверенный

Вас проздравить
Велел днем ангела, и сим
(*показывает на подарки*)

Жена (*слуге*)

Изволь поставить.

Поверенный

Поклон вам отдает.

Судейкин

Благодари его;
Но много так на что?

Поверенный

И, сударь, ничего!

Судейкин

Однак, мне совестно.

Поверенный

Домашне все вить это.

Жена

А нам бы все платить наличною монетой.

Поверенный

Неуж, сударыня?

Судейкин

Но будет ли он к нам
На дружеский обед?

Поверенный

Когда угодно вам.

Судейкин

Пожалуй, попроси.

Жена

Мы будем дорогова
Ждать гостя.

Поверенный

Я скажу.
(*к Судейкину*)
О деле я два слова
Хотел, сударь, сказать. Соперник прибыл наш.

Судейкин

Он был уж у меня.

Поверенный (*жене, которая рассматривает подарки*)

В бутылках эрмитаж.

Судейкин

Но я его оттер. О деле забобоны
Завел было; но я замял речь...

Поверенный

Тут лимоны.

Судейкин

И с рук сжил.

Поверенный

Сколько ж вам мой господин, сударь,
Обязан! На роброн атлас.

Жена

Какой хабар!

Судейкин

Но как он намекнул, то дело плоховато!

Поверенный

Все ложно. На кафтан там бархатец косматой.
И вы словам, сударь, не верьте.

Судейкин

Ну, добро;
Посмотрим.

Поверенный

Флер цветной невесте на фуро.
На деле мы, сударь, доказываем ясно.

Судейкин

Добро, добро.

Поверенный

За нас словцо. — Шампанско красно.

Судейкин

Ужо посмотрим.

Жена

Да, мой милой, посмотри;
Провизии одной недель почти на три.

Судейкин (*смотря на подарки*)

Ба, ба! что вижу впрямь! да это двор гостиной!

Поверенный

Изволите шутить.

Жена

Обернуто холстиной?

Поверенный

Швейцарский сир. Так мы надеемся на вас.

Судейкин

Ну, кланяйся; добро.

Жена

Мы ждем в обедней час.

Поверенный

Наверно будет.

Жена

Ну, спасиба.

Судейкин

Ну, спасиба.

Жена (*провожая*)

Спасиба!

Поверенный (*заворачивается к жене*)

Там, в сенях, в кульке провесна рыба.

Жена дает штуки материй слуге и велит унесть и прочее

ЯВЛЕНИЕ 9

Жена и Судейкин

Жена

Какой же умница Евстафьич!

Судейкин

Не дурак!

Жена

И Ябедин какой разумник.

Судейкин

Не простяк!

Жена

Как любит он наш дом и как не оставляет.

Судейкин

Зато и делать уж чего не заставляет.

Жена

Вот друг, каких теперь в диковину сыскать.
Все знает наперед, что лишь хотят сказать;
Все памятует дни: крестины, именины,
Родины...

Судейкин

Плохо он лишь помнит день кончины!

Жена

Им живы, кормит нас, и дом наш, и весь скот;
И словом: им живем без нужды, без хлопот.

Судейкин

Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не дожиться.
Уж несколько тяжел он становится.
Я слышу, на него отвсюду вопиют.
Утушим это лишь, другое дело в суд,
И сделал для него я уж таких премного,
С которых и одно б могло, судить коль строго,
Во уголовную меня переместить.
За лакомство его чтоб нам не попостить.

Жена

Пустое: ты дела ведь все вершил гладенько.

Судейкин

Что черно, как ни гладь, а будет все черненько.

Жена

Пустое! Мы ль одни? Всех не переведут.

Судейкин

Жена! по жеребью ино дают вить кнут.

Жена

Пустое. Знать с утра ты левой встал ногою,
Что голову набил такою чепухою.
Ты только посмотри, как оборотлив он:
В Сенате у него, ты знаешь, есть патрон;
И у наместника приятелей имеет.
Куда ни кинется, везде уж он поспеет.
Так ты пустяков напрасно не страшись
И на него в его делах ты положись.

Судейкин

Что делать!

Жена

Ах, на ум теперь пришло мне кстате,
На Прямикова иск его в твоей Палате.

Судейкин

Так точно.

Жена

Он о нем давно мне говорил.

Судейкин

А мне не так давно.

Жена

Как он со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.

Судейкин

А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.

Жена

Однако ж, милый мой, ты должен пособить,
Вить вспомни, как он нам...

Судейкин

Да помню так, как должно;
Но памятью одной тут пособить не можно.
Тут надобен указ, иль право, иль закон.

Жена

Законов столько!

Судейкин

Так.

Жена

Указов миллион!

Судейкин

И это истинно.

Жена

Прав целая громада!

Судейкин

Все неоспоримо.

Жена

Ну, так чего же надо?

Судейкин

Безумна! надобно такой закон прибрать,
Которым винного могли бы оправдать.

Жена

Да вить прибрать закон — секретарево дело,
А ваше лишь решить; и я ручаюсь смело,
Что секретарь прибрал закон уж для него:
Из экой пропасти не выбрать одного!

Судейкин

Ну, я же не один: ведь у меня есть члены.

Жена

Вот на еще! да им и море по колены.
Так много ль надобно их уломать труда?

Судейкин

Ин быть так; если он спроворит до суда,
Что в сторону его потянут всей Палатой,
То уж и я пущусь... хоть дело плоховато!

Жена

Притом для дочери он не жених, а клад:
А свой вить своему и поневоле брат.

Судейкин

Ба! я и позабыл сказать тебе зансва.
Что бог нам женишка дарует и другова.
Сегодни как с луны сорвался.

Жена

Кто таков?

Судейкин

Он подполковник; дай бог память... Прямиков.

Жена

Что с Ябединым?

Судейкин

Да, тот самый.

Жена

И на эту
Весть не дал ты ему ответа прямо?

Судейкин

Нету.

Жена (*с жаром*)

Как! хочешь нам его на шею навязать?

Судейкин

Никак; я лишь хотел сперва сказать.

Жена

Я слышать не хочу; чтоб не было и духу
Его у нас в дому.

Судейкин

Он нашу дочь-воструху
Знал в Питери.

Жена

Как знал?

Судейкин

Знал у сестры в дому.

Жена

Возможно ль это быть?.. Да я ей!.. я ему!..

Судейкин

Спокойся же, мой друг! ведь отказать нам можно.

Жена

Не только отказать, но заказать тут должно,
Чтоб к нам он ни ногой. — Он хочет забежать
И сватаньем тебя к себе лишь привязать,
Чтоб в деле ты ему охотнее попрочил.
Но не на олухов молодчик-та наскочил.
Нам Ябедин давно знаком; а старой друг,
И по пословице, вить лучше новых двух.
Не правда ль, миленькой? Ась?

Судейкин

Правда присносущна.
Да монастырка-та все что-то наша скучна.
Ей верно Ябедин не по душе.

Жена

Так что ж?
Так на нее смотреть? что стар он, не пригож,
Не финтифант, не враль, так дуре и не нравен;
Но ум его уж зрел и кошелек исправен,
Полюбится он ей, как лет пять проживут.
Не так ли?

Судейкин

Точно так. Что за сумненье тут.

Жена

Ну, так оставивши пустые эти бредни,
Пойдем; чтоб эдак нам не проболтать обедни.
Давно молебен я уж приказала петь.

Судейкин

У чудотворной, что ль?

Жена

Туда нельзя поспеть.
Тьма барынь там старух и дорого платящих;
Велела Фильке я отпеть у всескорбящих.

Судейкин

Однак, не знаю, как успеть и там ему;
Я челобитчиков всегда видал там тьму.

Действие II

ЯВЛЕНИЕ 1

Ябедин и поверенный

Ябедин

Ну! все ль исправно ты спроворил по наказу?

Поверенный

Исполнил все, сударь, по вашему приказу.

Ябедин

Подарки судьям всем из глаза ты на глаз
С поклоном от меня препоручил?

Поверенный

Как раз.

Ябедин

И что они тебе на это отвечали?

Поверенный

Что обычайно, иль уж по-судейски: взяли.

Ябедин

Наведался ли, где пристал наш Прямиков?

Поверенный

В трактире.

Ябедин

Хорошо; подьячим там пиров
Приятельских давать нельзя ему: народа
И день и целу ночь там тьма без перевода.
Но для запаса ты приставил ли дозор?

Поверенный

За грывню и алтын за ним следит весь двор

Ябедин

Добро. К секретарю отнес ли ты бумагу?

Поверенный

Отнес; и вейновых чернил большую флягу.

Ябедин

Так ладно все. Теперь и я тебе скажу,
Что около судей удачно ворожу:
Настроил всех под мой гудок; и труд великий
Лишь был мне около проклятого заики:
Все душу перегнуть боится сей провал;
Но, с божьей помощью, я чорта уломал.
Другим, как насказал указов, регламентов,
Да сунул в Банковой тисненных (*печатных*) документов,
Так и явился чист; а с ним весь бился день:
Как заикнется, ну тут уж станет в пень;
И столбняка сего купить мне асессора

Дороже стало, чем иного сенатора.
Почти что вчетверо, вот сей один пострел
Противу всех других мой кошелек заел.
Теперь остался мне один лишь наш хозяин;
Ну, как да не возьмет он?

Поверенный

Кто? кто? этот каин?
Лишь полновеснее.

Ябедин

И так уж солон вить...
Да правда, ежели похлебки не солить...
Однако между тем не позабыть искусно
Промеж листов вклеить то показанье устно,
Что мы с покойника?..

Поверенный

И те свидетели, которых налицо
Нет, уж подставлены ль?

Поверенный

Уж все, сударь, готовы.

Ябедин

Да твердо ль внушены? и все ли однословы?

Поверенный

Не разобьются уж они в словах, сударь!

Ябедин

А те указики, что дал я, секретарь?..

Поверенный

Все к делу поместил.

Ябедин

Итак, уж ладно дело?

Поверенный

Извольте приступать, сударь, к суду вы смело.

Ябедин

Благодаря творца, удачно здесь клеим.
Но чтоб в Саратове по стареньким моим
Делам не вышло мне...

Поверенный

А что же вам опасно?

Ябедин

Я письма получил: еще не видно ясно...

Поверенный

С которой стороны?

Ябедин

Ты помнишь спор за лес?

Поверенный

Ну!

Ябедин

И убитой?

Поверенный

Что ж? Неужли-то воскрес?

Ябедин

Никак: но дело-то умерше воскресает.

Поверенный

Вздор: кто войдет?

Ябедин

Да чорт горами вить качает.

Поверенный

Нет ни наследничка...

Ябедин

Отколь, не знаю, зло;
Но до наместника уж дело-то дошло.

Поверенный

Да у наместника...

Ябедин

Приятелей имею:
Однак на них весьма надеяться не смею.
Но что о будущем, о настоящем мне
Здесь нужно хлопотать: с отцом наедине

Я постараюся условиться о деле,
Чтоб скомкать нам его на этой же неделе.
Он тем охотнее решится мне помочь,
Что выдать за меня свою желает дочь.

Поверенный

Но неужель и впрямь, сударь, на ней жениться?..

Ябедин

Я б должен наперед с ума сойтить, взбеситься.
Возможно ль дурочку, в монастыре с шести
Годов воспитанну почти до двадцати,
Которая отнюдь в хозяйстве зги не знает,
Шьет, на Давидовых лишь гуслях повирает,
Да по-французски врет, как сущий попугай,
А по природному лишь только ай, да ай,
Возможно ли в жену такую взять мне дуру?
С ней разве запереть себя навек в конуру?
Нет, тешатся пускай мать ею да отец;
А я слуга ее, лишь делу бы конец.
Но до того мне их манить женитьбой нада.
Вот на! забыл: сюда, чай, членов всех громада
На именинный пир изволит навалить,
Я всех их наповал хочу перепоить.
А чтобы не довесть хозяев до убытка,
Ступай и разного запаса и напитка,
Как пойдем за обед, сюда ты принеси;
И сам секретаря усильно попроси,
Чтоб был он за меня с хозяином картежить;
А проигрыш его не должен уж тревожить;
Поди, да вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Ябедин, поверенный, секретарь

Ябедин

Сердечной здравствуй друг!

Секретарь

Я вас ища, сударь, обегал город вкруг:
И в Уголовной был; там в Нижнюю расправу:
На миг к колодничью я забежал приставу;
Там в городничество, оттуда в магистрат,
Оттоль в Смирительный, оттоль сюда; и рад,
Что вас хоть здесь застал. Я радостну новинку...

Ябедин

Какую?

Секретарь

Тьфу, забыл...

Ябедин (*дает денег*)

Вот, друг мой, для вспоминку.

Секретарь

Да, да; поймал: она. —Да сколько же трудов,
Пока дорылся! Дни...

Ябедин

Ну! без обиняков.
Скажи ее.

Секретарь

Дни три, поверьте, без засыпу...
Вить надобно было бумаг огромну кипу...

Ябедин

Я верю; но скажи...

Секретарь

Но прежде чем сказать,
Я должен вам...

Ябедин (*дает деньги*)

Тебе я должен, можешь взять.
Да только лишь скажи.

Секретарь

Как вы нетерпеливы!
Так я скажу, сударь, что вы весьма счастливы;
И что моим трудом, вдруг после тьмы забот,
Ваш иск возьмет, сударь, хороший оборот.
Не рады ль вы?...

(*К поверенному*)

А ты что не хохочешь?

Ябедин (*дает ему*)

Скажи лишь прямо все; я рад дать, что ты хочешь.

Секретарь

Я прямо с радости не попаду в карман.
Как имя стороне?

Ябедин

На что?

Секретарь

Да как?

Ябедин

Богдан.

Секретарь

А я, сударь, хочу остаться вечно скотом.
Когда он искони не окрещен Федотом.

Ябедин

Какой вздор!

Секретарь

Нет, не вздор; духовной доведу.

Ябедин

Да если б он был так и назван на роду,
То много ль из того б корысти мне прибыло!
То много ли б сие мне в деле пособило?

Секретарь

Что вдруг ваш ум, сударь, так тупо притупило!
Кто именем себя сам назвал бы чужим,
Как мыслить о таком? Как поступают с ним? *

Ябедин (*обнимает*)

Ах, друг ты мой! дружок! Ах, друг ты мой сердечной!
Благодарить тебя я буду должен вечно,
И вот тебе, мой друг, за доиск чужбины.

Поверенный (*в сторону*)

Тьфу, экого я ввек не видел сатаны.

Секретарь

Я вам сказал, что вы обрадуетесь сильно.

Ябедин

Да как в делах твое доумье изобильно!
В духовной?

* Против этих стихов сделано на поле рукописи примечание: «Тут растолкует он». — *Ред.*

Секретарь

В ней, сударь!

Ябедин

Его отца?

Секретарь

Отца.

Ябедин

Доеду ж этого теперь я молодца!

Секретарь

Но если и еще чего недостанет,
Так этот все, сударь, указец уж натянет.

Ябедин

Подай, мой друг! Ну так одно к другому льнет...
Теперь он от меня уже не ускользнет!
Ах, как же я, мой друг, тобой теперь обязан.

Секретарь

Готов служить вперед: я вам душой привязан.*

Ябедин

Спасибо; верю я; однак на этот раз
Прийми, мой друг, еще, пожалуй, за указ.

(*Тут выходит девка*)

ЯВЛЕНИЕ 3

Ябедин, секретарь, поверенный и девка

Девка

Казалось, господа приехали.

Ябедин

Анюта!
Здорово! Не дичись; сторонних нету тута.
Как барышня спала ночью сей?

Девка

С бессонницей.

* К этому стиху сделано на поле рукописи примечание: «что он апелляцию уже перечернил и прочее». — *Ред.*

Ябедин

А что?

Девка

Все чудились вы ей.

Ябедин

Мне лестно, что меня она и сонна видит;
Знак, что и наяву меня не ненавидит,
За эту весть хочу тебе нынь в первый раз
Я подарить.

Девка

Да вить весть эта не указ;
И я не знаю их.

Секретарь

Да ты по крайности так знаешь Уложенье?
Пожалуй же прийми за доброе хотенье.

Девка

Из доброй воли вам хочу желать добра.

Секретарь

Вы видите, она не падка до сребра;
Пожалуйте лишь мне, я золотцем подброшу.

Девка

Ах, как тебе, срамец, я лавержет взъерошу!
Да вот каретной стук. Их надо встретить мне.

Ябедин (*секретарю*)

Оставь с хозяином меня наедине.

ЯВЛЕНИЕ 4

Судейкин, жена, дочь, девка и Ябедин

Ябедин

Усердно праздником, сударь, вас поздравляю.

Судейкин

Благодарю весьма; здоровья вам желаю.

Ябедин

И вас, сударыня!

Жена

Мы вдвое должны вас
Благодарить: с утра вы не забыли нас.

Судейкин

Мне, право, совестно, что вы...

Ябедин

Как вам не стыдно?

Жена

Так много уж для нас...

Ябедин

Вот это мне обидно.

Судейкин

Нет, это лишне уж...

Ябедин

Нельзя ль не вспоминать?

Жена

Вы разоряетесь...

Ябедин

Прошу же перестать.

Судейкин

Однак, прошу вперед...

Ябедин

Хоть мало пощадите.

Жена

Так много...

Ябедин

Иль меня вы выжить вон хотите?

Жена

Никак: вы дорогой и милой гость у нас;
И сердцем ради мы вас видеть каждый час.
Но на один лишь миг... чтобы разоблачиться.
(*Уходит и дочь и девку уводит*)

Ябедин

Прошу, сударыня, со мною не чиниться.

ЯВЛЕНИЕ 5

Судейкин и Ябедин

Судейкин

Прошу ж, друг милой, сесть.

Ябедин

Мне совестно в такой,
Как ныне, день скучать...

Судейкин

Приятель мой!
Оставь околицы и говори открыто.

Ябедин

О деле я моем, чтоб большей волокитой
Не изнурять себя, хотел я говорить.
Соперник мой уж здесь; он станет яму рыть.

Судейкин

Ну, да коли не прав, так сам падет он в ону.

Ябедин

Но может вить иной поверить ветрогону
И иначе уже о деле посудить.
Потребно мнениям не дать, сударь, простыть,
Тем паче, что мое так право в деле свято...

Судейкин

Нет, меж собой сказать, так дело плоховато!

Ябедин

Вы шутите, сударь, извольте лишь войтить,
Вы ясно в деле тут изволите найтить,
И не наследник он наследному именью;
Что несомненному подвержено сомненью
Свидетельство, что дал ему с архивы суд,
Что хоть соседы все и присягнули тут,
Но документы где и гласные бумаги,
Там не должно отнюдь вить уж давать присяги;
И вы б увидели, что с стороны его

Он правится ничем; а напротив того
Нашли бы, что мой иск, по купчей, мною взятой...

Судейкин

Ну, что ни говори, а дело плоховато!
А как ваш иск велик?

Ябедин

Да только лишь село,
От коего земли уж много отошло.
Да маленькие три при оном деревеньки;
Угодья хороши, но мужички бедненьки.
С осьмью поставами плотина на реке;
Притом и сенокос и лес в особняке.

Судейкин

Я слышал, конский есть заводец там богатой?

Ябедин

Я мог бы услужить...

Судейкин

Да, дело плоховато!
Притом?

Ябедин

Три пустоши, немалы хоть собой,
Да только кряж земли уж тут прошел другой.
Еще два озерка да пруд.

Судейкин

А скот рогатой?

Ябедин

Имеется; я б мог...

Судейкин

Да! дело плоховато!

Ябедин

А! кстате, слышал я, назад тому дней пять.
Что вздумали и вы деревню покупать?
И с выгодами?

Судейкин

Да, так; была затея;
Отстал.

Ябедин

Что ж?

Судейкин

В долг купить, так заболит и шея;
Наличных же даст бог.

Ябедин

Когда сия одна
Причина, то... а как последняя цена?

Судейкин

Три тысячи.

Ябедин

Всего? Да это даровое.
Я почитал, сударь, по крайней мере вдвое.
Поверьте мне: я вам советую купить.

Судейкин

Я б рад; да ежели мне нечем заплатить?

Ябедин

Уж это не должно тревожить вашу думу.
Я вам могу служить: я точно эту сумму
Имею, и ее мне некуда девать.

Судейкин

Нет, я вас не хочу отнюдь обременять.

Ябедин

Напротив, вы меня чрез это облегчите,
И неужли меня обидеть захотите?
Вы знаете, я вам друг не с вчерашня дня.
Притом же я почти уже вам и родня:
Вы за меня отдать согласны дочерь вашу?

Судейкин

Но, милой! не вошли еще в семью вы нашу:
А деньги любят счет; и брать на срок взаймы.

Ябедин

Да в этом дружески сойдемся с вами мы:
Вы отдадите мне, как лишние случатся.

Судейкин

Нет, нет.

Ябедин

Да у меня они вить залежатся.
Позвольте ими мне вам дружбы услужить,
Вот все тут.

Судейкин

О нет, нет.

Ябедин

Итак, вы раздружить
Намерены со мной? когда, сударь, от друга
Вам не угодна уж и малая услуга.

Судейкин

Да как?

Ябедин

Не тратьте слов.

Судейкин

Нельзя вам отказать;
Однак, мне совестно...

(*Берет пакет*)

Ябедин

Опять-таки, опять!

Судейкин

Я вам расписочку...

Ябедин

Мы с вами так уж близки;
И меж друзей, сударь, какие тут расписки?

Судейкин

Вы вяжете меня доверенностью сей,
Мой милой друг, сильней, чем строгость векселей.

Ябедин

Ни в малой для сего не будьте вы тревоге.
Но, чаю, мне эта деревня по дороге;
Я б завернул в нее, чтоб распорядок дать
И обстоятельно вам отрепортовать,
Когда б скорей меня отправили отселе.

Судейкин

Да быть так, уж добро: на этой же неделе.

Ябедин

Мне дела на словах нельзя так изъяснить,
Но на бумаге все изволите найтить.

Судейкин

Ин на бумаге мы увидим все, как должно.

Ябедин

Итак, надеяться уже, сударь, мне можно? . . .

Судейкин

Извольте на меня, но прочих членов вить. . .

Ябедин

Они наклонны все мне право присудить;
Лишь вы б, судар! . . .

Судейкин

Когда уж все они согласны,
Ин уж добро; по мне вы будьте безопасны.
Да слышу, вот валят все к нам гуртом они.

Во время сего явления жена из дверей выглядывает и, быв усмотрена Ябединым, дает ему знак, что не мешает ему говорить наедине с мужем; а как слышит, что гости идут, то выходит тогда же вместе с дочерью

ЯВЛЕНИЕ 6

Судейкин, Ябедин и все члены, секретарь, и жена, дочь

1-й

Хозяину поклон; счастливы, долги дни.

2-й

Желаю здравствовать; усердно поздравляю.

Прокурор

Здоровы, с праздником.

3-й

Я счастья вам желаю.

4-й

И-и я по-по-здра-здра-здравляю вас.

Секретарь

Да ниспошлет господь тьму благ вам на всяк час.

Судейкин

Благодарю, друзья! Жена, проси садиться.

Жена

Покорнейше прошу.
(*Дочери*)
А ты и поклониться
Не смыслишь: все-таки вприсядку.

1-й

А, и друг
Наш, Ябедин, здесь!

2-й

Что, здорово ль?

Ябедин

Для услуг.

3-й

Да что-то не весел?

Прокурор

Вить ваш он челомбитчик.

1-й

Ну! пропеведь! — Прямой поп этот всех обидчик:

2-й

Не жди конца, когда о взятках он начнет.

Жена

А сам вить и с живых и с мертвых он дерет.

Судейкин

Родись, крестись, женись, умри, греши иль кайся,
А кошельком за все с ним начисто квитайся.

3-й

Да вить питает он себя от олтаря.

Прокурор

А мы с насущного лишь служим у царя.

4-й

Но пра-пра-право он не без при-при-чи-чины. . .

1-й

Другая проповедь!

2-й

А тут не жди кончины.

4-й

До-до-до-води-дит и-и-ино-ногда
Нас пра-пра-правдою до-до-до сты-ты-да.
(*Между тем как он говорит, Ябедин подходит к членам*)

Ябедин

Венгерский антал как?

1-й

Зелен и хлебом пахнет.

Ябедин (*к 2*)

Те своры крымских?

2-й

Ну уж, брат! хоть кто, так ахнет!

Ябедин

Карета какова, любезный прокурор?

Прокурор

Прекрасна, лишь боюсь, чтоб не сломать рессор.

Ябедин (*к 3*)

Те, с жемчугом, часы? . .

3-й

Прекрасно репетуют.*

Судейкин

Проси ж.

Жена

Покорнейше...

1-й (*второму*)

Ведите.

2-й

Должно вам.

Судейкин

Прошу же, милые друзья, не по чинам.

Первой и второй советники берут под руки жену, прокурор и асессор судью, секретарь заику, а Ябедин дочь. И уходят

Действие III

ЯВЛЕНИЕ 1

Поверенный и слуга вносят корзину

Слуга

Тьфу, пропасть! мочи нет, я думал, надорвуся,
Покуда с ношей сей на лестницу вздеруся.
В высоких так домах, на пагубу людей,
Сам чорт, знать, научил проклятых жить судей
И выдумал для них таки торчаты крыльца.
Схватясь, чтоб не упасть, я вырвал два перильца.
Покуда барина они пооберут,
Проклятые, меня невинна надорвут.
Сим пьявкам в яме жить уж лучше бы годилось:
Что б с улицы пустил, само бы к ним катилось.

Поверенный

Ну, что ты вопиешь? Большая твоя беда?
О если б стряпчим мог ты быть хоть полгода,
То б, верно, перестал клясти свою судьбину.
Когда б был принужден нагнуть сто раз в день спину;

* После этого стиха на поле рукописи сделано примечание: «Тут могут говорить о новостях, об палатах, отданных к суду, и о прижимке наместников во исполнении — и о делах». — *Ред.*

Верст тридцать оббежать по городу пешком,
В дождь, слякоть, и мороз, и зной бумаг с мешком;
Пред солнцем на поклон не опоздать до члена;
Ждать часик у ворот, хоть грязь и по колена;
И как ни гнали б прочь, а доступ получить.
Указов наизусть сто сотен затвердить,
Иль просидеть тут ночи без засыпу,
А до удушья там в архивну врыться кипу,
Того ласкать, кого душой нельзя терпеть;
От всякого сносить, ко всякому поспеть;
А что несноснее: так целы дни поститься
И всех перепоить, самому не напиться!
Со всем тем, после всех докук, трудов, хлопот,
Как дело иногда случится в черной год,
В непользу барина схибнется сатаною,
То прийдет тут еще отдуться и спиною.
Вот жизнь! так ты, мой друг, Архипушка, молчи;
Поди и около теляток хлопочи.

ЯВЛЕНИЕ 2

Дочь, девка и поверенный

Девка

Что так, сударыня, бежите торопливо?

Дочь

Ай, что мне делать там?

Девка

Да гости, неучтиво.

Дочь

Ай, да учтивы ли они ко мне?

Девка

Как быть?
Вы полхозяйка; вам их должно угостить.

Дочь

Ай, не хочу! Они такие грубияны!

Девка

Как быть?

Дочь

Ай, не хочу; они такие пьяны!
У нас в монастыре ввек не был пьян никто.
Фидон!

Девка

То в монастыре, а здесь все не то.

Дочь

Я вижу очень.

Девка

Так вам должно применяться.

Дочь

Ай, фи-дон, не хочу. Как эдак напиваться?

Девка

Не вам, сударыня, советую я пить,
Но пьяных сих в дому по крайности сносить
При матушке.
Да ба! что вижу? это ново,
Вино к десерту, знать, иль к полднику готово.
(*Увидя поверенного*)
А вы зачем?

Поверенный

Зачем, не спрашивай; а с чем.
Запасец этот я своим принес плечем.
Зато меня, когда б была не столько люта,
Ты б подарить должна, бесценная Анюта!

Девка

Мне неча подарить.

Поверенный

Хоть малой поцелуй.

Девка

Тьфу, экакой наглец!

Поверенный

Пожалуй же не плюй
В колодец: может быть, испить вить доведется.

Девка

Поди же, отвяжись.

Поверенный

Ну, кто слегка так бьется.
Коли ж скупишься ты... так я тебе дарю...
(*Хочет ее поцеловать*)

Девка (*поцеловав свою руку, дает ему оплеушину*)

Ин, вот мой поцелуй тебе.

Поверенный

Благодарю.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж и жена (*входя, видит оплеушину*)

Жена

Что вижу, бестия! Кто ж скверно так дерется?

Девка

Да он, сударыня, неведь куда несется...
За вашу же я честь, — не вытерпя, — с сердца...
Чтоб он с переднего не заходил крыльца
С подарками.

(*Показывает на подарки*)

Поверенный (*в сторону*)

Теперь, твои измерив пяди,
Я буду заходить, голубушка, уж сзади.

Жена (*к девке*)

Но, дура, не давай ты воли-та рукам.
А ты, мой милый друг Евстафьич, вить и впрямь,
Что прямо лезешь так, то делаешь негоже;
Иному с стороны покажется похоже
На нечто странное, и весть господь на что.
Спасибо; но поди, чтоб не увидел кто.

Как из-за столика они десертна встанут
И на простор сюда гуртом уж все нагрянут,
То приходи и ты.

ЯВЛЕНИЕ 4

Жена

А ты, жеманна дочь!
Зачем оставила гостей и вышла прочь?
У вас так разве лишь в монастыре ведется;
Невеста ушмыгнет, жених сам остается?

Дочь

Ай, женихов отнюдь нет, я божусь вам в том,
У нас в монастыре.

Жена

А за монастырем.
Я знаю все, да быть я не помирволю,
Не монастыря слышь, а делай нашу волю.
Мы Ябедина уж давно тебе сулим,
Карячься или нет, а быть тебе за ним.
И так, голубушка, смотри не зазнавайся
И нравиться ему как можно ты старайся.

Дочь

Ай, матушка! Прошу вас на коленях я,
Избавьте от него, избавьте вы меня.
Я нравиться ему уж не могу; божуся,
Что не люблю его, и в том вам признаюся.
Избавьте вы меня; он мне противен так,*
И если упросить вас не могу никак
И у себя меня держать вы не хотите,
То в монастырь меня обратно отошлите,
Иль к тетушке назад; я сколько с ней жила,
Божуся, в тягость ей я право не была.

Жена

Встань, дура, и молчи; про тетушку ни слова,
Там прежни шашни с ней вы заведете снова.

---

* Тут можно причины сказать, зачем монастырка не хочет за него; что он чужехват, что он ябедник и пр. — Жена на то, что он получил все по заказу, а коли что закон чужое дал, то он и виноват, что за своей копейкой не стоит, тот сам не стоит копейки; что никому ничто с неба, как манна, не падало, а всяк наживал, как кто знал.

Не льстись, голубушка. Я раз сказала уж,
Что Ябедин тебе наверно будет муж.
А ежели ему ты согрубишь хоть мало,
То‹гда› молись, чтобы маво терпенья стало.
Да вот все.

Девка (*в сторону*)

Пьяные.

Жена (*девке, замахнувшись*)

Знать, хочешь ты румян?

ЯВЛЕНИЕ 5

Жена, дочь, Судейкин, 1, 2, 3, 4, прокурор, секретарь, девка, поверенный. Выходят полупьяные

Прокурор

Ну, стол, объешься; будь хоть постник Иоанн.

2

Десерт!

1

Напиточки!

3

Откудова что взято!

Судейкин

Нет, что-то повар наш сегодня плоховато...

Жена

Немного запился.

1

Да празднику кто рад,
Тот до света уж пьян.
(*К прокурору*)
А что, не правда ль, брат?

Прокурор

Пословица не врет.

Ябедин

А тот, кто время тратит,
Она ж вить говорит, что дорого заплатит.

Прокурор

Дай толк.

Ябедин

Что множество залетных козырей
В колодах сих давно свободы ждут своей.

3 (*к Судейкину*)

Он прав: пора б пустить их по зелену полю.
Ну, прокурор, решай колодничью неволю;
Тебе вступиться долг.

Судейкин

Изволь, мой друг, изволь.
Кто в что!

Ябедин

Мы наберем; я с вами в рокамболь,
Советник в помощь вам.

(*Указывая на первого*)

1

Лишь басты не давай.

3

А кто ж в заповедную?
Я банка не держу.

Ябедин

Добро, и вас обдую:
Я банк вам делаю, Евстафьич, ты мечи;
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Жена

А кто ж со мной в пикет?

Ябедин

Сударыня, простите;
Вить стару партию вы окончать хотите.
Я к вам.

(*К Судейкину*)

А за себя, чтоб вас не разлучить,
Позвольте своего мне друга посадить.

(*Указывает на секретаря*)

Судейкин

По мне вы как хотя.

1

А я и рад размену.

Судейкин

Какую ж нашей мы игре поставим цену?

Ябедин

Я по пяти рублей; а меньше николи.
(*К секретарю*)
Садись, мой друг, но лишь, пожалуй, не соли.

1

Да царский годовой так весь оклад просолишь
В три рока, ежели да не помирволишь.

Судейкин

Не горячись: а то и впрямь как раз бобыль.

1

Я рад бы; да когда пожалует спадыль,
Она не документ; не выкинешь из дела.

Поверенный

Да что же на столе наличного нет мела?

Прокурор

А много ль в банке-та наличных?

Поверенный

Сотни три.

Ябедин

Евстафьич, ты лишь в грязь не вдарь лицом, смотри.

3

Как ни смотри, ни зги в две талии не взвидит.

2

А я боюсь, что он вельми нас всех обидит.

Прокурор

Снимайте: полно вам пороть-та дребедень.

Жена

А мы по старине, по четвертце поэнь.

Ябедин

Когда угодно вам.

Жена

И также все с рефетом?

Ябедин

На что, сударыня, и спрашивать об этом.

Судейкин

Жена, рефетом ты не засуши гостей.

Жена

Ах, кстати ль? Софьюшка, ну, встань, почародей
И пуншик изготовь.

Дочь

Ай, я вить не умею.

Жена

Какая ты и впрямь!
(*К девке*)
А ты что пялишь шею?
Ну, кинься же хоть ты. И не шарашь глаза.

3

Не везет
На крале проиграл. Так вдвое на туза.
Тьфу пропасть, соника: и этот вон из кона.

Судейкин

Вот штраф за то, что ты идешь против закона
И в запрещенную игру...

Прокурор

Да, видно, нам
В нее играть судьба, с поры той, как Адам
В нее наследное все проиграл именье.

1

Ха, ха, ха, экой вздор, какое заключенье.
Вот в мнениях твоих всегда подобный вздор
Ты предлагаешь нам, почтенной прокурор.
Ну, от кого, скажи, наследие Адаму?

Прокурор

Да от кого-нибудь, а надобно ж...

3

Тьфу, даму
Я, слушая ваш вздор, как олух, прозевал.

Ябедин

Позвольте, чтобы я за прокурора стал.
И я вам покажу, не бравши издалека,
Как правом лишь иной отца Мелхиседека
Наследие берет: а именно таков
Точь-в-точь соперник мой, молодчик Прямиков.

1

Ну! Изволь разреши; то быть так, всем собором
Пожалуем тебя мы нашим прокурором.

2

Эк он объехал след! Ей, ей, не без ума.

3

Великой тут скачок, хоть линия пряма.

Заика

От Пря-Пря-мико-кова до-до Ада-дама.

3

Насилу наконец мне вытянула дама.

Ябедин

Охотно; и на ваш я посылаюсь суд.
(*Встает. Между тем жена крадет карты*)
Покойный Прямиков, и нет сомненья тут,
Имел лишь одного во всю жизнь сына,
Которого уж нет; скора была кончина.
Где точно умер он, о том я не солгу,
Чего не мог узнать, сказать я не могу.
Но звался он Федот; так вписан в родословной,
И даже у отца так назван и в духовной.
Сейчас, против того, зовется уж Богдан.*

* К этому тексту позднее написано в конце рукописи дополнение, содержащее в себе текст всего четвертого явления. Имя Ябедина заменено в этом дополнении Праволовым. — *Ред.*

Праволов

Что ж он Богдан, то хоть у самого спросите;
И кстати, вот он сам.

Прокурор

Чорт просит.

Прямиков

Извините,
Что дружескую я беседу помешал.
Я с праздником, сударь, поздравить вас желал
И вам, сударыня, отдать мой долг.

Жена

Садиться
Прошу.

(*Прямиков цалует руку Софьи и садится близ нее*)

Не там, сюда прошу переместиться.

Прямиков

Мне хорошо и здесь.

Растлисудов

Как вас, сударь, зовут?

Прямиков

К чему вопрос — Богдан.

Праволов

Лгу ль я?

Прокурор

Тут ясный суд.

Прямиков

Я вижу... я было сперва и не приметил,
Здесь кстати моего соперника я встретил,
Мы можем на словах вам дело объяснить.

Растлисудов

Но голословных дел не можем мы судить.

Прямиков

Я не суда прошу, а токмо рассужденья.

Растлисудов

Нам до суда нельзя открыть судейска мненья.

Прямиков

Но правду открывать вам не запрещено?

Растлисудов

Да не келейно так, в дому.

Прямиков

Не все ль одно,
Где вы ее, сударь, и как бы ни сыскали.
Но сверх того, когда б вы истину узнали,
То бы неправого могли бы устыдить
И с ним, сударь, меня без тяжбы примирить.
Я в правости моей на суд ваш полагаюсь.

Растлисудов

Но я, сударь, в дела чужие не мешаюсь:
На то вить Совестный лишь установлен суд.

Хватайков

Мирить на свете всех ему лишь вверен труд.

Прямиков

Хотя сей мирный суд божествен, несравненный,
Со снисхожденьем в нем законы сопряженны,
Сообразуяся монархини предмету,
Ее желания всему известны свету:
Восставить истинну, а ябеду карать
И строги совестью законы умягчать.
И так, наверное, вы тем ей угодите,
Когда без тяжбы нам правдивый мир дадите.

Наумыч

Мириться, стало быть неправ.

Хватайков

Неправ, конечно;
Кто за свое пойдет мириться?

Растлисудов

Я сердечно
Рад был бы, но, сударь, я, право, вам не лгу,
В чужие я дела мешаться не могу.
Подите в Совестный вы суд.

Прямиков

Я рад идтить;
Но милости его не мог уговорить.

Праволов

О Совестном суде вы сами говорите,
Что снисхожденье в нем к себе сыскать хотите;
А я, безмездие и истинну любя,
Так правым в иске сем, по чести, чту себя,
Что спорного всего наследства и именья
Достать я не хочу отнюдь из снисхожденья;
Но чтобы чистым мне пред целым светом быть,
Законом лишь его желаю получить.

Бульбулькин

Когда бы стали все судящиесь мириться,
На что б казне тогда другим судам платиться?
А плату брав, судить должны мы как ни есть,
Чтоб хлеба царского по пустякам не есть.

Прямиков

Когда же вы судить хотите непременно...

Праволов

Я прав, хотя судить пред целою вселенной.

Прямиков

То в кратких я словах...

Растлисудов

Да на бумаге мы...

Хватайков

Ах! кто б избавил нас от этой кутерьмы?

Паролькин

Нелегко принесло!

Прямиков

Вам объясню все дело;
И если что не так, сказать он может смело.

Праволов (*встав*)

Но ябеде, сударь, отнюдь я не учен.
Что ж я неправедно имения лишен,
То мой поверенной законами вам теми...

Наумыч (*вскоча с места*)

Готов вам доказать пред каждым и пред всеми.

Прямиков

Не с ним, а с вами я беседовать желал.

Праволов

Я неуч в ябедах. — Уже вам раз сказал.

Прямиков

Но изъясняться с ним и подло мне и низко;
Вам так же, как и мне, вить ваше право близко.

Праволов

Вам ближе лих оно.

Прямиков

Мне ближе! мне? а как?

Праволов (*встает*)

А так, что в ваших все имение руках;
А с правом я моим лишь по судам таскаюсь.
Моим живете вы, а я лишь разоряюсь.

Прямиков

Но я согласен вам теперь же все отдать,
Лишь право мне свое извольте доказать.

Праволов

Я вам твержу, сударь, что ябеды не знаю.

Прямиков

Стократ вас менее ее я понимаю,
Не ябедить хочу, а правду говорить.

Праволов

Я вижу, вы меня готовитесь бранить;
Но я вам уступлю из уваженья к дому.

Прямиков

Не брань, а истинну...

Фекла

Да этому содому,
Как вижу я, отнюдь не будет и конца.
Дом открыт мой, сударь, вить не для наглеца.
Я не стерплю, чтоб кто гостей в нем и словами...

Прямиков

Безвинно виноват, сударыня, пред вами,
Я почитаю вас и почитаю всех
И слов ему хочу сказать не больше трех,
И не о деле сем, поверьте мне, божуся.
(*К Праволову, отведя в сторону*)
Послушайте!

Праволов

Ну, что? нимало не боюся.

Прямиков

Бояться нечего: я лишь хочу сказать,
Что ябеды тебе не стану запрещать;
Как хочешь каверзи, выворочай законы,
Стерплю и плутни все и ябед забобоны,
Но если в доме сем дерзнешь ты дочь любить
И если вздумаешь ее ты мужем быть,
То я тебе божусь, что эту тяжбу нашу
Решу тем, что тебя как чорта окарнашу;
И по миру пущу без носа, без ушей.
Порука сабля в том; поверь, пожалуй, ей;
Она не шутит ведь; — ну! помни ж.

Праволов

Не забуду.

Прямиков

Помехой пиршеству я вашему не буду.
Покорный всех слуга,
(*к Софии*)
а особливо ваш.
(*Уходит*)

Бульбулькин

Какой же бешеный!

Фекла

Какая нагла блажь!

Прокурор

Да что тебе, мой друг, на память он оставил?

Праволов

Так, ничего: просил, чтоб я себя избавил
От нарастающих и суетных хлопот.

Бульбулькин

Впрямь, видно, богом дан тебе, брат, сей Федот:
Хлопочет о тебе, как друг.

Праволов

Да вы шутите...

Кривосудов

Бет мой...

Поверенный (*прокурору*)

Вы лишний уголок...

1

Прямой ты прокурор!
Отдать я должен честь.

Прокурор

Кто, я? Да, ‹я› не вор.

1 (*прокурору*)

Льнет разве и к тебе?

Прокурор

Не гну и пальца даром.

Поверенный

Берете шутку вы с таким, как правду, жаром.

Заика

Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот?

2

Ты видишь, тут сбылось: Федот-де, да не тот.

Ябедин

Что ж, он Богдан, то хоть у самого спросите.

Судейкин

Бет мой.

Секретарь

И этот ваш. Для бога пощадите!
Я в пух проиграюсь.

1

Опять вберешься в пух.

Ябедин

Да чаще коски-та хватай, сердечный друг.

Секретарь

Высокородный-от грандиссимо хватает.

1

Душеприсной твой кругом нас обирает.

Ябедин

Да так и должно вить.

(К поверенному)

Но кстати, ты бы встал.

(Судейкину)

Позволите ль, чтоб он нам пуншик сработал.
Он мастер.

Судейкин

Хорошо.

1

И впрямь, а то красотка
Нас как на водопой...

Поверенный *(девке)*

Вот там в корзине водка.

Жена

Капот.

Ябедин

Так истинно.

Судейкин

Да кто ж?

Ябедин

Да я капот.

1

Вот это сработал проклятый все Федот.

Заика (*к прокурору*)

Что ты-ты кра-кра-ра...

Прокурор (*зажимая ему рот*)

Ну! полно же кракакать.

3

Пора, Евстафьич, слышь; покинь ты с ней балакать.

Судейкин

Но что же, Софьюшка, ты так невесела?
Ты б к нам Давидовы хоть гусли принесла,
Да нам запела бы.

Жена

Поди ж поторопися.

ЯВЛЕНИЕ 8

2

А, а! доехали!

Ябедин

Что?

3

У него спросися.

Поверенный

Да что; беда, сударь, и я уже капот.

Ябедин

Смелей; лови сикурс!
(*Бросает кошелек*)

1

Вот это все Федот.

Ябедин

Да вам Федот лишь смех, а мне уж с сим Федотом...

Судейкин

Да что ж? коли и впрямь каким-нибудь комплотом
Богдан Федотово имение заел,
Так есть на это вить закон...

Секретарь

Уж я велел
Прибрать и вынесть все.

Судейкин

Я чаю в Уложеньи.

Секретарь

Есть множество, сударь!

Паролькин

И также в Учрежденьи.

Секретарь

Находится.

1

Нельзя, чтоб не гласил указ.

Секретарь

Гласят и многие.

Прокурор

Ясней всего Наказ
Об этом говорит в статье той, где об этом...

3

Вот темна пароли. Туз наряду с валетом.

Судейкин

Дворянска грамота вить также тут идет,
Поступки лживы где...

Секретарь

И родословной счет.

1

И если Регламент да согласить с Наказом...

Секретарь

То сходно будет всем с предреченным указом.

Прокурор

Ну, так с чего ж? и вам весьма короткой суд.

Судейкин

Федота в сторону; Богдан видимо плут.
И должно, отобрав Федотово именье
Отдать кому есть след. Мое такое мненье.

1

Я то же мню.

2

И я.

3

И я.

Заика

И-и-и я.

Прокурор

С столь общей мыслию согласна мысль моя.

Ябедин

Благодарю вас всех.

Судейкин

Законы все отчасти
Клеятся. Регламент с указами...

Девка (*читает Зерцало*)

Масть к масти.

Судейкин

Ба! Что Зерцало здесь открыто так стоит?
Футляр где?

1

Впрямь, пускай себе спокойно спит.

2

Смотреться некому.

Прокурор (*к поверенному*)

Вздень колпачок-та спальной.

Поверенный вместе с девкою надевает футляр и уронят Зерцало

Девка

Ну! скоро знать прийдет и всем уж час повальной.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и дочь с арфой

Судейкин

Запой же нам, мой друг!

Дочь

Что батюшка велит?

Судейкин

Что хочешь, милая!

Секретарь

На этой пел Давид?

1

Нет; эта вить стоит, а он с своей носился.

3

Загнуть было ушко Давиду.

Прокурор

Ты взбесился

Он проиграл уже, я думаю, раз пять.

2

Охотничек и он старик вить был играть.

3

Глух звон.

Прокурор

С длинными быть надобно ушами.

2

Взглянь, работает как руками и ногами.

Дочь (*поет*)

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы;
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

(*Музыка повторяет ритурнель*)

Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.
От драгой своей десницы

Всем она блаженство шлет;
Вкруг непышной колесницы
Добродетельми ведет.

Воспоем...

Мы все, как сиротки птицы,
К ней направя наш полет,
Под крылами сей орлицы
Жизнь спасли от непогод.

Воспоем...

И под кровом багряницы
Воспитала нас, сирот.
Как лучом она денницы,
Просвещает российский род.

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы;
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

Помути, господь, народ,
Да накорми воевод.

ЯВЛЕНИЕ 10

Судейкин

Что ж, пуншу.

Жена

Анна, что ж? проворней подноси,
И чаще, и кругом; да милости проси.

1

Мы скоро у нее уж милости попросим.

Прокурор

Прекрасно как поет.

3

Да лучше карты бросим:
Не стало везть.

2

Ты тяжело кладешь.

Судейкин (*прокурору*)

Я слышал вить, что ты сам хорошо поешь.

Прокурор

Я рад бы всей душой, да голоса-та нету.

Судейкин

Ну, как-нибудь.

1

Мы все пристанем для комплекту.

Прокурор (*поет*)

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены и руки,
Как не на то, чтоб брать!

Дочь, подхватя арфу, утекает

Судейкин

Ей, браво! хорошо!

Прокурор

Ведь сам сложил словца.

2

Да по работе уж как не узнать творца?

Прокурор (*поет*)

Вить, без указа нам не стать
Пословицы ломать,
Которая твердит: что взято,
То свято!

Судейкин (*поет*)

Но должно, чтоб уйти прижимки,
И чтоб не сплоховать,
Перчатки-невидимки
На миг не скидавать.

(*Опять:*)

Бери. . .

Секретарь

Но под шумок-то я без бета, как без шляпы.

2

Да слышь, укороти вот эти хищны лапы;
Ты доберешься так и до последних крох;
Уж в проигрыше я почти что сот до трех.

Поверенный

Да наши деньги вить из вашего кармана.

1

Вы вспомните лишь им Федота иль Богдана,
То к счастию тотчас возьмет к вам оборот.

3

Постой; хлап проиграл. Федоту не везет.
Ко хлапу я уже теперя не пригнуся.

2

А гнися к даме он, быть так, и я вцеплюся
За хлапа.

Наумыч

Хлапа я что стукну, то убью.

3

А талию сфальшивил. Ну! заплати ж мою.

2

Моих две пароли.

Прокурор

Мне за туза с транстортом.

Заика

И ба-ба-банк чи-чист.

3

Насилу с этим чортом
Сладили мы.

Ябедин

А что, сорвали?

3

Наконец.

Секретарь

Такой же и моей, сударь, игре, венец.
Бессчетно проиграл.

Ябедин

Я сам спустил много.
Но как быть? не всегда щечиться из чужого.

Жена

Не столько много: вот почти и ничего.

Ябедин

Да так, сударыня! четыреста всего.

Встают

Жена

Куда ж врасплох моя певица-та девалась?

Судейкин

Пусть ее.

Жена

Она тобой избаловалась.

Бульбулькин

Насилу вот и мы последнее берем;
Конец.

Между тем другие пьют и Ябедин подходит

Ябедин

А сколько же считается на ком?

1

Почти что на тебе весь счетец остается:
Мне двадцать восемь приз.

Судейкин

Мне сорок доведется.

(*К 1*)

С вас восемь.

1

Так.

Все встают и пьют и поют

Ябедин

Ну, я довольно просолил.
Извольте ж проигрыш.

Судейкин

Да я бы погодил.

Ябедин

Нет, я люблю платить: счет денежка вить любит.

(*к первому*)

Но пройгрышев моих никто чай не раструбит.

1 (*к Судейкину*)

Кому нужда. А вам по старым сколько я? . . .

37*

Судейкин

Сочтем тотчас: при мне записочка моя.

Ябедин

Я в деле лишь на вас надежду неизменну...

2 (*падая почти пьяной*)

Надейся на меня, как на Кремлинску стену.

Ябедин

Могу ли в деле я на вас?

3

Хоть согрешу,
Пусть высохнет рука, коли не подпишу.

(*Обливает руку красным вином*)

Ябедин

На вас уж уповать я, как на друга, стану.

Заика

(*указывая на пьющих и беручи стакан*)

Уж от-от-от-от них я не от-от-от-стану.

Ябедин

Позволите ль на вас надежду в деле класть?

1

Скажи секретарю. А он что мне подаст,
То я хоть этими обеими руками...

(*Берет бокал, который ему секретарь подносит, и выпивает*)

Ябедин

Я вас меж лучшими моими чту друзьями
И вашей помощи всех более ищу.

Прокурор

Свахляют пусть они, а я уж пропущу.

(*Выпивает стакан*)

Ябедин

На вас я в деле уж...

Судейкин

Да дело-то плохенько.
Вить штраф пятьсот рублей: так надо бережненько...

Ябедин

Когда случится что, я их плачу за вас;
Надежны будьте.

Судейкин

Так. Но лучше бы в запас...

Ябедин

Так я их поутру пришлю в сохранность вашу.

Судейкин (*указывая на пьющих и поющих:* «Бери...»)

Ин быть так. — С ними уж я не порозноглашу.

Ябедин

У всех теперь уж я настроил дело в лад.
Ты помощь окажи.

(*Секретарю*)

А это на в заклад...
Могу ль надеяться?

Секретарь (*подставляя карман*)

Извольте положить-ся.

Ябедин

Однако не пора ль с хозяином проститься?

1

Пора; покойна ночь!

2

Прощайте; уж пора.

Прокурор

Слуга ваш.

3

Сладка сна.

Заика

По-ра нас с двора.

Уходят. Жена и девка отводят Судейкина

Действие IV

ЯВЛЕНИЕ 1

Девка

Зачем, сударыня, вы так рано встали?

Софья

Всю ночь я не могла очей сомкнуть с печали.
Несносной Праволов всю ночь мечтался мне.
Покою от него мне нету и во сне.
Что делать с матушкой, что так она жестока?
Страсть нежну...

Девка

Эта страсть вельми без прока,
Когда позволите мне правду говорить.

Софья

Да что же предпринять и чем тут пособить?

Девка

Как чем? или умом, или упрямством вашим.
Во-первых, предложить родителям дражайшим,
Что если Праволов с которой стороны
Им мил, когда они в него так влюблены,
То могут счастливо они на нем жениться;
А что вы решитесь охотнее убиться,
Чем видеть вас когда-нибудь его женой.
Вот вам, сударыня, совет последний мой.

Софья

Ай, нет, ввек этого сказать я не посмею.
К родителям любовь, почтение имею,
Хотя они меня и могут погубить,
Но я противу их не в силах согрубить.

Девка

Ин так извольте их повиноваться воле,
Я не могу ничем уже помочь вам боле.
И радуюсь вперед, вообразя себе,
Как с Праволовым вы в блистательной судьбе
Жить будете весь век; как с ним, с его друзьями,
С писцами, стряпчими или секретарями,
Беседу дружеску вы будете иметь;
И ото всех сторон довольным оком зреть

Чужое в руки к вам текущее богатство.
Какое для души чувствительной приятство!
Вдов видеть, стариков и нищенских сирот,
От вас свой бедный хлеб просящих у ворот.

Софья

Ах! не терзай меня, и так я раздираюсь.
Но что ж, несчастная! куда же обращаюсь,
Отрады ниотколь, ни помощи мне нет.

Девка

Однако некто вот на помощь к вам идет.

ЯВЛЕНИЕ 2

Софья, Прямиков и Анна

Прямиков

Не ждал я счастия так рано вас тут встретить.

Софья

Ах! если б слез моих он не успел приметить!

Прямиков

Да что! мне кажется, вы грустны! Вы в слезах!

Софья

Ай, нет. Так, ничего.

Прямиков

А слезы на глазах!
Вы ваши предо мной хотите скрыть печали!
Я вижу, вы меня любить уж перестали;
Другой счастливее...

Софья

Ах! не терзай меня;
Не мысли, чтоб когда тебе я изменила
И, клятвы позабыв, другого полюбила.
Но ах! судьба меня над меру отягчила.
Родители мне велят тебя забыть,
А кто несносен, так того женою быть,
И угрожают мне всей властию своею,
Когда противиться я воле их посмею.
Что делать?

Прямиков

Что тебе любовь твоя велит.
Знай, что мне смерть с твоей разлукой предстоит.
Коль любишь ты меня, возможно ли решиться
Убить меня, с моим врагом соединиться?
Пусть все именье отнимет, <владеет им;>
Но сердце пусть твое оставит; им одним
Я счастлив буду; с ним напасти все забуду.
Люби меня, вот все...

Софья

Люблю тебя и буду
Любить; приятно мне сказать сие сто крат,
Но что ж в том, если нас навеки разлучат.

Прямиков

О мысль несносная! Но нет! Позволь мне льститься,
Что сердце может их еще перемениться.
Я в силах оказать услугу важну им;
И с тем пришел. Нельзя, чтобы поступком сим
Не стяжал себе хоть малой их приязни.
Я сведал, что меж тем как вовсе без боязни
И без опасности от всех они живут,
В Сенате им враги несчастие куют.
И дело, говорят, дошло уж до царицы.
Вчера один мой друг приехал из столицы,
Которого родня в Сенате — прокурор.
Из дружбы мне открыл он этот заговор.

Софья

Ах! боже мой! Так им теперь же надо с вами
Поговорить. Пойдем. Да вот они и сами
Идут.

ЯВЛЕНИЕ 3

Отец, мать, София, Прямиков и девка

Прямиков

Простите мне столь ранний к вам приход.
Желанье вам служить меня, сударь, ведет.
Все ваше позабыв ко мне жестокосердье,
Я тороплюся вам нелестное усердье,
Привязанность мою на деле изъявить;
И хоть вас, может быть, могу и огорчить

Сей откровенностью; однак сказать решился,
Что от друзей моих вчера я известился
О предстоящей вам опасности: Сенат,
По разным жалобам на вас, вошел в доклад;
И если вы, сударь, умедлите взять меры,
То нехорошего...

Жена

Какие же химеры!
Какие пустяки! Отколь нанес вестей?
И кто к нам в дом просил непрошенных гостей?
Не ведь зачем, не ведь откудова ввернулся,
Служивой батюшка. Иль ты ума рехнулся?
Что с вздором этаким втесался ты в наш дом?
Отколь в головушку твою такой содом,
Сумбур и ералаш вселился, мой родимой!
Или нельзя ворот проехать наших мимо?
Иль на тебя нашел благой невпору час?

Прямиков

За искренность мою не ожидал от вас...

Жена

Да с искренностью сей тебя мы к нам не ждали.
С чего тебе об нас вдруг хлопоты припали?
Откудова, бог весть, зачем влетел в Сенат;
Отколь взял жалобы, куда вошел в доклад;
Какие меры брать, аршинны или саженны?

Прямиков

Напрасно на меня вы гневом распаленны.
Я мнил...

Жена

Пожалуй ты что хочешь, батька, мни;
Но с дрянью к нам такой вперед не заверни,
Но впредь от этакой избавь нас болтовни.

Муж

Ну, милой мой дружок, престань же горячиться
И дай порядочно без жару мне спроситься.

Жена

О чем спрашивать? Вить тут один расспрос,
Один допрос: зачем в наш дом господь принес.

Прямиков

Для вашей пользы я...

Жена

Трудился бесполезно.

Прямиков

Любя ваш дом...

Фекла

Прошу так не любить любезно.

Муж

Но дай, жена...

Жена

Вот на! Лих не желаю дать;
Пожаловал к нам в дом затем, чтоб нас ругать.

Прямиков

Возможно ль мне ругать!

Жена

Да как же не ругаешь?
И жалобами нам и всем нам попрекаешь.
Какие жалобы, и жаловался кто,
Когда, как, почему, кому, где и за что?

Прямиков

Когда изволите, я покажу вам ясно...

Жена

Показывать ты мне изволишь там напрасно,
Где нечего, хоть будь указка, показать.
Да что противу нас кто может доказать?
Кого мы без суда имения лишили?
Кого не по словам закона разорили?
Кого...

Судейкин

Позволь, жена, мне только слова три...

Жена

В дому лих я вольна; ты, знай суди, смотри.

Прямиков

Но я...

Жена

Но ты, кто ты, голубчик, я не знаю,
Не знала и вперед знать вечно не желаю.
Приехал клеветать.

Дочь

Ай, нет, не клеветать.
Он, матушка...

Жена

Что? что? Тебе какая стать,
Безумная, в дела сторонные мешаться,
За незнакомого против меня вступаться?
Вот по-заморскому навоспитали дур!
Ты б знала свой филе вязать, строчить тамбур,
Стучать на кляузах иль пальцем струны смыкать,
А не туда, куда не смыслишь, нос свой тыкать.
Поди ж, безумная, в конуру уплетись,
И слышь, мне на глаза день целой не кажись.

(*Дочь уходит*)

Служанка

Но право на нее...

Жена

И ты туда ж, скотина!
Знать, около ушей свербит твоя личина?
Я всею пятерней ее пощекочу
И скверной твой язык тотчас укорочу.
Негодна, сгибни вмиг за барышней твоею;
Или, — ты слышала — я всею пятернею...

(*Девка убегает*)

Прямиков

Мне жаль, сударыня...

Жена

И мне, сударик! жаль,
Что в дом наш суется незванна всяка шаль,
С тем, чтоб нам эдакие причинять досады.

Прямиков

Так я оставлю вас.

(*Уходит*)

Жена

Весьма мы будем рады.

ЯВЛЕНИЕ 4

Судейкин и жена

Жена

Насилу сжили с рук! Какой же наглой он!
А ты, сударь, стоишь, как столбник Симеон,
Как вкопанной, как пень, не шевелишь языка;
Все стряпай за тебя, от мала до велика.

Судейкин

Ну, хорошо же ты настряпала теперь!
Чуть по шеям его не выпихнула в дверь!
Ну, было ли за что так сильно рассердиться?
Он, может быть, и впрямь хотел нам прислужиться,
А ты, не расспрося, откуда, кто таков?

Жена

Вздор! Я узнала вить, что это Прямиков
И что он лишь затем в дом наш и завернулся,
Чтобы пустых его ты бредней ужаснулся
И Праволову бы в решеньи изменил.
На плохости твоей он план свой соружил.
Проведал, видно, он, что ты трусливой роты.

Судейкин

Хоть это и пустяк, однако без заботы
С делами нашими, жена, не можно жить:
Чему не должно бы, ино то может быть.
Ты знаешь вить, у нас и заячие уши
Рогами назовут, то пойдут уши тпруши.

Жена

Вот трусость ты свою сам назвал пустяком,
А в тот же самый миг явился русаком;
Но, плохое дитя, скажи мне, как не стыдно
Тебе тревожиться сей ложью очевидной!
Отколь молодчику известен стал Сенат?
Откуда знать ему, что он вошел в доклад?
И как, не рассудя сперва, не расспросяся,
Идтить докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чем, скажи, родной?

Дела твои текут своею чередой,
Как и везде; так тут о чем и доложиться?
Вить всей святой Руси в доклад не поместиться;
И с этой стороны спокойся. Так о чем
Еще? О взяточках? — так мы лих не берем,
А принимаем лишь, что нас принять неволят.

Судейкин

Жена, я уж сказал: не все вить мироволят.
Не все двуличную дает расправу суд;
Ино вить взятками приемы назовут,
И так как...

Жена

Ну добро, на все я соглашуся;
Но к речи я теперь начатой возвращуся.
Отколь молодчику дошел об этом слух,
Когда здесь ни один о том не знает дух?
От питерских друзей не слышим мы ни слова,
И скрыться как могло сие от Праволова
И обнаружиться сопернику его?
Которой в сих делах не знает ничего;
И с саблею в руках за ветром лишь гонялся;
Земель не для себя у турков добивался,
А собственны свои поместья прозевал.
С чего ему Сенат так вдруг знакомым стал?
Он познакомиться скорей бы мог с Султаном.
Поверь мне, что он лжет и хочет сим обманом
Лишь устрашить тебя и как-нибудь отвесть
От Праволова.

Судейкин

Но, жена, как тут да есть...

Жена

Нет ничего; а что и есть, то все пустое.

Судейкин

Что ни на есть...

Жена

Ну, слышь, нет ничего.

Судейкин

Такое...

Жена

Такого ничего, слышь, нет.

Судейкин

То будешь ты...

Жена

Пока я буду что, а это суть мечты.

Судейкин

Виною...

Жена

Ин быть так; но ты сей новизною,
И страхом сим пустым, и вздорной чепухою
Лишь только перестань мне голову ломать.
Иль хочешь ты меня из света уж согнать?

Судейкин

Ну, ин добро, мой друг! Не стану, успокойся.
Я лишь боюсь...

Жена (*зажимая ему рот*)

Таки ж пожалуй же, не бойся
Того, что вертопрах нарочно с ветра врет.
Да вот Наумыч к нам с секретарем идет.
Пожалуй же, мой друг, для страха ты пустова
В их деле не криви уж данного раз слова.
Припомни, что он друг, и как всегда он нам...

Судейкин

Добро. Ну!

ЯВЛЕНИЕ 5

Судейкин, жена, Наумыч, секретарь

Наумыч

Господин мой приказал мне вам
Поклон отдать, сударь, нижайший с сим пакетом.

Судейкин (*распечатывает письмо и ассигнации падают; все кидаются подымать; жена отпихивает секретаря*)

Что это?

Наумыч

Он в письме сем пишет вам об этом.

Жена

Знать, проигрыш?

Наумыч

Никак, сударыня, а штраф,
Когда не будет он в своем процессе прав.
Так в нем уверен он.

Судейкин

Он пишет и о деле.
(*К секретарю*)
А что же? Вить на сей хотели мы неделе?
Я думаю, экстракт до этих пор готов?

Секретарь

Сегодня подписал его уж Прямиков.

Судейкин

Прибавил что-нибудь?

Секретарь

Нет, он просил убавить;
Но я не захотел его тем позабавить.

Судейкин

Законы?

Секретарь

Я прийскал и все поставил в ряд.

Судейкин

Так, чтоб не волочить, уж можно и в доклад?

Поверенный

Нижайше просим мы, без дальней проволочки...

Судейкин

Добро; ты к слушанью сегодни ж без отсрочки
Представь. Лиха беда нам выслушать, а там
В минуту приговор.

Секретарь

Когда угодно вам.
Сударь! осмелюся нижайше доложиться,

Чтоб время выиграть и меньше вам трудиться,
Я предварительной журналец начернил;
С законами его и с делом согласил.
Найпаче же, сударь, с вчерашним общим мненьем.

Судейкин

Ты дело уж с лишним поспешеньем.

Поверенный

Мы просим вас, сударь, не отлагать вдаль суд:
Железо вить пока лишь горячо куют.

Судейкин

Ну! добро; подай, повидим.
(*Читает*)
«Приказали.......»
(*Читает тихо*)

Ну быть так, хорошо.

Поверенный

Сударь, мы всенижайше
Благодарим за изволенье ваше;
И барин мой вам ввек не может отслужить
Всего, чем вы его изволите должить.
Не смею ль я еще покорное прошенье...
(*секретарю*)
Не в гнев.
(*Судейкину*)
Тут малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилых.
Мы вправе требовать, по крайней мере, их.
Что мы убытчились в сем иске попремногу,
То ведомо, сударь, вам и всевидцу-богу.

Судейкин (*к секретарю*)

Да что же, дело б впрямь уж сделать нам с концом.

Секретарь

Исправлю все, сударь, единым я словцом.
(*Пишет и читает*)

«А как толь долго он, не пользовавшись оным»,
(*Судейкину*)
Именьем, сиречь.

Судейкин

Ну, прибавь еще, законным.

Секретарь (*пишет и читает*)

«Законным, многие убытки в сей процесс...»

Между тем, поверенный то тому, то другому за каждою поправкой и повторяет и кланяется, и также жене

Судейкин (*секретарю*)

И незаконные...

Секретарь (*пишет и читает*)

«И незаконны» нес,
То оные искать с Богдана Прямикова.

Судейкин

Пиши — взыскать.

Секретарь (*пишет и читает*)

«Взыскать» или с его другова
Именья истцу сим предоставляет суд.
(*К Судейкину*)
Законы подведу я после.

Судейкин

И все тут.

Поверенный

Нижайше мы, сударь, благодарим.

Судейкин (*к Наумычу*)

Подите;
И это набело переписать велите.

Секретарь

Ты регистратору отдай лишь моему,
Но, слышь, чтоб не показал отнюдь он никому.

Наумыч

Как раз исполню все. Слуга вам всепокорный.

ЯВЛЕНИЕ 6

Растлисудов, Фекла, секретарь

Растлисудов (*секретарю*)

Послушай-ка, мой друг! Слух, может быть, и вздорный,
Пронесся, будто бы противу нас Сенат
Мудреной некакой царице взнес доклад
О взятках, о делах, решенных здесь неправо.

Секретарь

Вот на, какой же дух на нас донес лукавой?

Растлисудов

Я этого всего не мог разведать вдруг.
Но ты поистине скажи мне, милой друг!
Какое дело мы оплошно так решили,
Чтоб внутренности всей наружностью не скрыли?
Я так ни одного припомнить не могу.

Секретарь

И мне не помнится, спросить хоть на духу.

Фекла

Да этому и быть не можно.

Растлисудов

Ах, помилуй,
Жена, оставь ты нас: мы лучше знаем силу
В делах, чем ты.

Фекла

Нет лих; не хуже знаю я.
Вить что где, как принять, — забота лишь моя.
Но пусть на месте гнев господень покарает.
Когда что левая рука о правой знает,
Когда десница весть, что шуица хватает.

Растлисудов (*секретарю*)

Послушай-ка: теперь вспадает мне на ум.
Ты помнишь вить, какой великий вышел шум
О векселе, что я велел на обороте
Подчистить.

Секретарь

Ах, сударь! в напрасной вы заботе.
Подчистил я один. Ответчик в спор вошел,

На истца своего он подозренье взвел,
Что надпись он скоблил о вексельной уплате;
А по законам вы решили спор сей кстате,
К уничтожению сей вексель присудя.

Фекла

Так что ж, ты виноват тут столько ж, как и я.

Секретарь

Притом вить не письмо, сударь, мы подскоблили;
Бумагу чистую.

Фекла

Так чем вы согрешили?
Бумагу чистую неужли грех скоблить?
Великая беда!

Растлисудов

Добро, ин так и быть.

Секретарь

Нет, это пустяки, поверьте мне, божуся,
По делу Тяпкина я более боюся,
Чтоб нам какой-нибудь не вышло кутерьмы.
Из пасынка его в родного сына мы
Без дальних выправок в Палате превратили
И внуков истинных наследия лишили,
Все их имения ему приговоря.

Растлисудов

Нет, в этом деле нас, творца благодаря,
Закон сам от хлопот и от поклеп избавил;
Ты помнишь вить, дружок, что Тяпкин в суд представил
От отчима письмо, в котором он его
Открыто признает за сына своего;
Возлюбленным его в нем сыном называет.

Фекла

Вот на! Так тут ваш страх лишь чепуха пустая,
Когда покойник сам его уж сыном звал,
Так стало быть он сын, кто б как ни толковал.

Растлисудов

Притом же истинну тут что бы нам открыло?
С покойника допрос уж брать поздненько было.

Фекла

Вздор, милые мои, и суща чепуха!
Хоть человек всяк ложь, никто не без греха;
Но в этом правы вы, как ни суди кто строго;
И эдаких грехов, пожалуй, сыщешь много;
Но капитальнейших...

Растлисудов

Я истинно не лгу,
Что больше этого припомнить не могу.

Секретарь

Приходит нечто мне еще на помышленье,
Вы тяжбу помните за Рохлина именье;
За кое Праволов, совсем сторонним быв
И имя Рохлина в процессе позабыв,
Условясь хитростно, искал на Чужпродава,
Который не имел тож ни малейша права
К сему имению. — А мы, не разобрав,
Чье спорное село, без дальних всех расправ,
В отлучку Рохлина тем сей процесс решили,
Что тяжущимся двум именье присудили,
Которое они делят уж пополам.
Что Рохлин возгласит? Уж я не знаю сам.

Растлисудов

Пускай он возгласит теперь уж что захочет.
Когда он о себе так мало сам хлопочет,
Так что за нужда нам о нем тут хлопотать?
Мы — судьи. Долг наш есть лишь только то и знать,
Что на бумаге нам представят на сужденье.
Как сметь нам знать самим, что спорное именье
Не тяжущимся двум, тебе принадлежит?
На это надобен какой-нибудь нам вид;
А без того решим, без дальних забобонов,
Процесс меж двух сторон по строгости законов.
Когда же оба спор лишь о чужом вели,
Как быть? Зло сильно так возникло на земли,
Что спорит о чужом один, где два лишь спорят:
Так дивно ли, когда два о чужом завздорят?

Жена

Какое диво тут? Да только все пустяк.
(*К секретарю*)

Вить испугался он пустых насущных врак,
Которые ему дошли от Прямикова.

Кохтин

Как? Эта грозна весть от этого пустова
Враля к вам принеслась? Ну, уж правдива весть!
Но как вы эту ложь могли за правду счесть?
И как чрез этого пустого вертопраха
Могли себе и нам нагнать вы столько страха?
За вас, сударь, за вас мне, право, очень стыдно,
Вить тут и самому простому оку видно,
Что он хотел, сударь, вас только напугать,
Чтоб Праволову вы не смели помогать.

Растлисудов

Нет, этим он меня ничуть не запугает,
Но всякова, мой друг, на свете вить бывает.
Довольно простоты на кажда мудреца,
А умудряет бог ино вить и слепца.

Кохтин

Но этого, сударь, не умудрил, божуся.

Фекла

Да что ты трус такой!

Растлисудов

Я, право, не боюся;
Ты видела, что я уж написать велел.
Творец, голубушка, познается от дел.

Фекла

А тут теперь без дел проходит только время.

Кохтин

На шее у меня дел целое беремя.
Когда вам нужды нет меня здесь удержать,
То я б пошел скорей велеть переписать.

Фекла

Пусти его, мой друг.

Растлисудов

Ох, как ты уж пристала!
Поди; но слышь, чтоб нам не ждать журнала.

ЯВЛЕНИЕ 8

Растлисудов и жена

Растлисудов

Жена, довольна ль ты? смотри, я подаюсь;
Но истину сказать, я, ей же ей, боюсь.

Жена

Ты все-таки одно: привык всего пугаться.
Вить не ходить и в лес, когда волков бояться.

Растлисудов

Хоть не боялся я до сей поры волков,
Однак чем дальше в лес, то тем вить больше дров.
Ино, чтоб не зайтить в таку глухую пущу.

Жена

Сегодня ты с утра лишь пустошь мелешь сущу.
Похмелье, знать, еще в головушке шумит.
Пойдем-ка; гданская там водочка стоит
За нашим образом, близ твоего взголовья;
Так чарочку хлебни для доброго здоровья
И чтоб с головушки напрасный выгнать страх.

Растлисудов

Пойдем; дела ломать впрямь трудно натощак.

Действие V

ЯВЛЕНИЕ 1

Анна и Добров входят вместе

Добров

Ба, ба! да это что? Что за трактирна стойка?
Как вижу, тут была славная попойка;
И не пирушечка, а полновесный пир.
Какой разброшенный бутылочный ранжир!
Знать речками везде текло вино и пиво,
И не оскудевал сей чан пуншеточивый.
Как клюквочки, чай, все гости налились?

Анна

Что называется: до положенья риз.
По лестнице к крыльцу уж не сошли, спустились;

И чадом вейновым так сильно зарядились,
Что не опомнятся, я думаю, дни в три.

Добров

Не так оплошные они богатыри;
Верь, что хоть напролет всеночну пропуншуют,
Проспавшись, как ни в чем, вновь пуншу утренюют;
И что не клюкнувши и чарки и другой,
В суд ни один из них не ступит и ногой.
Да, кажется, почти и час уж им сходиться.

Анна

Ахти! так надобно и мне поторопиться
Следы вчерашнего присутствия прикрыть
И бахусов кагал в судейску превратить.

(*Она поливаст комнату*)

Добров

Напрасно трудишься. Не токмо, что простыя,
Но целый хоть ушат разлей воды святыя,
То ябедничьих здесь не смоешь забобон.
Послушай: кто уж раз в чернилах окрещен,
Тот черн останется, хоть мой во Иордане.

Анна

Да это не вода, остался пунш в стакане.
Пусть пьет судейское питье судейский пол.

Добров

Резон.

Анна

Прошу помочь поставить к месту стол.

Добров

Охотно.

Анна

Но куда девать бутилки?

Добров

Строем
Поставя их под стол, суконцем сим прикроем.
Вить множество оно привыкло прикрывать
И не таких грехов.

Анна

А как? прошу сказать.

Добров

Вот как: когда судья желает, чтоб чье дело
Лет несколько на свет господний не глядело,
То он его кладет под красное сукно;
А там, спокойна ночь, лежи и прей оно.

Анна

Добро ж, поставим их под скромно покрывало;
Но лишь боюсь, чтоб все тут цело устояло.

Добров

То правда, что нельзя наверно утвердить:
Судейское чутье исправно.

Анна

Так и быть;
Хозяин будет сам сидеть на карауле;
Вить видит с кресел он, что крадет кто на стуле?

Добров

Не завсегда: ино он смотрит лишь на то,
Не надзирает ли за ним со стула кто.

Анна

Мудрен свет. Но мы все порядком учредили:
Вот на, а главное, Зерцало, позабыли!

Добров

Коль истинну сказать, то мало прока в нем;
Зевает на него бесстыдным всяк лицом.
Не правилом оно всем служит, а игрушкой;
И стало, наконец, судейскою вертушкой.

Анна

Потише; берегись, вот к нам валит весь суд.
(*Уходя*)
Ну, правде уж они с похмелья мат дадут.

ЯВЛЕНИЕ 2

Растлисудов, оба советники и оба заседатели. Секретарь и Добров. Секретарь приносит бумаги и кладет на столе

Растлисудов

Прошу пожаловать.

Атуев

Нет; вам вперед довлеет:
Вы нам глава.

Бульбулькин

Ну, впрямь глава сия умеет
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путем кого захочет угостить;
Как я ни скромничал и как ни укреплялся,
Но ей, не помню, как с вчерашним днем расстался.

Растлисудов

Изволите шутить.

Паролькин

Подите с шуткой прочь.
И я с кареты вон не вылез целу ночь,
Так ноги спутал мне ваш этот пунш проклятый.

Растлисудов

Нет, нет! Я угощал вас право плоховато;
И ужин позабыл.

Бульбулькин

Да можно ль было есть?
При винах эдаких уж ужина не в честь.

Хотьрадбын

Вольно-но же вам не по-по-ви-но-но-ваться;
Я го-го-го-ворил, пора-ра уж убираться.

Растлисудов

Но, милые мои, не час ли заседать.

Бульбулькин

Извольте, я готов теперь дела ломать.

Паролькин

Не поломаем всех: скопилось их довольно.
(*Садятся*)

Растлисудов

Протоколист, возьми, читай реестр настольный.

Добров (*читает*)

«Корнета Скудова иск за наследный дом,
Отнятый у него повытчиком Драчом».
Уж третий год сие лежит в докладе дело.

Растлисудов

О, мимо! Пусть лежит еще три года смело,
Авось-либо тогда решим его судьбу.
Он домом смел назвать негодную избу.

Добров (*читает*)

«Иск вексельный Луки Ссудихина майора
На графа Сидора Злоплата сенатора».

Растлисудов

Ах, мимо! Поскорей, скорей брось этот вздор
Помилуй, нам всего нужнее сенатор.

Добров

«Через опекуна прошенье Бедняковых
О выкупе двух сел наследственных отцовых
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину...»

Растлисудов

С делом сим я после призову.
Послушайте, друзья, вот этая вдовица
Наместнику, я чай, праправнута сестрица,
Он жалует ее; так знаете — вперед...

Бульбулькин

Ну, береженого и бог вить бережет.

Растлисудов

Ну!

Секретарь вырывает реестр у Доброва и читает

Кохтин

«Иск асессора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова».

Растлисудов

Вот это кстати бы сегодня разобрать.

Бульбулькин

Добро.

Хотьрадбын

Хо-хорошо.

Паролькин
И впрямь.

Атуев

Вели подать.

Кохтин (*Доброву*)

Там это на столе лежит, оно особно.

Растлисудов (*Доброву*)

Поближе; внятнее читай.

Добров

«Экстракт подробной.
Своею жалобой асессор Праволов
Изобразил: майор покойный Прямиков,
Скончавшись без детей, наследное именье,
Которому в сем подробно означенье
Приложено при сем, ближайшему родне
Оставил по своей, покойной же, жене;
А именно, Фоме майору Чужпродаву.
Сей по наследственну или природну праву
Именье оное все истцу уступил,
Купчу на суде, как должно, утвердил.
Двугодной срок прошел, и спора не явилось.
Когда ж просителю за благо рассудилось
Во обладание имений тех вступить,
Чтоб с них законные корысти получить,
То некакой Богдан, названья Прямикова,
Не предъявя к тому предлога никакова,
Взяв, сыном сам себя родным его назвал
И истцу оных всех имений не давал...»

Растлисудов

Приметьте: не давал.

Бульбулькин

Ну, не давал, вестимо.

Растлисудов

Как это зло могло законом быть терпимо?
Читай.

Добров

«Хотя ж тогда проситель этот спор
Разрушил, доказав, что Прямиков майор
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Которого по нем скора была кончина,
Затем, что оного нет более в живых;
Но не уважа суд доводов таковых,
Имение за сим Богданом предоставил
И нескольких дворян в том присягнуть заставил,
Что Прямикова сей Богдан законный сын
И всем имениям наследник лишь один.
Проситель, таковым обиженный решеньем,
В суд Верхний с жалобным на то вступил прошеньем.
Когда ж и тут ему суд в праве отказал,
То апелляцию в Палату он прислал,
В которой, наконец, доказывает ясно,
Что Прямикова с ним духовная согласно
Федота одного за сына признает,
А о Богдане в ней ниже полслова нет,
Которым именем ответчик сей зовется;
В чем на свидетелей он беспристрастных шлется,
На подпись собственну по всем делам его,
На совесть чистую Богдана самого
И даже на его майорские патенты.
А как где письменны найдутся документы,
Там действовать уже присяги не должны...»

Растлисудов

Постой-ка. Кстати тут весьма приведены
Патенты штатские. Вить их сама царица...
Так тут присяга уж пустая небылица.
Вот важной пункт!

Добров (*читает*)

«Присяги не должны,
А как незаконно судом они даны,
То надо их почесть в сем деле за неважных;
А присягателей всех за кривоприсяжных;
Богдану ж с сей поры указом запретить
Чужое прозвище бесправно впредь носить;
А Прямикова все имения и села
Отдать просителю».

Растлисудов

Тут явна правость дела.

Добров

Ответчик Прямиков: что за кончиною...

Кохтин

Но ты стал бурмотать.
Подай мне: слушай же и научись читать.
«Что за кончиною майора Прямикова
Постигла смерть его и сына де роднова
Как доказать сего он истец не успел,
Ни чрез свидетелей, ниже из гласных дел
Ябедой своей лишь токмо посрамился,
А напротив того лишь только в суд явился,
Присягой двадцати соседственных дворян
То ясно доказал он Прямиков Богдан,
Что Прямикова он родной сын и законный,
Что Чужпродав майор совсем ему сторонный.
Что как ему отнюдь не вспало и на ум,
Чтоб кто-нибудь его мог продавать именья,
Когда он был в чужих краях для обученья,
То ябед плутовских, уступок и бумаг,
В уездном городке прибитых их дверях,
Оспорить он не мог за двести миль и боле,
Что возвратясь в свое отечество оттоле,
И с двух сторон зажженное войной его нашел;
По замиреньи в дом родительской возвратяся,
Узнал, что ябеда ему в родню вплелася,
В число покойников давно его причла
И родное его наследье продала.
Что тут, презрев ее все низкие ехидства,
Крючки законностей, пролазы и бесстыдства,
На правости своей себя он утвердил
И хищникам своих наследств не попустил;
И сопротиву лжи и ябедного кова
Священного себе законов ждет покрова».

Растлисудов

Эк, вздор!

Бульбулькин

Тьфу, дребедень!

Паролькин

Сумбур!

Атуев

А штиль надут!

Хотьрадбын

Ни мы-мы-мысли нет; ни смы-сы-мысла тут.

Кохтин

Ни ссылки на закон.

Растлисудов

Какие те законы?
Ты видишь, тут одни пустые забобоны;
Запутанная речь, укорные слова.
Ей, у меня от них вскружилась голова.
Пусть лучше бы он врал по-сербски иль богемски.

Кохтин

Однак, Уездный суд и также Верхний земский,
Решение на сих резонах утвердя
И спорное ему именье присудя,
Соперника его согласно обвинили.

Бульбулькин

Знать, пышные слова им головы вскружили.

Растлисудов

Но вы как мыслите о сем, мои друзья?

Бульбулькин

Коль правду вам сказать, так вот что мыслю я:
Что плут Богдан.

Атуев

Ей, так.

Растлисудов

И я такого ж мненья!

Хотьрадбын

То-точно так.

Паролькин

В том нет и малого сомненья.

Растлисудов

Так Праволова вы согласны оправдать?

Бульбулькин и Паролькин

Согласны.

Атуев

И весьма.

Хотьрадбын

Уж та-ки-ки-ки быть.

Растлисудов

Люблю я эдаку согласну мыслей встречу.
Так резолюцию я в сыле сей отмечу?

Бульбулькин

Когда угодно вам.

Растлисудов (*Кохтину*)

Возьми же, да поди,
Все это поскорей как надо расклади
И принеси журнал, чтоб подписать успели.
(*Кохтин уходит*)

Бульбулькин

Ну, над проклятым сим мы делом попотели!

Растлисудов

Так можно отдохнуть.
Все встают

Паролькин

Двенадцатой уж час.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж и прокурор

Прокурор

Желаю здравствовать. Не потревожу ль вас?

Растлисудов

Никак, мы рады вам! Спокойно ль ночевали?

Прокурор

Я думаю, как все: как улеглись — не знали.
В передней Праволов своей судьбины ждет.
Вы не забыли ли его?

Растлисудов

Нет, милой, нет!
Уж дело-та с концом: согласно оправдили.

Прокурор

Ай, да спасибо вам; вот прямо удружили!

Бульбулькин

Когда б скорей журнал.

Растлисудов

Да я вить уж велел.

Аролькин

А вот и секретарь.

Добров, который, бросившись за секретарем, встречается с ним лбом

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и секретарь с журналом

Секретарь

В минутную поспел.

Бульбулькин

Ну, впрямь спроворил вмиг.

Растлисудов (*берет журнал и дает подписывать*)

Итак, перекрестяся (*Подписывает*)

Бульбулькин

Эк, живо подмахнул!

Атуев

И я благословяся.

Аролькин (*Хотьрадбыну, который хочет читать*)

Да ну, пожалуй, нас читаньем не смеши:
Еже писах, писах.

Хотьрадбын

Так на же пи-пиши.

Паролькин (*отдавая бумагу Растлисудову*)

Вот подчеркнул и я.

Растлисудов

Бумага и готова.

(*К секретарю*)

Возьми.

Прокурор

Так можно уж позвать к вам Праволова?

Растлисудов (*к Доброву, который и уходит*)

Охотно. Прикажи.

Прокурор

Ну, как же эта весть
Обрадует его! судя как ни на есть,
А дело тысяч в сто.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те ж и Праволов

Праволов

Слуга я вам нижайший.

Растлисудов

И мы усердные.

Бульбулькин (*потрепав его по плечу*)

И скромны слуги ваши.

Прокурор (*Праволову*)

Какой тебе, мой друг, сегодня снился сон?

Праволов

К чему вопрос такой?

Атуев

Иосифом вить он
Снотолкователем недавно учинился.

Прокурор

Вчерашний с пуншем чай весь на него пролился
Во сне, наверное?

Праволов

А может быть, и так.

Паролькин

А это, говорят, хороший будто знак.

Праволов

Я благодарствую за благовещенье.

Бульбулькин

За потерпенье вить бывает и спасенье.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж и Добров

Добров (*подавая два пакета Растлисудову*)

С почтамта лишь сей час они принесены.

Растлисудов

Посмотрим, нет ли то какой в них новизны.
(*Распечатав, отдает прокурору*)

Палатско око ты: пожалуй, потрудися.

Прокурор (*читает*)

С «приказами» вить?
«А как в Сенат стеклися
С различных главных мест, правлений и судов
Репорты, коими асессор Праволов
В поносных ябедах, злодейственных беспутствах,
В разбоях, грабежах и даже душегубствах
Довольно приличен...»
Кой чорт! Смотри-ко, брат!
«Довольно приличен, то для того Сенат
Сим всем подсудственным местам повелевает
Строжайший обыск»

Праволов

Ох, кровь в жилых замерзает.

Прокурор

«О Праволове сем повсюду предписать,
И где найдется он, сковав, под стражу взять
И крепко заключить до нового указу».

Праволов

Погиб я!

Прокурор

Вот те на! Какую же проказу?..

Праволов (*на коленях*)

Да что уж говорить, не погуби, спаси!

Прокурор

Да ты возможного, голубчик, лишь проси.
Вить тож и у меня спина-та щекотлива.

Праволов

Пропал навеки я! О хищность нечестива!
(*Убегает*)

Прокурор

Куда? Постой, вернись! Чтоб он куда не сгиб.
(*Бежит за ним*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Те ж без прокурора и Праволова

Бульбулькин

Я вне себя!

Паролькин

Кой чорт!

Растлисудов

Меня как гром ушиб.

Атуев

Мне кажется, я пьян.

Хотьрадбын

Эк-эк-эк-эко диво!

Растлисудов

Да как с ним эдак вдруг внезапно, несчастливо?
Я не сберусь с умом. Но дай-ко нам прочесть
И эту вещь. Очки! Тут что-нибудь да есть.
О чем бы к нам теперь писать Сенату?
(*Читает*)

«Во Уголовную Гражданскую Палату».
Ахти, пропали мы!

(*Роняет из рук бумагу и падает в стул*)

Бульбулькин подхватывает бумаги, и все, сбегшись, читают

Атуев

Неужли впрямь...

Паролькин

Господь с тобой, очнись.

Хотьрадбын

Эк-эко диво!

Кохтин

Ну, пришло и нам, знать, круто.

Подымают бумагу и все, сбежавшись, читают

Добров (*в сторону*)

Крутили вить и вы!

Растлисудов

О скорбь! О горе люто!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те ж, жена, дочь и девка

Жена

Что за беда у вас? О чем так сильной крик?

Растлисудов

Пропали мы!

Жена

Да как? Ну ж, поверни язык.

Растлисудов

Да я ж тебе сказал, что сгибли да пропали.

Жена

Да как?

Бульбулькин

Погибли так, как ввек не погибали.

Жена

С чего ж?

Паролькин

С того, что нам пришел прямой уж мат!

Жена

Взбешусь; скажи мне...

Атуев

Взбесился знать Сенат.

Жена

Сенат! Ахти! и впрямь; да что же вам оттуда?

Хотьрадбын

Ввек хк-хк-экого не ждал я чу-чу-чуда!

Жена (*к Кохтину*)

Хоть ты мне растолкуй.

Кохтин

Да толк тут недалек.
За бабушкин, знать, грех всех нас попутал бог.

Жена (*к Доброву*)

Хоть ты...

Добров

О том вся скорбь, что вздумалось Сенату
Нас в Уголовну всех переместить палату.

Жена

Ахти мне! Да за что?

Растлисудов

Вот то-то и беда,
Что осудили нас без всякого суда.
Ну, льзя ль по одному доносу голословну
Наместника отдать нас всех во Уголовну
За взятки якобы, за толк кривой в делах,
Законов будто...

Жена

Как? Как? На пустых словах
Сенат уверился? Сенат нас обвиняет?
Да кто ж нам взятки дал? Кто нас изобличает?

Без права, без суда, честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорить, срамить и убивать.
Да что? Что он Сенат? Да что, что сенаторы?
В палатах разве лишь одних засели воры?
И к нам не дьявол ли занес Палату в дом?
Прочь с ней отсель; — я все поставлю кверху дном.

(*Опрокидывает стол и видит бутылки. Все бегут; секретарь подхватывая Зерцало*)

(*К мужу тихо*)

А кто принес?

ЯВЛЕНИЕ 9

Растлисудов

Никто. Остатки, знать, вчерашни.

Жена

Ахти! беда! беда!

Растлисудов

Твои вот это шашни.
Через тебя и я, и весь наш дом погиб.

Жена

Через меня? Да ты сидел в суде, как гриб,
Как истукан, как пень, как олух, как осел,
Как рохля; в жизнь свою ты двух концов не свел.

Растлисудов

Сведи же ты теперь.

Жена

Сведи! Еще бормочет!
Еще ж он мне голову хлопочет
Слышь, не дразни, а то...

Дочь

Ай, матушка, я вас
Прошу...

Жена

И ты туда ж? Пойди с моих ты глаз!
Ахти! пришла беда! Ахти мне! Умираю

(*Падает в стул*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те ж и Прямиков

Прямиков

Простите мне, сударь, что смелость принимаю
Прийтить к вам; ваше я несчастие узнал.
Жалея искренно, за первый долг считал
Спешить утешить вас и разделить печали.

(*Жене*)

Хотя вы на меня немного пороптали,
Сударыня, но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступок мой,
Усердью моему пряму дадите цену.
Счастья вашего я вижу перемену,
Но чувствований я моих не пременил.
Могу ль теперь, когда сей случай вдруг открыл
Того, кому меня вы предпочесть хотели,
Чтоб вы ту нежну страсть с приятностию зрели,
Которою к ее возжен я красотам?

Жена

Я, право, вас стыжусь. Вы много чести нам...
С моей я стороны согласна всей душою.

Растлисудов

И я тож; да и вы, я чай, согласны с нею.

Дочь

Ай! признаюсь, что мне он не противен был.

Растлисудов (*соединяя их руки*)

Ну, дай же бог, чтоб он тебе был вечно мил!

Прямиков

Какое счастие!

Дочь

Какая перемена!

Растлисудов

Теперь моя печаль немного облегченна.

Девка

Авось-либо и все нам с рук сойдет слегка.

Добров

Впрямь, руку моет вить, как говорят рука;
И уголовная с гражданскою палата
Ей-ей частехонько живут за панибрата.

Девка

Не то при торжестве уж мирном как ни есть
Под милостивый нас поддвинут манифест.

Растлисудов

Ну, что ни говорить, а дело плоховато.

Девка (*в сторону театра*)

Жить ябедой и тем: что взято, <то> и свято.

<Описание аллегорического изображения ябеды>

Сатир или Талия срывает с ябеды личину правосудия правою рукою, а левою уставляет щит с вензелем Екатерины Второй противу ябеды, стремящейся поразить его в глаза стрелкою весов, на коих кошелек с деньгами перевешивает Зерцало истины (и противу причастников ея: Взятковидца, хотящего захватить его крючком, у рукоятки скипетра провидения находящимся; Растлисудова, старающегося ударить его Зерцалом истины, превращенным в безмен; Кохтина, желающего кохтями длиннейшими рук ободрать его; Законоподбэрова, одетого в арлекинское из указов и разных законов сшитое платье, желающего уколоть его большим пером; и протчих, которые все при взгляде на щит каменеют).

АНТИГОНА

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

‹Вторая редакция›

Действующие лица:

Креонт, царь фивский.
Антигона, дочь Эдипа, царя фивского.
Эгина, наперсница ее.
Эмон, сын Креонта.
Димас.
Форбат, наперсник Креонта.
Стража }
Жрицы } фивские.
Народ }

Действие первое

Театр представляет царские чертоги

ЯВЛЕНИЕ 1

Креонт, Форбат

Креонт

Свершила наконец все ужасы война,
И кровью братий двух земля обагрена.
Решило Фив судьбу сражение кроваво,
Эдиповых сынов на трон исчезло право:
Друг другу дав удар, во прах они легли
И право то во ад с собою увлекли.
От смерти их сама природа се трепещет,
Но меж сих ужасов мне луч утехи блещет.

Форбат

Возможно ли, Креонт чтоб столько был жесток,
Чтоб, видя ныне, как свирепствует здесь рок,
Не пролил капли слез и не был сердцем тронут!

Креонт

Оставим плач другим, пусть слабы души стонут,
Пусть Антигона, днесь лишася братий двух,
Бесплодно свой об них терзает грустью дух,
Пусть мечется в тоске, пусть слезы проливает
И тем о праздном здесь престоле забывает.
Пусть, ставя сын мой страсть к царевне за устав,
Из братиев в одном сам друга потеряв,
Соплачет ей и тем любезной угождает.

Скорбящая душа всегда слаба бывает.
Потребна твердость мне и вреден скорби вид,
Когда Эдипов днесь престол мне предстоит.

Форбат

Но трона у тебя никто отъять не может;
Тебе остался он; иль мысль тебя тревожит,
Что можешь быть лишен?..

Креонт

То правда, я достиг
В смущеньях сих всех мер, мне кажется, своих.
Алкающий давно душою всей я трона
И зря, что братья те суть мне к нему препона,
Путями скрытыми в них ненависть вселил,
Чтоб трон очистили, я их вооружил.
Я признаюсь, война основана та мною.
Креонтов был совет, чтоб дерзкою рукою
Державу Этеокл неправедно хранил,
Которой по череде лишь править должен был,
И право б защищал оружьем не геройско.
Под Фивы Полиник привлек аргивско войско,
Мной тайно научен, с Адрастом соединясь,
Отечеству грозил, на брата разъярясь.
В средине сей они неслыханныя брани
Друг друга поразить взнесли грозящи длани
И, кровь забыв, одну вражду вменя в закон,
Взаимный дав удар, извергли души вон.
Без них здесь кто меня достойнее державы?
К тому же Этеокл, в поля стремясь кровавы,
Вельможам, воинству торжественно изрек,
Чтоб скипетр я приял, коль он свой кончит век.
Вот права сильные; но стали бы все слабы,
Когда моя душа унизиться могла бы;
Когда на них я всю надежду полагал
И сам, не действуя, в унынии дремал.
В сих случаях народ к волнению способен,
И первый, кто дерзнет, восхитить скиптр удобен.
Адраст, пред Фивами со войсками стоящ,
Царевна, сам мой сын, любовью к ней горящ, —
Все могут быть мои соперники опасны.
Но мне, оставя им крушения напрасны,
Мне надобно, Форбат, их всех предупредить
И твердостью души порфиру уловить.
Доколе не в венце, не буду я спокоен.

Форбат

Единый, государь, ты здесь его достоин.
Доказывает днесь то твердость нам твоя.
Дерзай, надежен будь: корона ждет тебя.
Уж наших сограждан согласное собранье
Готово увенчать сие твое желанье.
Предстань лишь токмо им, все примут твой закон.

Креонт

Будь долей мне, о, верх моих желаний, трон!
Одей меня своим сиянием, порфира!
И тотчас докажу в очах всего я мира,
Что сквозь преграды все, умев тебя снискать,
Незыблемой рукой умею и сдержать.
Пойдем, предстанем днесь соборищу всех Фи́вян.

(*Хочет уйти, но встретясь с Антигоною, пред нею останавливается*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Креонт, Эгина, Форбат

Креонт

Царевна, я тебе, страшася быть противен
Утехою своей, того знать не даю,
Сколь в сердце чувствую я всю напасть твою.
Когда усильно мы несчастным сострадаем,
То, может быть, лишь тем их скорби умножаем.
Чту долгом я тебе в слезах свободу дать
И вскоре видеть их отертый ток желать.

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Эгина

Антигона

В отчаяньи моем отрады ненавидя,
Благодарю его, что, скорбь мою он видя,
Утехой суетной меня не отягчил.
Ах! кто бы скорбь мою умалить в силах был?
Для поражаемой судьбою Антигоны
Утехой жалобы осталися и стоны.
В мрак вечный братия мои погружены;
Но кем? .. Друг другом, ах! они умерщвлены.
А я, несчастная! жить в свете долженствую,
Чтоб в сердце, помня их, питати муку злую.
Узнав, что каждый в них, лишенный жизни, пал,

Равно об каждом, ах! мой дух вострепетал.
Пускай между собой их разделяла злоба,
Они любезны мне, они мне братья оба.
Слезами жертвую им вкупе обоим,
И душу ужасом наполнила я злым.
Но что, Эгина, ты? .. что следуешь за мною?
Не хочешь ты мне дать мгновенного покою.

Эгина

Ты рвешься горестью, всю твердость погубя.
В сем состояньи как оставить мне тебя?

Антигона

Все обо мне твои старанья мне несносны.
Пременишь ли ты тем судьбы уставы злостны?
Когда ужаснейший тот слух меня достиг,
Что братий нет, увы! на свете уж моих,
Тогда, отчаянья несчастная став жертва,
Я, сил лишася всех, пред всеми пала мертва.
Вы, ревностью меня зловредной тяготя,
Вселили мук собор, жизнь в сердце возвратя.
Почто тогда меня избавили вы смерти?
Она хотела жизнь и все с ней бедства стерти.
Стократно сносней нам один раз умереть,
Чем продолжительны удары те терпеть.

Эгина

Коль сами небеса о жизни в нас пекутся,
То знак, что наши тем все бедствия прервутся.
Спокойство восприми, поверяся на них;
Отчаяньем не смей предел нарушить их.
Не знали крови уз те братия несчастны
И преступления влекли к себе ужасны.

Антигона

Я знаю, их смирить небесный гром был слаб.
Единый и другий неистовства был раб.
Геенною престол скорее б искупили,
Чем распри их вину друг другу б уступили.
О преткновение возвышенных сердец!
О трон! о блещущий, но тягостный венец!
Чтоб вами обладать, коль много забывают!
Рассудок кроют тьмой и совесть заглушают,
Степеньми мертвых тел достичь стремятся вас.
Но если бы цари, в порфиру облачась,

Все с нею бремена спряженны воспримали,
Далеко б все они владычества бежали.

Эгина

Забудь напасти все, конец увидев им.

Антигона

Довольно ль, боги! весь Эдипов род гоним?
Правдиво ль ты, о рок! ко смертным толь враждуешь,
Что грех отеческий и в чадах наказуешь?
Остаток крови сей, что удивила свет,
Чего должна я ждать, кроме единых бед?
Всечасно мысль моя тем будет пораженна,
Что моего отца я матерью рожденна,
Что я, увы! сестра братоубийцев двух,
Что род наш славен тем, что ужасов в нем дух.
О боги! от меня сии злодейства скройте;
Иль смерть в отраду мне стремительно устройте.
Разгневанной судьбы пренесши злой удар,
Я жизнь вменяю в яд, а смерть в сладчайший дар.

Эгина

Спокой, царевна, свой смятенный дух ты ныне;
В Креонтовом увидь свою надежду сыне.
Эмона любишь ты, Эмон тобой горит:
Владычицы своей он счастье сотворит.

Антигона

Хотя надежда вся моя в одном Эмоне,
Слаба она душе от скорбей к обороне.

Эгина

Как можешь ты иметь сомнения о нем?

Антигона

О нем сомнения во сердце нет моем.
Пылающ мной, любим, герой, великодушен,
Не может быти он тем чувствиям преслушен,
Которые всегда ко мне его влекут
И наших уж давно сердец союз плетут.
Всегда меня в своей он страсти уверяет.
Я б верила тому, что мною он сгорает,
Хотя б богов не звал своих в подпору слов;
Где сердце даст обет, нет нужды до богов.

Простым его словам я боле клятв поверю,
Но тем, увы! своей печали не умерю.
За нежности свои, толь пламенно любя,
Найдет ли он во мне награду для себя?
Могу ли сообщить хоть тень ему спокойства,
Коль душу всю мою волнуют неустройства,
И слабы прелести приятны ли тогда,
Как льется плач на них, написана беда?
Я буду век к себе, к любезному строптива.
Ты зрела, как моя душа несправедлива
Смерть братиев моих в вину ему причла;
Ты слышала, что я в жару ему рекла;
Вслед токмо одному стремяся исступленью,
Я дерзкому вдалась Эмона оскорбленью.
Забыв, что воспретить им сил он не имел,
Что крови б он своей для них не пожалел,
Забыв, за все ему упреком заплатила.
Иль мыслишь, что во мне свирепа скорби сила,
Утихнувши на час, ввек станет лишь молчать?
Нет; вечно буду всех собою огорчать.
Всем чувствовать то дам, что дух мой ощущает.

ЯВЛЕНИЕ 4

Антигона, Эмон, Эгина

Эмон

Царевна, зрю, еще льет слезы и страдает.
Эмону вся твоя чувствительна напасть;
Эмон во всем берет с тобою равну часть.
Лишенна братий ты, лишен он друга нежна.
Все чувствия его крутит печаль мятежна.
Но меж сих ужасов, грызущих люто нас,
Прости, коль он дерзнет вознесть утехи глас.
Свершенных заменить бед, сетуя, не можно.
Добротою души блистающа не ложно,
Напасти долею своей должна ль ты честь?
Блаженством будешь ты, как прелестями, цвесть.
Дерзну ль рещи, что тем в несчастьи облегченна
Быть можеши, моим что сердцем обоженна?
Имеет мой отец в умах народа власть,
По братиях твоих, его корона часть;
Я сам, когда своей не тщетно силой льщуся,
Я в действо произвесть все для того потщуся,
Дабы ты дни вела достойные тебя.
И если, всей душой я пламенно любя,

Горячности своей узрю тебя причастну,
Владычицу свою когда увижу страстну,
Мне вздох хотя один дающую во мзду, —
Я ниже тем своей почту богов чреду.

Антигона

Ко мне Эмоновы мне чувствия известны,
Я знаю, сколь они горящи и не лестны;
И склонность я к тебе сколь сильную храню,
Давно уже ты сам то ведаешь, я мню.
Но, ах! любя тебя, душа моя страшится,
Да нам сия любовь в напасть не обратится.
Все бедства испытав, мне страшно все теперь...
По сим боязням ты мою горячность мерь...
Мне мой рассудок страсть губить повелевает,
Но сердце верх берет, ему все уступает.
На скорби не смотря, которые терплю,
Забыти не могу, что я тебя люблю.
Постражду ль вечно я, в мученьях ли увяну,
Любити никогда Эмона не престану.

ЯВЛЕНИЕ 5

Антигона, Эмон, Эгина, Форбат

Форбат

Царевне возвестить Креонт меня послал,
Что ныне скипетр он по праву восприял.
Из рода наших он царей теперь старейший,
Потщится он разгнать напасти наши злейши.
Не сомневаясь в том, что в скорби ты своей
Себе единых ждешь несчастья полных дней,
В противном он тому тебя мной уверяет:
Он должностию то себе предпоставляет,
Чтоб крови ты своей приличну жизнь вела.
Останешься ты тем, что прежде ты была.
Хоть братия твои владети здесь не будут,
Что дщерь Эдипа ты, то Фивы не забудут.

Антигона

Креонта я моих отцов на троне зря,
Желаю видеть в нем достойного царя.
Не мню, чтобы он столь душою сниспустился,
Несчастну без него теснить чтоб вящше тщился.
Мою не в силах он унизити чреду.

Подпоры от него, не милостей я жду.
Вещай ему, коль мне доставит часть плачевну,
Он не рабу казнит, но оскорбит царевну.

ЯВЛЕНИЕ 6

Антигона, Эмсн, Эгина

Эмон

Се явственно судьба споспешествует нам,
Не к горестным ведет, но к радостным нас дням.
Державную здесь власть приявший мой родитель
Желанья нашего явится совершитель.
Хоть гневом на меня его палился дух
За то, что Полиник нежнейший был мне друг;
Но днесь он укротит свой гнев несправедливый,
Коль братья и враги уж оба те не живы;
Причину распри в нас постигнул коль конец,
Вновь к сыну своему явится в нем отец.
Мы кротость в нем родим, когда ему предстанем
И нашей заклинать его любовью станем,
Которыя ему чистейший огнь не скрыт,
Да браком он сердца горящи съединит.
Докажем мы тогда, любви что совершенство
Двум смертным может дать верховное блаженство,
Здесь долу их судьбу с небесною сравнить,
Заставить, все забыв, друг в друге токмо жить.
Меж тем престань платить ты скорби тщетны дани,
Из мыслей днешния изгнавши ужас брани,
Лишь счастьем будущим займи в восторге ум.

Антигона

Могу ль избавиться от лютых сих я дум?
Я братий, может быть, тем память оскорбляю,
Что в день, в который их обоих вдруг теряю,
К страданию об них примешиваю страсть;
Но если б не она, сама б должна я пасть.
Летящу душу вон она остановляет;
Но, ах! не к вящшим ли мученьям оживляет?
Не посылайте нам вы оных, боги! вновь.
Соделайте, моя невинна чтоб любовь
Увенчанна была и одобренна вами.
Прославьте счастьем нас, прославивши бедами.
Чем ваша мощь свята, коль не погубит зло?
Довольно здесь не слез, но крови уж текло.

Конец первого действия

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ 1

Эмон, Димас, Посол аргивский

Посол

Аргивского посла название священно
Носящу на себе, Адрастом повеленно,
Мне предложение позволь ты учинить.
Он знает дружбу, что душа твоя хранит
К союзнику его, несчастному герою,
Что отческой вражды была тебе виною;
И он осмелился, твое геройство знав,
Надеяться, что ты, мысль равну с ним прияв,
Виновнику отмстишь войны тоя кровавой,
Кой ненаказанно гордится здесь державой.
Склонись ты к Фивам нам путь тайный показать,
Чтоб скипетр из руки Креонтовой отъять...

Эмон

Как! мне родителю изменником явиться?..

Посол

Ты мыслишь, может быть, что наш владыка льстится
Отечеством твоим смятенным овладеть;
Намерений таких не может он иметь.
Он хочет лишь отмстить за кровь здесь пролиянну.
Содействуй лишь ему, и к царскому ты сану
Узришь тебе стезю. Он Фивы лишь спасет
От власти варварской, тебя на трон взведет,
Ты будешь здесь царем.

Эмон

Я боле не внимаю
И выше чести я престол не поставляю.
Когда бы сам Адраст сие мне провещал,
Достойно бы ему тогда я отвечал.
Ты ж, удалясь отсель, неси во стан аргивский
Презрение мое за ков толико низкий.
Поди.

ЯВЛЕНИЕ 2

Эмон, Димас

Эмон

Вот день убийств хотели чем свершить!
К падению отца чтоб сына побудить,
Ласкали скиптра мне неправым полученьем.

Коль средство трона есть достигнуть преступленьем,
Для добродетельных трон низость есть сердец.
Злодей всегда злодей, хотя на нем венец.

Димас

Закону чести ты во след идя прямому,
Пороку никогда не приобщишься злому
И будешь свойствами твоей велик души.
Но, государь, ты мне в вину не припиши,
Коль удивления я своего не скрою:
Зря в горести тебя... прилично ли герою
Вдавать себя тоске, смущаться, трепетать?

Эмон

Возможно ль мне, Димас, спокойну пребывать?
Все ужасы, в сей день свершившиеся, знаешь.
А ты еще меня смущеньем упрекаешь!
Какой не тронется свирепый человек,
Коль зрел в глазах своих кровавых волны рек!
Еще мечтаю я зреть в друге сопостата...
Се мертвый брат лежит, низвергнувший сам брата..
К чертогам ли я сим от боя взор простру,
В потоках вижу слез их тающу сестру...
Ту, что и внутрь и вне красой небес блистает,
Се ту отчаянье смертельно удручает.
Ту, коей я горю... и коею любим...
Зрю преданну в корысть печалям сердца злым.
Могу ли сам я быть мученью не причастен?
Бесчувства нет во мне; не столько я несчастен.
Когда чьи скорби зрю, сам скорбями дыша,
То ощущаю тем, что есть во мне душа.
И в том ли токмо знать героев должно свойстве,
Чтоб, слыша стон других, в холодном быть спокойстве!
Знак зверства одного поносный сей покой;
И если кто таков, он изверг, не герой.

Димас

Похвально чувствия хранити таковые.
Но обстоятельства к концу приходят злые;
Напасти уж прошли и не настанут вновь.
Питай лишь общую с царевной ты любовь,
Все ваше бедствие в блаженство превратится,
Вам жертвенник утех навеки воскурится.

Эмон

Хоть кажется судьба нам иногда сладка,
Но яд мешает с ней невидима рука;
И часто посреди минут благоприятных
Мутимся мы в душе от скорбей непонятных.
Блаженство предо мной наружно предстоит,
Но внутренность моя другое мне твердит:
Предчувствий мрачных нож во сердце, слышу, входит,
И лютых мук собор в него с собою вводит;
Безвестны фурии в меня сыскали путь;
Зубов их острие грызет смятенну грудь.
Конечно, иногда готовя нас к страданьям,
Сим жить в нас небеса велели предвещаньям,
Чтоб предварители нам были в том они,
Что горесть за собой влекут счастливы дни.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креонт, Эмон, Форбат, Димас, воины

Креонт

Мой сын, колико я душою восхищаюсь,
Что день, порфирою в который украшаюсь,
Пределом всех нам стал отечественных бед!
Не брани огнь горит, но мира блещет свет.
Аргивцы чрез посла меня об оном просят;
Не мрачный кипарис, ветвь масличну приносят.
Сраженны смертию двух братий и врагов,
Кровопролития несчастнейших творцов,
Желают наложить оружию молчанье
И наших кончить стен упорно облежанье.
Довольно здесь уже свирепствовала брань;
Довольная была от Фив судьбе злой дань.
Се время наступить по смутностях покою.
Хочу, да счастие мне данных чад устрою
И, мир облобызав, тем царствовать начну,
Что изнуренную ущедрю всю страну.

Эмон

Коль прекратятся так дни бранию бурливы,
Отныне, государь, все будем мы счастливы.
Своею насадив здесь тишину рукой,
Ты будеши велик не троном, но собой.
К несчастью смертных всех, царей на свете мало,
Чье сердце миром быть прославленно желало.

Хоть славу за собой влечет всегда война,
Но кротких честь царей — подвластных тишина.

Креонт

На поле ужаса, лютейшего сраженья,
Побитые тела лежат без погребенья.
Се ныне я даю веление, как царь,
Да велелепнейший воздвигнется олтарь
И Этеоклов труп на оном да сожжется,
Да прах его потом во урну соберется,
Дабы он был храним меж прахами владык.
Братоубийца же, мятежный Полиник,
Кой к отческу привлек чужое войско граду,
Могу ль и к мертвому не чувствовать досаду?
Да будет, говорю, всех почестей лишен,
Да труп его лежит оставлен, не сожжен,
Да будет пищей он зверей и хищных вранов.
Се честь ко памяти изменников, тиранов!

Эмон (*в сторону*)

Что слышу! Сей удар царевну поразит.

Креонт

Да весь народ сие мое веленье чтит,
Не смея оному ни в чем быть прекословен.
Кто ж в преслушаньи мне явится днесь виновен,
Клянуся адом я и силой царских слов,
Тот люту стерпит казнь, кто б ни был он таков.

ЯВЛЕНИЕ 4

Антигона, Креонт, Эмон, Эгина, Форбат, Димас, воины

Антигона

Владыкой Фивам став, подпорой царску роду,
Услыши, государь, стенящую природу,
Сестра двух братий, брань жизнь коих прервала,
О должности твоей вещать тебе пришла.
Бездушны трупы их, дымящися кровями,
Под грудой тел лежат пред градскими стенами.
Сих сами стран цари и сынов<ья> царей,
По смерти злой не зрят достойных им честей.
И должно ли, чтоб мы им были судиями,
Когда мы убежать от зла не можем сами?
Оставим, смертны быв, грехи казнить богам.
Воздай сим, государь, честь царскую телам

И самым тем утешь в печалях сих ужасных,
Страдающих по них сокровников несчастных.
Но сих моих речей молением не чти;
Я требую: сестру, царевну в том прости.
Ставь благом ревность ту, которой я пылаю,
Исполнь не медля то, чего я ожидаю.
И так уж я стыжусь, что ты на трон восшел,
А первый долг свершить до слов моих коснел.

Креонт

Похвально сколь сие чувствительное рвенье!
Мое к царевне им сугубится почтенье.
Но блеском лишь меня занятого не мни,
И медленностию в сем деле не вини.
Почто мне ждать, чтоб был я предварен тобою?
О чем ты мне рекла, устроено все мною.
И воля в том моя какой дала закон,
Оставшийся с тобой, поведает Эмон.
Надеюсь, что с моим сообразясь желаньем,
Не омрачишь себя на царский глас роптаньем.

ЯВЛЕНИЕ 5

Антигона, Эмон, Эгина, Димас

Антигона

Ужасною тоской мой разум потемнен,
О новом был царе на время заблужден.
Я вижу, что его я суетно винила;
Прости, коли тебя в отце я огорчила;
В несчастных не они, их бедства говорят.

Эмон

Ах! в чем прощать тебя?..

Антигона

В сем сердце грусти яд
Волнуется, кипит, цепь мыслей разрывает.
Смущенно чувствую, смущенно глас вещает.
Но ты мою печаль, сколь можно, днесь умерь,
В отраде сей меня, любезный князь, уверь,
Что помнит твой отец, начав владеть сим градом,
Чем должен ныне он царям и царским чадам...

(*По некотором молчании*)

Но ты молчишь...

Эмон

Страшусь... хоть должен я рещи...
В отчаянье тебя страшуся вовлещи.
С каким бы я тебе то возвестил стремленьем,
Что мог бы счесть твоих прискорбий утешеньем!
Но чтобы возвестить беды, разящи нас,
Готовый излететь остановился глас.

Антигона

Еще мои беды, еще, я вижу, множат.
Когда судьбы конец страданьям сим положат?

Эмон

Из братиев твоих злосчастнейший един
Приимет почести, как стран сих властелин.
Другой... Позволь судьбу мне умолчать другова...
Сколь в жизни, по конце столь часть его сурова.

Антигона

Другова?.. умолчать?.. так... все я поняла.
И ярость на кого небесна снизошла,
К тому и человек свою жестокость клонит!
Кто сильными гоним, того и слабый гонит.
Креонта смертными пустил рок обладать,
А область хочет он неправдою начать!
И из двух братиев, вражду питавших равну,
По смерти одному назначил часть бесславну,
Чтоб в жертву их сестру мучениям предать
И род весь до конца Эдипов истреблять!
Как! брат мой будет днесь всех почестей лишаться!
На мрачных тень его брегах должна скитаться!
А я!.. а я сие могу ли претерпеть?
Стократно легче б мне со братьями умреть,
Чем самовидицей такого быть позора.
Креонт! увы! ты наш мучитель, не подпора.
Иль мыслишь, что, венец блистающий надев,
Удобно разверзать тиранства можешь зев?
Забыл, что кротостью к богам владыка ближе;
На троне что злодей простых злодеев ниже.
Но в злобе утопать стремяся, все сверши
И жизни дщерь царей последнюю лиши.
Вынь душу из меня и после скорбно тело,
Не слыша пеней сих, предай в снедь зверям смело,
Да брата и сестры жрут купно плоть они;

Спряженных нас родством, сей долей съедини.
Быть может, что наш тлен проклятие отрыгнет,
Которое ушей Креонтовых достигнет,
И совесть, у него тем в сердце пробудясь,
Отмстит за нас, вся вкруг ехидною виясь.
Но нет... я мыслю, кто к тиранству приступает,
Заранее в душе тот совесть затушает.
Поди, реки ему, законы что храня
Он зверства своего, мертвит пускай меня...

Эмон

Ты в исступленьи мне гласишь: Креонт мучитель;
Разишь слух сына тем, что лют его родитель.
Заставила меня страдать стократно злей
Виною сей его, чем собственной своей,
И думаешь, что ты нужна ему быть жертвой;
Нет; смерть твою Эмон претерпит разве мертвой.
Я крови для тебя до капли б не щадил
И жизней тысячью твою б жизнь искупил.
Но днесь не предстоит к отчаянью нам нужда:
Креонтова душа свирепств толь сильных чужда.
Он смерти твоея возможет ли желать?

Антигона

Коль в том не хочешь ты его подозревать,
Когда ты удержать мою жизнь алчешь слезну,
То сделай опыт в том, утешь свою любезну:
Сыновнею мольбой Креонта преклони,
Да погребательны возжгутся днесь огни
Для братиев моих обоих равно...

Эмон

Боги!
Приникните с небес и будьте мне залоги,
Что если бы сие свершить я в силах был,
То вашими б ее слова себе вменил.
Я люто стражду сам, коль ты себя тревожишь;
Но твердый нрав царев не ведать ты не можешь:
Что он предпримет, в том стремителен, жесток
И слову изменить за тяжкий чтет порок.
Хотя он не тиран, но дух властолюбивый
Творит, что действуют в нем чувствия строптивы;
Моленьем не дает себя он победить
И в твердости границ не знает сохранить.

Антигона

Так бедство зря мое, никто мне не состраждет,
Лишь токмо слез моих напиться всякий жаждет.
Злодеи! истощу не слезы вам, но кровь.
Се пламенна ко мне, Эмон, твоя любовь!
Холодностей своих пронзив меня мечами,
Все клятвы чувствия соделал ты лжецами.
Ты звал богов: не им, я верила тебе
И пагубы сама тем строила себе.
Придет ли в мысль слова те опытом измерить,
Которыми, кто мил, нас силится уверить?
Так, слабой ты моей души владыкой стал,
И что вещал ты мне, всем тем меня ласкал.
Но днесь, как рвут меня прискорбия ужасны,
Все действия твои с речами не согласны.
Приятна страсть сперва, но лют ее конец.
Таков же сын ко мне, каков свиреп отец.
Сокройся от меня...

Эмон

Чем винен пред тобою?

Антигона

Беги... я, зря тебя, слаба владеть собою.
Коль ставишь ты в ничто меня так оскорблять,
Беги и мыслям дай моим ток вольный взять.
Беги, вещаю я...

ЯВЛЕНИЕ 6

Антигона, Эгина

Антигона

Колико я страдаю!
В мучителях моих и тот, кем я пылаю.

Эгина

Возможно ль, чтоб тебе мучителем был он!
К тебе его любовь — души его закон.
Когда бы мог твои он бедствия исправить,
Не нужно было бы его к тому заставить.
Но коль устав Креонт дал гневом двигнуть злым,
Вы опровергнуть то бессильны оба с ним.
Во безмятежии сноси свою ты долю;
С спокойством на лице смотри на царску волю:
Лишь с чувствием к нему презрение вмещай.

Антигона

Я больше сделаю. Во мне не ожидай
Из царской дщери зреть рабу, другим подобну.
Могу ль я следовать сему веленью злобну?
К Креонту праведно душой рассвирепев,
В сердечных только свой сокрывши недрах гнев,
Бесплодно стану ль я тоскою изнуряться?
Нет; чувствия сестры в делах моих явятся.
Коль долг царя Креонт не хочет совершить,
То я свой совершу.

Эгина

Что мыслишь учинить?

Антигона

Коль Этеокла чтут по смерти как владыку,
Такую ж честь сама воздам я Полинику.
Хоть велелепного лишится он костра,
Но славен сей обряд: сожжет его сестра.
Мрак ночи, служит кой злодейств людей покровом,
Споспешник будет в сем безгрешном действе новом.
Невинным может быть в нем польза в первый раз.
Под сению его отвагой воружась,
Из града выйду стен в средину поля бранна,
Достигну сердцем там предмета мной желанна,
Разрою груды тел сама своей рукой
И, братний труп обрев, омою слез рекой;
Почту его своей любви я фимиамом,
И кровью тучная земля мне будет храмом:
Возшлю до облак вопль, любезный труп возжгу,
Со пламенем сим огнь душевный сопрягу.

Эгина

Что слышу я! в тебе какая дерзость дивна!
В опасности идешь...

Антигона

Не смей мне быть противна.
Решилась я. Меня не мысля удержать,
Потщися моея достойна дружбы стать
И не кажи в своем мне робости совете.
Для слабых только душ опасности суть в свете.
Собрав к царевне их усердствующих жен,
Жриц верных также б сонм был к коим приобщен,

Приди ко мне. Мы все из града выйдем тайно
Позорище звездам явить необычайно:
В превыспренних ясней начнут они блистать,
Узрев, что где пред сим свирепствовала рать,
Там те, слабейшими что чтутся существами,
Презрев тиранство, долг святой свершают сами.
Любовь, которою мой к брату дух горит,
Средь ужасов мое величье сотворит.
Богам самим, мое предчувствво в том свидетель,
Покажется сия завидна добродетель.

Конец второго действия

Действие третье

Театр представляет поле пред градскими стенами, на котором сражались, и глубокую ночь. Даль составляют пригорки, из-за которых видно расстилающееся по тьме зарево

ЯВЛЕНИЕ 1

Эмон, Димас, воины

Димас

Куда стремишься ты? тьма ночи в небесах,
А мы скитаемся на бранных сих местах.
Мы следуем тебе: ты в странном сам смятенье.
Иль хочешь страшное возобновить сраженье?
Иль несколько часов ты мир устал вкушать?
Усердных воинов велел ты мне избрать,
В опасности тебе чтоб храбрость посвятили:
Покорствовать тому мы все не укоснили.
В награду нам свое намеренье скажи;
Коль есть тебе враги, разить их укажи.
В крови ль омыться чьей должна твоя досада?
Вещай, что делать нам в часы сии вне града?

Эмон

Не в лютый бой входить, не лить алкаю кровь,
Невинность защищать мне днесь велит любовь.
Не постигаешь ты стремление Эмона,
Когда в опасности великой Антигона!
Чти жар священный тот, которым я горю;
Воззри на твердь, увидь от пламени зарю.
Ты будеши тогда исполнен удивленья,
Познаешь как сего причину озаренья.
Веление отца ты знаешь моего,

Я просьбу истощил, нарушить чтоб его;
Испытывал смягчить движенье в нем порочно,
И что предчувствовал, то сделалося точно.
Но от Эгины что уведал ныне я!
Дивясь, о сем душа смутилася моя.
Познай и ты сие. Познай, что Антигона,
Творительница став великих душ закона,
Не истощается бесплодною тоской,
Но действиями пол днесь превосходит свой.
Опасностей не зря в отчаяньи, в печали,
Свой долг она творит: се те часы настали.
Но я все за нее был должен предузнать
И меры верные к ее спасенью взять.
Сокрывшись здесь, своей подвигнут силой страсти,
От всякой огражду нечаянной напасти
Ту, коей я дивлюсь и коей вспламенен.
В ней боле, чем во мне, геройский дух вмещен;
Но я хотя уж тем надеюся быть славен,
Любовью что своей с ее любовью равен.

Димас

Какой величества душевного пример!
В обоих вас равно бесстрашию нет мер.
Блистая напрерыв изяществом сердечным,
Вы слух своих имен хотите сделать вечным.

Эмон

Кто героинею плененным быть умел,
В геройстве тот, поверь, имеет сам удел.
На крае гибелей ее зря, быть спокойным
Не есть любить ее иль быть того достойным.
Друзья, разделите вы сей восторг со мной,
Что случай есть дать щит невинности собой.
Что может более возвысить человека,
Как то, коль не щадит он небом данна века,
Чтоб добродетели со прелестьми спасти?
Мне счастье за нее смерть лютую снести.
С движеньем сердца я в сем действе часть примаю,
Как будто бы днесь сам труп брата сожигаю.
Превыше бренности мой, слышу, дух возник.
Прими те чувствия сердечны, Полиник,
Что памяти твоей в дар друг твой посвящает;
О жребии твоем он слезы проливает;
Он огнь тебе возжег на олтаре души:
Ты в мрачных областях обет его внуши.

Коль в вечну ввергнут ночь немилосердым роком,
Пронзительным сюда из оной смотришь оком,
Какое для себя ты видишь торжество!
Се в первый долг вменив то, что велит родство,
И чувствия любви питая непреложны,
Сестра твоя тебе являет чести должны.
Тот, кто тебе был друг, кто в страсти к ней горит,
На страже у нее при тайне сей стоит.
Презрели всех они, другим сие чтоб вверить;
Все страхи не могли их жар к тебе умерить.

Димас

Се зрелище самих достойное небес!
Но дым и пламя ветр по воздуху разнес.
Уж тихнет все теперь, все снова померкает:
Знать, Антигона сей обряд окончавает...

(*Видно шествие с пригорков Антигоны и последующих ей*)

Уже соборище вдали я вижу жен;
Является их путь к местам сим устремлен.

Эмон

Сокроемся, друзья.

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Эгина, жрицы и женщины, Антигоне последующие

Антигона (*выходит из дали театра в ночном беспорядке, плачущая и с урною в руках; прочие женщины ей последуют*)

Предмет для сердца слезный!
Сосуд, вмещающий прах, столько мне любезный!
Весь брата тленности остаток моего!
Свидетелем будь ввек отчаянья сего,
Отныне коему есть жертвой Антигона.
Воззрети на тебя не возмогу без стона.
Ты будешь мне в уме всечасно представлять
Вину моих скорбей, ужаснейшую рать.
Напомнишь мне... терпеть я буду ли то в силах?
С чьей кровью равная в моих течет кровь жилах.
О, жителей небес священная судьба,
С которой братися всех смертных власть слаба,
Ко добродетели моей содействуй воле;
К различной правь меня с сокровниками доле:
Да блага семена в душе я возращу,

Злодейств себе в твоих уставах не сыщу.
Коль чада ж все тобой Эдипа столь гонимы,
Что преступленье в ад им путь необходимый,
Неправедный сей суд скорее упреди
И смерть мне дать моих злодействий ты не жди,
Чтоб ими осквернить мне душу самовольно,
Твоей, клянусь собой, всей силы недовольно.

(*Отдает урну в руки жрицам*)

Служебницы богов, обряд святящи сей!
Примите к брату вы залог любви моей:
Восшлите к небесам о нем молитву теплу;
Хранилище его сосуд сей будет пеплу,
А самого вместит в себя душа моя.

(*После некоторого молчания*)

Какие ужасы в сем месте вижу я!
Дух к трепету влекут поля сии пустые;
Едины мраки лишь простерты здесь густые;
Вперяет все боязнь, чем я окружена,
И самых громов здесь страшнее тишина.
Сиянья звезд мои не видят слабы очи;
Всей поражаюся опасностию ночи;
Дрожь чувствую земли трясущейся ногой;
Рвусь тщетно мест бежать, был в коих лютый бой...
Так... слышу звук мечей... и крови здесь дымятся...
Се братия мои с оружием стремятся.
Постойте, на кого вы руки вознесли?..
Друг друга, зрю, разят... и крови потекли
Се собственной моей из персей их потоки.
Ах! язвами суть мне все язвы их глубоки.
Се точат кровь древа, ревет ужасный вой,
И звуки гибельны войны толико злой,
Смутить самих богов, превыше туч взнесенны...

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Эмон, Эгина, жрицы и женщины. Эмон, слыша исступление Антигоны, выбегает из закрытия и со всеми предстоящими старается ее успокоить

Эмон

Царевна, усмири ты чувства возмущенны...

Антигона

Престань пылати, брань, умолкни, страшный шум,
Спокой хотя на час ужасшийся мой ум.

Но нет... лютейши мне еще предстали виды:
Разверзся ад, оттоль стремятся Эвмениды;
Обвит змеями, в их десницах блещет меч.
Куда бежите вы? сражение ль пресечь?
Но к братиям уж вы простерли страшны руки;
До ада им терпеть даете адски муки;
Припавши к ранам, вы сосете кровь из них;
Влечете за собой их в бездну обоих;
Их кровию стезю там черну обагряя...
Туда ж за ними, зрю, влеком Эмон, страдая...
Почто вы, фурии, оставивши меня,
Не сделали сего причастницей огня?
В презренье моего разительного стона,
Вы братий увлекли, вы увлекли Эмона;
А мне судили жить без жизненных отрад,
С сим воздухом вдыхать лютейший в сердце ад.
По воле вы судьбой беснующихся правьте...
И, братиев влача, Эмона хоть оставьте...

(*Лишается сил; Эмон, Эгина и женщина ее поддерживают*)

Эмон

Престань разить свой ум ужасною мечтой.
Открой глаза, увидь Эмона пред собой.

Антигона

Эмона!.. адские врата, я зрю, трепещут,
Эмона возвратив, все фурии скрежещут...
Ах! суетной ласкать надеждой мне хотят:
Отреян их рукой обратно он во ад.

Эгина

Какие в мысль свою сама ты вводишь мраки!
Содеянны тобой страшат тебя призраки.

Антигона

Эгины слышу глас!.. я вижу здесь тебя...

Эмон

Смятенье утоли, мечтание губя.

Антигона

И ты, Эмон!.. и ты!..

Эмон

Я здесь, смотря, терзался,
Мучительный тебе как ужас воображался.

Антигона

По степеням сей мрак в уме моем исчез,
Подземный страх прогнать сияет луч с небес.
Приближься, чтобы мне поверить было можно,
Что вижу пред собой Эмона я не ложно.

Эмон

Уверь себя ты в том и дух свой успокой;
Нет гибелей тебе, когда Эмон с тобой:
Чтоб вред тот был при нем, коль мысль твою смущает,
В том аду самому Эмон не доверяет.

Антигона

Чем дале я вхожу, тем большу вижу тьму.
Как мог теперь предстать ты взору моему?
Какой толь сильною влеком ты был причиной
В полуночи сюда?

Эмон

Любовию единой.

Антигона

Что слышу!

Эмон

Дерзостно намеренье узнав,
Которо влил в тебя решительный твой нрав,
Не должен ли я был к тому вооружиться,
Чтоб в безопасности возмог здесь совершиться
Обряд сей, кой тебя на высшу взводит честь?
Ужель любовь слаба к геройству нас привесть?
Иль дух твой за мой жар ко мне толико злобен,
Что верит он с трудом, что я к сему способен?
Коль мужеством вполне желаешь ты блистать,
Оставь мне то, чтоб мог тебе я подражать.
Когда ж ты в слабостях меня подозревала,
Так истинной ко мне ты страсти не питала.

Антигона

Могу ль я о тебе в таком сомненьи быть?
Не быв героем, чем ты б мог меня пленить?

Величьем душ себя друг с другом мы равняем;
Сим средством я тобой, а ты мной обожаем.
Не ново для меня, что днесь ты учинил,
Ты внутренних к тому имеешь много сил,
Которыми мою горячность ты присвоил
И в сердце у меня престол себе устроил.

Эмон

Что может более нас в свете превознесть,
Как то, что мы любви собой приносим честь?
Владея нашими взаимно что душами,
И боги и цари друг над другом мы сами?
Но ночь уж за свою средину перешла,
Опасно то, чтоб здесь ты долее была;
Желание свое уже ты совершила,
Потребно, чтоб себя отселе удалила...

Антигона с последующими ей хочет уйти. Но внезапу из находящегося в стороне леску вышедшие, под предводительством Форбата, воины, окружа их, остановляют

ЯВЛЕНИЕ 4

Антигона, Эмон, Эгина, Форбат, жрицы и женщины, воины

Форбат

Остановитеся.

Антигона

Что вижу!

Эмон

Отчего
Дерзаете?..

Форбат

Творя владыки моего
Снисподсланное мне с престола повеленье,
Царевну удержать чту правом дерзновенье.
Оставя труп лежать здесь братий одного,
На страже быть велел у места он сего,
Чтоб если кто его изволу в преступленье
Здесь Полиниково дерзнет свершить сожженье,
Кто б ни был он, того представити б ему.
Вот извинение усильству моему.

Эмон

Кому слова сии толь буйственны вещаешь?
И руку на кого насильства воздымаешь?

Иль ненаказанно мнишь оскорбить теперь
Эмона и царей, владевших в Фивах, дшерь?
Иль думаешь, что мы тебе подобны будем
И свойственное нам величье душ забудем?
Но расстояние с собой героев знай;
К ним ни под чьим щитом касаться не дерзай:
Колико ты в своей чреде пред ними низок,
Толико, тронув их, к паденью будешь близок.
Ты мыслишь, мо жет быть, оружие подъять;
Но в силах я тебя за дерзость наказать.
Сие я покажу тебе немедля делом.

(К скрывшимся воинам своим)

Явитеся, друзья!

(Воины его выходят; к Форбату)

В намерении смелом
Возьми ты у меня теперь ее.

Форбат

Долг мой
Сверх воли быть велит противным пред тобой.

Антигона

Ах! се бедам конец Креонтом получаю.
Он смерти хочет мне... и я того ж желаю.
Ведите вы меня.

Форбат с воинами хочет увести Антигону, но Эмон с стремлением становится сам и с своими воинами между ею и Форбатом

Эмон *(к своим воинам, обнажив свое оружие, в чем они ему подражают)*

Оружья обнажим!

Антигона *(к Эмону)*

Что хочешь сделать ты стремлением таким?
На что оружия? Почто сия тревога?

Эмон *(к Форбату)*

Сих острия железкцаревне суть дорога.

Форбат *(вынув меч и обратясь к своим воинам)*

Пойдем мы, не разя Эмона одного,
Противу сонмища мятежного сего
И чрез сие свершим нам дело порученно.

Форбатовы воины обнажают мечи

Антигона (*видя обе стороны, намеревающиеся сражаться, бросается в средину их*)

К какому ваше злу свирепство устремленно?
Геройством то, Эмон, возможно ли считать,
Согражданам своим чтоб смертью угрожать?
Коль за меня ты меч на Фивян обращаешь,
Ты славу тем мою навеки омрачаешь.
И можешь ли себя великим сотворить,
Когда рабов царя стремишься ты разить?
Гонимым должно ли подобиться тирану?
Так; я иду сама: к Креонту я предстану.
Суровости его чего бояться мне,
Когда я дщерь, сестра владевших в сей стране,
Когда мила тебе, когда я Антигона?
И на его главе не мне страшна корона.
Я пагуб не хочу ни на кого навлечь.
Ты жар свой утуши, вложи обратно меч;
Сего я требую

(*к Форбату*)

и шествую с тобою.

Эмон влагает свой меч в ножны, в чем его воины ему подражают; после чего и Форбат с своими то же делают

Эмон (*к Форбату*)

Невидимой теперь избавлен ты рукою.
Когда б тот огнь во мне невольно не угас,
Которым я горел спасти ее в сей час,
Не мог бы ты его избегнути безбедно.
Влюбленных мужество испытывати вредно.

Конец третьего действия

Действие четвертое

Театр представляет царские чертоги

ЯВЛЕНИЕ 1

Креонт, Форбат, воины

Креонт

Могу ль я быть своих движений властелин,
Когда в преступниках царевна и мой сын!
Мятежного сюда представьте мне Эмона.

ЯВЛЕНИЕ 2

Креонт (*один*)

Власть царска не была их дерзости препона.
На что ж мне громкая сия власть и дана,

Коль девой, юношей презренна здесь она?
Иль будет мне одним порфира украшеньем?
Нет... обладать начну преслушников мученьем...
Мученьем... слово я какое произрек!
Иль стал, восшед на трон, другой я человек?
Иль должен чувствием пожертвовати сану
И царствовати, как прилично лишь тирану?
Нет, сердце не на то мое сотворено;
Но к лютой крайности теперь приведено.
В нем нежны склонности владыки должность губит
И тех велит карать, кого оно столь любит.
Когда еще венцом я сим не обладал,
Далекий от меня, колико он блистал!
А ныне мукою сие мне благо стало.
Какого ждать конца, коль гнусно так начало?
Глаза открыты мне сей опытом судьбы.
Цари! вы своего величия рабы.
Принужу я свой дух излити ярость гневну;
Вдам казни первую преслушницу царевну;
В проступке сем Эмон содействовавший ей,
Лютейше, чем в себе, претерпит муки в ней;
Причастен буду сам я горести великой,
Но страждет пусть душа, лишь быть бы мне владыкой.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креонт, Эмон, Форбат, воины

Креонт

Приближься и внимай. Могу ль я на тебя
Воззрети, нежности своей не погубя?
И льзя ль, чтоб сыном я наречь тебя склонился,
Когда ты предо мной проступком осквернился?
Хотя бы целый свет против меня восстал,
В тебе бы после всех врага я ожидал;
Иль паче бы я той надеждой сладкой льстился,
Чтоб на весь свет со мной один ты воружился.
Но днесь я зрю, что ты движений подлых раб;
В слабейших случаях явился вящше слаб.
Не должно за меня идти против вселенной,
Довлело почитать устав, мной положенной;
Ты ж в преслушаньи мне преступником мог быть!
Когда я почестей намерен был лишить
Пред братом изверга, мятежника гнуснейша,
В царевне и в тебе тогда упорность злейша
Преобратила все намеренье в ничто;

И чем гнушался я, соделали вы то.
Преступницу сию ты видя окруженну,
На воинов моих смел руку взнесть надменну;
В сраженье с ними вшед, сражался б ты со мной.
Или царей, отцов прямый разит герой?

Эмон

Весь ужас, государь, вины своей я знаю.
Но я все предпримал для той, кем я пылаю.
Тебе известна вся моя к царевне страсть:
На всякую для ней я устремлюсь напасть.
Когда единожды любовь нас победила,
Какая может ей соперницей быть сила?
Она себе закон; ей свой священ извол,
Не слышит ничего, не видит бездны зол.
Сильнее всех ее в нас действуют стремленья;
Не знаем, как она влечет нас в преступленья.
И добродетелью являет нам то зло,
Которо для нее полезно быть могло.
Я Антигону зря, страшимую ударом,
Не собственным своим, был движим страсти жаром.

Креонт

Так ты для сей любви отца позабывал
И должности свои священны презирал!
О! если б в чувствиях тебе я был подобен
И, сколько ты ко мне, к тебе был столько ж злобен,
То, в сердце бы своем глас крови истребив
И сына своего в преступнике забыв,
Проклял бы я... и пал ты в персть бы пред владыкой.
Но зря, что мучишься ты совести уликой,
Прощаю все... в тебе хочу зреть сына вновь.
Прощаю... лишь забудь с царевной ты любовь.
Безумную толь страсть Креонт не уважает;
Губи ее: она тебя не оправдает.
Престань надеждою питать себя пустой,
Чтобы соединил царевну я с тобой.
Преступица к чреде сей право потеряла;
Не брака свет, но ей готовы смертны жала.
Когда веление мое пренебрегла,
Так участию смерть она приобрела.

Эмон

Что слышу!

Креонт

Должен быть поступок сей наказан.
Я царь — и клятвою в том страшною обязан.
Все мне забыть велит, что дщерь царей она,
Уже ей мною казнь предопределена.

Эмон

Возможно ли, сия невинность чтоб небесна,
Котора ни с каким пороком несовместна,
Была б днесь жребием с злодеями равна!

Креонт

Мысль страстью не во мне, в тебе ослеплена.
Мой дух под прелестьми злодейство ненавидит,
И око у меня равно с рассудком видит.
Я низких не хочу речей твоих внимать
И то, что предприял, не стану отменять.
Коль сыном быть моим всю чувствуеши цену,
Так душу ты исправь, любовью поврежденну.
Где не одобрит честь любови в сердце власть,
Там беззаконие хранить толь сильну страсть.
Реку тебе мое решительное мненье,
В последний раз уже я дал тебе прощенье;
Но ведаешь ты сам, с условием каким.
Когда же ты, огнем преступничьим палим,
Продлиши предо мной подлейше преслушанье —
Достойное найдешь сей страсти увенчанье.
Судьбе тебя одной с царевной я предам,
И брачным торжеством смерть люта будет вам.

ЯВЛЕНИЕ 4

Эмон (*один*)

В какую ввергнут я отчаяния бездну!
Виновным сыном быть!.. иль потерять любезну!
Средины никакой меж крайностей нет двух.
Мучением любви несносно страждет дух.
Владычица моих всех склонностей сердечных
Погибнет от суда людей бесчеловечных!..
Но может быть, чтобы от зол ее спасти,
Отчаянье мое покажет мне пути.
Я сердце действовать рукой своей заставлю;
От казни мерзостной невинную избавлю,
От пропасти ее отторгнуть длань простру;
Коль тщетно ж будет все, так с нею сам умру.

Я помню, что Адраст мне предлагал измену,
Поставив за нее державную власть в цену, —
Я предложенье то геройски пренебрег;
Но днесь мне, может быть, подаст оно успех.
Пойду в аргивский стан... но что я предпринимаю?..
Злодеем становлюсь?.. к измене приступаю?..
Нет... пусть злодействуют другие, как хотят.
Я тверд: примеры их меня не развратят.
Отчаян... но свое не помрачу геройство:
В несчастьях тверду быть — души великой свойство.
Но ах! исполнивши долг чести я святой,
Расстанусь с жизнию... расстануся с драгой...
И лютой казни сей Эмон не помешает?..
Сколь душу мысль сия ужасна раздирает!
Спасти уж предприял ту, кою я люблю;
Но счастье ль то, коль ей изменой жизнь куплю?
Нет... смерть хотя вкушу несносным сим уроном,
Останусь в бедствиях... и в смерти я Эмоном.

ЯВЛЕНИЕ 6

Антигона в цепях, Эмон, Эгина, стража

Эмон (*увидя Антигону*)

Но что является? о ужас! о позор!
Тебя ль, царевна, мой во узах видит взор?
Тебя ли видит в сем ужасном заключеньи?
Тот град, в величестве кой зрел твое рожденье,
В котором трон отцам и братьям был твоим,
Днесь видит, низостью сколь жребий твой тягчим,
И узрит, может быть, твоих страданий боле.

Антигона

Неправедная власть Креонта на престоле
Не может низостей мученьем причинить.
Разить — ему позор, мне слава — все сносить.

Эмон

Сколь дорого плачу за бед твоих познанье!
Нет; не мечты моих суть страхов основанье.
Я точно знаю то, и, зная, рвусь душой,
Что злая над твоей напасть висит главой.
Не думай, что твоих содействий ожидаю;
Всем жертвовать любви один я предпринимаю.
Пойду к родителю, к стопам его паду
И в жалость, может быть, тоскою приведу,
Скажу: коль надобна ему здесь ныне жертва,
Пускай спасет тебя, пусть сына видит мертва.

Антигона

Что слышу! за меня стремишься к смерти ты
И, торжество забыв над злобой правоты,
Ты хочешь защитить невинность униженьем!
Постраждет наша честь толь стыдным нам моленьем.
Когда б проступок мой мне казнями грозил,
Тогда б ты без стыда прощенья мне просил;
Но ныне, что Эмон к спасению мне скажет?
Пускай меня Креонт как хочет, так накажет:
Он властен сделать то. Но чтоб меня простить,
То должно наперед в злодействе обвинить.
Ужасного я толь прощенья не желаю.
Посредником своим я небо избираю.
Кто в добродетелях всю жизнь свою ведут,
Тем человеческий совсем не страшен суд.

Эмон

Но свет невинности твоей весь не узнает:
Он по наружности единой осуждает.
Свидетелем став днесь позора твоего,
Невинна ты иль нет, не различит того,
И часть твою молва рассеет ослепленна.

Антигона

Довольна совесть в ком, важна ль тому вселенна?

Эмон

Ты хочешь все снести... но я против тебя
Восстану...

Антигона

Ах! но тем погубишь ты себя
И вдвое поразишь меня своим ударом.
Влекомый таковым неосторожным жаром,
Когда себя очам родителя явишь,
Сугубо против нас его ты раздражишь.
Он будет зреть твое во страсти мне упорство;
В злодейство претворит твое он непокорство;
И не смягча ты в нем движений лютых власть,
Быть может, равную моей претерпишь часть.

Эмон

Что нужды?.. я умру, коль не спасу любезной.

Антигона

Увидь отчаянье, увидь поток мой слезной.

Эмон

Когда причастна ты столь слабости, любя,
Так бодрствовати днесь мне должно за тебя.
Надеждой на меня свергай печали бремя.
Драгое трачу я, тебя внимая, время,
Которое в твою я пользу обращу.
Прости.

Антигона

Постой... отсель тебя я не пущу.
Не трогают тебя вопль, стон и слез потоки,
Так вырвись из моих объятиев, жестокий!
Исторгнися из них, коль сила есть к тому.
Иль слаб еще и сей оплот тебе?..

Эмон

К чему
Приводишь ты?.. но нет, не буду малодушен.
Се первый в жизни раз Эмон тебе преслушен.
Снедающий тебя чужд слабости мне яд.
Спешу, куда спешить мне чувствия велят.
Коль держишь ты меня, то знак, что ненавидишь.
Прости... Спасенье ты иль смерть мою увидишь.

(*Он вырывается из объятий Антигоны и уходит, а она, вскрикнув, пребывает несколько времени неподвижною, устремив взоры в след ему*)

Антигона

Увы!

ЯВЛЕНИЕ 6

Антигона, Эгина, стража

Антигона

Эмон ли днесь избег объятий тех,
Он в коих находил тьму счастья и утех?
А я, оставшись здесь, могу ли быть спокойна?
Лишь кажет ужасы мне мысль моя нестройна.
Опасности к себе влача он сам собой,
Их презирает всех: то чудно ль? он герой.
Мне, любящей его, мне, с сердцем столько нежным,
Льзя ль душу оградить покоем безмятежным?
Боязни он, любя, не зрит ни от чего,
А мне любовь велит страшитися всего
И кажет под его мне каждым шагом бездну.

Эгина

Почто себя вдавать в прискорбность бесполезну?
Надежды видя луч, пускати токи слез?
В несчастьях почитай то даром ты небес,
Что будет часть твоя Эмоном превращенна.

Антигона

Коль воля то богов, чтоб я была спасенна,
То счастьем лишь тогда спасенье назову,
Как возмогу сказать: Эмоном я живу.
Не нужны мне ни жизнь, ни счастье чрез другова.
Но мысль не престает смущать меня сурова;
Надеждой не могу я сердца утвердить.
Льзя ль страх о том, кто нам любезен, истребить?
Когда ему напасть малейша угрожает,
Его паденье ум наш каждый час мечтает.
Судьба! приведшая ко крайностям нас злым,
Эмона защищай под промыслом своим:
Недремлющим блюди стопы его ты оком,
Невинной чтоб не пасть мне в бедствии глубоком;
Забудь о мне совсем, лишь дни его продли;
Смерть люту от меня в Эмоне удали.

Конец четвертого действия

Действие пятое

Театр представляет темницу

ЯВЛЕНИЕ 1

Антигона в цепях, Эгина, жрицы и женщины.
С одной стороны выходит Антигона с Эгиною, а с другой жрицы, несущие урну с Полиниковым прахом, препровождаемые Антигониными женщинами

Антигона (*к жрицам*)

Сколь вашему должна усердному раченью,
Последню моему покорны что хотенью,
В толь страшны вы места сосуд сей принесли,
Чтоб слезы на него в последний раз текли...
Вот к брату где должна я долг воздать природы!
Оковы тяжкие, темницы мрачной своды,
Плачевный памятник, грозящая мне смерть —
Вы рушите мою душевную всю твердь!

Эгина

Кто может быть, как ты, на свете так несчастна?
Чем жизнь твоя славней, тем боле смерть ужасна.

Антигона

Не жизнь мне дорога, не смерть меня страшит,
Мне гнусен лишь один привязанный к ней стыд.
Узрел бы рок меня без ропота покорну,
Коль мне б судил он смерть всем общу, не позорну;
Со восхищеньем бы свой отдала я век.
На жертву божеству, к спасенью человек.
Но не предписана мне честь сия священна;
Чтоб так окончить жизнь, не столько я блаженна;
Ни людям, ни богам не нужен мой конец;
Гонитель мой один конца сего творец.
Льет ярость на меня владыка зверонравный;
Ко смерти изыскал он способ мне бесславный.
Уже мой казни дух всю лютость испытал
И трепет слабости впервые он познал.
Уже он зрит себя оставленна богами,
Когда отвсюду мы окружены бедами,
Отчаянье тогда прибежище одно:
Прибежище от мук, но с муками равно.

Эгина

Будь чувствиям своим до смерти ты послушна,
Как прежде, так и днесь равно великодушна.

Антигона

Ах! можно ли, с душой чувствительной родясь,
Без ужаса пренесть жестоких бедствий связь
И быть подверженной, сих бедствий к довершенью,
Злодеям лишь одним приличному мученью?
Нет; кары таковой не сыщет зляе ад.
О! если б кровь во мне, вся превратяся в яд,
Неугасимый огнь во внутренней вспалила
И смертию в сей час смерть низку предварила,
С каким бы в сердце я восторгом умерла!
Но чувствий вся болезнь к сей крайности мала:
На то волнует лишь мной каждую минуту,
Чтобы страшнее зреть напасть свою мне люту,
Неслышащих богов о смерти сей прошу.
Смерть медлит; я ее по степеням сношу...
Почто ж меня Эмон несчастную оставил?
Он взором бы своим зло смерти мне убавил.
Сугуба скорбь мою грудь томную грызет,
Когда его со мной в часах последних нет.
Увы!.. он, может быть, теперь сам погибает...

В отчаянье мой дух все глубже погружает.
Ждала ль такого я мучительного дня?
Мне мнится, в свете все презрело днесь меня.
О ком ни вспомню я, ко мне все стали строги:
Тираны все, Креонт, Эмон и сами боги.
Но если я от всех на свете сем терплю,
Их лютость я сама одна остановлю:
Я смерти, может быть, презорственной избегну;
Коль казнь мне шлет судьба... судьбы уставы свергну.

Эгина

Ах! жди своей судьбы с незыблемой душой.
Ее не умягчишь отчаяньем, тоской.

Антигона (*обращаясь к урне*)

О ты, которого уже нет во вселенной;
От коего один сей прах остался тленной!
О, брат! я к коему была прилеплена,
Источник слез моих и смерти мне вина!
Восстань от вечного ты сна хотя на мало
И на сестру увидь зияющее жало,
На ту, которую невинность не спасла,
Котора только тем преступница была,
Почтила нежностью умершего что брата,
Что бедственной была любовию объята,
Что враг ее приял владычество над ней.
Ах! ежели любви достойна я твоей,
Тронись теперь моим, тронись смертельным страхом
И, чувство показав, вздрогни холодным прахом.
Не презри стонов ты страдающей души,
Влей смерть в меня и тем зловредну жизнь сверши,
Прими в участницы своей меня ты доли:
Любезный брат!.. се глас моей последней воли...
Я смерти не могу поносныя снести...
Но должно... лютый рок!.. дражайший прах! прости.

(*Падает, лишаясь памяти, на руки женщин*)

Эгина (*к жрицам*)

Уйдите, чтоб не зреть предмета ей плачевна.
Сбери все чувства ты, несчастная царевна;
Сбери их, се Креонт! к местам приходит сим.

Антигона

Ужель противным мне присутствием своим
Заране казнью он терзать меня стремится?
В последний, знать, моих желает слез напиться.

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Креонт, Эгина, женщины, воины

Креонт

Виновница всех зол! преслушница царю!
Увидь ты ужас весь, которым я горю.
Сей ужас твоего плодом есть преступленья.
Уж тайны поднялись во граде сем смятенья:
Монарха за твою достойну казнь виня,
Граждане фивские все ропщут на меня.
И кто, кроме тебя с Эмоном, в том причиной?
Твоею поражен ужасною судьбиной
И твердость зря мою преступок твой казнить,
Потщился в их сердцах мятеж он воспалить.
Пускай злодейский ков усилиться возможет,
Но лютый сей успех Эмону не поможет.
В стенах коль на меня народ восстанет сих,
Угаснет уж тогда светильник дней твоих.
Пусть возгремит Эмон оружием здесь грозно!
Чтобы тебя спасти, то средство будет поздно.

Антигона

Какую произнес ты на меня хулу!
Невинна я во всем; лишь ты причастен злу.
Каким ты правом мне назначил рок плачевный,
И кто тебе дал власть над жизнию царевны?
Ты новый путь сыскал Эдипов род терзать:
Ты дщери смел его казнь гнусну предписать.
Чей ум, зря страшное злодействие такое,
Злодейство б не родил еще лютейше вдвое!
Когда отчаянье все чувства заслепит,
Зараза зла в сердца стремительно летит.
Но боги, что с небес в грудь нашу проникают,
Но боги чистоту души моей всю знают.
Открыто им все то, что в сердце я таю;
Читая там они грызущу скорбь мою,
Преклонности к греху ни малыя не видят.
Все чувствия мои злодейство ненавидят.
Эмона знаю я; любезна я ему;
Но чтоб он стал злодей, не верю я тому.
Смятений ожидай; стремись ты в преступленье
И плод его вкуси — вселенныя презренье.
Но добродетель лишь единую любя,
Унижены тобой, превзойдем мы тебя.

Креонт

О, Фурия! беды лютейшие родивша,
Меж сыном и отцом огнь злобы распаливша!
Неслыханным себя злодейством оскверня,
Ты оправдаться мнишь, виня во всем меня!
Как добродетелью тщеславиться ты можешь,
Коль сердце той страны, где родилась, тревожишь?
Ожесточенье как далеко столь несешь,
Что поругание мне чувствовать даешь?
Как, зная власть мою, не двигнешься боязнью?
Ты зло сугубишь злом; я казнь удвою казнью.

Антигона

Не страшны казни мне. Уже, я вижу, смерть
Готовится свой мрак на дни мои простерть.
Отчаянье одно имею я в предмете;
Зрю ужасы везде: что делать боле в свете?
Достойную себя всю жизнь я проводя,
Достойный путь возьму, из оной исходя.
Дивишься, не робка что, зря я дух твой зверский.
Невинные сердца пред смертью самой дерзки.

Креонт

Престану дерзость я сию претерпевать:
Уж время за нее пришло тебе страдать.
Что медлю? ..

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Креонт, Эгина, Форбат, женщины, воины

Форбат

Государь! весь город стал в волненьи.
Оружье взяв, народ в неистовом стремленьи
Со Антигоною поступок твой винит
И казнь ее пресечь к темнице сей спешит.
Все купно вопиют: Креонт пусть обладает,
Но пусть сей казнью он владеть не начинает
И живу нам отдаст пусть наших дщерь царей...

Креонт

Я укрощу мятеж свирепой черни сей.
Изменник мне, мой сын, конечно, им главою?

Форбат

Эмона нет совсем с их буйною толпою...

Креонт

Они орудие, а он всему вина.
Не прейдет казнь его, предательства цена.
Мятеж воздвигнул он, попрать меня в надежде.

(Указывая на Антигону)

Так сей злодейки казнь пусть он увидит прежде.

(К воинам)

На уготованну влеките смерть ее.

Антигона *(сама в себе)*

Дух, преходя отсель на вечно бытие,
Будь в сей минуте тверд.

(Воины, приближаясь, хотят ее взять, но она, отступя от них, величественным своим видом препятствует к себе подойти)

Мгновенье погодите.
Последний долг свершу...

(Вынув скрытый у нее кинжал, закалается и, упав в руки Эгины и женщин, говорит к воинам)

Теперь меня влеките.

Креонт

О ужас!

(Лишь только Эгина с женщинами отвлечет на руках своих Антигону к стороне, то за театром слышен звук оружий и топот бегущих. Креонт продолжает)

Но что шум сей предвещает нам?
Се все мятежники стремятся к сим местам,
Когда долг подданных у них теперь в забвенье.

(К воинам)

Они враги мои. Вступите вы в сраженье.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Антигона, лежащая в стороне театра на руках женщин, Креонт, Эмон, Эгина, Форбат, Димас, женщины, народ, воины. Вбегает вооруженный народ. Начинается сражение. Эмон, с другой стороны с Димасом и с малым числом воинов вбежав, останавливает сражение

Эмон

Постойте, дерзкие!.. что мыслите свершить?
И ваш ли долг дела монарши здесь судить?

Он высшего, а вы его рабы закона.
Когда не человек, свята для вас корона.

(*К Креонту*)

Ты видишь, государь, как шел я на тебя.
И за монарха бы им предал я себя.
Теперь уже мой меч спасти тебя не нужен.

(*Бросает меч*)

Лишь ты против меня.. и я обезоружен.
Преступника иль нет, как хочешь, ты карай,
Но только жизнь самой невинности подай.
Отдай царевну мне... народу возмущенну...

Креонт (*указав на Антигону*)

Возьмите вы ее... но жизни уж лишенну.

Эмон

Что вижу!.. боги!..

Креонт

Вот что сделал дух строптив!
Она, свой смертный час сама предускорив,
Поносно чтоб не пасть, сама себя сразила.
И буйный сей мятеж напрасным сотворила.

Эмон

Я Антигону ли бесчувственну зрю днесь?..
Смерть хладну видя в ней, сам леденею весь...
Она погружена во мраке вечной ночи?
Без цвету все черты, без пламенных искр очи.
Ее ль увядшая немая красота,
Окровавленна грудь, запекшися уста?
Ах! сердце б коль во мне ни билось, ни кипело,
Как мог бы я узнать любезное толь тело?
Но где, увы! твоя божественна душа?
Как!.. нет ее!.. она, сама свой рок реша,
Достигнула уже богов бессмертных лона
И смертью, свет презрев, превысила Эмона!..
Как!.. нет ее!.. а я еще живу!..
И суетно себе на помощь смерть зову...
И, не могущий глаз на свет без страха вскинуть,
Вместилище став мук, бессилен жизнь изринуть...
Умножьтеся во мне лютейши скорби вдруг,
Рождайтесь новые на части рвать мой дух;
Вы в каждом чувстве мне давайте смертну рану,

Вскрыв сердце, вы в него влеките боль желанну,
Да, страждя, умирать я всякий час могу...
Я к самому себе как злейшу лют врагу.
Я враг себе... я враг той, кою обожаю.
Нет; не своя рука... но я ее пронзаю...
В ужасной участи ее оставив, я
Виновник стал сего кровавого ручья.
Увы! быть может, что ее душевна сила,
В злодеях чтя меня, сей смертью поспешила.
Убийца я ее... мысль страшная сия
Ввек жалить будет дух, как некая змея,
И ядовитые отчаяния стрелы
В душе я понесу и жизни за пределы.
А ты, родитель мой, на сей смотря позор,
Ты видишь ужасов с холодностью собор,
На радость внутренню молчанья вздев личину;
В тебе всех наших зол я перву чту причину!
Почти я своего не вижу в том отца,
Кто к крайности привел невинные сердца.
Но боги злобы сей без казни не оставят,
О лютости твоей жалеть тебя заставят;
Сокрытый гром метнув, в раскаянье введут,
В величии тебя, в порфире потрясут
И тартаром престол соделают бездонным.
Почувствуешь, сколь быть несносно беззаконным.
Но, исступлен, кому упреки я творю?..
В тиране сем кого?.. родителя я зрю!..

Креонт

Родителя... но ах! тобою огорченна,
Эмонова ль душа толико дерзновенна?
И от тебя ль сносить упреки должен я?
Смирися предо мной... Блаженна часть твоя,
Что ты, ее лишась, не будешь мукам жертва.

Эмон

Ах! страшны ль муки мне, коль Антигона мертва?
Зри, смерти зрак на сем челе напечатлен.
Прелестный дом души без ней остался тлен,
Так; вижу... смерть на ней мне едки взоры мещет,
Маня к себе меня, косою острой блещет;
С той хочет съединить, кем чувствия горят,
Дверь вечности раскрыв, в ней тьму сулит отрад.
Спокойство на ее вкушу я мрачном лоне...

Пустите к ней меня... пустите к Антигоне...
Престаньте сей предмет священный окружать:
С лица ее в себя смерть дайте мне всосать.
В последний раз ее почтить любви огнями
И жизнь свою у ней повергнуть пред ногами.

(*Увидя на полу лежащий кинжал, которым Антигона закололась*)

О, ты, орудие! раздравше нежну грудь,
Я коею горю и кою мог тронуть!
Еще ты кровью мне любезной обагренно:
Ты в сердце было том... ты для меня священно...
Ты той, кем я дышал, в мрак вечный ввергло дни...
И ты же с ней меня в сем мраке съедини.

(*Говоря последние слова, стремительно подняв кинжал, вонзает себе в грудь*)

Креонт

Что сделал ты?

Эмон (*лежа на руках воинов*)

Лишь то, что сделать было должно.
На свете мне уже остаться невозможно:
Блаженство все свое в любезной потеряв
И нежности в отце обратно не снискав,
Вот что меня грызет, вот чем мой дух страдает;
И гнев твой глубже, чем кинжал, меня пронзает.
Жалей о мне... мой дух на час останови...
Брось кротости ты взор... и сыном назови.

Креонт

Снести гонение судьбы немилосердо
Такое, как во мне, лишь может сердце твердо.
Несчастный! как рукой ты дерзкою возмог
Приятый от небес сложить с себя залог?
Судьбу не допустить свершить твое теченье
И даже обмануть всевышне провиденье?
Ты дал ли сам себе, чего себя лишил?
Страдал ты; без тебя б рок жизнь твою решил.
Великие сердца суть жребию послушны,
А руку на себя подъемлет малодушный.
Но что я говорю?.. Я сам всему виной.
Свирепством ископал я пропасть над тобой
И, может быть, тебя б с царевной ненавидел,

Плачевной вашей коль кончины б сей не видел.
Не уноси с собой вражду во гроб мою.

(*С величайшею чувствительностью*)

Прости меня... вину я чувствую свою.

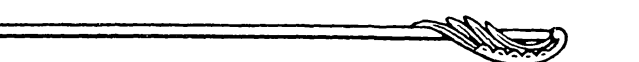
Эмон

О, глас, который боль терзающу смягчает!
Родитель мне еще родительски вещает...
И мучивший меня в нем гнева огнь угас...
Приятен самый мне ужасный смерти час...
Я с Антигоною себя соединяю...
И сыном я... отцу любезным умираю.

Креонт

Лишился жизни он!.. я слезны токи лью...
Пусть душу к твердости неволим мы свою,
Величьем ослепить чтоб робкий взор народа;
Но действует всего сильнее в нас природа.

Конец трагедии



ВАРИАНТЫ

САТИРА I

Варианты в «Сочинениях»:

Стих	
	Почти с кем ни сойдусь, с кем речь ни начинаю,
5—10	И словом, в свете сем так редки Аристиды,
	Как гладкие стихи в творце Телемахиды.
19—20	Что ж делать? Искони таков уж сей свет:
	Не глупость, так порок в нем первенство берет.
39—41	Послушай каждого: уверит и Ролет,
	Что совести своей в наем не отдает
	И правосудием он торговать не смеет,
50—51	Так верных в том иной расчетов не находит;
	Но чтоб другим своих пороков не казать,
55	Закрывшись масками, подложный кажут вид,
89—90	Злохват бежит ко мне, прижав к груди, целует,
	И благодетелем и другом именует.
95	Драч совесть выдает свою за образец;
152	И воспитанием распространяя свет,
155	И мрак невежества, и хищность, корень зла,
179	И так, без воли Муз я славить то желал;
205—207	Толпа несмысленных и мерзких рифмотворцев,
	Слагателей вранья и сущих умоборцев,
	Со всем семейством их, не убоясь судов,
210	Уму, читателям и Музам на досаду,
228	Что я пороки их старался исправлять;

ОДА НА НАДЕЖДУ

Варианты в «Санктпетербургском вестнике»:

Строфа	Стих	
2	2	Владыка сильный тьмы времен,
3	10	Уж смерти семя в том растет.
4	2	Уже я иго ощущал,
	6—7	О рок! Сбери всей злобы стрелы
		И мне дерзни противу стать;
5	1	Ах! нет, сих чувств стремленью верить

5—7 Я мог страстей стремленье скрыти,
Я желчь умел в груде таити
И горесть в ней запечатлеть.
6 1—3 Страдал, и сердца чувство скорбно
Таящеся в груде моей
Тем самым было больше злобно
7 6—8 Как ток незлобив, тих, безгласен,
Уныло дремлющий в брегах;
Он лестью бездну покрывает
10 А сей отчаяния зрак.
8 9 Уныние тьму зол рождает,
9 8—9 Когда для нас и скорби люты,
И каждый час и срок минуты
11 5—7 Твой глас скорбящих уверяет,
Что рок заутрее скончает
Печаль, котора их тягчит;
12 3 Мятущею меня тоскою
6—9 Когда, же окончав печали,
Смущающие разум мой,
Рок возвратит мне благоденство,
Тогда прийду в вас петь блаженство.

В журнале «Новые ежемесячные сочинения»:

4 7 Еще стремись меня терзать;
5 7 И желчь в груди запечатлеть;
7 7—8 Смывая брег, обманно спит;
Он лестью бездну покрывает.
12 6 Когда же окончав печали,
8—9 Рок возвратит мне благоденство,
Тогда приду в вас петь блаженство.

НЕВЕРНОСТЬ

Варианты в «Сочинениях»:

Строфа Стих
2 2—4 Любви я пламя зрел;
Я мнил, что так же страстно
И дух ее горел.

ОДА НА РАБСТВО

Варианты в «Лирических сочинениях» после дополнительной авторской правки печатного текста оды:

Строфа Стих
10 3 С восторгом днесь он торжествует
5—9 Ярем свой носит терпеливо
И молит небо, да счастливо
Ты царствуешь, народ любя;
И ты ль его умножишь муки,
Обременишь цепями руки,

Строфа 11 отсутствует в «Лирических сочинениях».

12 1 Но нет; — души твоей доброты
3—4 Твой кроткий суд, твои щедроты
Врага, преступника щадят.
13 1—2 Пары из моря подымая,
Когда свой солнце кроет вид,

ОДА НА СМЕРТЬ СЫНА МОЕГО

Варианты в «Сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	5	С любезным братом разлученье
2	3	Вещать печаль, что ощущаю,
3	7	Коль раны ваши обновит.
	9	За ближних ухватясь плывущих,
4	7	С рыдающим отцом пролить.
	9—10	И да возмогут ваши чады
		До гроба вам весельем быть!
5	5	А вы, утешенны им очи!
	9	Сиянием отрад не льститесь!
6	7	Вдруг пораженная, увял.
	10	Иссох и полдня не видал.
7	5—6	Не будешь, мать ко всем ревнуя,
		Играя с ней, ее целуя,
	10	Ты наши выи сопрягать.
8	1	И мне, покрыту сединою
	5—7	Один я понесу, стоная,
		И, до земли хребет склоняя,
		Преткнусь без помощи жезла.
	9—10	Паду, бедами удрученный
		Под игом лет, болезни, зла.
9	3	На кой всей твари разрушитель
	10	И скоро порастет травой.
10	3—4	Как жезл сей, сверху изощренный,
		На нем возлегшу длань пробьет.
12	6	Там скорбный плач мой, вопль унылый
	9—10	Лишь эхо, стон мой повторяя,
		Со мною томно вопиет.
13	1	Не эхо лишь одно, вселенна
	3	Травой поблекшей покровенна
	10	Печальной ризою облек.
14	5—7	С увядша стебля цвет валится;
		Смешенный с снегом дождь стремится;
		С деревьев буря листья рвет.
15	1	Я неку чувствую отраду
	4—5	Биющих льдистым злак дождем,
		На ветр, листы в полях носящий,
	8	Я тем в печали утешаюсь,
16	8—10	Я их нещастнее стократно:
		Не может смерть уже обратно
		Мне сына возвратить на свет.
17	5	И гласу плача уж не внемлет.
19	8—10	Когда б, как он, к брегам счастливым
		Плывя, зефирам вверясь льстивым,
		Ты ими в пропасть был внесен.
20	3—4	Когда б любезные предметы,
		Которым жизнь свою вручил,
21	6	Гнетущу суд несправедливость,
23	9—10	Жалея, что не в нашей воле
		Приближить наш последний день.
24	5	С отрадой жду я тех мгновений,
25	4	Потщусь не омочить слезой.

ОДА НА ИСТРЕБЛЕНИЕ В РОССИИ ЗВАНИЯ РАБА ЕКАТЕРИНОЮ II, В 15 ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ 1786 ГОДА

Варианты в «Новых ежемесячных сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	3	Целуя времена златые,
	5—8	В порфиру празднеств облекися,
		Веселья поясом стянися.
		Прийми отрады светлый щит
		И плеском наполняй вселенну:
2	3—4	Достойный чистой сердца дани!
		Достойный вечных олтарей!
	6—7	Усердий жертвы принесите;
		Мы радостно их Той пожрем,
3	3	Повсюду тьмой побед гремящих
	5—7	Не там лишь, где всходяща Феба,
		Парящего по своду неба
		И в Понт спешаща, виден свет;
4	5	Когда цепь чуждую терзала,
5	2	О день, дражайший дня побед!
	4	Твоей неволи узы рвет.
	6—7	Во век твоей Екатерине.
		Как богу, будешь ты должна.
	9	И счастье вольностью связует.
6	5	Резвящиеся хороводы
	8—10	Играм их старость восплескает.
		Весельем всяк благословляет
		Екатеринин век златой.
7	6	Из рук кичливого Нептуна
	10	И принесет к нам росский трон.
8	3	Под кровом вечности гнездися;
	7	Постави на златой стене,
	10	Текут в подвластной ей стране.
9	2	Как животворный свет, даешь!
	4	Ты тем крепчайшу цепь плетешь.
		Потомкы, благодарны россы,
	5	На них твой образ изваянный,
	8	И время, кое все съедает.

ОДА НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ ПОРТОЮ РОССИИ 1787 ГОДА АВГУСТА 5-го ДНЯ

Варианты в «Лирических сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	1—2	Каким ужасным гласам внемлю?
		Звук бранных труб раздался вдруг;
	6	Стремящийся на новы раны,
	10	И меч извлек на месть, на брань.
2	4	Перуны на него метать?
	6	Под сильною ее пятою,
3	10	И буйством полные сердца!
4	7—8	Мне кажет твой суровый вид;
		Ты мещешь вкруг свирепы взоры
5	4	Прийми и меч и копие;
	8	Хоть бездны встретится стремнина,
6	1	Как волны Геллеспонта чисты

	3—4	Угладился пред ним кремнистый,
		Недвижный Бористена праг.
	7	Грозою враг объят кругом.
7	3	Перуны росски там сверкают.
	5—6	Вдали престолы вижу новы,
		И рабств расторгнуты оковы
	9	И имя кроткия Астреи.

ОТВЕТ РАФАЕЛА ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Варианты в «Новых ежемесячных сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	9	Которое Гермес крылатой
2	2	Тобой предписанные мне,
	6	Как так слегка и так пространной
	10	В пень был я принужденным стать.
3	1	Ты счел, как видно, что не диво

Стихи, не включенные в «Сочинения»:

Блаженству общему и миру
Пожертвовав покоем дней,
Она злату свою порфиру
Простерла над лицом морей.
Под сению священна крова

15	10	Что так красно умел сказать.

ОДА НА ВОСПОМИНОВЕНИЕ ПЛЕНИРИНОЙ КОНЧИНЫ

Варианты в «Сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	2—4	Восточны светлы облака
		Рассекло солнце, и лучами
		Зажгло багряны их бока.
2	5	Уж солнце круг свой совершило,
	7—9	Грызет меня Плениры смерть.
		Но ни быстротекуще время,
		Ни новых злоключений бремя
3	5	Вотще все: — ей не внемлют гробы!
	10	Парит уж в светлых облаках.

ОДА НА УНЫНИЕ

Варианты в «Лирических сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	3	Мраком горести затмились
	5	Все в глазах моих постылой,
	7—8	Скорбь в душе моей унылой
		Чувство радости мертвит.
2	7	Вихрь столбом до облак взвился;
3	6	Бездна мне открылась бед.
6	2	Душу тяжка скорбь гнетет;
	5	И любови сердце жадно
8	2	Подмываемой волной,
9	4	От гнетенья лютых бед?
	6	Мир есть трудный, скорбный путь;
	8	Мы возможем отдохнуть.
10	5	Ты, сыра земля! смягчися;

ОДА НА ТВЕРДОСТЬ ДУХА

Варианты в «Лирических сочинениях»:

Строфа	Стих	
2	4	Как слабу разрывает нить.
3	2	Сокрыты спутницы вельмож,
	8	Как черви, тех ногой он давит;
7	1	Теки ж — и коль поставлен роком
	8—9	В потомстве славян он восстанет.
		Венок лавровый не увянет,
8	5—6	И ни вражда, что мир тревожит,
		Ни ржа времен затмить не может
	9	Что храма вечности достигнет,

ЧИЖИК

Варианты в «Сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	5—7	Посмотри, как ястреб гладный
		Над тобою уж висит,
		Как, твоею кровью жадный,
2	2	Что же? — зной ли дышит, — жжет.
	7—8	Там струя катится чиста
		И ее в зною поит.
3	5	Я ж под горною стезею
	8	Счастье в нищете найду.

НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Варианты в «Сочинениях»:

Строфа	Стих	
2	3	Внемли мой вопль унылый
	5	Здесь дочери любезной
3	2	Ты, дочь моя! цвела.

РАЗЛУКА

Варианты в «Сочинениях»:

Строфа	Стих	
1	2	Полным светом к нам блестят
2	6	Ты теснишь веселый дух?

ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Варианты в автографе, хранящемся в ГПБ (архив Державина, т. 22, л. 331):

Строфа	Стих	
1	4	И — счастлив путь! промолвлю им.
2	1—4	Пусть галл Европой коловратит,
		Брит алчет царства бездн морских;
		Ключи пусть райски папа тратит;
		Не страждет мой покой от них.
3	2	Согнувшись, злата не ищу;
4	1—2	Сниди ж холмов твоих тенистых,
		О Муза! пьюща пиндский ток:
5	1—3	Он будет вечно зеленеть.
		Тебе, сестрам твоим достоит,
		Алфея лиру вновь настроит

НАГРАДА ПРАВЕДНОГО. ПСАЛОМ 1

Варианты в полубеловом автографе, хранящемся в БУАН (I.5669):

Строфа	Стих	
2	3—4	И денноночно поучится В законе праведном его.
3	2	При токе изобыльном вод
4	1	Во всех делах он преуспеет.
	3—4	Но аки плевы, что развеет Ветр к небу, возметая прах.
5	1—4	И так с святыми сонм лукавых На судищи не устоит: Зане весть бог путь сердцем правых, Пути же грешных потребит.

ТЩЕТА КРАМОЛЫ ПРОТИВУ ПОМАЗАННИКА БОЖИЯ. ПСАЛОМ 2

Варианты в полубеловом автографе, хранящемся в БУАН (I.5672):

Строфа	Стих	
1	2—3	Не видят буйства своего? Се восстают земны владыки
2	2—4	Несносны узы разорвем И, презря их, державу скинем С вый наших тяжкий их ярем.
3	2—4	Господь живый на небесах, От гласа уст его смятется Их сонм, как бурным вихрем прах.
4	1—3	Царем Сиона я поставлен, Господни я судьбы открыл: Бог рек: Ты сын мой, будь прославлен
8	2	И простирает мстящу длань!
	4	И все надеющиесь нань!

НАДЕЖДА ПРАВЕДНИКА. ПСАЛОМ 3

Варианты в полубеловом автографе, хранящемся в БУАН (I.5672):

Строфа	Стих	
1	1	О, боже! что враги восстали,
3	1—4	Заснул я в мире, спал, проснулся, Защитил бог меня, храня, От тех врагов не ужаснулся, Нападших окрест на меня.
4	1—3	Восстань, спасай меня всечасно, О, боже! яко ты сразил Враждебствующих мне напрасно,

ОБЛИЧЕНИЕ БЕЗБОЖНОГО. ПСАЛОМ 13

Варианты в полубеловом автографе, хранящемся в БУАН (I.5672):

Строфа	Стих	
1	2—4	Души своей; нет бога, нет.— Земля растлела в согрешеньи, Во зле весь омерзился свет.
2	2	Воззрети на людей приник;
3	1	Но нет, все вкупе осквернились;
5	2	Зане бог правых щит родов.

	4	Всевышний же его покров.
6	1—4	Кто от Сиона даст спасенье?
		Когда бог плен свой возвратит,
		С Иаковом отрадно пенье
		Израиля возвеселит.

СПОКОЙСТВИЕ ПРАВЕДНОГО. ПСАЛОМ 22

Варианты в полубеловом автографе, хранящемся в БУАН (I.5672):

Строфа	Стих	
1	1—2	Господь мой сам меня пасет,
		Ни глада не боюсь, ни бед.
	4	У брега тихих вод прозрачных
	6	Смятенну душу обратит
2	1—2	Средь тени смертной хоть пойду,
		Не убоюсь: с тобой иду.
	6—8	Стол ставишь полн благих даров;
		Главу елеем умащаешь
		И чашу полну наливаешь.

ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ И ПРОМЫСЛ БОЖИЙ. ПСАЛОМ 138

Варианты в полубеловой рукописи, хранящейся в БУАН (I.5673):

Строфа	Стих	
2	1—3	Воссяду ль, встану ль, ты уж знаешь;
		Хожу ль, почию ль, видишь ты:
		И каждый путь мой назираешь
3	1	В уме рождающеесь слово
	4	Доходит к слуху твоему.
4	1	Ты вкруг меня спреди и с тыла
7	1	Взлечу ль на крылиях денницы
8	1	Помыслю: в тьме могу сокрыться
Строфа	Стих	
10	1	Как я еще не зародился
	3	И ты, когда я оживился
12	4	Число множай морских песков.
14	3	Хулу взносить вы не стыдитесь
15	2	Как хульников, врагов твоих
16	1	Испытуй сердце и утробу,

ПЛЕНЕНИЕ ИЗРАИЛЯ. ПСАЛОМ 136

Варианты в беловом автографе, хранящемся в БУАН (I.5672):

Строфа	Стих	
1	4	Органы наши струн лишенные висели.
3	2	Эдом, которым днесь ты зришь его гонима.
	4—6	Дерзайте, грады их до корня разрывайте,
		Мечом и пламенем их села пожирайте,
		Чтоб вихрь их пеплом бездомны рвы занес.

ПРИЮТ СЕРДЦА

Варианты в автографе, хранящемся в БУАН (I.5689):

Строфа	Стих	
1	1	Тяжко сердцу без приюту
	6	Тяжко мне средь круга людств
	8	Гроб носить живейших чувств.

2 2 Лестней мне венцов, порфир,
3 5—6 Стану ж скорбную минуту
Смерти я с отрадой ждать.

‹В ПАМЯТЬ СТОЛЕТИЯ ПОБЕДЫ ПОД ПОЛТАВОЮ›

Варианты в книге Н. Ф. Павловского «Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее памятники» (Полтава, 1908):

Строфа Стих
1 1—2 Красуйся, торжествуй, Полтава
И лавр обвей вокруг чела.
2 2—4 Кровь чад твоих реками лил
И как его десницей мощной
Сампсон Российский поразил.
3 1—3 Петровой подражатель славы
Днесь новый лавр и пальмы шлет
В победоносные поля Полтавы.
4 4 Через век в единый год свершил.

Добавлена новая строфа, которой нет в автографе:

С восторгом зри средь поля бранна
Днесь им воздвигнутый трофей
В честь предка, славою венчанна,
И в память верности твоей.

Строфа Стих
5 2 Днесь празднеством почтил твой царь.
6 1—3 Взнесем моление усердно
К царю царей, отцу щедрот,
Чтоб царство мудро, милосердно

ВИДЕНИЕ ПЛАЧУЩЕГО НАД МОСКВОЮ РОССИЯНИНА. 1812 ГОДА ОКТЯБРЯ 28 ДНЯ

Варианты в полубеловой рукописи, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 9):

Стих
8 И угль теснит оплотом реки
14 И ужасом попрал мой дух.
32 Клонил над мною вышний лес
44 Там храма пышного разбитый верх горел;
49 Разбитых зданий тут зубчаты видны стены;
63 На части бледный там терзают труп, а тут
69—70 Развалины сии какой-нибудь столицы
Являли образ мне пространныя гробницы.
74 И жизни тем еще остаток возвещали.
83 Как вихрь из адского исторжен пламен дна
90 Простирая со скиптром мощную десницу,
95 Выразить и слабо нет ни слов, ни силы.
106 Осудить жестоко несть толь жребий строгий?
111 Ветр взвыл, столбами пыль взвилася.
120—121 От верха перлами до низа
В измрудах, в яхонтах горя,
137 Дыханье слабое в ней сперши,
139 Вдруг призрак, жезл ко мне простерши,
143—149 Мерило истины над миром сим держит
И смертных казнию безвинно не тягчит.
И токи слезны льешь над сей столицей;
И я скорблю о ней — скорблю о ней сторицей.
В другой раз вижу я над нею строгий суд:
Два века к вечности уж скоро протекут
С тех пор, как я ее врагами зрел попранну;

151 Чтоб из темницы бедств отечество известь.
154 Не столь о гибельной скорблю ее судьбине,
163 Беседой соблазна, неверствием скверня?
169—170 Обряды, праздник, пост — в очах их все химера,
И с внешности начав, иссякла суща вера.
177—178 Неправдою закон лежал в нем подавленный,
Как бледные его повапленные стены
Пред ними правда плачь, невинность слезы лей;
185 Крепило приговор змеино ябед жало,
202—203 Чтоб в скорби облегчить их горькую судьбину?
Призрел ли нищего, и от стола крохой
208 Чтоб он, деля его, умножил мзду — добром.
210 И в пепле погребли их падшие палаты.
215 И из источника разлившееся зло
217—219 Как мысли во главе строптивы порожденны,
Влияньем пагубным все движущие члены,
Пороки, слабости, разврат — везде равны;
221 Забыты доблести и предков тверды нравы;
225 Мудренный меж царей праправнук Филарета,
227 Невольно ввел меж вас толь пагубный разврат;
230—231 Переселял и к вам науки чужеземны;
Но подражатели его бессмертных дел,
233—235 Врата широкие развратам отворили
И чуждой роскошью Россию отравили.
Вельможи вслед за ней по пагубным следам,
239—240 Охотно наложа на выи их ярем.
За то чужих Москву карает бог бичом.
248 Внезапу дивное видение узрел.
252 С сверкающим мечом в руке
260 На крыльях вихря снег белел.
265 И грозный вид наносил всем страх.
267 Казал страдальца вид смущенна,
271 Как войск сражающейся рати крики,
293 Как истинен в судах над нами справедливых.
295 Так рек, и пастырска надвершием слегка,
300—301 Надеждою душе он скорбной отдых дал.
Престал ветр бурный выть; луна над мной блистала,
313 Рассыпаны противных силы!
319 Текущих пагубной дорогой
327 Что пламенному не дал аду
331 Да злы беседы развращенны
333 Отвержем роскоши отраву;
335 Потщимся поставлять и честь.
338—340 Умы и души в жертву несть.
Отечество от нас ждет дани;
Невинных жертва брани сей.
342 Разделим наш избыток с ней.
346—347 Да след пожаров истребится,
Паки феникс возродится

ПОДРАЖАНИЕ 90 ПСАЛМУ

Варианты в рукописи, хранящейся в БУАН (I.5669) — подзаголовок: «Живущий в помощи вышнего. В день Александра Невского. Александру Всероссийскому с благоговением посвящает верноподданный Василий Капнист».

Строфа	Стих	
1	2	Вошед в святый его чертог,

5—6 Правдив глагол: в лютой брани
Господь к нему простерши длани,
9 Оружьем правды споборая,
2 3 И в вере тверд, не уклонялся
5—7 С свирепым тьмы царем сражаясь,
Щитом победным ограждаясь,
Рассеевал он адску тму:
4 10 И лютого он льва попрал.
5 3 Вознес к творцу мольбы умильны,
6 Изъял от грозных бед, прославил;

ЯБЕДА, КОМЕДИЯ

I. Варианты в печатном тексте комедии издания 1798 года:

Список действующих лиц. Анна, служанка.

Действие I.

Между стихами 89—90 ремарка: Показывая, будто считает деньги.

131 Изрядно эту мне ты шайку описал!

165—173 отсутствуют.

174 Не сроден я, мой друг! на едакие штуки.

192 То праву вашему (свищет) на воздухе гулять.

Между 194—195 рем. Добров, закрывая рукою рот.

199 А с апелляцией уж голой (свищет) дуй в столицу.

После 231 рем. Показывая, будто деньги считает.

242—253 отсутствуют.

254 Но кто соперник мой?

265—277 отсутствуют.

283—286 отсутствуют.

287 Ах, боже мой! поди ж скажи ты ей, Анюта!

288 рем. Прямиков целует у Софьи руку.

289 С какою радостью я вижу вас опять!

290—291 Прямиков

Могу ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы к вам любви сердечной...

293 И вечно образ ваш в душе моей...

294—310 отсутствуют.

310 Анна к Софии

Но вот
Сюда ваш батюшка, сударыня! идет.

367 рем. Прямиков уходит.

402 Что вот у этого последнею землей

404 И дом зимой сожгли.

429 рем. Передразнивает.

432 То скоро работать (делая, будто жует) и челюстьми забуду.

437 рем. Кривосудов, Фекла, Наумыч и Архип с подарками в корзинах.

440 рем. Фекла Архипу.

448 рем. Наумыч

Я скажу. — (Кривосудову) О деле я два слова

450 рем. Наумыч Фекле, рассматривающей и раскладывающей подарки.

451 Но я его оттер. О деле небылицы

452 Фунт горчицы.

480 Уж стал он несколько тяжел нам становиться.

482 Лишь удушим одно, другое дело в суд;

487 Пустое: вершишь ведь все дела чистенько.

488 Что черно, как ни чисть, а будет все черненько.

490 А по жеребью прийдет отведать, тут?..

505 И я не знаю как уж тут и поворотить.
556 рем. Уходят.
Действие II.
44—48 отсутствуют.
51 Праволов

И так уж солон мне...

51 Наумыч.

Как быть?

111 рем. Праволов обнимая его.
119 Праволов дает синюю ассигнацию.
125 рем. Праволов дает еще синюю ассигнацию.
164 рем. Праволов прочитав бумагу
167 рем. Потряхивает камзольным карманом.
169 рем. Хочет дать ему несколько рублей, но Анна выбегает, слышит последний стих; и деньги остаются в руке Праволова.
175 Знак, что и наяву не ненавидит.
177 рем. Анна не принимая.
180 Из доброй воли хочу желать добра.
187 рем. Праволов к Фекле, целуя ее руку, а потом у Софьи.
198 рем. Уходит и уводит Софью и Анну.
214 Что не наследник он... наследному именью;
266 рем. Кривосудов встает.
281 рем. Делая, будто считает деньги.
283 Лишь вы б, сударь!..
285 рем. Члены входят в среднюю дверь, а Фекла с дочерью с другой стороны.
293 А, и друг
295 рем. Паролькин Праволову.
295 рем. Все садятся.
После стиха 298. Паролькин.
После стиха 300. Хватайко.
306 рем. Праволов подойдя к Бульбулькину тихо.
342 рем. Бульбулькин и Атуев берут под руки Феклу; Хватайко и Паролькин Кривосудова; Кохтин Радбына; а Праволов Софию, и уходят в боковые двери.
Действие III.
3—6 отсутствуют.
7 Ну! барина пока судьи пооберут,
17 Пред солнцем на поклон не опоздать до Члена;
32 рем. Софья *отсутствует.*
33—45 отсутствуют.
45 Ну как же тянут там! Да ба! и это ново!
56 рем. Фекла, Софья, Анна и Наумыч.
57 К Анне. Что вижу! дерзка! Кто больно так дерется?
71—99 отсутствуют.
99 рем. Выходят все полупьяные.
129 рем. Близ Феклы на канапе София, которая потом, сыскав тут книжку, читает.
186 рем. Прямиков Кривосудову.
248—249 Стократ вас менее ее я понимаю.
Не ябедничать здесь, а правду говорить...
264 отсутствует.
274 отсутствует.
294—296 отсутствуют.
296 Кривосудов
После стиха 296 следует текст:

Что ж, Анна! впрямь куда ты так от нас ушла?
Ты б пуншу нового стаканы поднесла;
А мы б тебе сполать.

Фекла Анне

Поди ж поторопись.

Во все это время Анна подносит пунш и вино гостям по частым знакам Феклы, а гости постепенно пьянеют.

297 рем. Паролькин, показывая на Наумыча.
После стиха 324 отсутствует явление 8 (стихи 325—350).
363 После Брать, брать, брать *имеется рем.* София, заткнув уши, уходит.
391 рем. Наумыч по знаку Праволова делает талию фос.
395 Праволов

А что, схватили?

398 рем. Смеется.
404 Конец. Встают и они.
418 рем. Выпивает стакан.
427 рем. Праволов делает в сторону знак неудовольствия. Ласково.
428 рем. Кривосудов делает, будто деньги считает.
Действие IV.
5—36 отсутствуют.
41—69 отсутствуют.
82 рем. Фекла отпихивая Кривосудова.
97 рем. Размахнув руками.
100 рем. Кривосудов к Фекле, становясь между ею и Прямиковым.
107 рем. Фекла отпихивая Кривосудова.
110 И жалобами нам и всем ты попрекаешь.
119 рем. Кривосудов становясь между Феклою и Прямиковым.
160—161 Чему не должно бы, иногда то может быть.

Ты знаешь, ведь и заячие уши

181—193 отсутствуют.
194—196 отсутствуют, вместо них напечатано:

Нет лих, нет; не назовут, божуся.
Да как не видишь ты, тому вот я дивлюся,
Что сим враньем тебя лишь хочет он отвесть
От Праволова.

204 рем. С жаром.
228 рем. Кохтин подавая бумагу.
236 рем. Наумыч... Делает, будто деньги считает. Кривосудов берет бумагу.
254 рем. Кохтин пишет и читает. А Наумыч между тем подает ему украдкою ассигнации.
297—320 отсутствуют.
321 Приходит нечто мне еще на помышленье.
352—358 отсутствуют.
359—360 Вместо этих стихов напечатано Он запугать лишь вас хотел чем ни на есть.
366 Да что! ты трус!
Действие V.
28 рем. Добров ставит с нею стол посредине.
100 И крепость на суде как должно утвердил.
108 рем. отсутствует.
109 рем. отсутствует.
168 рем. Кохтин невнятно читает, кашляя, останавливаясь и проч.

176 *В средине этого стиха напечатана ремарка* Тут останавливается, харкает, сморкает нос. *После этого стиха напечатана ремарка* Останавливается, нюхает табак, Кривосудов берет табак из его табакерки, — а он за то ему кланяется, — продолжает читать и, возвыся немного голос, бормочет.
191 *В средине этого стиха напечатана ремарка* Тут останавливается, оборачивает листы, чешет голову, оправляет камзол.
197 *В средине этого стиха напечатана ремарка* Останавливается, пока окончат члены разговор свой, а тогда оканчивает чтение, возвыся голос при самом конце.
200 *После этого стиха напечатана ремарка* Во время сего чтения Радбын тотчас задремлет; потом Бульбулькин, Атуев и Паролькин встают и выходят на авансцену.
222 *В конце стиха напечатана ремарка* Садятся.
290 *рем.* Праволов, падая на колени и подняв вверх обе руки, между коих записная книжка видна.
299 *рем.* Берет другой пакет.
303 *рем.* Роняет из рук бумагу и падает в креслы.
332 *рем. В конце ремарки напечатано* Под столом увидя бутылки, Фекла к Кривосудову с радостью.
341 *рем.* Бросается к нему.
363 *рем. отсутствует.*

Кривосудов

364—367 И я тож; — да и вы, я чай, согласны с нею.

София

Ах, признаюсь, что мне он не противен был.

Кривосудов (соединяя их руки)

Ну, дай же бог! чтоб он тебе был вечно мил!

Прямиков (целуя руки Софьи)

Какое счастие!

Софья

Какая перемена!

375 Ну! что ни говори, а дело плоховато!

II. Цензорские вычерки, сделанные в рукописи комедии «Ябеда», хранящейся в ГПБ (F.XIV.42):

Действие I. Явление 1.

Прямиков

Но оставляя их, о мне бы что сказали
Когда б меня одни лишь деньги оправдали?
Не в праве ли тогда б и мой соперник был
Сказать, что в кошельке я совесть задушил?

Добров

Пусть врал бы он тогда, что на язык попало:
Не переделалось тем дело бы ни мало.
И вы б сказать могли, что право в деле сем
Вы были подкрепить должны не только тем,
Что требовал закон, но и закона руки.

Прямиков

Прекрасною она глазам моим казалась;
Влюбился страстно я в нее там, а потом,

Как вышла уж она оттоле к тетке в дом,
То там, видаясь с ней, и пуще заразился.
Признаться, счастлив был, и я ей полюбился.
Однако ж сколь в нее я страстно ни влюблен,
На войну спешить был честью принужден.
Простились горестно. Она мне поклялася
Любить меня по смерть. Потом война зажглася;
Я дрался, отличен; и сведал наконец,
Что в город сей велел ее привесть отец.
Спешил сюда; в дому процессом задержался;
Приехал; к ней иду, с тобою повстречался,
И слышу, боже мой! — Но может ли то быть?
Возможно ль клятву ей так скоро позабыть?
Да за кого?

(*Вместо этого текста было написано и вновь зачеркнуто:*
В Москве у тетки, где она и воспиталась,
Увиделся я с ней. Она мне показалась.
Влюбился. Был ей мил...).

Явление 2.

Анна

Нет; я всегда, сударь, желала вам добра.
Но вспомнить бы о нас давно, давно пора.
Как в воду канули; где сгибли вы, пропали,
По этот день, сударь, ведь вовся мы не знали.

Прямиков

Как, вы ведь знаете, что был я на войне.
Но средь опасностей и между пуль, в огне,
Любезчый дражайший образ той, котору обожаю,
Преследовал меня; я к ней писал, я чаю,
Сто писем; но представь, от ней ни на одно
Мне ни полстрочкою ответа не дано
Я был в отчаяньи; в отчаяньи и ныне.
Анюта, пожалей ты о моей судьбине;
Хоть словом услади жестокости ея.

Анна

Вот это плод, сударь, походов да сражений;
А больше не могу я дать вам объяснений.

Прямиков

За перву весть тебя я рад поцеловать.
И сердце несколько уж стало отдыхать.

Явление 3.

София

Признаюсь, ты мне всегда был мил...
Ах, что сказала я?

Прямиков

Что вдруг все те печали,
Которые мой дух доселе отягчали,
Разбило, и меня в миг драгоценный сей
Счастливейшим из всех соделало людей.

(Целует ее руки)

София

Где был ты долго так? Ай, сколько тем теряешь.
И всех твоих несчастий ты не знаешь.

Прямиков

Ах, нет, уж я узнал, что нежну нашу страсть
Стремится разорвать родительская власть;
Но льщусь надеждою, когда они узнают,
Что горесть сим одну они приготовляют,
То переменят мысль и отдадут тому,
Кого вы избрали по сердцу своему.

София

Желаю, чтобы ты тем не напрасно льстился.

Прямиков

Открыться им во всем теперь же я решился;
О деле разговор подаст к тому мне след.
Но кто счастливой тот?

Явление 9.

Фекла

Давно молебен уж я приказала петь.

Кривосудов

У чудотворной что ль?

Фекла

Туда нельзя поспеть:
Там барынь тьма старух, и дорого платящих.
Велела Фильке я отпеть у Всескорбящих.

Кривосудов

Да как, то весть господь, и там успеть ему:
Я челомбитчиков всегда видал там тьму.

(*Уходят*)

Действие II.
Явление 1.

Праволов

И этого сломать дрянного ассесора
Трудняе стало, чем весь суд и прокурора.
Почти что вчетверо вот этот лишь пострел
Противу всех других мой кошелек заел.

Действие III.
Явление 1.

Архип

В высоких тех домах, на пагубу людей,
Сам чорт, знать, научил проклятых жить судей;
И выдумал для них таки крутые крыльца.
Схватясь, чтоб не упасть, я вырвал два перильца.

Явление 2.

Анна

Что так, сударыня, бежите торопливо?

Софья

Ай! Что мне делать там?
(*Вместо этих слов было написано и снова зачеркнуто* там делать нечего).

Анна

Да гости, неучтиво.

Софья

Ай! да учтивы ли они ко мне?

(*Вместо этих слов было написано и вновь зачеркнуто* Вот они ко мне учтивы ли?).

Анна

Как быть?

Вы хозяйка; вам их должно угостить.

Софья

Ай! не хочу, они такие грубияны.

Анна

‹Что делать?› Как быть?

Софья

Ай! не хочу, они такие пьяны!

У нас в монастыре ввек не был пьян никто.

Фидон!

Анна

То монастырь; а здесь все не то.

(*Затем сверху было написано и снова зачеркнуто* да то у тіотушки).

Софья

Ай! Я вижу очень.

Анна

Так вам должно применяться!

Софья

Ай! фидон! не хачу; как эдак напиваться.

(*Вместо* Ай! фидон! *было написано и снова зачеркнуто* поди ты).

Явление 4.

Фекла, Софья и Анна (устанавливают столики и стулья и карты и марки)

Фекла

А ты, жеманна дочь!

Зачем оставила гостей и вышла прочь?

У вас так разве лишь в монастыре ведется;

(*Вместо последних слов сверху было написано и снова зачеркнуто* неужли то так на Москве).

Невеста прочь, жених один и остается?

Софья

Ай! женихов отнюдь нет, я божусь вам в том,

У нас в монастыре.

(*Вместо этих слов сверху было написано и снова зачеркнуто* у нас в Москве, отнюдь, божусь вам, женихов мы не видели).

Фекла

А за монастырем!

(*Вместо этих слов сверху было написано и снова зачеркнуто* Добро. а Прямиков).

Я знаю ведь уж все; да я не помирволю.

Не тетушкину слышь, а делай нашу волю.

монастыршу

Мы Праволова уж давно тебе сулим;
Упрямься или нет, а быть тебе за ним.
И так, голубушка, смотри не зазнавайся
И нравиться ему как можно ты старайся.

Софья (падая на колени)

Ах, матушка! Прошу вас на коленях я,
Избавьте от него, избавьте вы меня;
Я нравиться ему уж не могу, божуся,
Что не люблю его, и в том вам признаюся.
Избавьте вы меня; он мне несносен так!
Но если упросить вас не могу никак
И у себя меня держать вы не хотите,
То в монастырь меня, прошу вас, отошлите;

(*Вместо* в монастырь *позднее сверху написано и снова зачеркнуто* к тетушке).

Иль к тетушке назад. Я сколько с ней жила,
Божуся, в тягость ей я право не была.

(*Вместо* иль к тетушке *позднее сверху было написано и снова зачеркнуто* не буду в тягость ей).

Фекла

Встань, дура! и молчи; про тетушку ни слова.
Там прежни шашни с ней вы заведете снова.
Не льстись, голубушка, я раз сказала уж...

Явление 6.

Анна (вполголоса, собирая брошенные карты)

Станем же и мы клеить масть к масти.

Кривосудов (осматривая)

Ба, ба! Неужли то стоит Зерцало тут?
Но нет.

Бульбулькин

И хорошо, что спрятали под спуд.

Атуев

Смотреться некому.

Хватайко

На нас весь век смотрело.

Анна

Знать больше и в Москве не захотело.

Явление 9.

Те же и Софья с арфой

Кривосудов

Запой же нам, мой друг!

Софья

Что батюшка велит?

Кривосудов

Что хочешь, милая!

Кохтин (к Бульбулькину)

На этой играл Давид?

Бульбулькин

Нет, эта ведь стоит, а он с своей носился.

Паролькин

Загнуть бы ушко Давиду.

(*Вместо этого сверху было написано и зачеркнуто* Послушай, как бренчит).

Хватайко

Ты взбесился;
Он проиграл уже, я думаю, раз пять.

Паролькин

Охотничек и он, старик, ведь был играть.

Атуев

Глух звук, не слышу.

Хватайко

Хоть с длинными ушами!

Паролькин

Взглянь, как работает руками и ногами!

Софья (играет и поет)

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы,
Той, котора в род и род
Весь счастливый свой народ

(*Вместо последних двух стихов сверху было написано и зачеркнуто*
Что под свой покров берет
Вдов, убогих и сирот).
От драгой своей десницы
Всем она блаженство шлет;
Вкруг блестящей колесницы
гремящей
Мир с победою ведет.

(*Вместо последнего стиха сверху было написано и зачеркнуто* Щастье и любовь ведет).

Воспоем тьму щедрот...
Мы все, как сиротки птицы,
К ней направя наш полет,
Под крылами сей орлицы
Жизнь спасем от непогод.
спасла
Воспоем тьму щедрот...
Как лучом она денницы,
Просвещает российский род;
И под кровом багряницы
Воспитает тьму сирот.

Два раза:
Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы,
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

Все судьи

Помути, господь, народ,
Да накорми воевод.

Софья с арфой поспешно уходит

Действие IV.
Явление 1.

Софья

Что делать с матушкой, что так она жестока?
Что так невинную страсть...

Анна

Эта страсть без прока,
Когда позволите мне правду говорить.

София

Да что же делать мне и чем тут пособить?

Анна

Как чем? Или умом, или упрямством вашим.
Во-первых, предложить родителям дражайшим,
Что если Праволов с которой стороны
Им мил, когда в него они так влюблены,
То могут счастливо они на нем жениться;
И что скорее вы согласны утопиться,
Чем быть когда-нибудь драгой его женой;
Вот вам, сударыня! совет последний мой.

София

Ах, нет, ввек этого сказать я не посмею.
К родителям любовь, почтение имею.
Хотя они меня и могут погубить,
Но я противу их не смею согрубить.

Анна

Ах так, извольте их повиноваться воле.
Я не могу ничем вам пособить уж боле;
И радуюсь, вперед вообразя себе,
Как с Праволовом вы в завидной всем судьбе
Жить будете весь век; как с ним, с его друзьями,
С писцами, стряпчими или секретарями,
Обратаетесь вы; и тут уж без препон
Увидите со всех, сударыня, сторон
Чужое в руки к вам текущее богатство!
Какое для души раздолье и приятство!
Вдов видеть, стариков и нищенских сирот,
От вас свой бедный хлеб просящих у ворот.

София

Ах! Не терзай меня, и так уж я терзаюсь.
Но что ж, несчастная! Куда ни обращаюсь,
Отрады ниоткоть и помощи мне нет!

Анна (видя входящего Прямикова)

Однако некто вот на помощь вам идет.

Явление 2.

София

Ах! не терзай меня.
Не думай, чтоб когда, тебе я изменя

И клятвы позабыв, другого полюбила.
Но ах! Судьба меня над меру отягчила.
Мне матушка велит навек тебя забыть,
А кто несносен так, того женою быть,
И угрожает мне всей строгостью своею,
Когда противиться я в этом ей посмею.
Что делать?

Прямиков

Что тебе любовь твоя велит.
Знай, что мне смерть с твоей разлукой предстоит.
Коль любишь ты меня, возможно ли решиться
Убить меня; с моим врагом соединиться? —
Пусть все имение отнимет — перед ним,
Но сердце пусть твое оставит; им одним
Я счастлив буду, с ним напасти все забуду.
Люби меня, вот все.

(Целует ей руку)

София

Люблю тебя и буду
Любить; приятно мне то повторять сто раз.
Но что ж в том, ежели они разлучат нас?

Прямиков

О мысль несносная! — Но нет! позволь мне льститься,
Что сердце может их перемениться.
Я в силах оказать услугу важну им;
И с тем пришел. Нельзя, чтоб я поступком сим
Не приобрел себе хоть малой их приязни.
Я сведал, что меж тем как вовсе без боязни
И без опасности от всех они живут,
В Сенате им враги несчастие куют.

София

Ах, боже мой! Так им теперь же надо с вами
Переговорить. Пойдем. Да вот они и сами.
Идут.

Явление 4.

Фекла

Ну добро, на все я соглашуся;
Но к речи начатой теперь я возвращуся.
Отколь молодчику дошел об этом слух,
Когда здесь ни один о том не знает дух!
От питерских друзей не слышим мы ни слова,
И это скрыться как могло от Праволова,
А обнаружиться сопернику его,
Который в сих делах не знает ничего
И с саблею в руках за ветром лишь гонялся;
Земель господь весть где, у турков добивался,
А собственны свои поместья прозевал.
С чего ему Сенат вдруг так знакомым стал?

Явление 6.

Кохтин

Нет, это страх пустой, поверьте мне, божуся;
По делу Тяпкина я более боюся,
Чтоб нам какой-нибудь не вышло кутерьмы.

Из пасынка ево в родного сына мы
Без дальних выправок в приказе превратили
И внуков истинных наследия лишили,
Все их имение ему приговоря.

Кривосудов

Нет, в этом деле нас, творца благодаря,
Закон сам от хлопот и от поклеп избавил;
Ты помнишь ведь, мой друг, что Тяпкин в суд представил
От отчима письмо, в котором он его
Открыто признает за сына своего,
Возлюбленным его в нем сыном называет.

Фекла

Вот на! так тут ваш страх лишь чепуха пустая.
Когда покойник сам его уж сыном звал,
Так стало быть он сын, кто б как ни толковал.

Кривосудов

При том же истинну тут чтобы нам откры<ло>
С покойника допрос уж брать поздненько было.

Фекла

Вздор, милые мои! и суща чепуха.
Хоть человек всяк ложь, никто не без греха;
Но в этом правы вы, как ни суди кто строго;
И этаких грехов пожалуй сыщешь много;
Но капитальнейших...

Кривосудов

Я истинно не лгу,
Что больше этого припомнить не могу.

Кохтин

И как чрез этого пустого вертопраха
Могли...: и нам нагнать вы столько страха!
Пристало ль это вам! По вашему уму
Поверить болтуну нахальному сему?
За вас, сударь, за вас мне право очень стыдно.
Ведь тут и самому простому глазу видно,
Что он хотел, сударь, вас только напугать,
Чтоб Праволову вы не смели помогать.

III. Цензорские вычерки, сделанные в рукописи комедии «Ябеда», хранящейся в ИРЛИ (Р. II, оп. 1, № 136):

Действие I.

165—173 *зачеркнуто.*

174. *Вместо* Не сроден я, мой друг, на эдакие штуки *исправлено рукой Капниста* Нет, нет, не сроден я на эдакие штуки.

242—254 *зачеркнуто. Вместо зачеркнутого 242 стиха было написано* Но кто ж соперник мой?

254. *Во второй половине стиха первоначально было* Я вам сказал, таят к чему-та.

263. *Первоначально было* Или и ты меня, Анюта, оставляешь?

265—277 *зачеркнуто.*

284—310 *зачеркнуто. Вместо зачеркнутых стихов 285—288 было написано рукою Капниста*

Могу ль с <ней> видеться?

Анна

От разных огорчений,
От скуки, от досад она занемогла
И третий день, сударь! как уж в постель слегла.

Вместо зачеркнутых стихов 308—310 было написано рукою Капниста

Ах! боже мой! Поди ж скажи ей, что открыться
Отцу ее хочу; и что надеждой льститься
Могу, что он меня другому предпочтет.
Но кто ж ее жених?

Анна

Вот барин наш идет.

311—313. Первоначально было

Я Прямиков; пришел отдать мое почтенье.
Процесс мой к вам, сударь! вступил на рассмотренье.
Я в правости моей на ваш надеюсь суд.

314 рем. После зачеркнутого к Софье *было сверху написано* к Анне.

Действие II.

292—293. Первоначально было, а затем зачеркнуто

(К Софье)

А ты и поклониться
Не смыслишь: все-таки вприсядку.

Действие III.

5—7 зачеркнуто.

33—45 зачеркнуто.

45. По зачеркнутому было написано Ну! Как же тянут там!

71—99 зачеркнуто. Вместо зачеркнутых стихов 71—73 было написано рукою Капниста

Фекла к Анне

А ты поторопися
И стулья для гостей расставь. Вот оглянися,
Все идут.

129 рем. Конец ремарки Близ Феклы на канапе София, которая потом, сыскав тут меледу, ею занимается *был вычеркнут.*

140—143. Первоначально было

Ах! Кстати ль! Софьюшка! ну! встань, почародей
И пуншик изготовь.

София

Ах, я ведь не умею.

Фекла

Какая ты и впрямь!

(К Анне)

А ты что пялишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.

190. Вторая половина стиха 190 и стих 191

Сюда прошу ко мне переместиться.

Прямиков

Мне хорошо и здесь.

зачеркнуты; вместо них рукою Капниста написано

Бульбулькин

А я б просил его скорей проститься.
Не впору гость...

294—296 были вычеркнуты и вместо них рукою Капниста написано

Что ж, Анна! Впрямь куда ты так от нас ушла?
Ты б пуншу нового стаканы поднесла;
А мы б тебе сполать.

Фекла Анне

Поди ж поторопися.

323—350 зачеркнуто.
354. Вместо этого стиха было и зачеркнуто

Хватайко

Прекрасно как поет!

356—357. Первоначально было

Я слышал, ведь что ты сам хорошо поешь.

Хватайко

Я рад бы всей душой, да голоса-то нету.

401—402. Первоначально было

Куда ж врасплох моя певица-та девалась?

Кривосудов

Пускай ее.

Фекла

Она совсем избаловалась.

Действие IV.
1—71 зачеркнуто.
107. Первоначально было Фекла показывает ему шиш.
Вот на лих! Не желаю дать.
123—138 зачеркнуто.
181—196 зачеркнуто.
297—320 зачеркнуто.
352—360 зачеркнуто.
Действие V.
341—345. Эти стихи написаны сверху вместо зачеркнутых

София

Ай, матушка, я вас
Прошу...

Фекла

И ты туда ж? Пойди с моих ты глаз!

Кривосудов

Да не гони ее; она беды не знает,
Что уж ее жених в остроге заседает.

364—366. Эти стихи написаны сверху вместо зачеркнутых

И я тож; да и вы, я чай, согласны с нею.

София

Ах! признаюсь, что мне он не противен был.

Кривосудов (*соединяя их руки*)

Ну, дай же бог, чтоб он тебе был вечно мил!

Прямиков (*целуя руки Софии*)

София

Какая перемена!

РАННИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПЛАНЫ

ODE À L'OCCASION DE LA PAIX CONCLUE ENTRE LA RUSSIE ET LA PORTE OTTOMANE À KAYNARDGI LE 10 JUILLET. ANNO 1774

Je t'implore, o Dieu du Parnasse
Viens unir ta lyre à mes chants!
Viens m'inspirer la noble audace
D'enfanter de nouveaux accents!
Dans le transport qui me domine
Je vais chanter de Catherine
Les vertus, les faits glorieux.
Prends garde que je ne m'egare
Et n'aille comme un autre Icare
M'elever et tomber des cieux.

Mais quoi! quelle divine flame
Seconde mes efforts heureux?
Quel feu s'empare de mon ame?
Quelle clarté luit à mes yeux?
Dans ce jour rayonnant de gloire
Ou le destin par la victoire
Acheve nos heureux travaux;
J'entens encor gronder l'orage,
Je vois les trâces du carnage
Fumer sur les pas des heros.

Est-ce un charme ou l'effet d'un songe
Qui trouble mes foibles esprits?
Par les prestiges d'un mensonge
Mes sens ne sont ils pas surpris?
Je vois la gloire et la fortune
Avec Minerve avec Neptune,
Animés d'une egale ardeur
Guider l'aigle de la Russie,
Qui dans une plage ennemie
Porte un fer exterminateur.

Au de lá des monts de la Thrace
Je vois flotter nos étendarts,
Leur formidable aspect menace
l'Ottoman fier de ses remparts.

Jadis les armes intrepides
De ses cohortes homicides
Fesoient trembler tout l'univers.
C'est par le sang, et le carnage
Et par la flame et le pillage
Qu'elles ont mis la Grece aux fers.

Comme on voit un epais nuage
S'elever au dessus des flots
Et par l'approche du carnage
Epouvanter les matelots,
Telle on voit sa flotte nombreuse
Couvrant une mer ecumeuse
Deployer ses hardis drapeaux
Et bravant l'orgueilleux Neptune
Oser affronter la fortune
Sur l'abime profond des eaux.

L'orgueil et l'envie homicide
Ces cruels enfants de l'enfer,
Vomissent de son sein perfide
Le soufre, la flame et le fer.
La mort d'une main sanguinaire
Leur ouvre l'horrible carriere
Et des perils et des combats.
Et cette furie inhumaine
Feint une victoire certaine
Pour donner un plus sur trepas.

S'en est fait, la trompette sonne;
Tout va de sang etre innondé.
En vain par la fiere Bellonne
L'Ottoman se voit secondé.
L'aigle Russe armé de la foudre
Va d'un seul cour reduire en poudre
Tous ces audacieux guerriers
Et les plongeant dans les tenebres
Changer en des Cyprés funebres
Leurs imaginaires lauriers.

Deja l'on voit sur le rivage
Armes et drapeaux dispersés;
Le glaive porte le carnage
Dans leurs bataillons terrassés.
L'embrasement au loin s'alume:
L'orgueil abreuvé d'amertume
Pleure ses projets impuissants,
Et pour engloutir ses victimes
La mer entrouvre ses abimes
Vaste tombeau des Ottomans.

Mais quelle magique influence
A changé l'aspect de ces lieux?
C'est toujours la même puissance
Qui triomphe sous d'autres cieux.
Je vois, je contemple la rive
Oú portant la palme et l'olive,
La gloire conduit nos drapeaux,

La rive où honteux de sa chaine,
Le Danube à regret promene
Son ignominie et ses eaux.

Quels sont ces objets mémorables
Qui viennent frapper mes regards?
Que d'exploits a peine croyables
Se font au pied de ces remparts?
Bender, Chotim et Bouchoreste
Enterrés sous les tristes restes
De leurs murs brisés, chancellants;
Le Danube sanglant qui gronde
En roulant les flots de son onde
Parmi les morts et les mourants.

Deja tout succombe, tout cede
A nos efforts impetieux.
Envain l'Ottoman a son aide
Appelle un prophete odieux.
Cent fois nos armes intrepides
Ont rougi les plaines liquides
De son sang à grands flots versé;
Cent fois, s'etonnant de ses pertes
Il vit les campagnes couvertes
Des debris d'un camp dispersé.

Presage certain de disgrace
La peur vole de rang en rang,
Et l'Ottoman perd son audace
Avant de voir couler son sang.
Sa fougue a notre aspect s'arrete;
Il s'etonne, il fuit, sa defaite
Sur ses pas jette la terreur;
Et par tout où l'effroi l'engage
Il est poursuivi par l'image
De son redoutable vainqueur.

Enfin l'erreur qui le domine
Contre ces coups n'a pu tenir;
Il se repent et Catherine
Sait faire grace au repentir.
Sa main qui lance le tonnere,
Ne poursuit que le temeraire
Qui la brave par ses excés;
Inexorable à l'insolence,
L'humble recours à sa clemence
Est sur d'attirer ses bienfaits.

Autant sa vengeance est fatale
A ses superbes ennemis,
Autant sa bonté se signale
Sur un peuple à ses loix soumis.
Le ciel dont l'oeil veille sur Elle,
Temoin de l'amour maternelle
Qu'Elle ressent pour ses sujets,
A fait triompher son courage
Pour concourir au grand ouvrage
Qui sera le fruit de la paix.

Peuples heureux sous ses auspices!
Comment lui prouver votre amour?
Par quels voeux, quelles sacrifices
Consacrerés vous ce grand jour?
Voués à la reconnoissance
Peuples! c'est par l'obeissance
Et par le respect pour ses loix
Que vous pouvez lui rendre homage;
L'amour du peuple est le partage,
Est le vrai tribut des bons Rois.

Deja les troubles de la guerre
Font place au calme de la paix,
Qui pour le bonheur de la terre
Semble s'y fixer pour jamais.
Present digne de cette Reine
Plus mere encor que souveraine,
Et dont le regne glorieux
Des Rois la rendra le modelle,
Tandis que nous verrons en Elle
L'image vivante des Dieux.

Sa main a renversé la digue,
Qui fermoit la route des mers
Aux fruits que l'Arabe prodigue
Et dont les champs nous sont ouverts;
Bientôt des moissons eloignées,
Dans nos campagnes fortunées
Nous recueillerons le tresor,
Et grace à la bonté divine
Le siecle heureux de Catherine
Ramenera le siecle d'or.

La Russie a jamais heureuse
Va devoir sa prospérité
A cette main victorieuse
Par qui l'Ottoman fut dompté.
Nous verrons germer les semences
Des loix, des arts et des sciences
Dans nos champs et dans nos cités
Et benissants nos destinées,
Nous composerons nos années
D'un cercle de felicités.

Mais mon ambition est vaine
De vouloir peindre dans mes vers
Cette brillante et longue chaine
De gloire et de bienfaits divers.
Catherine! ton nom illustre
Ne peut reçevoir aucun lustre
Que de la vertu ton soutien;
Mais en chantant ce nom sublime
J'ai toujours un droit legitime
Pour faire connoitre le mien.

———

Перевод:[1]

ОДА ПО СЛУЧАЮ МИРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО МЕЖДУ РОССИЕЙ И ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЙ В КАЙНАРДЖИ 10 ИЮЛЯ 1774 ГОДА

Молю тебя, о бог Парнаса, приди поддержать своею лирой мои песни! Приди внушить мне благородную отвагу заговорить иным слогом! В овладевшем мною порыве я воспою добродетели, славные подвиги Екатерины. Смотри, как бы я не сбился и, подобно Икару, вознесшись к небесам, не упал бы оттуда.

Но что это, что за божественное пламя помогает плодотворным моим усилиям? Какой огонь овладевает моею душою? Какой свет блестит пред очами? В сей день, сияющий славою, когда судьба венчает победою счастливые наши труды, я слышу еще, как гремит гроза, вижу следы резни, дымящиеся по стопам героев.

Колдовство ли, или следствие сна волнует слабый мой рассудок? Не подпали ли мои чувства под очарование лжи? Я вижу, как Слава и Фортуна с Минервою, с Нептуном, одушевленные равным пылом, направляют российского орла, несущего губительный меч во вражеские пределы.

Я вижу, как развеваются наши знамена по ту сторону Фракийских гор, их устрашающий вид угрожает турку, гордому своими укреплениями. Неустрашимое оружие смертоносных сих когорт заставляло некогда дрожать весь мир. Кровью и резней, огнем и разбоем ввергли они Грецию в оковы.

Подобно темной туче, подымающейся над волнами и пугающей матросов, как знак приближения бедствия, многочисленный их флот, покрывая пенистое море, развертывает дерзкие свои знамена и, бросая вызов горделивому Нептуну, осмеливается противостоять судьбе, между тем как под ним — глубокая бездна вод.

Гордость и смертоносная зависть, эти жестокие исчадия ада, извергают из вероломной своей утробы серу, огонь и железо. Смерть кровавой своей рукою открывает им ужасное поприще опасностей и битв. И сия бесчеловечная фурия делает вид, что победа обеспечена, чтобы уготовить более верную гибель.

Свершилось, звучит труба, все наводнится кровью. Напрасно поддерживает турка гордая Беллона. Российский орел, вооруженный молнией, одним ударом обратит в прах всех этих дерзких воителей и, повергая их в тьму, превратит мнимые их лавры в надгробные кипарисы.

Уже видны на побережье их рассеянные войска и знамена, меч несет гибель поверженным их батальонам, вдали занимается пожар. Исполненная горечи гордость оплакивает неудавшиеся планы, и, чтобы поглотить свои жертвы, море разверзает глубины свои, просторную гробницу для турок.

Но что за магическое влияние преобразило вид сих мест? Это — все то же могущество, что одерживает победу в иной стороне. Я вижу, я созерцаю берега, куда, неся пальмовую ветвь и оливу, ведет слава наши знамена, берега, в коих стыдящийся своих цепей Дунай неохотно несет обесчещенные воды свои.

Каковы памятные сии предметы, поражающие мой взгляд? Сколько подвигов, в которые с трудом можно поверить, свершается у подножия сих укреплений? Бендеры, Хотин и Бухарест, погребенные под печальными остатками своих разбитых, шатких стен; окровавленный Дунай, с ревом катящий свои волны меж мертвых и умирающих.

Уже все гибнет, все подается под неудержимым нашим напором. Напрасно турок зовет себе на помощь отвратительного пророка. Сотни раз неустрашимые наши войска окрашивали моря его кровью, проливаемой потоками, сотни раз, изумляясь своим потерям, наблюдал он, как покрывались поля обломками рассеянного стана.

---

[1] Перевод Н. П. Корыхаловой.

Вот уже, верный предвестник поражения, страх летит из строя в строй, и турок утрачивает свое мужество еще до того, как пролилась его кровь. Его пыл остывает при виде нас, он изумлен, он бежит, поражение сеет страх, и повсюду, куда его забрасывает ужас, его преследует образ грозного победителя.

Наконец, заблуждение, владеющее им, не смогло устоять против сих ударов, он раскаивается, а Екатерина умеет даровать помилование раскаявшемуся. Рука ее, мечущая молнию, поражает лишь дерзновенного, бросающего ей вызов своими оскорбительными поступками, будучи безжалостна ко всякой дерзости: тот же, кто смиренно взывает к ее милосердию, может быть уверен, что снищет ее расположение.

Насколько гибельно ее мщение для надменных ее врагов, настолько же прославлена ее милость по отношению к народу, покорному ее законам. Небо, коего око неусыпно надзирает за нею, свидетель материнской ее любви к своим подданным, дало восторжествовать ее храбрости, чтобы помочь великой той работе, которая явится плодом мира.

Народы, счастливые благодаря ее покровительству! Как доказать ей вашу любовь? Какими обетами, какими приношениями освятите вы великий сей день? Народы, отдавшиеся чувству признательности! послушанием и уважением ее законов — вот чем можете вы воздать ей честь. Любовь народа — вот удел, вот истинная дань для добрых царей.

Уже треволнения войны уступают место спокойствию мира, который, ради счастия земли, кажется, навсегда на ней установился. Дар — достойный сей царицы, являющейся к тому же скорее матерью, чем повелительницей, и славное царствование которой сделает ее образцом для государей, тогда как мы увидим в ней живое воплощение богов.

Длань ее опрокинула плотину, закрывавшую морской путь для плодов, коими щедро делится араб, поля которого для нас открыты. Вскоре, в счастливых наших селениях, мы соберем сокровище далеких тех жатв, и, благодаря милосердию божьему, счастливый век Екатерины приведет за собой золотой век.

Россия, навеки счастливая, обязана будет своим процветанием победоносной сей длани, укротившей турка. Мы увидим, как прорастают посевы законов, искусств и наук в наших градах и весях, и, благословляя нашу судьбу, проведем свою жизнь в кругу блаженства и радостей.

Однако тщетным было честолюбивое мое желание изобразить в своих стихах эту блестящую и длинную цепь славы и различных благодеяний. Екатерина! славное твое имя может получить блеск лишь от добродетели, твоей опоры, но, воспевая великое это имя, я имею все же законное право на то, чтобы мое имя стало известным.

ПЛАН КОМЕДИИ «ЯБЕДА»

Действие 1

ЯВЛЕНИЕ 1

Протоколист с делами и Честон

Он описывает Честону председателя и членов Палаты, прокурора, и дом весь и отчасти Судягу; обещает ему бескорыстно служить, будучи одолжен его отцом, но отчаивается в успехе его дела. Советует дарить. Честон на то не соглашается. Сказывает, зачем тут Зерцало.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и девка

Честон осведомляется о своей любви. Девка открывает, что за нее сватается Судяга, и наклонность стариков отдать за него.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и любовница

Она признается, что его любит, но не смеет противиться воле стариков. Они уходят, увидя идущего председателя.

ЯВЛЕНИЕ 4

Протоколист, Честон и председатель

Честон ему говорит о деле своем. Председатель ответствует по судейски сухо. Честон предлагает ему желание вступить в семью его. Сей ответствует ему сухо же и, увидя протоколиста, берет у него дела и тем отбояривает Честона к выходу.

ЯВЛЕНИЕ 5

Протоколист и председатель

Сей ему докладывает дела не одаривших людей. Председатель скучает докладом и делами и выгоняет.

ЯВЛЕНИЕ 6

Председатель один

Обнаруживает досаду на тех просителях, которые хотят, чтоб судьи их дела решали.

ЯВЛЕНИЕ 7

Председатель. Жена его ведет поверенного Судягина с подарками ему. Она останавливает председателя и рекомендует ему поверенного с подарками. Сей его отблагодарит и велит звать Судягу к себе на обед на именины. Тот ему о деле слова два, а сей уже все разумеет и посмотрит. Тот уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Председатель и жена

Она председательствует за Судягина. Председатель ей говорит, что дело вовсе неправо и что он боится, чтоб чрез ее излишне лакомство ему до Уголовной палаты не дойтить. Она его успокаивает. Говорит ей о предложении Честона жениться. Она против этого: советует принять в зяти Судягина.

Действие 2

ЯВЛЕНИЕ 1

Судяга и поверенный

Тот репортует ему, что он всех членов подкупил, которых часто и Судягин сам подкупал, но боится, чтоб дело саратовское не погубило его. Получил неприятные от поверенного письма. Обиженной прямо до наместника кинулся. Обнаруживает, что не хочет жениться на дочери председателя, а только сватается, дабы выиграть между тем дело. Объявляет, что он угостить намерен хозяина в его доме, и велит, чтоб вина и водки и прочее он сюда принес.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и секретарь

Сей сказывает, как он указы приискал и экстрактец изготовил к докладу, и обещает служить впредь. Сей ему на этот раз платит за указ.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и девка

Судягин останавливает ее и ласкает и дает деньги. Та говорит, что она указов не знает. Секретарь говорит: за доброе хотенье, из доброго ли желания добра она не падка до сребра. — Да по крайней мере ты знаешь

Уложенье. — Дайте мне, а я ей золотцо подкину. — Судягин говорит о барышне ее и о своей любви. — Та ему дает чувствовать, что она его не любит, и не советует ему жениться на ней. — Судяга не соглашается, полагаясь на власть родителей. Судяга, видя идущего председателя, усылает поверенного и секретаря.

ЯВЛЕНИЕ 5

Судяга, девица, девка, председатель и жена

Председатель и жена ласкают Судягу. Жена оставляет их и уводит с собою девицу и девку.

ЯВЛЕНИЕ 6

Председатель и Судяга

Тот ему дело свое изъясняет. — Та дело плоховато. — Судяга ему обещает. Повторяет предложение о женитьбе. Старик соглашается. О женитьбе говорят. Судягин: Что у нее лишь матернее движимое придано. —

ЯВЛЕНИЕ 8

Все члены Палаты и прокурор и секретарь

Судяга, по здравствовании, у каждого на сторону спрашивает, понравились ли подарки. Потом председатель просит их обедать.

Действие 3

ЯВЛЕНИЕ 1

Слуга и поверенный несут в коробках бутылки, лимоны и прочее

Слуга жалуется, зачем в третьем этаже судьи живут; он надорвал себя, несучи коризну, и перильце сорвал, ухватясь за крыльцо.

ЯВЛЕНИЕ 2

Поверенный, девица и девка

Девица говорит, что от пьянства, стуку, шуму и буянства уходит сюда. Садится в кресло. Девка усматривает поверенного, спрашивает, зачем? Он ей ответствует: вот с чем. Ласкается к ней. Она ему грубит, а потом дает оплеушину. На это выходит мать.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и мать

Сия хочет бранить девку, за что она бьется. Эта извиняется, что за то, чтоб он с переднего крыльца не заходил с подарками. Та ее не совсем одобряет, но и его не извиняет и гонит прочь, чтоб не увидели.

ЯВЛЕНИЕ 4

Девица, мать и девка

Мать девице говорит, что ей жених Судягин. Она просит, чтоб ее не принуждали. Мать ее бранит и грозит, чтоб она ему не осмелилась грубить, толкует ей, что она всего имения лишится вышедши за Честона, за тем, что он не цепок, а за Судягою не только все ими приобретенное удержит, но и еще присовокупит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Все входят уже полупьяные

Садятся в карты по предложению Судяги. Он велит банк делать своему поверенному, секретаря пополам садит в большую игру в рокамболь с председателем, а сам садится в пикет с председательшею. Между тем пунш делает девка. Члены срывают банк. Председатель говорит не хорошо. Поверенной: А члены хвалят. Судяга бросает ему еще кошелек. Секретарь проиграет. Судяга велит каско чаще брать. Секретарь ответствует, что они берут грандисимы. Председатель Секретаревы кладет карты: — Говорю ты никогда своих не кладешь. Судягин отбрасывает хорошую масть, чтоб проиграть. — Потом заводят о деле речь. Судягин встает, чтоб им

объяснить, а жена между тем крадет его карты. Он, возвратясь, примечает, а она капот делает. — Девка между тем подходит к зерцалу и читает: Масть к масти. — Председатель велит чехлом закрыть. Проиграются члены. Сердятся. Судягин дает знак. — Поверенный ‹забрасывается›, и они расхватывают банк. Между тем перепиваются пьяны. — Секретарь проиграет и Судягин. Готовятся расходиться. Судягин порознь каждого о деле просит. Он им платит ассигнациями, а они каждый меж собою записывают проигрыш в книжках. Падаючи почти, говорят: 1. Надейся на меня как на каменную стену. 2. Хоть согрешу, отсохнет пусть рука, когда не подпишу. Ловка, ну, как отсохнуть ей. 3. — Даючи наливать свой бокал и показывая на пьющих членов. Я право от них не отстану. — Прокурор: свахляют пусть они, а я уж пропущу, — выпивает свой бокал. 4. — Скажи секретарю, а он что мне подаст... Секретарь дает ему бокал... То я хоть этими обеими руками... Берет обеими руками бокал и выпивает. — Председатель: Да дело-то плоховато. Вить штраф 500 рублей, так надо бережненько...

Судяга: Когда что случится, я заплачу за вас. Надежны будьте.

Председатель: Так, но лучше бы в запас.

Судяга: Я их сегодня ж отдам в сохранность вашу.

Ин быть так, с ними я уж не поробею

Секретарь, которому он потихоньку остальные деньги отдает, подставляя карман, Извольте положить...ся.

Расходятся, а жена запасные банковые карты все берет и провожает с председателем всех гостей, а девица и девка поддерживают председателя и уводят его.

Действие 4

ЯВЛЕНИЕ 1

Девица и девка

Девица не могши спать, выходит в смущении и жалуется на свою судьбу девке и просит ее совета. Та предлагает ей противиться. Сия не может. Бежать тож не может. Советует ей не спешить выйтить за Судягу, затож, что авось либо современем он ей полюбится. — Не могу, не могу. — И мой же ум ничего, когда вы ничего не можете, вам помощь прибрать не может; да вот Честон, авось либо он не поможет ли.[1]

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Честон

Он ей изображает свое отчаяние, что он слышал, что ее отдают за Судягу. Потом говорит, что он опасается беды для отца ее и за тем приехал, чтоб, несмотря что он злодей, ему его предуведомить.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и председатель с женою

Этот им говорит причину своего прихода и опасность их. Жена вскидывается на Честона; муж немного удерживает ее, она пуще; дочь удерживает, она еще пуще и на обоих, девка удерживает, она еще пуще и на всех; Честона бранит злословом и прочая; говорит, что за то им эти вести носит, чтоб устрашить, зная, что дочь за Судягу, а не за него отдают, и бранью прогоняет его.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же без Честона

Муж ее успокаивает и выговаривает, что может быть и правда, что Честон сказывает. Но она ему противоречит и зажимает рот и, видя секретаря и поверенного входящего, выгоняет девицу и девку.

---

[1] Против этого диалога на полях позднее Капнистом написано: «Девка насмешнически говорит ей, как хорошо ей жить будет за Праволовом, как взятки будут приносит, и прочая».

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и поверенный и секретарь

Поверенный отдает председателю запечатанные ассигнации с письмом от Судягина, который пишет, что он проигрыш ему вчерашний посылает 500 рублей. — Председатель говорит, что он вчера получил. Поверенный: То может, что это штрафные. Жена растолкует и берет, потом напоминает о деле. Председатель спрашивает у секретаря, готов ли доклад. Тот говорит, что про запас он и журнал уж изготовил и принес к нему. Он велит прочитать перед поверенным и поправить по его желанию. Потом велит переписать и кстате к подпису предложить. Они уходят.

ЯВЛЕНИЕ 7

Председатель и жена

Председатель говорит, что он боится, чтоб впрямь чего дурного не было. Жена успокоить его старается и ведет выпить чарку водки пока приберут для присутствия стол.

Действие 5

⟨ЯВЛЕНИЕ 1⟩

Девка с протоколистом

Они поставляют стол и кресла и Зерцало, делая разные критические замечания, и протоколист ей говорит, что ему жаль Честона, но что дело он проиграет затем, что не хотел дарить членов. Та спрашивает, почему он примечает сие? — Тот говорит по секретарю, что он дело на дом брал и проч.

ЯВЛЕНИЕ 2

Все члены с председателем и секретарем входят и садятся

По нескольких сторонних разговорах, протоколист читает настольный реестр и разные нужные и долговременные дела. На все председатель отвечает: мимо, с примечаниями; доходит дело до Судяги. Все говорят: подать дело. — Протоколист начинает читать доводы Судяги. Председатель примечательно слушает, а члены начинают между собою разные разговоры. — Где нужно для Судяги, там подкрепляет председатель, относясь ко членам; они потакают и опять возвращаются. — Когда кончали, то председатель и все согласно говорят: Дело святое. Потом велят читать ответ Честона. Протоколист начинает внятно читать; секретарь вырывает и читает весьма скоро и невнятно, а председатель и члены говорят: Бестолково. Вздор. Как кончит, все в одно слово: Все пустое, и согласно определяют обвинить. Да кого, виноватого — Судягу, Нет Честона. Секретарь приносит журнал. — Они подписывают, не читая. Председатель, подписав, говорит секретарю: А ты это поди да расклади. Встают. Докладывают о Судяге.

ЯВЛЕНИЕ 3

Он входит. Ему надо знать, что дело уже на лад пошло.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и протоколист

Он подает полученные из почты пакеты. Прокурор читает указ Сената, чтобы за ябеднические дела Судягина нигде в суд не принимали и все дела, расположенные им, уничтожены были; а самого его, яко обличенного по такому-то уголовному делу, взять под караул. Потом председатель читает другой указ: Приказали и кончить Гражданску всю в Палату уголовну — и роняет со страха бумагу, спрашивает: Да чью? — Да нашу, нашу, нашу. Все ахают. Секретарь схватывает Зерцало и бежит. Спрашивают: Куда? В Палату уголовну, — и убегает.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и жена и девица и девка

Выбежа, спрашивает, что за аханья? Ей муж сказывает, прибавя: А я вить говорил, что дело плоховато. Вить все через тебя. Она начинает его бранить, что он рохля, концов не умеет прятать и прочая, да как завизжит, так все уходят вон.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Честон

Входит и старается их утешить. Возобновляет свое предложение. Они его приемлют. Он говорит, что если оправдать нельзя, однако простить возможно. — Девка говорит: А как торжество мира, так может быть под милостивый указ подойдут. Председатель: кончить. А я вить говорил, что дело плоховато. Девка: Жить ябедой и мнить, что взято, то уж свято.

РАСКАЯВШИЙСЯ ЧЕЛОВЕКОНЕНАВИСТНИК

‹План пьесы›

A — Мизантроп.
B — Слуга его.
C — Вдова.
D — Ее служанка старуха.
E — Купец.
F — Сын его.
G — Капитан корабля, друг его.
J — Доверенный слуга его, арап.
H — Управитель вдовы, арап.

Несколько матросов и арапов, принадлежащих купцу E. — Тож несколько арапов и арапок, принадлежащих вдове C.

Действие происходит сперва в пустыне, потом в доме вдовы C. на берегу моря и кончится в той же пустыне.

(*Начало рукописи не сохранилось*).

...после смерти его B. остается один и без помощи. B. отвечает, чтобы он об этом не беспокоился; что он верно ‹не› переживет доброго своего господина долее, как сколько надобно будет похоронить его.

A. смягчается еще более. Говорит ему, что одно утешение его видеть столь преданного ему друга.

Это ободряет B., и он слегка делает возражения против упрямства A. убегать людей.

Сие приводит A. к объяснению вкратце своей повести. Что он претерпел от людей, а, наконец, как коварный друг и непостоянная жена совершили несчастье его, убежав и увезши с собою сына его; эта измена довершила все его несчастья, и он с тех пор, переменя имя, продав имение, странствовал везде, везде видел злодеяния людей и, наконец, по 7 летах решился на сем необытаемом острове уйтить от человеков. Что он здесь покойнее и надеется, что время, изгладя старые раны, успокоит его сердце; и он с верным своим слугою и другом проживут счастливо короткий век сей.

B. в уединении он не так хорошим кажется, но он для доброго господина рад тысячу лет жить.

Они садятся ужинать. Между тем подымается буря.

A. любуется красотами мрачной природы.

B. напротив того.

Буря усиливается с наступлением ночи. Гроза слышна и громовые удары вдали, а потом вблизи.

В. пронимает страх. Он жмется к своему господину. Радуется, что он не один, что умер бы со страха.

А. ему говорит, что он и тут ошибается, что от грома он его защитить не может.

В. отвечает, что ему часто говорили, что на людях и смерть красна. Гроза еще более увеличивается. Слышны пушечные выстрелы.

В. пугается.

А. тревожится. Говорит слуге своему, что им бояться нечего, но тем опасно, кто стреляет, что знак гибели корабля какого-нибудь. Просит бога, чтоб он избавил их, но удалил бы от острова.

Слышен вдали вопль и шум.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж и J. с несколькими арапами и матросами

Сии вбегают на театр в большом замешательстве. Видя А. и В., бросается к ним. J. с просьбою, чтоб они сказали, нет ли пристани с этой стороны.

Они отвечают, что не знают.

Расспрашивают их. J. посылает часть людей направо, а часть налево. Велит им искать способного места и подавать <знак>. Сам остается здесь узнать, что те или другие отвещут.

ЯВЛЕНИЕ 4

Потом рассказывает о их несчастии, что буря застыгла их корабль, принадлежащий самому добродетельному человеку, посвятившему себя на то, чтобы в голландских колониях выкупать невольников у жестоких господ и отсылать их на волю.[1] Теперь в опасности кораблекрушения он их ссадил на кутор, а сам остался с сыном и капитаном корабля на нем, затем, что есть больные невольники, коих взять на кутор не можно было.

А. удивляется такому великодушию, и В. слегка упрекает ему. А. спешит дать J. все, что нужно для раскладывания огня.

За театром слышен голос матросов, кличущих J. Он бежит к ним.

ЯВЛЕНИЕ 5

В. говорит, что добрые люде есть еще на свете. Какой доброй господин и какие преданные ему слуги.

А. заставляет его и тут приметить, что он в людях обманывается: что слуги эти оставили своего господина, им бы надобно было погибнуть с ним.

В. отвечает, что они должны повиноваться и нехотя. Напоминает ему, что он принудил его в болезни выпить последнюю полубутылку рому, которым он от простуды лечится; что сколько ни отговаривался, но, заплакавши, принужден был выпить.

Между тем слышны вновь повторительно и ближе пушечные выстрелы.

А. велит В. взять что нужно и на высокой скале зажечь маяк. В. обнимает его и с радостью бежит. Вместе они хватают все нужное и бревно зажженное и бегут на скалу.

Занавес опускается.

Действие 2

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет чистую комнату, по обычаю индейских колонистов убранную.

С. и D.[2]

---

[1] Против этого места на поле рукописи написано: «При сильном ударе грома J. падает на камень и молит бога, чтоб спас его господина». — *Ред.*

[2] Против этого текста на поле рукописи написано: « NB. Перенесть что следует в 4 явление». — *Ред.*

С., видя бурю, приводит на память день кораблекрушения, в который она брошена на этот остров.

D. старается утешить ее.

С. отвечает, что одно утешение ее смерть; что несчастливее ее нет в свете. Изменою коварного человека, называвшегося другом ее мужа, поелику она не хотела отвечать страсти его, он ее увез и сына ее с нею; отторг ее от любезного мужа, который может верно думать, что она по воле его покинула. Лишена в день кораблекрушения сына, но только утешается тем, что верно и похититель ее поглощен мстительным морем.[3]

D. попрекает ей, что она не хотела сойтить в шлюпку, в которую звал ее, ухватя сына, похититель.

С. отвечает, что за сыном она готова броситься была в шлюпку, но волны отнесли шлюпку, и она упала в море, и с нею вместе выброшена на берег. И 7 лет тут несчастную жизнь влачит.

D. ей говорит, что она должна утешаться тем, что делает все свои колонии счастливыми.

С. говорит, что за это благодарна провидению и мужу своему, ибо портрет его, обложенный брильянтом, доставил ей здесь состояние. Вынимает из груди портрет, целует и погружается в уныние печали. Вдруг слышит пушечные выстрелы, предвидит, что это знак гибели какого-нибудь корабля. Велит призвать своего управителя.

D. уходит.[4]

ЯВЛЕНИЕ 2

С. молит бога, чтоб подал помощь; а может быть не аглицкой ли корабль, не несчастный ли муж ее. В смятении, слыша еще пушечные удары, бросается к дверям, зовет людей.

ЯВЛЕНИЕ 3

С., D. и Н. с некоторыми арапами

D. ей говорит, что виден на горе пустынной маяк горящий.

С. посылает Н. с другими людьми на берег подавать возможную помощь, и чтоб некоторые шли прямо к горящему маяку.

ЯВЛЕНИЕ 4

С. удивляется, кто бы мог на неприступной пустынной горе зажечь маяк.[5]

ЯВЛЕНИЕ 5

С., D. и Н.

Он говорит госпоже своей, что корабль какой-то верно погибает; что они у подошвы той горы, где маяк горит, нашли человека, упавшего с горы и разбившегося очень. Они принесли его сюда.

С. велит его внесть к ней в комнату.

---

[3] На поле рукописи написано: «NB Не слишком подробно повесть изъяснить, но слегка главными чертами так, чтобы видно было, что об этом уже не один раз говорено было». — *Ред.*

[4] На поле рукописи против этого текста написано: «D. утешает надеждою узнать о муже. С. отвечает, что это тщетно; что она все, что могла, делала... но без успеха. Она ей говорит еще, зачем она не возвратилась в Англию. Она говорит, что стыд препятствует, а притом без мужа <нрзб.>». — *Ред.*

[5] К этому тексту сделано в рукописи примечание: «NB. По пристойности места и времени должно сюда перенесть всю экспозицию повести, в первом явлении сего второго действия написанную, дабы дать посланным теперь время возвратиться». — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ 6

С., D., Н. и В. на носилках внесенный

В. радуется, что видит человеческие лица. Благодарит всех, а после всех хозяйку. Она спрашивает, не изломил ли он себе чего и как себя чувствует. Он отвечает, что очень хорошо; что он скатился кубаром с горы, мало толико поколотил бока, но ничего не сломил, и что он бы пришел, если б сии добрые люде насильно не понесли его.

С. велит подать ему вина. Он с восторгом пьет его и радуется, что чрез 7 месяцев первый раз пьет его и видит людей, а наипаче женщин.

С. посажает его и расспрашивает. Он рассказывает ей кратко характер своего господина и намерение убегать людей, для которого он тут остался

С. велить ему дать постель и велит отвесть его посмотреть раны.

ЯВЛЕНИЕ 7

С. и Н.

Н. говорит ей, что на берегу много людей сыскали они, расклавших огни, и что корабль, наконец, к счастию вошел в устье реки и все спаслися. Он хотел звать сюда людей, но никто не захотел. Все окружили их господина и осталися на берегу укреплять корабль и подвинуть его еще в безопаснейшее место. — Описывает господина и молодого его сына лет 13, который не хотел сойтить в шлюпку и остался один с отцом своим на корабле. Это приводит на мысль С. потерю ее сына. — Н. примечает горесть ее, извиняется. Она его ласково отпускает и сама уходит.

Действие 3

ЯВЛЕНИЕ 1

Утро. Театр представляет берег морской. Вдали корабль виден. У берега шлюпка. По бокам деревья; впереди неприступные скалы. Е., F., G., J. и много арапов и матросов. Все радуются, что Е. спасся, наипаче арапы. Он благодарит их, больше всего за повиновение. Ко всем это относится.

Капитан корабля говорит, что долг его не покинуть корабля, пока один человек останется.

Сын обнимает отца своего и говорит, что долг сына умереть с тем, кто жизнь ему дал.

Е. обнимает его со вздохом и слезами. Это тревожит сына; он спрашивает, почему слезы.

Е. сперва колеблется, что отвечать, потом говорит, что он плачет от радости, видя такую любовь сына своего. — Отсылает всех приуготовления делать для исправления и к отъезду. Остается с капитаном.

ЯВЛЕНИЕ 2

Е. и G., капитан корабля

G. попрекает ему, что он сам отваживается странствовать; что пора ему успокоиться; что добро, которое он делает, не одолжает его рисковать собою; что для несчастных жизнь его дорога. — Одна волна может поглотить спасение многих бедных, для которых он столь великодушно себя жертвует и свое имение. Удивляется его добродетели.

Е. отвечает ему, что сердца его не видит; что все, что он делает, есть священный долг. Отдача денег, взятых взаем, не есть великодушный подарок. Кто несчастных сделал, тот, стараясь делать счастливых, платит долг, — и как он еще удален от расплаты.

Капитан удивляется. — Шесть лет он с ним и кроме добра ничего не видел.

Е. отвечает, что он трех несчастных сделал и трех жизней не достанет

на изглажение этого зла; что он изменил дружеству — лишил друга своего жены и сына, — причиною смерти жены. Хотя судьбою наказан, но совестью своею еще более. Раскаяние позднее. С тех пор употребил все меры отыскать друга своего и жену, чтобы им возвратить сына. Все тщетно. Вот причина странствований его по сим морям, где несчастная погибла. Вот причина тому, что он делает для несчастных. Он ожидает от капитана дружеского одолжения. Заставляет его клясться, что он исполнит последнюю его волю. Тот обещает. — Он заклинает его не оставлять молодого человека. Вручает ему пакет, в котором судьба сына его состоит и уступка ему всего наследства. Просит распечатать оный после его смерти, — и продолжать изыскания, до сих пор тщетные. Просит, чтобы эта тайна осталась всегда тайною для его сына, пока он жив.[6]

ЯВЛЕНИЕ 3

E., F., G.

Сын прибегает и говорит отцу, что несут кого-то несколько арапов. E. велит позвать их к себе и расспросить.

ЯВЛЕНИЕ 4

E. один

Он молит бога, чтоб он помог ему найтить тех, кого он так злодейски сделал несчастными; и тогда бы послал ему смерть.

ЯВЛЕНИЕ 5

E., F., G., H., B. и арапы, его несущие

E. спрашивает, кого несут. — Ему говорит H., что это тот, который на горе вчера ночью для спасения их зажег маяк и упал с горы. — Он благодарит его. Хочет деньги дать. B. не берет их. Ему они не нужны. E. удивляется, а B. ему о себе повествует и о своем господине. E. расспрашивает B. — Удивляется. Сын ему говорит, что этого человека видели, он выходил из-за леса; приближался к матросам, спросил, не видели ли они человека в таком-то одеянии; и когда узнал, что не видели, то в то же время в лес.

B. просит, чтобы скорее его вели к нему, что это господин его конечно.

E. расспрашивает H. Благодарит их за помощь. Похвала госпожи C. — Он просит, чтоб оставили кого-нибудь проводить его к ней, чтоб благодарность ей принесть.

B. уходит с арапами госпожи C.

ЯВЛЕНИЕ 6

E. оставляет G. при корабле, а сам идет с сыном к госпоже C.; и оттуда хочет побывать и видеть и привесть в разум пустынника. — Должно, чтоб великие несчастья он потерпел. Он разделит его печаль и, может быть, облегчит ее.

Все уходят

---

[6] Против последнего абзаца на полях рукописи написано: «Экспозиция. Что ослеплен страстью и видя, что не может склонить ее, решился увезть вечером, когда она у берега моря с сыном своим и кормилицею его прогуливалась. Он ее схватил и, боясь, чтоб не сведали о побеге его скоро, схватил и сына и кормилицу. Сев на корабль, пустился в море. — Отчаяние жены. Он ожидал, что время, его старание ее смягчат. — Тщетно. — Наконец, буря застигла. — Три дня, видя опасность, просил ее, чтоб она сошла в шлюпку. Она не хотела. Он сына взял и сошел. Она хотела тогда броситься, но волна отбила шлюпку — и море поглотило ее». — *Ред.*

Действие 4

Театр представляет комнату госпожи С.

ЯВЛЕНИЕ 1

Е., F. и Н.

Н. говорит, что госпожи нет в дому, что она в саду своем.

Е. спрашивает, что она там так рано делает.

Н. говорит, что госпожа их ангел божий; только то дурно за нею, что она всегда грустна. Каждое утро, когда надо отдать приказы, уединяется и плачет в гроте, который своими руками обсадила деревьями и цветами. Он боится, что грусть укоротит ее веку и они все останутся несчастными. Описывает ее доброту.

Е. спрашивает, кто она.

Н. ответствует, что она вдова; 7 лет как здесь поселилась.

Е. хочет далее расспрашивать, но С. приходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те ж, С. и D.

С. и Е. всматриваются друг в друга и узнают себя. С. с чувством ужаса, а Е. с восторгом радости — вскрикивает. — Лади... — и бросается к ногам ее. Она с омерзением и яростью отпыхает его. — Проклинает его и велит с глаз бежать. Попрекает ему, что видно он еще не довольно сделал ее несчастливою. — Отнял мужа, честь, сына, — и еще хочет прибавить к ее несчастию ужас видеть его; — чтоб он опасался мщения ее.

Е. отвечает, что он чувствует всю вину свою, но что он радуется, что видит ее и может ей хотя часть возвратить того, что отнял у нее.

Она спрашивает с упрекою, что он ей возвратить может.

Он ей ответствует: — Сына твоего, — и показывает.

С. с жадностью осматривает молодого человека; видит в нем образ своего мужа. Глаза ее, чувство ее не обманывают.

Е. говорит сыну своему, что это его мать.

Она бросается ему на шею. — Приходит в себя от радости. С принуждением благодарит Е., просит ‹сказать›, не имеет ли он сведения о ее муже.

Е. молчанием отвечает.

Она опять приходит в ярость. Гонит его прочь.

Он повинуется. Заклинается, что всю жизнь свою посвящает на отыскание ее мужа; что он чувствует, что присутствие его для нее мучительно; что он оставляет ее и сей же день из острова уедет. — Просит, чтоб она позволила проститься с сыном ее.

С трудом и по прошению сына она соглашается

Сын бросается в объятия его.

С. отвращается от сего вида.

Е. просит сына, чтоб он попросил ее, чтоб проводил он его до берега, что он имеет нужные бумаги ему вручить.

Сын просит мать свою.

Она несколько смягчается, но сомневается, нет ли какого подлога.

Е. уверяет, что он чистосердечен. Говорит, что ежели бы он хотел злой какой умысел, то мог бы его исполнить, имея вооруженный корабль и множество преданных ему слуг.

Сын ее тож уверяет и просит первый раз не отказывать ему.

Она просит Е. оставить ее с сыном.

ЯВЛЕНИЕ 3

Она сына расспрашивает о Е. Сей ее уверяет о его любви к нему и честности. Она велит призвать его.

ЯВЛЕНИЕ 4

Она соглашается и оставляет их, уводя с собою Н.

ЯВЛЕНИЕ 5

E., F. и D.

Сын бросается ему на шею. — Он благословит его. Заклинает, научася его примером, не предаваться страстям. — Благодарит бога, что позволил ему исправить половину злодеяния своего.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж и Н. и люде госпожи С.

Н. говорит, что С. приказала ему следовать за ее сыном и поспешить возвращением его.

E. еще раз благословит сына. — Просит Н. и всех, чтоб любили его. — Они отвечают, что как им не любить сына такой доброй госпожи. — Он прощается с ним и, обнявши, уходит. Все за ними следуют.

Действие 5

Театр представляет опять пустыню

ЯВЛЕНИЕ 1

А. один

Он беспокоится о своем верном слуге. Почти уверен, что он убился. Ропчет на судьбу, что она все у него отняла. Как он теперь один останется и прочая. — Но несчастие одно никогда с ним не случалось. — Тогда, как он теряет последнего товарища, случай привел сюда толпу ненавистных ему людей, и от них никакой помощи не получил. Не узнал даже о своем добром слуге. — Да они станут ли слушать вопль убившегося человека для их спасения? — Мимо пройдут и не посмотрят.

Упадает опять в уныние и грустит о потере своей. Молит бога о нем. Наконец, приходит в разум и помышляет, не хочет ли разлукою этою провидение дать ему чувствовать, что он напрасно убегает от людей?

Опять разгорячается памятью их злодеяний и лучше хочет тут быть съедену дикими зверьми, нежели людьми сладкоречивыми.

Слышит голоса многих людей. — Хочет от них бежать, но видит своего слугу, которого несут они.

ЯВЛЕНИЕ 2

А., В. и арапы

А. бросается на шею своего слуги. Сей обнимает его и благодарит арапов.

А., благодаря им, выносит денег дать им, но они отказываются и, хваля свою госпожу, уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3

А. и В.

В. рассказывает ему, что с ним случилось, как его хорошо приняла госпожа С. и как она добра и как ею счастливы ее люде; жаль только, что она грустна. Потом говорит, что он видел этого, чей корабль; о доброте его, как он для выкупа невольников всем жертвует уж несколько лет; как его все обожают. — Попрекает господину, что он сказал, что нет добрых людей, а он сыскал в один день двоих — господина корабля и госпожу С. — Говорит, как она прекрасна. Советует с нею познакомиться — хоть для того, чтоб вместе плакать.

А. говорит, что опасно разделять печаль с красавицею, что утирающий слезы их часто во весь век свой не мог утереть своих — и прочая. — Напоминает о своей жене и просит его, чтоб перестал об этом говорить и не прерывал бы радости, которую он чувствует, видя его возвратившегося здорова.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и E., F., G., H. и люде госпожи C.

E. говорит G., чтоб он все изготовил к отъезду; что он сего же вечера отъедет.

А. слышит его голос. Тревожится. E. приближается к нему. — А. познает его. — Стремится в шалаш; выбегает с рогатиной и в бешенстве поражает своего врага.

E. узнает его, называет и падает в руки своих слуг.

F. провожает G., возвращающегося на крик общий. Видит E. раненого и А. с обагренною рогатиною. Выхватывает пистолет и хочет убить его. E. отводит его руку. Пистолет выстреливает вверх.

E. говорит сыну, что это отец его.

А. слышит, — изумляется.

E. просит его выслушать его, что время дорого. — Радуется, что бог, наказывая его, исполняет его желание, — что дает радость возвратить ему сына его.

А. попрекает его, что он не может возвратить ему, что ему всего дороже, — жены и чести.

E. отвечает ему, что он честь возвратит ему, что он клянется богом, что она невинна и ему верна всегда была.

А. в восхищении не знает, верить ли всему, что видит и что слышит. Потом попрекает ему, что он оправдает жену его — и что даже в добром деле люде злодеи, что он привык почитать жену виновною и для того эта мысль менее его терзала, а E. захотел умножать его отчаяние, оправдав жену, когда ее нет на свете.

E. уверяет, что она жива, также о своем раскаянии и о всем, что он для поправки своего злодеяния, бесплодно отыскивая его, предпринимал.

Тут слышен голос госпожи C.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те ж и C. и B.

Беспокоясь о сыне своем, она прибегает сюда. Попрекает E., что он медлит с отъездом. Видит его ранена. Спрашивает, кто убийца.

E. отвечает, не убийца, но судья и мститель. — Показывает ей мужа.

Она всматривается, познает его и, вскрыкнув: А, мой друг... падает на землю.

А. у ног ее. Ей помогают. Она опомнилась. Обнимает мужа. Потом вдруг отторгается от него. Принимает униженный, просящий прощения вид и говорит ему, что он верно почитает ее виновною. Муж клянется, что она оправдана. — Она бросается в его объятия. Обращается к сыну и, обняв его, с ним обнимает мужа.

E. потом просит, чтоб они из жалости выслушали его. Он клянется о невинности C. Велит G. отдать А. ту бумагу, которую он ему отдал сего утра.

А. развертывает и читает: во-первых, клятву о невинности C., потом уступку всего имения молодому А.; просит потом, чтоб его простили. — Они прощают его. — Он просит, чтоб они позволили ему при смерти соединить руки тех, коих он так долго разлучил. Потом обращается к А., просит его не ненавидеть людей. — Говорит, что ужели такой злодей, как он, мог счастливых несколько людей и благодарных сделать, то что не может такая добродетельная чета. А. смягчается, и E., благодаря его, умирает.

Мизантроп (*один*)

Насилу, наконец, ушел я от людей.
В пустыне дикой здесь, меж камней, меж зверей
И меж бесчувственных деревьев здесь насилу
Спокоить, облегчить я душу мог унылу!
Благословлю тебя, о счастливый предел!
Где век мне в тишине окончить рок велел!
Где, окроме слуги усердного, не вижу
Ни духа из людей, которых ненавижу.
В тебе забуду свет, вихрь злобы и тревог,
Где царствует корысть, где всяк себе сам бог
Где, окроме злодейств и горести, все ложно.
О, если б вырвать мне из сердца было можно
Неверную жену! — Надеюсь, наконец,
Забуду. — Но могу ль забыть, что я отец? —
Изменница! Когда и стыд и честь забыла
И вслед любовника от мужа уходила,
Зачем похитила ты сына у меня? —
Ужели, страстному супругу изменя,
Неверная, могла любить его ты сына? —
О, сколь несчастная теперь его судьбина...
Упрекою тебе он должен вечной быть,
Так что тебе его мешает погубить?
Несчастное дитя! Семь лет уж ты страдаешь.
Иль может статься смерть... Но если пресмыкаешь
Еще на свете сем твои прискорбны дни,
О, сколь несчастливы, сколь горестны они!
Бесстыдной матери пример, развратность нрава,
Какая молодой душе твоей отрава!
Мысль эта мне змея! Грызущий вечно яд!
И свет, злодеев полн, несносен мне, как ад.
О, боже! из него когда меня избавил,
Почто мучительну ты память мне оставил?
Увы!

(*Погружается в печаль*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Мизантроп и Том, слуга его. Том, видя печаль своего барина, взрыдал.

Мизантроп

Что сделалось? Ты плачешь! да о чем?

Том

Ты грустен, как же мне не плакать.

Мизантроп

Добрый Том,
Утешься; я теперь взгрустился без причины.
В привычку это мне вошло.

Том

Твоей кручины,
Мой доброй господин, сносить я не могу.
Нет, мочи нет; прости усердного слугу.
Коли осмелиться сказать тебе упреку:
Ты мне солгал, а я не лгал тебе от веку.

Мизантроп

Кто, я солгал тебе?

Том

Да ты, душой выхнул
Тома в первый раз безбожно обманул.

ПЛАН ТРАГЕДИИ «АНТИГОНА»

Действие 1

ЯВЛЕНИЕ 1

Антигона, Исмена

Исмена

(Переписать от 1-го по 38 стих)

Исмена старается успокоить Антигону, извещая, что мать их устремилась на место сражения и верно предупредит единоборство братьев; что посланный ею вслед матери старый слуга Эдипа, Элфенор, скоро возвратится и, конечно, принесет им отрадную весть. — Молитва Антигоны.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те ж и Элфенор

Элфенор после некоторых приготовлений извещает их, что оба братья убили друг друга и мать умертвилась над их телами.

Антигона

(Выписать от 91 по 100 ст.)

Элфенор по требованию Исмены описывает сие несчастное происшествие. — Антигона в отчаяньи стремится бежать к трупам матери и братьев. Элфенор останавливает ее, извещая, что Креон, выбранный царем, возбраняет им путь к месту сражения.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж, Креон, Гемон, Эвриял, старейшины

Антигона умоляет Креона, чтоб позволил им обнять трупы матери и братьев. Креон отвечает, что они принесены уж в царские чертоги, и позволяет видеть оные.

ЯВЛЕНИЕ 4

Креон и все прочие

Креон

(Выписать от 145 по 194 стих)

ЯВЛЕНИЕ 5

Креон, Гемон, Эвриял

Гемон старается смягчить жестокий приговор Креона и заключает сими словами:

(Выписать от 211 по 233 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Креон, Эвриял

Креон объясняет наперснику своему коварства, которыми погубил он Эдипа и сыновей его, и что жестоким приговором Полиниковой казни желает погубить Антигону, которая без сомнения, по любви к брату и по известной ее непреклонности души, преступит строгое повеление его и тем даст ему повод казнить ее мечом закона. — Заключает повелением Эвриялу надзирать все шаги ее.

Действие 2

ЯВЛЕНИЕ 1

Антигона, Элфенор

Антигона

(Выписать от 1-го по 33 стих)

Элфенор советует ей стараться смягчить тирана с помощью Исмены, которую он любит до того, что хочет соединить с Гемоном.

Антигона

(Выписать от 49 по 80 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Антигона, Креон

Антигона старается смягчить Креона. Он отказывает ей с притворным о ней соболезнованием; но с жестокими выражениями и проклятиями Полинику, осужденному, для воздержания изменников отечества, на позорнейшую казнь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Гемон

Гемон извещает Креона, что народ взбунтовался, негодует на строгую казнь, определенную Полинику. Антигона еще умоляет Креона, но тщетно. Наконец угрожает ему сими словами:

(Выписать от 201 по 206 ст.)

Креон, не уважая угроз ее, уходит смирить народ, повелев Гемону остаться с Антигоною для смягчения гнева ее и горести.

ЯВЛЕНИЕ 5

Антигона, Гемон

Гемон молит Антигону, чтоб не раздражала отца его, и заключает сими словами:

(Выписать от 236 по 262 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Исмена

Исмена уведомляет Гемона, что отец его в опасности. Антигона велит ему поспешить на помощь отцу.

ЯВЛЕНИЕ 7

Антигона, Исмена

Исмена беспокоится об опасности, предстоящей Гемону, Антигона уверяет ее, что народ, восстающий за Полиника, не подымет рук на друга его Гемона; — и от тревоги уклоняются во внутренние чертоги.

Действие 3

ЯВЛЕНИЕ 1

Ночь

Антигона одна; неся лампу и поставляя на треноге

(Выписать от 1 по 35 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Антигона, Элфенор

Элфенор старается отвратить Антигону от столь опасного предприятия и заключает сими словами:

(Выписать от 49 по 58 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж и Гемон

Гемон, видя Антигону готовую исполнить свое предприятие, старается отклонить ее от оного представлением неизбежной опасности и заключает сими словами:

(Выписать от 71 по 132 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Гемон один

В отчаянии представляет он себе неизбежную гибель Антигоны.

ЯВЛЕНИЕ 5

Исмена и Гемон. Рабыня с лампами

Исмена вопрошает Гемона, не видел ли сестры ее, которую тщетно ищет она во всех чертогах, желая разделить горесть ее. Ответ Гемона изображает смятение души его.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж, Креон, Эврниял, стража

Креон велит призвать Антигону, на которую бунтовщики донесли, что она причиною их мятежа. Эвриял с стражею стремится во внутренние чертоги. Исмена хочет оправдать Антигону, но Креон ласково прерывает речь ее, говоря, что он отличает ее от коварной сестры, и заключает сими словами:

(Выписать 142 и 143 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Те ж и Эврияд со стражею

Эврияд, с стражею возвратясь, доносит Креону, что Антигоны отыскать не мог. Креон приходит в большую ярость. Гемон старается оправдать Антигону, но тщетно. Креон, после жестокого отказа, велит ему со стражею искать крамольницу. Гемон в отчаянии уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Креон, Исмена, Эврияд

Исмена старается еще смягчить Креона, который с ласкою в двусмысленных выражениях желает успокоить ее. Исмена уходит.

ЯВЛЕНИЕ 9

Креон, Эврияд

Креон вопрошает Эврияла, точно ли он уверен о уходе Антигоны к братнему трупу? Сей удостоверяет его в том. Креон подозревает Гемона в любви к Антигоне по усердию, с которым он защищает ее, и по отчаянию, с которым удалился. Креон тем еще боле прогневляется на Антигону и велит Эврияду преследовать ее и взять под стражу.

Действие 4

ЯВЛЕНИЕ 1

Креон и Эврияд

Эврияд доносит Креону, как он настиг Антигону и Элфенора, готовых предать тело Полиниково огню; — картину ее отчаяния, когда предстал он с стражею, и с какою, наконец, твердостию, чтоб не навлечь на них гнева царева, решилася она следовать за ним. — Креон велит Эврияду призвать Гемона, желая удостовериться о сердечных его .чувствованиях.

ЯВЛЕНИЕ 2

Креон один

Он радуется, что может погубить Антигону мечом закона; но тревожится сомнением о любви Гемона к Антигоне.

ЯВЛЕНИЕ 3

Креон, Гемон

Креон попрекает Гемону, что он сделался защитником врага его, Антигоны, не зная о злонамеренном ее в ночи подвиге. — Гемон признается, что он все знал. — Гнев Креона; упреки его Гемону, которые сей с твердостию отражает. — Креон, сказав, что дерзость ускорит гибель крамольницы, велит призвать Антигону.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и Антигона

Креон требует у Антигоны ответа, как смела она преступить строгое его повеление...

(Выписать от 97 по 101 ст.)

Креон приходит в большую ярость и попрекает ей, что она взбунтовала противу его народ.

Антигона

(Выписать от 106 по 128 ст.)

Гемон старается умолить отца, падает к ногам его.

Антигона

(Выписать от 143 по 148 ст.)

Креон приходит в чрезмерную ярость; доказывает Гемону, что долг сына велит ему мстить за оскорбление отца, и заключает:

(Выписать от 164 по 182 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Креон, Гемон, Эврият

Креон повелевает и Гемона отвесть в темницу.

ЯВЛЕНИЕ 6

Креон, Эврият

Креон колеблется мыслями о Гемоне: не смеет явно казнить Антигоны, опасаясь нового возмущения. — Наконец изобретает средство погубить ее рукою, уважаемою народом. Велит изрыть на площади для казни ее яму; поставить около оной стражу; и около Антигониной темницы, — а поутру рано привесть к себе Гемона.

Действие 5

ЯВЛЕНИЕ 1

Креон, один

Он тревожится. Слышал шум мятежной в ночи. — Ожидает с нетерпением известия от Эврията.

ЯВЛЕНИЕ 2

Креон, Эврият

Эврият доносит, что действительно народ волнуется, соболезнуя об Антигоне; не советует явно казнить ее.

Креон

(Выписать от 21 до 32 ст.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж и Исмена

Исмена старается смягчить жестокий приговор над Антигоною и Гемоном; и видя непреклонность Креона, уходит с угрозами.

ЯВЛЕНИЕ 4

Креон, Эврияд

Креон велит Эвриялу привесть к себе Антигону и Гемона.

ЯВЛЕНИЕ 5

Креон один

Она чувствует душевную тревогу, но отражает напрасные страхи.

ЯВЛЕНИЕ 6

Креон, Антигона, Гемон, стража

Креон подтверждает приговор, что Антигона должна погребена быть жива; а Гемона прощает. — Сей старается умолить отца об Антигоне, падает к ногам его. — Креон, снисходя на мольбу его, чтоб смягчить жестокость казни, предлагает Гемону пресечь мгновенно жизнь Антигоны.

(Выписать от 115 по 150 ст.)

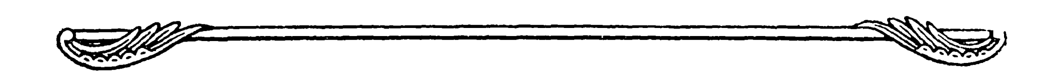
ЯВЛЕНИЕ 7

Те ж и Эврияд

Эврияд, вбегая, возвещает Креону, что народ совершенно взбунтовался, признал царем младого сына Этеоклова, представленного мятежникам Исменою; что уже стража его рассыпана, народ ворвался во дворец. — Советует Креону[1] присутствием своим усмирить бунт.

(Выписать от 179 по конец трагедии)

[1] *После* Креону *первоначально было написано и зачеркнуто* спасаться бегством, к которому есть еще возможность. — *Ред.*



ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения

Сатира I. Печатается по тексту, впервые опубликованному в «Санктпетербургском вестнике» (1780, ч. V, июнь).

Вокруг этой сатиры развернулась острая полемика. Лица, задетые сатирой, начали обвинять Капниста в резкости тона, в преувеличениях и несправедливости. О характере этих обвинений дает яркое представление неизданное послание И. И. Хемницера к Капнисту, в котором он пишет:

Ну вот, не правду ли тебе я говорил,
Как не хотел, чтоб в свет Сатиру ты пустил?
Кто правду говорит, злодеев наживает
И, за порок браня, сам браненым бывает.
Кто, говорят, ему такое право дал,
Чтоб он сатирою своею нас марал? —
Вот как твои теперь злодеи рассуждают;
И о тебе вот так они все заключают:
Он хитрый человек, опасной, вредной, злой,
И бегают тебя, как язвы моровой.
Другие хоть в тебе тех качеств не находят,
Да только вот тебе в вину чего приводят:
Пускай бы он про нас что хочет написал,
Да только именно бы нас не называл.
Но в протчем собственно Сатиру похваляя,
В смертельный грех тебе сие одно считая,
В протчем разные их толки оставляя,
Я тоже говорю, что в этом ты не прав.
Ты, вором Вредова в Сатире въявь назвав,
Ему назвать других воров чрез то мешаешь
И способов его чрез это всех лишаешь,
Чтоб собственный порок на ближнего сложить
И многих в воровстве с собою обличить.

(ИРЛИ, шифр: 159.2/XCVIII6.13).

В сентябрьском номере «Санктпетербургского вестника» за 1780 год появилось анонимное письмо к Капнисту, подписанное буквой Д., в котором автор писал: «Различные толки об вашей сатире и ропот, который она произвела во многих домах, принудили меня прочесть ее. Я увидел, что она по справедливости вооружила против себя всеобщую хулу, ибо поносить людей, отменившихся как достоинствами, знаниями, так и заслугами своими, вам и всякому предосудительно».

Далее в этом письме взяты под защиту те писатели, фамилии которых в несколько измененном виде Капнист назвал в своей сатире. Автор оспаривает право сатирика судить произведения уже прославившихся поэтов.

Редакция журнала «Санктпетербургский вестник» выступила в защиту Капниста. В том же сентябрьском номере этого журнала была напечатана после письма Д. заметка от редакции, в которой опровергаются измышления анонимного автора.

В этом же номере «Санктпетербургского вестника» была напечатана басня Хемницера «Черви», в которой он отстаивает право сатирика на осмеяние плохих писателей. Имея в виду нападки на «Сатиру» Капниста, Хемницер в конце басни пишет:

Сатирой тронь дурных писцов,
Не оберешься бранных слов;
Да полно, пусть они бранятся:
Сатира может им тем более смеяться.

После указанной полемики Капнист внес в текст сатиры исправления. В исправленном виде она была напечатана в «Собеседнике любителей российского слова» (1783, ч. V) под заглавием «Сатира первая и последняя»; затем сатира была напечатана в «Сочинениях», где к заглавию ее было сделано Капнистом следующее примечание: «Она напечатана была в Вестнике в июне месяце под заглавием „Сатира первая“. — Но как сочинитель приметил, что злословие относило к лицам изображаемые в ней пороки вообще, то перестал писать сатиры и напечатал сию в Собеседнике любителей российского слова под нынешним заглавием. Смотри Соб. люб. рос. слова, часть V».

При переработке сатиры были исключены из ее текста фамилии, в которых читатели легко узнавали намеки на тогдашних писателей: Котельский (Ф. Я. Козельский), Никошев (Н. Н. Николев),ววларикин (Ив. Владыкин), Флезиновский (Фрезиновский), Обвесимов (А. О. Аблесимов), Храстов (Д. И. Хвостов), Весевкин (М. И. Веревкин), Кампоровский (Я. Кантаровский). Упоминавшийся ранее бездарный и продажный поэт Рубов (В. Г. Рубан) заменен Мевием. Мевий — в римской литературе плохой поэт реакционного направления.

Сатира Капниста вызвала подражания. В 1805 году в «Северном вестнике» (ч. VI, стр. 295—297) была напечатана анонимная сатира на бездарных писателей, в которой автор пишет: «Я приведу вам, вместо *вступления*, сии стихи г. Капниста из его I и последней сатиры: „Кто сколько ни сердись, а я начну браниться“». Под несомненным воздействием капнистовской «Сатиры I» была написана в 1794 году кн. Д. П. Горчаковым сатира «Письмо к приятелю или беспристрастный зритель» (см.: альманах «Памятник отечественных муз» на 1828 год; Д. П. Горчаков, Сочинения, М., 1890). Неслучайно в одном из рукописных сборников начала 1820-х годов, хранящихся в ИРЛИ (шифр: 9642/LVIIб. 2), эта сатира Горчакова была приписана Капнисту.

В приказе некогда расправы я искал. Приказ — тайная полиция при Петре I, где имелся пыточный застенок.

Избавился столба и ссылки миновал. К столбу на площади ставили осужденных за какие-либо большие преступления.

А порознь каждого щечит и обирает. Щечить — брать.

Монархиня легко могла попрать Луну. Луна — иносказательное наименование Турции, имевшей на своих знаменах изображение полумесяца.

«Сказавшему обо мне». Печатается по тексту «Сочинений», где впервые было опубликовано. Написание настоящей эпиграммы, так же как и двух следующих эпиграмм — «Недавно вздумалось Героду» и «Напрасно

Стихобред сказал» — относится к раннему периоду творчества Капниста. Вероятно, все эти эпиграммы были написаны в конце 1770-х годов. Тематически они тесно связаны с «Сатирой I», в которой Капнист высмеивает бездарных и пустых стихотворцев. Эпиграмма «Напрасно Стихобред сказал, что братом уж давно осла я почитал» является прямым ответом Капниста одному из критиков, нападавших на его «Сатиру I». В «Сатире I» Капнист назвал бездарных поэтов «ослиным собором» и указал, что он невольно со своей французской одою на мир между Россией и Турцией попал в их число:

Но если б вздумало правление уставом
Глупцов принудить быть всегда в рассудке здравом,
То верно б я и весь ослиной их собор
Совсем сошли с ума, ему наперекор.

Приведенный стих из «Сатиры I» критик использовал против Капниста.

«Недавно вздумалось Героду». Печатается по тексту «Сочинений», где впервые была опубликована. Написание ее относится к концу 1770-х годов (см. об этом предыдущее примечание).

«Напрасно Стихобред сказал». Печатается по тексту «Сочинений», где впервые была напечатана. Написание ее относится к концу 1770-х годов (см. об этом выше примечание к эпиграмме «Сказавшему обо мне. . .»).

Ода на дружество. Печатается по тексту «Сочинений», где впервые и была напечатана. Во втором издании Капнист переработал текст оды (см. раздел вариантов).

Ода, по-видимому, была написана в конце 1770-х годов. Она посвящена брату поэта Петру Васильевичу Капнисту, с которым он в течение всей своей жизни был в очень дружеских отношениях. В оде говорится о предстоящей разлуке с П. В. Капнистом:

Столь горькой, но тебе полезной
Разлуке не противлюсь я.
Оставь — но на кого в разлуке
Меня оставишь ты? мой друг!

По свидетельству дочери Капниста Софьи Васильевны (по мужу Скалон), Петр Васильевич Капнист уезжал на некоторое время в Англию. «Петр Васильевич, — рассказывает она в своих воспоминаниях, — будучи совершенным красавцем и узнав, что он замечен государыней, не внимая мольбам и убеждениям друга и брата своего Василия Васильевича, бросил службу и, можно сказать, бежал из России в Англию. Там он оставался несколько лет и наконец возвратился в Малороссию с женою, прелестной англичанкой, не знавшей ни слова по-русски» (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 333 Чичаговых, шифр: Чич. XVII.5, стр. 7). Воспоминания С. В. Скалон были напечатаны дважды: в «Историческом вестнике» (1891, т. XLIV, № 5, стр. 338—367; № 6, стр. 599—625; № 7, стр. 50—71) и в «Воспоминаниях и рассказах деятелей тайных обществ 1820-х годов» (общая редакция Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова, т. 1, М., 1931, стр. 289—399).

С. В. Скалон точно не указывает, когда П. В. Капнист «бежал» в Англию, но на основании переписки В. В. Капниста можно установить, что это было в конце 1770-х годов. В большинстве писем В. В. Капниста к жене, Александре Алексеевне, имя Петра Васильевича Капниста упоми-

нается в связи с тем или иным делом. Однако следует отметить, что упоминания в письмах В. В. Капниста о Петре Васильевиче начинаются с июня 1783 года. Вполне возможно, что П. В. Капнист вернулся из Англии на Украину лишь в начале 1780-х годов. В. В. Капнист в письме к своей жене из Хорола от 10 июня 1783 года пишет: «Посылаю тебе пришедшее мне из Кременчуга письмо, оно чрезвычайно меня обрадовало содержащимся в нем известием о счастливом успехе оды друга моего Державина, воспевающей ее величество под именем Фелицы... В письме сообщается также об успешном исходе нашего дела и скором возвращении брата. Жду его с нетерпением. Скажи ему, дорогая, как только он вернется, что мне надобно как можно скорее повидать его...».

К любезну Фаросу достиг. Фарос — небольшой остров близ Александрии; на нем в древности была построена высокая башня, служившая мореплавателям маяком.

Куда, Оресты! вы сокрылись? Пилладов где теперь найти. Орест и Пилад (гр.) — мифологические герои, олицетворявшие дружбу и бескорыстную преданность.

...край уединенный. Подразумевается село Обуховка миргородского повета Полтавской губернии, где Капнист родился и воспитывался.

Ода на надежду. Печатается по тексту «Лирических сочинений» с дополнительной авторской правкой (см. ИРЛИ, ф. 122, № 39). Впервые была напечатана в «Санктпетербургском вестнике» (1780, ч. VI, август); с некоторыми изменениями была напечатана в журнале «Новые ежемесячные сочинения» (1788, ч. XIX, январь); затем в «Сочинениях» и в «Лирических сочинениях».

‹Искатель.› Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (шифр: 15895/XCVIIб. 4). Рукопись находится среди бумаг поэта и друга Капниста — И. И. Хемницера. В конце рукописи имеется следующая приписка Капниста, адресованная, как указывает в приложенной к ней записке академик Я. К. Грот, Г. Р. Державину: «Пускай его, любезный друг, летит он, не ушибется (имеется в виду герой данного произведения Авилон, бросившийся с горы в море, — *Д. Б.*), да скажите чистосердечно, не ошибусь ли я в надежде сделать что-нибудь путнее, ежели стану продолжать так, как начал сие сочинение. Разберите его, вообще поправьте и каждой стых порознь раскритикуйте — чего поправить не успеете. Того прошу и надеюсь от вашего дружества».

Стихотворение, надо полагать, было послано на отзыв Г. Р. Державину и И. И. Хемницеру, иначе оно не могло бы оказаться в бумагах последнего. Написано оно было в конце 1770-х годов.

Неверность. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые напечатано в «Сочинениях» под заглавием «Неверность Лизетты. Подражание песни „O ma tendre musette“». В «Лирических сочинениях» раскрыт автор песни: Лагарп (Жан-Франсуа). Стихотворение было написано, по-видимому, в конце 1770-х—начале 1780-х годов (см. Собрание наилучших российских песен, изданных иждивением Ф. Мейера, сентябрь, 1781 года). Во втором издании в текст стихотворения были внесены небольшие поправки (см. раздел вариантов).

Совет автору. Печатается по тексту, записанному в тетради стихотворений Г. Р. Державина, хранящейся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 1, № 9). Г. Р. Державин написал к этому стихотворению следующее примечание: «Перевод с французского, на котором сию эпиграмму сочинил господин Капнист в ответе на посланные мои стихи» (там же).

Стихотворение было написано, очевидно, в конце 1770-х годов. О нем вспоминает жена Державина, Екатерина Яковлевна, в своей приписке на письме Державина к Капнисту от 31 декабря 1789 года как о давнем произведении. «Вы бы иногда, поэты, и поссорились и помирились, — пишет она в этой приписке, — ведь это у вас чистилище ваше в прежние времена бывало...» (Державин, Сочинения, т. V, 1876, стр. 813).

Ода на рабство. Печатается по тексту «Лирических сочинений» с дополнительными авторскими поправками (см. ИРЛИ, ф. 122, № 39).

Ода была написана в 1783 году. В «Лирических сочинениях», в примечаниях к этой оде, Капнист указывает: «Сия ода сочинена в 1783 году; она полагается здесь как по порядку леточислительному, так и потому, что служила поводом к сочинению следующей оды „На истребление звания раба"».

Ближайшим поводом для написания этой оды послужил указ Екатерины II от 3 мая 1783 года, по которому крестьяне Киевского, Черниговского и Новгород-Северского поместничеств объявлялись крепостными людьми тех помещиков, на чьих землях застал их новый закон (Полное собрание законов, т. XXI, № 15724).

Настоящий текст оды представляет собою вторую редакцию ее; он значительно отличается от первоначальной редакции оды, которую мы впервые публикуем ниже, в разделе «Другие редакции». В первой редакции ода состоит из 18 строф; в сборнике «Лирические сочинения» она была напечатана в составе 15 строф. К числу строф, не вошедших в издание 1806 года, относятся строфы 2, 10 и 13. Разночтения в тексте первой и второй редакций оды имеются в каждой строфе. По своему характеру они различны: одни относятся к стилю и языку оды, другие — к ее содержанию.

В тексте первой редакции оды (строфы 12, 14, 16) автор обращается к царю, монарху вообще:

Монарх, се для тебя ликует
Стенящий в узах твой народ.

Во второй редакции оды это обращение изменено; здесь поэт обращается к конкретному лицу — к Екатерине II:

Ты зришь, царица! се ликует
Стенящий в узах твой народ.

Настоящий текст оды находится в рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке УССР при Академии наук УССР (в дальнейшем — БУАН) в Киеве (шифр: I, 5669) под заглавием «Сочинения Василия Капниста, ч. 1-я». В рукописи, состоящей из 24 листов, вместе с текстом этой оды имеются «Оды духовные» и начало «Оды на истребление в России звания раба». Рукопись была подготовлена к печати в 1805 году. Текст «Оды на рабство», содержащийся в ней, точно совпадает с тем ее текстом, который был напечатан в «Лирических сочинениях».

После издания сборника «Лирические сочинения» Капнист вносил в печатный текст этой оды поправки и дополнения (см раздел вариантов).

При жизни Капниста «Ода на рабство» второй раз была напечатана без ведома автора в «Собрании русских стихотворений» (ч. 2, 1810) под заглавием «Рабство».

Ода на смерть сына моего. Печатается по тексту «Новых ежемесячных сочинений» (1787, ч. 16), где впервые эта ода была напечатана без указаний фамилии автора.

Второй раз ода была напечатана с некоторыми изменениями в «Сочинениях» (см. раздел вариантов). Затем в измененном виде она была перепечатана в «Лирических сочинениях» (см. раздел «Другие редакции»).

Последние две строфы этой оды, начиная со стихов:

Теперь уж я твою гробницу
Не возмущу моей тоской,

— были положены братом жены Капниста, Григорием Алексеевичем Дьяковым, на музыку. Капнист в письме к своей жене, Александре Алексеевне, от 10 декабря 1792 года из Москвы пишет: «Прошу тебя, пошли мне музыку твоего брата на слова „Теперь уж я твою гробницу не возмущу моей тоской". Эту музыку просила у меня графиня Авдотья Ивановна Воронцова».

Время написания этой оды непосредственно связывалось исследователями со смертью сына поэта Гавриила. «Умершего первенца Капниста звали Гавриилом, в честь Г. Р. Державина», — писал Б. И. Коплан (В. В. Капнист, Избранные сочинения, Л., 1941, стр. 284). Однако никакой связи между написанием оды и смертью Гавриила не было. Когда ода была напечатана в «Новых ежемесячных сочинениях» (в 1787 году), сын Капниста Гавриил был еще жив. О нем Капнист упоминает в ряде писем к своей жене, Александре Алексеевне, за 1787 и 1788 годы. Гавриил умер в начале 1789 года. О его тяжелой болезни В. В. Капнист сообщал своему брату Петру Васильевичу Капнисту в письме от 3 января 1789 года следующее: «Мой сын влачит жизнь умирающего, и жизнь эта скоро угаснет! Постичь не могу, как в его исхудавшем и ослабевшем тельце теплится еще жизнь. Он ходит однако, а не лежит в постели. Но скоро он навсегда ляжет в жесткую постель, уж я покорился — ни проблеска надежды». После этого письма никогда более во всей переписке Капниста о его сыне Гаврииле не вспоминается.

Установление более точной даты написания «Оды на смерть сына моего» имеет важное значение, потому что эта ода по своему идейно-обличительному пафосу стоит очень высоко. Важно установить, в какие годы у Капниста сформировалось столь отрицательное отношение к тогдашнему самодержавно-крепостническому обществу.

Изучение переписки Капниста показывает, что настоящая ода была написана через год после создания «Оды на рабство». Написание ее было связано со смертью первого сына Капниста — Алексея. Он родился в начале августа 1783 года. Состояние здоровья мальчика с самого его рождения было слабое, что вызывало у Капниста большую тревогу. Капнист, справляясь у своей жены, как она чувствует себя после родов, писал ей в письме из Полтавы от 29 августа 1783 года: «Дорогая моя детка, любезная моя Сашенька, каково твое здоровье? и здоров ли наш Алеша? Боюсь, не стало ли ему хуже, да господь благ, он не допустит до нас сей беды». Алексей, прожив год, умер осенью 1784 года. В оде об этом сказано:

Одну зарю лишь только живший,
Иссох и полдня не дождал.

В переписке Капниста за 1784—1785 и дальнейшие годы об этом Алексее более уже не упоминается. У Капниста был еще один сын, которого звали также Алексеем и который затем был декабристом, но он родился значительно позже, в 1798 году. У Капниста были еще сыновья: Семен (родился в 1792 году) и Иван (родился в 1796 году). Возраст Семена, Ивана и Алексея (второго) указан в формулярном списке о службе Капниста, составленном 2 февраля 1818 года, где сказано: «Женат. Имеет 3-х сыновей: Семена 26 лет титулярного советника, служащего в канцелярии статс-секретаря Кикина и секретарем Санктпетербургского Женского патриотического общества; — Ивана 22-лет коллежского секретаря, уволенного из департамента министра юстиции для определения к другим делам; — Алексея 20 лет лейб-гвардии Измайловского полка прапорщика; и

двух дочерей девиц: Екатерину и Софию при нем находящихся» (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 86, ед. хр. 437, лл. 26—27).

Драгих мне стран порабощенье. И друга верного лишенье оплакивал недавно я. В первом случае Капнист имеет в виду свою «Оду на рабство», в которой он выразил протест против закрепощения крестьян Украины; во втором — подразумевается близкий друг Капниста, поэт И. И. Хемницер, умерший 20 марта 1784 года.

...Олимпа свод лазурный. Олимп — гора в Греции, где, по мифологии, находилось место пребывания богов.

Зефир озябший улетает. Зефир (гр.) — легкий, приятный, освежающий ветерок, связанный обычно с теплой весенней погодой.

Одежды нежны Эвр срывает. Эвр (гр.) — восточный ветер.

Прядется Паркой жизнь моя. Парки (гр.) — богини судьбы, прядущие нить жизни каждого человека.

На завоевание Тавриды. Печатается впервые, по получерновому автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I. 5696). Стихотворение не закончено, обрывается на стихе: «Иль сонму витязей храм славы отверзает». Вверху листа, возле заглавия стихотворения, написано: «№ Портрет Безб‹ородка› в низу». Стихотворение не датировано, однако можно считать, что оно было написано в начале 1784 года.

Таврида — Крымский полуостров. Написание стихотворения связано с присоединением к России Крыма, зависевшего ранее от Турции. По кучук-кайнарджийскому миру 1774 года Крым был отделен от Турции и несколько лет после этого находился под управлением Крымского хана Шагин-Гирея. 8 апреля 1783 года Крым был объявлен присоединенным к России. 8 января 1784 года по новому стилю был заключен трактат с Турцией по поводу присоединения Крыма к России. Упоминание Капнистом в рукописи имени гр. А. А. Безбородка объясняется тем, что Безбородко руководил в то время внешней политикой русского правительства.

‹Случай на выборах›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ в Ленинграде (архив Державина, т. 22, лл. 356—358).

Стихотворение не датировано, но случай на выборах, описанный в нем, относится к январю 1785 года. В январе 1785 года, как указано в формулярном списке о службе Капниста, он был избран губернским предводителем дворянства Киевской губернии (см. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 86, ед. хр. 437, 1816 год). Стихотворение было написано, как видно из его содержания, под свежим впечатлением от выборов.

На бреге горда Борнстена. Днепр назывался по-древнегречески Борисфен.

Чтоб наш наместник знаменитый Отверг завистников моих Навет, гонением несытый. Имеется в виду генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев, который в конце 1764 года был назначен правителем Малороссии. За Киевской и Екатеринославской губерниями П. А. Румянцев осуществлял постоянный высший надзор. В данном случае Капнист выражает надежду на то, что за него заступится П. А. Румянцев. Стихотворение это, очевидно, было послано последнему. Капнист, несмотря на враждебное отношение к нему киевского губернатора Ширкова, остался губернским предводителем дворянства Киевской губернии. Сохранилось письмо П. А. Румянцева к нему от 24 октября 1786 года, в котором даются наставления относительно устройства триумфальных ворот для въезда в Киев Екатерины II во время предстоящего путешествия ее на юг (Государственная библиотека СССР им. Ленина, ф. 255, п. 4, № 34, л. 146).

Упоминаемый в стихотворении Кумбурлей — Комбурлей Михаил Иванович; был в 1812—1814 годах волынским гражданским губернатором. Из-

вестен был как взяточник и умер, находясь под судом Сената по обвинению в лихоимстве.

Ода на истребление в России звания раба Екатериною Второю в 15 день февраля 1786 года. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые была напечатана в журнале «Новые ежемесячные сочинения» (1787, ч. 15); второй раз — в «Сочинениях». В текст оды, напечатанный в «Лирических сочинениях», Капнист внес ряд исправлений (см. раздел вариантов).

Ода была написана в конце февраля или в марте 1786 года. 30 апреля 1786 года Капнист сообщал редактору журнала «Зеркало света» Ф. О. Туманскому следующее: «Со всем тем, дабы исполнить просьбу вашу, скажу вам, что я послал к другу моему Николаю Александровичу Львову Оду на истребление в России названия раба ее императорским величеством 15 числа минувшего февраля, предоставя ему волю напечатать ее или предать ее всесожжению. Потребуйте ее у него, и ежели получите, то можете ее поместить в издании вашем, буде не опасаетесь представить в „Зеркале света" зеркало весьма дурного сочинения» (см. II том настоящего издания).

В письме к Г. Р. Державину от 20 июля 1786 года Капнист уведомлял: «Я написал Оду на истребление в России названия раба и послал ее к Николаю Александровичу Львову для доставления к государыне. Не знаю, что будет. Посылаю ее тебе. Скажи мне пожалуй твое мнение. Годится ли она» (см. II том настоящего издания).

Поводом для написания оды послужил, как отмечено в заглавии ее, указ Екатерины II от 15 февраля 1786 года, которым повелевалось подписываться на всякого рода прошениях не раб, а верноподданный (Полное собрание законов, т. XXII, № 16329).

Не там лишь, где восшедша Феба. Феб (гр.) — Аполлон, бог солнца и поэзии.

...в понт сходяща виден свет. Понт — море.

В Эвксине из руки Нептуна Трезубый жезл исторгнет он. Нептун (рим.) — бог морей, отождествлявшийся римлянами с греческим морским богом Посейдоном. Посейдон изображался с трезубцем в руке. Эвксин — Эвксинский понт — древнее название Черного моря.

И раздробит сарматский трон. Сарматы — старинное наименование поляков.

Ода на объявление войны Портою России 1787 года августа 5 дня. Печатается по тексту «Сочинений», где впервые и была напечатана. При втором издании оды (в «Лирических сочинениях») Капнист внес в ее текст некоторые исправления (см. раздел вариантов).

Порта — старинное наименование Турции.

Перун Беллоны грянул вдруг. Беллона (рим.) — богиня войны. Перун (сл.) — бог грома и молнии.

Давно ли, устремленный к бою. ... Он брег дунайский покрывал. Имеется в виду война Турции с Россией в 1768—1774 годах.

Так в мрачны пропасти Ереба Эреб (гр.) — ад.

Тифон с лазурных сводов неба, низринутый Завесом, пал. Тифон (гр.) — один из титанов, восставших против богов.

Так сын Еола, осужденный на верх крутой горы катать во аде камни раскаленны. Эол (по Гомеру) был владыкой ветров. Сын его Сизиф беспрестанно вкатывал огромный камень на гору, но лишь только он достигал вершины ее, камень снова скатывался вниз.

Срацин! избегни злого рока. Сарацин — название мусульман вообще и турок в частности.

Как Геллеспонта волны чисты. Геллеспонт — древнее название Дарданелл.

И имя Росския Астреи. Астрея (гр.) — богиня справедливости.

Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым. Печатается по тексту «Новых ежемесячных сочинений» (1787, ч. XVII).

В 1787 году Е. И. Костров издал перевод первых шести песен «Илиады» Гомера. Он продолжал переводить и другие песни «Илиады», но полностью своего перевода не закончил. Песни 7-я, 8-я и половина 9-й в переводе Е. И. Кострова были напечатаны в июльском номере «Вестника Европы» за 1811 год.

Седмь знатных городов Европы и Асии Стязались: кто из них Гомера в свет родил? Гомера античность считала автором двух больших поэм: «Илиады» и «Одиссеи». Точных сведений о предполагаемом авторе названных поэм не сохранилось. Существует легенда о том, что семь городов приписывали себе честь быть родиной Гомера. *Ассия* — Азия.

Ответ Рафаела певцу Фелицы. Печатается по тексту «Сочинений». Впервые напечатано в «Новых ежемесячных сочинениях» (1790, ч. 47), с подписью в конце: «С итальянского перевел Василий Капнист».

Это сочинение является ответом на стихотворение Г. Ф. Державина «Изображение Фелицы», в котором поэт обращается к итальянскому художнику Рафаэлю Санцио Урбинскому и просит его начертать образ Фелицы.

Капнист посылал копию «Ответа Рафаела» Державину под шуточным заглавием: «Рапорт лейб-автору от екатеринославских муз трубочиста Василия Капниста» Сатирический характер этого стихотворения не понравился Державину. Он ответил на него раздраженным письмом от 31 декабря 1789 года, в котором писал: «Кратко тебе скажу: я его не понял; ибо хулишь ли меня, или хвалишь, я не знаю; но пусть будет то или другое».

Особенно Державина задело то, что Капнист высмеял в своем стихотворении его манеру гиперболизировать достоинства Фелицы. Капнист, имея в виду перечисленные Державиным баснословные подвиги Фелицы, пишет в 10-й строфе стихотворения:

Для рам обширной толь картины
Мал лес всей здешней Палестины.

«Мысли низки, — отвечает ему на это Державин, — как то, что не из чего сделать рам на картину, ибо я не к столяру, но к живописцу просьбою моею относился» (Державин, Сочинения, т. V, 1869, стр. 766).

На копии «Ответа Рафаела» Н. А. Львов написал Капнисту: «Гаврила неправ в некоторых своих бурных примечаниях; я ему скажу; а если некоторые мною справленные неровности ты простишь и помилуешь, то переписав, как должно печатать, пришли: я напечатаю» (Державин, Сочинения, т. V, 1869, стр. 766).

«Ответ Рафаела певцу Фелицы» Капнист включил затем в «Сочинения». Он внес в текст некоторые исправления (см. раздел вариантов).

Рафаэль Санцио Урбинской (1483—1520) — знаменитый итальянский живописец.

Во вступлении к данному стихотворению Капнист приводит строфы 8, 47 и 26 из стихотворения Державина «Изображение Фелицы». В «Объяснениях» Державина на свои сочинения строфы 8 и 47 объяснены следующим образом:

Стр. 8. *Престол ее на Скандинавских...* «Окружное описание границ российской империи, а на 42 — что тогда было 42 губернии» (примеч. Капниста).

Стр. 47. *«Под сребролунным государством* разумеется оттоманская порта, а под железокаменным царством — Швеция, которые вдруг восстали войною (1787—1790 гг) на Россию и оба побеждены» (примеч Капниста).

За Стикс отшедший на покой. Стикс (гр.) — река в аду, протекающая среди вечного мрака.

Мурзе орды Киргизской, Крымской. Имеется в виду ода Державина к «Фелице», в заглавии которой сказано: «Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым мурзою, издавна проживающим по делам своим в Санктпетербурге».

Стихи, взятые в кавычки, являются перифразами стихов Державина.

Весь живописный наш Синклит. Синклит — высшее собрание правящих лиц; здесь в смысле «высший совет живописцев».

Торжественная песнь на празднование мира. Псалом 45. Печатается по тексту «Сочинений». Стихотворение, надо полагать, было написано в сентябре 1790 года по случаю заключения Россией мира со Швецией. Военные операции во время войны 1788—1790 годов развертывались в значительной степени в Балтийском море и угрожали безопасности Петербурга.

Друзьям моим. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было напечатано в иной редакции в «Сочинениях» (см. раздел вариантов).

Стихотворение посвящено Г. Р. Державину и жене его Екатерине Яковлевне (Бастидон). Державин женился на Екатерине Яковлевне 18 апреля 1778 года. Выражение: «Тринадцать лет уже прошло. . .» свидетельствует о том, что Капнист написал это стихотворение в начале 1791 года.

Время. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где указано, что это стихотворение является подражанием Горацию (книга II, ода XIV). Стихотворение, надо полагать, было написано в конце 1780-х годов. Впервые оно было напечатано в журнале «Чтения для вкуса, разума и чувствований» (1791, ч. 2).

Ода на счастие. Печатается по тексту «Сочинений». Впервые была напечатана без подписи в «Московском журнале» (1792, ч. VIII) с посвящением: «Родным, друзьям и ближним». Затем ода была перепечатана в «Сочинениях» и «Лирических сочинениях». При переиздании Капнист внес в текст оды ряд исправлений (см. раздел вариантов).

Сует в Дедале пресмыкаясь. Дедал (гр) — мифический строитель лабиринта; здесь — в смысле огромного и запутанного здания.

Ода на обручение в. к. Александра Павловича и в. к. Елисаветы Алексеевны. Печатается по тексту «Сочинений». Впервые была издана отдельной брошюрой в 1793 году.

Эта ода по своему характеру отличается от других произведений Капниста. Он написал ее по необходимости, находясь несколько месяцев в Петербурге в ожидании решения Екатерины II по делу, связанному с управляемой им шелковичной фабрикой в Киеве. На Капниста был написан его врагами из Киева донос, в котором он обвинялся в растрате казенных денег, отпущенных на нужды шелковичной фабрики. Обвинения эти не подтвердились, и Капнист был оправдан. Однако дело это тянулось несколько лет и отнимало у Капниста много сил и времени. В ускорении решения по этому делу, очевидно, сыграла некоторую роль настоящая ода.

Вот что о ней писал Капнист своей жене, Александре Алексеевне, из Петербурга в письме от 17 мая 1793 года: «Чтоб несколько польстить государыне и склонить ее на некоторое ко мне благоволение, написал я оду на обручение великого князя Александра, и Державин преподнес ей мою оду 10 числа пополудни. 11-го поутру преподнес я оду великой княгине Елизавете, а после полудня — великому князю Александру. Сии последние меня поблагодарили, а что о сем думает государыня, пока не знаю, ибо 12-го она отбыла в Царское Село, и Гаврило Романович еще не вернулся. Посылаю тебе экземпляры: прочти и подивись, как нужда впервые заставила меня в два дня сочинить оду. Ежели мне надо было бы, чтоб вырваться отсюда, сочинить оных в 24 часа дюжину, думаю, что меня б на это достало. Да что делать?» (см. том II настоящего издания).

Пестрит поля дарами Флоры. Флора (рим.) — богиня цветов, весны и всяких надежд.

То не Амур ли и Психея. Амур (гр.) — бог любви, символ любви. Амур, как гласит легенда, женился на прекрасной девушке Психее. Одновременно с Капнистом Державин также написал стихотворение на обручение вел. кн. Александра с баденской принцессой Луизой (Елизаветой Алексеевной), которое было напечатано в 1793 году отдельной брошюрой под заглавием «Песня», а затем было перепечатано в издании сочинений Державина 1798 года под названием «Амур и Психея».

Ода на смерть Плениры. Печатается по тексту «Лирических сочинений» с учетом авторских поправок (ИРЛИ, ф. 122, № 39). Впервые была напечатана в «Сочинениях».

Пленира — первая жена Г. Р. Державина, Екатерина Яковлевна; умерла 15 июля 1794 года.

В «Лирических сочинениях» ода напечатана в переработанном виде (см. раздел «Другие редакции»).

Ода на воспоминания Плениріной кончины. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые была напечатана в «Сочинениях» под заглавием «Годовое воспоминовение Плениріной кончины». Во втором издании в текст оды были внесены некоторые исправления (см. раздел вариантов).

Ода была написана в начале июля 1795 года в связи с годовщиной смерти Плениры — Е. Я. Державиной.

Ода на уныние. Печатается по тексту «Сочинений», где впервые и была напечатана. Перепечатана в «Лирических сочинениях». Во втором издании Капнист внес в оду некоторые поправки (см. раздел вариантов).

Ода на твердость духа. Печатается по тексту «Сочинений», где впервые и была напечатана. Перепечатана в «Лирических сочинениях». Во втором издании Капнист внес в текст оды некоторые исправления (см. раздел вариантов).

Чижик. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было напечатано в «Сочинениях». Текст стихотворения, напечатанный в «Сочинениях», имеет некоторые особенности (см. раздел вариантов).

Данное стихотворение является переделкой «Песни 18-ой» из «Сада божественных песен» Г. С. Сковороды (Г. Сковорода, Сочинения, собранные и редактированные Д. И. Багалеем, Харьков, 1894). О соотношении текста этого стихотворения с указанным стихотворением Сковороды см. работы Д. Чижевского «Literarische Lecefrüchte» («Zeitschrift für slavische

Philologie», Band XIV. Leipzig, 1937, 337—341) и Ф. Я. Шолома «Російсько-українські літературні зв'язки після возз'єднання України з Росією в 1654 році» («Наукові записки», Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка, 1954, т. XIII, вып. 2, стр. 56—59).

На смерть Юлии. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было опубликовано в «Сочинениях» под заглавием «На смерть дочери». Было перепечатано в «Карманной книжке» (1796, ч. 1). Во втором издании в текст стихотворения были внесены некоторые поправки. Стихотворение, по-видимому, было написано в 1794 году. Среди детей Капниста дочери Юлии не упоминается. Из писем Капниста к жене, Александре Алексеевне, видно, что в конце марта 1793 года у них родилась дочь; девочка жила недолго, умерла в начале 1794 года. Возможно, что это и была Юлия.

Разлука. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было опубликовано в «Сочинениях». Во втором издании в текст стихотворения были внесены некоторые поправки. Стихотворение, надо полагать, было написано в конце 1793 или начале 1794 года. В нем Капнист уговаривает свою жену, Александру Алексеевну, не переживать слишком сильно их разлуку.

Старость и младость. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было опубликовано в «Сочинениях». Написано стихотворение было в начале 1790-х годов.

Мотылек. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было опубликовано в журнале «Аониды», 1796, кн. 1. Написано стихотворение было в начале 1790-х годов.

На перевод мой комедии мольеровой Сганарева или мнимого рогоносца. Автоэпиграмма. Печатается по тексту «Сочинений», где впервые и была опубликована.

Настоящая эпиграмма свидетельствует о том, что комедия «Сганарев» в переделке Капниста была первоначально поставлена на сцене в 1780-х или в начале 1790-х годов, до издания в 1796 году сборника его сочинений. Однако никаких сведений о постановке «Сганарева» в указанные годы нам не удалось разыскать. Не сохранилась и рукопись комедии, относящаяся к этим годам. Текст комедии «Сганарев», помещенный в настоящем издании, печатается нами по позднейшей редакции начала XIX века.

‹На сборник «Сочинений»›. Автоэпиграмма. Печатается по тексту «Сочинений». Была написана в мае 1796 года. О напечатании этой автоэпиграммы сообщал Капнисту наблюдавший в Петербурге за изданием его «Сочинений» Г. Г. Политковский в письме от 29 мая 1796 года: «По предпоследнему вашему письму в рассуждении помещения финальной эпиграммы в точности все исполнено будет, как я уже и писал к вам» (БУАН, шифр: III. 23708).

Красавице. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые напечатано в «Сочинениях» под заглавием «На перевод Анакреонта»; имелся в виду перевод Анакреона в стихах, сделанный другом Капниста Н. А. Львовым и изданный в 1794 году. Настоящее стихотворение посвящено жене Н. А. Львова, Марии Алексеевне, действительно отличавшейся изумительной красотой (ее портрет работы художника Левицкого ныне находится в Государственной Третьяковской галерее). Стихотворение было написано в 1795 году. По поводу его Н. А. Львов писал Капнисту в письме

от 28 сентября 1795 года: «Ничто ее ‹Марию Алексеевну› еще в словесном свете так не обрадовало, как твои маленькие стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные» (БУАН, шифр: III.23823).

«Отец мой здесь лежит...» Печатается по тексту «Сочинений», где впервые было опубликовано. Надпись сделана на могилу отца поэта, Василия Петровича Капниста.

«Титовой прах лежит в могиле хладной сей...» Печатается по тексту «Сочинений», где впервые было опубликовано. Никаких сведений о личности Титовой, которой посвящена настоящая надпись, нам не удалось разыскать.

Надгробие язычнику, от язвы, на языке приключившейся, умершему. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (архив Г. Р. Державина, т. 22, л. 359).

На новый 1797 год. Печатается по тексту журнала «Аониды» (1797, кн. 2), где впервые стихотворение было опубликовано.

Графу Александру Сергеевичу Строганову. Печатается по тексту «Лирических сочинений» с учетом авторских поправок (ИРЛИ, ф. 122, № 39). Впервые было напечатано в журнале «Аониды» (1797, кн. 2) под заглавием «Утро в гроте графа Александра Сергеевича Строганова».

А. С. Строганов (1733—1811) — президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, коллекционер. Капнист в течение многих лет поддерживал знакомство с А. С. Строгановым. В 1811 году он написал на его смерть оду.

Весна. Печатается по тексту «Лирических сочинений» с учетом авторских поправок (ИРЛИ, ф. 122, № 39).

Ода на отъезд в Италию графа Суворова-Рымникского, 1799го года. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые была напечатана в журнале «Аониды» (1798—1799, кн. 3).

Ода, по-видимому, была написана в конце февраля или в марте 1799 года. В феврале великому русскому полководцу А. В. Суворову было поручено командование союзными русскими и австрийскими войсками, посланными в Италию против французской армии.

Сыны Титеи вновь родились. Сыны Титеи (гр.) — титаны, сыновья Урана (неба) и Геи (земли), ведшие длительную борьбу против Зевса.

Тифон и буйный Енкелад. Тифон и Энкелад (гр.) — титаны, восставшие против богов.

От старосты парнасска цеха. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (архив Г. Р. Державина, т. 22, л. 344).

Стихотворение было написано по случаю женитьбы поэта и родственника Капниста и Державина — Ф. П. Львова — на Н. И. Березиной. Бумага рукописи имеет водяной знак 1796 года; на обороте листа стоит красная сургучная печать Капниста с изображением на ней амура (аналогичная печать встречается и на некоторых других письмах Капниста). Свадьба Ф. П. Львова состоялась в начале 1799 года. На ней присутствовали из поэтов, кроме Капниста, Г. Р. Державин, Н. А. Львов и А. М. Бакунин. Программа для стихотворения была составлена Державиным, который был избран на свадьбе Ф. П. Львова старостой цеха поэтов. Поэтому и сти-

хотворение было написано от имени «старосты парнасска цеха». В бумагах Державина, хранящихся в ГПБ (т. 25, л. 7), имеется его черновой автограф этой программы под названием «Циркулярный ордер от избранного старосты к цеховым Парнаса». В этом ордере Державин пишет: «Будучи вчерась избран в отцы посаженные молодого стихотворца, предписываю вам немедленно на свадьбу его от общества нашего сочинить епиталаму по нижеследующей программе, которую имеете прислать ко мне на апробацию, дабы лутчая предпочтена была протчим».

Кроме Капниста, написал на свадьбу Ф. П. Львова стихотворение А. М. Бакунин. На обложке, в которой находится стихотворение Бакунина, рукою Н. А. Львова поставлена дата: «1799 генварь 24-е Черенчицы» (см. работу Б. И. Коплана: Из литературных изысканий конца XVIII— начала XIX в. А. М. Бакунин и В. В. Капнист. Тверь, 1928, стр. 14).

Ода на победы Росса в Италии 1799го года. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано.

Ода написана, надо полагать, в начале мая 1799 года, когда начали поступать известия о первых победах Суворова в Италии над войсками французской армии. В апреле 1799 года Суворов вступил в г. Милан.

Сразя чудовище Секваны. Секвана— латинское наименование реки Сены. Здесь аллегорическое название Франции.

Взволнован был ресущий Пад. «Пад — река в Италии, называемая полатыни Падус, нынешняя По» (примеч. Капниста).

Как лютый в древности Антей. «Антей, сын земли, повергаемый в сражениях на землю, получал от нее новые силы. Геркулес, поднявши, задушил его» (примеч. Капниста).

Но чары вновь Алкид разрушит. Алкид (гр.) — прозвание древнегреческого героя Геракла.

Как яростный Прокраст, равняла. «Прокраст, тиран в Аттике, по мере медной своей постели, вытягивал или отсекал у пленников ноги» (примеч. Капниста).

Подобно року Геркуланы. Геркуланум — римский город, засыпанный извержением вулкана.

На Фар, средь севера светящий. Фар — светящийся высокий маяк на берегу моря, впервые построенный на острове Фарос близ Александрии.

На Марса Росского низвел. Марс (гр.) — бог войны.

Со льдистых гор Рифейских с ревом. Рифейские горы — собирательное название всех гор Европы.

С весною от жилищ Борея. Борей (гр.) — холодный ветер, идущий с севера, приносящий ясную погоду.

Он тени Кесарей, Помпеев, Камиллов, Сципионов зрит. Кесарь (Гай Юлий Цезарь, 100—44 до н. э.) — римский диктатор. Помпей Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Камилл Марк Фурий — римский военачальник и диктатор (V—IV в. до н. э.). Сципион Африканский Младший (около 185—129 г. до н. э.) — завоеватель Карфагена.

О Галлы! рок ваш отвратите. Галлы — французы. Название «галлы» происходит от народа, населявшего в древности территорию нынешней Франции.

Меж страшных всем Харибды, Скиллы. Харибда и Сцилла (гр.) — чудовища, олицетворявшие две пучины в Мессинском проливе. У Харибды было 6 голов, и каждая из ее пастей имела три ряда зубов. У Сциллы была одна пасть, поглощавшая корабли.

Утешение в горести. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с указанием, что является подражанием Горацию (книга II, ода IX).

В строфе 4 говорится о победах Суворова в Италии и Швейцарии над французскими войсками.

‹На мнимую смерть Карамзина›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5702). Автограф не датирован. Установить точно время написания стихотворения нам не удалось. Личные общения Капниста с Карамзиным, как это видно из писем Капниста, относятся к 1790-м годам. В 1796—1798 годы Капнист напечатал в журнале Карамзина «Аониды» несколько своих стихотворений. Вполне возможно, что настоящее стихотворение на мнимую смерть Карамзина было написано в конце 1790-х—начале 1800-х годов. Поводом для написания его могла послужить автоэпитафия Карамзина, содержащаяся в его «Послании к женщинам», в которой он говорит:

Что истина своей рукою
Напишет над моей могилой?

Ода, Память ноября 6-го дня 1790го года. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где впервые ода была опубликована. Автографа не сохранилось. Написано было стихотворение, очевидно, в 1801 году, по случаю пятилетия со дня смерти Екатерины II, умершей 6 ноября 1796 года. Самое название стихотворения «Память», т. е. воспоминание, свидетельствует о том, что оно было написано спустя длительное время после смерти Екатерины. При Павле I, ненавидевшем Екатерину, Капнист вряд ли стал бы писать воспоминание о ней, не рискуя навлечь на себя гнев царя. В 1801 году в начале царствования Александра I, Капнист, очевидно, попытался преподать молодому монарху некоторые советы, направленные на улучшение всей государственной и народной жизни в России. В следующих стихах этого произведения, восхваляя «доблестные дела» Екатерины, он совершенно явственно выражает свои заветные мысли, осуществить которые ему не удалось ни при Екатерине, ни при Павле I:

Она закон, и дух, и нравы
Стремилась в сердце вкоренить.

И далее:

Прияла скиптр, — пресекла брани;
Наук распространила свет;
И к сиротам простерши длани,
Их жизнь покоит, бережет.
Враждебны потрясая троны,
Дарует кротки нам законы:
С собой в судилище сидеть
Священно право уделяет;
И имя рабства истребляет,
Душами славясь лишь владеть.

С времен Елены, где российский. Имеется в виду великая княгиня Киевской Руси Ольга, получившая после крещения в 955 году в Константинополе имя Елены.

Покрыл весь бурный понт Эвксинский. Понт Эвксинский — древнее название Черного моря.

Агарянам нанося страх. Агаряне — прозвище турок, происхождение которого связано с именем библейской Агари, рабыни еврейского патриарха Авраама. Ребенок, прижитый Агарью от Авраама, якобы стал родоначальником народа агарян, враждовавшего с древними иудеями. Впоследствии презрительное наименование агарян было перенесено на турок.

Там Днестр у ног ее извился. Благодаря блестящим победам Суворова в Молдавии при Фокшанах (июль 1789 года), Рымнике (сентябрь

1789 года) и взятию приступом крепости Измаил на Дунае (декабрь 1790 года) русская дипломатия заключила в 1791 году с Турцией Ясский мир, который дал России земли между Бугом и Днестром.

Как бич, Ординец возвратится. Капнист имеет здесь в виду татарское государство, известное под именем «Золотой Орды», под тяжким игом которого долгое время находились русские княжества.

Песня. Венерин остров. Подражание Грекуру. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифо: 1.5714). Рукопись состоит из четырех листов в 4°, сшитых в тетрадь. Время написания стихотворения условно можно определить по отметке на тетради, в которой оно находится. В конце тетради стоит дата: «21 октября 1803 года». Стихотворение могло быть написано не позже указанной даты.

Венерин остров — остров любви. В любовной лирике XVIII века Венера занимает значительное место. В 1730-х годах большим успехом пользовался в России роман французского аббата Поля Таллемана «Езда в остров любви», переведенный В. К. Тредиаковским. «Гимн Венере» был написан А. П. Сумароковым. Капнист в данном стихотворении использовал традиционный сюжет о Венере для острого сатирического обличения самодержавно-крепостнического общества.

Богатство убогого. Печатается по тексту «Лирических сочинений» с учетом авторских поправок (ИРЛИ, ф. 122, № 39). Впервые опубликовано в журнале «Аониды» (1797, кн. 2) под заглавием «Другу моему». Стихотворение, как надо полагать, Капнист посвятил своей жене Александре Алексеевне: «В сей хижине с тобою я счастье нахожу».

Потеря дня. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было опубликовано в журнале «Аониды» (1797, кн. 2).

Вздох. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Впервые было опубликовано в журнале «Аониды» (1798—1799, кн. 3) под заглавием «Песня».

Певцу Фелицы. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где отмечено: «Подражание Горацию „Musis amicus“, кн. 1, ода XXVI». Стихотворение имеется в двух редакциях. Автограф первой редакции его хранится в ГПБ (архив Г. Р. Державина, т. 22, л. 331) под заглавием «Гаврилу Романовичу Державину». Стихотворение по этому автографу было напечатано в книге «Отчет Публичной библиотеки за 1892 год» (приложения, стр. 21). Текст первой редакции стихотворения имеет некоторые отличия (см. раздел вариантов). Стихотворение, по-видимому, было написано в конце 1790-х годов. В нем содержится намек на революционные события во Франции.

Любящая Кастальский ток! Кастальский ключ, по верованиям древних греков, протекал у подножия горы Парнаса, где обитали музы; в переносном смысле — живой родник поэтического вдохновения.

На Богдановича. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5701). Стихотворение было написано по случаю смерти И. Ф. Богдановича 6 января 1803 года. О Богдановиче в нем говорится уже в прошедшем времени: «Душа его одной любовью занималась».

Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) известен более как автор поэмы «Душенька», пользовавшейся в конце XVIII—начале XIX века большой популярностью.

На смерть друга моего. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано, с учетом авторских поправок (ИРЛИ, ф. 122, № 39). Стихотворение написано на смерть близкого друга и родственника Капниста по жене, писателя и архитектора Николая Александровича Львова, умершего 22 декабря 1803 года.

Награда праведного. Псалом 1. Печатается впервые, по рукописи «Сочинения Василия Капниста, часть 1-я», хранящейся в бумагах Капниста в БУАН (шифр: I.5669). Рукопись была подготовлена к печати в 1805 году, однако тогда стихотворение не было напечатано. Данное переложение псалма, как об этом свидетельствуют черновые наброски его, хранящиеся в названной библиотеке (шифры: I.5670 и I.5672), было сделано в средине 1790-х годов. Один из сохранившихся набросков его и полубеловой автограф первой редакции стихотворения написаны на бумаге, имеющей водяные знаки 1792 года. При подготовке в 1805 году к печати своих сочинений Капнист внес в текст данного стихотворения ряд новых исправлений (см. раздел вариантов).

Тщета крамолы противу помазанника божия. Псалом 2. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Настоящее переложение псалма было сделано в средине 1790-х годов. Первые наброски его, хранящиеся ныне в БУАН (шифр: I.5672), сделаны на бумаге, имеющей водяные знаки 1784 и 1793 годов. При подготовке в 1805 году к печати своих сочинений Капнист внес в текст стихотворения ряд изменений (разночтения, содержащиеся в первой редакции стихотворения, см. в разделе вариантов).

Надежда праведника. Псалом 3. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Переложение псалма было сделано в средине 1790-х годов. Полубеловой автограф его, хранящийся в БУАН (шифр: I.5672), писан на бумаге, имеющей водяные знаки 1792 года. При подготовке в 1805 году к печати своих сочинений Капнист внес в первоначальный текст стихотворения ряд исправлений (см. раздел вариантов).

Призывание помощи. Псалом 6. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Рукописный текст стихотворения входит в состав рукописи, подготовленной в 1805 году к печати, хранящейся ныне в БУАН (шифр: I.5669). Переложение псалма было сделано в начале 1800-х годов.

Обличение безбожного. Псалом 13. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Переложение псалма было сделано в средине 1790-х годов. Полубеловой автограф стихотворения, хранящийся в БУАН (шифр: I.5672), писан на бумаге 1792 года. При подготовке в 1805 году к печати своих сочинений Капнист внес в первоначальный текст стихотворения ряд исправлений (см. раздел вариантов).

Спокойствие праведного. Псалом 22. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Переложение псалма было сделано в средине 1790-х годов. Черновой автограф стихотворения, относящийся к этому периоду, находится в БУАН (шифр: I.5672). При подготовке в 1805 году к печати своих сочинений Капнист внес в первоначальный текст стихотворения ряд исправлений (см. раздел вариантов).

Вознощение души к богу. Псалом 41. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было напечатано. Переложение псалма было сделано в начале 1800-х годов. Рукописный текст его входит в состав рукописи, подготовленной в 1805 году к печати, хранящейся в БУАН (шифр: I.5669).

Вездесущность и промысл божий. Псалом 138. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Переложение псалма было сделано в начале 1800-х годов. Черновой автограф стихотворения, хранящийся в БУАН (шифр: I.5673), писан на бумаге 1803 года. При подготовке в 1805 году к печати своих сочинений Капнист внес в первоначальный текст стихотворения ряд исправлений (см. раздел вариантов).

Пленение израиля. Псалом 136. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Переложение псалма было сделано в начале 1800-х годов. Беловой автограф стихотворения, относящийся к этому периоду, хранится в БУАН (шифр: I.5672). При подготовке в 1805 году к печати своих сочинений Капнист внес в первоначальный текст стихотворения некоторые изменения (см. раздел вариантов).

На разбитие египтян. Пророчество Иеремия. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Переложение псалма было сделано в начале 1800-х годов. Рукописный текст его входит в состав рукописи, подготовленной в 1805 году к печати, хранящейся в БУАН (шифр: I.5669).

Мысль о боге. Печатается впервые, по рукописи «Сочинения Василия Капниста, часть 1-я», хранящейся в БУАН (шифр: I.5669). Рукопись была подготовлена к печати в 1805 году, однако тогда стихотворение не было напечатано.

‹И. В. Леванде›. Печатается впервые. Стихотворение содержится в тексте письма Капниста к протоиерею Киево-Софийского собора Иоанну Васильевичу Леванде от 24 сентября 1804 года, хранящегося в БУАН (шифр: III.23525).

Письмо Капниста было написано в ответ на письма И. В. Леванды от 23 января, 25 мая и 11 сентября 1804 года. Резкий тон письма и обличительный характер стихотворения были вызваны тем, что Леванда в названных письмах, вместо конкретных деловых замечаний на капнистовские переводы од Горация, о которых Капнист просил его, написал пустые, льстивые комплименты поэту. В письме от 23 января 1804 года он писал: «Гораций, на зиму тепло вами одетый, виден, ничего не потерял и сделался здоровее». В письме от 25 мая, говоря о капнистовских подражаниях одам Горация, Леванда торопил Капниста скорее печатать их. «*Подражания,* — писал он в этом письме, — пускайте не медля в свет; не мешая тому, что давно на свете прошло, скажу, что Гораций должен был жить сегодня, чтоб имел он случай вам подражать». В письме от 11 сентября Леванда сравнивал капнистовскую Обуховку с раем, а самого Капниста с первым человеком в раю. «Почтеннейший благодетель! рада, рада душа в рай, но грехи не пускают; я пока в настоящем раю не был, в ваш рай душевно желал бы, тут увидел бы бога и первого человека — вас; но связан по рукам и по ногам должностьми и проситься не смею (Киево-Софийский протоиерей Иоанн Васильевич Леванда. Его биография и неизданные доселе проповеди и письма, т. 1. Киев, 1879, стр. 272, 287, 306).

Лесть Леванды возмутила Капниста: «Недовольно того, — писал он Леванде в письме от 24 сентября 1804 года, — что за каждою изнанкою Горациевых од, на место примечаний, о которых я вас просил, всегда осыпали вы меня хвалами на счет подлинника, так что всяк подслушавший оные мог бы сказать:

Во место доброго совета
Прислужливой рукою льстец
На темя тощего поэта
Кладет Горациев венец...

Но и таковою лестью не довольствуясь, вы захотели еще присовокупить к ней и прелесть, представя мне в перспективе надежду видеть друга моего в моей хижине, насладиться его златоустною беседою; а я, как добросердечная рыбка, пошел на удку; и что же схватил? — Скажите сами: — Рада душа в рай; — желал бы душою рай.

Где роща видится простая,
Там льстец красу б увидел рая;
И друга выше всех ценя,
Незрымого с начала века
Там бога, тамо человека
Он первого б узрел — меня!

Меня! Меня! Первого человека!»

Леванда пытался оправдываться, но в конце концов признал гнев Капниста справедливым. «Всепочтенной друг! — Я виноват кругом! — писал он Капнисту в письме от 21 декабря 1804 года. — Мирился и употребил слова, не возвращающие совершенного милой мне душе вашей покоя. Я просил тогда у бога прощения отеческого вам и себе в тех мыслях, что пред ним кто ж бабкин не внучек, что у него и святые *Отче наш* читают и без политики говорят: *„Остави нам долги наша!“* Теперь совершенно и попросту винюсь, пеняю на старый мой желудок, для чего он не все шутки исправно варит, а не доваривает, и прошу вас душою быть покойным...» (Цитированная выше книга, стр. 329).

Богатому соседу. Подражание Горацию (книга II, ода XVIII). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где впервые оно было опубликовано с примечанием: «подражание Горацию». Данное стихотворение было написано в начале 1800-х годов. Ряд стихотворных подражаний одам Горация, как-то: «Призывание Венеры», «Ворожба», «Красота», «Беззаботность», «Другу моему», «Умеренность», «Суетность жизни», «Совет», «Набожность», «Другу сердца», «Ломоносов» и «Желание стихотворца», напечатанных в сборнике «Лирические сочинения», Капнист посылал в 1803 году на отзыв знатоку латинского языка и литературы протоиерею Киево-Софийского собора И. В. Леванде (см. выше примечание к стихотворению «И. В. Леванде»).

Призывание Венеры. Подражание Горацию (книга I, ода XXX). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с примечанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

...*Пафоса и Книда.* «Два города на острове Кипре, Венере посвященных, в которых имела она храм. Утверждали, что на Пафосе никогда не падал дождь, в окружности проливающийся. Город Книд был и в Карии; но вероятнее, что здесь Гораций имел в виду находящийся в Кипре» (примеч. Капниста).

Хариты — греческое название граций.

Ворожба. Подражание Горацию (книга I, ода XI). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с примечанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Красота. Подражание Горацию (книга I, ода X). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с примечанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Беззаботность. Подражание Горацию (книга II, ода XI). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с примечанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Гальский исполин — Наполеон.

...ков британца. Имеется в виду Англия, заключившая в 1802 году мир с Францией.

Другу моему. Подражание Горацию (книга I, ода IX). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с примечанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Умеренность. Подражание Горацию (книга II, ода X). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с примечанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Суетность жизни. Подражание Горацию (книга IV, ода VII). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с указанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Совет. Подражание Горацию (книга II, ода III). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с указанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Набожность. Подражание Горацию (книга III, ода XXIII). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с указанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Другу сердца. Подражание Горацию (книга II, ода VI). Печатается по тексту «Лирических сочинений» с учетом авторских поправок (ИРЛИ, ф. 122, № 39). В «Лирических сочинениях» опубликовано с указанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Псол. Река Псёл, на берегу которой стояло село Капниста Обуховка Миргородского повета Полтавской губернии.

Ода, Ломоносов. Подражание Горацию (книга IV, ода II). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где она впервые была опубликована с указанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Взятые в кавычки стихи в строфах 3—7 являются перифразами стихов Ломоносова. В строфе третьей имеются в виду стихи из «Оды, выбранной из Иова» (М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1959, стр. 387—388), где сказано:

И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал.
(Строфа 1).

Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвинул Океан?

В строфах 5—6 имеются в виду стихи из оды Ломоносова «На день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года» (там же, стр. 129—130), где сказано:

Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь,
Между млечными облаками
Сияет злато и лазурь.
(Строфа 5).

Древа листами помавают,
Друг друга ветьвми обнимают,
В бездушных зрю любовну страсть!
Ручьи во след ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись меж собой, журчат.
(Строфа 7).

В строфе 7 имеются в виду стихи из оды «На победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» (там же, стр. 19—20), где сказано:

Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.
(Строфа 6).

Желания стихотворца. Подражание Горацию (книга I, ода XXXI). Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано с указанием: «подражание Горацию». Написано в начале 1800-х годов.

Камелек. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано.

Осень. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано.

Зима. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано.

Неосторожный мотылек. Печатается по тексту «Лирических сочинений» с учетом авторских поправок (ИРЛИ, ф. 122, № 39).

Невольная разлука. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано в разделе «Оды горацианские и анакреонтические».

Напрасные слезы. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано.

Силуэт. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано.

Приют сердца. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где оно впервые было опубликовано. Автограф хранится в БУАН (шифр: I.5689); здесь же имеется черновая рукопись этого стихотворения, писанная на синей бумаге, имеющей водяной знак 1801 года. Бумага черновой рукописи свидетельствует о том, что стихотворение было написано после 1801 года. В автографе имеются варианты (см. раздел вариантов).

Владиславу Александровичу Озерову. Печатается по тексту отдельной листовки, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 26). Впервые опубликовано в «Северном вестнике» (1805, ч. 6).

Стихотворение является откликом на представление на сцене петербургского театра трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», состоявшееся 23 ноября 1804 года.

В. А. Озеров ответил на это стихотворение следующим посланием:

Благодарность автора «Эдипа» В. В. Капнисту
за присланные стихи

Благодарю тебя, любимец дев парнасских,
За те стихи, меня которыми почтил.
Задолго предо мной уже тебя поил
Источник светлый вод живительных кастильских;
И златовласый Феб давно
Склонял приятно слух равно,
Коль примешь лиру ты или возьмешь свирелку,
Надежду ли поешь или поешь безделку.
Но в присланных стихах я узнаю тот дух,
С которым некогда в унылых звуках лиры,
Пред алтарем простым, печальный, верный друг,
Ты призывал с небес тень нежныя Плениры.
Из василечков голубых,
Из незабудков полевых
Ты ей соплел венок хоть скромный, но бессмертный;
И слезы искренни, на листиках приметны,
Светлее бисера украсили венок,
Который дружба в дар Пленире приносила.
Очаровательна чувствительности сила!
И счастлив я стократ, что возбудить возмог
Твою чувствительность, пиит приятный, нежный!
Теперь хотя б Эдип за скорбной слепотой
Не мог меня вести к бессмертью в путь надежный,
Стихов твоих согласьем, красотой,
Стихов, перу Капнистову приличных,
К бессмертию пойду в досаду злоязычных.

(ИРЛИ, собрание М. А. Васильева, ф. 141, № 29, л. 7 об.).

‹Посвящение сборника «Лирические сочинения» Александру I›. Печатается по тексту «Лирических сочинений», где впервые оно было опубликовано.

Посвящение было написано в тот период, когда Александр I пытался выдавать себя за либерального монарха. Написание посвящения, по-видимому, было вызвано тем, что Капнист не надеялся получить у цензуры разрешение на издание собрания своих сочинений. Известный нам сборник

«Лирические сочинения» отнюдь не отражает всего состава произведений, которые Капнист стремился издать в 1806 году. В это время он предполагал напечатать в нескольких частях собрание своих сочинений, в которое, кроме лирических стихотворений, включались комедия «Ябеда» и другие его произведения. Рукопись первой книги из подготовленного им в это время собрания, хранящаяся ныне в БУАН, имеет следующее заглавие, отражающее первоначальный замысел издания: «Сочинения Василия Капниста, часть 1-я». Этот первоначальный замысел издания отражает также и письмо статс-секретаря Александра I Н. Новосильцова к Капнисту от 3 октября 1806 года. «Милостивый государь мой Василий Васильевич! — пишет в нем Новосильцов. — Поднесенное вами собрание сочинений ваших, равно и посвящение оных его величеству, государь император, удостоив особенного своего благоволения, в знак оного пожаловать вам соизволил препровождаемый при сем бриллиантовый перстень» («Лирические сочинения», стр. 247. Разрядка наша, — *Д. Б.*).

Однако Капнист своим посвящением не достиг желаемой цели. Цензура не разрешила ему переиздать в составе собрания сочинений текст комедии «Ябеда». Он добился лишь того, что ему позволили напечатать в сборнике «Оду на рабство», которую он не мог издать ни при Екатерине II, ни при Павле I.

М. В. Храповицкому. Печатается по автографу, хранящемуся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (шифр: ф. 323, № 1358/22). На обороте рукописи имеется четверостишие, принадлежащее, очевидно, М. В. Храповицкому:

Давай тому перо, кто правду говорит,
Боится тот пускай, кто зол или порочен;
На тех Капнист давно сердит;
Один с ним час — надолго прочен.

Ниже на рукописи сделано неизвестной рукой примечание: «Судя по почерку на обороте листа, на котором написаны эти стихи, надо полагать, что Василий Васильевич написал их к брату Александра Васильевича (умершего в 1801), Михаилу Вас. Храповицкому».

Время написания стихотворения указано в конце автографа: 5 марта 1808 года. Впервые было напечатано в сборнике «Раут» (1854, кн. 3).

‹На посылку трагедии «Гиневра» А. Н. Оленину›. Печатается впервые. Стихотворение находится в письме Капниста к его другу А. Н. Оленину от 15 декабря 1809 года, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ф. 211, шифр: 3619.П.$\frac{1}{4}$). Письмо было послано Капнистом вместе с не дошедшей до нас рукописью его трагедии «Гиневра».

Клориды это, знать, сестрица. «Клорида и Милон» — пьеса Капниста, пользовавшаяся в начале XIX века большой популярностью.

‹На посылку трагедии «Гиневра» А. Л. Нарышкину›. Стихотворение находится в письме Капниста к директору петербургских театров А. Л. Нарышкину от 15 декабря 1809 года. Впервые было опубликовано К. Граном в журнале «Российская библиография» (1881, № 90 (14), стр. 306). Письмо было послано Капнистом вместе с не дошедшей до нас рукописью его трагедии «Гиневра» с просьбой поставить ее на сцене петербургского театра.

‹На сборник «Лирические сочинения»›. Стихотворение находится в письме Капниста к писателю Н. И. Гнедичу, писанном в конце

1809 года; хранится в ГПБ (собрание русских автографов). В этом письме Капнист упрекает своих друзей за то, что они, щадя его авторское самолюбие, не указали ему на ошибки «противу смысла или противу языка», встречающиеся в сборнике «Лирические сочинения». «Люди, отказавшие мне в совете, — пишет он Гнедичу, — будут отчасти виновны, ежели кто откровеннее скажет: „Капнист, приняв отвагу“».

Стихотворение впервые было напечатано Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941.

‹На изображение В. А. Бакуниной›. Стихотворение находится в письме Капниста к А. М. Бакунину от 10 декабря 1810 года. В письме Капнист поздравляет своего друга А. М. Бакунина со вступлением в брак с Варварой Александровной Муравьевой.

Стихотворение печатается по тексту, впервые опубликованному Б. И. Копланом в брошюре «Из литературных изысканий конца XVIII—начала XIX в. А. М. Бакунин и В. В. Капнист» (Тверь, 1928, стр. 3—4).

А. М. и В. А. Бакунины — родители известного анархиста Михаила Бакунина.

‹В память столетия победы под Полтавою›. Печатается по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5692). Ранее было напечатано в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» (1847, т. 9); «Полтавских ведомостях» (1848, № 10); книге И. Фр. Павловского «Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее памятники» (Полтава, 1908).

Стихотворение это исполнялось большим хором 27 июня 1811 года в день торжественного открытия памятника Петру I в Полтаве по случаю столетия победы под Полтавою над шведскими войсками Карла XII (И. Фр. Павловский. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее памятники, стр. 197).

Петру Первому. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 30). Впервые опубликовано Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941. Это стихотворение, надо полагать, было написано в 1811 году, ко дню открытия памятника Петру I в Полтаве по случаю столетия победы под Полтавой над шведскими войсками.

Второй Алкид, как змей, трекрат он задушил. Алкид — прозвание древнегреческого героя Геракла. В классической легенде о двенадцати подвигах Геракла указывается, что он задушил Лернейскую гидру. Здесь под Алкидом подразумевается Петр I. О нем говорится в стихотворении, что в младенческих летах он задушил «коварные измены», т. е. расправился с боярской оппозицией, подавив в 1698 году стрелецкий бунт, организованный царевной Софьей.

Он рек: — и реки в Белт из Каспа потекли. Имеется в виду проект Петра I соединения Балтийского моря с Белым, который был осуществлен в наше время.

Иссунул меч: и Готф, на высотах Полтавы. Готфы — прозвание шведов.

Ода на смерть графа Александра Сергеевича Строганова. Печатается впервые, по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 6). Рукопись состоит из шести листов в 4°, сшитых в тетрадь. Она была послана Капнистом к его брату Петру Васильевичу на отзыв. Отзыв на оду П. В. Капниста также хранится в ИРЛИ (ф. 122, № 106).

Граф А. С. Строганов умер в Петербурге 27 октября 1811 года. Ода была написана Капнистом в Обуховке под первым впечатлением от известия о смерти Строганова. Капнист хотел послать свою оду сыну покойного графа, П. А. Строганову, с просьбой напечатать ее, но Петр Васильевич Капнист посоветовал ему не унижаться перед вельможей. «Касательно до вашего письма к г. Строганову, — писал П. В. Капнист своему брату в вышеназванном отзыве от 9 января 1812 года, — то я бы вам советовал не просить его отдавать сие сочинение в печать. Ни слова об этом ему не говорить. Захочет ли он по совету других отдать ее в печать, то хорошо. Не посмеет ли он отдать ее в печать без вашего позволения, то не принудит его писать к вам, и вам уже тогда благороднее будет сдаться на его просьбу, нежели вперед самому намогаться в том. Если же и по вашему намогательству он еще и не напечатает, то какая будет это оплеушина».

Кроме того, П. В. Капнист указал в этом письме на существенные недостатки, имеющиеся в самой оде. «На все есть время, — писал он там В. В. Капнисту. — И я с вами согласен, что ваше уже прошло писать оды. Жар и живое воображение уже простыли, светильник ваш поэтический уже догоривает. Хотя и показывается иногда пламя, но вдруг и погасает. И это не с вами одним случается, время с собою все уносит, но с этими примечаниями, я боюсь, чтоб вы меня <за> ушко за порог не вытолкали, как бедного Жилблаза. Если бы вы прежде не писали превосходнее, то и это бы сочинение было очень хорошо. Но падение стихотворца вооружает тем более критиков, а теперь их народилось пропасть».

После замечаний П. В. Капниста В. В. Капнист внес в текст оды поправки, которые учтены в настоящем издании.

Служил пяти монархам верно. А. С. Строганов родился 3 января 1733 года. Он занимал ряд государственных должностей при Елизавете Петровне, Петре III, Екатерине II, Павле I и Александре I.

Художеств храм уж созерцаю. Имеется в виду Академия художеств, президентом которой являлся А. С. Строганов с 1800 года до конца своей жизни.

Видение плачущего над Москвою россиянина. 1812 года октября 28 дня. Печатается по беловому автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 9, лл. 2—10). Рукопись на белой бумаге в 4°, сшитой в тетрадь; бумага имеет водяной знак 1810 года. Здесь же хранятся полубеловая рукопись и черновые наброски поэмы. Полубеловая рукопись (лл. 11 и 17) писана на синей бумаге, имеющей водяной знак 1812 года; заглавие поэмы в ней дано иное: «Плач россиянина над Москвою. 1812 года октября... дня».

Впервые поэма была опубликована одновременно двумя исследователями: А. А. Веселовским в журнале «Русский библиофил» (1912, № 5) и Н. А. Каноныкиным в «Известиях отделения русского языка и словесности имп. Академии наук» (1912, т. XVII, кн. 4).

Начало работы Капниста над поэмой относится к октябрю 1812 года, закончена она была, как свидетельствует об этом имеющаяся дата в конце рукописи, в первой половине декабря 1812 года.

Резкое обличение дворянства и царского неправосудия, содержащееся в этой поэме, было причиной того, что при жизни Капниста она не была напечатана. Капнист делал попытки опубликовать ее. С этой целью он посылал поэму своим друзьям на отзыв, но успеха не имел. На обороте последнего листа рукописи поэмы имеется отпуск его письма к неизвестному, писанного из имения Д. П. Трощинского Кибинцы 18 декабря 1812 года, в котором он просит: «Прошу покорно, ваше превосходительство, взглянуть на картину чувств человека, искренне сетующего о нашем отечестве и желающего к пользе оного употребить уже погасающее дарование

свое. Мнение ваше решит, стоит ли сочинение того, чтобы быть обнародованным, и есть ли надежда, что будет оно принято благосклонно беспристрастными читателями? Приятные и наставительные беседы ваши внушили мне множество изображенных мною мыслей, а потому некоторым образом сочинение и вам принадлежит. И для того ласкаю себя надеждою, что ваше превосходительство к усовершенствованию оного не откажете мне советом вашим».

Письмо аналогичного содержания Капнист послал Г. Р. Державину. Письмо это не сохранилось, известен только ответ Державина на него. «Два дружеские ваши письма, — пишет Г. Р. Державин Капнисту 19 мая 1813 года, — первое от 6 марта, а второе от 29 апреля из Кибинца получил, а при последнем и Плач ваш над Москвою... Плач ваш... не токмо я со вниманием прочитал, но и многие, и вот отзыв прилагаю А. Н. Оленина, который не знаю почему тут примешал Париж и немцев; вы сами это лучше разберете; но я с моей стороны нахожу, что сочинение сие гораздо пылчее и сильнее многих прежних ваших; картина, Гермогена изображающая, жива и величественна; упреки за беззакония справедливы, и обетование милосердия, когда исправимся, утешительны, а за правду, кажется, по моему мнению, сердиться не за что; но видите вы из приложенного письма: находят ее сатирою, изречение хулы на бога непозволенным. Впрочем есть стихи, погрешительные в прасодии в рассуждении несходства выговора малорусского диалекта с российским; но ничего не стоит переставить только слова с места на место, например, у вас написано *ю́доли*, а надо *юдо́ли;* но такие это мелочи, которые хотя нужно исправить, но не стоют уважения. Относительно того, как примет сие сочинение императрица, то я просил о том уведомить меня ее секретаря Лонгинова, но не имею еще известия, ибо вчера только дал ему сию комиссию. В заключение скажу, что сие ваше произведение не пахнет еще старостию, да и как вам жаловаться на старость, когда вы моложе меня 20-ю годами» (Д е р ж а в и н, Сочинения, т. VI. 1871, стр. 267, 268).

Понимая, что цензура не разрешит к печати такое обличительное произведение, Капнист решил заручиться поддержкой императрицы Елизаветы Алексеевны. И действительно, как он сам пишет, императрица Елизавета Алексеевна дала ему на поэму «весьма благоволительный отзыв». Но и этот отзыв не помог Капнисту. Из следующего письма Капниста президенту Российской Академии А. С. Шишкову видно, что он тщетно пытался заручиться высочайшим одобрением Александра I. «Теперь обращаюсь к себе и прошу покорнейше ваше превосходительство, — пишет он, — уведомить меня, изволили ли вы, по благосклонному обещанию вашему, читать мое Видение его императорскому величеству и как было принято оное. Я послал сие сочинение государыне императрице Елизавете Алексеевне при письме моем и удостоился получить от лица ее, через господина Лонгинова, весьма благоволительный отзыв» (см. II том настоящего издания).

В другий я вижу раз столь строгий суд над ней. Имеется в виду вступление 20 июня 1605 года в Москву польских интервентов во главе с Лжедмитрием.

На жертву не жалел и жизни я принесть. В образе призрака и обличителя зла Капнист рисует здесь патриарха московского Гермогена, известного своей энергичной деятельностью по борьбе с самозванцами. Гермоген был замучен польскими интервентами в 1612 году. Сарматами Капнист называет поляков.

Когда, на ложе нег лежа, Сарданапал. Сарданапал — царь древней Сирии, живший в сказочной роскоши. Имя его обозначало человека, погруженного в разврат.

Хоть пенязь отдал ли, хоть лепту он едину. Пенязь — деньги.

Мудрейший меж царей, потомок Филарета. Филарет Федор Ники-

тич — отец царя Михаила Федоровича Романова; был пострижен в монахи под именем Филарета, после воцарения своего сына сделался патриархом. Здесь имеется в виду потомок Филарета царь Петр I.

Неистовый гордец, забыв позор и стыд. Имеется в виду французский император Наполеон, вторгшийся с своими войсками в Москву.

И, аки феникс, возродится. Феникс — сказочная птица, сгоравшая и вновь возрождавшаяся из пепла еще более прекрасной; является символом вечного возрождения и обновления.

Анне Андреевне Кумбурлеевой. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5695). Автограф датирован 24 мая 1813 года. Анна Андреевна — жена волынского гражданского губернатора М. И. Комбурлея. М. И. Комбурлей начал свою чиновничью карьеру в начале 1780-х годов в Киевском губернском правлении. В январе 1785 года на дворянских выборах Комбурлей выступал как соперник и противник Капниста (см. об этом выше примечание к стихотворению «Случай на выборах»). Однако позднее Капниста помирили с Комбурлеем, и он бывал в доме последнего.

Ода на всерадостное известие о покорении Парижа. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1814, ч. 13, № 17), где оно впервые было опубликовано. Стихотворение было написано в начале апреля 1814 года. В начале апреля он писал Державину: «Поздравляю вас с покорением Парижа. — Не более часа как В. Ст. Попов прислал записку к М. Мих. Бакунину, что 18 нашего марта русские и союзники вступили в эту столицу; что выслан был сенат с покорною, и государя нашего народ встретил с величайшею радостию как избавителя. Истинно, чуден бог во делех своих: чуден русский бог!»

Низверг он, — изверга, — стремглав. Извергом называется здесь французский император Наполеон.

Подобно крину он процвел. Крины — цветы лилии.

Стихи на случай мимоходного дождя. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1814, ч. 16, № 36), где оно впервые было опубликовано.

На новый бюст его императорского величества. Печатается по книге: Капнист, Сочинения, изд. А. Смирдина, СПб., 1849.

Русским воинам. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1815, ч. 23, № 31), где оно впервые было опубликовано. В бумагах Капниста, хранящихся в ИРЛИ (ф. 122, № 13), имеются автографы и два списка этого стихотворения, на которых указана дата его написания: «1815 года июня 11 дня». Эта дата свидетельствует о том, что стихотворение было написано в связи с возвращением 1 марта 1815 года бывшего императора Франции Наполеона с острова Эльбы в Париж. Наполеон во время своего вторичного царствования, длившегося сто дней, объявил новую войну европейской коалиции, которая вызвала в России большую тревогу. Капнист призывает в настоящем стихотворении русских воинов не допустить торжества Наполеона, причинившего русскому народу своим нашествием в 1812 году неисчислимые страдания.

‹Стихотворение для хора›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 16). Данное стихотворение, как и предыдущее, было написано летом 1815 года, по-видимому, после знаменитой

битвы под Ватерлоо, после которой окончательно разгромленный Наполеон был сослан союзниками на остров св. Елены.

Подражание 90 псалму. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1814, ч. 16, № 36), где оно впервые было опубликовано. Стихотворение было написано в начале 1800-х годов. Оно содержится в рукописи «Сочинения Василия Капниста, часть 1-я», подготовленной в 1805 году к печати, хранящейся ныне в БУАН (шифр: I.5669). В этой рукописи оно имеет следующее посвящение: «В день Александра Невского. Александру Всероссийскому с благоговением посвящает верноподданный Василий Капнист». При подготовке к печати этого стихотворения в 1814 году Капнист внес в его текст ряд исправлений (см. раздел вариантов).

Против златолюбия. Подражание Горацию (книга II, ода II). Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122. № 60, лл. 36 об.—37). Впервые опубликовано Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941. Капнист посылал рукопись этого стихотворения на отзыв Державину, который подчеркнул в рукописи слово «покосит» и приписал на полях: «Это слово только переменить, ибо покосить значит неприязненность, а тут надобно противное». Державин с Капнистом в течение ряда лет по какому-то недоразумению, происшедшему между ними в 1805 году, не переписывались. Дружба между ними восстановилась после письма Капниста к Державину от 18 июля 1812 года. Только после этого Капнист мог послать Державину рукопись настоящего стихотворения. Стихотворение могло быть написано и ранее 1812 года, но окончательная его отделка относится, по-видимому, только к концу 1812 или к 1813—1814 годам.

Галлов вождь — Наполеон.

Старому другу моему Алексею Николаевичу Оленину. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ф. 211, шифр: 3619. П—$\frac{1}{2}$). Автограф наклеен на отдельный чистый лист бумаги; внизу листа карандашом написано: «Капнист». Под стихотворением стоит дата: «21 ноября 1814 года».

Горесть. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 9). Впервые опубликовано в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 17).

Горесть разлуки. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 9). Впервые опубликовано в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 17). Стихотворение является подражанием французской песне «Loin des beaux yeux de Sylvie», французский текст которой сохранился в бумагах Капниста (ИРЛИ, ф. 122, № 25).

Судьба. Подражание Горацию (книга I, ода XXIV). Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, л. 21). Впервые напечатано в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 17) под заглавием «Подражание Горацию».

Примечания Капниста:

„1. *Стикс*, адская река.

2. *Атлант*, гора сия полагается близ западных берегов Африки и Марокской области.

3. *Тенара* в Пелопонезе, на Лаконийском мысе скала, в которой находилась весьма глубокая пещера, ведущая, по мнению суеверов, ко вратам ада".

Стихи на изображение Сафы на антике в перстне... Печатается по тексту «Трудов Казанского общества любителей отечественной словесности» (1815, кн. I), где оно впервые было опубликовано.

‹Жил царь. Отрывок русской народной сказки, переложенной стихами›. Текст отрывка находится в письме Капниста к С. С. Уварову «О эксаметрах», впервые напечатанном в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 17). Стихотворное переложение русской народной сказки было сделано Капнистом в связи с его пропагандой метрической системы, свойственной русским народным песням. Этому переложению он предпослал в письме к Уварову следующее примечание: «Если надежда моя не обманет меня, и если малый опыт сей удостоится несказанно лестного мне почтенных слушателей одобрения, то с достоверностью скажу, что можно составить множество русских мер, свойственных стихам эпопеи и другим повествовательным творениям. Для доказательства осмеливаюсь представить краткий отрывок в простонародном сказочном слоге».

В бумагах Капниста, хранящихся в ИРЛИ (ф. 122, № 58), имеется второй вариант переложения этой сказки с исследованием ее ритма:

«Жил был царь, а у царя три сына и три дочери;
Три дочери красавицы, каких и под небесью нет:
Одна дочь очи черные, нос орлиной и бровь дугой;
Другая дочь небо в глазах, розы на щеках, зубы бисерки;
Третья дочь мала, смугла, с горбом уродом уродилась.
Два старших сыновья красавцы, удалы добры молодцы;
А последний карла ростом, ножки в пядь, голова с котел.

1 стих — 5 хореев, 2 перихия, 1 дактиль, конец дактиль.
2 — — 5 ямбов, 3 перихия, конец ямб.
3 — — 5 ямбов, 1 перихий, 2 хорея, конец ямб.
4 — — 3 ямбов, 2 перихия, 1 хорей, 1 спондей, 1 дактиль, конец дактиль.
5 — — 6 ямбов, 1 перихий, 1 хорей, конец ямб.
6 — — 4 ямба, 3 перихия, 1 хорей, конец хорей.
7 — — 5 хореев, 1 перихий, 2 ямба, конец ямб».

‹Песни аонид›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 54). Стихотворение находится во втором письме Капниста к С. С. Уварову «О эксаметрах», написанном в 1815 году.

Аониды — музы.

Повесть об уходе из плена одного славянского воина. ‹Отрывок›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 54). Стихотворение находится во втором письме Капниста к С. С. Уварову «О эксаметрах».

На представление трагедии «Антигона». Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1814, ч. 17), где оно впервые было опубликовано. Трагедия «Антигона» была представлена в Петербурге на сцене Малого театра 21 сентября 1814 года. По политическим мотивам трагедия была снята с театрального репертуара и постановка ее более не возобновлялась (см. ниже примечания к трагедии «Антигона»). Настоя-

щую автоэпиграмму, как и две другие, на представление «Антигоны» Капнист написал с целью самозащиты от нападок реакционной критики.

На представление той же трагедии, в которой сочинитель слишком часто упоминает о привратных псах и вранах. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1814, ч. 17), где оно впервые было опубликовано.

Применение к трагедии «Антигоне» известной эпиграммы на перевод мольеровой комедии «Сганарева». Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1814, ч. 17), где оно впервые было опубликовано. Автоэпиграмму Капниста на перевод комедии Мольера «Сганарев» см. здесь выше.

Встречные мысли. Цикл эпиграмм и афоризмов. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 44) Из шестидесяти одной эпиграммы, содержащейся в этом цикле, пять было опубликовано ранее в различных изданиях. Бумага рукописи имеет водяной знак 1814 года. Этот цикл эпиграмм и афоризмов сложился из стихотворений, написанных в разные годы первого десятилетия XIX века. Но оформлен он был, судя по бумаге, лишь в 1814—1815 годах. В одной автоэпиграмме, содержащейся в этом цикле, Капнист говорит о своих научных занятиях, имея, очевидно, в виду свои статьи: «Письмо к С. С. Уварову о эксаметрах» и «Краткое изыскание о гипербореанах», напечатанные в 1815 году в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (№№ 17 и 18).

Капнист посвятил настоящий цикл эпиграмм своим детям. В одном из стихотворений этого цикла имеется заглавие «Детям».

Случайные мысли. Из опыта жизни. Второй цикл эпиграмм и афоризмов. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 44). Из сорока трех эпиграмм, содержащихся в этом цикле, четыре были опубликованы ранее в смирдинском издании «Сочинений Капниста» и в «Избранных сочинениях» Капниста 1941 года. Настоящий цикл стихотворений по своему содержанию является продолжением предыдущего цикла эпиграмм и афоризмов. Стихотворения, входящие в него, были написаны не ранее первого десятилетия XIX века, но собраны в настоящий цикл также в 1814—1815 годах. Они написаны на такой же бумаге, как и стихотворения цикла «Встречные мысли».

«Клит все печатает — и все, как мыслит, кстати». Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1817, ч. 41, № 40), где оно впервые было опубликовано. Стихотворение тематически связано с циклами эпиграмм и афоризмов «Встречные мысли» и «Случайные мысли» и, как надо полагать, было написано не позднее 1814—1815 годов.

«При переводе с чужих языков должно». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 9, л. 24). Автограф не датирован. Стихотворение, как надо полагать, было написано в 1814—1815 годах, когда Капнист много занимался разработкой проблем, связанных с художественными переводами с иностранных языков (см. его письма к С. С. Уварову «О эксаметрах»).

«Мы чем богаты, рады тем вам». Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 35). Впервые было опубликовано Б. И. Копланом в книге В. В. Капнист. Избранные сочинения. Автограф не датирован. Стихотворение, по мнению Б. И. Коплана, относится к 1810-м годам.

«Нередко от блинков, что вы уж мне пекли». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 3). Автограф не датирован. Стихотворение относится к циклу мелких произведений Капниста, написанных в конце 1800-х—начале 1810-х годов.

‹Приданое›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 15). Стихотворение тематически тесно связано с циклом эпиграмм и афоризмов Капниста. Написано оно было, по-видимому, в 1815—1816 годах. Бумага рукописи имеет водяной знак 1815 года.

«Друга нового ищи». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 15). Настоящий афоризм тематически связан с циклом эпиграмм и афоризмов Капниста. Написан он был, по-видимому, в 1815—1816 годах. Бумага рукописи имеет водяной знак 1815 года.

«Покоем у славян иль сном». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 15). Стихотворение написано на одном листе с предыдущим афоризмом, имеющим водяной знак 1815 года.

Мечта. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 29). Впервые опубликовано Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения. Стихотворение написано в 1810-х годах.

«Для душ чувствительных, любящих». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5686). Написание стихотворения относится к 1810-м годам.

«Жду тебя, но если здесь напрасной». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 9). Написание стихотворения относится к 1810-м годам.

«Мне сказали: жизни радость». Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 17). Впервые опубликовано Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения. Написание стихотворения относится к 1810-м годам.

Послание к прекрасной. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 17). Автограф имеется здесь в двух экземплярах. На одном из них написано в заглавии: «Милостивая государыня моя Варвара Петровна!» До сих пор не было установлено, к кому обращено данное послание. Б. И. Коплан предполагал, что Варварой Петровной могла быть Квашнина-Самарина (см.: В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941, стр. 295). Однако изучение автографов стихотворения показывает, что такое предположение является ошибочным. На первом листе получернового автографа имеется указание, кому оно было послано. На правом поле листа написано: «Иван Антонович Пукалов, его высокородие». Иван Антонович Пукалов, обер-секретарь Синода, находился в дружеских отношениях с Капнистом. Сохранились письма Капниста к нему. Жена И. А. Пукалова, Варвара Петровна, рожденная Мордвинова, была известной великосветской красавицей, имевшей много поклонников. Капнист одно время был очарован ею. С семьей Пукаловых Капнист познакомился в один из своих приездов из Обуховки в Петербург весной 1814 года. «Вчера был пьян у нового знакомца Пукалова, — пишет он своей жене, Александре Алексеевне, из Петербурга в письме от 8 мая 1814 года; — жена его пре-

красна; мне кажется, я волочусь за нею. — Не приревнуй, мой друг, и не подумай из этого слова, что я уже от старости волочусь».

Послание написано было жене И. А. Пукалова, Варваре Петровне, как видно из его содержания, в ответ на письмо Варвары Петровны к Капнисту в Обуховку:

Возможно ль, повторю я, статься,
Чтоб в край пустой издалека
Успели мыслью вы промчаться
Для стихотворца-старика?

Беловой автограф стихотворения имеет дату: «1816 года генваря... дня. Обуховка».

Ода на пиитическую лесть. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 68). Впервые опубликована Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения. Б. И. Коплан датировал это стихотворение ориентировочно 1816—1817 годами.

Царь-пиит — псалмопевец Давид. Стихи в строфах 2 и 3, взятые в кавычки, являются подражанием 81-му псалму Давида.

На кончину Гавриила Романовича Державина. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1816, ч. 33, № 39), где впервые стихотворение было опубликовано. Стихотворение датировано 18 августа 1816 года.

Ода на смерть Державина. Печатается по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 18, лл. 13—17). Впервые была напечатана в «Трудах Казанского общества любителей отечественной словесности» (1816, кн. I). Ода была написана вскоре после смерти Г. Р. Державина, последовавшей 8 июля 1816 года.

Горсть земли на могилу благотворителя. Печатается по тексту первого издания, выпущенного отдельной брошюрой в Петербурге, в морской типографии, 1816 года (цензурное разрешение 14 октября 1816 года; ИРЛИ, ф. 122, № 18, лл. 19—23). В конце брошюры напечатано следующее примечание: «Сочинитель, оставя покойного 7-го числа июля сего 1816 года в совершенном почти здоровье, 10-го того же месяца возвратился в Званку, дабы проводить тело его по реке Волхову в Хутынский монастырь св. Варламия, где оно ныне покоится». В начале брошюры напечатано стихотворение — посвящение «Друзьям Державина».

Смерть Державина вызвала в семье Капниста, как об этом свидетельствуют письма жены Капниста, Александры Алексеевны, к сестре ее Дарье Алексеевне Державиной, глубокие и длительные переживания, которые несомненно отразились в стихотворениях Капниста на смерть Державина. В приписке к письму своей жены к Д. А. Державиной от 22 августа 1816 года Капнист говорит: «Что мне сказать тебе, добрая сестра Дашенька! — Сердце растерзано; слов не достает. — Что ни скажу, не объяснит ни горести нашей, а не облегчит твоей. — Бог один может милосердием своим облегчить ее. — Бог да подкрепит тебе сей жесточайший удар! Мне напоминает он, что скоро увижусь и я с сорокалетним лучшим и любезнейшим другом моим. — Прощай, любезная сестра! Бог милостивый да прольет отраду в сердце твое! Прощай, обнимаю тебя и горести мои и слезы смешиваю с твоими» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 206).

В другой приписке к письму своей жены к Д. А. Державиной, датированному сентябрем 1816 года, Капнист снова повторяет: «Что мне ска-

зать тебе, милая сестра Дашенька! — Грустно и помыслить о тебе. Бога ради, дружбы и родственной любви ради, послушай нас, приезжай к нам. — Дорога, перемена мест может несколько рассеять горесть твою; а мы ее здесь разделим, и наверное она облегчится» (там же). В приписке к письму своей жены к Д. А. Державиной от 23 декабря 1816 года Капнист говорит: «Слов не нахожу изъяснить тебе, что чувствую: — ты только доброю душою твоею понять это можешь» (там же).

На тленность. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 18). Впервые опубликовано в журнале «Сын отечества» (1817, ч. 35, № 4).

Первая строфа, заключенная в кавычки, является последним стихотворением Державина, которое поэт написал за несколько дней до смерти.

Бренность красоты. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1817, ч. 41, № 39), где впервые стихотворение было опубликовано.

Милой Паше. Печатается по автографу, любезно предоставленному нам И. А. Пиккиевым. Автограф вклеен между форзацем и фронтисписом в книге «Лирические сочинения Василия Капниста» издания 1806 года. Экземпляр книги Капнист послал в дар Паше. Внизу автографа имеется дата: «1817 года сентября 10 дня». Впервые опубликовано в альманахе «Урания» на 1826 год.

Н. П. Визирь поислал нам цензурованную копию этого стихотворения, хранящуюся в БУАН (шифр: II. 2284). В копии заглавие стихотворения несколько иное: «Милой Паше. При посылке ей своих стихотворений». В копии к этому стихотворению приложено еще одно стихотворение Капниста: «Способ помолодеть». Оба стихотворения были подготовлены в конце 1830-х—начале 1840-х годов к печати и даны на утверждение цензору. Бумага рукописи имеет водяной знак 1835 года. Подпись цензора стоит в конце стихотворения «Способ помолодеть».

Паша, которой посвящено это стихотворение, — Парасковья Николаевна, дочь Н. А. Львова, по мужу Бороздина. Парасковья Николаевна в течение многих лет жила в доме Державина. Державин диктовал ей объяснения на свои сочинения. В августе 1813 года она приезжала вместе с Г. Р. и Д. А. Державиными в Обуховку к Капнисту. Капнист в своих письмах к Г. Р. Державину постоянно передавал ей свои приветы. «Целую тебя, милая Параша, — писал он в приписке к письму к Державину от 18 августа 1813 года. — Помни, люби нас: а мы любим тебя как душу». В письме к Державину от 4 октября 1813 года Капнист писал: «Целую милую Пашеньку». В приписке к письму к Державину от 14 ноября 1813 года Капнист говорит: «Как ни тороплюсь отправлять <письмо> на почту, а все-таки успеваю поцеловать тебя, милая Паша».

Способ помолодеть. Печатается впервые, по цензурованной копии, присланной нам Н. П. Визерем; копия, писанная на бумаге, имеющей водяной знак 1835 года, была представлена в цензуру вместе с стихотворением «Милой Паше» (см. примечание к предыдущему стихотворению). Автограф этого стихотворения, по-видимому, также был подарен Капнистом любимой им Паше, т. е. Парасковье Николаевне Львовой. В сохранившихся его бумагах автограф стихотворения отсутствует. Время написания стихотворения в цензурованной копии не указано. Надо полагать, оно было написано около того же времени, что и предыдущее стихотворение, т. е. в 1817 году. Это стихотворение по своему содержанию и тональ-

ности перекликается с стихотворением Капниста «Старик, ожидающий весны».

Ивану Васильевичу Нарышкину. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I. 5694). Автограф не датирован. Стихотворение, как это видно из его содержания, было написано в последний период жизни И. В. Нарышкина, когда он находился уже в отставке от всех служебных дел и жил в кругу своей семьи. И. В. Нарышкин, статский советник, камер-юнкер, родился в 1779 году, умер 23 июня 1818 года; происходил из рода Нарышкиных, из которого была мать Петра I, Наталья Кирилловна. Поэтому Капнист и говорит о нем: «В свойстве хоть дальнем с кровью царской».

Ответ Федору Петровичу Львову. Печатается по тексту сочинений Федора Львова «Часы свободы в молодости» (ч. I, СПб., 1831). Впервые было опубликовано в «Памятнике отечественных муз» (1827).

Ф. П. Львов — писатель, друг Капниста. В 1794 году Ф. П. Львов много хлопотал в Петербурге об издании комедии «Ябеда» Капниста (см. ниже наши примечания к комедии «Ябедник»). Настоящее стихотворение было написано в 1817 году; оно является ответом на послание Ф. П. Львова «В. В. Капнисту. При посылке моих стихов» (Федор Львов. Часы свободы в молодости, ч. I. 1831, стр. 173—175).

Батюшкову. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1817, ч. 41, № 43). В стихотворении Капнист говорит о переводе К. Н. Батюшкова поэмы Тасса «Освобожденный Иерусалим».

Приближение грозы. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1819, ч. 53, № 16), где впервые стихотворение было напечатано.

Дружеский совет. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 20). Впервые опубликовано Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941.

Скромное признание в любви. Печатается по тексту «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1819, ч. 15), где впервые стихотворение было опубликовано.

Обуховка. Печатается по тексту «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1820, ч. 18). Впервые было опубликовано в журнале «Сын отечества» (1818, ч. 48, № 33).

Обуховка — деревня Капниста в бывшей Полтавской губернии, Миргородского повета (ныне село Великая Обуховка Миргородского района Полтавской области Украинской ССР).

Перевод: Потолок моего дома не блещет ни слоновой костью, ни золотом.

Псёл — река, на берегу которой стоит Обуховка.

Различность дарований. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1818, ч. 50, № 51), где впервые стихотворение было опубликовано.

‹К дочери›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в Государственном историческом музее в Москве (отдел письменных источников,

шифр Г 84/5). Стихотворение посвящено Екатерине Васильевне Капнист (по мужу Полетика) и находится в ее альбоме (л. 84).

Подражание Горациевой оде (кн. II, ода XVI). Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 2). Впервые опубликовано в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941. Бумага рукописи имеет водяной знак 1803 года. В рукописи последние две строфы были написаны позднее, очевидно в 1818—1819 годах, вместо следующих зачеркнутых строф:

А может быть, судьбой даются
Различные уделы нам:
Стада твои травой пасутся
По тучным бархатным лугам.
В пути в карете драгоценной
Шестеркой ржащею летишь;
Собольей шубой облеченной
И средь зимы в тепле сидишь.

А я, здоровьем наслаждаясь,
В поместье маленьком живу;
И тут природой восхищаясь,
Как тихая струя плыву.
Еще скажу я без притворства,
Имею искру стихотворства,
Желанье правду обожать
И злобу черни презирать.

На смерть Василия Степановича Томары. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 18). Впервые было напечатано в журнале «Сын отечества» (1819, ч. 53, № 19).

В. С. Томара — друг Капниста, умер в начале апреля 1819 года.

Гимн благотворению. Печатается по тексту «Журнала древней и новой словесности» (1819, ч. 5), где стихотворение впервые было опубликовано.

Зависть пиита при взгляде на изображение окрестностей и развалин дома Горациева. Печатается по тексту «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1820, ч. 18), где стихотворение впервые было опубликовано.

Хоры, петые при открытии в Полтаве Института для благородных девиц, 12 декабря 1818 года. Печатается по тексту «Сочинений» Капниста издания Александра Смирдина. Автограф стихотворения нам не удалось разыскать. Стихотворение, как указывает его заглавие, было написано в декабре 1818 года.

К несчастному. Печатается по тексту «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1819, ч. 15), где оно впервые было опубликовано. В этой же книге трудов Общества напечатана статья Мерзлякова, посвященная критическому рассмотрению настоящего стихотворения.

Алексею Николаевичу Оленину. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 6). Впервые опубликовано Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, Избранные сочинения, 1941.

Оленин А. Н. (1763—1843) — писатель, художник, первый директор Петербургской публичной библиотеки; находился в дружеских отношениях с Капнистом, Державиным, Крыловым, Гнедичем, Батюшковым и другими русскими писателями. О первом знакомстве с Капнистом А. Н. Оленин с удовольствием вспоминает в письме к нему от 26 мая 1821 года. «Хотя мы и долго друг с другом молчим на бумаге, но я уверен, что как ты нередко, так и я частехонько вспоминаем о тех счастливых временах молодости твоей, а моей юности, в которые мы сошлись друг с другом знакомством, а потом и дружбою. Вспомни, любезный друг Василий Васильевич, те счастливые очаровательные времена!» (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 211).

Настоящее стихотворение было написано Капнистом в ответ на указанное письмо Оленина к нему от 26 мая 1821 года. Об этом свидетельствует совпадение некоторых мест в стихотворении с содержанием письма Оленина. Оленин в своем письме говорит о том, что он не запятнал свою совесть никакими преступлениями. «Я и теперь на пятьдесят седьмом году сплю мертвым сном, — пишет он. — Великое милосердие божие! Для этого надобно почасту также вспоминать стишки общего нашего милого друга, которого давно уже на свете нет, а именно, покойного Николая Александровича Львова!

А кто правдою живет
Так того и гром не бьет.
Стучи сколько хочет около меня, а я все сплю спокойно».

‹Посвящение Александру I переводов од Горация›. Печатается впервые, по беловому автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5683). Посвящение, по-видимому, было написано в 1820—1821 годах, когда Капнист готовил к печати книгу своих переводов од Горация. Вместе с беловым автографом посвящения хранится черновой и полубеловой автографы его, которые писаны на бумаге, имеющей водяные знаки 1815 и 1819 годов.

«О, дружество, прямых источник благ». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5685). Написание стихотворения относится к началу 1820-х годов.

На смерть Наполеона. Печатается по тексту «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1822, ч. 2), где оно впервые было опубликовано. Написано было в начале 1822 года. О посылке этого стихотворения в печать Капнист сообщал своему сыну Семену Васильевичу в письме от 24 апреля 1822 года: «„На смерть Наполеона“ поехало в Москву, а „Воззвание на помощь Греции“ — в Петербург. Повидим, какой-то успех получит».

Старик, ожидающий весны. Печатается по тексту «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1821, ч. 19), где стихотворение впервые было опубликовано. Стихотворение было написано в 1814—1815 годах и первоначально было включено в текст второго письма Капниста к С. С. Уварову «О эксаметрах». В дальнейшем Капнист внес в него некоторые исправления (см. раздел вариантов).

В память береста. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 19). Впервые опубликовано в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1822, ч. 1).

Закат солнца. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 36). Впервые опубликовано в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1824, ч. 4).

Славолюбие. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 24). Данный автограф представляет собою последнюю редакцию стихотворения. Вместе с ним хранятся три экземпляра рукописи первоначальной редакции этого стихотворения. В первоначальной редакции стихотворение состоит из пяти строф (в ней отсутствует четвертая строфа). В основном текст обеих редакций стихотворения совпадает; отличия содержатся только в третьей строфе:

Тут шествует толпа героев:
Бессмертной похвалы любовь
Велит им средь жестоких боев
Струить реками смертных кровь.

Впервые стихотворение было напечатано в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1824, ч. 4).

Убийство. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 23, лл. 1—3); здесь же хранятся три экземпляра черновых рукописей данного стихотворения; на одном из них стоит дата: «1822 года декабря 7 дня. Обуховка». В ИРЛИ (ф. 122, № 40) хранятся примечания к этому стихотворению, написанные сыном Капниста Семеном Васильевичем, и ответы на них В. В. Капниста. С. В. Капнист в своих примечаниях указывает на неудачные выражения, на частые повторения слова «вдруг» и другие недостатки, имевшиеся в стихотворении. В свете его указаний В. В. Капнист внес некоторые поправки в текст стихотворения. Кроме того, он написал следующие комментарии к этому стихотворению, в которых раскрыл основную цель его написания:

«1. Жизнь свою обрекать — значит всю жизнь свою посвящать исполнению чего-либо. — Звери убивают только животных к обеду и ужину, а человек убивает во всякую пору и не токмо для насыщения желудка, но и для насыщения страстей своих. — Вот в чем состоит между ним и зверьми значительнейшая разница.

«2. В таком случае слова „не тигр, не лев" противоположностью объясняют.

«3. Одно *так* приемлется иногда при уподоблении, и почти всегда: гром раздробляет высокие башни; *так* Фортуна раздробляет престолы, — но повторенное *так, так* означает удостоверение и приемлется вместо: *истинно, без сомнения.*

«Слово *вдруг* означает также и *совместность:* вдруг трех дел не делают. Это взято из примеров словаря: перевод ensemble. — Но тут это *вдруг* и внезапность означать может. Ева, вкушающая яблочко, и с этим вкушением вдруг ниспало на вселенну зло.

«4. Челюсти гладными весьма можно назвать; и это выражение пиитическое. Стихотворство олицетворяет вещи: у него меч упивается кровью и прочее.

«5. Я пишу для верующих в Моисея и пророков, пишу для христиан. Трудно весьма по-философски доказать, откуда зло произошло. Многие философы утверждали даже, что никакого зла на свете нет. Моисеево предание, чтимое христианами, дало мне средство назначить причину явления зла и первого убийства. Без чего я стал бы в тупик и оды не мог сочинить.

«6. Сие оправдается предыдущим.

«7. С тех пор повторение есть риторическое усиление мысли. — Впротчем, мысль моя оправдается предыдущим, ибо я беру повествование Моисея за достоверное, общепринятое христианами, для которых пишу.

«8. С веками гибло самоедство,
Казалось, гиб с ним корень зла.

«Я сказал гибло, а не погибло. — Гиб корень зла, а не погиб. — Это одно опровергает твое рассуждение и доказывает, что я не отвергаю и теперь в некоторых диких странах существующего самоедства. — Я только говорю, что первоначально люди убивали людей для снедения, а потом алчность злата побудила людей и убивать себе подобных не для утоления токмо голода, но для золота, и привожу разительнейший пример гишпанцев в Америке.

«9. Обуять — значит с ума сойтить. — Страсти обуяли им; и обуяют от лица меча, его же аз послю. — Из словаря. — Он обуял от златолюбия, златолюбием. — Омет — значит куча. — Из словаря. — Но это должно исправить, ибо не всем известно; и притом омет значит и воскрайе — опушка платья...

«10. У слабых с жизнью похищали. — Этот стих действительно не гладок; постараюсь исправить.

«11. Христос сделал то, что по человечеству мог. Он учил, чтобы любили врагов своих и творили добро ненавидящим нас. — Ежели б его слушали, то убийство прекратилося бы. Эту попреку я делаю христианам, для которых пишу. — Знаю, впротчем, что от моей оды, как бы она хороша и убедительна, ни была, убийство не прекратится. — Для того-то и молю в конце о втором пришествии, после которого Христос будет царствовать тысячу лет с миром. А там опять-таки ералаш затеется.

«12. Этот стих исправить должно, хотя ты не так громов понял. Из туч громов удары он зрит. Удары громов, то есть громовые удары.

«13. Смертные и так умирают, на что же их умертвлять убийце, герою? Оно не мудрено, да злобно, и жалко.

«14. А как же прекратить убийство, как не истреблением закоренелых в оном? — Примеры Содома Гомора свидетельствуют, как бог истребляет порочных. — Примеры этому многочисленны в священном писании. — Во втором пришествии то же учинится — и мир мирови дарован будет на тысячу лет. — Повторяю, что об этом молю, хотя сам, конечно, не доживу до 1836 года, г. Штилингом предназначенного для сего.

«15. Вышеописанное относится к сему последнему замечанию.

«Сообрази, сделай замечания и возврати мне.

«Вообще скажу что пишу это для христиан; употребляю к убеждению их к прекращению убийств все средства, как-то предания и правила, в которых они убеждены или по крайней мере убеждены быть должны, если они христиане. — Если же они не христиане, а носят только личину христианства, то чем убедить таковых неверующих власте-злато-славо-сластолюбцев» (ИРЛИ, ф. 122, № 40, лл. 12—13).

Настоящее стихотворение впервые было напечатано без приведенных комментариев В. В. Капниста в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1823, ч. 3).

К лире. Подражание Горацию (книга I, ода XXXII). Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, л. 51). Впервые напечатано в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1824, ч. 4).

Воззвание на помощь Греции. В полном виде стихотворение печатается впервые, по копии, хранящейся в ГПБ (архив Н. К. Шильдера,

К-9, № 13, лл. 113—116). За указание на эту рукопись приношу глубокую благодарность А. И. Мацаю. Здесь же на отдельном листе имеется несколько огрывков этого стихотворения, выписанных в конце XIX века, с подписью: «Стихи. Воззвание на помощь Греции. Соч. Василия Капниста».

Четыре строфы из этого стихотворения были напечатаны правнучкой поэта И. П. Капнист в ее статье «Памяти В. В. Капниста» («Московские ведомости», 1898, № 230). Авторская рукопись стихотворения хранилась в конце XIX века, как указывает И. П. Капнист в названной статье, у правнучек В. В. Капниста Е. В. и М. В. Капнист в селе Пузиково Полтавской губернии. В настоящее время местонахождение ее нам не известно.

«Воззвание на помощь Греции» было написано в начале 1822 года в помощь освободительной борьбе греков, боровшихся против турецкого ига. Капнист в письме к своему сыну Семену Васильевичу от 24 апреля 1822 года из села Ромны пишет: «Некогда мне прислать тебе творений роменского пиита. — „На смерть Наполеона“ поехало в Москву, а „Воззвание на помощь Греции“ — в Петербург. Повидим, какой-то успех получит». Стихотворение «На смерть Наполеона» было напечатано в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1822, ч. 2); «Воззвание на помощь Греции» не было напечатано.

‹К восставшему греческому народу›. Печатается впервые, по тексту альбома начала XIX века, хранящегося в ИРЛИ (шифр: Р. I. оп. 17, № 459). Альбом состоит из четырех листов. На 1-м и 2-м листах находятся два стихотворения Аркадия Родзянко; на 3-м листе — стихотворение Пушкина «Демон»; на 4-м листе — стихотворение ‹«К восставшему греческому народу»›. Под настоящим стихотворением указана фамилия Капниста.

Альбом, в котором имеется это стихотворение, поступил в Институт русской литературы в 1949 году в дар от потомка декабристов Муравьевых, С. А. Муравьева. В инвентарной книге за 1949 год под № 21 записано: «Альбом В. А. Муравьевой (жены декабриста А. Муравьева). Переплет 18 века с миниатюрой Е. Ф. Муравьевой. В альбоме сохранилось только четыре листа с текстом стихотворений Капниста и А. Родзянки».

Автограф настоящего стихотворения нам не удалось разыскать. Однако источник, в котором сохранилось оно, заслуживает полного доверия. Екатерина Федоровна Муравьева (1771—1848), в альбоме которой находится это стихотворение, являлась супругой писателя, отца двух декабристов, Михаила Никитича Муравьева (1757—1807). С семьей Муравьевых Капнист поддерживал в течение многих лет дружеские отношения.

Стихотворение ‹«К восставшему греческому народу»› тематически тесно связано с печатаемым здесь «Воззванием на помощь Греции» Капниста. Оно так же, как и «Воззвание», было несомненно написано в 1822 году, в разгар национально-освободительной борьбы греков.

Тень Леонида, Мильтиада! Леонид и Мильтиад — древнегреческие герои, прославившиеся в битвах против персов. Леонид — спартанский царь, защищая свое отечество, пал геройской смертью в 480 году в Фермопильской битве с персами. Мильтиад — афинский стратег, разбил в 490 году в Марафонской долине персидские войска.

‹Е. М. Багреевой›. Печатается впервые. Стихотворение содержится в письме Капниста к Елизавете Михайловне Багреевой от 12 ноября 1822 года. Багреевы — знакомые Капниста, жившие в Миргороде. В указанном письме к Багреевой Капнист сообщал, что это стихотворение продиктовал ему во сне один его петербургский приятель-стихотворец. В ответном письме к Капнисту от 13 ноября 1822 года Е. М. Багреева писала: «Слог

вашего приятеля мне слишком знаком, дабы можно было мне сомневаться, что жилище его не в шумной столице. Вам препоручаю, как близкому его соседу, ему сказать, что вдохновенные им стихи нашли путь к сердцу той, для которой они были написаны» (ИРЛИ, ф. 122, № 106).

Ивану Борисовичу Пестелю. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 15). Автограф черновой, последние три стиха зачеркнуты и не поддаются точному прочтению.

И. Б. Пестель — отец видного декабриста, одного из руководителей Южного тайного общества Павла Ивановича Пестеля.

С семьей И. Б. Пестеля Капнист находился, как это видно из его писем, в течение многих лет в дружеских отношениях. Декабрист П. И. Пестель бывал у Капниста в Обуховке. Проблема служения обществу и самопожертвования ради общественного блага, поставленная в настоящем стихотворении, была тесно связана с декабристскими настроениями, которыми в известной мере был охвачен в начале 1820-х годов и Капнист. Данное стихотворение, судя по его содержанию, было написано, по-видимому, в указанные годы.

‹К юному другу›. Печатается впервые по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5678).

Стихотворение не датировано, но судя по его содержанию, оно было написано в последние годы жизни Капниста, когда уже никого из близких его друзей не осталось в живых («Увы, и сонм друзей пожрала несытна хлябь земли»). Оно могло быть написано в 1820—1823 годы («Уж дряхла старость осребрила мои иссохшие власы»). Именно в эти годы Капнист почти все время был болен. Лицо, которому посвящено стихотворение, нам не удалось установить.

Пьесы

Предисловие к комедии «Ябеда». Впервые было опубликовано на французском языке в переводе А. Легреля в книге: La Chicane (Jabiéda), comédie en cinq actes et vers par V. V. Kapniste. Traduit par A. Legrelle. Gang. 1886. На русском языке печатается впервые по тексту французского издания.

А. Легрель имел в своих руках подлинную рукопись Капниста, писанную на русском языке. В примечании к своему переводу предисловия он сообщил о ней следующие сведения: «Nous traduisons cette préface telle qu'elle se trouve dans les papiers de l'auteur, mais sans connaître le changement auquel elle fait allusion. Elle est écrite sur un papier légèrement bleuâtre et porte d'assez nombreuses surcharges».

(«Мы переводим это предисловие в том виде, в каком оно нашлось в бумагах автора, но мы не знаем изменения, на которое он намекает. Оно писано на голубоватой бумаге и содержит довольно многочисленные поправки».)

Местонахождение подлинной рукописи нам не известно.

Время написания предисловия нам точно не известно. А. Легрель, имевший в своих руках подлинную рукопись предисловия, ничего не сообщает о том, стояла ли на ней какая-либо дата или нет; он ничего не говорит и о том, к какому времени относится бумага предисловия. Изучение содержания предисловия и сопоставление его с известными нам поздними поправками, внесенными Капнистом в текст комедии, позволяют предполагать, что оно было написано в 1814 году. В предисловии Капнист, ссылаясь на

критиков, пишет: «Они полагали, что в последнем действии моей комедии, изображая на сцене, хотя и в частном доме, заседание Гражданской палаты, я тем самым лишил уважения судебную власть, которая должна быть уважаема всеми. Послушавшись этой критики, я теперь изобразил членов Гражданской палаты, собравшихся самовольно в доме председателя и решающих там гражданский процесс в порядке незаконной процедуры» (разрядка наша, — *Д. Б.*).

В 1814 году Капнист готовил печатный текст комедии для новой постановки и внес в него некоторые исправления. Экземпляр книги с его исправлениями принадлежал артисту Щеникову. Поправки, имевшиеся в этом экземпляре, были напечатаны в «Русской старине» (1873, т. VII, стр. 715). В основном они носят стилистический характер, но одна из них относится к содержанию комедии и, в частности, помогает раскрыть то изменение в тексте комедии, о котором Капнист говорит в приведенных словах настоящего предисловия. Капнист вычеркнул из печатного текста комедии следующие стихи, в которых как раз указывалось на то, что Гражданская палата помещалась в доме ее председателя:

Добров

Не знаю как сказать: иль ангел или бес,
Вняв челобитчиков умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженью;
А как домов таких нельзя здесь вдруг найтить,
Где выгодно суды могли бы поместить,
То председатель наш в свой дом вместил палату,
С казны за то себе приобретая плату.

Прямиков

Так мы нечаянно в святыню забрели.

Первая печатная рецензия на «Ябеду» появилась в «Северном вестнике» (1805, ч. VI). Неизвестный критик упоминает в этой рецензии об устных отзывах о «Ябеде», распространявшихся в обществе. «Ничего не упущено в ней, — пишет он, — чтоб выставить злоупотребления, могущие быть в присутственных местах. Сожалеют некоторые, что в ней так очерчены судьи и секретарь, что если бы это было на самом деле, надлежало бы все гражданские палаты уничтожить. К чему такие опустошения? Неужели комик и вообще всякий писатель театральный должен списывать с натуры? Говорят, тут мало справедливого. На что и искать справедливого? Довольно, когда очень много вероятного, ежели не во всей целости, то по крайней мере в частностях. Кажется, что комедия „Ябеда“ не есть один только забавный идеал, и очень верить можно злоупотреблениям, в ней представленным; это зеркало, в котором увидят себя многие, как скоро только захотят в него посмотреться» (стр. 374).

Капнист ответил тогда этому рецензенту письмом, в котором писал: «Чувствительно благодарю незнакомого мне господина рецензента моей комедии Ябеды. — Признаюсь, что мне весьма приятно заслужить одобрение столь разборчивым вкусом отличающегося любителя словесности нашей. К возражениям его на заключения тех, кои думают, что ежели бы в самом деле судьи и секретарь были таковы, как они в комедии моей представлены, то надлежало бы все гражданские палаты уничтожить, и что в сочинении моем мало справедливого, осмелюсь присовокупить на первое, что пред-

полагаемое уничтожение уже последовало прежде отдания пиесы моей на театр, ибо были тогда же учреждены палаты суда и расправы и весьма отличены как новым составом их в определении и избрании членов, так и лишением власти исполнять решительные приговоры. А на второе заключение скажу чистосердечно, что для блага общего ничего не желаю более, чтобы в комедии моей в лицах судей, секретаря, стряпчего, Феклы и Праволова не было ни одной справедливой черты» (ИРЛИ, ф. 122, № 104, отпуск письма Капниста). Отрывок этого письма был напечатан Г. З. Кунцевичем в статье: «Ябеда», комедия В. В. Капниста. «Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1906, т. XI, кн. 3.

Следующая рецензия на «Ябеду» была напечатана в «Русском вестнике» на 1808 год. В этой рецензии указывается, что пороки, изображаемые в комедии «Ябеда», занесены были в Россию из Франции вместе со всякого рода модами. Рецензент посетил театр и видел, каким огромным успехом пользовалась «Ябеда» у зрителей. «И так бессовестные и законопреступные судьи, — пишет рецензент, — пронырливые сутяги, коварные ябедники суть отступники от России и от русских: они больны заразой иноплеменной. — Написав сии мысли, пошел я в театр. Раек, партер и даже ложи (которые редко бывают заняты в русском представлении) — все было наполнено. Без сомнения зрители стекаются не только для забавы, но и для пользы. Всякое слово, изъявляющее гнусность неправоты, ябеды и пронырства приказного, сопровождалось рукоплесканием. Хор, в котором сочинитель говорит, что руки даны нам природою для того, чтобы *брать и брать*, повторен был несколько раз. Картина играющих и пьяных служителей правосудия живо была представлена. Гражданский председатель, прокурор и проч. пили *пунш*, играли в *банк*, в *пикет*, в *рокамболь*; к счастию напиток и игры не наши. Некоторые из зрителей говорили: „так точно было в старину"... Зрители были довольны представлением комедии» («Русский вестник», 1808, ч. 1, стр. 115—116, 118).

В рецензии на постановку «Ябеды» в московском театре 12 мая 1812 года отмечалось, что «Ябеде» «по всей справедливости принадлежит неоспоримое право стоять на ряду с хорошими русскими комедиями... многие места в ней, — писал рецензент, — нравятся любителям правильной, веселой и замысловатой комедии, и что многие стихи гладкие и приятные доставляют все удовольствие, какого ожидать можно от стихов хороших» («Вестник Европы», 1812, ч. 63, стр. 148, 150).

Посвящение комедии «Ябеда» Павлу I. Печатается по рукописи, хранящейся в ИРЛИ (шифр: PII, оп. 1, № 36). Впервые было напечатано в книге «Ябеда. Комедия в пяти действиях» (СПб., 1798). Написано было в марте—апреле 1798 года. Это посвящение вместе с рукописью комедии Капнист послал 30 апреля 1798 года императорскому статс-секретарю Ю. А. Нелединскому-Мелецкому для Павла I. «Досады, которые мне и многим другим наделала Ябеда, — писал он в препроводительном письме к Нелединскому-Мелецкому, — причиною, что я решился осмеять ее в комедии; а неусыпное старание правдолюбивого монарха нашего искоренить ее в судах внушает мне смелость посвятить сочинение мое его императорскому величеству». Цензурное разрешение на напечатание настоящего посвящения было дано цензором Туманским 13 октября 1798 года.

Ябеда. Комедия в пяти действиях. Печатается по рукописи, хранящейся в ИРЛИ (шифр: PII, оп. 1, № 136). Рукопись беловая, на 62 листах (листы 1 и 62 чистые), в изящном красном кожаном переплете с золотым обрезом и орнаментальным тиснением. Бумага рукописи имеет водяные знаки 1796 года. Текст комедии писан здесь четким писарским по-

черком, имена действующих лиц писаны красными чернилами. В ряде мест рукописи имеются авторские поправки. В начале рукописи содержится посвящение комедии Павлу I. Эта рукопись, по-видимому, была поднесена через Ю. А. Нелединского-Мелецкого Павлу I. Рукопись поступила в Институт русской литературы из Библиотеки АН СССР, где она хранилась под шифром: 1.5.55.

До настоящей рукописи Капнистом была проделана длительная и большая работа над текстом комедии. Первоначальная редакция комедии была завершена им в 1792 году (см. ниже примечания к первоначальной редакции). Первоначальная редакция комедии имеет целый ряд существенных отличий. Язык первоначальной редакции комедии содержит в себе значительное число украинизмов.

Сличение текста первоначальной редакции комедии с окончательным ее текстом, который печатается в настоящем издании, показывает, что большинство стихов первой редакции подверглось позднее стилистической и смысловой обработке.

В первоначальной редакции комедии несколько раз упоминается Екатерина II. Ей посвящена песня Софьи (см. первоначальную редакцию комедии в разделе «Другие редакции»).

В 1793—1794 годах Капнист и его друзья усиленно хлопотали об издании комедии, но екатерининская цензура не разрешила печатать пьесу (см. ниже примечания к первоначальной редакции комедии).

После смерти Екатерины II Капнист вновь обратился в цензуру за разрешением издать «Ябеду». Рукопись комедии, представленная им в 1797 году на цензурование, хранится ныне в ГПБ (шифр: F.XIV.42). Рукопись занимает 135 страниц, писана на бумаге, имеющей водяной знак 1796 года. На первом листе рукописи имеется следующий текст разрешения цензора: «*Комедия под заглавием „Ябеда“* в Санктпетербургской цензуре рассматривана, и поелику в ней нет ничего противного данному ценсорам о рассматривании книг наставлению, для того сим к напечатанию и одобряется. Февраля 19 дня 1798 года. Коллежский советник Михаил Туманский. Секретарь Михайло Селистеник».

Рукопись испещрена цензорскими вычерками. В некоторых местах перечеркнуты целые страницы (см. раздел вариантов). По цензорским вычеркам можно судить о том, какие места комедии считались с точки зрения цензуры политически опасными. Цензорские вычерки имеют важное значение также и для изучения дальнейших изменений в тексте комедии, которые Капнист внес уже после того, как было получено разрешение цензуры на издание «Ябеды».

К цензурованному экземпляру рукописи комедии приложены два листа, на которых имеется текст посвящения комедии Павлу I, письмо статс-секретаря Ю. А. Нелединского-Мелецкого Капнисту от 29 июня 1798 года, в котором он извещает о согласии императора напечатать «Ябеду» с указанным посвящением, и письмо Капниста артисту А. М. Крутицкому от 30 сентября 1798 года, в котором он передает последнему право на издание комедии.

Цензурное разрешение на печатание этих приложений было дано через восемь месяцев после подписания цензором к печати основного текста комедии. Под текстом посвящения написано: «Сие посвящение и следующие при нем два письма напечатать при комедии „Ябеда“ Санктпетербургская цензура позволяет. 13 октября 1798-го года. Михаил Туманский».

Комедия «Ябеда» была издана отдельной книгой в октябре 1798 года в неполном виде, с учетом вычерков, сделанных в цензурном экземпляре рукописи. В основном тираже этого издания отсутствуют письма Ю. А. Нелединского-Мелецкого и Капниста, которые были приложены к цензурован-

ной рукописи комедии, хранящейся ныне в ГПБ. Эти письма имеются лишь в части тиража книги.

За два месяца до напечатания «Ябеда» была играна четыре раза на сцене Каменного театра в Петербурге и имела громадный успех. В исполнении роли Кривосудова отличился талантливый артист А. М. Крутицкий. Капнист, передавая ему право на издание комедии «Ябеда», писал ему в письме от 30 сентября 1798 года: «Верьте, милостивый государь мой! что к сему побуждаюсь я единственно желанием доказать пред всеми уважение, которое к дарованиям вашим ощущаю, и надеждою, что сочинение мое также благосклонно принято будет от вас читателями, как зрителями принято было» (см. II том настоящего издания).

Комедия вызвала ожесточенные нападки на Капниста со стороны реакционных кругов. Павлу I был подан донос, в котором указывалось, что в «Ябеде» содержится «явное попрание монаршей власти в ее ближайших органах». Имеется сообщение, пока не подтвержденное документами, о том, что Павел I на основании полученного им доноса приказал немедленно отправить Капниста в Сибирь; но после того, как просмотрел комедию сам в Эрмитажном театре, в тот же вечер приказал возвратить Капниста с дороги (см.: Д. Языков. Столетие комедии Капниста «Ябеда». «Русский вестник», 1898, август, отдел «Современная летопись», стр. 327—328; И. П. Капнист. Воспоминания о графе Петре Ивановиче Капнисте. Вступительная статья к кн.: П. И. Капнист, Сочинения, т. I, М., 1901, стр. XXI).

По указанию Павла I, 20 сентября 1798 года «Ябеда» была исключена из театрального репертуара, а 27 октября того же года все печатные экземпляры комедии были взяты от А. М. Крутицкого и отвезены в канцелярию императорского статс-секретаря Д. Н. Неплюева. Проводившей эту операцию петербургский военный губернатор граф фон дер Пален писал Д. Н. Неплюеву 27 октября 1798 года следующее: «По высочайшей воле государя императора отобранные мною от г. Крутицкого иждевением его напечатанные 1211 экземпляров комедии „Ябеды" при сем честь имею препроводить к вашему превосходительству» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, 556).

Мотивы запрещения комедии не были указаны.

Некоторыми исследователями было высказано предположение о том, что комедия «Ябеда» была издана в 1798 году дважды. По мнению А. И. Мацая, комедия была напечатана второй раз в 1798 году нелегально (А. И. Мацай. Подпольное издание комедии В. В. Капниста «Ябеда». «Филологический сборник Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко», т. 12, № 5, 1953).

Такое предположение А. И. Мацай основывает на том, что некоторые экземпляры первого издания комедии значительно отличаются по технике набора друг от друга.

Наблюдения над печатными экземплярами комедии «Ябеда», сделанные А. И. Мацаем, безусловно свидетельствуют о том, что комедия была напечатана дважды под маркой 1798 года. Поскольку текст комедии в обоих изданиях по своему содержанию ничем не различается, то можно предположить, что это были два «завода» одного и того же издания. В типографской практике XVIII века существовал обычай печатать тираж книги в два приема, или в два «завода». Опечатки и технические погрешности, оказавшиеся в первом «заводе», обычно исправлялись при печатании второго «завода». В таком случае, те экземпляры книги, которые А. И. Мацай относит к нелегальному изданию, вполне могут быть отнесены к первому «заводу» издания.

В. Н. Всеволодский-Гернгросс выдвинул новую гипотезу. Он предполагает, что в 1798 году комедия «Ябеда» действительно выдержала два

издания, но оба они были легальными. Первое из них было, по его мнению, сокращенным (В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Первые издания комедии В. В. Капниста «Ябеда» (1798). «Ежегодник Института истории искусства», Изд. АН СССР, 1955, стр. 425). Однако данная гипотеза В. Н. Всеволодского-Гернгросса не подтверждается имеющимися документами. Официальная переписка об отпечатании и изъятии тиража «Ябеды», а также переписка о возвращении экземпляров комедии А. М. Крутицкому свидетельствуют о том, что в 1798 году никакого сокращенного издания этой пьесы не было.

Текст, по которому печатается комедия в настоящем издании, был написан уже после разрешения цензурой комедии к печати, т. е. после 19 февраля 1798 года. В этой рукописи восстановлены почти все те вычерки, которые были сделаны в цензурном экземпляре; не восстановлены были лишь немногие места.

В настоящей рукописи комедии, хранящейся в ИРЛИ, заменен прежний текст песни Софьи новым. В прежнем тексте песни прославлялась Екатерина II, в новом текста имя Екатерины уже не упоминается. Эта рукопись содержит ряд существенных изменений. Сличение ее с цензурным экземпляром «Ябеды» показывает, что некоторые изменения были намечены Капнистом еще в цензурном экземпляре комедии.

Несколько таких изменений относится к вопросу о воспитании Софьи. В цензурном экземпляре комедии имеется рассказ Прямикова о том, что он впервые встретился с Софьей в монастыре, где она воспитывалась (имеется в виду Смольный монастырь в Петербурге, в котором находился Институт благородных девиц). Цензор вычеркнул упоминание о свиданиях в монастыре. Тогда Капнист вместо зачеркнутого текста написал следующее:

В Москве у тетки, где она и воспиталась,
Увиделся я с ней. Она мне показалась.
Влюбился. Был ей мил...

Этот последний вариант текста был затем перенесен в рассматриваемую нами рукопись. В этой рукописи уже нет упоминаний о том, что Софья когда-то воспитывалась в монастыре. Везде, где речь идет о воспитании Софьи, теперь указывается, что она воспитывалась в Москве у тетки.

Ряд изменений в рукописи относится к характеристике Прямикова, Феклы и частично к стилистической обработке языка Софьи.

Анализ изменений, внесенных в рассматриваемую нами рукопись, свидетельствует о том, что эта рукопись представляет собою одну из последних известных нам редакций «Ябеды». Эта рукопись имеет ряд преимуществ перед цензурным экземпляром комедии. Исправления, внесенные в нее Капнистом, делают стихи более совершенными. В ней значительно лучше обрисованы характеры Кривосудова и Феклы, полнее представлена линия взаимоотношений Прямикова и Софьи. Все это дает основание положить текст этой рукописи в основу дальнейших изданий «Ябеды».

Рукопись до сих пор не была напечатана в полном виде. Отдельные отрывки из нее были воспроизведены П. Н. Берковым в изданном им тексте «Ябеды» в книге «Русская комедия и комическая опера XVIII века» (1950).

Рукопись комедии, хранящаяся в ИРЛИ, подверглась позднее некоторым сокращениям. Было вычеркнуто несколько мест, являвшихся в политическом отношении наиболее острыми.

Кто же столь придирчиво и произвольно мог распоряжаться этой рукописью? Исследователи с полным основанием отмечали, что эта рукопись, так же как и предыдущая, прошла цензуру, хотя подписи цензора на ней и не стоит. На это указывали в своих работах Г. З. Кунцевич

(«Ябеда», комедия В. В. Капниста. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1906, т. XI, кн. 3, стр. 19—20) и А. И. Мацай («Ябеда» В. В. Капниста. Киев, 1958, стр. 86). В настоящем издании все цензорские вычерки нами восстановлены (подробное их раскрытие см. в разделе вариантов).

Я кистью Талии порок изобразил. Талия (гр.) — муза комедии.

Как регламент нагнуть, как вывернуть указы! Регламент — «Духовный регламент», составленный при Петре I, которым определялось положение церкви в государстве; в данном случае имеется в виду порядок судопроизводства.

В Зерцало взглянь судов: Петра черты священны. Зерцало — документ, состоящий из трех указов Петра I, в котором перечислялись основные правила делопроизводства в государственных учреждениях. «Зерцало» оформлено было в виде трехгранной призмы и должно было стоять на столе каждого учреждения. В указах Петра, содержащихся в «Зерцале», предписывалось заботиться об ускорении решения всяких дел и решительно запрещалось государственным чиновникам брать взятки.

Какой хабар! Хабар (укр.) — взятка.

Ба, ба! что вижу впрямь! да это двор гостиной! Гостиный двор (от слова «гость» — купец) — торговые ряды, построенные в XVIII веке в Петербурге и в ряде губернских городов.

Отнес; и вейновых чернил большую флягу. Вейновые чернила — чернила, изготовленные из слабого раствора вина, легко поддающиеся подчистке на бумаге.

Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает. Давыдовы гусли (от псалмопевца Давида) — арфа.

Зовите ж вечно вы меня Искариотом, Когда он искони не окрещен Федотом. Искариот (библ.) — Иуда Искариот, один из учеников Христа, предавший его. Федот (греческое имя Феодотес) — в переводе на русский язык Богдан.

Нет, не вздор: духовной доведу. Духовное завещание, по которому завещатель распределяет свое имущество наследникам.

Так по кормежной вмиг герольдия пашпорт... Герольдия — Департамент герольдии, ведавший сословными делами дворянства; «покормежный паспорт» приравнивал его владельца к лицам податных сословий.

Вы в Совестный бы суд пошли. «Совестный суд» был создан по «Учреждению о губерниях» 1775 года. Он учреждался один на целую губернию в составе совестного судьи (из дворян) и шести сословных заседателей. Юрисдикция (подсудность) совестного суда была весьма ограничена по положению, а на практике сводилась к нулю.

Я чаю в Уложеньи. Имеется в виду Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, представлявшее собою свод законов.

А также в Учрежденьи. Имеется в виду «Учреждение о губерниях» 1775 года.

Ясней всего Наказ. «Наказ» Екатерины II, данный в 1766 году Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения, не представлял собою свода законов. Ссылка на него судейскими чиновниками носила сугубо формальный характер.

Клорида и Милон. Пастушеская опера в одном действии. Печатается по тексту единственного издания 1800 года.

В бумагах Капниста, хранящихся в ИРЛИ, имеется писарская копия этой пьесы. Сюжет пьесы взят из древнегреческой жизни. Музыку к пьесе сочинил Е. И. Фомин. Пьеса была представлена первый раз в Петербурге 6 ноября 1800 года. Капнист в письмах своих выражает удовлетворение хорошим приемом у зрителей его пьесы.

В письме к В. А. Озерову в марте 1812 года Капнист называет свою маленькую Клориду полновесною по сравнению с трагедией «Гиневра», которая так и не увидела сцены. «Положу Антигону на Гиневру, — пишет он, — и прикрою обеих миниатюрною, но полновесною Клоридою, чтоб она их немножко придушила» (см. II том настоящего издания).

В издании 1800 года этой пьесы указаны исполнители ролей действующих лиц ее:

«Клорида пастушка. Г-жа Михайлова.

Милон	Пастухи.	Г-жа Воробьева
Мелест		Г-н Воробьев
Дамет		Г-н Петров».

Сганарев или мнимая неверность. Комедия в трех действиях. Это — переделка комедии Мольера «Sganarelle, on le cocu imaginaire».

Комедия была написана Капнистом в конце 1780-х годов. Тогда же она была, очевидно, играна на сцене петербургского Каменного театра. Капнист остался недоволен своей переделкой комедии. В сборнике своих сочинений, изданном в 1796 году, он поместил следующую автоэпиграмму на свой перевод этой комедии:

Никто не мог узнать из целого партера,
Кто в Сганареве смел так осрамить Мольера;
Но общий и согласный свист
Всем показал, что то Капнист.

В начале 1800-х годов Капнист несколько переработал текст комедии для новой постановки ее в Каменном театре. Рукопись первой редакции перевода комедии не сохранилась. В настоящем издании комедия печатается по копии, хранящейся в ГПБ (шифр: Q.XIV.29—40). Копия писана на 15 листах синей бумаги; находится она в составе рукописного сборника пьес конца XVIII—начала XIX века. На титульном листе комедии переписчиком сделано следующее примечание: «Сия пьеса играна была прежде под названием „Мнимой рогоносец“». В конце рукописи переписчиком указано время переписки им комедии: «Переписано 3 февраля 1808 года».

Впервые комедия была напечатана в 1849 году Александром Смирдиным в «Сочинениях Капниста».

После некоторого перерыва комедия была поставлена в петербургском Каменном театре 17 мая 1806 года. В смирдинском издании комедии указано: «Представлена на театре в С.-Петербурге в 1-й раз по возобновлении, в пользу актера Рыкалова 1806 мая 17 дня»

Новая постановка комедии вызвала у цензуры недовольство. Петербургский Цензурный комитет потребовал от Конторы дирекции императорских театров рукопись комедии на рассмотрение. Причины, вызвавшие такое недовольство, изложены в донесении цензора Тимковского в Петербургский цензурный комитет от 5 июля 1806 года. «Рассмотрев, — пишет Тимковский, — доставленную из Конторы дирекции императорских театров от 24 минувшего мая рукописную пиесу под названием: Сганарев или мнимый рогоносец, комедия в 3 действиях. из театра г. Мольера, вольный перевод в стихах, стр. 62, нахожу я, что в оной некоторые нескромные выражения, возбуждая постыдные идеи, оскорбляют скромное чувство благовоспитанной и образованной публики; почему долгом почитаю донести Комитету, что вышепомянутая пиеса не иначе, по моему мнению, представлена быть может на театре, как по исключении или переправке таковых непозволительных выражений в нижепоказанных местах:

На стр. 6

И медлить вкруг стола три раза прошагать.

Там же

Не токмо раза три шагом марш пройтить.

На стр. 7

Нет, барыш<ш>ня, ни с чем не может уж равняться
Раздолье к доброму хозяину прижаться.

На стр. 10

Для их то масленицы должна поститься я
И нашим уж добром сторонных угощает.

На стр. 11

Приятно под таким красавцем помахать.

На стр. 13

Которой уж с тобой — которой? Что со мною!
Которой уж с тобой... раздуло б вас горою.

На стр. 15

Не говорю про часть особы моея,
Которую назвать не осмелюсь я.

На стр. 31

Расцеловать свою дочь можно без зазора
И даже посреди всемирного собора.

(ЦГИАЛ, ф. 177 Санктпетербургского Цензурного комитета, оп. 1, № 8, 1806 г., лл. 118—119).

В соответствии с данным указанием цензора Тимковского Капнист внес в текст комедии исправления. Исправлено было частично и заглавие комедии: вместо «Сганарев или мнимый рогоносец» написано «Сганарев или мнимая неверность».

Металог трагедии «Гиневра». Печатается впервые, по рукописи, хранящейся в БУАН (шифр: I, 5667). Первая часть рукописи является автографом, вторая — писарской копией с поправками Капниста. Бумага рукописи имеет водяные знаки 1810 и 1812 годов. Краткое содержание трагедии «Гиневра», представляющее собою первоначальный набросок «Металога», хранится в двух экземплярах в ИРЛИ (ф. 122, № 4).

Трагедия «Гиневра» пока нигде не обнаружена. Она была написана в 1809 году. В декабре 1809 года Капнист послал из Обуховки в Петербург рукопись «Гиневры» А. Н. Оленину и директору театральной дирекции А. Л. Нарышкину. В письме к А. Н. Оленину от 15 декабря 1809 года Капнист писал: «Прошу собрать обыкновенный мой ареопаг, а именно: господ Оленина, Озерова, Энкеля, Шаховского, Марина, Крылова, Языкова, Гнедича с товарищи, как мужского, так и женского пола, и, прочитав мою трагедию, с должным подобострастием похерить как угодно, и тогда при письме моем, при сем прилагаемом, представить Александру Львовичу <Нарышкину>, и постараться, чтоб она сыграна была лучшими актерами» (см. II том настоящего издания).

Сюжет трагедии «Гиневра» Капнист взял из рыцарской поэмы итальянского писателя Людовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд». О связи своей пьесы с поэмой Ариосто он говорит в письме к А. Л. На-

рышкину от 15 декабря 1809 года. «И так всепокорнейше прошу, ваше превосходительство, — пишет он, — принять под покров ваш печальную Гиневру, как принял ее Ариостовой памяти неустрашимый витязь Риналд» (см. II том настоящего издания).

В песнях IV—VI поэмы Ариосто рыцарь Ринальд спасает от смерти дочь шотландского короля Гиневру (Джиневру), несправедливо обвиненную в измене. Капнист, как это видно из публикумего здесь «Металога», более или менее точно воспроизводит этот сюжет.

Поэма Ариосто «Неистовый Роланд» пользовалась в России большой популярностью. Она была переведена в Москве Петром Молчановым и издана в 1791—1793 годах в двух книгах (Неистовый Роланд, героическая поэма г. Ариоста. Переведена с французского). Рассказ о Гиневре (Джиневре) из песен IV—VI «Неистового Роланда» много раз использовался в европейской литературе и драматургии. Этот рассказ Шекспир положил в основу своей комедии «Много шуму попусту». В 1799 году французский композитор Мегюль использовал рассказ о Джиневре для своей оперы «Ариодан». Его опера была переведена на русский язык и издана в России в 1810 году отдельной книжечкой (Ариодан. Опера в трех действиях. Музыка Мегуля).

Капнистовская трагедия «Гиневра» не была поставлена на сцене. А. Н. Оленин, которому Капнист послал рукопись этой пьесы, дал о ней отрицательный отзыв, с которым Капнист не мог согласиться полностью. Отзыв Оленина не сохранился. Некоторое представление о нем дает письмо Капниста к А. Н. Оленину, писанное в августе 1810 года. «Зная меня так давно, — говорит в нем Капнист, — как тебе, мой друг, не стыдно так околично и скромно сообщить мне мысли твои о моей Гиневре? Неужель ты думаешь, что мое стихотворческое несамолюбие притворно? — Сказал бы просто, что самое лучшее место в трагедии конец: да и концы в воду. — Мне показалась она не хуже Клориды, которая, однако, зрителей довольно позабавила. Благодарю тебя, мой друг, искренно, что ты отдал ее, для скрытия под спуд, Анне Петровне. Весьма бы ты меня обидел, ежели б, потворствуя мнимому моему тщеславию, выпустил на посмеяние публики тринедельного моего недоноска» (см. II том настоящего издания).

«Металог» был закончен, как об этом свидетельствуют водяные знаки на бумаге рукописи его, не ранее 1812 года. Очевидно, в это время Капнист еще не терял надежды видеть свою «Гиневру» на сцене какого-либо театра. Замысел «Металога» был связан с предполагаемой Капнистом постановкой «Гиневры».

«Металог» написан в духе тех автоэпиграмм Капниста, в которых поэт, не щадя своего авторского самолюбия, иронизирует над недостатками своих сочинений. В «Металоге» Капнист, очевидно, стремился предупредить возможные нападки критиков на постановку трагедии.

Предисловие к трагедии «Антигона». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 87). Предисловие находится отдельно от основной рукописи трагедии. Оно написано на синей бумаге, имеющей водяной знак 1808 года. Время написания его, по-видимому, относится к 1814—1815 годам, когда Капнист готовил свои пьесы к печати.

Антигона. Трагедия в пяти действиях. Печатается впервые, по авторской рукописи, хранящейся в БУАН (шифр: I.5668). Рукопись беловая на 31 листе; текст писан черными чернилами, имена действующих лиц и ремарки — красными. Первые 28 листов писаны на белой бумаге, имеющей водяной знак 1809 года; последние три листа на синей бумаге, имеющей водяной знак 1813 года. Три последних листа

подшиты к основной рукописи вместо вырезанных из нее листов, на которых были сделаны поправки. На такой же синей бумаге написаны отдельные поправки к 1-му и 3-му действиям трагедии.

Начало работы над трагедией относится к 1809 году. Очевидно, Капнист начал ее писать вскоре после завершения трагедии «Гиневра». Имея в виду обе эти трагедии, он сообщает в письме к Н. И. Гнедичу от 29 сентября 1809 года следующее: «О себе сказать вам ничего не могу, кроме, что видя все вещи в мрачном виде, я сделался из комедиеписателей плачевным трагиком. Всему на свете череда. Я довольно на нем посмеялся и посмешил; приходит пора дать над собою посмеяться» (см. II том настоящего издания).

«Антигона» закончена была в основном в конце 1811 года. В январе 1812 года Капнист послал выписки из нее на отзыв драматургу В. А. Озерову. В начале февраля того же года В. А. Озеров прислал ему свои замечания на «Антигону», в которых рекомендовал переделать ее. В марте Капнист ответил В. А. Озерову пространным письмом, из которого видно, что весь текст «Антигоны» и предисловие к ней были уже закончены к тому времени. Отстаивая данный текст трагедии, Капнист пишет: «Я верю вам, что Антигона моя весьма несовершенна; и несмотря на все мои оправдания, не оправдится в своих погрешностях; но переработка оной вовсе мне невозможна. Я написал ее, равно как и Гиневру, по некоторому несчастному наитию, как говорит г-н Шишков, и одним духом. Не могу работать медленно поспешая, но просто взял да и написал. Поправлять люблю, переделывать для меня несносно» (см. II том настоящего издания).

Капнист посылал «Антигону» на отзыв А. С. Шишкову и Г. Р. Державину. Отзывы последних, так же как и отзыв В. А. Озерова, пока нигде не обнаружены. Некоторые замечания своих друзей Капнист учел и внес в трагедию соответствующие поправки (см. указанное выше письмо к В. А. Озерову).

По совету друзей Капнист вырезал последние три листа рукописи «Антигоны» и вместо них вставил новые листы с исправленным текстом.

В 1814 году Капнист хлопотал о постановке «Антигоны» на сцене Малого театра в Петербурге. Знаменитая актриса Е. С. Семенова изъявила желание исполнять роль Антигоны. Перед тем, как дать ей текст трагедии, Капнист внес в него еще несколько поправок. «Прошу покорно сказать Катерине Семеновне, — писал он Н. И. Гнедичу в начале 1814 года, — что человек, чрезмерно почитающий отличное дарование ее, ни в чем ей отказать не может. Она украсит мою, как известно, весьма некрасивую Антигону; следовательно, да будет она ей принадлежностию. Но, как я хочу, чтоб она хотя несколько достойна была той, которая сообщит ей свои прелести, то *обязан поприубрать ее, по совету друзей моих, как можно получше.* — Я надеюсь, что это скоро сделается» (см. II том настоящего издания. Разрядка наша, — *Д. Б.*).

Весной 1814 года Капнист приехал из Обуховки в Петербург, чтобы присутствовать на постановке «Антигоны». В письме к своей жене, Александре Алексеевне, из Петербурга от 8 мая 1814 года он сообщал о своих надеждах на успех постановки. «...мы ездим в театр, — писал он, — любуемся Семеновою. Какая трагическая актриса! Чудо и прелесть. Она выпросила у меня Антигону мою в свой бенефис; и в конце сего месяца играть будут. Авось либо не осмеют меня затем, что Семенова будет играть Антигону. — Трагедия моя ей очень полюбилась. Гнедич при мне ее читал Семеновой, и она от роли своей в восхищении. Это мне хорошую на успех надежду дает» (см. II том настоящего издания).

«Антигона» была представлена на сцене Малого театра 21 сентября 1814 года. Сохранилась афиша этой постановки, в которой сказано:

«14 год царствования импер. Александра I.

«1814 год, месяц — сентябрь 21.

«На Малом театре росс<ийскими> прид<ворными> актер<ами> дана буд<ет> в пользу актрисы Семеновой б<ольшой> 1 раз Антигона, траг<едия> в 5-ти д<ействиях> в стихах, соч<инение> В. В. Капниста.

Д<ействующие> лица:

Креон, царь фивский	Бобров
Антигона } дочери Эдипа, прежде бывшего царя фивского.	Семенова
Исмена	Степанова
Гемон	Брянской
Эльфенор	Каменогор<ский>
Эвриял	Толченов.
Воины».	

(Афиша хранится ныне в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина в Москве, ф. И. С. Носова, № 213857).

После первой же постановки «Антигоны» вокруг нее развернулась борьба. Тираноборческие идеи, содержавшиеся в трагедии, вызвали в реакционных кругах нападки на Капниста. Отголоском этой борьбы является анонимная рецензия на постановку трагедии, напечатанная в сентябрьской книжке журнала «Сын отечества» за 1814 год (№ 39). Рецензия носит двойственный характер. В начале ее сказано, что «трагедия не могла возбудить соучастия», а в конце ее сообщается о том, что «зрители были в очаровании» от нее. Рецензент, очевидно, не мог скрыть известного успеха «Антигоны» у зрителей, но он отнес этот успех за счет главным образом игры талантливой актрисы Семеновой. Тенденциозный характер названной рецензии отметил Г. Р. Державин. «Сожалею, — писал он в письме к сыну Капниста, С. В. Капнисту, от 8 октября 1814 года, — что рецензия в журнале Сын отечества на его Антигону не весьма ему одобрительна. Этого было должно ждать по известной партии» (Державин, Сочинения, т. VI, СПб., 1871, стр. 302).

После первого представления «Антигона» более не появлялась на сцене. Что она была раскритикована по политическим мотивам, по соображениям «известной партии», об этом Державин говорит в письме к Капнисту от 18 октября 1814 года. «Письмо твое дружеское от 11-го сего октября, любезный Василий Васильевич, получил. Журнал Сын отечества читал, посмеялся и кое-что подумал. О чем поговорю словесно, ибо к исходу сего месяца мы будем к вам, как снег на голову, который уже здесь выпал и зима наступает» (Державин, Сочинения, т. VI, стр. 302—303).

Содержание беседы Державина с Капнистом о причинах борьбы вокруг «Антигоны» остается неизвестным. Известно только то, что во время пребывания Державина в гостях у Капниста в Обуховке в ноябре 1814 года было решено прибегнуть, в целях защиты «Антигоны» от враждебных нападок критики, к такому же средству, к какому Капнист прибегал ранее с посвящением «Ябеды» Павлу I. На этот раз решено было обратиться к высокому покровительству императрицы Марии Федоровны. 4 ноября 1814 года были составлены два письма, одно — статс-секретарю императрицы В. И. Вилламову, другое — самой императрице (см. II том настоящего издания).

Однако обращение к императрице успеха не имело. Рукопись «Антигоны» осталась, как и предполагал Капнист, лежать на полке книжного шкафа с другими неизданными его рукописями.

Капнист, решительно отказавшись переделывать данный текст «Антигоны», пошел однако на то, что написал параллельно ему новую трагедию под таким же названием (см. раздел «Другие редакции»).

Другие редакции

Ода на рабство. ‹Первоначальная редакция›. Печатается впервые, по писарской копии, хранящейся в бумагах друга Капниста А. Н. Оленина в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ф. 211, шифр: 3619.II-2). Эта редакция значительно отличается от позднейшего текста оды, напечатанного в «Лирических сочинениях» (см. примечания к последней редакции оды). Написана она была в 1783 году. Один из рукописных списков ее находился у Г. Р. Державина. Державин считал, что если бы ода была напечатана при жизни Екатерины II, против крепостнической политики которой она была направлена, то Капнист несомненно подвергся бы за нее жестоким репрессиям. Когда Е. Р. Дашкова попросила у Державина рукопись этой оды для напечатания, то он ответил ей отказом. По этому поводу он писал Капнисту в Обуховку в марте 1786 года: «При сем препровождаю тебе, мой друг, твои сочинения, с которых копии княгине Дашковой я отдал. Она требовала оды и о рабстве; но я сказал, что ты оной не оставил, по причине, что не нашел в своих бумагах; а притом изъяснил ей, что ни для ее, ни для твоей пользы напечатать и показать напечатанную императрице тоё оду не годится и с здравым рассудом не сходно, на что она весьма согласилась и осталась довольною» (Державин, Сочинения, т. V, стр. 848—849).

Друзьям моим. ‹Первоначальная редакция›. Печатается по тексту «Сочинений», где стихотворение впервые было опубликовано. В иной редакции Капнист поместил его в «Лирических сочинениях». Написано в начале 1791 года, посвящено оно Г. Р. Державину и его первой жене Екатерине Яковлевне.

Ода на смерть Плениры. ‹Первая редакция›. Печатается по тексту «Сочинений», где впервые была опубликована. В переработанном виде Капнист поместил ее в «Лирических сочинениях».

Ода на смерть сына. ‹Третья редакция›. Печатается по тексту «Лирических сочинений».

Посвящение комедии «Ябеда» Екатерине II. Печатается по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5660). Посвящение могло быть написано в 1793—1794 годах, когда Капнист хлопотал об издании комедии; оно написано на бумаге, имеющей водяной знак 1791 года.

Российский Пиндар. Имеется в виду М. В. Ломоносов.

Ябедник. Комедия. ‹Первая редакция комедии «Ябеда»›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр I.5658). Рукопись состоит из двух сшитых одна с другою тетрадей в полный лист; писана на синей бумаге; бумага первой тетради имеет водяные знаки 1790 года, второй — 1791 года.

Рукопись состоит из 64 листов, имеющих архивную нумерацию, и одного вставного листа (лист 44а). Лист первый — чистый; второй — титульный лист; листы 3—39, 41—49 содержат текст комедии; листы 40, 56, 61—64 — чистые; листы 44а, 50, 51 (об.), 52—55, 57—60 содержат дополнения и поправки к основному тексту комедии.

Работа над данной рукописью, судя по авторским пометам на полях ее, протекала быстро. Капнист фиксировал свою работу над комедией по дням. Начал он ее в средине недели. На листе 6 (об.) им помечено: «234 ‹стиха› в четверг и пятницу»; на листе 11 помечено: «234 + 158 в субботу»; на листе 13 написано: «234 + 158 + 94 воскресенье». Таким

образом, первое действие комедии было написано за четыре-пять дней. На листе 20 (об.) помечено, что на следующей неделе в понедельник были написаны еще 244 стиха.

После того как основной текст комедии был написан, Капнист начал вносить в него поправки и дополнения. На обороте титульного листа он написал новое название комедии: «Ябеда». Здесь же он уточнил фамилии действующих лиц комедии. Ябедина переименовал в Праволова; Судейкину избрал две новых фамилии: Растлисудов и Кривосудов; Правикова переименовал в Прямикова; советникам Гражданской палаты, числившимся под номерами 1 и 2, дал фамилии: Бульбулькин и Атуев, первому асессору — Хотьрадбын, второму асессору — Паролькин; для губернского прокурора наметил три возможных фамилии: Взятковидцев, Тяпкин, Хватайков; секретаря палаты назвал Кохтиным, жену Судейкина — Феклой, дочь Судейкина — Елизаветой, а позднее Софьей, служанку Елизаветы — Анной, поверенного Ябедина — Наумичем, слугу Ябедина — Архипом, протоколиста — Добровым. Однако в тексте комедии фамилии действующих лиц в большинстве случаев остались прежние. Так, например, фамилия Ябедина сохранилась в 1-м, 2-м и 3-м действиях.

Настоящая редакция «Ябеды» была написана в 1792 году. В начале 1793 года комедия стала известна небольшому кругу друзей Капниста. «Но где же ваша Ябеда? — спрашивал Капниста приятель его Михаил Трохимовский в письме от 26 июня 1793 года. — Для чего она скрывается и на свет не показывается? Разве для нее особливых театров не надобно, неужели она, хотя с небольшими оттенками, играется в правосудных приказах? С какою жадностию я ее прочитать хотел! Вы меня лишили сего удовольствия» (БУАН, шифр: III.23782).

В 1793—1794 годах друзья Капниста Г. Р. Державин, Н. А. Львов и Ф. П. Львов усиленно хлопотали в Петербурге об издании «Ябеды» отдельной книгой. Для книги были заготовлены гравюры (виньеты). Переговоры об издании комедии велись с известным тогда типографом И. Шнором. Однако цензура, напуганная французской и польской революциями, не разрешила напечатать комедию. О препятствиях, не позволивших издать тогда «Ябеду», рассказал брат жены Капниста — Г. А. Дьяков. В письме к Капнисту в Обуховку от 13 мая 1794 года, посланном из Черенчиц Тверской губернии, он писал: «Федор [1] остался ‹в Петербурге› для отпечатания твоей комедии с Шнором, который весьма карячится. Не знаю, как он кончит, потому что разрешение твое о виньетах получил я только при отъезде своем. Комедию никак высвободить Гаврила Романович ‹Державин› не мог, а мне и поготова... Теперь же в Польше зачалась комедь, так о нашей не хстят и слышать» (БУАН, шифр: III. 23624).

Антигона. Трагедия в пяти действиях. ‹Вторая редакция›. Печатается по авторизованной копии, хранящейся в Ленинградской государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (шифр: № 15304). Рукопись писана на 39 листах в 4° двумя почерками; авторские поправки содержатся на листах: 3, 4, 8 (об.), 9 (об.), 10, 12 (об.), 13, 23 (об.), 24 (об.). Рукопись в бумажном переплете с кожаным корешком; на переплете имеется наклейка с надписью: «Российского придворного театра». К рукописи подклеен титульный лист на синей бумаге; на обороте его перечислены имена действующих лиц трагедии, относящиеся, однако, не к этой рукописи, а к первой редакции «Антигоны». Это свидетельствует о том, что в библиотеке Российского придворного театра в течение какого-то времени находились обе рукописи трагедии «Антигона».

[1] Имеется в виду Федор Петрович Львов, писатель, друг Капниста (см. выше примечание к стихотворению «Ответ Федору Петровичу Львову»).

Очевидно, вследствие оплошности библиотекаря или переплетчика титульный лист из первой рукописи был приложен ко второй.

По рукописи второй редакции «Антигона» была напечатана Александром Смирдиным в 1849 году в «Сочинениях Капниста». В смирдинском издании трагедии в 3-м явлении 1-го действия не был напечатан следующий текст речи Антигоны, в котором она говорит о том, что царский трон есть источник многих злодеяний:

О, трон! о блещущий, но тягостный венец!
Чтоб вами обладать, коль много забывают!
Рассудок кроют тьмой и совесть заглушают,
Степеньми мертвых тел достичь стремятся вас.
Но если бы цари, в порфиру облачась,
Все с нею бремена спряженны воспримали,
Далеко б все они владычества бежали.

В издании Смирдина ошибочно указано, что трагедия «Антигона» якобы была представлена в первый раз на сцене Малого театра в 1815 году. Выше мы уже отмечали, что эта трагедия по тексту первой редакции была представлена на сцене 21 сентября 1814 года. О постановке на сцене «Антигоны» по тексту второй редакции никаких данных не сохранилось.

К написанию второй редакции «Антигоны» Капнист приступил, очевидно, в конце 1814 года, когда окончательно выяснилось, что трагедия в первой ее редакции по политическим мотивам не может быть допущена более к представлению на сцене.

Во второй редакции «Антигоны» тираноборческие идеи несколько притушены. Трагедия в первой редакции кончается победой восставшего народа, который убивает тирана Креона. Во второй редакции трагедия кончается раскаянием Креона в своих злодеяниях. Здесь Капнист явно пошел на уступки своим критикам. Он поступил здесь вопреки тому, что сам ранее утверждал в письме к В. А. Озерову, писанном в марте 1812 года. «Ни один покаянный монолог тирана никого не тронул, — писал он тогда В. А. Озерову. — Все зрители разъезжаются при начале оного; а если кто-нибудь и остается, так единственно в ожидании, что авось либо бревно занавеси, опустившись, похоронит его на месте».

При работе над второй редакцией трагедии Капнист учел замечание рецензента, напечатанное в «Сыне отечества», относительно того, что его Антигона чрезмерно отягощена несчастиями. Говоря о блестящем исполнении актрисой Семеновой роли Антигоны, рецензент писал: «Она одна в состоянии представить сие трудное, можно сказать, неестественное лицо — неестественное потому, что перенесть так легко смерть братьев и смерть матери, как Антигона в I действии обязана переносить, — не в естестве человека» («Сын отечества», 1814, № 39, стр. 43). В 1-м действии первой редакции трагедии, действительно, Антигоне приходится переживать смерть не только своих братьев, Этеокла и Полиника, но и смерть своей матери, которая, не перенеся смерти сыновей, закололась над их трупами на поле боя. Во второй редакции трагедии о смерти матери никаких упоминаний нет.

Вторая редакция «Антигоны» отличается от первой иной композицией. В ней первое действие имеет другое содержание. Здесь введено новое действие, в котором Антигона совершает ночью за городскими стенами обряд погребения своего брата Полиника. Изменен здесь несколько и состав действующих лиц. В первой редакции трагедии в числе действующих лиц имеются: Исмена — сестра Антигоны, Элфенор — старый служитель Эдипа, Эврриял — наперсник Креона. Во второй редакции трагедии этих действующих лиц нет; вместо них включены другие: Эгина — наперсница Антигоны, Форбат — наперсник Креона, Димас — посол аргивский. И даже начертание

имен действующих лиц здесь несколько иное: Креонт — вместо первоначального Креон, Эмон — вместо первоначального Гемон.

Ранние произведения и планы

Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet. Anno 1774. Печатается по тексту «Санктпетербургского вестника» (1780, ч. VI, август). Впервые была напечатана в 1775 году отдельной листовкой.

Это — первое из известных нам произведений Капниста. Позднее Капнист критически отзывался о нем. В «Сатире I» он так пишет об этой оде:

Стихами слабыми и на чужом языке
Екатеринины пел славные дела.

В сборнике «Сочинений» Капнист сообщает об этой оде следующее: «Она была сперва особенно напечатана 1775 года, потом в 1780 году в августе месяце Санктпетербургского вестника, — а писана сочинителем на 17 году его возраста, чего однако ж он ни себе, ни глупому своему произведению в извинение не ставит» (Василий Капнист. Сочинения, 1796, стр. 58—59).

Оттоманская порта — дворец в Константинополе с пышными воротами (porte — дверь, ворота), где заседал совет министров древней Турции; в переносном смысле — Турция.

Война между Турцией и Россией, завершившаяся заключением 10 июля 1774 года Кучук-Кайнарджийского мирного договора, велась с 16 ноября 1768 года. За развитием и исходом этой войны с большим напряжением следила тогда русская общественность, так как в этой войне Россия поддерживала национально-освободительные стремления греческого народа, находившегося в течение ряда веков под турецким игом. Цель, которую Россия преследовала в этой войне, заключалась в том, чтобы вырвать из-под влияния Турции крымских татар и изгнать турок из Европы. Для осуществления этого намерения был создан так называемый «греческий проект», в котором предусматривалось восстановление греческой империи. Капнист, греческие предки которого очень пострадали от турецкого насилия, не мог не сочувствовать греческому народу в этой войне. С глубоким вниманием к национально-освободительной борьбе греков относился и А. Н. Радищев. Будучи тогда студентом Лейпцигского университета, он перевел в 1771 году на русский язык брошюру «Желания греков, к Европе христианской», написанную греческим патриотом князем Антоном Гики (см.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, М.—Л., 1941, стр. 225—228, 403—407).

Молю тебя, о бог Парнаса. Парнас — гора в Греции, по верованию древних греков, обиталище муз, покровительниц искусств; бог Парнаса — Аполлон (гр.), бог солнца и поэзии.

...подобно Икару, вознесшись к небесам, не упал бы оттуда. Икар — мифический древнегреческий герой, совершивший смелый полет в небо. Крылья, на которых он взлетел, были сделаны из перьев и воска. Когда воск растаял от жарких солнечных лучей, Икар упал в море.

Я вижу, как Слава и Фортуна с Минервою, с Нептуном. Фортуна (гр.) — богиня случая, счастья. Минерва (лат.) — богиня мудрости. Нептун (лат.) — бог морей.

И сия бесчеловечная Фурия... Фурия (лат.) — богиня мести, страшилище.

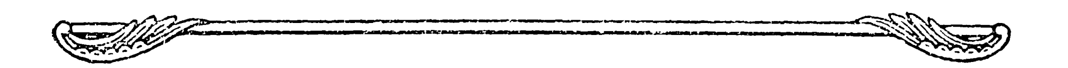
Напрасно поддерживает турка гордая Беллона. Беллона (лат.) — богиня войны.

Напрасно турок зовет себе на помощь отвратительного пророка. Имеется в виду пророк Магомет, религии которого турки придерживаются.

План комедии «Ябеда». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5657). Рукопись писана на 8 листах синей бумаги в 4°; бумага имеет водяные знаки 1790 года. План был составлен не позднее 1791 года. Имена действующих лиц комедии, названные в этом плане, как-то Честон и Судягин, отражают самый первоначальный замысел комедии; в дальнейших редакциях комедии названные имена были заменены другими.

План пьесы «Раскаявшийся человеконенавистник» Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5664). Рукопись беловая, текст плана обрывается на полуслове.

План трагедии «Антигона». Печатается впервые, по автографу Капниста, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 87). Рукопись писана на 7 листах синей бумаги в 4°, сшитых в тетрадь; бумага имеет водяные знаки 1810 года. План был составлен, вероятно, в 1811 году, когда Капнист посылал рукопись «Антигоны» своим друзьям на отзыв. Возможно, что копию этого плана Капнист посылал к В. А. Озерову. В письме к В. А. Озерову, писанном в марте 1812 года, Капнист говорит: «По самолюбию, сродному мягкоутробным отцам, ласкаю себя мыслию, что краткость сообщенной мною вам выписки обезобразила мое произведение» (см. II том настоящего издания).



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАПНИСТ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ I

*

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Е. Я. Лапинь, Б. Р. Флакс* и *Л. В. Шоренкова*

*

Сдано в набор 1/IX 1960 г. Подписано к печати 24/XI 1960 г. РИСО АН СССР № 6—7Р. Формат бумаги 60×92 1/16. Бум. л. 24 1/8. Печ. л. 48 1/4=48 1/4 усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 45.05+1 вкл. (0.02). Изд. № 1213. Тип. зак. № 823. Тираж 4500.

Цена 29 р. 20 к., с 1 января 1961 г. 2 р. 92 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12